

● Orientalia
et Classica
XXIV

Япония
в эпоху Хэйан
(794–1185)

Хрестоматия

Orientalia
et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**

Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue XXIV

Heian Japan in the Historical Documents

(794–1185)

Compiled, introduced,
commented and translated
from Ancient Japanese
by *M.V. Grachyov*

Moscow
2009

Российский
государственный гуманитарный
университет

● *Orientalia*

et *Classica*

Труды Института восточных культур
и античности

Выпуск XXIV

Япония в эпоху Хэйан

(794–1185)

Хрестоматия

Составление, введение,
перевод с древнеяпонского
и комментарии

М.В. Грачева

Москва
2009

УДК 94(520)
ББК 63.(5)я73
Г75

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур в античности

Выпуск XXIV

Под редакцией И. С. Смирнова

ISBN 978-5-7281-1085-9

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009
© Институт восточных культур
и античности, 2009

Содержание

М. В. Грачёв.

Нормы и ценности повседневной жизни японской знати эпохи Хэйан 7

Переводы

Вновь составленные списки родов («Синсэн сёдзироку», 815 г.)	31
Мнения сановников в шести пунктах («Кугё икэн рокукадзё», 824 г.)	43
<i>Ёсиминэ-но Ясүё</i> (785—830).	
Необходимо восстановить прежний порядок отбора на места учеников и самых выдающихся выпускников литературного отделения [Дайгаку]	46
[Свод] законов-рё с официальными пояснениями («Рё-но гигэ», 833 г.)	49
<i>Мияко-но Ёсика</i> (834?—879).	
Спор о распознавании ума и глупости. «Бэнью-о вакимаэру рон»	53
Записи о горе Фудзияма. «Фудзияма ки»	55
Надпись на бутылочке для сакэ	57
<i>Татибана дзонагон</i> (<i>Татибана-но Хироми</i> , 837—890).	
Фудзивара-но Асоми Токихира, не имеющий ранга	58
<i>Сугавара-но Митидзанэ</i> (845—903).	
Стихотворения-канси	
Сакэ	59
Веер	59
Кисть	59
Проаживаясь в конце зимы по усадьбе [рода] Фуми[я], наслаждаюсь первыми цветами снывы в саду	61
Записки из кабинета учёного («Сёсайки», 893 г.)	62
Классифицированные нормативные установления трех периодов («Руйдзю сандай кяку», нач. Х в.)	64
<i>Миёси-но Киётоки</i> (847—918).	
Рекомендации в двенадцати пунктах («Икэн дзюни кадзё», 914 г.)	68

<i>Минамото-но Фусаакира</i> (?—940).	
Увидев два [седых] волоска («Нимо-о миру», нач. X в.)	95
<i>Последующий ученый [из рода Оэ] (Оэ-но Асацуна, 886—957).</i>	
Первый доклад господина Саданобу с прошением об отставке с поста регента-сэссё (930 г.)	96
<i>Оэ-но Асацуна</i>	
Государев указ в ответ на прошение господина Саданобу об отставке с поста регента-сэссё (930 г.)	98
<i>Сугавара-но Фумитоки</i> (899—981).	
Рекомендации из трёх пунктов («Фудзи микадзё», 957 г.)	99
<i>Фудзивара-но Моросукэ</i> (908—960).	
Наставления Правого министра Кудзё («Кудзё доно юйкай», сер. X в.)	104
Записи о Масакадо («Сёмонки», сер. X в.)	109
<i>Ёсисигэ-но Ясутанэ</i> (934?—1002).	
Записи из беседки у пруда («Титэйки», 982 г.)	141
<i>Фудзивара-но Акихира</i> (989?—1066)	
Памятные надписи. Любимые изречения	146
Новые записи о <i>сафугаку</i> («Синсаругакуки», сер. XI в.)	147
<i>Оэ-но Масафуса</i> (1041—1111).	
Записи о <i>юдзё</i> . «Юдзёки»	154
Записи и размышления О[э-но Масафуса] («Годансё», нач. XII в.)	156
Приложение 1	
Структура центрального аппарата управления (по данным законодательных сводов)	219
Четыре разряда должностей	223
Соответствия между рангом и должностью в местном аппарате управления (период Хэйан)	225
Министерства и управления в Японии периодов Нара и Хэйан	227
Центральный аппарат управления в период Нара	228
Центральный аппарат управления в период Хэйан (система <i>сэккан сэйдзи</i>)	229
Центральный аппарат управления в период Хэйан (система <i>инсэй</i>)	230
Приложение 2	
Система мер и весов	233
Приложение 3	
Карта Японии (периоды Нара и Хэйан)	239
Примечания	243

Нормы и ценности повседневной жизни японской знати эпохи Хэйан

Описание истории — зеркало народного воспитания, мост, перекинутый между вчера и сегодня. Это зеркало, указывающее нации путь в будущее, так что и лексика в историческом сочинении должна быть подобрана соответственно.

Фукудзава Юкити (1834—1901)

В XX столетии кардинально изменилось положение истории в обществе. Постепенно меняются и наши представления об истории, и наше историческое сознание. Основная же цель истории — делать прошлое наглядным и понятным для современников. Тем не менее, для «современных людей» характерны и другие подходы к пониманию сущности и назначения исторической науки.

Будучи одним из главных источников вдохновения для представителей творческой элиты, прошлое тесно связано с ее настоящим. Прошлое любой страны (и Япония не является здесь исключением), как нам известно, это отчасти результат настоящего. Мы непрерывно изменяем собственную память, переписываем историю, переформируем реликты.

Но как бы заманчивы ни были наши мотивы, стремление изменить (или просто «подкорректировать») прошлое, тем не менее — часто вынужденная задача. Все это обостряет контраст между той историей, которая была, и той, которую мы хотели бы иметь. Иными словами, желание изменить прошлое — обычная и столь же напрасная реакция на дилемму, с которой сталкивается каждый из нас: события прошлого сформировали мир и нас самих такими, какие мы есть, но при этом мы знаем, что свершившиеся события не были жестко определены и могли носить чисто случайный характер.

Представляется, что культура любой страны (и Японии не исключение) — построение многоярусное. И если высшее ее проявление — искусство, то «культура быта», несомненно, ее фундамент, на котором стоит все здание. Человек начинает обучаться искусству поведения в обществе с детства, как родному языку, и обычно не отдает себе отчета в том, каким огромным количеством навыков, «слов» этого культурного языка он овладевает. Это — естественный путь развития, но есть примеры, когда человек должен вести себя определенным образом, когда каждый его жест приобретает особое значение, например, при дворе государя, в буддийском храме или синтоистском святилище. Перед нами ритуальное поведение, и правилам такого поведения человек учится, как иностранному языку, нарушать «грамматику» этого поведения не только не позволительно, но и опасно.

Интерес к опыту и переживаниям отдельного человека, будь он представителем придворного общества или деревенской общины, является стержневым элементом нового видения историков. И в этой связи приобретают особое значение исторические материалы, которые в современном источниковедении относят к «источникам личного происхождения».

Начало формирования японской исторической науки связывается с периодом Мэйдзи (1868—1912). В то время происходит оформление политической идеологии «нового» режима. Огромное значение для создателей мэйдзийской государственности приобрел «образ прошлого». Просветители периода Мэйдзи, используя «достижения» исторической науки, попытались сконструировать наиболее приемлемый (с точки зрения общегосударственных интересов) «образ исторической действительности». В рамках такого подхода к «выправлению» истории родной страны был разработан и соответствующий потребностям государства вариант истории периода Хэйан.

Важнейшей особенностью «исторической действительности» эпохи Хэйан, по мнению идеологов периода Мэйдзи, должен был стать принцип, согласно которому японский государь в конце VIII—XII веках более царствовал, чем реально правил. Более того, в это время наблюдалось политическое доминирование дома Фудзивара, являвшегося основным поставщиком невест для представителей государева рода, вследствие чего государь оказался подчинен Фудзивара через систему родственных отношений. В то же самое время властные функции японского государя значительно минимизировались, и к IX столетию он сохранил за собой только функцию по обес-

печению плодородия. Что же касается функции движения, то ее редукция в период Хэйан была очевидна. Иными словами, государь был отстранен домом Фудзивара от возможности контролировать подведомственную территорию^[1].

Еще одна особенность японской исторической науки, начиная с периода Мэйдзи, заключалась в том, что история и культура периода Хэйан рассматривались через призму художественной литературы, поскольку литературные источники как нельзя лучше подходили для обоснования «политической слабости» государя. Безусловно, памятники «блестящей литературы» эпохи Хэйан содержат материал, без которого исследование истории и культуры данного периода было бы невозможным, но очевидно и то, что подобное исследование не должно ограничиваться изучением только литературных произведений.

Более того, особенно популярная у современных исследователей реконструкция поведенческих установок представителей хэйанской аристократии на материалах «моноготари» (повествовательные произведения) и «дзуйхицу» (эссэ) может привести к результатам весьма далеким от истинного положения вещей. Так, многие исследователи в своих изысканиях приходили к выводу, что гедонизм и эфемерность бытия — суть самые важные критерии в жизни знатного хэйанца^[2], которые не только определяли правила поведения, но и могли способствовать служебному продвижению. При этом, зачастую, упускалось из виду то, что сами авторы литературных произведений в своем творчестве могли придерживаться собственной концепции красоты, согласовывая с ней описание поведения персонажей^[3]. Именно такой «искусственно» созданный вариант истории и стал постулироваться как «правильный». Один из ведущих специалистов по истории придворной культуры периода Хэйан Мэдзаки Токуэ считал, что именно «культ красоты» и «служение прекрасному» являлись для аристократов важнейшими жизненными принципами, руководившими их действиями и мышлением^[4].

Только в 90-е годы XX столетия отношение к истории Хэйан стало изменяться. Против взглядов Мэдзаки Токуэ выступил Яманака Ютака, который в ряде своих работ подверг резкой критике традиционный взгляд на сущность придворной культуры в период Хэйан. Подвергнув скрупулезному изучению официальные исторические своды VIII—XII веков, Яманака Ютака убедительно показал, что официальный историк не только отбирал исторические события с точки зрения политической конъюнктуры, но и своим описанием

(языком, культурой, политическими пристрастиями и личностными биографическими характеристиками) неизбежно искажает их. Любой хронист изображает происходящее со своей точки зрения. Даже при всем желании отобразить какое-либо событие объективно, автор текста оставляет на нем следы своей уникальности, связанные как со своеобразием личности (ценностей, установок, определяемых принадлежностью социальной группе), так и конкретной жизненной ситуацией. По этой причине экстраполировать представления Мурасаки сикибу, Сёй Сёнагон, Ки-но Цураюки, Фудзивара Митинага и других выдающихся личностей на всю культуру эпохи Хэйан (794—1185) в целом некорректно.

Исследуя дневники хэйанской аристократии (яп. кокироку) Яманака Ютака, пришел к выводу о необходимости осторожного отношения к информации, содержащейся в дневниковой литературе. Японский специалист считал, что одни авторы могли сообщать в дневниках недостоверную информацию, следуя своим наклонностям, другие, исходя из предпочтений, а третьи, стараясь достичь блага — по низости натуры, либо опасаясь зла, — вследствие малодушия и страха. Бывают и такие, кто сообщал неправду по невежеству, слепо повторяя сведения, полученные от других людей.

По мнению этого исследователя, понимание поведенческих установок и жизненных приоритетов представителей хэйанской знати невозможно без изучения всей совокупности придворной литературы (государственные хроники, своды законов, дневники аристократов, собрания изящной словесности, актовый материал и т. д.). Только в этом случае можно получить целостное представление о жизни придворного общества эпохи Хэйан^[5].

Период Хэйан часто называется в японистике (и не без должных на то оснований) временем складывания самобытной «национальной культуры» (яп. кокуфу бунка), когда произошло гармоничное сочетание китайской образованности с местными традициями.

Важнейшим компонентом феномена «кокуфу бунка», по общему мнению современных специалистов, являлась придворная культура, основными носителями которой были столичные аристократы^[6]. Эта категория образованных людей считала себя не только наследниками древнекитайских «благородных мужей» (кит. цзюнь цзы) и их особого образа жизни, но и с почтением относилась к японским обычаям.

Особенностью политической жизни государева двора в древней и средневековой Японии являлся исключительный интерес правяще-

го слоя к вопросам церемониала и всевозможных регламентаций жизни чиновничества. Такие регламенты начали составляться уже в древности и по мере консолидации чиновничьего аппарата и накопления опыта бюрократической практики стали охватывать все стороны деятельности чиновников. Одним из магистральных направлений такой регламентации можно назвать выработку наиболее оптимальных форм официальной документации.

Ранние примеры классификации письменных документов, по всей видимости, следует отнести к началу VIII века. В то время словесность понималась как сумма жанров деловых и изысканных, но интересы формирующегося государства диктовали в первую очередь необходимость определения именно разновидностей деловой словесности.

Кодекс «Тайхорё» (701—702 гг.) устанавливал следующие формы официальной документации.

1. Именные указы государя (сёсё).
2. Государевы рескрипты (тёкуси).
3. Большая докладная государю (рондзо).
4. Средняя докладная государю (дзодзи).
5. Малая докладная государю (бинсо).
6. Распоряжения наследника престола (котайси-но рэйси).
7. Доклад наследнику престола (кэй).
8. Доклад Палаты инспекций (содан).
9. Срочное сообщение (тоэки).
10. Доклад в вышестоящее ведомство (гэ).
11. Извещение (и).
12. Распоряжение Большого государственного совета (фу).
13. Уведомление (тё).
14. Заявление (дзи).
15. Ранговая грамота, пожалованная указом государя (тёкудзю ики).
16. Ранговая грамота, предоставленная Большим государственным советом (содзю ики).
17. Ранговая грамота, выдаваемая Большим государственным советом (хандзю ики).
18. Общий отчет, предоставляемый всеми провинциями Большому государственному совету (Дайдзёкан кайсёкоку оёби сёси).
19. Отчёт, предоставляемый провинциями Большому государственному совету (сёкоку оканкай).

20. Отчет, предоставляемый ведомствами Большому государственному совету (сёси оканкай).
21. Проходная грамота (касё)^[7].

Есть немало документальных свидетельств, что бюрократическая государственность в Японии нуждалась в разветвленном делопроизводстве и строгой документации. Тем не менее, при оформлении форм деловой словесности японцы лишь частично воспользовались китайским опытом, который, несомненно, был им знаком, разработав свои собственные формы документов.

IX век ознаменовал новый этап оформления жанровой специфики японской литературы. В 819—820 гг. монах Кукай (774—835) создает свой выдающийся труд — «Бункё хифурон» («Размышления о тайной сути зеркала словесности»). Это произведение, превосходящее все существующие к тому времени литературные трактаты, как по «степени систематичности классификации», так и по «глубине анализа изящной словесности»^[8], на долгие годы стало источником вдохновения для интеллектуальной элиты. Размышляя о пятнадцати наиболее важных понятиях словесности, автор «Бункё хифурон» четко обозначил новое определение деловой и изящной словесности. В понимании Кукая изящная словесность — это некая совокупность поэтических и обрядовых жанров, а деловая словесность включала в себя различные формы делопроизводственной документации^[9].

Во второй половине IX столетия особой популярностью стали пользоваться труды энциклопедического характера. В таких работах содержался классифицированный по различным темам и рубрикам материал, охватывающий многие отрасли знания. Исследователи полагают, что речь идет о появлении нового типа письменных памятников — справочных текстов. Такие «энциклопедические» справочники составлялись с чисто практическими целями и были призваны служить необходимой чиновничеству в его повседневной деятельности суммой знания своего времени, справочными материалами по всем вопросам, которые могли представлять интерес для служилого человека.

Одним из самых известных творений энциклопедического свойства по праву считается «Руйдзю кокуси» (Классифицированная история страны), представленная в 892 г. государю Уда (887—897) группой придворных ученых под руководством главы Государевой канцелярии (Куродо докоро) Сугавара-но Митидзанэ^[10]. Это было

грандиозное по тем временам сочинение, состоящее из 200 свитков, из которых до наших дней сохранилось только 62^[11]. Существует предположение, что хотя «Руйдзю кокуси» и была составлена по образцу китайского энциклопедического свода «Ивэнь лэйцзюй», но, по мысли составителя Сугавара-но Митидзанэ, должна была затмить это прославленное китайское сочинение, а потому «Руйдзю кокуси» была составлена из 200 свитков, в то время как «Ивэнь лэйцзюй» состояла только из 100 свитков^[12].

Следует признать, что «Руйдзю кокуси» лишь отчасти повторяет тематическую рубрикацию «Ивэнь лэйцзюй»^[13]. Более того, по авторитетному мнению исследователя хэйанской литературы на камбуне Кавагути Хисао, существовавший с IX по XII вв. в придворной письменной культуре жанр «энциклопедий» (яп. руйдзю) имел существенные отличия от своего китайского прототипа и включал следующие разделы: «небесные и земные божества», «государь и его род», «женская половина государева дворца», «биографии чиновников», «ежегодные ритуалы», «музыка и развлечения», «придворные пиры», «подношения и пожалования», «политическая практика», «наказания и законы», «служебная иерархия», «образцы письменной документации», «система землепользования», «счастливые предзнаменования», «дурные знамения», «буддизм», «японские обыкновения» и «иностранные обычаи»^[14].

«Руйдзю кокуси» заложила основу литературной формы энциклопедий, где каждая рубрика открывалась определенной словесной формулой, своего рода заголовком, выделявшимся крупными иероглифами. Далее помещались выдержки из различных официальных документов с целью проиллюстрировать заданную тему. Следует особо отметить, что речь в первую очередь шла о совокупности материалов, которые могут быть названы первичными источниками и это существенно повышает источниковедческую ценность энциклопедических сводов. Во-первых, произведения-«руйдзю» дают систематическую подборку материала на определенные темы и в значительной степени упрощают работу с другими памятниками исторического свойства. Во-вторых, они содержат колоссальное количество сведений, отсутствующих в других источниках.

В X веке практика составления энциклопедий приобрела еще больший размах.

Так, в «Руйдзю сандай яку» («Классифицированные нормативные установления трех периодов», нач. X в.) содержатся сгруппированные в 81 тематический раздел 1102 единицы документации, ох-

ватывающие промежуток с 702 по 907 гг. Раздел, посвященный синтоистским святилищам, к примеру, включал 12 официальных документов, а раздел «дела уездных управ» — 37 документов различного жанра.

Таким образом, в период Хэйан происходит стандартизация письменных текстов с целью лучшего усваивания социально значимой информации. По сути, произведения жанра «руйдзю» представляли собой некоторый аналог «шпаргалок» на случай необходимости. В данной ситуации нет ничего необычного в том, что придворная знать обращалась к таким сочинениям, поскольку при дворе существовало просто грандиозное количество различных ритуалов, форм документации, запретов и т. д., а, следовательно, учитывать все нюансы придворной жизни было, зачастую, весьма затруднительно. В этом случае справочники, в которых содержались необходимые сведения, позволяющие с достоинством выйти из разных затруднительных ситуаций, стали популярны при дворе^[15].

Во второй половине X столетия в Японии происходит дальнейшее развитие литературных жанров и наиболее известные авторы предпочитали обращаться к различным жанрам. Всё это в немалой степени поспособствовало тому, что к XI веку массив текстов, созданных японцами, оказался весьма многочисленным. Более того, японцами были накоплены обширные знания в области китайской литературы, что позволило перейти на более высокий качественный уровень осмысления своего письменного наследия.

В общем идея составления собраний образцов для написания письменных творений не оставляла японских авторов несколько столетий. Но самым известным в этом плане собранием по праву считается «Хонтё мондзуй» (Литературные стили нашей страны), которое было составлено в промежутке между 1037 и 1045 годами.

На сегодняшний день в рамках расширения предметного поля исторических исследований отношение к древним и средневековым историческим источникам в японской историографии характеризуется значительной гетерогенностью. Наряду с новыми подходами, сформулированными в рамках истории идей, истории представлений и истории ментальностей, продолжают доминировать черты, присущие классическому источниковедению, традиционной филологической критике или лингвистическим построениям. Однако за последние полтора десятилетия в японской историографии несомненно наметился прогресс в изучении «подлинной» истории эпохи Хэйан, и в работах отдельных исследователей различные подходы к изу-

чению исторических источников комбинируются, более или менее удачно дополняя друг друга^[16].

При составлении хрестоматии были поставлены следующие задачи, обусловленные практической значимостью данного издания:

- во-первых, представленная работа способствует восполнению различных пробелов в исследованиях по истории периода Хэйан, а положения и выводы, содержащиеся в ней, могут быть полезны исследователям, изучающим историю и культуру Японии в древности и средневековье;
- во-вторых, собранный фактический материал в совокупности с текстами периода Хэйан целесообразно использовать при подготовке учебных пособий по истории и источниковедению истории Японии в древний и средневековый периоды, лекционных курсов и семинарских занятий в высших учебных заведениях;
- в-третьих, представленные в хрестоматии хэйанские тексты могут послужить основой для составления учебного пособия по классическому японскому языку эпохи Хэйан;
- наконец, в-четвертых, данная работа может послужить хорошим подспорьем при написании студентами курсовых и дипломных работ по истории древней и средневековой Японии.

Как известно, историк не может существовать без «источника», ибо в основе любой исследовательской стратегии лежат принципы и методы извлечения данных о человеке и обществе из исторических источников^[17], важнейшее место среди которых, по праву, занимают письменные источники. Материал, необходимый для изучения исторического сознания далеких эпох, могут предоставить самые разные тексты. Строго говоря, он содержится везде, где говорится о прошлом или осмысливается настоящее для авторов или составителей памятников. Для истории древней и средневековой Японии, разумеется, наиболее полно он представлен в собственно «исторических» произведениях — государственных хрониках, сводных исторических трудах, указах государя, распоряжениях Большого государственного совета, докладных записках и т. д. Однако только количественный подход, неизбежно придающий исследованию социологический характер, в данном случае, кажется, не слишком себя оправдывает, поскольку каждый памятник исторической мысли уникален и может рассматриваться самостоятельно. Более продуктивным в этом смысле представляется сочетание количественного и качественного

анализа, когда происходит интенсивное изучение каждого конкретного сочинения. С одной стороны, такой подход позволяет обнаружить то общее, что характеризует историческое сознание эпохи в целом. С другой стороны, максимально персонифицировать предмет исследования и наполнить безликие надличностные категории индивидуальным содержанием, увидеть, как общие культурные модели функционируют в умах различных людей.

Ниже публикуются комментированные переводы нескольких разножанровых произведений периода Хэйан^[18]. При отборе текстов для перевода за основу были взяты два литературных собрания:

1. «Хонтё мондзуй» (Литературные стили нашей страны, сер. XI в.)^[19] — антология изящной словесности, составленная знаменитым конфуцианским учёным и государственным деятелем Фудзивара-но Акихира (989?—1066);
2. «Годансё» (Записи и размышления О[э-но Масафуса], нач. XII в.) — собрание историй из придворной жизни, созданное знаменитым литератором Оэ-но Масафуса (1041—1111) и записанное его учеником Фудзивара-но Санэканэ (1085—1112).

Японские исследователи предполагают, что прототипом и важнейшим источником при составлении «Хонтё мондзуй» (14 свитков) была «Тан вэнь цуй» («Литературный стили эпохи Тан»), составленная в 1011 году группой китайских придворных ученых под руководством Яо Сюня. До нашего времени текст «Тан вэнь цуй» полностью не сохранился и в этом заключается основная причина невозможности осуществления сопоставительного анализа «Тан вэнь цуй» и «Хонтё мондзуй» на предмет соответствия их жанровой специфики. Однако сохранившиеся свидетельства исторического свойства позволяют предположить, что источником вдохновения для составителей «Тан вэнь цуй» послужила литературная антология «Вэнь сюань».

В общем, в «Хонтё мондзуй» были представлены следующие литературные жанры (переводы условны; специфику одного жанра зачастую невозможно отличить от другого).

№№	Название жанра	Количество произведений	Ститок
3	Микотонори (именные указы правителя)	6	2
4	Тёкусё (письмо-ответ на указ государя)	1	2
5	Тёкуто (письменное послание в ответ на указ государя)	7	
6	Ики (прошения о повышении в ранге)	2	2
7	Тёкуфу (указ государя, прошедший обсуждение в Большом государственном совете)	3	2
8	Канфу (распоряжения Большого государственного совета)	3	2
9	Икэн фудзи (секретные доклады на высочайшее имя)	3	2
10	Сакубун (письменный ответ на вопрос экзаменатора)	13	3
11	Тайсаку (экзаменационное сочинение)	13	3
12	Рондзо (Доклад Большого государственного совета по ключевым вопросам политики)	2	4
13	Хё (представление, оповещение)	46	4—5
14	Дзодзё (доклад трону)	37	5—7
15	Сёдзё (почтительное обращение к вышестоящему)	16	7
16	Дзё (предисловие)		
16—1	Сёдзё (предисловие к различным трактатам)	6	8
16—2	Сидзё (предисловие к антологиям стихотворений «канси»)	139	8—11
16—3	Вакадзё (предисловие к антологиям стихотворений «вака»)	11	11
17	Си (хвалебные слова)	1	12
18	Гё (сентенция)	1	12
19	Фуми (эссе)	1	12
20	Сан (панегирик, восхваление)	5	12
21	Рон (рассуждение)	1	12
22	Мэй (памятные надписи)	9	12
23	Ки (записи)	5	12

№№	Название жанра	Количество произведений	Смток
24	Дэн (жизнеописание)	2	12
25	Тё (сообщение, уведомление)	5	12
26	Сюкубун (поздравление)	1	12
27	Кисэйбун (ходатайство, заявление)	1	12
28	Хоге (сообщение об исполнении приказаня)	1	12
29	Кинсэй (запреты)	1	12
30	Тайдзё (оповещение о событии)	1	12
31	Ракусё (памфлет ^[20])	2	12
32	Сайбун (речи во время обрядов-«мацури»)	3	13
33	Дзюган (клятвенный обет)	2	13
34	Хёбьякумон (провозглашение осуществляемое во время буддийского священнодействия)	1	13
35	Хацуганмон (клятва)	1	13
36	Тисикимон (особая формула в буддийском церемониале)	1	13
37	Кайбун (ответное письмо)	1	13
38	Гаммон (письменная молитва)	27	13—14
39	Фудзюмон (молитвословия во время заупокойной службы, поминальные тексты для чтения вслух)	6	14
Всего		427	14

Не менее интересным источником для восстановления повседневной жизни хэйанского двора и аристократической усадьбы является произведения жанра «гэндан», которые, согласно классификации современной источниковедческой науки, следует отнести к «эссеистике». «Гэндан» — это вид исторических источников с неопределенным адресатом, направленных на передачу уникального опыта индивида.

Самым известным образцом жанра «гэндан» общепризнанно считаются «Записи и размышления Оэ-но Масафуса» («Годансё»).

Большинство специалистов по истории японской литературы полагает, что авторство рассказов «Годансё» принадлежит Оэ-но Масафуса (1041—1111) — выходца из рода Оэ, представители которого

профессионально занимались изучением китайской классической литературы. Оэ-но Масафуса имел богатый опыт государственной службы и за время своей чиновничьей карьеры прошел путь от управителя провинции Бидзэн до «исполняющего обязанности старшего придворного советника (яп. гон-дайнагон) и наставника наследного принца, будущего государя Сиракава (1072—1086)^[21].

Однако большую известность Оэ-но Масафуса принесли его успехи на поприще изучения изящной словесности. «Всесторонне процветающий»^[22] — знаменитый ученый эпохи Хэйан (794—1185), автор многочисленных произведений (его дарование проявилось и в прозе, и в поэзии), к числу которых принадлежит обширный свод придворного церемониала «Гокэ сидай», собрание китайской поэзии «Хонтё мудайси», сборник обетов и историй из жизни буддийской общины «Катотоку ганмонсю», а также объемные записи о придворной службе «Коки». Кисти Оэ-но Масафуса принадлежат «Хонтё синсэн дэн» («Жизнеописания святых и бессмертных нашей страны»), «Кобики» («Записки о лисьих чарах») и многие другие шедевры японской литературы. Сочинения Оэ-но Масафуса были включены в собрание лучших образцов изящной словесности «Хонтё сёкумондзуй» («Продолжение свода литературных стилей нашей страны», XII в.) и энциклопедию «Тёя гунсай» («Описание двора и дальней округи», 1116 г.).

Оэ-но Масафуса писал во многих жанрах, преимущественно на китайском языке: до нас дошли его стихотворения-«канси», поэмы-«фу», прошения-«хё», записки-«содзё», трактаты-«рон», письма-«тё», восхваления-«сан», описания вещей-«мэй», провозглашения для синтоистских божеств-«саймон», буддийские словасловия-«дзюгаммон», поденные записи-«никки», предисловия к различным собраниям прозы-«дзё», однако наиболее всего он прославился в жанре коротких дидактических рассказов (яп. сэцува)^[23].

Отношение современников к Оэ-но Масафуса не было одинаковым. Некоторые царедворцы откровенно посмеивались над таким чудачком как Оэ-но Масафуса, сделавшим изучение изящной словесности самоцелью и непринимавшим идею о том, что изучение китайской классической литературы должно быть мотивировано чисто практической целью — изучением опыта государственного строительства. Вот как, к примеру, отзывался об Оэ-но Масафуса придворный сановник, будущий Правый министр, Фудзивара-но Мунэтада (1062—1141): «В последние два-три года Масафуса что-то разболелся и уже не может выходить из дома, а потому совсем не появляется на

службе. Однако каждый день к нему приходит человек, чтобы записывать истории, которые Масафуса рассказывает о придворной жизни. Вот только в этих историях много небылиц, да и Масафуса частенько несправедливо осуждает других придворных. Записывать по памяти рассказы Масафуса о том, что он сам не читал, и о том, чего он сам не ведаёт, — разве может из этого что-то хорошее получиться?^[24]»

Другие придворные аристократы отмечали энциклопедический ум Оэ-но Масафуса, говоря о его глубоких познаниях в области придворного церемониала и литературы на китайском языке. «Масафуса был талантливым и умным. В его начитанности никто из современников не мог сравниться с ним. Возможно, он превосходил и людей древности»^[25], — так отзывался о Оэ-но Масафуса его современник, придворный советник Фудзивара-но Тамэнага.

Весьма примечательно, что сохранилась «автобиография», написанная самим Оэ-но Масафуса. Это своеобразный панегирик самому себе, в котором приводится внушительный список достоинств Оэ-но Масафуса, и где пишет о себе следующее: «В четыре года я впервые стал читать книги. В восемь лет я имел глубокие познания в «Ши цзи»^[26] и «Хань шу»^[27], а в 11 лет я начал писать поэмы в жанре «фу». При дворе меня называли «чудо-ребенок» (яп. синдо — М. Г.)» Далее Оэ-но Масафуса сообщает, что сановники при дворе с завидным постоянством осыпали комплиментами как его самого, так его произведения. Многие придворные, прочитав шедевры, принадлежащие кисти Оэ-но Масафуса, тот час же отправляли ему письма с поздравлениями, а придворный советник Фудзивара-но Аринобу, после ознакомления с одним из творений Оэ-но Масафуса, начал рыдать от счастья в присутствии других аристократов^[28].

Характерная черта «Годансё» состоит в том, что в тексте этого произведения не употребляется имя самого Масафуса: повествование, как правило, начинается со слов «некто рассказывал», «говорят», «рассказывают», «один человек рассказывал» и т. д.^[29] Такое построение повествования, по мнению Кавагути Хисао, авторитетнейшего специалиста по истории японской литературы в древний и средневековый периоды, может быть связано с наследием китайской литературной традиции, а именно с жанром коротких рассказов «сяшо» и авторских сборников «бицзи»^[30].

Не менее интересными представляются и размышления современных японских специалистов по истории литературной традиции на Лальнем Востоке о возможных заимствованиях составителями

сборников «гэндан» различных компонентов из арсенала такого течения философской и общественной мысли раннесредневекового Китая как «чистые беседы»^[31] (кит. цинтань)^[32], хотя логично предположить, что такие заимствования могли осуществляться через тексты произведений «сяшо» и «бицзи».

Приведем несколько характерных примеров из «Годансё».

1. «В стихотворениях Оэ-но Мотитоки видна излишняя свобода чувств. Нет у него ни поводов, ни плети, дабы сдерживать или подгонять вдохновение. Оттого и словами он пользуется слишком привольно» (свиток 5, № 62).
2. «Оэ-но Мотитоки учился стилю не у авторов дресних собраний, а у своих собственных учеников, а потому, хоть и научился основам, не смог преумножить изысканность слога» (свиток 5, № 62).
3. «Сочинения Сугавара-но Митидзанэ подобны поделке, выточенной из панциря черепахи, украшенной разноцветными красками и золотыми украшениями. Их невозможно постичь» (свиток 5, № 16).
4. «Творения Ки-но Хасэо можно сравнить с поделкой, выточенной из кипариса. Она каждому пригодится. Вот к чему и следует стремиться» (свиток 5, № 16).
5. «Сердце Ки-но Тадана наполнено древними собраниями сочинений. У него нет новизны. От каждого слова, от каждой строки веет древними песнями. В стиле его преобладают родные мотивы и тысячелетняя тоска. Однако, когда у него ничего не получается, ему нечем приковать к себе внимание окружающих» (свиток 5, № 62).
6. «Автору не достаёт свободы выражения, но помыслы в его строках подобны ветру. Иногда случается, что тема стихотворения известна издавна, но слова льются, не зная преград, как вода в источнике. Достоинства такого творения восполняют все его упущения. В этом и состоит прелесть стихотворений» (свиток 4, № 76).

Несмотря на жанровую близость «Годансё» к образцам китайской литературы «сяшо» и «бицзи», японские литературоведы отмечают в основном японский характер произведения, которое оказало значительное влияние на последующую литературу «сэцува» (собрания коротких рассказов, имеющих дидактическую направленность). Среди таких произведений «сэцува», обычно, называют: «Кодзидан».

«Дзюккунсё», «Кокин тёмондзю» и, наконец, «Кондзяку моногата-ри». Важнейшей же причиной особой популярности жанра «гэндан» видится в том, что к моменту составления «Годансё» (начало XII в.) многие достижения периода правления государей Дайго (897—930) и Мураками (946—967), считавшегося «золотым веком» хэйанской государственности, стали забываться, а потому начинает остро ощущаться потребность в передаче накопленных знаний, коим грозит забвение^[33].

Сам Оэ-но Масафуса не скрывает причины создания «Годансё»: «Скоро мне будет семьдесят лет, и редко нынче встретишь такого долгожителя. Мне неведома печаль из-за скоротечности отведенной жизни. Янь-хуэй^[34] был преисполнен высочайшей добродетели, но ему было отпущено небесами только тридцать лет. Поэтому я совсем не думаю о происходящем в свете. Я лишь сожалею о том, что мне не довелось послужить главой Куродо докоро, и о том, что у меня нет достойных потомков. Если бы у меня был бы такой способный внук, как ты Санэканэ^[35], то мне было бы не о чем волноваться. Но все мои книги и секреты каллиграфии, передававшиеся из поколения в поколение в нашем роду, исчезнут, словно туман. Бесславно будут позабыты тайны «Исторических записок» и конфуцианского канона. Мне некому передать свои знания»^[36].

Закономерен вопрос: каковы же были источники информации для Оэ-но Масафуса? Как видно из текста «Годансё», Оэ-но Масафуса рассказывает о том, что ему довелось услышать от следующих людей: Киёхара-но Тамэнобу (947—1015), Минамото-но Морофуса (1008—1077), Минамото-но Цунэнобу (1016—1097), Оэ-но Масахира (952—1012), Тайра-но Токипори (1054—1109), Татибана-но Такатика (XI в.), Фудзивара-но Ацутака (?—1120), Фудзивара-но Корэфуса (1030—1096), Фудзивара-но Сукэнака (1021—1087), Фудзивара-но Санэсукэ (957—1046). По всей видимости, с тремя из них (Киёхара-но Тамэнобу, Оэ-но Масахира и Фудзивара-но Санэсукэ) Оэ-но Масафуса вряд ли мог лично встречаться, а, следовательно, истории, записанные с их слов, могли быть позаимствованы у кого-то другого. Не лишним будет упомянуть и существующую среди японских специалистов точку зрения о ключевой роли Фудзивара-но Санэканэ в составлении и, возможно, фактологической достоверности историй, зафиксированных в «Годансё»^[37].

Язык «Годансё». Произведение написано на древнеяпонском языке (яп. камбун). Известно, что в IX веке особое распространение получает японизированное китайское иероглифическое письмо (яп.

хэнтай камбун). Тем не менее, знатоки китайской изящной словесности и наиболее строгие стилисты, к которым, несомненно, относились и Оэ-но Масафуса и Фудзивара-но Санэканэ, предпочитали пользоваться так называемым «чистым», классическим китайским письмом, получившим наименование «белых знаков» (яп. хакубун). При этом Оэ-но Масафуса придерживается важнейшего принципа передачи информации: максимальной достоверности, а потому практически отказывается от литературной обработки текста и использования художественных приемов^[38].

Тематическая рубрикация текста. «Годансё» состоит из шести свитков, каждый из которых включает в себя различные рубрики. По всей вероятности, в первой редакции текста, а большинство исследователей склонны полагать, что таковая относится к 1105—1110 гг., тематическая рубрикация отсутствовала. Однако в начале периода Камакура (1192—1333) настоятель буддийского храма Дайгодзи по имени Сёкэн (внук Фудзивара-но Санэканэ), редактируя, имеющиеся у него списки «Годансё», устранил повторы, расположил истории в соответствии с порядком, который чаще всего встречался в списках, а также добавил оглавление и заголовки разделов^[39].

До нашего времени сохранилось четыре варианта рукописей «Годансё», наибольшей популярностью из которых пользуется список «Суйгэнсё», редактируемый настоятелем Сёкэном и включающий 444 истории (из них тринадцать сохранили только заголовки).

В общем, рубрикация текста «Годансё» выглядит следующим образом:

Свиток 1.

- Раздел 1. Об общественных делах;
- Раздел 2. О доме регента и канцлера;
- Раздел 3. О буддизме и местных богах.

Свиток 2.

- Раздел 4. О разном. Глава 1.

Свиток 3.

- Раздел 4. О разном. Глава 2.

Свиток 4.

- Раздел 5. О китайской поэзии. Глава 1.

Свиток 5.

- Раздел 5. О китайской поэзии. Глава 2.

Свиток 6.

- Раздел 6. О «чанцзюй».

Подведем итог.

Представляется, что «Годансё» — это ценнейший источник информации о «культурной жизни» государева двора эпохи Хэйан. Этот памятник представляет собой уникальный исторический материал, содержащий сведения о различных аспектах материальной и духовной культуры хэйанского придворного общества. Необходимо только правильно распорядиться такой информацией. И тогда эти сведения могут сообщить множество новых фактов, а возможно и позволят скорректировать уже имеющиеся представления о тех или иных событиях, либо о политическом или нравственном облике исторических персонажей. Можно с определенной долей уверенности сказать, что «Годансё» — это нечто иное, как повествование о прошлом, основанное не только на личном опыте, но и на собственной памяти Оэ-но Масафуса, прошедшего многие ступени придворной службы.

Ценность «Годансё» заключается, прежде всего, в изложении фактологической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна. Не будет ошибкой сказать, что, среди других произведений придворной литературы на «камбуне», сочинения «гэндаи» выделяются большей степенью «авторской свободы», что предполагало возможность выхода за рамки некоего канона. В таковых условиях фактологическая наполняемость текста «Годансё» позволяет исследователям понять, какая атмосфера царила при дворе хэйанских государей. Более того, автор «Годансё», да, собственно, и авторы других сочинений жанра «гэндаи», не могли игнорировать в своих записях распространенные среди современников убеждения в том, что не существует резкой границы между «миром людей» и «миром божеств и духов». Древние и средневековые японцы полагали, что существует немало явлений, которые имеют иррациональный характер.

И хотя подход к «Годансё» как к историческому документальному сочинению представляется вполне оправданным, тем не менее, для получения целостного представления о жизни придворного общества эпохи Хэйан и лучшего понимания поведенческих установок и жизненных приоритетов представителей хэйанской знати необходимо изучение всей совокупности придворной литературы (государственные хроники, своды законов, церемониальные уложения, дневники аристократов, собрания изящной словесности, актовый материал и т. д.). В этой связи «Годансё» может послужить прекрасным подспорьем для исследователей культуры, а также интеллектуальной и событийной истории древней и средневековой Японии.

* * *

Разумеется, хэйанские тексты, переводы которых представлены в данном издании, не ограничиваются двумя вышеперечисленными собраниями. Среди других произведений, включенных в хрестоматию:

- предисловие и некоторые генеалогии из массивного генеалогического свода «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные списки родов»), составленного в 815 году по распоряжению государя Сага (809—823) группой высокопоставленных чиновников во главе с принцем Манда.
- предисловие к первому своду комментариев древнеяпонских законов «Рё-но гигэ» ([Свод] законов-«рё» с официальными пояснениями, 833 г.);
- «Сёмонки» («Записи Масакадо»), представляющие вариант официального отчета о подавлении мятежа Тайра-но Масакадо (935—940 гг.);
- несколько отрывков из энциклопедии хэйанских нравов «Синсаругакуки» («Новые записи о «саругаку», сер. XI в.)
- «Наставления Правого министра Кудзё» — образец эпистолярного жанра середины X века, принадлежащий кисти крупного государственного деятеля и ученого Фудзивара-но Моросукэ (908—960);
- несколько небольших по объёму, но значительных по содержанию произведений знаменитых учёных мужей периода Хэйан: Ёсиминэ-но Ясүё (785—830), Мияко-но Ёсика (834?—879), Татибана-но Хироми (837—890), Сугавара-но Митидзанэ (845—903), Миёси-но Киёюки (847—918), Минамото-но Фусаакира (?—940); Оэ-но Асацуна (886—957), Сугавара-но Фумитоки (899—981), Ёсигэ-но Ясутанэ (934?—1002), Оэ-но Масафуса (1041—1111) и др.^[40]

При отборе текстов для хрестоматии также использовались материалы антологии японской общественно-политической мысли периода древности — «Кодай сэйдзи сякай сисо». Токио, Иванами сётэн, 1979 (1-е изд.), 1994 (2-е изд.), 2001 (3-е изд.)^[41].

Такой отбор объясняется несколькими причинами:

во-первых, эти произведения практически полностью покрывают хэйанскую эпоху в хронологическом отношении, охватывая наиболее важные события этого периода (исторический подход);

во-вторых, указанные памятники отличаются ярко выраженным жанровым своеобразием различных форм придворной письменной культуры (источниковедческий подход);

в-третьих, данные произведения не только фиксируют важнейшие исторические события и процессы, но и сами являются памятниками эпохи на всем ее протяжении, продуктами ее культуры, а их изучение позволяет сделать значительный шаг к пониманию своеобразия последней (культурологический подход).

Несколько слов необходимо сказать о комментариях. Пояснения к переводам, приводимых в хрестоматии источников, можно условно разделить на две группы: одни комментарии представляют собой обычные филологические пояснения (значение терминов, источники заимствования тех или иных литературных оборотов и т. д.)^[42]; другие, являются миниисследованиями по наиболее насущным проблемам истории и культуры древней и раннесредневековой Японии, которые получили отражение в текстах публикуемых памятников.

Хрестоматию дополняют несколько приложений. Первое содержит самые необходимые сведения о государственном устройстве периодов Нара и Хэйан (иерархия учреждений аппарата управления, система их соподчинения, соотношение должностей и рангов и т. д.). Второе включает таблицу мер и весов. Третье представляет собой карту Японии (с указанием провинций) в VIII—XII вв. (периоды Нара и Хэйан). Надеюсь, что это позволит читателю получить более целостное представление о придворной культуре периода Хэйан.

Автор-составитель выражает глубокую признательность Институту восточных культур и античности РГГУ и Институту стран Азии и Африки при МГУ. Конечно же, наибольшие слова благодарности хотелось бы сказать моим учителям: профессору Б. Г. Могильницкому и профессору Е. В. Петрову, привившим любовь к истории со студенческой скамьи; профессору А. Н. Мещерякову, пробудившему мой интерес к древней истории Японии, и профессору Ооцу Тоору, зародившему во мне трепетное отношение к «подлинной» истории периода Хэйан. Особая благодарность друзьям и коллегам: профессору университета г. Кобэ Л. М. Ермаковой; заведующей кафедрой истории и культуры Японии ИСАА МГУ, профессору Е. К. Симоновой-Гудзенко; директору Института восточных культур и античности РГГУ, профессору И. С. Смирнову за помощь и поддержку, а также ряд важных замечаний в процессе работы над переводами хэйанских текстов. Отдельно хотелось бы поблагодарить японских коллег: профессора Сато Ясухиро и профессора Уэдзима Сусуму, а

также научного сотрудника Музея естественной истории в префектуре Тиба — Кавадзири Акио, плодотворные беседы и постоянная переписка с которыми позволяли сориентироваться в безграничном море хэйанских текстов. Существенную помощь при написании представленной хрестоматиец оказали и японские специалисты по китайской истории периодов Тан и Сун — профессор Накамура Хи-роити; профессор Сэо Тацухико и профессор Танака Тан. Без терпеливости и поддержки многих людей эта работа так и не была бы завершена.

ПЕРЕВОДЫ

Вновь составленные списки родов «Синсэн сёдзироку» (815 г.)

Доклад, представленный [императору Сага, по поводу составления] «Синсэн сёдзироку»^[43]

Позвольте молвить Вашему подданному [принцу] Манда и иже с ним. Ваши подданные слышали, что, когда стихии Инь и Ян установились, все сущее обустроилось, а нравственные основы^[44] ставились на первое место. Мудрые и добродетельные исправляли имена^[45], воплощая их в пяти музыкальных тонах^[46], [и тем] разъясняли [суть] родовых отношений. Однако, в конце концов, суть [этих отношений], основанная на жизненной реальности, отдалилась. Тогда возвеличили основу, воздающую земле, и на пути правления императора появились процветание и упадок, а правления государей переживали расцветы и падения.

Смиренно знаем, что внук Небесный [божеств] спустился на землю [с небес] и основал династию, и, пройдя через центр земли^[47], создал государство. Он установил единую линию наследования и стал управлять Восемью Островами-Землями. Однако времена, когда досконально разбирались в круговращениях пяти первоэлементов, давно миновали.

Осмелимся высказать свои предположения и выдвинуть план [решения этой проблемы]. Достигнув богатства и знатности, знатные роды сравнивались по значимости, ветви и листья разрослись весьма густо, [в результате чего] стало слишком много боковых ветвей. Когда все пространство всеобъемлющего распространения добродетели затянули [густые] облака, появилось намерение составить подворные реестры и [тем самым] определить расположение звезд. Одни выбирали холмы для погребения и утверждались в своих притязаниях, другие садились в парадные экипажи и надевали шапки [сановников], чтобы добиться процветания^[48]. Этим они [создавали] ложных потомков и приписывали [себе мнимых] предков. Без долж-

ных на то оснований они получали плодородные земли, приводя в доказательство волю богов и императоров, прикрывались своими парадными одеяниями и шапками.

Изначально при императорском дворе обращали внимание на неуместную распущенность и удаляли источники беспокойства. И вот в предрассветный час во время аудиенции у императора при слабом свете я позабыл вкусить пищу. Ваш подданный и иже с ним почтительно получили императорский указ, и, следуя ему и претворяя в жизнь то, о чем говорили древние, безрезультатно пытались соединить три истины^[49] и лишь бессмысленно потратили целый год. У нас не было ни талантов, ни глубоких познаний, но, благодаря тому, что мы искали знания, повторяли старое, мы сумели постичь новое от начала до конца. Все данные строго выверялись, затем их объединяли со старыми записями государственных учреждений^[50] и уже имевшимися генеалогиями^[51]. Позднее все [накопленные материалы] отредактировали и включили в «Списки»^[52]. Опуская подробности [составления], скажем, что получилось данное сочинение. [В сочинении], состоящем из 31 свитка, [упоминается] 1182 рода, [появившихся] начиная с Дзимму — как местных, так и иноземных. [Сочинение] назвали «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные списки родов»). Но это все равно, что беседовать о звездах, смотря в колодец, и рассуждать о морских просторах, держа в руках ковш из раковины^[53]. Опасаемся, что при составлении мы допустили непростительные заблуждения и упущения, и поэтому собрание содержит искажения и ошибки. С глубоким почтением явились в императорский дворец и преподносим [«Списки»] императору, надеясь расширить русло горного потока.

Конин, 6-й год, 7-й лунный месяц, 20-й день

[Этот] доклад преподнесли:

Ваш подданный — Глава министерства центра^[54], принц крови 4-го класса Манда.

Ваш подданный — Правый министр, наставник престолонаследника и обладатель наградного ранга-«кунъи» 5-го разряда Фудзивара-но Асоми Сононда, второй младший ранг.

Ваш подданный — придворный советник, глава министерства двора и управитель провинции Оми Фудзивара-но Асоми Оцугу, третий младший ранг.

Ваш подданный — глава строительства храма Тодзи Абэ-но Асоми Масакацу, пятый старший ранг нижней ступени.

Ваш подданный — управитель провинции Овари Михара-но Асоми Отохира, пятый младший ранг верхней ступени.

Ваш подданный — старший секретарь [Большого государственного Совета] и помощник управителя провинции Инаба Камицукэ-но-но Асоми Хидэхито.

Предисловие^[55] к «Синсэн сёдзироку»

Мы слышали, что божественная династия ведет свое начало с тех времен, когда внук небесных [божеств] снизошел на землю Со^[56] и распространил свое преобразующее влияние на Запад, но письменных свидетельств [этих событий] не сохранилось. После того как Дзимму отправился покорять Восток^[57], людей [в стране] стало значительно больше. Когда появилось множество варваров, [Небо] пожаловало [Дзимму] Небесный меч^[58], а [в помощь ему] прилетел чудесный ворон^[59] и сел [на край государева лука]. Явившиеся с повинной [варвары] выстроились рядами, а толпы мятежников рассеялись подобно туману. Когда [Дзимму] получил сияющий мандат, [он] озарил^[60] [своими добродетелями] внутренние земли. Звезды Тай-цзе стали полностью видимы^[61], и в пределах морей воцарился мир. Некоторое время спустя людей стали жаловать родовыми именами, вознаграждая землями^[62] в соответствии с их добродетелями. С этого времени берут начало звания «Куни-но Мияцукэ» и «Агата-ниси»^[63].

Когда Суйнин стал государем, он овладел движением времени и его благоденствия распространились повсеместно. Роды стали ветвиться. Нравы Мимана вошли в обиход. Силла стала преподносить дары. Многие чужеземцы, восхищаясь добродетельностью [государя], страстно желали прибыть [ко двору Суйнина]. Питая приязнь к иноземцам, [государь] жаловал им родовые имена. В то время господствовала определенность.

В годы правления императора Ингё система [наследственных] титулов-кабанэ пришла в беспорядок^[64]. В это время [был провозглашен] указ о принесении клятвы верности божествам и испытании погружением руки в кипяток («кукатати»)^[65], когда все, чья клятва была истинна, остались невредимы, а те, кто солгал, пострадали. В результате роды и их титулы-кабанэ сами определились, а самозванцев впредь уже не было. Реки Цзиншуй и Вэйшуй потекли в правильном направлении^[66].

[В то время, как] Когёку получила [священное] зеркало^[67], все государственные записи полностью сгорели. Молодые и слабые не ведали собственных истоков, а коварные и сильные укрепили свои лживые утверждения.

Когда государь Тэнти был еще наследником престола, Фунэ-но Фухито Эсака преподнес ему обгорелые останки [государственных] записей^[68]. Тогда же в год металла и лошади составили подворные записи-«косэки»^[69]. Установили должный порядок для каждого жителя Поднебесной по родовому имени и положению, и, начиная с этого времени, государи постоянно вносили [в него] изменения^[70].

В период [Тэмпё] сёхо^[71] иногда составлялись императорские указы, позволявшие иноземным родам получать новые имена в соответствии с [их] собственными пожеланиями. И так получилось, что знаки, которыми записывались старые и новые родовые имена, перестали отличаться. [В результате] стало непонятно, где род японский, а где — иноземный. Повсюду явилось множество незнатных родов, которые причисляли себя к потомкам благородных, а переселенцы из трех Корейских государств утверждали, что возводят свое происхождение от японских богов. Текло время, люди умирали и рождались, не осталось почти никого, кто бы знал истину.

В конце периода [Тэмпё] ходзи^[72] споры [относительно происхождения] стали еще острее. Дабы составить реестр родовых имен^[73], были собраны знаменитые учёные, однако, прежде чем [это] намерение было осуществлено [хотя бы] наполовину возникли трудности. Учёных распустили, а [составление реестра] не было возобновлено.

Государь Камму явил в себе мудреца, обладающего человеколюбием. Величие его превосходило собой сияние Солнца, а добродетель была способна превзойти своим блеском сияние молодой Луны. Он отменил сигнальные огни, упразднил пограничные заставы, установил единство письменности и ширины колеи дорог. Мысленно охватывая все сущее, он настойчиво помышлял об исправлении имен^[74]. И тогда был опубликован государев указ о проверке генеалогических записей, но не успели эти записи закончить, как императорская колесница воспарил в небеса.

Наш нынешний доблестный правитель пожелал, чтобы это дело было продолжено с того места, где оно было прервано. Мудрецы, следуя его воле, почтительно отнеслись к делу [составления генеалогий]. [По этой причине] Глава министерства центра дел, принц крови 4-го класса Манда, Правый министр, наставник престолонаследника и обладатель наградного ранга-«кунъи» 5-го разряда Фудзива-

ра-но Асоми Сононда, второй младший ранг, придворный советник, начальник правой привратной охраны императорского дворца и управитель провинции Оми Фудзивара-но Асоми Оцугу, четвертый старший ранг нижней ступени, начальник ведомства Инь и Ян Абэ-но Асоми Масакацу, пятый старший ранг нижней ступени, управитель провинции Овари Михара-но Асоми Отохира, пятый младший ранг верхней ступени и старший секретарь [Большого государственного Совета] и помощник управителя провинции Инаба Камидзукэно-но Асоми Хидэхито, почтительно обращаясь с прежними записями, составили этот документ, а также нашли документы, бережно хранимые в канцелярии, и разыскали могилы предков всех родов.

Мы, ваши верные подданные, исследовали прошлое по старым записям и глубоко изучили древнюю историю. Действуя осторожно, мы выявляли противоречия текстов, объединяли и разграничивали звучание и значение и, желая единообразия, вернулись к истокам. Мы соединяли щит и копье, объединяли различные суждения, дабы избежать кривотолков. Данная генеалогия во многом отличается от старины, ведь бывало, что два рода смешивались и устанавливали единого предка, а другие, не зная истоков, перепутывали последовательность преемственности рода, третьи сами, утратив знания о предках, ошибочно входили в другой род, или, ловко влившись в чужой род, таким образом, ложно устанавливали себе предков.

Старое и новое пришли в беспорядок, устранить ее было нелегко, следовало обнаружить и исправить ошибки, хотя и нельзя было надеяться на скорое осуществление [этого]. Прошло уже около десяти лет, а [составление] генеалогии родов столичного округа осуществлено только наполовину. Если рассмотреть ее состав, который представлен в данном [генеалогическом своде], и основываться на предлагаемых категориях, то можно выделить «три типа [родства]». Если же собрать [имеющиеся данные] вместе, [а потом] разделить, то получится «три вида [происхождения]».

Те, кто [происходит] от Небесных и Земных божеств именуется «синбэцу», потомки императоров именуется «кобэцу», те же, кто [происходит] от родов Великого Китая^[175] и трех Корейских государств^[176] именуется «сэбан»^[177]. Так, благодаря разделению тождественного и отличного, а также установлению порядка между изначальным и последующим, были определены «три типа [родства]».

Когда у основной ветви — свой предок, а у боковой — свой, то в [генеалогии] сказано «происходит». Бывало и так, что и в древних

записях, и в родословных одновременно фиксировали данные [о происхождении того или иного рода]. А бывало и так, что в древние записи заносили [сведения о происхождении], а в родословные — нет, или, наоборот, в родословные [такие данные] вносили, а в древних записях упускали. В этом случае в [генеалогии] говорится: «тот же предок, [что и у рода...]». Иногда [имена] основателей родов в древних записях упущены. Но в установлении предка нельзя ошибаться, и тогда, преодолевая сомнения, в [генеалогии] говорится: «потомок...». Так, в результате различения далёкого и близкого, а также указания на степень родства, были установлены «три вида [происхождения]»^[78].

Это лишь на сун драгоценный камень и на сяку дерево, и [в представленной генеалогии] ещё имеются изъяны. Вряд ли стоит говорить о том, что знание будущих и предшествующих поколений — дело важное. Поэтому если в порядке предков, и смене поколений часто ошибаться, то не станешь [выдающимся] сановником, хотя, [возможно] и добьёшься успеха в словопрениях.

[Кабанэ] «Махито» жаловался [только] наиболее почитаемым родом^[79] [типа] «кобэцу. [Все] роды столичного округа, [пожалованные рангом-кабанэ «махито»], были сведены воедино в первый свиток^[80]. Главы [родов типа] «кобэцу» были выявлены, но [главы] остальных родов выявлялись.

Все [роды] иноземного происхождения [также были] установлены и собраны вместе в единый свиток. Если же какой-то из [иноземных] родов оказался пропущен в основной генеалогии, но нашел отражение в древних записях, то они устанавливались посредством обращения к этим записям и приписывались дополнительно. Если [данные] основной генеалогии отличаются от древних записей, то редактирование осуществлялось на основании последних. Мы полагаем, что если в качестве доказательства [происхождения рода] не использовать древние записи, то станет трудно сопоставлять [родословные], поскольку они противоречат друг другу. Что до родов столичного округа, то они по большей части являются родами, которые охватывают и другие провинции, не всегда входящие в столичный округ.

[Мы], ваши верные подданные, почтительно следуя императорскому указу, осуществили нашу задачу с почтительностью и смиреннием. [Мы] собрали все [необходимые] данные, дабы было возможно отсеять золото от гальки. [Мы] распутали узлы старых записей, установили новое содержание и пришли к согласованию с древностью в деле устранения ложных слухов, которые присутствовали в генеало-

гиях. Новая генеалогия устранила ошибочные толкования [имен] и соединила старые записи [с новыми], решив дела по справедливости. Документ написан простым языком, чтобы представить всё ясно, как на ладони — чтобы облегчить дело государева управления. Повторяя старое и познавая новое, с трудом завершили работу, собрав вместе [сведения о происхождении] 1182 родов — начиная с [правления государя] Дзимму и до годов Конин. [Текст этой генеалогии] состоит из 30 свитков, объединенных в три раздела. [Это сочинение] было названо «Синсэн сёдзироку».

Хотя и сложно было найти середину между упорным трудом и безудержным весельем, между красотой яшмы и простотой ученической доски, но мы стремились к тому, что он станет нравственной основой и средством выправления государственных дел. Следует также иметь в виду, что существует ещё группа родов, которые пока не вошли в столичный округ, но уже возвысились в провинциях. Но этот вопрос требует дополнительных разысканий. Все такие родовые имена перечислены в отдельном свитке.

Раздел I

*Левая половина столицы
[Тип родства] «кобэцу»*

[45]. **Минамото-но Асоми.** Минамото-но Асоми Макото, шесть лет. Основатель рода Хирои. [Его] младший брат — Минамото-но Асоми Хироси (Хирому), четыре года. Основатель рода Камицукэно. [Его] младший брат — Минамото-но Асоми Цунэ, четыре года. [Его] младший брат — Минамото-но Асоми Акира, два года. Оба основатели рода Иитака. [Его] младшая сестра Минамото-но Асоми Садахимэ, шесть лет. Основатель рода Фусэ. [Его] младшая сестра — Минамото-но Асоми Киэхимэ, шесть лет. [Его] младшая сестра — Минамото-но Асоми Матахимэ, четыре года. Обе основали род Тома. [Его] младшая сестра — Минамото-но Асоми Ёсихимэ, два года. Основала род Кудара. Итого, [начиная с Минамото-но Асоми] Макото, восемь человек. Это потомки нынешних принцев крови — [сыновей императора Сага]. Поэтому в 8-й день 5-й луны 5-го года Конин [814 г.] императорским указом^[81] им были пожалованы [новые родовые] имена. Местом их жительства стал 1-ый квартал 1-ой линии в левой половине столицы. [Минамото-но Асоми] Макото был назначен главой двора (т. е. главой рода — *М. Г.*).

[46]. **Ёсиминэ-но Асоми.** [Основателем рода является] Ёсиминэ-но Асоми Ясуё, четвертый младший ранг нижней ступени. В правление Небесного государя Кото-хиса-тэру (посмертное имя Камму) Кудара-но Сукунэ Юкицуги, седьмой младший ранг нижней ступени, которая стала младшей женой [государя] и состояла в его свите, родила [сына] и [он] в 27-й день 7-й луны 21-го года Энряку [802 г.] особым указом был пожалован родовым именем Ёсиминэ-но Асоми. [Род] проживает в правой половине столицы.

[47]. **Нагаока-но Асоми.** Согласно «Сёку нихонги», [основателем рода является] Нагаока-но Асоми Окинари. Когда Небесный государь Кото-хиса-тэру (посмертное имя Камму) управлял из Восточного дворца, Тадзихи-но Махито Тоёцугу, которая стала младшей женой [государя] и состояла в его свите, родила [сына] и [он] 6-м году Энряку [787 г.] особым указом был пожалован родовым именем Нагаока-но Асоми. [Род] проживает в правой половине столицы.

[52]. **Татибана-но Асоми.** Тот же предок, [что и у рода] Каннанби-но Махито. У «императора» Бидацу был сын — принц Нанива. У [принца Нанива] был сын — принц Курикума, посмертно [пожалован] вторым младшим рангом. [Его сыном] был Глава Министерства гражданских дел (Дзибукё) принц Мино, четвертый младший ранг нижней ступени. Принц Мино женился на дочери Агатаинукаи-но Сукунэ Адзумабито, четвертый младший ранг нижней ступени, Агатаинукаи-но Татибана-но Сукунэ Митиё, посмертно [пожалована] первым старшим рангом. [От этого брака] родились: [будущий] Левый министр [Татибана-но Асоми] Морозэ^[82] (назывался принц Кадзураги — М. Г.), Домоуправитель дворца государыни Сукутамэ-но Сукунэ и принцесса крови Муру, посмертно [пожалованная] вторым младшим рангом. Нечто подобное произошло [с одной] из принцесс крови, у которой от брака с Фудзивара-но [Асоми] Фусасаки, посмертно [позначенного] Главным министром, родились: [будущий] Главный министр [Фудзивара-но Асоми] Нагатэ, Дайнагон [Фудзивара-но Асоми] Мататэ и другие дети. В 21-й день 11-й луны 1-го года Вадо [708 г.] была проведена церемония Дайдзёсай. В 25-й день [того же месяца принц Кадзураги] участвовал в пиршестве для чиновников пятого ранга в императорском дворце, стал одним из савновников и был пожалован родовым именем Татибана-но Сукунэ. В 19-й день 12-й луны 8-го года Тэмплё [738 г.] императорским указом Придворный советник, Садайбэн и чиновник третьего младшего ранга принц Кадзураги был пожалован [новым] именем — Татибана-но Сукунэ Морозэ.

[54]. **Абэ-но Асоми**^[83]. Согласно «Нихонги» и «Сёку нихонги», потомок Оо-хико-но микото — сына «императора» Когэна.

[57]. **Такахаси-но Асоми**. Тот же предок, [что и у рода] Абэ-но Асоми. Потомок Оо-ина-коси-но микото. Во время поездки «императора» Кэйко по Восточным провинциям ему был пожалован большой морской моллюск. Государь был восхищен необыкновенной (невиданной, редкой) красотой [этого моллюска] и пожаловал [дарителю моллюска] родовое имя Касивадэ-но Оми. В 12-м году [правления] «императора» Ама-нунахараоки-но Махито [683 г.] (посмертное имя — Тэмму) [род] Касивадэ-но Оми получил новое родовое имя — Такахаси-но Асоми^[84].

[65]. **Исикава (Сога)-но Асоми**^[85]. Согласно «Нихонги», потомок Хико-фуцу-оси-но макото-но микото — сына «императора» Когэна.

[68]. **Ки-но Асоми**^[86]. Тот же предок, [что и у рода] Исикава-но Асоми. Потомок Ки-но Цуно-но Сукунэ — сына Такэсиути-но Сукунэ.

[88]. **Оно-но Асоми**. Тот же предок, [что и у рода] Окасуга-но Асоми. Потомок Ситокицуки-но Ооми — потомка в пятом поколении [божества] Хико-убацу-но микото. Согласно «Нихонги», род, [к которому принадлежал] Оно-но Оми Имоко^[87], ранг «дайтоку», происходил из деревни Оно уезда Сика провинции Оми. Поэтому [Оно-но Оми Имоко] и был пожалован родовым [именем «Оно»].

Правая половина столицы
[Тип родства] «кобэцу»

[131]. **Кисида-но Асоми**. Потомок Инамэ-но Сукунэ — потомка в пятом поколении Такэсиути-но Сукунэ. [У Инамэ-но Сукунэ] был сын — Осада-но Оми и внук — Мимитака. Согласно «Нихонги», [их] семья проживала в деревне Кисида, поэтому [и род] стал называться Кисида-но Оми.

Раздел 2

Левая половина столицы
[Тип родства] «синбэцу»
Небесные божества

[336]. **Фудзивара-но Асоми**^[88]. Происходит от [божества] Амэ-но коянэ-но микото — потомка в третьем поколении [божества] Цу-хая-

мусуби-но микото. Потомком [Амэ-но коянэ-но микото] в 23 поколении был Внутренний министр Накатоми-но Мурадзи Камако, ранг «дайсики». В древних записях сказано, что [его имя] Каматару. В 8-й год^[89] [правления] государя Амэ-но микото-хирокасу-вакэ (посмертное [имя] — Тэнти) ему было пожаловано родовое [имя] «Фудзивара»^[90]. Его сын [Фудзивара-но] Фухито, первый старший ранг, был посмертно [назначен на пост] Главного министра. В 13-й год^[91] [правления] государя Ама-но нунахараоки-но махито (посмертное [имя] — Тэмму) [род] был пожалован [рангом]-кабанэ «асоми».

[374]. Оотомо-но Сукунэ^[92]. Потомок [божества] Амэ-но оси-хи-но микото — потомка в пятом поколении [божества] Таками-мусуби-но микото. Когда внук Аматаэрасу-оо-миками [Амацухико]-хико-хо-но ниниги-но микото в божественной повозке спустился [с небес], [божество] Амэ-но оси-но микото, совершив нисхождение [с небес] на пик [Кудзифурататэ] горы Такатико, [что в] Химука, установил Окумэбэ. Потомки Окумэбэ были пожалованы [именем] Ама-но Югэибэ. Отсюда и происходит название «Югэи»^[93]. В августейшее правление Юряку [Ирибэ] Югэи был пожалован [титолом] Омурадзи-но Кими. В [своем] докладе [императору] он сказал: «Служба в привратной гвардии уже стала важной профессией, но для нас она стала [слишком] обременительна. [Служа вам], нам хотелось бы не только читать потации глупым юнцам, но и сопровождать [важных] персон во время [службы] при дворе». По этой причине был опубликован указ, имеющий отношение к двум родам: Оотомо и Саэки, которых объединяло то, что они управляли левой и правой привратной [охроаной].

*Правая половина столицы
[Тип родства] «синбэцу»
Небесные внуки*

[456]. Хадзи-но Сукунэ. Потомок [божества] Ками-кими-иинэ-но минокото — потомка в двенадцатом поколении [божества] Амэ-но хо-хи-но микото. В первом году Тэнъо [781 г.] при императоре Копин [название рода] было изменено с «Хадзи» на «Сугавара». [Позднее] особым императорским указом [название] рода было изменено на Ооэ (Ооясу)-но Асоми.

[457]. Сугавара-но Асоми^[94]. Тот же предок, [что и у рода] Хадзи-но Сукунэ. Потомок Ооясутада-но Мурадзи — потомка в седьмом поколении [божества] [Ками]-кими-иинэ-но микото.

Провинция Ямасиро
[Тип родства] «синбэцу»
Небесные божества

[506]. **Камо-но Агатануси.** Тот же предок, [что и у рода] Камо-но Агатануси. В те времена, когда Каму-ямато-иварэ-бико-но сумэра микото (Посмертное имя — Дзимму) отправился во внутренние земли, то заблудился среди горных отрогов. Тогда [божество] Камо-но такэцу-но ми-но микото, внук Ками-мусуби-но микото, обернулось большим вороном и спустилось к нему, указав верный путь. Так прибыл [Дзимму] во внутренние земли. [После этого] государь, восхищаясь этим, особые моления [богам] вознес. С этого и началось имя небесного ворона восьми мер величиной^[95] [в качестве родового имени].

Раздел 3

Левая половина столицы
[Тип родства] «сёбан»

Хань

[740]. **Удзумаса-но Кими-но Сукунэ.** Происходит от прища (вана) Сяо-у — потомка в третьем^[96] поколении Первого императора Цинь (Цинь ши хуанди). [Его] сын принц (ван) Гун-мань в 8-м^[97] году [правления] государя Тараси-нака-цу-[хико-но сумэра микото] (посмертное [имя] — Тюай) он прибыл в Японию. [Его] сын принц (ван) Юн-гун (в одной [книге] сказано, [что его имя] Гун Юэ-ван^[98]) в 14-м году [правления] государя Хомуда (посмертное [имя] — Оодзин) прибыл к государеву двору, ведя с собой людей из 127 земель^[99], и преподнес [государю] золото, серебро, драгоценные камни, шелк и другие вещи. В августейшее правление государя Оосадзаки-но сумэра-но микото (посмертное [имя] — Нинтоку) род Хата, [проживающий] в 127 землях был разделен. Были учреждены различные владения (уезды), а подати (дань) платились продуктами шелководства и пряжей. В императорском указе говорилось: «[Издавна] род Хата преподносит [двору] шелковую нить, вату и шелк. Наши же одежды делаются из мягкой ткани. (в теплую погоду, например, из кожи). По этой причине [род] жалуется [родовым] именем «Хата». Далее следуют Тороси-но Кими и Хата-но Кими Сакэ». В августейшее правление государя Оо-хацусэ-но сумэра-но микото

(посмертное [имя] — Юряку) запасы шелковой нити, ваты и шелка были подобны горным вершинам (т. е. огромны — *М. Г.*) и «император» был счастлив. [Поэтому роду Хата] пожаловали [новое родовое имя] и он стал называться «Удзумаса»^[100].

Пэ к ч е

[780]. **Кудара-но Асоми.** Происходит принца Хе^[101] — потомка в тридцатом поколении вана государства Пэкче Томо.

К о р ё

[793]. **Кома-но Асоми**^[102]. Происходит от принца Хотэ — потомка в седьмом поколении вана Когуре Еон чхон (Сэки).

Правая половина столицы

[Тип родства] «сёбан»

Х а н ь

[812]. **Саканоуэ-но Оосукунэ**^[103]. Потомок Янь-вана — сына [императора] Поздняя Хань Лин-ди^[104] (168—189).

[852]. **Такамуко-но Сугури**^[105]. Происходит^[106] императора [династии] Вэй Вэнь-ди — наследника императора У-ди.

Пэ к ч е

[856]. **Кудара-но Коникиси**^[107]. Происходит от вана государства Пэкче Ыйджа.

[863]. **Миёси-но Сукунэ**^[108]. Происходит от великого вана государства Пэкче Кынчхого.

Дополнения

Тайра-но Асоми. У императора Камму был сын — царевич первого класса и Глава Министерства Церемоний принц крови Кудзухара. [У него] был сын Глава Управления по делам Дайгаку принц Такамунэ, четвертый младший ранг нижней ступени. В 7-ю дополнительную луну 2-го года Тэнтё [825 г.] он был пожалован [новым] родовым именем — Тайра-но Асоми. [Род] проживает в левой половине столицы. В 5-й луне 9-го года Дзёган [867 г.] Дайнагон [Тайра-но Асоми Такимунэ], третий старший ранг, скончался. [Ему было] 64 года.

Мнения сановников в шести пунктах^[109] «Кугё икэн рокукадзё» (824 г.)^[110]

1. Об отборе достойных чиновников

Правый министр^[111] [Фудзивара-но Асоми Фуюцугу] почтительно докладывает: «[Ваш] подданный смиренно полагает, что возвышение достойных и назначение их на должности — важнейшее проявление [священной] культурности^[112]. Быть требовательным к чиновникам и поощрять таланты — основное в управлении государством. Однако, если кто-нибудь из управителей провинций вознамерится возродить культурность и вернуть её на должный уровень, [то его действия будут подобны] шуму ветра в кроне деревьев, хотя он будет во всем следовать закону. Ведь нельзя мчаться галопом, когда вся страна пришла в упадок. Поэтому почтительно прошу тщательно отбирать благородных и справедливых мужей, наделенных талантами, и назначать их на должности управителей провинций и их помощников. Новоизбранных управителей и их помощников следует особо отмечать высочайшими аудиенциями, а также оценить их искусство управления страной, для чего жаловать им награды. [Если поступить таким образом], то в скором времени достижения в деле государственного управления станут очевидны. Если усиленно выказывать благосклонность [достойным], жаловать им [более высокие] ранги и незамедлительно принимать на службу на высокие должности, тогда [нам удастся] вновь вернуться к соблюдению непреложных законов и действовать в соответствии с ними. [Такие чиновники] не будут руководствоваться собственной выгодой и, основываясь на своей великодушии, не станут ограничиваться [формальным следованием] законам».

2. Об отправке «дзюнсацуси»^[113]

В том же докладе [Фудзивара-но Асоми Фуюцугу] почтительно сказано: «С давних времен во все стороны направляли восемь инспекторов, чтобы они изучали нравы и обычаи народа, проверяли, как исполняют свои обязанности управители провинций, а также выяснили, [каковы] бедствия и тяготы простого народа. Поэтому нравы были достойны, долг исполнялся, добрые [деяния] поощрялись, а зло искоренялось.

Смиренно прошу, чтобы и впредь такие инспектора совершали поездки и осуществляли контроль за делами управления [на местах]».

3. О следовании сезонным установлениям

В том же докладе [Фудзивара-но Асоми Фуюцугу] почтительно сказано: «Когда государь объявляет новый «девиз правления»^[114] или вводит в действие указ, он непременно учитывает смену сезонов. Если [правильно] следовать чередованию двенадцати лунных месяцев, [силы] «инь» и «ян» придут в гармонию, установив, [где есть] начало, [а где] конец.

Смиренно прошу, чтобы при управлении государством сезонные установления не нарушались. И хотя появление ветров и дождей еще не означает, что бедствие неминуемо случится, представляю этот доклад».

4. Об отборе талантливых и отвержении недостойных

[Чиновник] второго младшего ранга, старший государственный советник, наставник престолонаследника и глава Ведомства Народных дел Фудзивара-но Асоми Оцугу почтительно докладывает: «В «Шан шу» сказано^[115]: «Если в провинцию направлять прозорливых [чиновников], то по всей стране будет тишина и спокойствие»^[116]. Там же сказано: «Назначая [на должность] прозорливых, не следует сомневаться, а изгоняя неверных, не следует сожалеть»^[117].

Смиренно прошу, чтобы повсеместно продвигали [по службе] прозорливых и добродетельных, а недостойных и безнравственных изгоняли».

5. Об отборе управителей провинций

[Чиновник] третьего старшего ранга, средний государственный советник, командующий Правой личной государевой охраной и инспектор провинций Муцу и Дэва Ёсиминэ-но Асоми Ясуё почтительно докладывает: «Управители провинций с древности [следили] за исполнением государевых указов, хотя людей, обладающих человеколюбием, [среди них] было не так много.

Смиренно прошу, чтобы один достойный управитель одновременно руководил несколькими провинциями, а большие и малые дела управления по его усмотрению предоставлять одному-двум его подчиненным.

Кроме того, если жалование не будет достаточно щедрым, то люди не будут достаточно усердными. А если люди перестанут быть усердными, тогда порядок в государстве невозможно будет поддерживать.

Смиренно прошу, чтобы из государственных полей провинций выбрали самые урожайные и отдали их в распоряжение двух [достойных] управителей. [На первый раз] следует попробовать подобное на [землях] одной провинции, дабы выяснить, способствует ли это [лучшему] управлению, а уже потом применять в других местах».

6. О том, что все отпрыски знатных родов должны усердно изучать каноническую литературу и исторические сочинения

[Чиновник] третьего младшего ранга и придворный советник Тадзихи-но Махито Имаро почтительно докладывает: «В далекие времена выискивали канонические сочинения, [чтобы следовать им], а прежние государи управляли государством при помощи талантов, отобранных по всей [стране].

Смиренно прошу, чтобы отпрыски всех родов под руководством Дайгакурё^[118] глубоко познавали каноническую литературу и исторические сочинения, а достигших на этом поприще успехов подвергнуть проверке и назначить на должности. Что же касается потомков лиц пятого ранга и выше^[119] в возрасте до двадцати лет, то все они должны незамедлительно поступить в распоряжение Дайгакурё».

Вышеизложенный доклад обнародован в соответствии с государевым рескриптом от восьмого дня нынешнего лунного месяца.

**Необходимо восстановить прежний порядок отбора
на места учеников^[121] и самых выдающихся
выпускников^[122] литературного
отделения [Дайгаку]^[123]**

В докладной записке^[124] Сикибусё говорилось: «Профессор изящной словесности Мияко-но Сукунэ Хираака^[125], пятый старший ранг нижней ступени, в своем прошении сообщал: «В нормативном установлении-«кяку» от 27-го дня 3-го лунного месяца 2-го года Тэмпё сказано, что следует отобрать в ученики литературного отделения [Дайгаку] двадцать одаренных юношей из мелких ранговых служащих^[126] и людей, не имеющих ранги^[127], без ограничений по возрасту»^[128]. Однако в распоряжении [Большого государственного совета] от 2-го дня 12-го лунного месяца 11-го года Конин^[129] отмечалось, что еще 15-го числа 11-го лунного месяца [того же года] Дайдзёкан постановил: «Изучив установления [династии] Тан, [выяснили, что] учениками двух [столичных] школ Чжаовэнь^[130] и Чунвэнь^[131] могли становиться только отпрыски [лиц] третьего ранга и выше, а из простолюдинов отбор не производится»^[132]. В настоящее время в ученики литературного отделения [Дайгаку] следует брать отпрысков прославленных родов. В управлении [Дайгаку] им надлежит устроить экзамен [на владение литературными жанрами] «ши» и «фу»^[133] и [только после этого] принять на вакантные места. [Затем] выбрать среди учеников тех, кто достиг успехов в учебе и провести для них повторный экзамен и [Сикибу]сё, который называется «сюнси»^[134]. [Из тех, кто выдержал экзамен], выбрать самых выдающихся и зачислить их учениками на курс «сюсай»^[135].

Если сейчас говорят об отпрысках известных родов, то следуя логике текста распоряжения [11-го года Конин], имеют ввиду сановников третьего ранга и выше. И раз уж дела обстоят таким образом, как описано в тексте распоряжения, то на пути обучения [студентов

Дайгаку] существуют препятствия. Но как же тогда Дайгаку сможет стать местом, где превозносят таланты и возвращают способности? Там должны пребывать все самые одаренные люди Поднебесной и собираться вместе выдающиеся таланты всей страны.

Сотоварищи [Цзы] Ю и [Цзы] Ся^[136] не были ни детьми правителей, ни детьми высших сановников. Сподвижники Ян [Сюна]^[137] и [Сыма] Сянжу^[138] происходили из бедных семей. Выдающиеся способности зачастую не присущи знатным, а знатные не обязательно талантливы. А для правителя при отборе людей на службу только способности и представляют [высшую] ценность. [И даже тот], кто с утра был ничтожным слугой, к вечеру может возвыситься до сановника^[139]. А что говорить о менее одаренных учениках, как им сохранить честь семьи? В глубине души опасаясь, что в будущем это станет причиной отдаления молодых людей от учения.

К тому же среди учеников литературного отделения [Дайгаку] пятерым присуждают степень «сюнси», а [только] двоим «сюсай». В последние годы вновь издавались государевы указы, согласно которым, если нет [претендентов из] известных родов, то разрешается присуждать степень «сюнси» [юношам не из их числа]. [В результате] дети из самых знаменитых родов отступают и занимают последние места. Хотя наименования [степеней «сюнси» и «сюсай»] и различны, но экзамены для них одинаковы. Нет смысла расширять учебную программу, поскольку для служебной карьеры это не имеет никакого значения. Кроме того, согласно законам, существуют две ученые степени: «сюсай» и «синдзи»^[140]. Способы проведения экзаменов и степень сложности для них различна. По этой причине первоначально отбирают двух самых достойных выпускников литературного отделения [Дайгаку]. В соответствии с их степенью одаренности и глубиной познаний проводят экзамены на получение [ученых степеней] по двум направлениям.

И если сейчас учеников называют «сюсай», то опасаясь, что мало кто отвечает требованиям [этого] направления. Смиренно прошу: поскольку [степень] «сюнси» давно вышла из употребления, следует вернуть для учеников «сюсай» прежнее наименование. Отбор студентов литературного отделения [Дайгаку] необходимо осуществлять в соответствии с установлением годов Тэмпё^[141]. Смиренно прошу [издать] распоряжение».

По этой причине Управление [Дайгаку] представило доклад в Министерство Церемоний, которое [в свою очередь] испросило распоряжение [Дайдзёкана].

Доложил Средний государственный советник, Укон-но дайсё и воспитатель престолонаследника Ёсиминэ-но Асоми Ясуё, третий старший ранг.

В соответствии с прошением был издан государев указ.

*Тэнтё, 4-й год^[142],
6-й лунный месяц, 13-й день.*

[Свод] законов-рѣ с официальными пояснениями «Рё-но гигэ» (833 г.)

Предисловие^[143]

Составлен согласно государеву указу чиновником третьего старшего ранга, Правым министром и старшим военачальником Левой личной государевой охраны Киёвара-но Махито Нацуно и подан им с помощниками [на высочайшее имя]^[144].

[Ваш] подданный Нацуно и иже с ним [почтительно] молят: «[Ваши] подданные слышали, что весна порождает, а осень губит^[145]. Награды и наказания, небо и земля шествуют вместе^[146]. Инь несет грусть, а Ян — безмятежную радость^[147]. Законы и распоряжения действуют подобно ветру и инею^[148]. Того, кто их нарушит, непременно погубят, тая такую же опасность, как пламя свечи для ночного мотылька. Тому, кто их преступает, возмездия не избежать, так же как мухе, увязающей в клейкой паутине.

В древности, в минувшую эпоху недеяния, правилам перевоспитания, не отличавшимся строгостью, следовать было легко^[149]. Но со времени введения расписных одежд для преступников, нравственной душе стало трудно сохранять искренность^[150]. Направления трех кодексов Лун Чжоу все более увеличивались^[151], а потоки [свода законов] из девяти разделов Великой Хань постепенно разделялись, и в конце концов перепутались^[152]. И хотя уже составлено столько сводов законов, что они переполнили повозки и хранилища^[153], нарушителей порядка такое множество, что кажется, словно половина всех жителей [Поднебесной] преступники, и исправить это положение пока не представляется возможным. Пусть даже свод законов отлили на треножнике и запечатлели на бронзовом колоколе, все равно повсеместно [скрывающиеся] в горах разбойники не несут наказания.

В эпоху падения нравов возникают мятежи и беспорядки. Появляются больше путаных законов и чрезмерных наказаний. Высшие,

назначая на должности, руководствуются только собственным настроением^[154], а низшие, поддаваясь их чувствам^[155], исполняют [законы]. [Указы], изданные утром, вечером [уже] отменяют, расточая понапрасну слова, начертанные стилем. Богатому легко, а бедному тяжело, поскольку за взятку закон становится на сторону богачей. Вынесение более сурового наказания вопреки закону не сравнится даже с остротой клинка. Необоснованное смягчение приговора — недостойно милосердного воспитания старших^[156]. По этой причине, когда законы составляются, но не вводятся в действие, то законов, словно не существует^[157]. Когда не понимают основ законодательства, то вынесение обвинительных приговоров превращается в забаву.

По нашему смиренному разумению, моральные принципы нашего государя выше, чем у [Вэнь-ди], который пять раз отказывался от престола^[158], а усердия больше, чем у [Чжоу Гун-даня], который сумел трижды объединить [земли Поднебесной, пока один раз мыл волосы]. Они оставили потомкам законы, подобные золоту и яшме^[159], и ввели эти законы последовательно в действие^[160]. Был вырублен весенний бамбук наказаний Ци^[161] и уничтожены осенние сорные травы судебного уложения Цинь^[162]. Однако в той местности, где Кун Чжан наблюдал небесное сияние между Полярной звездой и Альтаиром, из-за обилия осужденных по ложным доносам, свечение больше не появляется^[163]. На земле, где Хуан-ди бросил колодки Чи Ю, виднеется роща стоящих друг за другом благоухающих деревьев «фэн»^[164]. Вызывает беспокойство и то, что при составлении свода законов, текст его [получился] небольшой, хотя суть весьма обширна. Разъяснения же прежних ученых полны разночтений и не дают единого видения. Одни строго придерживаются идей, позаимствованных в семейных преданиях. Другие подходят к вопросу с сильным личным предубеждением. И хотя истолкование закона должно быть единым, но, если одно мнение не устраивает, то прибегают к другому пояснению, [порой ему] противоречащему. Было даже установлено: чтобы не опираться на односторонние толкования, следует придерживаться поочередно мнений обеих сторон, но это в результате породило кривотолки при определении тяжести приговора. Когда заслушивались одинаковые судебные дела, одних преступников миловали, а других казнили; одних наказывали, а других нет^[165]. По этой причине мы приложили все усилия, чтобы указать на ошибки при вынесении судебных решений, предложить способы их исправления и тем самым глубже постичь замыслы государя.

Здесь [ваши] подданные собрали различные пояснения нескольких видов и установили единый стандарт для законов. [Ваши] подданные в соответствии с волей государя устроили диспут для выяснения истины. [В этой дискуссии участвовали]: придворный советник, глава Министерства Наказаний и управитель провинции Сина-но Минабути-но Асоми Хиросада^[166], третий младший ранг; придворный советник, глава Правой ревизионной канцелярии и управитель провинции Симоцукэно Фудзивара-но Асоми Цунэцугу^[167], четвертый младший ранг нижней ступени; управитель Лево́й полови́ны столи́цы и профессор изящной словесности Сугавара-но Асоми Киётомо^[168], четвертый старший ранг нижней ступени; глава ведомства «кагэю» Фудзивара-но Асоми Отоси^[169], четвертый младший ранг нижней ступени; старший помощник главы Министерства Наказаний и управитель провинции Иё Фудзивара-но Асоми Мабору^[170], четвертый младший ранг нижней ступени; главный судья Окихара-но Сукунэ Микику^[171], пятый старший ранг верхней ступени; управитель провинции Ава Ёсимити-но Сукунэ Масада^[172], пятый старший ранг нижней ступени; младший помощник главы Дадзай[фу] Опо-но Асоми Такамура^[173], пятый младший ранг нижней ступени; младший историограф левой [ревизионной канцелярии], профессор права и судья ведомства «кагэю» Сануки-но Кими Наганава^[174], шестой младший ранг нижней ступени; инспектор [Министерства Наказаний] Кавакарэ-но Обито Катинари^[175], восьмой младший ранг верхней ступени; «токугёсэй» правоведения Аябэ-но Мацунари^[176], старший начальный ранг верхней ступени; и другие.

[Все мы] старались найти текст, начертанный в древности на стене дома Чэнь^[177], хотя он и не сохранился, и справлялись о своде законов знатного дома Юй-ши, хотя он, конечно же, пришел уже в полную негодность^[178]. Добродетельные люди всегда следуют законам, ни слова не упуская, даже если они исходят от заурядного человека^[179]. Глупцы законы сокращают, не принимая истины, даже если она исходит из уст мудреца. Кое-что мы добавили, а что-то сократили, но постоянно следовали духу древних законов^[180]. Кое-что добавили, а что-то опустили, но это не является новым толкованием [законов] вашими подданными.

Когда трудно различить пять мечей по их качеству^[181], а два драгоценных камня по их ценности, тогда непременно с почтением обращаются за государевым вердиктом и исправляют ошибки, [накопившиеся за] долгое время. В древности Ю Чао при помощи гексаграммы «да чжуан» создал [для людей] жилища^[182]. Рыболовная сеть

была еще [людям] неизвестна, а потому Фуси посредством гексаграммы «ли» просветил их, научив заниматься охотой и рыболовством^[183]. Нынче же основы, [заложенные великими первопредками], преодолев все трудности, перешли к солнцу мудрости. [Ваши] подданные недостойные Гао [Яо] и Юй [Шуня] из дальних и Сюнь [Сюя] и Цзя [Чуна]^[184] из близких, скованные неумением, на протяжении [многих] лет ревностно выполняли свои обязанности без остатка.

Разделив текст, мы получили десять свитков, а [сочинение] назвали «Рё-но гигэ». В целом его подразделение на «главы» и «статьи» подробно показано ниже. Как мелкие и глубоководные реки сливаются в великое море^[185], так малые и большие государственные дела в равной мере восходят к государеву двору^[186]. Смирненно кланяясь, преподносим [это сочинение]».

Спор о распознавании ума и глупости «Бэнью-о вакимаэру рон»^[188]

Есть люди мудрые, а есть — глупые. Есть вещи красивые, а есть — безобразные. Люди, наделенные талантами и способностями, считаются умными. Вещи, обладающие красотой и формой, считаются прекрасными. Поэтому среди людей есть талантливые и способные, чья репутация высока, а среди вещей — обладающие красотой и формой, чья ценность значительна.

Почему же людей оценивают не по уму или глупости, а вещи — не по красоте или уродству?

Получается, если сравнить холм в местности Цюйфу, [где покоится Конфуций], и обычный могильный холм, то между ними никакой разницы нет. Если же смешать пурпурные и красные орхидеи с полынью, то различить их будет невозможно. [Я] искал объяснение этому в различных трактатах, не понимая, где закралась ошибка. [Наконец], поразмыслив, решил, что подобно тому, как среди трав есть ароматные и зловонные, так и среди людей есть мудрые и глупые. И благоухающие, и смердящие [растения] произрастают в одном саду; [и те и другие] имеют стебель и листья. [Точно так же] и умные и глупые живут между Небом и Землей, а значит, и у тех, и у других есть голова и ноги.

Возможно, между людьми нельзя провести различие, поскольку нет критериев для оценки. Одни из них умные, другие — глупые, но в толпе нет никакой разницы. [Точно так же и среди трав]: некоторые ароматны, а некоторые зловонны, хотя [по внешнему виду] для людей все они похожи. В конце концов, мудрость и глупость сливаются воедино, и уже нет различия, существовавшего между ними когда-то, точно также как смешиваются приятный и дурной запахи, когда вдыхаешь их одновременно. В то же самое время тот, кто не лишен наблюдательности, замечает и разделяет людей умных и глупых.

пых. Тот, у кого тонкое обоняние, улавливает и различает ароматный и дурмящий запахи, источаемые травами.

Известно, что осенью в девятый лунный месяц наводящие ужас вихри становятся еще более свирепыми и яростными. В три зимних месяца лютость холодов становится убийственно суровой. Однако время зимней поры кончается, и начинается весна. Все деревья в лесах распускают листья, все травы в полях зацветают. Те растения, которые по природе своей обладают смрадным запахом, снова начинают испускать зловоние. Растения же изначально благоухающие опять источают аромат. Это оттого, что натура, заложенная природой, неодинакова, а потому все живое имеет свой характер. В результате, зловонные травы растут на дороге, а коровы и овцы топчут их ростки своими копытами. [Между тем], благоухающие травы приносятся в храмах, уста демонов и божеств пробуют их на вкус.

Если «благородные мужи» нашего времени плотно заткнут клюв кукушкам, [дабы они не клевали цветы], то благоухание долго продлится. Если они рвут с корнем все сорные травы, то их дурной запах не будет смешиваться [с ароматами]^[189]. Не нужно помещать их в один сосуд, а следует разместить в разных местах.

Только после этого можно будет понять, в чем различие между благоуханием прекрасных сортов и зловонием дурных.

Записи о горе Фудзияма

«Фудзияма ки»^[190]

Гора Фудзияма находится в провинции Суруга. Подобно острокопечному пику, она поднимается ввысь до самых небес. Высоту ее измерить невозможно. И хотя в исторических трудах повсеместно упоминаются [различные] горы, и по сей день нет горы выше [Фудзи]яма. Эта устремленная вверх остроконечная вершина необычайно величественна. Когда смотришь на нее, то попадаешь в край небожителей, то проникаешь взглядом в морскую пучину. Когда любишься обширным подножием этой непостижимой [горы], взгляд простирается на несколько тысяч ри, а путешественники минуют подножие горы, лишь потратив несколько дней. Если, пройдя столь долгий путь, пожелаешь оглянуться, то станет понятно, что ты все ещё у подножия горы. Это потому, что Фудзияма — это место, где собираются и развлекаются бессмертные. В годы Сёва^[191] с вершины Фудзияма прикатилась жемчужина, в которой виднелись маленькие отверстия. Видимо, это была драгоценность, которая раньше принадлежала небожителям.

В пятый день одиннадцатого лунного месяца семнадцатого года Дзёган^[192] чиновники, следуя древней традиции, учредили праздник. После полудня небо совершенно проясняется и, если смотришь на вершину горы, то видишь двух красавиц, одетых в белые одежды. Они танцуют на вершине горы. Местные жители видели, как они возвышались над вершиной горы на одно сяку.

Название горы Фудзи было заимствовано из наименования уезда. Божество, обитающее на горе Фудзи, именуются Асама-но ооками^[193]. Вершина горы проступает из-под облаков и ее невозможно измерить. На вершине горы — равнина. Ширина ее огромна — около одного ри. В центре этого пика есть впадина, по форме она похожа на сосуд для варки пищи. В нижней части впадины расположен не-

обычный пруд. В пруду лежит большой камень, форма которого удивительна и похожа на саму вершину. Из этой похжей на блюдце [впадины] обычно идет пар. Цвет пара совершенно голубой. Когда смотришь на дно этой впадины, кажется, что кипит вода. Если смотришь на вершину горы издалека, всегда видишь дым и огонь, идущий, словно из очага. Вокруг пруда растет бамбук. Он темно-зеленый и необыкновенно нежный. Снег, который лежит на вершине горы, не тает ни весной, ни летом. У подножия горы растут маленькие сосны, а на самой горе совсем не растут деревья. Гора состоит из белого песка. Люди, вскарабкиваясь на нее, останавливаются уже у подножия, сползая вниз по горе, не могут достичь ее вершины, поскольку белый песок сыпется вниз. Говорят, что в древности там жили отшельники, которые умели подниматься на вершину^[194].

Все, кто поднимается на гору Фудзияма, прикасаются лбом к ее подножию. У подножия горы есть большой источник. Он впадает в большую реку и хотя в жаркие времена и сезон холодов [ширина] его потока уменьшается, источник никогда не иссякает.

К востоку от Фудзияма находится небольшая гора. Местные жители называют ее «новой горой» — «Ниияма». Раньше это была равнина, но в третьем лунном месяце двадцать первого года Энряку^[195] все вокруг заволокло темным туманом и облаками, а через десять дней, как говорят, появилась эта гора^[196]. По-видимому, она была создана [самими] богами.

Мияко-но Ёсика (834?—879)

**Надпись на бутылочке для сакэ
(тёсимэй)**

Долго готовить, словно чай.
Какова же полезность при возлиянии?
Достигаешь внутренней гармонии
Разгоняешь тоску и излечишь все болезни.

Фудзивара-но Асоми Токихира^[198],
не имеющий ранга^[199]

[О том], кому следует [пожаловать] пятый старший ранг нижней ступени.

[В] Министерство центральных дел^[200].

Бо Циню было пожаловано княжество Лу^[201]. [Чжан] Пи-цян получил пост «шичжуна»^[202]. А вот [Фудзивара-но] Токихира — сын выдающегося отца^[203], наследник его талантов. Наступил тот счастливый момент, когда ему совершили [обряд] гэмпуку^[204]. Он подобен перу феникса^[205] и должен быть особо отмечен титулами и рангами. [А потому] следует поступить в соответствии с прецедентами. Ожидаем решения государя^[206].

Нинна, 2-й год^[207], 1-й лунный месяц, 2-й день.

Стихотворения-канси

Сакэ^[208]

В тихой беседке открываю кувшин с сакэ.
В сердце своем впервые [открываю] мудрость и благородство.
Много ли или мало прилипло к чашке листьев бамбука.
[Одно тревожит]: переполнена ли чаша и [видим ли мы]
истишный цвет груши.
Вместе с содержимым чаши снизойдет душевное успокоение.
Соприкасаясь коленями, мы будем наслаждаться вином.
Узнаем ли, чего хотят божества?
И стоит ли горевать, что приблизилась ночь?

Веер^[209]

О, круглый лик веера!
Сколько раз моей рукой ты навевал прохладу.
Один твой взмах — и я люблюсь одинокой луной,
Взмахнул несколько раз, и наслаждаюсь слабым ветерком.
Я тревожусь о нескорой осени
И жду, что взамен пройдет жара.
Веер, все зависит от времени года,
И телу моему легко. В руках небес моя судьба!

Кисть^[210]

Трудно, очень трудно писать сочинения,
Даже если кисть остра, она не достаточно тонка для задуманного.
Форма написанного подобна сокрытию в облаках.

**Прожаживаясь в конце зимы
по усадьбе [рода] Фуми[я],
наслаждаюсь первыми цветами сливы в саду^[211]**

На днях при дворе издан закон, запрещающее пить сакэ^[212]. После выхода закона [его] нарушителей не было^[213]. Поскольку невозможно пригласить старых знакомых или собраться в кругу близких друзей, то нельзя, выпив чашечку сакэ, отдать все силы сочинению стихов. Старые знакомые — не всегда близкие друзья, а близкие друзья — не то же самое, что старые знакомые. Лишь те, кто сочетают в себе и то и другое, живут в усадьбе [рода] Фуми[я]. Поэты — не всегда собутыльники, а собутыльники — не всегда поэты. Лишь те, кто сочетают в себе и то и другое, обитают в усадьбе [рода] Фуми[я]. Пять или шесть моих друзей пришли как раз в то время, когда хозяин усадьбы отдыхал, а потому мы смогли насладиться и стихами, и сакэ. Поразмыслив о проходящем годе, мы убедились, что зима на исходе, а, оглядев растения в саду, обнаружили сливы в цвету.

Время, которое ожидаешь, и которое приходит с трудом, невозможно не ценить. Все, что подвержено быстрому изменению, нельзя не любить. И коли мы собрались в компании старых друзей, не следует ли сочинить оду-«фу» о великолепии ранних цветов на благовонных деревьях? Так мы отдадим дань учению Конфуция всем, кто входит в круг наших знакомых.

С чего начнется и как завершится год即将到来的?

Взгляни! Он как ранние сливы зимней порой.

Их осталось совсем мало, а они согревают друг друга своим участием.

Потому что старые друзья соединили бокалы.

Записки из кабинета учёного «Сёсайки» (893 г.)^[214]

В квартале Сэнфу восточной половины столицы^[215] есть один дом. В юго-западном углу [этого] дома располагается галерея. На южном окончании [этой] галереи находится комната. Открываешь ее — а там квадрат [размером] чуть более одного дзё^[216].

Те, кто отверг такой удел, [находят] опору для своих деяний. Те, кто нашел здесь пристанище, сокрылся от обыденной жизни. Если сосчитать всех, кто вышел из этой комнаты и получил [учёную] степень «сюсай», то получится около ста человек. По этой причине учёные дали комнате название «Рёмон» — «Врата Дракона»^[217]. Еще [эта комната] именовалась «Санъинтэй» — «Беседка на тенистом склоне гор», потому как находится к западу от небольших гор.

[На западе] перед входом растёт одинокая слива, а если подойти к дому с восточной стороны, то в нескольких шагах от него имеются несколько побегов бамбука. Каждый раз, когда наступает пора цветения, дуют благоприятные ветры и на сердце становится легко и радостно, а душа возвышается.

Перед тем как я стал «сюсаем»^[218], мой отец^[219], давая мне наставления, сказал: «Эта комната — особенное и примечательное место. Упорно постигая учение и убеждаясь в его необходимости^[220], ты на [некоторое] время поселишься в [этой] хижине». Тогда я перенес циновку и обустроил комнату, перевез книги и обосновался здесь. Хоть обстановка и была тесной, но [я] возвысился над своими чувствами. Ведь есть друзья, а есть родственники. Потому, даже если нет общения близкого настолько, чтобы царило полное одиночество, то создаешь [хотя бы] видимость хороших отношений. И если [в душе] испытываешь сомнение и недоверие, то в речах стараешься быть дружелюбным. Одни при этом без умолку болтают о просвещении, самовольно открывая книги из тайного хранилища, дру-

гие говорят только о получении аудиенции, запросто ломая сиденье для отдыха.

Стило — орудие для того, чтобы переписывать книги и удалять ошибки^[221], но в толпе, подобной птичьей стае, не знают, как пользоваться этим предметом^[222]. Орудуя острием, царапают стол и [в конце концов] приводят его в негодность. Развлекаясь кистью, только пачкают книги. На пути учения главным становится только лишь переписывание текстов^[223], а для применения сделанных выписок основой являются черновики^[224].

Я не обладаю соответствующими талантами, и все еще никак не могу преодолеть препятствия по пути совершенствования манеры письма. Поэтому находящиеся здесь мои скромные записи — это только черновики с выписками из книг.

Людам со стороны трудно вникнуть в такой настрой, а те, кто обладают знаниями, получив подобные записи, прячут их за пазухой. Люди непросвещенные, овладев [такими записями], просто рвут их и выбрасывают. Такие случаи уже получили распространение. Да и других мелких забот и затруднений не счесть.

Но среди друзей есть люди, без которых трудно обойтись. В зависимости от того, насколько [такие люди] необходимы, они проходят за шторы. Те же, кто пришел без приглашения, не могут взять в толк, что пришедшие до них находятся здесь по делу, а потому бесцеремонно входят, хотя в этом нет никакой необходимости. Как это печально и горестно!

Опускаю полог [по примеру] господина Дуна^[225] и отбиваю ритм на стене [подобно] Сюэ-цзы^[226]. Хотелось бы не просто постичь глубины учения, а снова стать беспечным и беззаботным. Сейчас я пишу этот текст, но разве данные размышления призывают прекратить общение с другими людьми? Это только сочинение, рассеивающее скуку^[227]. Мне стыдно за то, что не соорудил за воротами гостевой домик, ибо бессмысленно, сидя за шторами, вводить меры против незваных посетителей. Это относится и к тем, кто меня не знает, поскольку я известен только трем людям. Боюсь, что, уклонившись от мелкой сети для ловли ласточек и воробьев, птица феникс [высоко] взлетит и растворится в небесах^[228]. От страха даже замирает дыхание.

Написано в седьмой лунный месяц года мидзуното-уси.

Классифицированные нормативные установления трех периодов «Руйдзю сандай кяку» (нач. X в.)

Предисловие^[229]

Составлен согласно государеву указу чиновником третьего старшего ранга, старшим государственным советником, старшим военачальникомлевой личной государевой охраны и управителем-«адзэ-ти»^[230] провинций Муцу и Дэва Фудзивара-но Асоми Фуюцугу и подан им с помощниками [на высочайшее имя].

[Ваш] подданный слышал, что уголовные законы-«рицу» почитают за главное наказания и наведение [должного] порядка; гражданские законы-«рё» берут за основу убеждение и наставление; нормативные установления-«кяку» определяют границы нынешней [правовой] системы в соответствии со временем; внутриведомственные инструкции-«сики» восполняют недостатки [в законах «рицу» и «рё»] и добавляют упущенное»^[231].

Эти четыре [основы] взаимозависимы и потому заслуживают сохранения из поколения в поколение. Это также как холод и жара, сменяя друг друга, приводят к урожаю, день и ночь попеременно способствуют развитию всего сущего. Придерживаясь устоев, мы осуществляем преобразования, а потому могут возникать трудности. На самом деле, для равновесия в управлении государством, существуют узда и кнут, управляющие народом.

В древности в эпоху простоты общих нравов, законодательство ещё не появилось: управляли, не действуя, стремились к культурности, не применяя строгих наказаний. В двенадцатом году правления государыни Суйко наследный принц из верхнего дворца — Сётокутайси самолично составил уложение из 17 статей^[232]. С этого началось установление законов нашей страны. Позднее в первом году правления государя Тэнти обнародовали свод законов в двадцати

двух свитках. В народе они известны как законы государева двора Оми^[233]. Затем в первом году Тайхо^[234] во время правления государя Момму Фудзивара—но Асоми Фухито, посмертно возведенный на должность Дайдзэ дайdziна^[235] старшего первого ранга, согласно государеву указу составил свод законов-«рицу» в шести свитках и свод законов-«рё» в одиннадцати свитках. Во втором году Ёро^[236] опять же министр [Фудзивара—но Асоми] Фухито, исполняя государево повеление, вновь составил кодексы законов «рицу» и «рё» по десять свитков в каждом. Эти кодексы действуют и поныне. Поэтому в государевом рескрипте от 20-го дня 5-го лунного месяца 9-го года Тэмпё сёхо^[237], сказано: «В последнее время, отбирая людей, ранги присуждаются в зависимости от их положения. Людей высокого ранга не годится назначать на несоответствующий пост. Поэтому далее следует придерживаться нового указа. В прошедшие годы Ёро^[238] Мы отредактировали свод законов «рицурё», составленный по государеву рескрипту нашим дедом по материнской линии покойным Дайдзэ дайdziном [Фудзивара—но Асоми] Фухито. Повелеваем соответствующим управлениям незамедлительно ввести этот [свод законов] в действие».

Добротель предыдущего императора [Хэйдзэя] равна Небу и Земле, а его сияние подобно Солнцу и Луне. Пространство между четырех морей умиротворено, а в восьми направлениях нет никаких происшествий. Однако чувства сосредоточены на способах организации государства, мысли отданы мерам управления страной. Смирено полагаю, что [законы] «рицурё» являются основой для соблюдения принципов управления. Дополнительные правила, таким образом, необходимы для выполнения служебных обязанностей.

Однако сейчас осуждают то, что законы «рицу» и «рё» постоянно изменяются и корректируются, а [собрания] «кякусики»^[239] не сведены воедино и не отредактированы. Когда размышляли об этом в связи с управлением государством, то стало очевидно ранее сокрытое от взора. И тогда Левому министру Фудзивара-но Асоми Утимаро, первый младший ранг, и покойному придворному советнику и управителю провинции Хитати Сугано-но Асоми Мамити, третий младший ранг, а также прочим [чиновникам] была передана воля государя, чтобы они заново составили [собрания] «кякусики». Однако начинание не было завершено, его приостановили в связи с общегосударственным трауром после смерти правителя и более им не занимались.

Ныне царствующий император в силу присущей ему природной одаренности перенял священномудрость своего предшественника, а

обладая высочайшей добродетелью, унаследовал и его добродетель. Простирая на всю страну своё блестящее правление, мир и покой, распространил гуманную культурность. Однако, оглядываясь назад, он обнаружил, что дело, задуманное его покойным предшественником, ещё не исполнено. Мысли и чувства государя настойчиво устремились к наследованию завещанного отцом дела. По этой причине был издан государев рескрипт, чтобы незамедлительно свести воедино и отредактировать [собрания «кякусики»].

Чиновники: старший государственный советник по совместительству занимающий пост старшего военачальника левой личной императорской охраны и «адзэти» провинций Муцу и Дэва подданный Фудзивара-но Асоми Фуюцугу, третий старший ранг, покойный средний государственный советник, подданный Фудзивара-но Асоми Кадономаро, третий старший ранг, государственный советник и наместник провинции Оми подданный Акисино-но Асоми Ясухито, третий младший ранг, придворный советник и распорядитель дворца наследника престола и вместе с тем надзиратель левой дворцовой охраны и помощник главы Сикибусэ^[240] подданный Фудзивара-но Асоми Мимори, младший четвертый ранг верхней ступени, младший военачальник левой личной императорской охраны подданный Татибана-но Асоми Цунэнуси, пятый младший ранг нижней ступени, главный судья и по совместительству старший инспектор по уездным делам провинции Харима подданный Мононобэ-но Сукунэ Нагахара, пятый младший ранг нижней ступени, — все они получили государево повеление, чтобы, во-первых, следуя воле правителя, во-вторых, используя распоряжения Дайдзёкана, найти во всех управлениях сохранившиеся образцы пояснений к законам, и обдумав, что было ранее, и что сохранилось до наших дней, рассмотреть что подходит, а что нет. В результате собрать распоряжения для каждой [тематической] рубрики и разослать [такое собрание] во все ведомства.

Установившие систему управления, соответствующую нашему времени и полагающиеся на волю правителя составили этот доклад, уделив особое внимание «кяку». Хотя государева рескрипта пока не последовало, хорошо разбирающиеся в сущности вопроса, подданные подали правителю докладную записку, где, исполняя его волю, предложили способы объединения всех дополнений к законам в одно [собрание]. Когда часто происходят обновления, те, кто различает, что было прежде, а что после, сокращая первое и поддерживая второе, избегают повторений. В зависимости от того, что в повседневных делах, которые ведутся во всех управлениях, может пригодить-

ся при составлении свода законов и указов, и что соответствует исконной традиции, похожие разделы либо расширялись, либо урезались, дабы впоследствии быть включенными в состав собраний «сики»^[241]. Если встречались перемешанные сходные части, и было непонятно, в какой раздел их включать, то их размещали в конце как смешанную часть. Из тех положений, что присущи всем управлениям, но в которых уже не установить где то, а где это, и поэтому хотя они и бытовали в течение долгого времени, но на самом деле уже не приносят пользу, сложно вывести правила. Детально описав данное положение дел, смиренно внимаем высочайшему решению. Подобно тому, как для успешного измерения таких трудно исчисляемых продуктов как рис и соль, рыба и мясо их помещают в различную посуду, ваши подданные уже облегчили тело тем, что все обсудили, придерживаясь, по возможности, компромиссов, и не беспокоя государя предварительными результатами.

Утренняя церемония выражения гостями своего почтения государю двору и церемония встречи заморских гостей были изменены в соответствии с требованиями времени. Что касается прецедентов, то они в подробностях зафиксированы в записях. А практику отбора чиновников, неукоснительно осуществляемую уже длительное время, с тех пор как в годы Энряку^[242] государю была представлена выборка из отчетов инспекции «Кагэюси»^[243], сохранили, как это было в древности, не внося собственных предпочтений. Годы уходят, облик столичного града постоянно меняется, а черновики документов различных управлений в основном утрачены. Поэтому, хотя и приложили все силы к расследованию, пока ещё многое не подготовили.

Начиная с первого года Тайхо^[244] и до десятого года Конин^[245] всего было составлено 40 свитков собраний «сики» и 10 свитков «яку». На слова скупые, но по смыслу статей законов подробные, текст сжатый, но суть обширна. Смирно питаем надежды, что те, кто их увидит, с легкостью осознает истинные цели нашего предприятия; те, кто будет претворять их в жизнь, без труда осуществят. Намереваемся огласить их во дворце правителя, чтобы не достичь предела Неба и Земли и запечатлеть на великом колоколе, дабы в металле и камне их не тронул тлен. Ваши подданные уже не разбираются досконально в наследии древних. Таланты их в настоящее время пребывают во мраке. Однако, самовольно восприняв государев рескрипт, решительно вознамерились составить и отредактировать существующий свод законов. И хотя тогда иссякнут поверхностность и ошибочность знаний, но, возможно, останется немало несоответствий.

**Рекомендации^[246] в двенадцати пунктах
«Икэн дзюни кадзё» (914 г.)^[247]**

Перевод^[248]

[Почтительно] молвит [ваш] подданный Киёюки. Осмелился высказаться [после того как] недавно смиренно прочёл государев рескрипт^[249] от пятнадцатого числа второго лунного месяца^[250]. [Государь] повелел высшим сановникам, придворным чиновникам, местной знати и наместникам провинций преподносить увещевания, поощряя добрые деяния, [дабы] исправить упадок нравов с [воцарением] сотого государя^[251] и [тем] избавить простой народ от мучений и бедности. И хотя установили барабаны для принятия жалоб^[252] [по примеру] Тао-тана^[253], и также ревностно наставляли чиновников как Лун-чжоу^[254], все равно не можем достичь красоты «добродетельного правления»^[255].

Согласно древним записям, к которым с трепетом обратился [ваш] подданный, [видно, что] наш государь унаследовал священное [правление] от богов, открыв дальние пределы, сделав почвы плодородными, а народ многочисленным и богатым. Поэтому он смог на востоке усмирить [народ] «сюкусин»^[256], на севере подчинить Ко-гурэ^[257], на западе покорить Силла^[258], на юге обратить в вассала [удельное царство] У-хуэй^[259]. Три корейских [государства]^[260] [постоянно] присылают [посольства] в Японию, а [государство] Пэкче [даже] признало вассальную зависимость. Послы Великой Тан преподносят ценные дары, и даже буддийские монахи из Индии^[261] обратились к [священной] культурности [нашего государя]. Что же стало причиной этого? [Она заложена в том, что] обычаи [нашей] страны основывались на душевной чистоте, а нравы народа — на верно-подданности. [Натуральные] налоги были снижены, а трудовая повинность — необременительна^[262]. Управители проявляли милосердие к подчиненным, а подчиненные искренне почитали своих упра-

вителей. Управление объединенной страной уподобилось управлению единым телом^[263]. Поэтому историк Фань [Е] называл её «страной благородных мужей»^[264], а китайский император выражал своё восхищение государыней Ямато^[265].

Со временем, однако, нравы постепенно подтачивались, что привело к усложнению законов^[266]. С каждым годом налоги увеличивались, а трудовая повинность из поколения в поколение становилась все обременительнее, население же уменьшалось с каждым месяцем, а пахотные земли приходили в запустение день ото дня.

Уже во время правления государя Киммэя^[267] буддийский закон впервые проник в нашу страну^[268], а со времени государыни Суйко это учение обрело много последователей^[269]. [Все они], от высших, [как, например], придворные сановники и чиновники, до низших, [как] простой люд всех провинций, не считались за людей, если не строили храмы и пагоды. Поэтому [их] имущество растрачивались полностью, а строительство буддийских храмов процветало. [Они] наперебой отказывались от полей и садов, чтобы сделать [их] землями буддийских храмов. Покупали многих свободных людей и превращали их в храмовых рабов.

Позднее в [годы] «Тэмпё»^[270], буддийское учение почиталось еще больше. Поля и садовые участки запускаются, а [на пожертвованных землях] строится множество больших храмов. Высота храмовых зданий, огромные размеры [священных] статуй Будды, необычность мастерства и искусность украшений [заставляют задуматься]: не божества или демоны создали все это? Не может это быть творением рук человеческих. Помимо этого, было установлено, что мужские и женские монастыри должны быть построены в каждой провинции семи регионов^[271], а расходы на их сооружение покрывали за счёт налогов поступлений данной провинции^[272]. В результате была израсходована половина государственных запасов.

В то время, когда пришел к власти государь Камму^[273], был осуществлен перенос столицы в Нагаока^[274], но как только её строительство завершилось^[275], сразу же приступили к обустройству [новой] высокой столицы [Хэйанкё]^[276]. Заново отстроили Дайгокудэн^[277] и вновь создали Буракуин^[278]. Дворцовые палаты, здания государственных управ, усадьбы принцев и принцесс, покои [государевых] наложниц — всё являлось пределом искусности архитекторов. [Для этого] были собраны дополнительные налоги^[279]. При это было израсходовано три из пяти оставшихся частей доходов [нашего] государства.

И тогда на престол взошел государь Ниммё^[280], который превыше всего любил роскошь. [Он отдавал предпочтение] редкой резьбе и мозаикам, а также изящно вышитым шелковым и бархатным тканям, что вредило сельскохозяйственным работам, а женщин отвлекало от ремесла. Его наряды, сшитые утром, менялись уже тем же вечером. Каждый день, каждый месяц мода менялась. Средства, затраченные на великолепие и блеск украшений спальных покоев, на роскошь веселых пиров и развлечения, не имела себе равных ни в прошлом, ни в настоящем. Из-за этого казна опустела, и пришлось увеличить налоги. На это была израсходована половина из оставшихся частей доходов [нашего] государства.

В годы «Дзёган»^[281] ворота Отэммон^[282] и дворец Дайкокудэн пострадали от сильного пожара^[283]. К счастью, благодаря искренности беззаветно преданного и служащего государю верой и правдой главного министра Фудзивара Мотоцунэ^[284], и величию его авторитета [среди народа], люди стекались на строительство [в столицу], как спешат оленята на зов матери. [Все, что сгорело], удалось восстановить за один год^[285]. Однако на это ушла половина последней части доходов [нашей] страны. В итоге в настоящее время от прежних десяти частей [доходов нашей страны] и одной полностью не осталось.

[Ваш] подданный недавно в пятом году «Кампё»^[286] был назначен помощником управителя провинции Биттю. В уезде Симоцумити этой провинции есть деревня Нима. Из «Фудоки»^[287] этой провинции следует, что в 6-ой год правления государыни Когёку^[288] главнокомандующий из Великой Тан Су Дин-фан, возглавив армию [государства] Силла, напал на Пэкче. [Государь] Пэкче отправил послов [к нашему двору] с просьбой о помощи^[289]. Государыня соизволила проследовать на Цукуси, дабы отправить военную помощь [Пэкче]^[290]. В то время [будущий] государь Тэнти^[291] [только] стал наследным принцем и принял [бразды] правления [страной, пока государыня находилась на Цукуси]. Следуя по дороге, [государыня] прибыла в уезд Симоцумити [провинции Биттю] и изволила [там] остановиться. Осмотрев одну из деревню [этого уезда], оказалось, что дворы там находятся в чрезвычайном изобилии. Государыня издала рескрипт, согласно которому в этой деревне набрали воинов для похода. Всего угобрали двадцать тысяч превосходных воинов. Государыня очень обрадовалась и [повелела] назвать это поселение «Ниман го»^[292]. Впоследствии оно изменилось и [деревня] стала называться «Нима го». Вскоре после выезда в Цукуси, государыня скончалась^[293], и в конце концов воины никуда не были посланы, поэто-

му [число жителей деревни] должно было увеличиться на двадцать тысяч [набранных для похода] воинов.

Однако в годы «Тэмпё дзинго»^[294], когда [будущий] правый министр Киби-но Асоми [Макиби]^[295], назначенный управителем уезда [Симоцумити], подсчитал количество населения этой деревни, то набралось около 1900 человек, которые полностью платят налоги. В начале годов «Дзёган» [будущий] глава министерства народных дел Фудзивара-но Асоми Ясунори^[296] в бытность свою помощником управителя этой провинции, просмотрел древние записи, то обнаружил [в них] сообщение: «В деревне [набрано] двадцать тысяч воинов». Когда же сверили количество полностью налогооблагаемых жителей [данной деревни] с тем, что было подсчитано в налоговом реестре^[297], то оказалось только 70 человек. После назначения [в эту провинцию вашего подданного] Киёюки, снова был произведен подсчет населения данной деревни, но [к тому моменту] оставались лишь два старика и старуха, четверо взрослых и трое юношей и девушек^[298].

[Совсем] недавно в 11-м году «Энги»^[299], по истечении срока службы [в должности] помощника управителя этой провинции, вернулся в столицу Фудзивара Кимитоси^[300] [ваш подданный] Киёюки спросил [его]: «Сколько сейчас жителей в деревне Нима?». Кимитоси в ответ сказал: «Ни одного». Тогда [я] подсчитал [сколько] прошло лет с 6-го года канэ-но сару правления государыни Когёку и до 11-го года каното-но хицудзи Энги миновало всего лишь 252 года. Насколько же стремительно все пришло в упадок? Взяв [за пример] только одну деревню, следует признать, что ущерб грозит вымиранием всей Поднебесной^[301].

Именно сейчас Вашему величеству представилась счастливая возможность, что бывает один раз в тысячу лет^[302], осветить вечное чередование расцвета и упадка. Сочувствием [нашего государя] благодетельствован весь народ. [Его] милосердие и любовь распространяется во всех четырех направлениях. [Он] одевается на рассвете и только в сумерках принимает пищу. [Он] ночью строить планы, а утром претворяет [их в жизнь]. [Он] творит закон по всей стране^[303] и следит за мыслями молотильщика зерен и лесоруба^[304]. Старинные авторы [писали], что место, где жил Юй^[305] Шунь, через три года [уже] стало столицей^[306], а при жизни Конфуция всё естественным образом пришло в порядок за один год^[307]. Если народ будет обильно плодиться, то не следует ждать пока пройдет необходимое поколение^[308], и [тогда] можно рассчитывать, что провинция возродится в короткие сроки^[309].

[В то же время] пренебрежение служебными обязанностями ради развлечений осмелюсь назвать безумной глупостью. Это всё равно, что смотреть через тростниковую трубку на леопарда, и видеть только одно пятнышко [на его шерсти]^[310], либо рассматривать небосвод со дна колодца и видеть всего лишь в несколько сяку^[311]. То, что [я] осмелился здесь изложить, [свидетельствует], что знания [мои также] ограничены. Со смирением ожидаю воли его величества.

1. Как избежать наводнений и засухи и добиться обильных урожаев

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

Для государства основой является народ, а для народа — пища^[312]. Если не будет народа, на что тогда опираться, а если не будет еды, чем довольствоваться?^[313] По этому, чтобы народ пребывал в спокойствии и было достаточно пищи, нужно сделать так, чтобы не было наводнений и засухи, а урожай был обильным.

С этой целью каждый год 4-го числа 2-го лунного месяца, 11-го числа 6-го лунного месяца и 11-го числа 12-го лунного месяца при государевом дворе при помощи Палаты Земных и Небесных божеств^[314] [должно] проводить ритуалы «Тосигои»^[315] и «Цукинами»^[316]. Помимо того, необходимо строго соблюдать ритуалы очищения, возносить молитвы в Палате Земных и Небесных божеств с пожеланием обильного вызревания [посевов] и выражать благодарность за то, что мольбы будут услышаны [божествами]. Во время этого ритуала служащие ревизионной канцелярии^[317] и [прочие] чиновники, возглавляемые высшими сановниками, отправляются в Палату Земных и Небесных божеств. Там для каждого храма на [специальном] столике выставляют в ряд одну связку «хэйхаку»^[318], один сосуд чистого сакэ и одно копье с железным наконечником. Если есть лошади, пожертвованные храмам (для «Тосигои-но мацури» — одна, а для «Цукинами-но мацури» — две), то служащие левой и правой конюшенных управ^[319] выводят священных коней, выстраивая их в ряд. После того, как завершается чтение ритуальных текстов служащими Дзингикана, [вышеупомянутые] ритуальные предметы распределяются между священнослужителями всех храмов с тем, чтобы они поднесли их своей [священной] обители.

Люди, названные «хафурибэ»^[320] должны бы, приняв подношения, с почтением передать [эти предметы] в свои святилища. Одна-

ко все они в присутствии влиятельных особ хватают шёлк из жертвоприношений и кладут себе за пазуху. Древки копий выбрасывают, оставляя лишь наконечники. Склоняются над сосудами [со священным напитком], разом выпивая его содержимое. Раньше не бывало такого, чтобы кто-нибудь выносил дары за ворота Дзингикана. Со священными конями и того хуже, торговцы за воротами Икухонмон^[321] тут же скупают их всех и увозят.

Как же в таком случае почитаемые божества могут принять эти подношения? А коли они не получают подношений, разве мы можем ждать от них процветания и изобилия?

Почтительно прошу во всех провинциях повторно издать государев указ, согласно которому направить служащих [в должности] не ниже «сисё»^[322], чтобы они, совместно с «хафурибэ», получили подношения и правильно доставили их в [надлежащее] святилище. Только так ритуал сохранится в исконном виде.

Кроме того, в первую луну каждого года повсеместно, начиная с Дайгокюдэн и вплоть до провинций семи регионов, проводят [ритуал] Киссё кэка^[323]. Мудрые правители ежегодно устраивали ритуал «Нинъоэ»^[324], испрашивая обильный урожай для всего народа и избавления от болезней^[325]. Только тогда возрадуются и небо и люди, а простой народ был охвачен чувством благодарности. Причина, по которой ныне не прекращаются наводнения и засухи, заключается в следующем: многие монахи не достойны своего наименования.

[Ваш] подданный обратился к китайским историческим трудам и просмотрел записи нашей династии [и оказалось, что] среди последователей Чань лишь немногие владеют учением полностью и вряд ли есть те, кто удвоил свой разум и силу прозрения. Тем не менее одни твёрдо охраняют заповеди буддизма и не нарушают их до самой смерти, другие во всём следуют пути Бодхисатвы, забывают о себе и приносят пользу прочим людям. Поэтому чаньским монахам легко постичь искренность государя, а их сознание непременно достигает состояния Будды^[326].

Однако сейчас среди всех, начиная с высших буддийских иерархов^[327] и заканчивая простыми монахами, приглашаемыми для чтения заупокойной службы в небольших монастырях, строго соблюдающих заповеди мало, а нарушающих обеты много. Разве могут подобные благие деяния [монахов] соответствовать «трем истинам»^[328]?

Если впредь такого соответствия обнаружено не будет, [на нашу страну] обрушатся огромные бедствия. Смиренно надеюсь, что

впредь все монахи, о чьём беспутном поведении ходят слухи, не будут допускаться до вознесения молитв.

Управители провинций чрезмерно заняты служебными обязанностями, решают множество вопросов и не имеют свободного времени. Поэтому все дела, касающиеся буддизма в провинции, должны быть возложены на «кодокуси»^[329]. Однако многие из «кодокуси» сами не соблюдают заповеди, к тому же встречаются и такие, кто получил должность в обход основного продвижения. Более того, из двадцати монахов государственных провинциальных монастырей [подвергнутых проверке] ни один в этом не раскаялся. [Они] обзаводятся женами и детьми, содержат семьи, работают в поле, занимаются торговлей и ростовщичеством. Но и сейчас управители провинций требуют [от этих монахов], чтобы [они] возносили молитвы. Однако ждать от них помощи всё равно что ловить рыбу, взобравшись на дерево^[330] или собирать цветы, обернувшись к очагу^[331]. Вновь обращаюсь с просьбой о том, чтобы во всех провинциях не могли получить назначение на [должность] «кодокуси» те, кто, хоть и занимаются делами, соответствующими их рангам^[332], но не практикуют подвижничество. Если же монахи из государственных провинциальных монастырей чрезмерно предаются скверне, а «кодокуси» их не призывает к порядку, такого наставника увольнять с должности. Если сделать так, то благодаря молитвам и деяниям мудрого правителя бедствия прекратятся, налоговые поступления уподобятся высоким холмам, дожди будут идти каждые десять дней и народ будет радостно славить [богов], собирая обильные урожаи^[333].

2. Нижайше прошу запретить роскошь^[334]

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

Совершенномудрые государи древности, управляя миром, почитали бережливость, запрещали чрезмерную роскошь, носили поношенную одежду, питались зеленью и просом. Именно такое восхищение [стилем жизни] древних [правителей] считается эталоном «просвещённого правления». Однако сейчас всё больше ширится упадок нравов, «преобразующее [влияние] государя» больше не распространяется [на его подданных]^[335]. Высшие чиновники и мелкие служащие, государевы наложницы и придворные дамы, а также отпрыски влиятельных семейств и праздный люд бездейственно живут в столице, изо дня в день предаются роскоши, проявляя неумерен-

ность в одежде, питье и еде. Расточительность при проведении пышных пиров в честь именитых гостей^[336] увеличивается с каждым днем. Будет ли этому конец, неизвестно? А потому обрисовав нынешнюю ситуацию в общих чертах, позволю изложить свои суждения [по этому поводу].

[Ваш] подданный, взглянув на [обычаи] периодов «Дзёган» и «Гангё»^[337], [увидел, что] принцы крови и придворная аристократия все шили летние «кадзами» из хлопковой ткани из Цукуси, а верхние «хакама» — из серого шелка. Носки шили из «грубого шелка Адзума», а подкладку для обуви делали из крашенного шелка. А теперь [даже] низшие чиновники всех государственных управлений повсеместно «кадзами» шьют из белого «катори», верхние «хакама» — из белого шелка, носки — из белой узорчатой ткани, а подкладку обуви делают из «токати»^[338].

А их женщины от супруги и до последней служанки шлейф-«мо», если он не из «белого шелка [княжества] Ци», ни за что его не надедут. Одежду, если [она] не из «узорного шелка княжества Юэ» — и кроить не будут. Они тратят огромные деньги на алую краску для одежд^[339], хотя и хлопковой одежды будет достаточно, чтобы после первой стирки [она] порвалась в одно мгновение. Так расточительствуют не только в одежде.

В древности Цзи Лу^[340], одевая халат на ватной подкладке, не стыдился роскошных одежд из меха лисицы и барсука. Юань Сянь^[341], довольствуясь лебедой, пренебрегал пышностью четвёрки лошадей^[342]. Это — высшее правило мудрецов, идея непостижимая для заурядных людишек. Поэтому в проявлении чрезмерности [они], соперничая, подражают друг другу, а над бережливостью, поочередно насмеваются. Богатые гордятся тем, что достигли выполнения своих желаний, а бедные стыдятся, что не могут их достичь. И в результате, пошив одно платье, они разрушают дело всей жизни; устроив одно застолье, расходует средства за несколько лет. Из-за этого не возделываются поля, возникают воровские шайки. Если не запретить подобное, будет нанесен ущерб «священной культуре».

Почтительно прошу установить форму одежды в соответствии с социальным положением, а нарушителей наказывать. «Кэбииси»^[343] будут держать [проявления] расточительности под контролем, а пиршествва станут проводить строго в соответствии с [установленными] правилами. А поскольку высшие [подобные] правила обычно нарушают, а низшие им подражают, то настоятельно выражаю пожелание обязать кэбииси впредь действовать сообразно этому распоряжению.

Помимо этого, [известно, что] для всех: от аристократов до простолюдинов в соответствии с их рангами существуют правила заупокойной службы и затрат на погребение. Ныне же из года в год семьи, пребывающие в трауре, растрачивают все своё состояние, состязаясь в устройении пышных поминальных служб семь раз по семь дней^[344]. Столы ломятся от яств, которые превышают квадратный «дзё»^[345]. На приглашение одного монаха расходуется по тысяче золотых^[346]. Одни семьи берут займы у других, а те [вынуждены] продавать свои дома. После этого «почтительные дети» пускаются в бега по причине неуплаты долгов, а их дети-сироты обречены на голодную смерть^[347].

Конечно, среди тех, кого с любовью воспитывали родители, возможно, есть такие, кто не стремится почтить их память^[348]. И все же в совершенствовании добродетели должна быть умеренность. Разве должен переход отца в иную жизнь сопровождаться разорением потомков? Разве должны родственники приглашать людей на поминки, поить и развлекать их? Потчуют друг друга совсем как на пире. Сначала ползают на коленях, предаваясь печали, и вдруг в пылу опьянения переходят к веселью^[349]. Когда Конфуций ел рядом с человеком, пребывающим в трауре, он никогда не наедался досыта^[350]. Когда же мы сможем достичь такой [чистоты нравов]? [Видимо], в столице и её окрестностях так много монастырей, что «кэбииси» просто не успевают осуществить [возложенные на них] запреты^[351].

Почтительно прошу о том, чтобы вновь издали государев указ для придворной аристократии, высшего чиновничества и служащих провинциальных управ, дабы каждый из них сдерживал свою расточительность, и эта воздержанность стала известна всему народу в Поднебесной.

Буддийские монахи и послушники [во время церемоний] «Юима»^[352] и «Сайсё»^[353] — все были собратьями в постижении пути бедности. Помимо чаши для сбора подаяния они не имеют других средств к существованию. Однако от года к году все больше процветают буддийские иерархи, наживаясь за счет жертвоприношений от слушателей [их проповедей]^[354]. Стало обычаем приглашать монахов и иных достойных людей, выставляя горы пищи и проливая реки вина^[355]. Это противоречит буддийским уставам, и наносит вред «священной культуре».

Смирненно высказываю пожелание, чтобы вновь дали наставления буддийским иерархам и немедленно установили на всё [вышеупомянутое] запрет. Позволю себе заметить, что когда высшие не

являют собой примера благочестия, низы естественно впадают в заблуждение и отступают [от добра]^[356]. Если аристократы и высшие чиновники встанут на стражу закона, а монахи будут следовать [согласно своим] уставам, то источник прояснится, и поток сам по себе станет прозрачным^[357]. Исправляя явное, непременно изменим к лучшему и сокрытое.

3. Нижайше прошу издать государев указ по всем провинциям, чтобы наделяли подушными земельными участками согласно реальному количеству жителей

[Ваш] подданный почтительно обратился к налоговым реестрам всех провинций, и оказалось, что более половины [податного] населения, [в них занесенная], уже скончалась. Тем не менее наместники провинций выделяют подушные земельные наделы^[358] строго в соответствии со «счетными списками». Согласно им определяют количество установленной «рисовой ссуды»^[359] и размеры натуральных налогов. [В результате] живые обрабатывают свои поля и платят огромные налоги, тогда как поля умерших тайком продаются и, естественно, не возделываются^[360]. [Получается, что] основная идея выделения наделов и определения [размеров] налоговых поступлений утрачена.

Когда досконально проверил эти сведения, стало ясно, что государственные подушные земельные наделы распределяли, чтобы собирать налоги. Однако сейчас с полями уже совершены фальсификации, и в итоге поступления [в казну] уменьшаются. Управители провинций опираются на несоответствующие реалиям правила выделения земельных наделов, а богачи сосредотачивают в своих руках всё больше плодородных угодий. Это не только причиняет огромные убытки казне, но и приносит вред управлению провинциями. Во всех провинциях следует проверить реальное количество населения и [в соответствии с ним вновь] перераспределить подушные земельные наделы. Оставшиеся поля наместники провинций должны превратить в государственные и распределят по своему усмотрению с тем, чтобы при взимании поземельного налога^[361], доход был предназначен для [уплаты] налогов за несуществующий народ. Остальной рис хранить на [провинциальных] складах, сделав его собственностью [государства].

Если сейчас приблизительно подсчитать число полагающихся вы-
плат, то окажется, что доходы от налогов с мест, где население воз-

росло, возрастут в три раза. И государству выгода, и у народа не будет хлопот. Если всё это будут осуществлять управители провинций, то препятствий быть не должно. Однако это противоречит прежней практике и, возможно, вызовет у народа недоумение. Почтительно прошу во всех провинциях издать государев указ и начать приводить его в исполнение в порядке эксперимента.

4. Низайше прошу увеличить довольствие для учащихся университета

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

«Обеспечение службой талантливых [людей] — основа пути управления страной, важнейшим же способом отбора талантов является школа»^[362]. Поэтому мудрые государи древности непременно создавали школы^[363], где воспитывали добродетель и чувство долга, изучали искусство канона и объясняли смысл общепринятой этики.

Согласно «Чжоу ли», [когда] достойнейшие из высших сановников преподносили государю послания, он почтительно принимал их, потому как почитал Дао и уважал благородных мужей^[364].

[Когда] почтительно ознакомился с древними записями, [то узнал, что] университет при государевом дворе впервые был основан в годы «Тайхо»^[365]. Вплоть до годов «Тэмгё»^[366] Правый министр Киби-но Асоми [Макиби] преподавая самолично, возвеличивал науки и искусства. Всего четыреста студентов обучались [в университете]^[367] по шести направлениям: классический канон; исторические труды; законы; арифметика, разговорный язык и письмо.

Позднее были изданы указы, согласно которым более ста «тё»^[368], земель из уезда Кага провинции Этидзэн^[369], конфискованных у преступника [О]томо-но Якамоти^[370], а также более сорока «тё» государственных полей в уезде Кудзэ провинции Ямасиро^[371] и пятьдесят пять «тё» [рисовых полей] в уездах Масуда и Сибугава провинции Кавати^[372], были предназначены для содержания учащихся. Им дали название «кангакудэн» — «поля для поощрения учености». Кроме того, из «Оирё»^[373] ежедневно выдавали на пропитание [учащимся] один «коку»^[374] пять «то» риса на пятьдесят человек (по три «сё»^[375] на каждого)^[376], вознаграждая истощение [студентов] от кропотливой учебы.

Помимо этого, согласно [соответствующему] государеву указу, [налоговые] поступления с девяносто четырех тысяч снопов риса

ежегодных доходов провинции Хитати^[377] были отведены на различные нужды «Дайгакурё»^[378], а [налоговые] поступления с восьмисот снопов риса [доставляемых] из провинции Танго были выделены для довольствия студентов^[379].

Однако с течением лет все изменилось. В годы «Дзёва»^[380], когда Томо-но Ёсио подал прошение и признания [Отомо-но] Якамоти невиновным^[381], [последнему] были милостиво возвращены поля «кангакудэн» в уезде Кага.

Затем [последовал] государев указ о разделении на четыре части тридцати «тё» рисовых полей в уезде Кудзэ провинции Ямасиро^[382]. Три из них были пожалованы управлениям: «Тэнъякурё»^[383] и Самэрё»^[384] и «Умэрё», а для обеспечения нужд студентов осталась только одна [четвертая] часть.

Земли же двух [вышеупомянутых] уездах провинции Кавати постоянно подвергались наводнениям, и превратились в [одну] большую реку.

А ещё в провинциях Хитати и Танго в результате постоянной смены чиновников весь рис, предназначенный для ссуды, пропал, и никакой прибыли получено не было.

Сейчас из «Оирё» ученикам [в день] выдается на пропитание лишь шесть «то» риса [на пятьдесят человек] и сохранилось только семь «тё» рисовых полей в уезде Кудзэ провинции Ямасиро^[385]. Поскольку этот мизерное довольствие предназначается для нескольких сотен студентов, то его не хватает, даже чтобы сварить жидкую кашичу.

При этом устремления, которым следуют студенты, настолько глубоки, что они забывают о своих страданиях от голода и холода. Каждый из них являет собой пример для восхищения и они сообща живут при частных школах^[386]. [Все ученики] различны как по характеру: [есть] шустрые и медлительные, так и по способностям: [встречаются] одарённые и недалёкие. С одними трудно общаться из-за неуживчивости [натуры], другие же, душа нараспашку, пользуются всеобщим признанием.

Но если всех сосчитать, то не найдется даже трёх-четырёх человек из десяти, со способностями «выше среднего». Поэтому талантливые благородные мужи, которые превосходят других, вскоре получают назначение на службу, а бесталанные удручённо возвращаются домой без результата. Те же, кому некуда возвращаться, поскольку их селения пришли в упадок, укрыв голову кипой белого снега, голодают и теряют свои силы в окрестностях университета^[387].

В результате люди, посмотрев на [эти] толпы [бесталаннх], считают, что университет — это место нереализованных намерений и источник крайней нужды и лишений. Дошло [даже] до того, что родители в целях предосторожности перестали позволять своим отпрыскам поддерживать отношения с университетом. Из-за этого [учебные] аудитории с юга до севера зарастают густой травой^[388], восточное и западное отделения тихи и безлюдны^[389].

В результате профессора всякий раз, как подходит время проведения государственных экзаменов на чин, дают рекомендацию благородным мужам всего лишь на основании их поимённого списка, совершенно не обращая внимания ни на уровень способностей, ни на степень усердия. В результате временами появляются прошения по протекции, из-за чего процветает несоответствие лиц занимаемым местам.

Люди из влиятельных домов, не прилагая никаких усилий, обретают поддержку, получая назначения на высокие посты, а те, кто ступал по останкам родной деревни Конфуция, декламируя [стихи] о «высоком вороте»^[390], покидают школу.

Таким образом, всё пришло в упадок, и нет возможностей для возрождения. Школа прежних государей, в конце концов, превратилась в руины.

[Ваш] подданный почтительно полагает, что основой пути объединения людей является еда. Нижайше прошу выделить на содержание студентов поступления по рисовым ссудам из провинций Хитати и Танго в размере девяносто четырех тысяч восьмисот снопов риса, а также налоговые поступления из некоторых провинций (из которых половина — приморские провинции, а половина — провинции на восточных склонах) в размере двадцати восьми тысяч четырехсот сорока снопов риса.

Еще [прошу] рисовые поля в уезде Кага, которые сперва были милостиво возвращены преступнику Томо-но Ёсио^[391], а затем снова конфискованы и переданы «Кокусоин»^[392] для использования их [в качестве кормлений для рабочих на] строительстве дорог и мостов, вернуть, чтобы превратить их в поля «кангакудэн» как и в прежние времена.

Кроме того, в «Установлениях»^[393] сказано: «Ученики, которые не живут при «[Дайгаку]рё», не могут быть рекомендованы [для получения должности]»^[394]. Сейчас это предписание не может выполняться, поскольку у студентов нет продовольствия. [Прошу] государевым указом обязать профессоров и служащих «Дайгакурё» строго

следить, чтобы студенты всех направлений, не проживающие в «Управлении университета», даже если они талантливы, не могли быть допущены к государственному экзамену на чин. Если поступить таким образом, то те, кто выдержал экзамены, пополнят ряды истинных детей нашей страны, войдут в круг благородных мужей.

5. Нижайше прошу уменьшить число танцовщиц «госэти»

[Раньше], как смиренно полагает [ваш] подданный, среди танцовщиц «госэти»^[395] при государевом дворе все пять участниц [церемоний] «Дайдзё»^[396] удаивались пожалования придворного ранга. В последующие же годы для четверых девушек, [исполняющих танцы] во время [церемонии] «Синдзё»^[397], прецедентов пожалования придворными рангами не было. В результате, когда приближается время «Дайдзё», влиятельные дома наперебой выдвигают своих дочерей, чтобы определить их в танцовщицы «госэти». А в обычный год все люди уклоняются [от этого] под любым предлогом и пренебрегают богослужениями.

Согласно новому распоряжению, всем знатным дамам [было приказано] поочередно исполнять [роль танцовщиц]^[398]. Расходы, однако, настолько велики, что полученное назначение их не оправдывает.

Почтительно поразмыслив над обычаями старины, вспомнил, что в периоды «Конин»^[399] и «Дзёва» особым расположением [государя] пользовались фаворитки, поэтому все семьи повсеместно принуждали отбирать и представлять [ко двору] танцовщиц. Считалось, что так легче проводить их отбор для включения [в женскую половину дворца]. Все дома, которым была оказана высочайшая милость, соперничая, предлагали [своих дочерей], тратя достояние и разрушая свое благополучие.

При нынешнем священномудром государе навели порядок и установили [различные] ограничения. Теперь танцовщицы, завершив выступление, возвращаются в родовые усадьбы, не получая приглашения во внутренние покои^[400].

Зачем же нужно использовать столько танцовщиц?

Обратившись к древним записям^[401], выяснил, что в старину для исполнения танцев прибывали жрицы^[402], и их установленное количество не всегда составляло четыре или пять человек^[403].

[Поэтому] смиренно прошу выбрать двух незамужних девушек из почтенных семейств и определить их в танцовщицы «госэти». [Пусть

им] дважды в год выделяют отрез ткани на сезонную одежду и [назначат] ежемесячное довольствие. [Пусть им] из государственных средств жалуют праздничную одежду и прочие вещи^[404]. Если девушки непорочны, то замуж [их] не выдавать, а по прошествии десяти лет, возвести [их] в ранг и позволить выйти замуж^[405]. Если [кто-нибудь из них] пожелает остаться на службе, то приравнять [таковых] к [должности] «куродо»^[406]. Затем выбрать девушек [им] на смену и вновь повторить [все] как в предыдущие годы.

6. Нижайше прошу увеличить количество судей в соответствии с [обычаями] прошлого

[Раньше], как установил [ваш] подданный, смиренно ознакомившись с «Сикийнрё»^[407], вынесением приговоров [провинившимся] людям занимались два старших, два средних и два младших судьи^[408]. Однако с недавнего времени только одним из старших судей становится человек, знающий законы. А на места пяти оставшихся не всегда назначали [учёных] со степенью «мёбо»^[409]. В результате недавно был издан государев рескрипт от 4-го года «Кампё»^[410], согласно которому упразднили одного старшего, двух средних и одного младшего судей и назначили только одного старшего и одного младшего судью. Из них лишь один старший судья сведущ в законодательстве, а младший нет.

Когда поразмышлял над сутью дела, то обязанности, возлагаемые этим рескриптом на судей, вызывают [у меня] недоумение, потому как во время правления священномудрого государя законы о наказаниях приобретают особую значимость.

В древности Гао Яо^[411] назначал судебными исполнителями самых достойных. Император Шунь, наставляя, говорил: «Будьте осмотрительны! Будьте осмотрительны! Сострадайте, вынося приговор!»^[412]. Император Гуан У-[ди]^[413] досконально вникал в суть дел и справедливо выносил приговоры. Хуань Тань^[414] в докладе императору говорил: «Если судья поддается влиянию чувств, то раскрывает двое врат для наказаний»^[415].

Таким образом, хотя принятие решения по спорным вопросам было затруднительно во все времена, но сейчас выбор между жизнью и смертью всего народа зависит от мнения [только] одного человека. [Он] единолично выносит приговор, определяющий одну из пяти степеней тяжести наказания^[416], что уже противоречит прин-

ципам установления истины^[417]. Тем самым на него ложится вина за необдуманно вынесенный приговор.

Недавно управитель провинции Аки Такахаси-но Ёсинари^[418] был приговорён к дальней ссылке^[419] старшим судьёй Корэмунэ-но Ёсицунэ^[420], из-за чего последний был вынужден защищаться от мстительного духа [умершего]^[421]. Только благодаря доказательствам старшего инспектора «Кэйбусё»^[422] Авата-но Тоёкадо^[423] было получено положительное решение [государя о помиловании] и отправлено распоряжение [Дайдзё]кана об отмене [приговора]. Ёсинари получил [посмертную] амнистию, [его] истлевшие кости вновь покрылись плотью^[424], а блуждающий дух опять вернулся. Поднебесная изо всех сил стремится к тому, чтобы все без исключения страшились закона. Однако при таких расхождениях в законе завоевать доверие невозможно.

Смиренно прошу, как и в прежние времена назначать шесть судей, причем всех их выбирать из числа лиц, досконально разбирающихся в законодательстве. Назначенные таким образом, должны установить [степень] наказания путем совещания, правильно определяя статьи законов. Объяснив смысл каждого из них, необходимо докладывать [об этом государю]. Если поступить так, то жалобы на несправедливые приговоры прекратятся навсегда, а преступники сами присмиреют, не дожидаясь крокодилов из Фунани^[425]. Незачем [тогда] будет использовать оленя-единорога как во времена [императора] Яо^[426]?

7. Нижайше прошу выдавать чиновникам сезонное жалование всем в равной степени

Почтительно ознакомившись со статьями «Установлений»^[427] [выяснил, что] двадцать второго числа второго и восьмого лунных месяцев «Окурасё»^[428] должно выдавать чиновникам сезонное жалование за весенне-летний и осенне-зимний периоды^[429]. Однако в последние годы из-за недостатка запасов в государственных хранилищах повсеместные выплаты стали невозможными. В результате высшим сановникам и всем учреждениям, [ведающим вопросами] расходов и доходов^[430], [жалование] выплачивают ежегодно, а прочие рядовые чиновники даже за пять-шесть лет с трудом получают один сезонный паёк.

Когда смиренно поразмыслил над сутью происходящего, [решил что] чиновники подразделяются на высшую и низшую категории, на

этом основании различаются величина их жалования, а также степень занятости служебными делами, именно поэтому величина жалования [разных чиновников] неодинакова^[431]. Но при их распределении, различий делать не следует. Разве можно среди тех, кто занимается государственными делами в равной степени особо выделять чиновников-фаворитов? Как можно осыпать благодеяниями одних, когда другие уподобляются обычаям «страны нагих»^[432] !

Смиренно прошу о том, чтобы сезонное жалование выдавалось следующим образом: пусть сначала подсчитывают количество [государственных запасов], а затем, согласно соответствующим установлениям, повсеместно одинаково выплачивают [жалование] придворным аристократам и рядовым чиновникам. А если в государственных хранилищах запасов нет, то не выдавать [жалование] всем [чиновникам] в равной степени. Пусть не будет предпочтений. Так, кукушка, сидя на шелковице, вскармливает всех семерых птенцов одинаково^[433], а, желая напоить целую армию, выливают в реку немного мутного вина^[434].

**8. Нижайше прошу прекратить отправку
императорских инспекторов на основе донесений и жалоб
от мелких чиновников и простолюдинов
из различных провинций**

[Ваш] подданный почтительно докладывает:

Управители провинций, разделяя печали государя, получали в управление часть [государственных] земель, управляли и, руководствуясь шестью правилами^[435], возглавляли народ. Поэтому ханьский император Сюань-ди^[436] говорил: «Пожалую две тысячи даней только тем, кто вместе со мной достойно управляет»^[437]. Непременно использовали талантливых. Их служба почиталась, а административные полномочия ценились. Они должны были заботиться о чувствах людей и, отбрасывая мелкие недостатки, нести ответственность за большие свершения.

В последнее время, однако, чиновники, получившие назначение на должность, возможно, на почве личных обид клеветают на свое начальство. Варианты донесений от подчиненных крайне разнообразны. Одни подают жалобы на наместников провинций, чтобы внести исправления в ведение государственных дел. Другие описывают случаи преступного использования казенного имущества,

третьи жалуются на методы руководства, расходящиеся с законами управления.

Государь, получив такое донесение, отправляет инспекторов. Они прибывают в провинцию и, независимо от истинности или ложности дела, не принимая во внимание справедливы или несостоятельны доводы, досконально следуют формальностям инспекции. Согласно «установлениям для инспекторов»^[438] они, из года в год, утверждая предложение нижестоящей инстанции, изымают символы власти^[439] управителя провинции, отстраняя его от занимаемой должности. Таким образом, высокопоставленный чиновник знатного [происхождения] подвергается расследованию наравне с мелкими служащими или простолюдином. [К тому же], если во время отстранения [от должности] он допустит хотя бы малейшее нарушение, [его] сразу же закуют в кандалы и бросят в тюрьму^[440].

Даже если потом окажется, что содержание доноса совершенно не соответствует реальности, ущерб авторитету уже нанесён, и [он] не в силах будет управлять делами [дальше]. И тогда народ, живущий по соседству, узнав об этом, начнет с презрением относиться к своим управителям, и перестанет [им] подчиняться. Нет ничего более ужасного, чем такой источник разрушения культурности.

Безусловно, это должность чрезвычайно загруженная служебными обязанностями, соприкасающаяся со множеством рядовых служебных дел. Она предполагает нахождение на государственном посту с утра до вечера, так, что нет времени на отдых^[441].

Однако сейчас государевы инспектора во время расследования вынуждены приостанавливать дела по наведению порядка [в провинциях]. Проходят многие месяцы, а управление совершенно заброшено. А ведь даже если снимут обвинение в преступлении, чиновник, занимающий должность, уже обвинен в пренебрежении своими служебными обязанностями, хотя только в день истечения срока службы он наконец-то [официально] передаст свои полномочия^[442]. В результате мы несем огромные убытки и понапрасну губим достойных чиновников, поддерживая доносчиков и поощряя их личную злобу.

В прежние годы наместник провинции Ава — Татибана-но Намики^[443] строго контролировал подведомственных чиновников, пресекал несправедливость и воздерживался от принятия даров. В своё время он стал одним из лучших по своей преданности государю. Безусловно, он был особо выделяем, и потому должно быть [усердно] служил, ревностно соблюдая законы. Однако по ложному доносу мелких чиновников [подвергся проверке] и подчинился расследованию

инспекторов государя. И хотя всё это оказалось клеветой, и доносики скрылись, сам [Татибана-но] Намики уже изрядно пострадал.

Какой же благородный муж, познавший стыд, пожелает быть чиновником?

Как раз сейчас наступила эпоха вырождения нравов, и судебные дела стало трудно разрешать. Поэтому управитель провинции в делах правления не может во всем следовать букве закона. Поэтому одни, отступая на «сякю»^[444], исправляют на «дзин»^[445], другие, потеряв исток, [все-таки] приходят к успешному завершению.

В древности Гун Суй, наместник [императора] в Бохай^[446] в докладе говорил: «Прошу государевым указом разрешить инспекторам при решении дел исходить не из буквы закона, а вести дела по своему усмотрению»^[447]. Кроме того, в «Хонтёякю»^[448] сказано: «Управитель провинции — это тот, кто руководит, хоть и отступая от непреложных законов, но не преследуя собственной выгоды, руководствуясь своим великодушием и не ограничиваясь [формальными] законами»^[449].

Смирненно выражаю пожелание, чтобы деятельность инспекторов в связи с подобными донесениями и жалобами, за исключением заговоров и измен, была один миг прекращена. Пусть они занимаются только новыми управлениями.

Если управитель провинции на самом деле превысит полномочия и совершит преступление, следует это подробно изложить в заявлении о невыдаче документа, подтверждающего низложение полномочий в связи с окончанием срока службы, и после его рассмотрения и соответствующего заключения передать «кагёюси»^[450] для вынесения приговора.

Кто-то в упрёк может сказать: «Если алчный чиновник присваивает государственное имущество, то следует приложить усилия для быстрого и результативного расследования хищений. А то, если ждать окончания срока службы, складов не останется. На это отвечу: «Если бы в случае сообщения о воровстве чиновника «Дайдзёкан» отправил конного посланца и тот через день пресек бы нарушение [закона], [я] не желал бы ничего лучшего. Но донос нужно поверить в три раза»^[451]. Пока получают государево соизволение, пока выберут и утвердят инспекторов и те соберутся в дорогу и придут [на место], дело может растянуться на годы. В результате, если у преступников и была совесть, то за это время [от нее] не останется и капли».

Что же изменится, если отложить дело до назначения преемника?

Говоря о управителях провинций, [нужно отметить, что они] назначаются самим государем и стремятся воздать за его доброту. Они

стремятся не только достичь успеха [при жизни], но и надеются, что их имена останутся в будущих поколениях. Поэтому те, кто в последнее время дошёл до совершения проступков, грубо нарушающих их служебные обязанности, все без исключения стремились к достижениям на благо общества, но внезапно стали жертвами доносов, ещё не добившись положительных результатов. Во все времена [среди них] не было ни одного человека, кто бы нарушал закон ради собственной выгоды. Если разобраться в сути происходящего, окажется, что на самом деле это государственное преступление.

Смиренно прошу на время обнажить драгоценные камни государственной короны и осветить правду и ложь^[452].

9. Нижайше прошу для всех провинций установить фиксированное количество «кандзякунин»^[453]

Почтительно проверив имеющуюся информацию, [обнаружил, что] число людей, занесённых в реестр сезонного освобождения от трудовой повинности «установлениями» Министерств Церемоний и Народных дел^[454] в течение четырех сезонов одного года значительно превышает три тысячи^[455]. [Среди них]: «тонэри»^[456] трёх дворцов^[457]; «сидзин»^[458] принцев и принцесс крови; «сидзин» «дайбу»^[459], «мёбу»^[460] и придворных чиновников; «кандзякунин» различных управ, а также «тонэри» всех «гвардейских управ»^[461].

Если подсчитать число совершеннолетних налогоплательщиков, исключая пять [провинций] региона Кинай, двух провинций Муцу и Дэва и девяти провинций, [подчинённых] «Дадзайфу»^[462], то [оно] не превысит четырех сот тысяч человек. К тому же, большую [его] часть составляют лица реально не существующие.

Таким образом, действительное число совершеннолетних составляет около ста тысяч человек. Сейчас из этих ста тысяч человек ежегодно освобождаются от [натуральных] налогов и [несения] трудовой повинности три тысячи человек. Рассмотрев всё [это] в совокупности, [получается, что] не пройдёт и сорока лет, как всё население Поднебесной станет народом, необлагаемым налогами.

Поскольку управители провинций решают с кого следует взимать налоги, то в результате, действуя в соответствии со свидетельствами об освобождении от налогов, они снимают налоги и повинности с богачей и их наёмников, а в счётные записи включают несуществующих налогоплательщики. Поэтому и не осталось дворов, с которых

можно было бы взимать налоги при их очередном повышении. Следовательно, неспособность организовать сбор налогов не всегда вызвана пренебрежительным отношением наместников провинций к своим служебным обязанностям. Просто раздача свидетельств об освобождении от налогов дошла до неприкрытого цинизма. [В итоге] в настоящее время из-за таких представлений управители провинций не могут с честью уйти с поста. Разве это не печально?

Найдутся такие, кто скажет: «Тонэри» трёх дворцов, «сидзин» принцев и принцесс крови, «сидзин» придворных чиновников и прочие издавна удостоивались пожалований. Из поколения в поколение [они] получали свидетельства, освобождающие [их] от налогов, и не встречали препятствий. А сейчас почему-то возникают споры относительно тех времен?».

В ответ скажу: «В соответствующих распоряжениях требовалось точно указывать размер доходов и расходов «кандзякунин» и [на основании этого] записать [их] в свидетельство об освобождении [от налогов]^[463]. Но в настоящее время убытки получивших освобождения в последние годы таковы, что на сто человек не приходится и одного получающего прибыль.

В недавнем прошлом представитель любого рода, один раз получивший должность при дворе, повторно на неё не назначался. Однако в последние годы, после того как удостоиваются назначения служить при дворе, вносят изменения в правила служебной аттестации в трёх дворцах и всех остальных управах^[464], испрашивая разрешения на повторное назначение. В результате мелкие служащие трёх министерств^[465], пользуясь случаем, совершают подлог и несмотря на то, что являются хозяевами владений, вне зависимости от докладов управителей провинций Дайдзёкану выдают себя за «кандзякунин» и самовольно заносят [себя] в реестры посезонного освобождения [от налогов]. Подобное попустительство [к нарушениям] изо дня в день возрастает вдвое. Нельзя допустить дальнейший рост государственных убытков.

Смирешно прошу установить фиксированное количество этих «кандзякунин» на каждый год согласно размерам провинции. Для больших^[466] определить десять человек в год, для крупных — семь, для средних — пять, а для малых — два и занести в реестр свидетельств об освобождении [от налогов]. Сверх этого не допускать увеличения [количества «кандзякунин»] ни на одного человека^[467].

[Приведу] ещё пример из древности: в провинции Оми ежегодно освобождали [от налогов] сто человек, а в провинции Тамба — пять-

десять^[468]. Именно это стало причиной упадка данных провинций. И сегодня, учитывая этот опыт, следует в провинции Оми уменьшить число «кандзякунин» до десяти человек, а в провинции Тамба — до семи. Помимо этого, пусть прошения об освобождении [от налогов] непременно подаётся в двух экземплярах. Один из них пусть остаётся в канцелярии [Дайдзёкана], а другой дополняется титульным листом и отправляется в Министерство Церемоний.

В день представления министерством сезонной реестра освобождения [от налогов] следует, помимо проверки прошений из документов канцелярии [Дайдзёкана], ещё и проставлять соответствующие печати^[469]. Тех, кто согласно записям реестра свидетельств об освобождении несёт многочисленные убытки и имеет мало доходов следует подвергнуть проверке повторно, и не проставлять им надлежащие печати. Только население столицы и пяти [провинций] региона Кинай, должно быть, не будут зависеть от этой системы.

Питаю надежду, что собирать налоги станет легче, и беспокойство управителей провинций прекратятся.

10. Нижайше прошу повсеместно прекратить назначение на должности арбалетчиков и стражей порядка за плату

«Кэбииси» выявляют преступные [замыслы] и беспорядки в пределах их провинции, а также наказывают смутьянов среди народа. Для управителей провинций [они] когти и клыки^[470], а для простого народа — удила и кнут^[471]. Они непременно должны быть сведущи в законах и выносить решения по справедливости. Однако сейчас те, кто назначен на эту должность — крестьяне провинций, купившие ее за деньги. Попусту проматывая казённое жалование, они не пригодны к исполнению обязанностей, понапрасну посят своё звание, совершенно не имея способностей к этому занятию. Точно также невозможно съесть нарисованную лепёшку, а вырезанный из дерева чиновник не способен разговаривать.

Смиренно прошу подвергнуть испытаниям студентов, изучающих правовые тексты^[472] и назначить на должности тех, кто соответствует этой службе. Пусть проверка умений [в области] законов проводится точно также как экзамен на знание правовых текстов в государственной школе^[473]. Пусть розыск и наказание преступников по всей стране входят в обязанности «кэбииси», точно также [как это делают] судьи и «кэбииси» в столице.

Кроме того, чтобы предотвратить нападения разбойников извне на границах каждой провинции должно расположить «доси»^[474]. [Ваш] подданный, изучив вооружение нашей страны, смиренно полагает, что тугой лук^[475] подобен божеству. Он не очень пригоден при нападении, но нет ничего лучше него при обороне. В одном древнем трактате сказано, что [такие] его свойства привели к паразитальному успеху хитроумного плана государыни Дзингу и [луки те] были изготовлены особым [способом]. И хотя в Великой Тан [тоже] есть [различные] арбалеты^[476], но они уступают в совершенстве тем, что были раньше [у нас].

Когда [ваш] подданный смиренно обратил свой взор на провинции Муцу и Дэва, то оказалось, что там время от времени сеют смуту «эмиси»^[477]. В девяти провинциях, подведомственных Дадзайфу, постоянно присутствует угроза со стороны Силла. Также следует принять меры [по отражению] угрозы со стороны соседей и в остальных, прилегающих к морю, провинциях трёх регионов: «Хокурику[до]», «Сангъин[до]» и «Нанкай[до]»^[478].

Однако сейчас всем лучникам дозволено пользоваться [правом] «пэнкю»^[479]. Обсуждаются только размеры платы, невзирая на способности протеже. В результате занимающие эту должность подобным образом даже не ведают о таком оружии как лук. А уж об использовании тетивы лука со знанием дела и говорить не приходится. Даже если в стране царит мир и в четырех направлениях нет причин для беспокойства, не следует забывать об опасности и необходимо изо дня в день проявлять осмотрительность. Разве можно помыслить о том, что людям, идущим на смерть в случае нападения со стороны соседей, не следует обладать такими способностями, и каждый на это сгодится.

Смиренно прошу, чтобы впредь ночные стражи шести гвардейских управ [постоянно] тренировались в стрельбе из лука, а их мастерство проверяли и [только] в соответствии с заслугами назначали «доси» в соответствующие провинции. [Только] тогда они будут достойны звания мастера, а охранять прибрежные поселения станет легче.

11. Нижайше прошу повсеместно прекратить бесчинства монахов и жестокость ночных стражников

[Ваш] подданный, смиренно обратившись к распоряжению [Дайдзё]кана от первого года «Энги»^[480], [выяснил], что раньше уже вво-

дили запрет на раздел влиятельными семьями горных массивов и рек, а также незаконный захват пахотных земель могущественными домами^[481]. [Посредством этого распоряжения], в провинциях и уездах вырывали терновник и жужубу, изгоняли с полей всевозможных вредных насекомых^[482]. [Так] чиновники смогли с лёгкостью осуществлять управление, а народ — жить спокойно. Но есть еще люди творящие зло и жестокость — это беспутные монахи и ночные стражники.

Смиренно полагаю, что количество людей, принимающих духовный сан по ежегодным квотам и экстренно^[483] в течение одного года во всех храмах, достигает двух-трех сотен человек. И большая часть из них уподобилась злобной толпе^[484]. Помимо этого, крестьяне, уклоняющиеся от налогов и избегающие трудовой повинности, зачастую, обривают голову и самовольно облачаются в монашеские одежды.

Численность таковых с каждым годом увеличивается. [Ныне] уже две трети жителей нашей страны обрело головы. При этом все они, сохранив семьи, имеют жен и детей, едят кровавое мясо^[485]. И хотя с виду [они] похожи на буддийских монахов, в душе подобны забойщикам скота^[486]. Я не говорю уже о том, что самые ужасные из них, собираясь вместе, создают шайки и тайком чеканят монету^[487]. [Они] не боятся небесной кары и не оглядываются на буддийский канон^[488].

Когда управитель провинции в соответствии с законом проводит расследование [их действий], они подобно каплям собираются в тучи и [в ответ] устраивают беспорядки. Нападение на управителя [провинции] Аки Фудзивара-но Токиёси и ограбление управителя [провинции] Кии Татибана-но Кимикадо^[489] в предыдущие годы — это всё дело рук бесчинствующих монахов и их предводителей. Если бы распоряжения [Дайдзё]кана распространялись с запозданием, а государевы инспектора передвигались медленно, то Токиёси и Кимикадо пали бы их жертвами. Если не будет системы запретов и взысканий, возможна измена и со стороны пограничной стражи.

Смиренно прошу о том, чтобы всех бесчинствующих монахов немедленно изловили и изъяли документы, дающие [им] право на принятие монашеского сана. Пусть облачаются в мирские одежды и возвращаются к занятию своими прежними делами. А послушников монахов, принявших сан тайком без разрешения на то, и всех причастных к этим шайкам негодяев немедленно заковать в кандалы и сослать на принудительные работы^[490].

Кроме того, все служащие шести гвардейских управ обязаны ежемесячно нести караул^[491], пребывая в боевой готовности и в сумерках, и на рассвете^[492]. Назначенные в караул сопровождали знатных лиц, остальные — поддерживали мир и спокойствие в столице (они располагались в квартале Татэваки в восточной и западной частях столицы). В случае экстренной необходимости и те, и другие должны были совместно следить за обороной. Однако в настоящее время эти стражники разбрелись по всей стране и находятся в тысяче «ри»^[493] от столицы, куда не доберёшься и за сто дней.

Как же можно распределять ночные дежурства, основываясь на [их] именных списках^[494]? Это ведь выходцы из влиятельных домов, где проявляют жесткость по отношению к простому народу. Если управители провинции согласно законам расследуют их преступления, они сразу же прибывают в столицу и, купив должность за деньги, становятся ночными стражами. А потом одни, возглавив банду, вторгаются в провинциальное управление и берут его в осаду, а другие, потрясая кулаками, наносят оскорбления главе управления. При этом причиняемый ими вред заключается не только в постоянной внешней угрозе^[495].

По моему разумению, солдат набирают для того, чтобы быть готовыми к внезапной опасности. Однако сейчас они находятся в дальних пределах и не живут в столице и [ближайшей] округе. И даже если столице не грозит опасность, какой прок от таких [воинов]? Ведь если они срочно понадобятся, то, даже отправившись бегом, не смогут добраться. В таком случае ни к чему разводить в провинциях волков, раньше чем в гвардии появятся огромные тигры^[496].

Почтительно прошу о том, чтобы служащие всех гвардейских управ после того, как получают назначение на должность, не могли возвращаться в родные провинции. А если будут такие, кто наведывается в родные края, чтобы узнать о самочувствии родителей, то каждому из них устанавливать определённое количество выходных дней. Пусть получают официальное направление в свою провинцию и отправляются, приписанными к её управлению. Им не следует задерживаться более установленного срока. Если кто по своей нерасторопности не вернётся, пусть управитель провинции увольняет его с занимаемой должности, регистрирует данный инцидент и с официальным документом отправляет его на родину. [Только] тогда [в столице] на страже ворот будет много искусных воинов^[497] и провинциях исчезнет страх перед дикими собаками^[498].

12. Нижайше прошу восстановить пристань Уодзума в провинции Харима

Когда [ваш] подданный почтительно изучил прибрежные коммуникации трёх регионов: Санъё[до], Сайкай[до] и Нанкай[до], то обнаружил, что раньше путь от пристани Муруо^[499] до пристани Карасаки^[500] занимал [всего лишь] один день, точно так же как от пристани Карасаки до пристани Уодзума^[501], от пристани Уодзума до пристани Оовада^[502] и от пристани Оовада до пристани Кавадзир^[503]. Протяженность этих путей рассчитал и установил еще бодхисатва Гёки^[504]. Однако в настоящее время [центральные] власти содержит в порядке лишь пристани Карасаки и Оовада, а пристань Уодзума давно пришла в упадок. Из-за этого государственные и частные суда, преодолевая двойной отрезок пути, плывут по направлению к пристани Оовада в течение целых суток. А ведь с наступлением зимы ветер становится настолько резким, а звезды редкими, что невозможно ничего разобрать дальше вблизи от корабля, и не понятно — далеко или близко берег. Поэтому корабли со спущенными парусами и не слушающиеся руля часто тонут. Количество судов, разбивающихся ежегодно, доходит до сотни, а число погибающих при этом людей превышает тысячу.

В древности Юй из Ся обладал таким человеколюбием, что проливал слезы, даже когда наказывал преступника^[505]. Стоит ли говорить, что все эти люди, [погибшие при кораблекрушении], направлялись по государственным делам.

Смирненно полагаю, что мудрый правитель должен снизойти до проявления сострадания [к этим людям].

[Ваш] подданный, почтительно изучив древние записи, выяснил, что эта пристань была построена еще в годы «Тэмпё», и вплоть до конца годов «Энряку»^[506] люди могли ею пользоваться. В период «Конин» обрушилась волна, разбила каменную стену и засыпала все песком. В годы «Тэнтё»^[507] Правый министр Киевара-но Махито [Нацуно]^[508], в докладе государю, пообещал, что восстановит пристань^[509], но к концу периода «Дзёва» она всё ещё была разрушена.

В начале годов «Дзёган» монах храма Тодайдзи [по имени] Кэнна, следуя путём бодхисатвы, раскрыл своё бескорыстное сердце. Он сам носил на спине камни и держал на плече заступ, отдавая все свои силы, и добился результата^[510]. Это был искренний порыв одного человека, и хотя работа его осталась незавершенной, долгие годы все без исключения пользовались её благими плодами. Но вот

уже более сорока лет прошло, как удалился Кэнна. И не счесть людей, погибших при кораблекрушениях. Убыток государству был нанесен огромный.

Смиренно прошу, чтобы чиновники всех ведомств отправили искусных мастеров, приказав им восстановить эту пристань. Средства на ремонт [надлежит] выделить из запасов провинций Харима и Бидзэн.

Надеюсь протянуть руку помощи [нашему] мудрому правителю^[511], дабы народ нашей страны избежал горестной участи превращения в рыб.

Все выгоды я подробно изложил в докладе, который преподнёс в начальный год «Энги». Нет необходимости увещевать ещё раз.

Подана [чиновником] четвертого младшего ранга нижней ступени, старшим помощником главы Министерства Церемоний Миёсино Асоми Киёюки.

**Увидев два [седых] волоска
«Нимо-о миру»^[513] (нач. X в.)**

Мне 35 лет, и пока [я] не ощущаю истощенности тела и упадка сил. Однако сегодня утром, вешая светлое зеркало, в его сиянии заметил [у себя] два [седых] волоска. [Сперва я] усомнился, [все ли в порядке с] зеркалом и не поверил. Потер глаза и еще раз перебрал усы в поисках [седых волосков]. Достойными презрения серебряными щипчиками выдернул несколько седых волосков. Осенней порой [меня] часто посещают грустные мысли, и это вызывает печаль. Размышляя о том, как развеять тоску, понимаешь, что нужно выяснить ее причину.

В шестнадцать [лет я] был пожалован четвертым рангом. В семнадцать [лет я] получил должность «сии»^[514]. В величественные годы «Энтё»^[515] [я] быстро продвигался по ступеням из белой яшмы^[516]. В эпоху «недеяния» «Сёхэй»^[517] [я] нередко держал гвардейский флаг^[518]. [Меня] милостиво включили в списки государева рода и [я] сохранял достойное положение в ранговой и должностной [иерархии]^[519]. [Известно, что] чжоуский мудрец Янь Хуэй^[520] поседел, когда ему не было еще тридцати, а циньский ученый Пань Юэ^[521] к этому времени уже написал свое стихотворение «Осепшее вдохновение». Одно [меня] несказанно радует, что оба они были моложе меня и [я] так поздно заметил первую [седину].

*Последующий ученый [из рода О]э^[522]
(Оэ-но Асацуна, 886—957)*

Первый доклад господина Саданобу^[523] с прошением об отставке с поста регента^[524] (930 г.)

[Ваш] подданный [Фудзивара-но] Тадахира молвит: «Почтительно ознакомился с высочайшим указом об отречении от престола прежнего государя^[525], обнародованным 22-го числа прошлого лунного месяца^[526], в котором [подданным] предписывалось оказывать поддержку нынешнему государю^[527] и принять на себя часть его обязанностей пока он ещё не может лично заниматься множеством дел управления государством^[528]. Благосклонность переполняла его, а внимание к чаяниям народа выходило за пределы его сердца. Многократно размышлял об этом и понял, что недостоин такой должности^[529]. Когда впервые удостоился аудиенции государя, сразу же написал прошение об отставке, но мои заветные помыслы никак не могли достичь его слуха^[530]. Внезапно случилось так, что государь отправился к девяти источникам^[531]. Скорбь озера Динху^[532] была глубока, и его вскорости погребли в государевой усыпальнице. Покрываясь испариной от страха, я провел двенадцать дней. Меня терзало сознание того, что нет больше воздушной смоковницы^[533], а мои способности намного хуже. Необдуманно выбрали немощного меня^[534] и по ошибке поручили почетную должность. Это все равно, что отсечь голову хромой черепахе и подняться на вершину горы Пэнлай^[535]. Либо, подоткнув подол одеяний карлика, пересечь море Бохай. Тщедушному даже клочок волос сложно ухватить. Как он сможет достичь вершины скалы, возвышающейся в облаках на многие-многие ри. Крошечные ножки неизбежно потеряются в волнах, брызги от которых рассеиваются на тысячи ри^[536]. Да я и сам понимаю, что это, несомненно, повлечет людские пересуды.

Почтительно изучил исторические труды и выяснил, что когда престол наследовал малолетний государь, к делам управления обращалась его мать — императрица. Отыскал древние прецеденты дома

Хань, оказалось, что такая практика и после императрицы Хэ Си^[537] не пришла в упадок. Изучил обычаи династии Цзинь, правление императрицы Чун Дэ^[538] это подтверждает. Смиренно высказываю пожелание, чтобы государь положил конец этой практике регентства^[539]. Опираясь на примеры прошлых времен, придумал план быстрого достижения спокойствия в храме государевых предков и алтаре земли^[540]. Нельзя допустить ошибку [смещения] ничтожных и выдающихся. Не отдавая себя всецело заботам о судьбах страны, почтительно прошу заслушать представленный доклад, в котором излагаю прошение об отставке. [Ваш] подданный осторожен в своих речах, [хотя и пребывает] в страхе и трепете, склоняя голову до земли и заслуживая казни».

Энтё 8-й год^[541], 10-й лунный месяц, 13-й день. Доклад Левого министра Фудзивара-но Асоми [Тадахира], чиновника 2-го старшего ранга, занимающего также должность старшего военачальника Левой личной государевой гвардии.

**Государев указ в ответ на прошение
господина Саданобу об отставке
с поста регента-сэссё (930 г.)**

Высочайший указ гласит: «Просмотрели многочисленные прошения ^[542] и обстоятельно ознакомились с душевными устремлениями, отличающимися скромностью и широтой взглядов. Изящные манеры господина [Саданобу] глубоко простираются, а его добродетели достигают великого космоса. Если [искать сравнение] поблизости, то он подобен левому глазу, способному окинуть пространство во всех направлениях ^[543]. Далеко от страны, он подобен великой стене, протянувшейся на десять тысяч ли ^[544]. Вот поэтому прежний государь ^[545] вверил ему и Нашу персону ^[546], и управление всем государством. Он уже не только родственник [государева дома], но и мудрый сановник, не допускающий кривотолков. Бесспорно, что отношение господина [Саданобу] к нам может быть названо [соответствующим отношениям] правителя и подданного, хотя по сердечной привязанности [больше похоже на отношения] отца и сына. Чем же он не доволен? Что его беспокоит? Либо [он] уступит [Нам], либо откажет? Сейчас Нас терзают жестокие сомнения. Мы ещё молоды и не имеем достаточного опыта ^[547]. И хотя слышали, что в древности [существовал обычай] трижды отказывались от престола, все же [Мы] питаем неприятие к тем чиновникам, которые противятся нынешнему положению дел ^[548]. Во-первых, вспоминаем о доверии и поддержке, которую оказывал господину [Саданобу] прежний государь. Во-вторых, знаем о его чистосердечном стремлении заботиться о малолетнем ребенке ^[549]. В общем, пусть такое регентство осуществляется точно в соответствии с прежним указом. И даже если в речах господина [Саданобу] присутствует искренность, все равно изменение указа может исходить только из Наших уст. На этом все».

Энтё, 8-й год, 10-й лунный месяц, 20-й день.

Рекомендации из трёх пунктов «Фудзи микадзэ» (957 г.)^[550]

1. Нижайше прошу запретить роскошь

Важнейшей причиной [нынешнего] упадка нравов является роскошь^[551]. Если этот источник не перекрыть, разве можно тогда спасти [чистоту] наших обычаев? Ныне люди всех рангов: и благородные, и низкие, возводят высокие храмовые павильоны, строят восхитительные дома. И богатые, и бедные носят прекрасные одежды, пренебрегая [при этом] официальными требованиями к их форме^[552]. На пирах, связанных с государственной службой, тратятся на изысканные яства, стараясь угодить известным гостям, дабы угощение пришлось аристократам по вкусу; нарезают тонкую шелковую ткань и накрывают ею блюда^[553]. [Таким образом], богачи проматывают все свое состояние, а бедняки теряют все имущество семьи. Видимо, причины постоянных печалей и пристрастий [кроются] во всеобщей увлеченности [роскошью] и в невозможности следования традициям. А потому опубликование [новых] государевых указов не позволяет сохранять строгие запреты, [скорее наоборот] со временем желание [купаться в роскоши] только усиливается и это становится обычаем.

Неразумные мужчины и невежественные женщины Поднебесной^[554] впадают в роскошь и уже не способны отказаться от нее и вернуться к истинным целям и полноценной жизненной сути. Они лишь разглагольствуют о чистоте нравов, но не распространяют её, говорят о действующих законах, но делают их бесполезными.

Смиренно прошу ещё раз издать указ служащим соответствующих ведомств, чтобы [они] вновь обратились к древним установлениям, а если кто будет уклоняться от выполнения [этих] установлений, то [таковых] примерно наказать.

Итак, правилам, действующим при государевом дворе, люди следуют неохотно, зато личные просьбы государя исполняются с боль-

шой расторопностью. В «Шу [цзин]» по этому поводу сказано: «Нарушать повеления свыше значит следовать собственным желаниям»^[555], а в [летописи] «[Цзо] чжуань» сказано: «[Все], что делается для вышестоящего, возвращается к человеку»^[556]. В древности, когда правителю княжества У нравились искусные фехтовальщики, многие люди ходили со шрамами, а в результате того, что правитель княжества Чу любил изящных красавиц с тонкими талиями, большинство его наложниц умерло от истощения. [В результате] эти голод и шрамы стали народу в тягость. Но отказываться от еды и пренебрегать опасностями означало желать того, что согласуется с пристрастиями вышестоящего. Разве можно так спастись от вредных обычаев? Но почему же нет того, кто смог бы изменить судьбу народа?

Смиренно прошу, чтобы простота и непритязательность дворца императора Яо, его не струганные дубовые стропила и земляные ступени прохладным ветром древности освежили бы Вас, государь, и Вы, распространяя [свое] мудрое правление, ныне издали бы новый высочайший указ о сокращении трат на застолья и парадные одеяния^[557]. Ещё ниже прощу, чтобы и во внутренних [делах] порядком экономили, а показную внешнюю роскошь вообще всю запретили. Поскольку даже простое созерцание [такой] роскоши несоответствующей [должному] порядку вещей вызывает презрение, а слухи о бережливости приносят неописуемую радость.

Поднебесная вот-вот познает отказ от роскоши и приверженность к бережливости. Разве не противен сердцу всякий, кто бессмысленно тратит состояние? Не в том ли истина, чтобы без введения запретов все [само собой] прекращалось, а без обнародования законов все [само] осуществлялось^[558]? Коль всё будет именно так, то нравы простолюдинов, полные фальши и лицемерия, смогут самостоятельно измениться к лучшему, и стать искренними.

2. Нижайше прошу прекратить продажу должностей^[559]

Раньше, когда жаловали должность, оценивая [при этом] способности [претендентов], государственная служба пребывала в полном порядке. Когда назначали на пост, отбирая [наиболее] талантливых, [чиновники] соответствовали занимаемым должностям. Если же назначали, не оценивая и не отбирая, это считалось злоупотреблением, из-за которых подтачивались нравы. Но это не означает, что сей-

час способы назначения на должности не соответствуют истинному пути, а правила повышения по службе не ясны. [Правда], иногда случается, что люди получают должности за деньги.

При государевом дворе полагают, что это поддерживает государственную казну, но простой народ больше не верит в престиж государственной службы. Поэтому подданные, имеющие заслуги, постепенно сами уходят с государственных постов, а их сослуживцы, купившие должность за счет взимания непомерных поборов, [спокойно] продвигаются по службе.

Такие разбойники и хитрецы, несправедливо наживая богатства, в результате усиливают притеснения [простого народа] на почве своего корыстолюбия^[560]. Добросовестные чиновники и претенденты на должность, испытывают лишь разочарования, [а потому] не строят никаких планов. Дошло до того, что ослабевает стремление к обучению ведению текущих государственных дел. При таких сильных переменах, [пожалуй], трудно будет желать мира и спокойствия в дальнейшем.

В древности дочь князя Гуань Тао-гуна^[561] потребовала для своего сына должность. Император Мин-ди^[562] не позволил [этого], но взамен пожаловал 10 миллионов монет. [По-видимому], причина небрежного отношения к щедрым пожалованиям и уважительного отношения [даже] к самым низким рангам [кроется] в том, что если чиновником станет человек, лишенный [каких-либо] талантов, то вред [от этого] распространится на всех людей.

Позднее во времена императоров Хуань-ди^[563] и Лин-ди^[564] впервые началась продажа чинов^[565], и государственное управление в результате пришло в упадок, правление государя также ослабло. Если обратиться к «Записям о наследственных домах» династии Хань^[566] и вникнуть в суть кратких записей историй китайских династий, становится очевидно, что [в Китае] не было ни одного чиновника, который бы, купив должность, сохранил бы чистоту нравов, а, торгуя своим постом, облагодетельствовал бы народ.

Смиренно прошу срочно отказаться от управления [по образцу] этих упаднических времен и вернуть его к укладу эпохи нравственной чистоты, ее установлениям и скромности. Ведь когда беспокоиться о государственной казне, то [понимаешь, что] всякое дело следует проводить экономно. Если придерживаешься экономии, разве могут тогда оскудеть государственные запасы? Источник алчности — корыстолюбие, но следование ему погибнет во тьме, а дорога испрямится сама собой^[567].

**3. Нижайше прошу знатоков словесности приложить усилия,
чтобы не закрывали Корокан^[568]
и привечали заморских гостей**

Раньше Корокан являлся учреждением, созданным для принятия почетных гостей из других стран. Но с тех пор прошло уже немало лет, и его высокое здание постепенно разрушается. Хотя и намеревались завершить ремонт его залов, но восстановить это заведение не смогли, и при дворе его тоже безрезультатно предали забвению.

В «Ли [цзи]» сказано: «Когда разрушаешь старую плотину, считая ее негодной, вода обязательно причинит вред. Если откажешься от древних ритуалов, считая их бесполезными, непременно наступят беспорядки»^[569]. Ваш подданный опасается, что в провинциях, на которые распространяется преобразующая сила государя, и в деревнях, где почитается [его] добродетель, слухи разносятся на тысячи ри^[570], и это порождает кривотолки, вследствие чего народ может лишиться милости государя и иссякнет чувство умиротворения, а государственные средства оскудеют и не будет больше [той] силы, что поддерживает государственное управление.

Более того, в прошлом нашей страны, когда ко двору прибывали иностранные гости, отбирались просвещенные люди с глубокими познаниями, и они назначались на должности чиновников, занимающихся приёмом этих гостей, и во время торжественного приема должны были заслушивать стихи в исполнении почетных гостей. Причем тому, кто превосходил всех в литературном даровании, следовало выступать последним. Благодаря этому среди тех, кто умел глубоко чувствовать словесность, не было ни одного человека, кто бы, принимая иноземных гостей, не выразил бы устремлений своей души.

В настоящее время знатоки изящной словесности, оглядываясь на прошлое и жалуясь друг другу, говорят: «Человеческая жизнь имеет предел, но оборвать её трудно. Зачем же понапрасну растрачивать силу поэтического дара, поскольку Корокан более не является местом занятий высокой литературой?»^[571].

В древности Цзы Гун хотел отменить обряд жертвоприношения барана при объявлении первого дня месяца, но Конфуций не разрешил [ему], полагая, что пока баран существует, этот ритуал будут знать^[572]. Думаю, что и ныне нельзя допустить упразднения этого учреждения (т. е. Корокана — М. Г.), чтобы изящная словесность вновь обрела свой путь^[573].

Ведь изящная словесность должна отражать нравственность государя, заботиться о моральных принципах народа и быть чуткой к духам умерших. Именно так и устанавливается просвещённая культурность^[574]. Она летает без крыльев и ходит без ног^[575].

Наблюдая за равносильными государствами, знают, что там есть люди мудрые, поэтому опасаются и не нападают [на них]^[576]. Прислышав об особых обычаях [этих стран], помнят, что там есть люди прозорливые^[577], поэтому испытывают страх и сами подчиняются.

Император династии Вэй Вэнь-ди^[578] говорил об изящной словесности следующее: «Изящная словесность — наследие великое, управлению государством помогающее, дело процветающее и нетленное»^[579]. [Поэтому], глубоко вникнув в суть дела, смиренно прошу не допустить закрытия этого учреждения для [приема] почетных гостей. Если так сделать, то и дальние страны от сердца государя рода не отдалятся [еще сильнее]^[580], и знатоки изящной словесности смогут прилагать все усилия, чтобы и за морем показать широту высоких моральных качеств, высоту величия Поднебесной^[581].

Предыдущие рекомендации, поданные на высочайшее имя, согласно государеву указу, были преподнесены 28-го числа 7-го лунного месяца 8-го года Тэнряку [954 г.]. [И хотя ваш] подданный не способен постичь суть государственного правления и только понапрасну носит звание конфуцианского мужа, но не мог оставить этот указ без внимания, поскольку от долга нельзя спрятаться. А потому не страшась ответственности, осмелился преподнести свои суждения^[582]. С почтением молвит [ваш] покорный и преданный подданный.

[Рекомендации] преподнесены 27-го числа 12-го лунного месяца 11-го года Тэнряку [957 г.] младшим советником Правой ревизионной канцелярии Сугавара-но Фумитоки.

Наставления Правого министра Кудзё^[583]
«Кудзё доно юйкай» (сер. X в.)^[584]

Наставления о том, как вести себя в течение дня ([ими] надо руководствоваться^[585] даже в спешке^[586]).

Как встанешь, сразу же семь раз произнеси имя звезды, под которой родился (вот эти семь звезд: Донро — [для тех, кто родился в] год крысы, Комон — [для тех, кто родился в] год быка или свиньи, Рокусон — [для тех, кто родился в] год тигра или собаки, Бункёку — [для тех, кто родился в] год зайца или петуха, Рэнтэй — [для тех, кто родился в] год дракона или обезьяны, Букёку — [для тех, кто родился в] год змеи или овцы, Хагун — [для тех, кто родился в] год лошади)^[587].

Затем возьми зеркало и посмотри на свое лицо. Выясни по календарю, благоприятный или неблагоприятный сегодня день. Затем почисти зубы и помой руки, обратившись на запад^[588]. Затем следует произнести имя Будды и [названия] обычно почитаемых синтоистских святилищ. Затем запиши то, что произошло в предыдущий день (если [писать] много, то записи следует сделать [на полях строчек, предназначенных для следующих] дней)^[589].

Затем съешь рисовую кашу (сирукаю)^[590]. Затем подстриги волосы (стричься надо раз в три дня, а не каждый день), и ногти на руках и ногах (в день быка подстригать ногти на руках, в день тигра подстригать ногти на ногах)^[591].

Затем, если день для этого благоприятен, соверши омовение (раз в пять дней)^[592]. [Существуют] благоприятные и неблагоприятные [дни] для омовения^[593] (в «Хуан-ди чжуань»^[594] сказано: омовение в первый день месяца сокращает жизнь^[595], омовение в восьмой день месяца продляет жизнь^[596]. [Если совершишь омовение в] одиннадцатый день — станешь умным. [Если совершишь омовение в] семнадцатый день — тебя обворуют. [Если совершишь омовение в]

день быка — потеряешь обаяние. [Если совершишь омовение в день свиньи — испытаешь унижение. Нельзя принимать ванну в неблагоприятные дни. Вот эти дни: день тигра, день дракона, день быка, день собаки, день гэдзики^[597]].

Если тебе надо идти на службу, надень платье икан^[598]. Пренебрегать службой нельзя. Если встретишься с кем, много не говори. И о чужих делах не говори. Если о чем-то думаешь — оно и случается, поэтому о делах других людей говорить нельзя. Людские беды рождаются изо рта^[599]. Придя на службу, просмотри бумаги. Это надо делать очень внимательно.

В течение дня много не ешь и не пей^[600]. Также не ешь раньше [установленного] времени. В «Ши цзин» сказано: «это словно посмотреть на глубокую воду, словно ступить на тонкий лед: этого боятся и избегают»^[601]. Думай о своем будущем, и это продлит твои годы.

Взрослея, ты должен обретать все больше знаний. Для этого с утра читай книги, а затем изучай образцы словесности. После этого можешь как-нибудь развлечься. Но строго-настрого запрещается тебе заниматься соколами и собаками и играть в азартные игры^[602]! Так надо вести себя после достижения совершеннолетия^[603], пока ты не пошел на службу.

Как можно раньше определи своего почитаемого^[604] и, умывая руки, возглашай его имя или читай мантру. И в большом, и в малом надо проявлять свои способности [к восприятию учения Будды]. Те твои друзья, кто не имеет веры [в Закон Будды], убивают себя. Примеров тому множество.

Тэйсинко^[605] рассказывал следующее: «В 26 день 6 луны 8 года Энтё (930 г.) в павильоне Сэйрёдэн^[606] раздался гром, и все придворные побледнели. Я отдался на милость Трех Сокровищ и, помнится, особенно не испугался. Дайнагон Киёцура и правый средний управляющий Марэё не почитали закон Будды. Эти двое пострадали»^[607]. Следовательно, сила веры оберегает от бедствий и несчастий^[608]. А набожные, благочестивые, добродетельные монахи удостоиваются упоминания в повестях. Но стремиться надо не только к облегчению удела в этом мире, но и к [улучшению] кармы для будущих жизней. Следует знать многие писания, но особое внимание обращать на книги нашего королевства.

Встав рано утром, посмотри в зеркало — нет ли чего странного в твоём виде. Затем посмотри в календарь. Выясни, благоприятный или неблагоприятный сегодня день. В календаре отметь дни ежегодных обрядовых действ. Смотря каждый день [в календарь], ты

будешь знать, когда какое действие. На это надо обращать внимание. Чтобы не забыть, делай в календаре записи о служебных делах предыдущего дня, а также обо всем, что выходит за границы [дел] частных. О наиболее важных служебных делах, а также обо всем, что связано с государем и отцом, следует делать записи отдельно в название потомкам^[609].

Государю ты должен служить верно. К родителям ты должен относиться с почтением^[610]. Почитай старшего брата, как отца. Люби младшего брата, как сына^[611]. В делах частных и служебных, больших и малых вы должны быть согласны, и даже в самом малом вам нельзя расхотиться. Если сердце твое неспокойно, скажи об этом [брату], не давай расти обиде. Сестрам же строптивым учтиво помогай. Обо всем, что видишь и что слышишь, обязательно утром и вечером рассказывай родителям. Если что-то для тебя хорошо, а для родителей — плохо, немедленно прекрати делать этого. Если что-то тебе чуждо, а родителям — угодно, обязательно возьми это себе в привычку^[612].

Если ты не болен, каждый день следует навещать родителей. Если что-то препятствует тебе, заранее сообщи им об этом и принеси свои извинения. То, как вел себя Вэнь-ван, когда был наследником, заслуживает глубокого уважения^[613].

По отношению к окружающим веди себя почтительно, не допускай неучтивости. Если твои товарищи в разговоре с тобой отзываются о ком-то неучтиво, пусть и не порочат его, а просто говорят нехорошее, то встань и уйди — хоть бы и были твои собеседники из знатных семей или государева рода. А если уйти не можешь, то молчи, не думай о разговоре и не принимай в нем участия. Даже если и нельзя сказать о ком-то, что он хороший, зачем же говорить, что он плохой^[614]? Древние говорили: «Пусть [твой] рот будет как [твой] нос!»^[615].

Нельзя просто так отлучаться куда-либо по частным делам, если только это не связано со службой. Нельзя без разбору давать обещания. Древние мудрецы предупреждали, что отношения между людьми — сложная вещь. Например, если двое в ссоре, и первый любит второго, то первый будет чувствовать горечь. Подобного следует избегать.

Не следуй за людьми шумными и буйными. Не слушай того, что они говорят. Три раза подумай, прежде чем заговорить с человеком.

Не совершай легкомысленных поступков. Помни о деяниях мудрецов и не действуй опрометчиво.

Не рассказывай о причинах своего богатства или своей бедности. Не говори о том, что происходит в твоём доме.

Во всем — от платья и до повозки — соблюдай меру. Не стремись к роскоши. Если ты будешь слишком любить красивые вещи, то навлечешь на себя обвинения в неумеренности. Если ты недостаточно стремишься к добродетельности, то последствия могут быть любимы.

Не бери займы чужие вещи, если того не требует служба. Используя взятое, в установленный день и час, а лучше раньше, следует вернуть его владельцу.

Если ты встретил человека старого и опытного в службе, обязательно расспроси его о том, что он знает. Слушая рассказы о деяниях мудрецов, надо укреплять в себе стремление сравняться с ними, хоть это и сложно^[616]. Много слышать и видеть — значит обладать знанием о прошлом и будущем^[617].

Человек, [занимающий высокую] должность, должен вдохновлять подчиненных. Если высокопоставленный чиновник успешно руководит подчиненными, то он прославится как тот, кто может справиться с любой службой. Если ты не можешь идти на службу, подай прошение об отпуске с объяснением причины^[618]. Не сообщив причины, службу оставлять нельзя. Никогда так не поступай! Будь прилежен. Обвинение [в прогулах] — самое страшное. В дни придворных празднеств и в служебные [дни] надевай платье икан и заранее отправляйся ко двору. Придворные сановники, главы и помощники глав охранных и гвардейских управ в дни дежурств должны заранее являться на свои места^[619]. Гражданские чиновники, хоть их служба и не так сложна, должны быть особенно усердны во время исполнения служебных обязанностей. Больше всего следует опасаться разговоров о том, что ты пренебрегаешь своими обязанностями.

Люди ленивые, даже если они талантливы и добродетельны, не могут быть взяты на службу. Продвижения по службе заслуживает тот, кто, хоть и не отличается особой мудростью, но работает с усердием.

Если случилось какое-нибудь бедствие — будь то ураган, ливень, гром, землетрясение, наводнение или пожар — сразу же проведай родителей. Затем явись ко двору. В соответствии со своей должностью представь соображения относительно того, как бороться с бедствием. Я хочу, чтобы при дворе ты был почтительным и скромным, а дома — мягким и любящим, не высказывал недовольства по пустякам^[620]. Если кто-нибудь допустит промах, побрани его некоторое время, но затем прости.

Не следует слишком сильно гневаться. Когда недоволен кем-то, то хоть в душе ты и гневаешься, не следует это высказывать. Твое почтительное [отношение к другим людям] всегда должно быть примером для подражания. Нельзя слишком сильно радоваться или слишком сильно гневаться^[621]. Твои повседневные поступки должны стать образцами поведения на века.

Если ты дома и к тебе пришел гость, будь то монах или мирянин, то сразу же встреть его, даже если ты в это время расчесываешь волосы или ешь. Древние мудрецы особо обращали внимание на слушай, когда держишь волосы или отрыгиваешь пищу^[622].

Десятую часть всего своего имущества отложи себе на похоронный обряд. О том, что будет после твоей смерти, надо позаботиться заранее, следуя всем правилам.

Если не сделаешь этого — твоих жен, детей и слуг ждут многие несчастья. Они или обратятся к тому, к кому не следует обращаться, или потеряют то, чего не следует терять. И тогда твоя смерть будет не единственным несчастьем для твоей семьи — со всех сторон на них посыплются упреки. Поэтому обязательно откладывая на похоронный обряд и на все семь церемоний по усопшему^[623]. Для человека бедного делать это, конечно, тяжело. Но готовишься к этому или нет — исход все равно один.

Вот записи о различных вопросах. Это все, что я могу сказать^[624]. Я постоянно получал наставления от отца и обращался к мудрецам и теперь знаю суть почти всех вещей. Благодаря негодной своей службе, я хоть и не проявил таланта, но достиг нынешнего ранга. Мои наследники! Хорошо помните о причинах этого; пусть и не буквально следуйте [моим наставлениям], но с усердием занимайтесь делами служебными и частными.

Записи о Масакадо^[625] «Сёмонки» (сер. X в.)^[626]

Говорят^[627], что Масакадо был потомком государя Амэкуни Осихаруки Амэ-но Сита Сиросимэсу Касивабара^[628] в пятом поколении и внуком принца Такамоти^[629], [потомка государя Камму] в третьем поколении. Его отцом был командующий Тиндзюфу в [провинции] Муцу^[630] Тайра-но Асоми Ёсимоти^[631]. Младший брат [отца Масакадо], сукэ^[632] провинции Симоса Тайра-но Ёсиканэ Асоми, был дядей Масакадо^[633]. Но после 9 года Энтё (931) из-за «спора о женщине»^[634] отношения между зятем [и тестем], племянником [и дядей] испортились^[635].

<...>^[636] В Номото^[637] ... [Минамото-но] Тасуку^[638] и другие построили войско в боевой порядок и ожидали Масакадо. Увидев вдали воинов [Масакадо], они обратились к божеству [знамени] токуцу^[639], развернули флаги и ударили в барабаны канэ (токуцу — часть оснащения войск; изготавливается из шерсти животных; канэ — военный барабан, обычно его называют «фурицуцуми»). Масакадо не мог ни отступить, ни продвигаться вперед. Но он собрался с силами, воодушевил [войско], закрепился на позициях, после чего [его люди] скрестили клинки [с противником] и завязалась битва. На счастье Масакадо, ветер дул в благоприятном для него направлении, и стрелы [его воинов уподобились] стремительному [речному потоку] и попадали точно в цель. [Люди] Тасуку сражались отважно, но в конце концов были разбиты. Много было павших, и мало было выживших.

В четвертый день [2 месяца 5 года Дзёхэй (935)] в Номото, Сида, Оогуси и Торики^[640] было сожжено все, начиная с усадеб [семьи Минамото], и заканчивая скромными жилищами сторонников [Минамото-но Тасуку]. <Те, кто спрятался в подожженных домах, заблудились в дыму и не смогли выйти>^[641], а бежавшие от огня испугались стрел и вернулись в пламя, [откуда раздавались] крики и стена-

ния^[642]. <...>^[643] Запасы, копившиеся тысячу лет, сгорели в мгновение ока. Также были сожжены все дома соратников^[644] [Минамото] в уездах Тикуба, Макабэ и Ниибари^[645] — более пятисот домов. Как жаль, что мужчины и женщины стали поленьями в огне, а [их] богатства были отобраны. «Три мира подобны горящему дому^[646], их сокровища принадлежат пяти хозяевам^[647] и постоянно переходят из рук в руки», — вот что можно тут сказать.

В этот день шум пламени разносился, как гром, а пепел застилал небо, как туча. [Святылище] Горного Царя^[648] скрылось в дыму, [как будто] спряталось за скалу. Жилища превратились в пепел и разлетелись по ветру. Видя это, и чиновники, и простые люди горестно плакали. Слыша это, близкие и далекие, родные и чужие вздыхали. Если кто-то погиб, пораженный стрелой, — дети вдруг остались без отца. Если кто-то бежал, бросив щит, — жена неожиданно оказалась без мужа.

Среди [таких несчастных] был и [Тайра-но] Садамори^[649], служивший при дворе. Он прибыл в город цветов^[650] перед тем, как произошло [все описанное], и узнал подробности [о случившемся], находясь в столице.

Этот господин размышлял [о произошедшем и рассудил так]. Садамори и сыновья предыдущего дайцзэ [провинции Хитати] Минамото-но Мамору были как одна семья. Хоть [Садамори] и не был их сторонником [в войне с Масакадо], он был связан с ними родством. От усадьбы отца [Садамори, Тайра-но] Куника, ничего не осталось. И сам [Тайра-но Куника] погиб.

[Садамори] узнал о случившемся, находясь вдали [от родных мест], и в душе своей он горевал. Что печалиться о сокровищах, у которых пять хозяев? Но воистину горестно узнать о том, что отец понапрасну отправился к [Желтому] Источнику^[651], а мать в одиночестве блуждает в горах. Когда, вставая, слышишь об этом с утра, то умываешься слезами; когда, ложась, думаешь об этом вечером, то печаль жжет грудь.

Садамори, не выдержав тоски, попросил об отпуске^[652] и вернулся в родные места^[653]. Прибыв домой, он стал искать отца в пепле и звать мать в тени гор. И хоть, по счастью, [Садамори] назначили «сыма»^[654] [провинции Хитати], вернувшись [домой], он плакал, напевая «Расставание журавлей»^[655]. Но он расспрашивал людей и смог найти своего верного друга. Он слушал, что говорят, и сумел отыскать своего преданного спутника^[656]. Как же это печально — надевать на иссиня-черные волосы шапочку из ткани и подвязывать

платье из глицинии^[657] веревкой из осоки. Прошла зима, наступила весна — дни служения родителям закончились^[658]. Прошел год, весна сменила зиму, и, наконец, обет годовичного воздержания был исполнен^[659].

Садамори размышлял о будущем. Все-таки они с Масакадо никогда не были врагами. [Сейчас все сложилось так только из-за того, что Садамори был] связан родством с домом Минамото. (В пословице говорится: «Низкий человек следует за знатным, слабый полагается на сильного». Нет ничего лучше, чем с почтительностью следовать за кем-то!^[660]). Садамори был всего лишь дзэ в конюшенном бюро^[661]. Он должен вернуться в столицу и своей доблестной службой заслужить повышение. Но кто будет заботиться об овдовевшей матери, если не сын? Кто, если не он, будет управлять многочисленными полями [семьи]? Надо сблизиться с Масакадо, объединить добрую волю столицы и восточных провинций, прослыть по всей стране подобными птицам хиёку^[662]». Он подробно написал обо всем этом [Масакадо] и добавил, что хорошо бы им было установить близкие отношения.

А пока [Садамори] собирался встретиться [с Масакадо], [произошло вот что]. У Масакадо был еще один дядя, сын ныне почившего сукэ провинции Кадзуса принца Такамоти от наложницы, [Тайра-но] Ёсимаса^[663]. Он был братом сукэ Ёсиканэ Асоми и, как и Ёсиканэ, приходился родственником бывшему дзэ провинции Хитати Минамото-но Мамору. Мамору постоянно горевал о том, что его сыновья — Тасуку, Такаси и Сигэру — были убиты Масакадо^[664]. Но сукэ Ёсиканэ, который служил тогда в провинции Кадзуса^[665], еще не знал о произошедшем. Один Ёсимаса, сокрушавшийся о погибших родственниках, [быстро,] как колесо, прикатился в провинцию Хитати.

Ёсимаса так печалился о родственниках по линии жены, что забыл про родство по линии отца. Он хотел убить Масакадо и стал строить планы нападения на него. А родственники Ёсимаса [по линии жены]^[666], видя, насколько он рассвирепел, начали радостно смеяться, хоть и не знали еще, чем [все закончится], — победой или поражением. [Воины Ёсимаса] водрузили щиты на спины, как это положено, и двинулись в поход.

Масакадо, услышав об этом, в 21 день 10 месяца 5 года Дзэхэй (935 г.) направился в село Кавава уезда Ниибари провинции [Хитати]^[667]. Ёсимаса с криком напал на него, как и рассчитывал. Оба войска сражались не на жизнь, а на смерть. Но Масакадо сопутствовала

удача, и он победил, а от Ёсимаса удача отвернулась, и он проиграл. Стрелами было убито более 60 воинов [Ёсимаса], а бежало бессчетное множество. И в 22 день Масакадо вернулся в свой лагерь^[668].

Тогда слухи о позоре Ёсимаса, его родственников и соратников распространились по всем провинциям, а имя их врага возвысилось. [Ёсимаса] был в унынии, как одинокое облако [на небе]. [Как будто] он погнался за тенью пронесшегося урагана. Он желал [отомстить, как Гоу Цзянь] в Куайци^[669], и для этого еще раз хотел встретиться со своим врагом. [Ёсимаса] сообщил старшему брату, сукэ [Ёсиканэ], что у него не хватает [войск]. В своем послании он написал следующее: «Гром гремит из-за ветра и дождя. Аисты поднимаются над облаками только благодаря оперенью и крыльям^[670]. Я молю о том, чтобы мы объединили силы и усмирили мятеж Масакадо. Тогда беспокойство в провинции утихнет само, и прекратятся волнения в верхах и в низах».

Сукэ Ёсиканэ Асоми сказал так: «В древности несправедный властитель^[671] совершил такое преступление, как убийство отца. Как же можно в наше время терпеть прегрешения племянника, стремящегося к власти? Младший брат говорит верно. И на это уже почти год жалуется мой родственник дзё Мамору. [Я,] Ёсиканэ, самый старший в семье жены. Почему бы не оказать им помощь? Надо скорее приготовить оружие и подстеречь [Масакадо]». Ёсимаса воодушевился, как дракон, попавший в воду, воодушевился, как Ли Лин^[672] в древности. Услышав об этом, раненые стрелами [в битве при Кавава] пришли [к нему], залечив свои раны. Бежавшие с поля той битвы собрались, починив свои щиты.

Тогда сукэ Ёсиканэ собрал воинов, построил их в боевой порядок, и в 26-й день 6-го лунного месяца 6-го года Дзэхэй (936 г.) [его войско, огромное, как] туча, выдвинулось из провинций Кадзуса и Симоса в провинцию Хитати. Хоть [Ёсиканэ] и пытались остановить^[673], он ускользнул под предлогом того, что едет навестить родственников. Избегая застав, они окольным путем перешли из уезда Муса провинции Кадзуса в село Камусаки уезда Катори провинции Симоса^[674]. Оттуда они переправились до пристани Эсаки в уезде Сидо провинции Хитати^[675]. Утром следующего дня войско прибыло в лагерь Мимори^[676] в провинции Хитати.

[На рассвете,] когда еще кричали первые петухи, [в лагерь к Ёсиканэ] прибыл Ёсимаса и поведал ему о своих подозрениях. Следом за ним с сукэ встретился и Садамори, который был давно знаком [с Ёсиканэ]. Сукэ сказал следующее: «Я слышал, что мой родственник

[Садамори] в хороших отношениях с Масакадо. Это не к лицу воину. Для воина главное — имя. Как можно прислуживать врагу, который завладел столькими твоими богатствами и убил столько твоих родственников? Объедини свои силы с нашими и положим конец [мятежу Масакадо]». Садамори соблазнили эти сладкие речи. Хоть изначально [Садамори] и не желал того, теперь стал он заодно [с Ёсиканэ] и вместе с ним выдвинулся в провинцию Симоцукэ, сотрясая землю и пригибая траву.

До Масакадо дошли тревожные известия, и, чтобы проверить их, в 26 день 10 месяца^[677] он направил около ста всадников на границу с провинцией Симоцукэ. [Оказалось,] что и вправду врагов было несколько тысяч. И судя по их виду, нападать на них [Масакадо] было нельзя. Дело в том, что войско сукэ [Ёсиканэ] еще не понесло потерь в битвах, люди и лошади были упитанные, оружие все было в порядке. У Масакадо же после частых столкновений с врагами оружия и людей было мало. Увидев это, враг выстроил щиты стеной и пошел [на Масакадо], словно бы [желая как мечом] разрезать [его войско]^[678]. Масакадо же, пока [вражеские воины] еще не приблизились, послал в атаку пехоту и вынудил их вступить в бой. Кроме того, [лучники Масакадо] убили более восьмидесяти всадников [Ёсиканэ]. [Люди] сукэ [Ёсиканэ] испугались и обратились в бегство, волоча за собой щиты. А когда Масакадо поднял хлыст и, выкрикивая собственное имя^[679], ринулся преследовать врага, [Ёсиканэ], не зная, что делать, скрылся в провинциальной управе.

Тогда Масакадо задумался. Хотя [Ёсиканэ] и был его заклятым врагом, они не были чужими друг другу по крови, они были кость и плоть одного рода. Как говорится: «Хоть супруги и близки друг другу, но не ближе, чем [две плитки] черепицы [на черепичной крыше]. Хоть родственники и далеки друг от друга, но не дальше, чем [два стебля] тростника [на тростниковой крыше]». И если [Масакадо] убьет [Ёсиканэ], не будут ли его везде винить за это? Поэтому [Масакадо], желая дать сукэ [Ёсиканэ] бежать, убрал свои войска с позиций на западе от провинциальной управы. Но следом за [Ёсиканэ] из павильона провинциальной управы] бежало, как фазан, спасающийся от сокола, более тысячи воинов, которые радовались, как птица, покинувшая клетку. В этот день новость о вероломном нападении сукэ [Ёсиканэ] распространилась по всей провинции [Симоцукэ], а [Масакадо] сделал об этом запись в журнале провинциальной управы. На следующий день [Масакадо] вернулся в свой лагерь, и ничего особенного [некоторое время] не происходило.

В ответ на жалобу бывшего дайдзэ Минамото-но Мамору в 29 день 12 месяца 5 года Дзёхэй (935) был издан указ, предписывавший Мамору, а также Масакадо и Маки^[680] явиться [ко двору]. Этот указа был доставлен в 7 день 9 месяца 6 года Дзёхэй (936)^[681]. В провинции Хитати, Симоцукэ и Симоса из столицы были посланы начальник левой ближней гвардейской управы Анахо-но Томоюки (шестой старший ранг высшей ступени), Анахо-но Удзитати и Удзика-но Томооки^[682]. Масакадо поспешил отправиться [в столицу] в 17 день 10 месяца, раньше, чем [Минамото-но Мамору], который подал жалобу. Прибыв ко двору, он подробно доложил о произошедшем. На счастье [Масакадо] решение [по его делу] вынес государь, и допрос в Кэбииситё^[683] был кратким. Масакадо не был опытен в официальных делах, но Государь [проявил к нему] благосклонность, и чиновники взяли его под свое покровительство. Его преступление было признано легким, и наказание не было серьезным. Имя [этого] воина стало известным в [районе] Кинай^[684], слава о нем распространилась по столице. Пока [Масакадо] находился в столице, государь издал указ о смене девиза правления. (Говорят, что девиз правления был изменен на «Тэнгё» в год совершеннолетия^[685] государя — 8 год Дзёхэй (938)^[686]).

Поэтому плоть сосен заключает в себе цветение тысячи лет, а из лотосовых нитей плетут венки [для государей, обладающих] десятью добродетелями^[687]. Воистину тогда тяжкая ноша народа была облегчена великой амнистией^[688], и наказание для совершивших одно из восьми преступлений^[689] было смягчено. Масакадо посчастливилось столкнуться с таким проявлением человеколюбия. В 7 день 4 месяца 7 года Дзёхэй (937)^[690] был издан государев указ о помиловании, [прощавший все] прегрешения — и большие, и малые. Лицо [Масакадо расцвело] так, как будто он радовался весенним цветам. В 5 месяце он получил разрешение вернуться [из столицы домой]. [Масакадо] неожиданно был отпущен, как Дань из Янь^[691], и в конце концов вернулся в родное село, как Тоси^[692]. (В «Преданиях»^[693] говорится: Дань из Янь служил государю Цинь. Прошли многие годы, и Янь попросил отпустить его, так как он хотел вернуться в родные края. Но государь Цинь сказал: «Я разрешу тебе вернуться, когда у птиц головы станут белыми, а у лошадей вырастут рога». Дань, плача, обратился к небу, и тогда головы у птиц стали белыми, припал к земле, и тогда у лошадей выросли рога. Государь Цинь был поражен этим и разрешил Яню вернуться [домой]. А о Тоси говорят, что он попал в Страну вечной радости и потом вернулся в родное село. По-

этому здесь так и сказано. Подробнее смотри в [«Преданиях»]. Как говорится: «Лошадь, [выросшая на севере], печалится, когда дует северный ветер, птица, [родившаяся на юге], грустит, [когда вьет гнездо на] ветви, расположенной с южной стороны»^[694]. Почему же человек не должен тосковать по родным местам? В 11-й день 5-го лунного месяца того же года [Масакадо] без промедления покинул столицу и прибыл домой^[695].

Не прошло и месяца, и ноги еще не отдохнули после дороги, а сукэ Ёсиканэ, не забывший прежних обид, опять хотел [отомстить, как Гоу Цзянь] в Куайцзи. Он долгое время запасался оружием и доспехами, и они были необычайно [хороши].

В 6-й день 8-го лунного месяца [войско Ёсиканэ] окружило переправу через Когаи^[696] на границе провинций Хитати и Симоса. В этот день была проведена такая церемония: взяли священные изображения и развернули их перед войском. (Эти священные изображения — изображение почившего сукэ провинции Кадзуса приица Такамоти и изображение командующего [Тиндзюфу] провинции Муцу Тайра-но Ёсимоти^[697]). [Ёсиканэ] построил своих лучших воинов и пошел в атаку на Масакадо. В этот день божество гневало [на Масакадо]^[698], и у него ничего не получалось. Воинов [у Масакадо] было мало, запасы оружия истощились, и [его люди] могли только отступить, взвалив щиты на спины.

Тогда сукэ [Ёсиканэ] сжег дома крестьян на пастбищах Икува, что около здания Курусу-ин в уезде Тоёта провинции Симоса^[699]. [Пожар был таким сильным, что] после него, днем, хоть [зола] изпод косики^[700] уже была убрана, у ворот [каждого дома] лежало по большой куче не известно откуда взявшихся углей. Ночью, хоть дым от очагов уже не шел, стены домов были [черные], как будто лакированные. Дым затянул все небо, подобно туче. Огни пожаров были рассеяны по земле, как звезды. В 7 день того же месяца враг, отбрав [у Масакадо] славу свирепого [воина], ушел, а Масакадо, затаив горькую обиду, на некоторое время скрылся.

Масакадо хотел, чтобы его воинская слава осталась в веках. За день-другой он изменил свой способ ведения боя, заготовил 370 копий и щитов и собрал вдвое больше воинов, [чем прежде]. В 17 день [8 месяца 7 года Дзёхэй (937)] войско [Масакадо] заняло позиции около переправы Хорикоси в селе Симо-Ооката [уезда Тоёта]^[701] и стало ждать [Ёсиканэ]. Тогда, когда и предполагал [Масакадо], гремя, как гром, появилось [войско Ёсиканэ], огромное, как туча. В этот день у Масакадо неожиданно заболели ноги^[702], и все сущее для него

словно погрузилось в туман. Битва только началась, а его соратники рассыпались, как палочки для счета^[703]. [После этого] врагом были сожжены оставшиеся [после предыдущего пожара] дома крестьян. Урожай, люди и лошади — все в уезде [Тоёта] было уничтожено. Прямо, как об этом, было сказано: «Там, где пройдет тысяча человек, завянут травы и высохнут деревья».

Сразу после этого Масакадо с женой и детьми для лечения болезни скрылся в районе бухты Асидзу в уезде Сасима^[704]. Он опасался, что произойдет что-то страшное, и поэтому посадил жену с детьми на лодку и отправил их по озеру Широкава, а сам скрылся за холмами на берегах Мусухэ^[705]. Прошел день или два, и в 18 день войско врага рассеялось. В 19 день сукэ [Ёсиканэ] по дороге Сасима^[706] вернулся в провинцию Кадзуса.

В тот же день жена Масакадо на лодках переправилась на противоположный берег. И враги, узнав об этом от осведомителя, выследили и захватили эти лодки. Более трех тысяч ценных предметов, находившихся на семи или восьми лодках, досталось [врагу]. Также была захвачена жена и дети [Масакадо]. В 20 день их доставили в провинцию Кадзуса. Так Масакадо остался без жены, и он был вне себя от гнева и злости. Как будто тело его жило, а душа умерла. [Жена Масакадо], не привыкшая проводить ночи вдали от дома, оплакивала свою судьбу и не смыкала глаз, но ничего не могла поделать.

Она была верной женой и хотела умереть вместе со своим Хань Пэном^[707]. А [ее] муж [Масакадо], следуя [примеру] ханьского вана, собирался искать [дочь] дома Ян^[708]. Пока он строил планы, прошло несколько недель. Но, несмотря на то, что они тосковали друг по другу, встретиться не было и надежды. И тогда жена [Масакадо] сговорилась со своими младшими братьями^[709] и в 10 день 9 месяца смогла тайно вернуться в уезд Тоёта. Восстав против своей родни, она заняла сторону мужа, подобно жене из Ляодуна^[710], которая последовала за мужем, напавшим на царство ее отца. Эта жена восстала против своей родни и бежала в дом мужа.

Но Масакадо и его дядя, которые, наверное, враждовали еще с прошлой жизни, [все еще желали] отплатить друг другу. В то время сукэ Ёсиканэ находился в провинции Хитати, где у него были родственники. Масакадо, узнав об этом, вознамерился покарать его. Он собрал более 1800 воинов — травы и деревья пригибались [перед этим войском]. В 9 день 10 месяца^[711] войско [Масакадо] выдвинулось в уезд Макабэ провинции Хитати. [Прибыв туда,] они сожгли резиденцию сукэ [Ёсиканэ] в Хатори^[712], а также все дома его сорат-

ников. Врага преследовали день или два, но он спрятался в высоких горах, и его не смогли найти. Пока [войско] стояло лагерем, дошли вести, что Ёсиканэ [прячется] на горе Цукуба.

В 13 день^[713] [Масакадо снял лагерь] и направился [туда]. Так и оказалось: Ёсиканэ находился в долине к югу от горы Юбукуро^[714], оттуда далеко разносились голоса тысячи человек. Горы отзывались эхом, и травы дрожали, повсюду были слышны стук колес, барабанный бой, крики и проклятия. Масакадо построил войско и выставил стену из щитов. Он послал [Ёсиканэ] вызов и [скомандовал] наступление. Но было начало зимы по лунному календарю, и солнце уже начинало садиться. Поэтому и то, и другое войско отступило, волоча щиты, и встало лагерем.

Издrevле и до наших дней врагам живется нелегко. Днем они натягивают стрелы на тетиву и со страхом ожидают, кто падет от выстрела другого. Ночью они кладут лук под голову, но боятся, что другой замышляет нападение. Когда дует ветер и идет дождь, твой дом — накидка из соломы и шляпа из бамбука. Когда стоишь лагерем и [спишь] на траве, твои враги — комары и слепни. Но враги настолько ненавидят друг друга, что сражаются, забыв о холоде и жаре.

Во время той войны [между Масакадо и Ёсиканэ] на полях оставалось еще много урожая. Колосья лежали над глубокой грязью, и люди и лошади могли проходить по полям. Десять коров умерло, съев слишком много сена, семь человек поплатилось за то, что перепили сакэ. (В войске Маки таких случаев не было). И подумать грустно о том, что были сожжены тысячи домов. И вспоминать печально, сколько риса было уничтожено. [Масакадо] не смог найти [Ёсиканэ] и ни с чем вернулся домой.

После этого, в 5 день 11 месяца того же года в провинции Муса-си, Ава, Кадзуса, Хитати, Симоцукэ был направлен указ, предписывающий Масакадо схватить сукэ Ёсиканэ, дзё Минамото-но Мамору, дзё Тайра-но Садамори^[715], Киммаса^[716], Кинцура^[717] и Хата-но Киёбуми^[718]. Узнав об этом, Масакадо весьма воодушевился и преисполнился сил. Но чиновники провинциальных управ, получив этот указ, не спешили его выполнять и никак не преследовали [указанных преступников]. Сукэ Ёсиканэ, по-прежнему исполненный яда злобы, не оставлял намерения убить [Масакадо]. Он ждал благоприятного момента, чтобы напасть на Масакадо.

В это время посыльный Масакадо Хасэцукабэ-но Кохарумару^[719] часто посещал постройки в полях поместья Сида в провинции Хита-

ти, так как там жили его родственники^[720]. Сукэ [Ёсиканэ] рассудил так: «Мечом клеветы можно рассечь и скалу, постоянными мольбами можно поколебать и гору. Использую Кохарумару, чтобы уничтожить Масакадо». Он вызвал к себе Кохарумару и попросил его сообщить, [где находится Масакадо]. Кохарумару ответил так: «Очень хорошо. Дай мне одного своего крестьянина. Мы вернемся вместе [в уезд Тоёта], и я покажу ему тамошние места».

Сукэ [Ёсиканэ] очень обрадовался, подарил [Кохарумару] один хики восточного шелка^[721] и сказал: «Если ты действительно придумаешь, как убить Масакадо, то ты оставишь тяжелую работу носильщика и станешь всадником в моей свите. И кроме того, я укреплю твою решимость горами риса и вознагражу тебя одеждами». Кохарумару уже съел мясо жеребца, но еще не знал, что умрет от этого^[722]. Он был опьянен сладким ядом птицы чжэнь, и радость его не знала границ^[723]. Взяв с собой крестьянина, он вернулся к себе домой, в село Окадзакн^[724] в уезде Тоёта.

На следующий день рано утром Кохарумару со своим сообщником, взяв угля, пришли в лагерь Масакадо в Иваи^[725]. Когда Кохарумару должен был остаться в лагере на день или два, чтобы нести ночное дежурство, он взял с собой сообщника, и показал ему, где хранится оружие, где проводит ночь Масакадо, а также где находятся восточная и западная конюшни, южные и северные входы. После этого посланец вернулся [к Ёсиканэ] и подробно обо всем доложил.

Сукэ Ёсиканэ подготовил войска для ночного нападения и вечером 14 дня 12 месяца того же года выступил в направлении лагеря [Масакадо] в Иваи. [У Ёсиканэ] было 80 всадников, каждый из которых стоил тысячи [людей]. Они натягивали тетиву, как Ян Ю^[726] (в «Хань шу» говорится, что когда Ян Ю брал лук, птицы сами падали с неба, он сто раз стрелял и сто раз попадал в цель^[727]), носили за спиной колчан, как Разогнавший воронов (В «Хуайнаньцзы» говорится, что [когда-то] жил мастер лука по имени Чужеземец И. Это было при императоре Яо. Однажды на небе появилось десять солнц. Этот человек выпустил стрелы в девять солнц, и они упали на землю. На этих солнцах было по золотому ворону^[728]. Поэтому его называли «Разогнавший воронов». Так говорят про выдающихся воинов)^[729]. Стучат копыта быстрых коней (Го Пу говорит: «Быстрый конь на третий день после рождения обгоняет свою мать. За день он проходит сто ли»^[730]. Поэтому так говорят про быстрых коней). [Всадники] вздымают хлысты, как Ли Лин, проносятся, как ветер, летят, как птицы.

В час свиньи^[731] [войско Ёсканэ] вышло на дорогу около храма Ходзэджи^[732] в уезде Юки. Возле храма их ожидал один из воинов Масакадо, стоивший тысячи [людей], которому стало известно, что готовится ночное нападение. Он смешался со свитой [Ёсканэ], находившейся в хвосте [войска], и не торопясь ехал [в ее рядах], так что никто и не понял, кто он такой. А после моста Камо он незаметно ускакал вперед, в лагерь Иваи, и прибыв туда, обо всем доложил [Масакадо]. Властители и слуги находились в смятении, мужчины и женщины были в панике. В час зайца^[733] враги осадили лагерь.

У Масакадо не набралось и десяти воинов. Он закричал: «Когда-то я слышал, что Ю Гун защищался от врагов ногтями, как щитом, и победил войско в несколько десятков тысяч человек. Цзы Чжу взял иглу и выбил из рук врагов тысячу пик^[734]. У меня сердце вана Ли Лина! Не отворачивайте лиц от врага!» Масакадо выпучил глаза, стал клацать зубами и ринулся в атаку. Тогда враги, побросали щиты и рассеялись, подобно облакам. Масакадо вскочил на коня и погнался за ними, подобно ветру.

Бежавшие походили на мышей, которые, убегая от кота, забыли, где их норы. Преследовавшие походили на соколов, которые, увидев фазана, взлетели с перчатки охотника. Первая стрела, [выпущенная лучниками Масакадо], попала в воина [Ёсканэ] Тадзино Ёситоси. [Из всего войска Ёсканэ] в живых осталась лишь горстка людей. В тот день было убито больше сорока человек. Выжили же те, кому благоволило Небо, и кто смог бежать (Небо наказало лазутчика Кохарумару: его предательство было раскрыто. В 3-й день 1-го лунного месяца 8-го года Дзёхэй (938) он был схвачен и убит).

После этого дзё Садамори много раз вспоминал о прошедшем и решил так: «Для того чтобы продвигаться по службе и возвращать в себе добродетель, нет ничего лучше, чем преданно служить [при дворе]. Нет ничего хуже, чем потерять свое имя и лишиться всех выгод. И честный человек, пробыв в комнате с вяленой рыбой, будет пахнуть, как мясо с ляжки барана^[735]. Как говорится в [одной] книге: «Не печалься о воздаяниях [за грехи прошлых жизней], а плачь о том, что о тебе останется дурная слава»^[736]. Если странствовать по земле, где [властвует зло], то слава о тебе обязательно будет недоброй. Надо покинуть [дом с] воротами из травы^[737] и отправляться в замок цветов^[738], [служить и] продвигаться по службе. К тому же, жизнь человека — как мгновение, кто сможет процветать тысячу лет? Надо оставить путь воровства и стремиться к праведной жизни. Садамори служил государю и преуспел, став «сыма». И если я буду

умножать свои усилия [на благо] двора, то получу красные и пурпурные одежды^[739]. Кроме того, [прибыв в столицу], я смогу честно доложить государю о своих горестях». Весной 8 года Дзёхэй (938), в середине 2 месяца, [Садамори] по дороге Тосандо отправился в столицу.

Масакадо, услышав об этом, так сказал своим соратникам: «Клеветник [произносит свои речи], завидуя тому, что честный человек выше его. Злые сердцем страдают оттого, что другие богаче и знатнее них^[740]. Как говорится, орхидея вот-вот расцветет, но осенний ветер срывает ее цветы. Мудрец хочет сиять, но клеветники наводят на него тень^[741]. Садамори еще не отомстил Масакадо за «позор, испытанный в Куайцзи», но он и не забыл о том, что жаждет расплаты. Если он отправился в столицу, то, наверное, будет клеветать на Масакадо. Надо догнать Садамори и растоптать его!» Он взял с собой более ста конных воинов и ринулся в погоню.

[Масакадо] настиг [Садамори] в 29 день 2 месяца возле храма кокубундзи^[742] в уезде Тиисагата провинции Синано. Сражение произошло за рекой Тикума, но победителя в нем не было. В этой битве стрелой был убит воин [Садамори] Осада-но Маки^[743]. Воин [Масакадо] Бунъя-но Ёситати^[744] был ранен стрелой, но выжил. На счастье Садамори, ему благоволило Небо. Он избежал свистящих стрел Лю Фу^[745] и скрылся в горах. Масакадо рвал на себе волосы, но ему пришлось вернуться домой ни с чем.

Садамори в одночасье лишился припасов, рассчитанных на тысячу ли, и оплакивал тщетность своего путешествия, роняя слезы на ростки травы. Уставшие кони лизали снег и, наконец, пересекли границу провинции^[746]. Его голодающие слуги терпели холодный ветер и, горюя, шли дальше. Но, благодаря благосклонности Неба, они все-таки смогли добраться до столицы. [Садамори] представил в Дайдзёкан доклад, где описал свои многочисленные горести. Государев указ, предписывающий провести расследование, был направлен в провинцию, где находился [Масакадо].

В середине 6 месяца 1 года Тэнгё (938) [Садамори с этим] указом отправился из столицы [в провинцию Хитати]. Но после допроса [Масакадо] стал все чаще проявлять мятежный дух и все больше бесчинствовать.

Тем временем, в начале 6 месяца скончался сукэ Асоми Ёсиканэ^[747]. Пока [Садамори] был в глубокой печали, зимой, в 10 месяце того же года, в управу провинции Симоцукэ прибыл управитель провинции Муцу Тайра-но Корэсукэ Асоми^[748], который по дороге

Тосандо направлялся к месту службы. Тайсю^[749] [Корэсукэ] был близким другом Садамори, поэтому Садамори хотел отправиться в Муцу вместе [с ним], и спросил его, не будет ли тот против. [Корэсукэ ответил]: «Очень хорошо». Но когда они уже были готовы отправиться в путь, появился ждавший благоприятного момента Масакадо. Войска [Масакадо] перекрыли все дороги, он охотился за [Садамори] по горам, искал его следы по полям. Садамори помогало Небо, и он пронесся, как ветер, и скрылся, как облако. Тайсю [Корэсукэ] не знал, что и делать, но в конце концов он оставил Садамори и отправился в провинцию [Муцу].

Теперь с утра [для Садамори] горы были домом, а ночью камни были подушкой. Опасения, что нападут разбойники, становились все сильнее, боязнь, что произойдет что-то страшное, росла. [Садамори] не решался покинуть границы провинции [Хитати] и продолжал скрываться в своем горном убежище. Он обращался к небу и видел, что в мире нет покоя, припадал к земле и сокрушался о собственной незащитности. Ему было и печально, и больно. Хоть и тяготишься самим собой, расстаться [с самим собой] нельзя. Когда он слышал, как кричат птицы, ему казалось, что это звучат голоса врагов. Когда он видел, как шевелится трава, ему чудилось, что это приближается лазутчик. В скорби шли месяцы, в печали проходили дни. Но в эти дни звуки битвы так и не раздались, и тревога в сердце постепенно улеглась.

Тем временем, весной, в середине второго месяца 8 года Дзэхэй (938) между гон-но ками провинции Мусаси принцем Окиё^[750], сукэ Минамото-но Цунэмото^[751] и Мусаси-но Такэсиба^[752], который служил управителем уезда Адати и хогандаем^[753] в провинциальной управе, возник спор из-за злоупотреблений властью. Говорили, что принципом [действий] управителя провинции была безнравственность, а сила управителя уезда состояла в добродетели. Почему так говорили, можно показать на примере уездного управителя Такэсиба, который ревностно служил долгие годы, не имел ни одного замечания и [снискал тем самым] честь. Во всей провинции было известно, как хорошо Такэсиба управляет уездом, его забота [о народе] чувствовалась в каждом доме.

В прошлом провинциальная управа никогда не взимала с уездов недоимок. Предыдущие цыши^[754] не налагали взысканий за опоздание [при доставке налога]. Хоть назначенный ками [провинции Мусаси] еще и не прибыл, гон-но ками [принц Окиё] решил занять [уезд Адати]^[755]. Такэсиба изучил [документы] и [доложил], что до

сих пор в провинции не было столь дерзких примеров того, чтобы уезд занимали до [прибытия] назначенного [ками]». Управитель же провинции заявил, что это грубость со стороны уездной управы, и своевольно приказал войскам занять уезд. Такэсиба испугался суда и некоторое время скрывался в горах. Дома Такэсиба, а также жилища его родственников были разграблены. Остальные дома были опечатаны, но остались нетронутыми.

Казалось, что ками [принц Окиё] и сукэ [Минамото-но Цунэмото] поступали так же, как и Чжун-ва^[756] (как говорится в «Хуаян гочжи», когда Чжун-ва был управителем уезда, он увеличил налоги и стремился разбогатеть за счет провинции). У их слуг были сердца воров. Правители [ками принц Окиё и сукэ Минамото-но Цунэмото] сговорились, как две палочки хаси, и строили планы, как бы сломать [своему народу] кости и выдавить [из людей] нажитое, а их слуги, многочисленные, как муравьи, только и думали о том, как бы украсть и спрятать чужие богатства. Одного взгляда на разоренную провинцию было достаточно, чтобы увидеть, что ее население убывает. Писцы [управы] провинции [Мусаси], так же, как до этого произошло в провинции Этиго, составили письмо, в котором требовали [от вышестоящих чиновников] раскаяния. Письмо было брошено перед павильоном [провинциальной управы], и [о событиях в Адати] стало известно по всей провинции.

Такэсиба уже давно был управителем уезда, но ни разу не слышали, чтобы он присваивал то, что принадлежит государству. Он много раз подавал жалобы с требованием вернуть похищенное, но никаких мер принято не было. [Принц Окиё и Минамото-но Цунэмото] все активнее готовились к военным действиям. Тем временем Масакадо, получив срочное донесение [обо всем происходящем в провинции Мусаси], так сказал своей свите: «Этот Такэсиба мне не близкий родственник. И ками [принц Окиё] с сукэ [Минамото-но Цунэмото] не мои братья. Но чтобы усмирить смуту между ними, я отправлюсь в провинцию Мусаси». И в сопровождении своего войска он прибыл в места, где скрывался Такэсиба.

Такэсиба сказал [Масакадо]: «Гон-но ками [принц Окиё] вместе с сукэ [Минамото-но Цунэмото] приготовили оружие и доспехи, взяли своих жен и детей и поднялись на гору Саяки, что в уезде Хики^[757]». Масакадо и Такэсиба направились к управе [провинции Мусаси]. Тогда гон-но ками принц Окиё [также отправился к управе] и опередил [Масакадо и Такэсиба]. Сукэ Цунэмото остался в горах. Пока Масакадо мирил принца Окиё и Такэсиба, [все трое] выпили мно-

го [вина], и отношения между [принцем Окиё и Такэсиба] стали теплее.

Но в это время тыловые отряды Такэсиба без всякой на то команды окружили лагерь Цунэмото. Сукэ Цунэмото был еще умудрен опытом на пути воина. Он испугался, его войско разбежалось, и это известие мгновенно дошло до управы. Все сложилось не так, как хотел Масакадо, желавший усмирить смуту. Принц Окиё остался в здании управы, а Масакадо вернулся в свой лагерь. Цунэмото заподозрил, что по наущению уездного управителя Такэсиба гон-но kami [принц Окиё] и Масакадо решили убить его, Цунэмото. Он был глубоко разгневан и отправился в столицу. Желая отомстить принцу Окиё и Масакадо, [как Гоу Цзянь] в Куайцзи, он представил в Дайдзёкан лживый [донос], в котором обвинял их в подготовке мятежа. Во дворце были крайне напуганы, во всей столице царила паника.

Тогда покровитель Масакадо дайдзё дайдин [Фудзивара-но Тадахира] в 25 день 3 месяца 2 года Тэнгё (939) через младшего помощника главы Управления дворца государыни Тадзи-но Махито Сукэ-маса [направил Масакадо] письмо с требованием объяснений^[758]. Это письмо было доставлено [Масакадо] в 28 день того же месяца^[759]. Во 2 день 5 месяца того же года Масакадо ответил, что обвинения в измене лживы, и [в доказательство этого] представил докладные записки из пяти провинций — Хитати, Симоса, Симоцукэ, Мусаси и Кодзукэ^[760]. Тем временем, в начале 6 месяца сукэ Асоми Ёсиканэ, находясь на ложе болезни, подстриг волосы на висках^[761] и скончался. После этого некоторое время ничего не происходило.

В то время гон-но kami провинции Мусаси принц Окиё были в плохих отношениях с новым управителем [провинции Мусаси] Кудара-но Садацура^[762]. Хоть их жены и были в родстве друг с другом, [Садацура] не разрешал [принцу Окиё] присутствовать на заседаниях [в провинциальной управе]. Принц Окиё разгневался и отправился в провинцию Симоса. Получив благоприятные отзывы [о Масакадо] из провинций, во дворце обсуждали, какую оценку дать его [действиям]. По счастью, к нему с благосклонностью относились во всей стране, и, естественно, в провинциях его авторитет еще более усилился.

В то время в провинции Хитати жил Фудзивара-но Харуаки^[763]. Для провинции он всегда нес смуту, а для народа был отравой. Перед началом сбора урожая он захватывал целый тё земли. Что же касается налогов, то он не отдавал ни снопа, ни связки. И когда приходили инспекторы из провинциальной [управы] и требовали [уплаты

налогов], он смеялся над ними, а слабых простолюдинов он запугивал и грабил. Когда видишь такие поступки, [понимаешь, что] они еще ужаснее, чем [деяния] варваров. Когда слышишь о таких действиях, [понимаешь, что] они не лучше, чем [преступления] разбойников. Сукэ [провинции Хитати] Фудзивара-но Корэтика Асоми не раз направлял [Харуаки] письма^[764] с требованием заплатить налог, но [Харуаки] сопротивлялся этому и не появлялся в управе. Не обращая внимания на требования властей, он своевольно творил злодеяния и, поступая лишь по своему усмотрению, угнетал народ провинции.

Когда сукэ [Фудзивара-но Корэтика] наконец доложил о многочисленных преступлениях [Харуаки] и получил указ схватить его, тот с женой и детьми бежал в уезд Тоэта провинции Симоса. При этом он похитил неочищенный рис и сушеный рис из особых амбаров^[765] в уездах Намэката и Коти. О количестве [похищенного] риса записано в книгах уездных управ. Письмо с требованием задержать [Харуаки] было отправлено в [управу] провинции Симоса и Масакадо. Но Масакадо ответил, что [Харуаки] уже скрылся, так как не хотел передавать его [властям]. В провинции [Симоса Харуаки] вел себя так, как будто он был заклятым врагом [ее жителей], в уезде [Тоэта] он творил разбой. Вещи, отобранные у проезжавших [через уезд Тоэта], становились добычей для его жены и детей, богатства, украденные у народа, позволяли процветать его свите.

Масакадо всегда был готов помочь отверженному и оказать участие и поддержку тому, кому не на кого положиться. А Харуаки волком смотрел на сукэ [провинции Хитати] Корэтика Асоми и таил в себе змеиный яд. Иногда он хотел исподтишка убить [Корэтика], иногда он собирался в открытую напасть на него. Харуаки поведал об этом Масакадо, [чтобы узнать его намерения]. [Масакадо], казалось, готов был ему в этом помочь. Тогда [Харуаки] стал еще более дерзким и начал готовиться к войне, завершив тайные переговоры [с Масакадо].

[Масакадо] собрал оружие по всей провинции [Симоса], призвал войска из других провинций и в 21 день 11 месяца 2 года Тэнгё (939) [его войско пересекло границу] провинции Хитати. В провинции уже подготовились к нападению и ждали Масакадо. Масакадо сказал: «Я отправил в провинциальную [управу] письмо с просьбой не преследовать Харуаки и разрешить ему жить на земле провинции [Симоса]». Но ему ответили, что его просьба была отклонена, и что [войска провинции Хитати] должны атаковать его. В ходе этого сражения погибли все 3000 воинов провинции [Хитати].

С Масакадо было около 1000 воинов, они окружили павильон провинциальной управы и не давали никому выйти^[766]. Тогда сукэ [Фудзивара-но Корэтика] согласился написать письмо, в котором признал свои ошибки, и сёси [Фудзивара-но Садато]^[767] раскаялся и распростерся в поклоне [перед Масакадо]. Раздавали шелковые ткани — словно тучи опускались [с неба]. Разбрасывали редчайшие сокровища — словно палочки для счета рассыпались. Пятнадцать тысяч бу шелка отошли к пяти хозяевам. Дым от очагов в трехстах домах в одночасье превратился в копоть пожарищ. [Женщин, прекрасных, как] Си Ши^[768], [которую изображают] на ширмах, тут и там раздевали и унижали. Монахов и мирян из провинциальной управы чуть не забили насмерть. Седла, выделанные золотом и серебром, шкатулки, украшенные лазуритом, — их были тысячи, десятки тысяч! Кто отнял нажитое многими семьями, кто завладел многими сокровищами?

Монахи и монахини, [находившиеся на правительственном содержании]^[769], молили воинов о пощаде. Оставшихся в живых знатных людей ждали жестокие унижения. Печально [было видеть, как] бецзя^[770] [Фудзивара-но Корэтика] вытирал кровавые слезы рукавом красных одежд. Горестно [было смотреть на то, что] служащие провинциальной [управы] стояли на обоих коленях в грязи. Ворон уже унес солнце дня смуты на запад, и [вскоре] наступило утро беззаконья, когда были захвачены печать и ключ^[771]. Сукэ [Фудзивара-но Корэтика] и сёси [Фудзивара-но Садато] были под конвоем выпровожены [из провинциальной управы]. Служащие управы, оставшиеся на заднем дворе, были в горе, а соратники [сукэ], не находя себе места, бродили у обочины дороги. В 29 день [Масакадо] вернулся в свою резиденцию в Камава, что в уезде Тоёта. Сукэ [Фудзивара-но Корэтика] и сёси [Фудзивара-но Садато] были помещены в один дом, и хотя к ним относились хорошо, они не спали и не ели.

Тогда гон-но ками провинции Мусаси принц Окиё тайно обратился к Масакадо с предложением, [сказав]: «Если ты поразмыслишь о происходящем, [то поймешь]: хоть ты напал [всего лишь] на одну провинцию, двор обвинит тебя в тяжких [преступлениях]. Ты можешь точно так же захватить все восточные провинции^[772], и тогда посмотрим, что еще будет». Масакадо отвечал так: «Масакадо именно об этом и думает, и вот почему. В древности принц с родинкой на ноге, чтобы стать государем, собирался отрубить головы тысяче царей^[773]. Другой принц хотел занять трон своего отца и бросил того в тюрьму за семью стенами. Масакадо же — потомок кшатриев, внук

[принца Такамоти — потомка государя Камму] в третьем поколении. Я начну с восьми провинций и захвачу государев замок. Но сначала надо завладеть печатями и ключами провинций и выгнать всех управителей провинций в столицу. Так я смогу и получить в свои руки восемь провинций, и подчинить себе их народ». На этом совет [между принцем Окиё и Масакадо] был окончен.

[Масакадо] собрал несколько тысяч воинов и в 11 день 12 месяца 2 года Тэнгё (939) [пересек границу] провинции Симоцукэ. Каждый [из воинов] восседал на коне, подобном дракону^[1774], за каждым шел отряд, [огромный], как туча. Подняли хлысты, пришпорили коней — как будто хотели перемахнуть через гору в десять тысяч ли. Сердце каждого преисполнено отваги, [вместе] готовы победить стотысячное войско. И вот они подошли к павильону управы [провинции Симоцукэ] и стали готовиться к битве. Тогда новый ками [провинции Симоцукэ] Фудзивара-но Хиромаса и прежний управитель Оонакатами-но Матаюки Асоми^[1775], увидев, что Масакадо хочет захватить провинцию, дважды поклонились ему и, преклонив колени, поднесли печать и ключи.

Пока все пребывали в смятении, было захвачено здание и территория провинциальной управы. [Масакадо] отрядил крепкого провожатого, чтобы сопровождать ками [провинции Симоцукэ Фудзивара-но Хиромаса] в столицу. Ками сказал: «В мире богов-небожителей^[1776] есть пять признаков смерти^[1777]. В мире людей есть восемь видов страдания^[1778]. Сегодня я столкнулся со страданиями, и этого нельзя было избежать. Времена меняются, изменяется мир, [люди] повсеместно теряют нравственные принципы. Благое исчезает, злое появляется, будды и божества ками никак не проявляют себя. Как же это печально! Кости петуха хоть и не были еще старыми, улетели на запад. Панцирь черепахи хоть и был новым, раскололся на восточном берегу»^[1779]. (Так сказано, потому что [Фудзивара-но Хиромаса] пережил горе в то время, когда был в должности [ками провинции Симоцукэ]).

Дети и жены, [привыкшие находиться] за ширмами, бросили оглобли повозок и пошли по заиндевшей дороге. Свита, жившая за воротами [провинциальной управы], покинула седла своих коней и направилась к заснеженным склонам. В начале правления [Фудзивара-но Хиромаса на щеках у жителей провинций] виднелись ямочки, [от улыбок, их дружба была крепка, как] железо и [благоухала, как] трава^[1780]. Но в конце его правления люди за глаза поносили друг друга и тяжело вздыхали. [У Фудзивара-но Хиромаса] отняли

четыре докладные^[781], и он вернулся в столицу ни с чем. У него отобрали жалование, и теперь ему приходилось тщетно тратить силы в дороге. Чиновники и простой люд в провинции [Симоцукэ] хмурились и плакали. Знатные мужчины и женщины из других провинций жалели их. [Ведь обычно бывает так]: вчера слышал о чужом горе, а сегодня сам испытал унижение. Одного взгляда [на произошедшее в провинции Симоцукэ] было достаточно, чтобы понять, что нигде в мире беспорядки и упадок не были [столь страшны], как здесь. Оплакивая произошедшее, [Фудзивара-но Хиромаса и Оонакатоминэ Матаюки] свернули с дороги Тосандо [к столице, и их путешествие] наконец закончилось.

В 15 день того же месяца Масакадо прибыл в провинцию Кодзукэ и, отобрав печать и ключи у сукэ Кодзукэ Фудзивара-но Хисанори Асоми^[782], в 19 день отправил того под охраной в столицу. Затем [Масакадо] захватил управу [провинции Кодзукэ]^[783], вошел в здание и, расставив воинов у четырех ворот, провел церемонию назначения чиновников^[784] во все [захваченные им] провинции. В это время [в здании управы] появилась прорицательница, которая сказала: «Я посланница от великого бодхисаттвы Хатимана^[785]» — [и передала следующие слова божества]: «Я передаю свой ранг [государя] моему потомку Тайра-но Масакадо^[786]. Документ, удостоверяющий ранг^[787], поднесет тебе дух правого министра Сугавара, имеющего второй старший ранг. Великий бодхисаттва Хатиман во главе восьмидесятитысячного войска подносит тебе мой ранг [государя]. Скорее же поприветствуем государя песней о тридцати двух отметинах^[788]».

Тогда Масакадо поднял [документ, удостоверяющий ранг], над головой и совершил два поклона. Естественно, воины, охранявшие четверо [ворот], стояли и радостно кричали, а несколько тысяч [людей] расprostерлись в поклоне. Гон-но ками [провинции] Мусаси [принц Окиё] и дзё [провинции] Хитати Фудзивара-но Харумоти^[789], организовавшие это, радовались так, как вдруг разбогатевшие бедняки. Их улыбки были подобны распускающимся цветам лотоса. И тогда они сообщили [Масакадо] посмертное имя^[790], которое сами [для него] придумали. Масакадо называли «Синно»^[791]. Ко двору было отправлено послание с описанием всего случившегося^[792]. В нем говорилось следующее.

«Масакадо с почтением обращается к вам. Много раз сменились звезды [на небе] и иней [на земле], но я не получал от вас никаких наставлений. Я хотел быть принятым вами, но что бы я смог сказать в спешке^[793]? Низайше прошу вашего высокого совета. Несколько

лет назад Масакадо был вызван [в столицу] по жалобе Минамото-но Мамору. В трепете от этого указа я сразу же отправился в столицу и с благоговением предстал [перед властями]. Мне было сказано: «Масакадо уже помилован. Пусть скорее отправляется обратно». Я вернулся домой, и на этом все закончилось. После этого я забыл о военных делах, ослабил тетиву лука и вел мирную жизнь. Но тем временем Тайра-но Ёсиканэ, прежний сукэ провинции Симоса, собрал несколько тысяч воинов и напал на Масакадо. Я не мог повернуться спиной [к врагу] и бежать. Пока я оборонялся, Ёсиканэ убивал и грабил, о чем подробно написано в донесении [из управы] провинции Симоса, которое было подано ко двору. И тогда из столицы пришел указ объединить силы провинций и схватить Ёсиканэ, на чем все и закончилось. Но тут к Масакадо прибыл посланник, который [велел мне] еще раз явиться [в столицу]. Сердце мое было неспокойно, и поэтому сам я никуда не поехал, но обо всем подробно доложил посланнику Анахо-но Томоюки.

Пока я мучался, не зная решения [по этому вопросу], летом этого года Тайра-но Садамори прибыл в провинцию Хитати с указом, [велевшим] Масакадо явиться [в столицу]. И управитель провинции [Хитати Фудзивара-но Корэтика] постоянно посылал Масакадо письма. Садамори же бежал от погони и незаметно отправился в столицу. Власти должны были задержать и допросить его. Но [этого сделано не было], напротив, изволили издать указ, признававший [правоту Садамори]. Тем самым была попрана истина. Младший правый советник Минамото-но Сукэмото Асоми^[794] направил мне письмо, в котором сообщалась Ваша воля. Там было сказано так: «На основании жалобы сукэ провинции Мусаси [Минамото-но] Цунэмото решено издать еще один указ о допросе Масакадо».

Я ждал прибытия посланника, а в это время Тамэнори^[795], сын сукэ провинции Хитати Фудзивара-но Корэтика, пользуясь своей властью чиновника, только и делал, что клеветал на невинных. Советник Масакадо Фудзивара-но Харуаки был встревожен этим, поэтому Масакадо отправился в провинцию Хитати, чтобы [самому] во всем разобраться. Но Тамэнори сговорился с Садамори, они собрали три тысячи отменных воинов, своевольно взяли из хранилищ [провинции] щиты, оружие и прочее снаряжение и бросили вызов [Масакадо]. Тогда Масакадо призвал своих воинов [на поле битвы], воодушевил их, и войско Тамэнори было разбито.

Сколько людей погибло, пока [Масакадо] владел провинцией [Хитати], — не знаю. Выжившие же были пойманы и обезглавлены

[воинами] Масакадо. В своем прошении о помиловании сукэ Корэтика признал, что смута произошла оттого, что он не давал [должных] наставлений своему сыну Тамэнори. На этом все и кончилось. Хоть Масакадо напал на провинцию [Хитати] и разорил ее, изначально он не желал этого. Преступление это было не из легких, оно было равносильно [захвату] ста провинций. Поэтому в ожидании решения двора [Масакадо] завоевал все восточные провинции.

Если [со всем должным] почтением подумать об отцовских и сыновних рядах могил^[796], [то станет ясно, что] Масакадо — потомок государя Касивабара в пятом поколении. И если бы он завладел даже половиной страны, разве можно бы было сказать, что это произошло не по воле [Неба]? Во всех исторических сочинениях говорится о тех, кто в древности с помощью военной силы захватывал Поднебесную. Масакадо получил свое воинское искусство от Неба. И если подумать, [то станет ясно, что] среди соперников Масакадо нет ни одного, равного ему. Но от властей [Масакадо] удостоивается не похвал, а указов с обвинениями. Вспоминая о прошлом, мне становится стыдно. Как мне смотреть людям в глаза? Нижайше прошу вашего совета. С тех пор как юный Масакадо поднес табличку со своим именем господину великому министру^[797], прошло уже несколько десятков лет. Я и не мог представить, что все это произойдет в то время, когда сянгэ^[798] будет регентом. Мне настолько печально, что больше не могу ничего сказать. Хоть Масакадо и строил планы, как бы захватить всю страну, но как он мог забыть господина, своего прежнего хозяина? Нижайше прошу вас обдумать все это. На одно это все мои надежды. С почтением от Масакадо.

Тэнгэ, 2-й год, 12-й лунный месяц, 15-й день (939)^[799].

*С почтением, для его превосходительства сёсэ^[800]
господина великого министра.*

Однажды младший брат Синно Масахира^[801] и другие тайно обратились к Синно и сказали: «Место государя невозможно занять благодаря мудрости. Нельзя захватить его и силой^[802]. С древних времен и до наших дней государи, для которых Небо является основой, а Земля — утком, ваны, которые продолжают дело отцов и наследуют предкам, стали [правителями] по воле Неба^[803]. Как же можно было не подумать об этом? Потомки будут осуждать тебя. Откажись [от своих планов]».

Тогда Синно ответил: «Искусство владения луком помогло обоим королевствам^[804]. Умение пускать стрелы спасло многие жизни. Воинская слава Масакадо разнеслась по восточным провинциям, о его битвах известно и в столице, и среди варваров. В наш век люди считают правителем того, кто одержал победу на поле битвы. Хотя [примеров этому] и не было в нашем королевстве, во всех остальных странах такое случалось. Так, в годы «Энтё»^[805] ван киданей в первый день первого месяца напал на государство Бохай, захватил его, назвал эту страну «Тоган» и стал там править^[806]. Почему же [власть] нельзя захватить силой? К тому же, [у нас] много людей, и [мы не раз] побеждали в битвах. В [моем] сердце, желающем превзойти горы, нет страха, в моей силе, готовой разбить скалы, нет слабину. Мое желание победить [настолько сильно], что я мог бы одолеть и Гао-цзу. Если в то время, как мы будем захватывать восемь провинций, на нас нападут правительственные войска, мы закрепимся на заставах Асигара и Усуи^[807] и будем оборонять восточные провинции. Поэтому то, что вы говорите, далеко от истины». Так [Масакадо] отругал их, и они ушли.

Когда [Масакадо] отдыхал, пайдзю^[808] Ива-но Кадзунэ с почтением сказал ему: «Если у государя есть министры, которые ему возражают, то он не совершит ничего несправедливого^[809]. Если не последовать [совету Масахиры], страна будет в опасности. Говорится: «Если противишься Небу, то тебя ждут бедствия, если предаешь государя, то тебя ждет кара»^[810]. Я молю о том, чтобы новый государь внял увещаниям Гибы^[811] и изволил бы принять решение, все обдумав». Синно сказал так: «Для некоторых людей таланты становятся наказанием, а для некоторых людей — радостью. Даже четверка лошадей не догонит слетевшее с уст слово^[812]. Как можно не исполнить обещанного? [Ваше желание] изменить уже принятое решение говорит о том, насколько у вас мало ума». Кадзунэ прикусил язык, закрыл рот и молча удалился. Как будто циньский император сжег книги и закопал ученых мужей^[813]. [Более никто] не осмеливался увещевать [Масакадо].

В то время всем руководил гон-но ками [провинции] Мусаси принц Окиё, и [по его указанию] Харумоти объявил о назначении управителей [захваченных] провинций, устроив все так, как будто на то была воля [Масакадо]. Управителем [провинции] Симоцукэ был провозглашен младший брат [Масакадо] Тайра-но Асоми Масаёри^[814]. Ками [провинции] Кодзукэ был провозглашен управляющий пастбищами Икува Тадзи-но Цунэакира. Сукэ [провинции] Хи-

тати был провозглашен Фудзивара-но Харумоти. Сукэ [провинции] Кадзуса был провозглашен гон-но ками [провинции] Мусаси принц Окиё. Ками [провинции] Ава был провозглашен Бунгя-но Ёситати. Ками [провинции] Сагами был провозглашен Тайра-но Масабуми^[815]. Ками [провинции] Идзу был провозглашен Тайра-но Масатакэ^[816]. Ками [провинции] Симоса был провозглашен Тайра-но Масатамэ^[817].

После того как были назначены главы провинций, стали строить планы строительства государева дворца. Был [составлен] следующий документ: «Государев дворец должен быть построен в провинции Симоса, к югу от резиденции [Масакадо]. Укихаси следует назвать «Ямадзаки», как столичный Ямадзаки^[818], а пристань Оои в уезде Сома следует называть «Ооцу», как столичный Ооцу^[819]». Были назначены правый и левый министры, нагоны, санги, гражданские и военные чиновники, 8 бэн и 6 си. Были определены размеры, и [образцы] иероглифов старого и регулярного стилей для печатей государя и Дайдзёкана. Затруднения возникли только с назначением [чиновником, ответственным за составление] календарей^[820].

Услышав обо всем этом, управители провинций испугались, как рыбы, взлетели, как птицы, и в спешке отправились в столицу, после чего Синно совершил объезд всех [захваченных] провинций, включая Мусаси и Сагами. Он подчинил [эти провинции] и велел тем чиновникам, которые остались [на местах], исполнять свои обязанности. Затем [Масакадо] направил в Дайдзёкан письмо с уведомлением о том, что он занял престол, и вернулся из провинции Сагами в Симоса. Столичные чиновники были весьма напуганы, во дворце царила паника. Истинный государь^[821] десять дней молился Будде, и в это время были призваны монахи из семи великих храмов^[822], а также совершены подношения восьми великим божествам ками^[823].

Был оглашен государев указ, в котором говорилось: «Я смиренно унаследовал престол и был счастлив продолжить дело [моих предков]. Но я слышал, что Масакадо [разжег] смуту, чтобы захватить престол. Вчера мне донесли, что он может явиться сюда хоть сегодня. Скорее же совершим подношения великим божествам ками и попросим их остановить это зло. Быстрее же обратимся к силам Будды и попросим его уничтожить этих разбойников».

Тогда истинный государь сошел с трона и изволил сложить ладони над головой. Чиновники совершили воздержание и вознесли тысячекратную молитву в храмах. Монахи в горах совершили обряд

изгнания злых духов. Священнослужители в святилищах молились духам сикидзин^[824], чтобы истребить зло.

За семь дней было сожжено более семи коку маковых зерен. А сколько тканей пяти цветов^[825] было поднесено [божествам ками]! Таблички с именами злодеев духов были сожжены на великом алтаре. Фигурки воров были повешены на колючих терновых кустах и кленах. Пять почитаемых Великих Сил^[826] отправили своих служителей в восточные земли. Восемь великих почитаемых^[827] послали божественные стрелы туда, [где находились] разбойники. Тогда небесные божества нахмурили брови, искривили рты и осудили нечестивые намерения злодеев. Земные божества разгневались и вознегодовали на преступные замыслы злого вана.

Синно же [видел столько же, сколько лягушка, сидящая] на дне колодца, и не задумывался о том, что происходило за пределами его владений. Он вернулся из [провинции] Сагами в свой лагерь и, не давая отдыха лошадям, в середине 1 месяца 3 года Тэнгё (940) с пятью тысячами воинов направился в провинцию Хитати, чтобы уничтожить оставшихся врагов. Тогда [члены рода] Фудзивара из уездов Нака и Кудзи^[828] встретили его у границы провинции с роскошным угощением. Синно сказал: «Вы должны указать, где находятся дзё Садамори, Танэнори и прочие [мои враги]». Тогда Фудзивара ответили: «Говорят, что они как облака: то улетают, то прилетают, и где живут — неизвестно».

В поисках прошло десять дней. Наконец, возле бухты Хирума в уезде Ёсида^[829] удалось взять в плен жен дзё Садамори и Минамото-но Тасуку. Эти женщины были схвачены людьми командиров Тадзино Цунэакира и Саканоуэ-но Кацутака. Узнав об этом, Синно приказал оградить женщин от унижений. Но к тому времени ими уже завладели воины. Жена Садамори была раздета, ее тело обнажено, и она ничего не могла поделать. Слезы из-под ресниц смыли белила с лица, пламя в груди сожгло чувства в сердце. Она испытала невыносимые унижения^[830]. Возмездие за позор в Куайцзи настигло врага, [желавшего отомстить, как Гоу Цзянь] в Куайцзи^[831]. Зачем звать к людям? Зачем бранить Небо? Ведь причина унижений — в [действиях] многих людей^[832].

Тогда командир, [бывший свидетелем этого], донес Синно «Жена Садамори неплоха собой. На ней нет вины. Молю о том, чтобы она была помилована и скорее отпущена домой». Синно сказал: «По закону бродяжничающих женщин полагается возвращать в родные края. К тому же древние государи были всегда милостивы к одино-

ким старикам и сиротам». [Синно] подарил [жене Садамори] одежду и, чтобы узнать ее намерения, сказал стихами:

Издалека
Жду я от ветра
Весточки —
Где тот цветок,
Что слетел с этой ветви?

Жена [Садамори], благодарная за столь милостивое обращение, ответила так:

Издалека
Доносится аромат
Цветка —
И я не чувствую
Себя одинокой.

А жена Минамото-но Тасуку, стыдясь своего несчастья, через кого-то передала [Синно] такое стихотворение:

Меня,
Как опавших цветов,
Больше нет,
И лишь ветер
Холодит сердце.

Во время такой игры словами сердца людей смягчились и мятежный дух [оставил их].

Прошло много дней, но о врагах ничего не было слышно, и [поэтому часть] воинов, набранных из многих провинций, была отпущена домой. [С Масакадо] осталось менее тысячи воинов. Услышав об этом, Садамори и орёси^[833] Фудзивара-но Хидэсато^[834], собрав более 4000 воинов, решили напасть [на Масакадо]. Синно был очень обеспокоен этим и в 1 день 2 месяца с [оставшимся] войском направился в земли врага, в провинцию Симоцукэ. Передовые отряды Синно Масакадо еще не знали, где находится враг. Узнать, где он, удалось Цунэакуре и Кацутаке, командовавшими тыловыми отрядами войска заместителя командующего Харумоти. Чтобы проверить [полученные сведения], они поднялись на высокую гору и стали смотреть на север — и действительно: вдалеке было вражеское войско. [Там было] около 4000 человек.

Цунэакира, про которого уже говорили, что он один стоит тысячи [людей], не мог упустить такого случая. И, не докладывая Синно, он приблизился к войску орёси Хидэсато и атаковал его. Хидэсато всегда придерживался испытанной тактики и смог разбить Харумоти, как и планировал. Заместитель командующего и его воины были обмануты тем, что [Хидэсато разделил свое войско на три части], и рассыпались на все четыре стороны. Те, кто знал дорогу, улетели, подобно стреле с тетивы. Те же, кто не знал, крутились [на одном месте], подобно колесу. Мало было выживших, и много было павших.

Садамори и Хидэсато шли по следам бежавших, и в тот же день между часами овна и обезьяны^[835] они вышли к деревне Кавагуги^[836]. Синно с боевым кличем обнажил меч и сам ринулся в битву. Садамори обратился к Небу и сказал: «Разбойники, [служащие лишь] личным [интересам], подобны грому над облаками. Слуги властей подобны пасекомым на дне нужника. Но на стороне личных [интересов] нет закона, а на стороне властей — Небо. Три тысячи отборных воинов никогда не обратятся спиной к врагу». Наконец, прошел час овна, и день склонился к закату. Все [воины] были храбры, как ван Ли Лин, и были готовы биться не на жизнь, а на смерть. [Люди Масакадо] легко подняли туговые луки, и стрелами из полыни^[837] били точно в цель. Слуги властей обладали [недюжишной] силой, а разбойники, [служившие] личным [интересам], оказались слабее их. Синно повернул лошадь вспять, а щит выставил вперед. Вчерашние герои сегодня были подобны курицам. Поэтому воины провинции Хитати, с презрением посмеявшись [над врагом], разбили лагерь. А войско провинции Симоса, исполненное злобы и стыда, спешно отступило.

Тогда Садамори и Хидэсато посоветовались, и [Садамори] сказал: «Масакадо же не будет жить тысячу лет. И у нас, и у него только одна жизнь. Но Масакадо поступает так, как будто он один в этом мире, и своевольно чинит всем препятствия. Когда он покидает [пределы своей провинции], то с утра и до вечера творит смуту. Когда он возвращается, то разворовывает села. Он страшнее, чем жуки-древоточцы в восточных провинциях и чем ядовитые змеи в отдаленных землях. Как говорили в древности: «Убив огромного змея, усмирили девять царств^[838]. Убив огромную самку кита, очистили четыре моря»^[839] (В «Хань шу» говорится, что «огромным змеем» называли человека по имени Чи-ю^[840]. В «Цзо чжуань» Цзы из царства Чу говорит: «Огромная самка кита» — название огромной рыбы. Поэтому

так говорят про неправедных людей, которые глотают маленькие страны»^[841]). И если сейчас не уничтожить злодеев и не усмирить смуту, то она из частного дела станет государственным, и добродетели (току) государя будет нанесен ущерб. В «Шан шу» говорится: «Даже если в Поднебесной все спокойно, следует вести войну [для поддержания мира]. Даже если воины, носящие доспехи, сильны, следует их обучать»^[842]. Хоть на этот раз ты и победил, зачем забывать о следующих битвах? К тому же, когда У-ван заболел, Чжоу-гун [хотел] умереть вместо него^[843]. Садамори [готов] сражаться с врагом и положить жизнь за государя». [Сказав это], он призвал местных жителей, произнес сладкие речи — и собрал войско, которое было в два раза больше, [чем прежнее]. В 13 день 2 месяца того же года [это войско] подошло к границе провинции Симоса, к землям, где владывали разбойники.

Синно хотел завлечь уставших врагов [в ловушку] и скрылся со своим войском в [окрестностях озера] Хироз^[844] в [уезде] Сасима. Садамори искал [его] и здесь, и там и строил различные планы. Сначала он сжег прекрасное жилище Синно, а затем — дома его сторонников. Дым поднимался и застилал небо. Дома, оставленные хозяевами, [сгорали] до тла. Немногие оставшиеся в живых монахи и миряне бросали свои жилища и бежали в горы. Выжившие знатные люди сбивались с пути и блуждали [по округе]. Но они не гневались из-за того, что провинция Хитати^[845] пострадала, а лишь сокрушались о беззакониях, творившихся в правление Масакадо.

Садамори стал преследовать врага, но в тот день, как ни искал его, нагнать не смог. Следующим утром Масакадо надел доспехи и шлем и стал искать укрытие, где бы дул лишь ветер. Он замышлял мятеж и думал о злых делах, как Вэй Фан (Бо Цзюйи говорит: «[Где дует лишь] ветер» — так говорят о безлюдном месте. Вэй Фан — человек из Цзин-фу. Он с рождения любил злые дела, и когда его хотели схватить, он прятался, поднимаясь на небо и скрываясь в земле»^[846]). Хотя обычно войско [Масакадо] насчитывало 8000 воинов, все они собраться не успели, и с ним выступило лишь 400 человек. Войско построилось и ожидало [врага] у подножья горы Кита^[847] в уезде Сасима. [Воины] Садамори и Хидэсато учились защищаться так же ловко, как Цзы-фань^[848], и нападать с мечом, как Ли Лао^[849]. (Бо Цзюйи говорит: «Цзы-фань и Ян Ю жили при династии Хань и происходили из Фэйшуньдай^[850]. Цзы-фань в сорок лет бросал копье на 15 ли. Ян Ю в 70 лет [стрелой] выбивал меч [из рук человека] с расстояния 3000 ли / мог пробежать 3000 ли, размахивая мечом»^[851]).

Поэтому здесь так сказано). В 14 день между часами овна и обезьяны [Садамори] и [Масакадо] сошлись в битве.

Ветер дул в спину Масакадо, а Садамори и Хидэсато, к своему несчастью, оказались с подветренной стороны. В этот день ураган шумел в ветвях и с ревом поднимал тучи пыли. Щиты воинов Масакадо, располагавшихся с юга, сами летели вперед, и воины падали. Воинам Садамори, располагавшимся с севера, щиты заслоняли лицо. Поэтому и те, и другие бросили щиты и стали сражаться без них, и тогда центральные отряды Садамори стали отступать. Воины Синно вскочили на коней и ударили [им в спину]. Было убито 80 человек, и все войско стало отступать. А когда отряды Синно нагнали соратников Садамори, Хидэсато и Тамэнори, все 2900 человек пустились в бегство. [На поле боя] осталось около 300 лучших воинов, но и они были в растерянности и не знали, что делать. И тут ветер изменил направление и сдал дуть им в спину.

Теперь Синно, вернувшийся к своему основному войску, располагался против ветра. Садамори и Хидэсато бились из последних сил, не на жизнь, а на смерть. И Синно надел доспехи и шлем, прищиприл своего коня и сам пошел в бой. И тогда воистину на него обрушилась небесная кара: конь забыл, что он летал, подобно ветру, и всадник потерял искусство Ли Лао. Синно был ранен невидимой стрелой божеств, он сражался на поле у Тогу и погиб, как Чи-ю^[852]. В поднебесной еще не было такого, чтобы командующий сам сражался и сам умирал.

Кто мог предположить, что неисправленные мелкие прегрешения приведут к такой беде, что, расширяя личную власть, можно нанести ущерб добродетели (току) государя? Из-за этого человек, подобный Чжу Юню^[853], был послан отрубить голову огромной самке кита (в «Хань шу» говорится, что Чжу Юнь был злодеем. Он попросил меч шапфана и отрубил человеку голову^[854]). В 25 день 4 месяца 4 года [Тэнгё] (940) голова [Масакадо] вместе с докладной запиской была отправлена из провинции Симоса в столицу. Сукэ провинции Хитати [Фудзивара-но] Корэтика-но Асоми и котайси [Фудзивара-но Садато] были счастливы, что уже в 15 день [2 месяца] смогли вернуться в свои усадьбы в провинции Хитати. Будто фазан на равнине спасся от сокола, будто рыба с разделочной доски попала обратно в море. Вчера еще таили злобу, как несчастные старики, а сегодня благодетельствованы «ацзяном»^[855] [Садамори].

То, что Синно потерял имя и погиб, на самом деле произошло по вине гон-но ками провинции Мусаси принца Окиё и сукэ провин-

ции Хитати Фудзивара-но Харумоти, вынашивавших [преступные] замыслы. Как же грустно! Печально то, что Синно свернул с праведного пути, горестно то, что он погиб: как будто увяли обильные всходы, которые вот-вот должны были созреть, как будто туча заслонила луну, которая вот-вот должна была засиять в полную силу (так как это произошло весной, то говорится об обильных всходах. Так как [Масакадо] погиб в 14 день 2 месяца, говорится, что туча заслонила полную луну).

В «Цзо чжуань» говорится: «[Когда человек] жаждет [присвоить] добродетель [государя] и выступает против властей, он подобен тигру, который, полагаясь на свой грозный вид, бросается на копьё»^[856]. Поэтому в одной книге говорится: «Если у маленького человека есть способности, их будет сложно проявить. Если злодей жаждет [присвоить] добродетель [государя], ее будет сложно сохранить»^[857]. Наверное, тут можно сказать так: «Не задумываясь о том, что ждет в будущем, человек обрекает себя на скорые неудачи»^[858]. Подвиги Масакадо могли бы заметить в столице, о его преданности могли бы остаться легенды. Но главным делом всей жизни он избрал смуту, каждый год, каждый год он вел войну. Он пренебрегал людьми учеными и общался только с воинами, и поэтому шел войной на родственников. Он любил злые дела и стал повинен в преступлении^[859]. А тем временем зло накапливалось и [накопец] обратилось против совершавшего его. Проклятия [Масакадо] доносились из всех восьми [восточных] провинций, и в конце концов он погиб у источника Баньцюань (В «Хань шу» говорится, что в древности у Баньцюань сражался Гао-цзу^[860]).

Еще в 11-й день 1-го лунного месяца во все провинции округов Тосандо и Токайдо^[861] был разослан указ об аресте братьев и соратников главаря разбойников. В этом указе говорилось: «Тот, кто убьет главаря разбойников, в награду получит красные и пурпурные одежды. Тому, кто убьет помощников [Масакадо]^[862], за его службу будут пожалованы ранг и должность». В восточные провинции были направлены командующий усмирением восточных провинций, глава правой управы внешней охраны дворца Фудзивара-но Асоми Тадабун^[863] (также занимал пост придворного советника и главы Ремонтного бюро), и заместитель командующего, помощник главы Министерства наказаний Фудзивара-но Асоми Таданобу^[864]. [Пока они были в пути], младший брат главаря разбойников, Масаёри, и Харумоти бежали в провинцию Сагами и там были убиты. А принц Окиё бежал в провинцию Кадзуса и там был казнен^[865]. Сакануоэ-но Кацутака и Фудзивара-но Харуаки были убиты в провинции Хитати.

Вслед за этим командующий войсками, подавлявшими мятеж в округа Токайдо, помощник главы Министерства наказаний Фудзивара-но Таданобу, назначил «гон-но сэдзё»^[866] провинции Симоса Тайра-но Кимицура «орёси». Они прибыли в провинцию [Симоса] в 8 день 4 месяца и разыскали и уничтожили всех мятежников. Семь или восемь братьев главаря разбойников, Масакадо, либо подстриглись в монахи и ушли высоко в горы, либо оставили своих жен и детей и отправились блуждать по горным равнинам. Оставшиеся в живых [родственники Масакадо] в страхе бежали [из Симоса]. В 11 день 1 месяца указ [об аресте мятежников] был повторно разослан во все [провинции]. После того как в 16-й день 2-го лунного месяца сёси [Фудзивара-но Тадабун] издал указ о помиловании, [мятежники] один за другим стали сдаваться на милость властей.

Тем временем сукэ провинции Мусаси Минамото-но Цунэмото, дайдзё провинции Хитати Тайра-но Садамори и орёси провинции Симоцукэ Фудзивара-но Хидэсато были вознаграждены за храбрую службу. В донесении для Тьюмусе^[867] говорилось, что [они] были искусными и преданными полководцами, [ведь именно] они доставили голову разбойника в ставку [правительственных войск], после чего весть о победе достигла двора^[868]. Что касается сукэ Цунэмото, то хоть изначально его донесение и было лживым, в конце концов все так и произошло, поэтому он получил младший пятый ранг низшей ступени. Дзё Садамори год за годом сражался, но все не мог одержать решающей победы. И только объединив силы с Хидэсато, он смог обезглавить главаря мятежников. [Победу им принесла] испытанная тактика Хидэсато, поэтому тот получил младший четвертый ранг низшей ступени. Садамори же долгие годы испытывал лишения, и то, что теперь злодеи были казнены, было результатом его усилий. Поэтому он получил старший пятый ранг высшей ступени^[869]. На этом все и закончилось.

Итак, можно сказать, что хоть Масакадо и ошибся, возжелав слишком многого, и [покинул этот свет безвозвратно], подобно утекшей воде, благодаря этому другие получили ранги. В сердце [Масакадо] не было гнева. Ведь [он думал, что], как говорится, «после тигра остается шкура, а после человека остается слава»^[870]. Печально только, что сам он погиб, а прославились из-за этого другие.

Если поразмыслить, то можно сказать, что в древности из-за бунта шести ванов бедствия терпели семь провинций^[871]. Сейчас мятеж одного воина вызвал восстания в восьми провинциях. Но такой невероятный план нельзя было осуществить ни в древности, ни сей-

час. И, конечно, в нашем государстве с эпохи богов и до наших дней подобного никогда не случалось. Жена [Масакадо] скиталась и испытывала такие унижения, что кусала локти [от отчаяния]. [У его] братьев не было пристанища, и им негде было укрыться.

Войско [Масакадо, огромное], как туча, рассеялось, словно туман. Те, кто следовал за ним, подобно тени, бежали и были убиты. Родители и дети потеряли друг друга и скитались среди гор и рек. Мужья и жены были разлучены и искали друг друга по всем провинциям. Они не были птицами, но все было как в «расставании с четырьмя птенцами»^[872], они не были деревьями, но все было как в «печали трех цезальпиний»^[873]. Те, кто совершал преступления, и те, кто не совершал преступлений, смешались, как хорошо и дурно пахнущие цветы на обочине дороги. Те, на ком была грязь, и те, на ком не было грязи, перемешались, как воды рек Цзин и Вэй^[874] перемешиваются в одном потоке. Гром слышен за сто ли, но зло, содеянное Масакадо, распространилось уже на тысячу ли. Масакадо всегда любил поступать так же, как и Тай-кан^[875], и в конце концов сбился с пути Сюань-вана^[876] (В «Шан шу» говорится, что Тай-кан был безнравственным и любил охоту. Он умер в восточной столице^[877]. В «Чэ гун»^[878] говорится, что Сюань-ван восстановил древние порядки. Поэтому тут так сказано). В его сердце поселились порочные мысли, и он стал сражаться за ранг государя с [хозяином] девятирусных врат^[879]. Совершив слишком много прегрешений, он потерял свое доброе имя. Унижения после смерти стали для него воздаянием за бесчинства.

Молва говорит: «Карма Масакадо была такова, что он жил в уезде Тоёта провинции Симоса округа Токайдо. Он все время совершал убийства, и ни разу даже не подумал о праведных делах. Но у жизни есть предел, и в конце концов он погиб. Куда он ушел, куда придет, в чьем доме будет жить?»

Один человек из деревни^[880] сказал: «[Масакадо] сейчас живет в провинции трех миров, в уезде шести путей, в селе пяти форм существования, в деревне восьми препятствий»^[881]. От посланца из промежуточного состояния^[882] услышали следующее:

«Пока я был жив, я не совершил ни одного благого дела. За это я получил воздаяние, и пребываю в неблагодной форме существования^[883]. Меня обвиняют пятнадцать тысяч человек. Как это мучительно! Когда Масакадо творил злые дела, он делал это вместе со своими соратниками. Но в день воздаяния он один был обвинен во всех преступлениях и теперь страдает в одиночку. Мое тело испытывает муче-

ния, находясь в лесу лезвий^[884], моя печень горит на углях железной решетки. Невозможно передать, как ужасны мои страдания.

Но один раз в месяц я [имею право] на отдых. Надсмотрщик в аду объяснил мне причину: «Это благодаря обету [переписать] один свиток «Сутры золотого света», который ты дал, пока был жив». В календаре загробного мира говорится: «12 лет [считается за] один год, 12 месяцев [считается за] один месяц, 30 дней [считается за] один день». Поэтому через 92 года по календарю нашей страны, Японии, благодаря этому обету я должен избавиться от страданий. Братья из Джамбудвипы^[885], жены из мира Саха^[886], будьте милосердны к другим людям, творите добро, чтобы победить зло. Хоть это может быть и вкусно, ни в коем случае нельзя есть [мясо] живых существ. Хоть вам может быть и жалко [денег], следует подавать милостыню буддийским монахам».

Вот что сказал дух умершего.

*Записано в 15-й день 6-го лунного месяца
3-го года Тэнгё (940)^[887].*

В одной книге говорится^[888]: «В календаре нашей страны, Японии, говорится, что раз в 93 года мне положен отдых. Мои братья, вы должны исполнить мой обет и освободить меня от страданий». Итак, смелость при жизни не означает славы после смерти. Горькие страдания — вот воздаяние за гордыню. [У Масакадо] был заклятый враг, и он сражался с ним, пуская в ход рога и когти. И сильный победил, а слабый проиграл. [Масакадо] поднял смуту в поднебесной и боролся с [государем], словно месяц с солнцем. Но [законная] власть одержала победу, а [мятежники, руководившиеся] личными [интересами], были повержены. Обычно считается, что воевать не стоит, так как это ведет к мучительной смерти. Но если сейчас испытываешь унижения, то и после смерти к тебе не придет слава. Сейчас эпоха войны, и поэтому смуты происходят все чаще. Одни люди жаждут войны, другие же — нет. Если кто-то подозревает, что должно произойти что-то страшное, то он должен написать об этом.

[Это сочинение] с почтением поднесено из провинции человеком, не указавшим имени^[889].

**Записи из беседки у пруда
«Титэйки»^[891] (982 г.)**

С того времени, как мне [исполнилось] двадцать лет [я] наблюдаю за двумя [половинами] столицы: Восточной и Западной^[892]. Западная [половина] столицы, где жители крайне малочисленны, превратилась чуть ли не в заброшенную местность. Люди уезжают отсюда, и никто не приезжает. Есть дома, которые разрушаются, но нет тех, которые строятся. Оставшиеся без жилья, исчезли, а те, кто не страшился бедности и худородства, остались. Некоторые радовались отшельничеству и жизни в бегах, словно уходили в горы и возвращались к полям. Те же, кто всей душой стремился накопить для себя богатства, ни одного дня не могли здесь прожить. В прежние годы в [Западной половине столицы] была одна Восточная усадьба^[893]. Роскошный зал с красными воротами^[894], бамбук и деревья, родники и камни — воистину, это было непревзойденное по красоте место. [Его] хозяин был за что-то понижен в должности^[895]. [Пока владелец усадьбы отсутствовал] в доме случился пожар^[896], и он сгорел дотла^[897], а около десятка семей его слуг, что жили поблизости, постепенно разъехались. И хотя позднее хозяин вернулся, заново [дом] не отстроили. Потомков у него было много, но долго никто не жил. Терновник разросся возле ворот, [загородив их], а лисы и барсуки вольготно чувствуют себя в своих норах^[898]. Очевидно, Небо обрекает на гибель Западную [половину] столицы^[899], и в этом пет людской вины^[900].

В восточной [половине] столицы к северу от четвертой линии есть также северо-западный и северо-восточный углы. Люди там не богаты и не бедны, в большинстве случаев жилища расположены очень близко друг к другу. В богатых домах ворота выстроены в ряд, а залы тянутся вереницей. Маленькие же домики стоят стена к стене, соприкасаясь краями крыш^[901]. Если у восточного соседа слу-

чится пожар, то соседу с запада некуда деться от бушующего пламени. Если на южный дом нападут бандиты, то дому на севере сложно будет укрыться от града их стрел. Южный Жуань беден, [в то время как] северный Жуань богат^[902]. Богатый не всегда совершенен, а бедный испытывает чувство неловкости [даже] к самому себе. Кроме того, люди незнатные тянутся поближе к влиятельным домам. Если их дом и превращается в развалины, тростником его не покрывают. Если изгородь^[903] рушится, не в силах отстроить ее. Даже если они радуются, то не имеют возможности смеяться в полный голос, а если горюют, то не смеют заплакать навзрыд. Приходят они или уходят — постоянно безутешны, а на сердце у них не бывает покоя. Они словно вороны и воробьи, которые приблизились к ястребам и орлам^[904].

Конечно, тот, кто строит усадьбу, первым делом расширяет ее ворота и двери^[905]. К ним пристраиваются маленькие домики, где множество жалких людишек, которые обращаются с жалобами друг на друга. Как будто дети и внуки покинули страну отцов и матерей^[906], бессмертные сосланы в мир земной суеты. Самые настойчивые — получают право на владение клочком земли и включение в число глупцов, подобных себе. Иные гадают и в окрестностях Восточной реки^[907] [возводят дом], а если случается большое наводнение, то смешиваются с рыбами и черепахами^[908]. Некоторые поселяются в северном предместье^[909], где во время сильной жары, не имея воды, страдают от жажды. Неужели в обеих [половинах] столицы нет свободной земли?^[910] Почему же люди столь упрямы в своих желаниях?

Помимо того, в [северном] предместье на берегу реки [Камогава] дома и ворота в них не располагаются рядами. Есть тут и поля и огороды. Хорошие огородники, постоянно обрабатывая землю, возделывают грядки. Опытные крестьяне возводят на реке дамбы и орошают поля. Ежегодно река разливается, разрушая плотины. Чиновники, ответственные за возведение дамб, еще вчера восхваляли свои заслуги, а сегодня же несут ответственность за разрушения. Боюсь, что жители Лояна^[911] могут превратиться в рыб^[912]. Украдкой посмотрел установленные правила, и оказалось, что к западу от реки Камогава возделывание полей разрешено только дворцу Сусиньин^[913], а всем остальным строжайше запрещено, по причине наводнений^[914]. К тому же, Восточная река и северное предместье являются двумя из четырех окрестных направлений [столицы]. Эти земли стали местом встречи Сыном Неба [четырёх] сезонов и местом госу-

даревых развлечений^[915]. Конечно, есть люди, которые хотели бы жить здесь и возделывать [землю], так почему же государственные ведомства подобное не запрещают и не контролируют?

Если говорить о развлечениях простолюдинов, то уже нет [ни одного] берега, где летом наслаждающиеся прохладой путники могли бы половить маленькую форель; нет более мест, где в осеннюю пору охотники могут посадить на руку молодого сокола^[916]. За пределами столицы все чаще возникают споры из-за местожительства, а в самом столичном граде каждый день [что-нибудь] приходит в упадок. На южных окраинах нет сорных трав, а злаки пышно колосятся, но плодородные земли покидают, используя бесплодные каменистые [почвы]. Виногато ли в этом Небо, или люди лишились рассудка?^[917]

Сначала у меня не было жилища и [я] снимал жилье у [одной] семьи возле ворот Дзётомон^[918], постоянно размышляя о достоинствах и недостатках отсутствия постоянного жилья. Но даже если бы я и хотел [иметь свой дом], это было бы совершенно невозможно, поскольку стоимость участка в 2—3 сэ^[919] [составляет] тысячи, а то и десятки тысяч монет^[920]. Сначала к северу от шестой линии я гаданием определил пустошь, возвел четыре стены и соорудил одни врата. [Точно так же] сначала канцлер Сяо [Хэ] выбрал отдаленную местность^[921], а затем Чжун Чжан-тун отдал предпочтение уединенному жилищу^[922]. Весь [мой] участок занимает более десяти сэ. Создав холм, [я] насыпал небольшую горку, а, обнаружив углубление, выкопал маленький пруд. К западу от пруда соорудил небольшой зал со статуей Амиды. К востоку от пруда построил маленький кабинет для книг. К северу воздвиг низкий домик для жены и детей.

В общем, жилище [размером] четыре на десять [дзэ], пруд — три на девять [дзэ], сад — два на восемь [дзэ], а поле омежника^[923] — один на семь [дзэ]^[924]. Наконец, остров, засаженный зелеными соснами, отмель с белым песочком, красные карпы и белые цапли, миниатюрный мостик и маленькая лодочка. Место, которое мне нравилось всегда, располагалось в окружении всего этого. Более того, весной восточный берег, где склонились ивы, затуманивается нежной прозрачной дымкой. Летом у северных ворот, где растет бамбук, со свистом гуляет свежий ветер. Осенью у западного окна, в которое светит луна, можно без усталости копаться в книгах. Зимой под южным навесом, куда заглядывает солнце, хорошо греть спину у огня.

Прожитые мной годы приближаются к пятидесяти. Мало кто в моем возрасте имеет такой маленький дом. Но и улитке спокойно в ее домике, а вошь радуется даже своей щелке^[925]. Перепелка живет

на маленькой ветке^[926] и не мечтает о больших рощах Плодородия^[927]. Лягушка сидит в своем укромном колодце и не ведает о просторах безбрежного моря^[928]. И пусть [я], хозяин дома, занимаю [должность] «чжу ся [ши]»^[929], сердце мое словно живет в горах. В должностях и наградах полагаюсь на судьбу, ибо правила служения Небу одинаковы [для всех]. Чтобы продлить отпущенные годы, обращаются с молитвами к [духам] Неба и Земли, и уже давно молюсь на холме^[930]. Не хотел бы, чтобы люди были подобны [огромной] птице Пэн^[931], или вели себя как барс во время тумана^[932]. Становлюсь на колени и сгибаюсь в поклоне, и вовсе не стремлюсь льстить государю, сановникам, военачальникам и знати. Избегаю речей и уклоняюсь от страстей^[933]. Не стараюсь оставить след глубоко в горах и ущельях. При дворе телом служу государю, а дома душой надолго отдаюсь [учению] Будды.

Уходя [на службу во дворец], облачаюсь в одеяния цвета молодой травы^[934]. И хотя ранг [мой] ничтожен, должность весьма почитаема. Когда возвращаюсь [домой], набрасываю покрывало из тонкого белого полотна, поскольку оно теплее, чем весна, чище, чем снег. [Я] мою руки и полощу рот, а потом сначала вхожу в Западный зал, где возношу молитвы Будде Амида и читаю сутру Благого Закона. После трапезы вхожу в Восточный павильон, открываю книги и общаюсь с мудрецами древности.

Во время, когда правил ханьский император Вэнь-хуан-ди^[935], любили бережливость и умиротворяли простой народ. Во время, когда жил танский наставник Бо Лэ-тянь^[936], он прославился стихами и обратился к Закону Будды. Семь мудрецов династии Цзинь^[937] — соратники своей эпохи, телом находились при дворе, а помыслами в уединении. [Я] встречаюсь и с мудрым правителем, и с мудрым наставником, и с мудрыми друзьями. За один день — три встречи. В одной жизни — три радости. Ну, а среди современников нет никого, к кому можно было бы питать привязанность. [Нынешние] наставники чтят только знатность и богатство, не постигая литературы. Уж лучше совсем без наставников. Друзья ценят только влияние и выгоду. [Такие] прохладные отношения ни к чему, лучше уж совсем без друзей^[938]. [Я] запер ворота и закрыл двери, и в одиночестве декламирую стихи. Если же захочу развлечься, то возьму ребенка, сяду с ним в маленькую лодочку, и буду отбивать такты ударами о ее борт и стучать веслами. А если появится свободное время, то позову слугу и пойду на задний двор, где буду его вычищать и поливать. [Я] люблю свой дом и не знаю никаких других.

С тех пор как наступили [годы] «Ова»^[939] нынешние люди предпочитают возводить роскошные хоромы. Доходит до того, что [они] вырезают на капителях горы, а брусья под крышей украшают узорами в виде водорослей^[940]. Расходов это требует на тысячи и десятки тысяч [монет], хотя живут там всего лишь два-три года. Древние говорили: «Тот, кто строит дом, не живет [в нем]»^[941]. Разве не справедливы эти слова?! Я достиг заката жизни и построил маленький дом. Если его оценивать по тому положению, которое [я] занимаю в обществе, то [он] поистине роскошен. Сначала [я] боялся Неба, потом стыдился людей, но ведь даже путники сооружают себе приют, подобно тому, как старая гусеница шелкопряда делает свой кокон. Разве можно так жить?

Совершенномудрые и прозорливые, возводя дома, не утруждают народ и не утомляют демонов. Придерживаясь [норм] человеколюбия и справедливости, делают коньковые балки^[942]. Руководствуясь ритуалами, возводят фундамент и опоры. Основываясь на морали и добродетели, ставят ворота и двери. С любовью и лаской строят стены и ограду. Следуя [правилам] бережливости, обзаводятся домашней утварью. Совершая добрые дела, накапливают состояние. Того, кто живет в таком доме, и огонь не сможет сжечь, и ветер не в силах опрокинуть^[943]. Оборотни [в такой дом] не захаживают, а беды обходят стороной. Злые духи не будут подстергать [его обитателей], а разбойники не нападут. Семья будет в достатке, а хозяин проживет долгие годы. Должности и ранги будут пребывать в изобилии, а потомки смогут [их] наследовать. Разве не стоит над этим задуматься всерьез?

Тэнгэн, 5-й год^[944], 10-й лунный месяц. Хозяин Ясутанэ. Сам сочинил и собственноручно записал.

Памятные надписи
(мэй)^[945]

Любимые изречения
(дзасамэй)

Служить государю на основании преданности^[946], а родителям, руководствуясь сыновним долгом.

Способные доверять друзьям^[947] с любовью воспитывают детей и внуков.

В бедности не заискивай, разбогатеv, не стань заносчивым^[948].

Тот, кто озабочен только выгодой^[949], подобен гостю перед хозяином^[950].

Новые записи о «саругаку»^[951]

«Синсаругакуки» (сер. XI в.)^[952]

Муж госпожи Нака-но кими

Муж госпожи Нака-но кими был первым воином Поднебесной. Он слыл непревзойденным знатоком военного дела и особенно отличился [в искусствах] «гассэн»^[953], «ёути»^[954], «хасэики»^[955], «матиюми»^[956], «томоси»^[957], «катиюми»^[958], «нориюми»^[959], «касагакэ»^[960], «ябусамэ»^[961], «яцумато»^[962], «сандзаку»^[963] и «табасами»^[964].

Когда он облачался в доспехи и надевал шлем, брал в руки лук со стрелами, алебарду или длинный меч; когда он устанавливал щит; когда над его головой развевалось знамя; когда он разбивал походный лагерь; либо, когда командовал войском^[965], было совершенно ясно, что его Путь благословлен Небесами! Выдающийся мастер воинских искусств, с доблестным сердцем выходил он на поле брани, и снискал славу воина, не знающего поражений. Он заставлял противника признать свое поражение и заключить мир подобно тому, как это произошло во время битвы у горы Паньяо^[966]. Он никогда не показывал врагу спину, покрывая себя позором. В мастерстве же стрельбы из лука не уступал стрелку И [времен императора] Юя^[967]. Поистине его должно именовать воином, равным тысяче! И хотя род его неизвестен, он носит славное имя Тодзи^[968].^[969]

Главная супруга

Главной супруге уже исполнилось шестьдесят лет и черты ее лица, привлекательные когда-то, постепенно утратили лоск и увяли. В то же время ее мужу едва исполнилось пятьдесят восемь лет. Он был поразительно сладострастен и отличался ветреным нравом. В про-

шлые времена, еще в двадцатилетнем возрасте^[970], во время службы в одной из управ, узнал он, что родители его будущей жены влиятельны, а семейство богато. И, будучи ослеплен перспективами обеспеченного будущего, решил вступить в брак.

Но с годами, предаваясь размышлениям, он часто сокрушался, понимая, что разница в возрасте с супругой слишком велика. Волосы ее со временем совсем поседел, словно покрылись утренним инеем. Кожу ее испещрили морщины и стали похожи на вечернюю рябь на водной глади. Верхние и нижние зубы стали выпадать, и лицо ее стало похоже на мордочку обезьяны. Левая и правая груди сморщились и совсем обвисли, словно мошонка у быка в жаркий летний день.

И сколько бы ни накладывала она на себя косметики, дабы казаться моложе, никто уже не испытывал к ней любовных чувств. Оттого-то и была она одинока как луна ночью в двенадцатый лунный месяц, когда на небе нет звезд. Те, кто сблизился с ней, начинали питать к ней только отвращение и опасением, подобно тому, как боится палящего солнца в полуденный зной.

Днем и ночью она сетовала на бессердечие супруга, не понимая, что тело ее одряхлело. Все свободное время она посвящала молитвам, умоляя богов, чтобы те вернули ей любовь мужа^[971]. Как она только не старалась: всегда носила с собой вырезанного из камня божества в виде нефритового стебля. Она приносит дары Сэтэну^[972], но божество не внемлет ее просьбам. По этой причине она либо совершает поклонения Божеству-предку Дорог^[973], взывая к божествам о ниспослании любви мужчин, где молится усерднее других. Либо она идет на «Праздник мужчин»^[974] к «томэ» из Ига^[975] на Склон Лиса^[976], где «томэ» танцует, выбивая раковины «морское ушко» в форме женских половых органов. Либо ходит к Акомати^[977], прислужнице Инари, которая сведуща в любовных снадобьях^[978] и развлекается, перебирая кусочки сушеной рыбы пелакиды в форме фаллосов. Либо Божеству-предку дорог с улицы Годзэ^[979] она подносит дары на рисовом тесте в виде тысячи блюд, а божеству Ясидзин в храме Тодзи жертвует по сто корзин с угощениями из риса. Либо во время процессий Дэнгаку и Сисимай плясала, совершая подношения божествам в виде шелковых лоскутов «митэгура», кружилась в танце.^[980]

Все свидетельствовало об одержимости госпожи злыми духами: и горящий, как у ядовитой змеи пред броском, взгляд, и лицо, искаженное ненавистью. Несчастная проливали слезы о неразделенной любви, что смыло часть косметики на ее лице. Госпожа разочаровалась в мужчинах, пребывая в глубокой скорби. Сердце ее томилось в

смятении чувств. Ей надлежало бы, сбрив седые волосы, постричься в монахини, но сердце ее все еще пребывало в нерешительности, и она довольствовалась остатками любви.

Ее так и прозвали — «Змея-долгожительница». И хотя за свою жизнь она совершила немало ошибок, у нее родилось много детей, а поэтому оставим ее и перейдем к описанию следующей особы.

Вторая супруга

Вторая супруга одного возраста с мужем. И хоть ее невозможно сравнить с Си Ши^[981], но и заметные недостатки у нее отсутствуют. Она обладает покладистым характером словно вода, наполняющая сосуд. Как облако, податливое дуновению ветерка, ее характер и не тверд, и не мягок. Стоит ли говорить, что она превосходно шьёт, окрашивает ткани, занимается ткачеством и прядением. Она настолько преуспела в управлении домом, торговых делах, сообразительности и бережливости, что [супруг] ей не нахвалится. С утра до вечера ей нравится хлопотать по хозяйству: готовит [блюда], что всем по душе, а зимние и летние наряды у нее всегда подготовлены в соответствии с сезоном. «Эбоси»^[982], «каригину»^[983], «хакама»^[984], «авасэ-но кину»^[985], «акомэ»^[986], «утиги»^[987], «фусума»^[988], «хитоэ»^[989], «сасинуки»^[990], «суйкан»^[991], «каммури»^[992], «уэ-но кину»^[993], «хампи»^[994], «ситагасанэ»^[995], «оокути»^[996], «уэ-но бакама»^[997], «оби»^[998], «тати»^[999], «сяку»^[1000], «оги»^[1001], «куцу»^[1002], «таби» («ситодзу») ^[1003], «мумакура»^[1004], «юми»^[1005], «янагуи»^[1006], «дзюся»^[1007], «кувандзоку»^[1008] — все это благодаря ее заботе в безупречном порядке.

Возлюбленный одиннадцатой госпожи

Возлюбленный одиннадцатой госпожи — знаток поэзии при дворе по имени Какипамото-но Цунэюки. Он сведущ в игре на музыкальных инструментах и сложении стихотворений «вака». С легкостью играет на духовых и струнных (щипковых) инструментах. Он владеет «сяу-но кото», «кин», «бива», «вагон», «хогё», «сякухати», «го» (иги), «сугороку», «сёги», «танги», «мари», «коюми», «хотё», «рёри», поэзией «вака», древним стилем стихосложения, являясь мастером, которому нет равных в Поднебесной. Искусен он и в составлении стихотворных цепочек.

От него веяло древним стилем стихотворения «Цветы, цветущие в гавани Нанива» и черпал стиль из стихотворения «Обильные реки». Не испытывал сложности при написании «тёга», «танка», «сэдо», «конбан», «рэнга», «какусидай», «кои» и «ихаи». Он достиг формы стихосложения в тридцать один слог как в песни о восьмислойных облаках Идзумо Сусаноо-но микото и песни об обильных реках Сётоку-тайси. Постиг суть «Манъёсю», «Синсэн Манъёсю», «Кокин вакасю», «Госэнсю», «Сюисё» и различных авторских поэтических сборников.

Не может он считаться менее совершенным, чем Сарумару-но Утиками и принцесса Сотобори. Не уступает он и Осикоути-но Мичунэ, Ки-но Цураюки, Оно-но Комати. Он достиг стиля преподобного Хэндзэ с горы Ханаяма. И хотя он был прекрасным мастером стихосложения, критиковали его в основном за то, что у него нет вкуса реальности. Стихотворения его вызывали чувства подобно тому, как смотришь на женщину, нарисованную на картину. И про Ариварано Нарихира, который достиг величайшей славы поэта, говорили стихотворения его зачастую вульгарны, подобно торговцу, разрядившемуся в роскошные одежды. О других, ставших на путь стихосложения, и говорить не следует. С древних времен до нашего времени их были многие тысячи.

И из всего бесчисленного множества сочинителей стихотворений только Какиномото-но Цунэюки унаследовал древний стиль в его первоизданном виде. Если посмотреть на его происхождение, то он дальний потомок Какинамото-но Хитомаро. Среди представителей его семейства был Ямабэ-но Акахито. В его стихотворениях из тридцати одного слога содержатся все «шесть категорий»^[1009], а рифмы избавлены от «восьми пороков»^[1010]. В его творениях сочетаются изящество и правдивость, а начало и конец пребывают в гармонии. Речи его плавны и подобны воде, которая стекает по длинным волосам, а обилие чувственной красоты словно жемчуг, написанный на нить. По этой причине он получил признание в обществе. Его приглашают на пиршества и высшие, и низшие. Господин Тороку, составивший немало пояснений к стихотворным сборникам, считал творения Какинамото-но Цунэюки в высшей степени удачными.

Двенадцатая госпожа^[1011]

У двенадцатой госпожи есть пять [высокопоставленных] возлюбленных: ближний государев слуга^[1012], глава государевой канцеля-

рии^[1013], старший судебный чин^[1014], служащий государевой канцелярии и помощник начальника левой управы по охране дворцовых врат^[1015].

Один из них посылает ей с курьерами письма, прикрепленные к ветке сливы, другой отправляет стихи, написанные на лепестках «сакуры». [Иными словами], любовные письма в ее адрес текут рекой.

Каков же ее внешний облик?

Декоративные шпильки для волос, сделанные из перьев зимородка, прекрасно гармонируют с волосами. Фигура ее, обличенная в прекрасные одеяния, обворожительна. Она источает бесконечное обаяние: и когда невзначай вздрогнут ее прекрасные, словно лепестки лотоса, веки и, когда тень ее улыбки появляется на лице. Ее брови взлет, выкрашенные в темно-синий цвет, слегка изгибаются, и на лицо нисходит успокоение. Кажется, что все обаяние мира заключено в этой девушке. Госпожа не накладывает белил и румян, поскольку у нее от природы белоснежная кожа и легкий румянец. Ее влажные губы блестят, как спелые красные плоды. Светящаяся кожа сверкает белизной словно снег. Красота белых пухлых ручек может сравниться с благородным сиянием яшмы. Ровные белоснежные зубы будто сделаны из раковин, привезенных из южных морей.

Говорит она немного, но в ее словах есть особая манера — говорить только о важном. Голос у нее тихий. Слова понятны. Ее одежды от легких накидок до расшитых узорами одеяний благоухают благородными ароматами орхидеи и мускуса. Она не выпускает из рук зеркальца, сделанного наподобие [раскрывшегося хвоста] фазана^[1016]. Девушка прилежна в обучении и старательно прописывает знаки письмом, известным под названием «следы птичьих лапок»^[1017].

Поскольку она со строгостью воспитывалась во внутренних покоях, подальше от чужих глаз^[1018], то никто о ней толком ничего не знал. Но слухи о ее красоте стали быстро распространяться по Поднебесной. И хотя она и жила в дальних покоях, [которые недоступны постороннему взгляду], красота ее стала эталоном во всем мире.

Говорят, что если бы она была рождена во время правления [китайского] императора Сюань-цзуна, то ее красоте, несомненно, приревновала бы сама Ян Гуйфэй^[1019], если бы она жила во время царствования [китайского] императора У-ди, то, несомненно, затмила бы красотой Ли Фу-жэнь^[1020], [1021]

Тринадцатая дочь

Среди всех девушек — эта самая неотесанная деревенщина. Груба, как простолюдинка. Она некрасива собой и, в общем, не то, что следовало бы выставлять напоказ. У нее скверный характер, а о муже совсем не заботиться.

Если взглянуть на нее, [что же мы увидим]: волосы растрепаны, лоб слишком узкий, зубы торчат в разные стороны, подбородок [слишком] вытянут. Мочки ушей обвисли. Челюсть тяжеловата, скулы выдаются, а книзу сужаются «клинышком». Зубы неровные, расположены на большом расстоянии друг от друга. Болтает без умолку. Переносица кривая. Голос неприятен и гнусав. Сзади у нее горб, спереди грудь выпячена. Живот выпирает, как у лягушки. Ходит она неуверенной походкой, припадая на одну ногу, отчего походка ее похожа на крокодилю. Кожа вся шероховатая, как у акулы или сома.

Шея у нее короткая, к тому же ворот «кимоно» [постоянно] велик. Ростом она высока, а потому юбка-«мо»^[1022] [всегда] слишком коротка. От нее дурно пахнет, а по всему одеянию скачут блохи. Руки, огромные, как медвежьи лапы, похожи на грабли. Крупные плоские ступни напоминают мотыгу. Напудрится — и ее лицо становится похоже на лисью морду. Чрезмерно парумянешные щеки выглядят как седалище у бабуина. При всем этом, она до крайности распутна, завязывает отношения с мужчинами без разбора. Она еще и ревнива, да и душа ее особенно ни к чему не лежит. Ни ткать, ни шить она не умеет. Жить по средствам и вести хозяйство также не способна. Все сбережения, что имела — спустила на ветер. [Одно странно]: таких дам все же по ночам посещают мужчины^[1023].

Шестнадцатая дочь^[1024]

Шестнадцатая дочь — глава «асоби» и «яхоти»^[1025], предлагающих различные увеселения в Эгути и Кавасири^[1026]. Она в совершенстве овладела мастерством обольщения в Каваками и следовала постыдным обычаям Сакамото^[1027]. Днем, сбросив за плечи соломенную шляпу, в тени зонтика от солнца она предлагала себя и высшим, и низшим (не разбирая чинов). Вечером садилась в лодку и привлекала внимание проходящих путников, постукивая по борту поверх водной глади. Нельзя сказать, что она неопытна, ибо мастерски ис-

пользует различные позы для интимных ласк, тело ее и податливо, и упруго, словно струны «кото», а техниками «летающего дракона» и «поступь тигра» она владеет в совершенстве^[1028].

Есть у нее и иные таланты: голос ее как у райской птички, а лицо подобно лику небесной девы. Даже Мяги и Кокарасу своим пением не могут сравниться с ней, а голоса Якуси и Наруто^[1029] блекнут перед голосом [госпожи]. Разве при таких обстоятельствах непонятно, что любой мужчина оказывается во власти ее чар. Образ ее искушает душу и пленит сердце.

Увы! Коль придется ей продавать всю молодость, всецело отдаваясь ремеслу, как она будет жить потом, когда ее красота померкнет?

Юдзёки (Записи о юдзё)

Если предпринять однодневное путешествие на запад вниз по реке Удзи от пристани Ёдо, что в провинции Ямасиро, то достигнешь местечка под названием «Кая». Все, кто отправляется [в столичный град] и обратно по дорогам Санъё, Сайкай и Нанкай обязательно минуют это место. Река течет на юг, извиваясь вокруг поселений и проходя меж домами, пока не достигает земедбное владение провинции Кавати. Место это и называется «Эгути». Там располагаются кормовые долины Адзифу Аптекарского управления и «сёэн» Оба, принадлежащее Хозяйственному управлению.

Добравшись до провинции Сэццу, достигнешь местностей Камусаки и Касима. Там много жилых домов и постоянных дворов. Группы женщин веслами отталкивают небольшие лодки от берега, устремляясь на встречу входящим в порт судам, и предлагают мужчинам разделить с ними ложе. Их голоса сдерживают облака, плывущие через долины, а ветер разносит их музыку по водной глади. И путники забывают даже о своих семьях. Волны омывают тростник, растущий вдоль берега. Лодки старых рыбаков и торговцев выстраиваются в линию, одна за другой, как будто между ними нет воды. Это и есть самое известное в Поднебесной место для плотских удовольствий^[1031].

Старшая в Эгути — Каннон. Ей подчиняются: Нака-но кими, [...], Кома, Сиромэ и Тономори. В Касима все подчиняются Мияки. Среди таковых: Нёи, Ко:ро, Кудзяку и Татимай. В Камусаки хозяйка Како-химэ. Косо, Мияко, Рикимэй и Сёни работают под ее началом^[1032]. Все они — воплощение Кусира и последовательницы Сотохори-химэ. В свои покои они приглашают всех: и высокопоставленных сановников, и простой люд, одаривая их своим вниманием. Иногда они становятся женами и наложницами [мужчин], которые

готовы умереть ради любви. Даже мудрецы и благородные мужи не могут избежать этого^[1033].

К югу располагается святилище Сумиёси, а к западу — святилище Хирота, куда они отправляются, дабы вознести молитвы божествам. И все для того, чтобы боги ниспослали им хороших любовников. Главнейшее имя среди их божеств-охранителей — Хяку дайбу. Если бы каждая посетительница [святилищ Сумиёси и Хирота] вырезала бы его изображение, то таковых насчитывались бы сотни, даже тысячи. «Асоби» умело соблазняют мужчин, как и в стародавние времена.

В годы «Тёхо»^[1034], когда государыня Хигаси Сандзё отправилась в паломничество в святилище Сумиёси дзиндзя и храм Тэннодзи, ее спутник Фудзивара Митинага благоволил Сёканнон^[1035]. В годы «Тёгэн»^[1036] во время поездки государыни Дзётонин-ин сопровождающий ее Фудзивара Ёримити осыпал похвалами Нака-но кими^[1037]. В годы «Энкю»^[1038], когда государь Госандзё удостоил своим вниманием святилище [Сумиёси дзиндзя] и храм [Тэннодзи], Комаину, Коуси и их спутницы приблизились к его кораблю^[1039]. Люди называют их «чародейками». Они самое необычное явление нашего времени.

В соответствии с преданиями, когда придворные мужи совершали путешествие из столицы в направлении Кая, дабы насладиться общением с «юдзё», они пользовались услугами женщин из Эгути. Люди, путешествующие по реке из западных провинций, начиная от помощника управителя провинции до простого писца, предпочитали общаться с женщинами из Камусаки. И все это по причине необходимости сделать остановку на первом перевалочном пункте.

Оплата услуг [у «юдзё»] называется «дансю». Когда наступает время распределения заработков, женщины теряют всякий стыд. Старшие и младшие становятся необыкновенно сварливыми, превращая разногласия в настоящую драку. Иногда приходят к единому решению, разрезая длинный отрез шелковой материи на отдельные, равные по размеру куски, или делят весь имеющийся рис на маленькие порции, подобно тому, как Чэнь Пин разделял на одинаковые порции мяса^[1040].

Если женщины из наиболее известных родов^[1041] «юдзё» поднимаются на борт лодок, курсирующих по реке, это называется — «погрузка в последний момент», либо «выход для развлечения». Получают они немного — это заработок одного дня. Их прическа носит название — «разброс материала». В лодку они берут с собой зонты от солнца, а на одежде каждой из них есть символ в форме полумесяца — таковы их обычаи. Если вы читали предисловие Оэ-но Юкитоки^[1042], думаю, что я записал здесь только несколько дополнительных деталей.

Записи и размышления Оэ-но Масафуса «Годансё» (нач. XII в.)

Свиток первый

Раздел 1. Об общественных делах

1. О том, как не смогли провести церемонию повышения в рангах, потому что еще не бывало прецедента, дабы ее проводил «тюнагон»^[1043].

Некто рассказывал: «В конце годов «Энтё»^[1044] благодаря повышению по службе Фудзивара-но Тадахира^[1045] и Фудзивара-но Санэёри^[1046] государя при дворе стали называть «священным правителем»^[1047]. Но были и те, кто не столь высоко почитал государя. Однажды в день церемонии повышения в рангах Фудзивара-но Тадахира по причине болезни остался дома. В то время он был единственным «министром». Тогда государь призвал «дайнагона»^[1048] Фудзивара-но Митиакира^[1049], но тот сказался больным и не пришел. Поскольку ранее еще не случалось примеров, когда церемонию повышения в рангах проводил «тюнагон», то ее отменили. На следующий день Фудзивара-но Митиакира прибыл во дворец для участия в пиршестве. Государь спросил его: «Прошлой ночью ты ведь сказался больным. Как же ты сегодня сумел явиться во дворец? Поясни мне, прошу тебя». Когда же Фудзивара-но Митиакира покидал дворец, государь, облегченно вздохнув, сказал: «Причина, видимо, в том, что у Митиакира был свой интерес». Разве что добавишь к этому. После возвращения домой Фудзивара-но Митиакира опять сказался больным и совсем перестал появляться во дворце, а в скорости скончался».

2. О том, как управляющий делами Дайдзёкана^[1050] Фудзивара-но Корэсигэ^[1051] сумел осуществить желаемое повышение в ранге.

Некто рассказывал: «Во время интронизации государя Кадзана^[1052], перед тем, как колокол и барабан должны были возвес-

тить при дворе о начале церемонии «сокуи^[1053]», государь, находясь в Дайгокудэне^[1054], сидел на троне и отдавал распоряжения придворному церемониемейстеру. Управляющий делами Дайдзёкана Фудзивара-но Корэсигэ, восхищаясь звоном украшений и колокольчиков на головном уборе правителя, сказал: «Докладная колокольчикам» и подал государю прошение о повышении в ранге. Государь взял прошение и удалился, а повышение прошло именно так, как и задумывал Корэсигэ».

3. О том, как начинались придворные пиршества.

Далее некто рассказывал: «Первые «внутренние пиры^[1055]» начали проводиться во время правления государя Сага^[1056]. То был четвертый год «Конин»^[1057] — год младшего брата воды и змеи. Говорят, что предисловие к стихотворному собранию «Восхищение цветами сакуры», составленному на том пиру, написал Оно-но Такамура^[1058]. А тему для собрания выбирал Миёси-но Киёюки^[1059]».

4. О том, что следует избегать проводить праздник Ясосима в день, неблагоприятный для государя.

Некто рассказывал: «Празднование Ясосима-но мацури^[1060] и отправка государевых посланцев в провинции зачастую приходится на «день Курицы». Если этот день является неблагоприятным, то празднование отменяется, но при этом регламент требует, чтобы отpravку государевых посланцев и осуществление празднования проводилось именно в «день Курицы». Так государь Дайго, когда ему исполнилось четырнадцать лет, все-таки отправил посланцев в провинции, хотя «день Курицы» был неблагоприятен для правителя. Когда же ему исполнилось двадцать два года, «день Курицы» опять стал неблагоприятным, и празднование Ясосима-но Мацури отменили. Поэтому неблагоприятных дней избегают».

5. Пример, что проведение того же праздника не следует осуществлять и в дни, неблагоприятные для наследного принца.

Некто рассказывал: «В годы «Эйкю»^[1061] если день проведения Ясосима-но мацури не считался неблагоприятным для государя, но понимался как неблагоприятный для наследного принца, то празднования в тот день избегали».

6. О подготовке к проведению чтений сутр «Нинъо»^[1062] и «Сайсё»^[1063], а также дополнительных чтений буддийских сутр.

Далее некто рассказывал: «Не следует проводить чтения сутр «Нинъо» и «Сайсё» при дворе, а также чтения сутры «Дайханньякё», одинаково, с одной и той же утварью. Зал для чтений сутр «Нинъо» и «Сайсё» должен быть больше, чем помещение для чтения сутры

«Дайханньякё^[1064]». При этом зал для церемонии чтения сутры «Дайханньякё» должен быть больше, чем во время ритуала чтения сутры «Обуцумё^[1065]».

7. О том, как началось внеочередное празднование в храме Ивасимидзудэра^[1066].

Далее некто рассказывал: «В своде внутриведомственных инструкций для чиновников Куродо докоро сказано: «Внеочередное празднование в храме Ивасимидзу начало проводиться в день Быка в середине третьего лунного месяца ... года «Анва»^[1067]. Государевым посланцем был Фудзивара-но Канэиэ. Исполнители ритуальных танцев были одеты в *ситагасанэ* цвета сакуры». От купившего за деньги свою должность придворного советника из рода Оэ словно пахло медью, а несравненный «тюнагон» был подобен редкому благовонию».

8. Об использовании шелковых одежд во время праздника Камо преступниками, отпущенными на волю.

Государь спросил Оэ-но Масафуса: «Что тебе известно о том, что преступники, отпущенные на волю и служащие при Кэбииситё^[1068], во время праздника Камо надевают шелковые одежды?» Оэ-но Масафуса отвечал: «Вы спросили меня о причинах этого, но сейчас я не могу дать пояснения». Во время праздника Камо на помосте я спросил об этом у Фудзивара-но Такаиэ^[1069] и Фудзивара-но Таданобу^[1070]. Такаиэ сказал мне, что они носят прекрасные шелковые одежды, как и все служащие Кэбииситё. Таданобу добавил, что они уже не являются обычными людьми, а потому им нечего стесняться носить запретные цвета. Если это так, то можем ли мы запретить носить роскошные одежды даже тем, кто совершает поджоги и убийства? Для остальных преступлений наказания только увеличиваются. «На что вы ссылаетесь, когда они одеты в прекрасные одежды?» — спросил Фудзивара-но Кинто^[1071]. Таданобу ответил: «Мы получаем ткань из хранилищ для конфискованных вещей, красим и шьем одежду и «хакама^[1072]», а на праздник Камо одеваем ее, так как она яркая и бросается в глаза». ««Дайнагон» Фудзивара-но Кинто был доволен таким ответом», — сказал государь».

9. О проведении чтений сутры «Сайсё».

Говорят, что чтения сутры «Сайсё» начали проводиться при дворе во время правления государя Итидзё^[1073]. Такие чтения стали проводить после 7-го дня 5-го лунного месяца 4-го года Тёхо^[1074]. Не проводились они только при государе Сандзё.

10. О том, как сановникам стали выдавать сезонное жалование во время соревнования борцов сумо^[1075].

11. О том, как во время правления государя Тэмму начали осуществлять празднование «госэти».

Говорят, что празднование «госэти» началось во времена правления государя Киёмихара. Рассказывают, что когда начали играть на кото на берегу реки Ёсино, в сад спустились небесные девы и стали декламировать стихотворения. Именно после этого стали известны примеры «госэти». Небесные девы сочинили такое стихотворение: «Девы весело играют. Девы весело играют с китайской яшмой. О! Как прекрасна эта яшма!»

12. Об устройстве пиршества для дворцовой охраны по время церемоний «госэти».

Некто спросили: «Почему во время церемоний «госэти» для дворцовой охраны обычно устраивают особое пиршество?» Оэ-но Масафуса отвечал: «Мне известно, откуда этот обычай берет свой исток. Но поговаривают, что управитель провинции Суо Фудзивара-но Митимунэ^[1076], старший брат Мититоси^[1077], договорился с придворной охраной, чтобы во время представления девочки-танцовщицы «госэти» каждый подарил ей по комплекту прекрасной одежды. Пир понимался как плата дворцовой охране за несение службы во время проведения церемоний «госэти».

13. О началах особых ритуалов в святилище Камо.

Говорят, что особые ритуалы в святилище Камо появились во времена правления государя Уда^[1078]. А во время правления государя Мураками^[1079] с мелкими чиновниками Сютэнрё зачастую советовались о том, как особые ритуалы осуществлялись при государе Дайго^[1080].

14. О том, необходимо ли устраивать специальные места для сидения, дабы наблюдать за церемонией оглашения имен Будды.

Говорят, что в свое время уже скончавшиеся ныне Фудзивара-но Суэнака^[1081] и Минамото-но Сукэцуна^[1082] спорили, стоит ли устраивать места для сидения, дабы наблюдать за церемонией оглашения имен Будды. Но это ведь очень просто. К чему здесь спорить? А еще говорят, что уже скончавшиеся Минамото-но Цунэнобу^[1083] и Минамото-но Такатоси^[1084] спорили, нужно ли использовать ударные инструменты. Тогда они так и не сумели договориться.

15. Об истоках занятий китайской классической литературой для отпрысков аристократических семей и представителей государства рода.

Говорят, что для начала занятий китайской классической литературой следует выбирать день старшего брата металла и тигра в две-

надцатый лунный месяц. Если в текущем году нет такого дня, то церемонию не проводят.

16. О том, что на церемонии лицезрения лошадей государем должны присутствовать все служащие Конюшенного управления.

Говорят, что в древности на церемонии лицезрения лошадей государем присутствовали все служащие, начиная с помощника главы Конюшенного управления: Глава Министерства Народных дел Фудзивара-но Тадафуми^[1085], когда он еще был заместителем главы Конюшенного управления, присутствовал в восточной части сада на церемонии лицезрения лошадей государем Дайго. Лошади тогда шествовали в северном направлении. Вдруг две строптивые лошади встали на дыбы, но никто не решался к ним подойти. Тогда Тадафуми подбежал к лошадям и увел их поодаль от государя. Когда церемония завершилась, и Тадафуми собирался отправиться домой, к нему подошел старый слуга из конюшни и тихо прошептал: «В какое жалкое время мы живем. Во времена прежнего государя такого не бывало». Рассказывают, что государю было стыдно услышать об этом.

17. Об обряде чтения сутры, вызывающей дождь, в саду Божественного источника.

Говорят, что обряд чтения сутры, вызывающей дождь, в саду Божественного источника проводится четыре раза. «Дайсодзу»^[1086] Кукай^[1087] проводил обряд семь дней, но дождь не шел. Тогда он молился еще два дня. На девятый день из сада Божественного источника вырвался дракон и поднялся на небо. Тотчас же пошел дождь и смочил сухую землю. Оммёси Сигэока-но Кавахито^[1088] молился пяти драконам, и, говорят, что старался подобно Кукаю. Еще рассказывают, что семнадцать дней не было дождя и «дайсодзу» Гэнко продлил обряд еще на два дня и на девятый день пошел дождь. Про «сёсодзу»^[1089] Гэнсина говорят, что дождя не было семнадцать дней, и хотя он продлил обряд на два дня, дождь все равно не пошел. Поэтому он затворился в храме Анракудзи на Кюсю. «Адзяри»^[1090] Нинкай начал проводить обряд 4-го дня 6-го лунного месяца 2-го года Каннин^[1091]. Дождь шел пять дней. Его должны были назначить «рисси»^[1092], и 11-го дня 8-го лунного месяца он получил повеление государя о назначении его «гон-рисси»^[1093].

18. О том, как гадатель Абэ-но Ёсихира^[1094] молился три раза пяти драконам^[1095].

19. О том, что произошло, когда государь Дайго был во дворце, дабы совершить особые подношения божествам.

Один человек рассказывал, что однажды государь Дайго пребывал во дворце Сисиндэн, дабы совершить особые подношения божествам. И тут поднялся ветер. Государь взял жезл, надел туфли и собрался поклониться божествам, как налетел ветер и повалил ширму. Государь молвил: «Какой неприятный ветер! Зачем же ты поднялся, когда я собирался поклоняться божествам?» И ветер тут же прекратился. Когда государь начал поклоняться божествам, его волосы касались земли и были видны сзади из-за туфель. Государь так долго лежал недвижимым, словно он слился воедино с землей, говорили люди. Об этом мне рассказал Фудзивара-но Ёримити^[1096].

20. О том, что после восшествия на престол государя Кадзана в управе Дадзайфу никто не носил на поясе оружие.

А еще рассказывают, что на десятый день после восшествия на престол государя Кадзана в управе Дадзайфу не было никого, кто носил бы на поясе оружие. Это знак того, как далеко распространяется преобразующее влияние государя.

21. О том, как специальные чиновники разгоняют толпу, освобождая дорогу государю.

Один человек рассказывал: «Как-то спрашивали о специальных чиновниках, освобождающих дорогу государю. О них упоминается в «Вэнь сюань»^[1097]». Почему же обычные подданные используют то, чем должен пользоваться только государь? На это отвечают: «Высшие сановники должны быть невидимы народу, остальные придворные тоже. Все должно происходить в тайне». Еще говорят: «В «Вэнь сюань» сказано: «Когда кто-то выезжает, нужно охранять, а перед въездом — расчищать дорогу». Можно ли так сказать о встрече государя?» На это отвечали, что долг охраны государя — сдерживать толпу. Высших сановников и придворных защищает от толпы то, что они невидимы. Это все рассказал сам Оэ-но Масафуса.

22. О том, что три группы ближних слуг, прислуживающих за столом государю, стали именоваться «Тремя горами, где обитают бессмертные».

Говорят, что состав ближних слуг, прислуживающих за столом государю, начал устанавливаться при государе Кадзан. Во время обсуждений попытались объяснить, почему у государя именно шесть групп слуг. Управляющий делами Дайдзёкана Корэсигэ предложил: «Первые три группы пусть называются гигантскими черепахами с горами Фанчжан, Пэнлай и Инчжоу^[1098] на спине. Четвертая будет именоваться «Безграничное спокойствие в доме». Так были созданы три группы ближних слуг. Подробнее об этом написано в «Хань

шу»^[1109]. Токимунэ знает об этом больше других. Табличек с именами придворных из ближайшего окружения государя также три. Причина в том, что в «Вэнь сюань» упоминаются три гигантские черепахи».

23. О происхождении ближних слуг, прислуживающих за столом государю^[1100].

24. О том, как при дворе перестали служить девочки из уезда Кадоно^[1101].

25. О деревьях «сакура» и «татибана», растущих в южной части двора Сисиндэн.

Говорят, что в южной части двора Сисиндэн сохранились части «сакура» и «татибана», которые росли там с давних пор. До переноса столицы в Хэйан на этом месте была усадьба сановника из дома Татибана^[1102]. Дерево осталось, и оно дожило до конца годов Тэнтोकү^[1103]. Еще говорят, что раньше на месте дворца была усадьба Кавакцу. Но это мне рассказывал один человек.

26. О духе, который живет в надписи на воротах Анкамон и наступает на прохожих.

Фудзивара-но Санэнака^[1104] рассказывал: «Дух надписи на воротах Анкамон похож на мальчика, у которого волосы растут задом вперед. Он одет в туфли. Раньше иногда случалось, что люди, проходившие мимо этих ворот, были повалены на землю, потому что дух наступил на них. Поэтому туда тайком пробрались и закрасили центр ворот».

27. О тех, кто сделал надписи на дворцовых вратах.

Меня спросили: «Кто сделал эти надписи?» Я сказал, что на южных воротах -Кобо дайси, на восточных — государь Сага, на северных — Татибана-но Хаянари^[1105]. В надписи на внутренних вратах Кокамон живет особый дух. Он вредит прохожим, поэтому и появляется так, чтобы его не было видно. Надпись в Тронном зале сделал «тюдзё»^[1106] Фудзивара-но Тосиюки^[1107]. Но до пожара^[1108] там была какая-то другая надпись.

Раздел 2. О доме регента и канцлера

28. О том, почему выезд регента или канцлера в святилище Камо сопровождают сыновья высших сановников.

«С каких же пор повелось так, что выезд регента или канцлера в святилище Камо сопровождают сыновья высших сановников. Перед

паланкинами регента и канцлера управляющие делами Дайдзёкана и «сэнагоны^[1109]». Сзади шествуют кэбииси^[1110]» Оэ-но Наримицу говорил, что с годов «Тэнгё»^[1111] не было такого, чтобы отец с сыном занимали должности министра двора^[1112], это записано и в «Кудзё доноки^[1113]». Так, во времена Фудзивара-но Тадахира регенту прислуживали оба министра, Фудзивара-но Санэёри и его младший брат Моросукэ^[1114]. Нет свидетельств, что выезд регента в святилище Камо осуществляется во время четвертого лунного месяца. Правый министр Минамото-но Морофуса сказал: «Во времена регента Фудзивара-но Канэиэ многие его дети и внуки занимали при дворе должности «министров» и «дайнагонов». Возможно, с тех времен все и началось? Процессию завершали человек пять-шесть воинов, не с той ли поры начался нынешний обычай использовать «кэбииси»? Фудзивара-но Санэёри, став министром, выезжал в святилище Камо рано утром, возвращаясь, он останавливал паланкин где-нибудь на Первой линии дворцового комплекса или на берегу реки Хорикава и наблюдал оттуда за процессией. Впереди него шло всего-то человек десять. Так сильно он не любил демонстрировать свое превосходство. Да и внутриворцовых слуг он не принуждал прислуживать на празднике Камо».

Знаете ли вы что-нибудь о том, чтобы придворных заставляли участвовать в празднике Камо до этого времени? Говорят, что дети и внуки участвовали как слуги, выступая в качестве подношений божествам. Раньше такое было бы невозможно. Но регент говорил, что он хочет сделать от своего имени подношения божествам. Фудзивара-но Юкинари^[1115] участвовал в такой процессии, когда был еще мальчиком. Впереди шло более двадцати слуг. Все они были роскошно одеты. Разве можно называть такую роскошную процессию подношением божествам от имени простого подданного?

Фудзивара-но Корэфуса^[1116] сказал: «Когда Фудзивара-но Ёримити занимал пост младшего военного чина в управе столичной охраны, министр Фудзивара-но Акимицу^[1117], выезжая в святилище Камо, посылал впереди себя слуг. Когда Ёримити стал регентом, Фудзивара-но Акимицу уже возглавлял Гисэйкан^[1118]. Однажды на заседании Гисэйкана докладная для «найрана»^[1119] была доставлена на несколько часов позже, и люди, присутствовавшие там, говорили, что Акимицу сказал про человека, доставившего докладную: «Раньше этот слуга был более расторопен».

Еще Фудзивара-но Ёримити говорил: «Если регент по болезни не может присутствовать на празднике, вместо него должен обяза-

но присутствовать министр или старший советник двора. Но сейчас такое правило уже не соблюдается. Нынче стало трудно собрать слуг, которые бы шли впереди процессии. Передовых перестали использовать, потому что это похоже на подражание регенту». Фудзивара-но Корэфуса отметил: «В наставлении^[1120] Фудзивара-но Моросукэ писал, что все его потомки обязательно должны присутствовать на праздниках в святилищах Камо и Касуга, а если кто-то заболел, то вместо далекого святилища Касуга можно отправиться в святилище Охарано. Но сейчас и в святилище Охарано почти никто не ездит». Все это хранится в секрете, в «Наставлении» не сказано, что эти правила можно предавать огласке. Хотя, быть может, об этом и написано где-то. Когда Фудзивара-но Ёримити был регентом, из придворных отобрали танцоров и они два раза выступали на празднике Камо. Один раз во времена государя Гоитидзё, второй раз — во время государя Горэйдзэя, когда присутствовали все придворные, от министра двора Фудзивара-но Мородзанэ и до «тюнагоша» Сукэхира, а все придворные третьего ранга, начиная с Фудзивара-но Канэёри, ехали на лошадях. Праздник в тот день проходил по-особенному. К западу от конюшен в нижнем святилище Камо построили дом для регента, покрыв крышу деревом хиноки, и там был пир для придворных. Сначала процессия прибыла на место для совершения обряда очищения, а после обряда очищения они перешли в тот дом, отправили гонца в святилище с подношениями божествам, так как регенту было запрещено входить внутрь святилища. Обряд очищения в верхнем святилище Камо, наверное, проходил также.

Придворные верхом на конях стали выступать в качестве передовых во времена Фудзивара-но Канэизэ^[1121]. «Сёхё»^[1122] Фудзивара-но Тадатоки, не будучи посвящен в подробности проведения церемонии, был назначен участником процессии. Вдруг оказалось, что предстоит одна церемония, в которой он должен будет прислуживать регенту, и ему дали лошадь. Все было продумано заранее. И хотя это порой неприятно, а все равно приходится прислуживать.

Во времена регентства Фудзивара-но Норимити^[1123] не было тако-го, чтобы придворные были передовыми у регента. Все благодаря мудрому правителю Госандзё^[1124], который справедливо решал все дела. Во втором или третьем году Энкю^[1125] стали проводить церемонии, следуя указаниям господина регента, поскольку старались во всем уподобляться времени правления Фудзивара-но Ёримити. В древности люди поговаривали: «Сначала нужно приехать во дворец, затем, учитывая настроение государя, доложить ему о своем прибытии. Если

не делать так, то не причинишь ли ты этим себе вред?» Государь не захотел разрешить регенту использовать передовых, и удалился из зала, так и не подписав указ. Придворные, услышав об этом, тоже не согласились быть передовыми во время визита регента в святилище Камо. Так и стали смеяться над ним все, даже далекие путники.

Фудзивара-но Тамэнака сказал: «Во времена государя Горэй-дзэя^[1126] никто из придворных не присутствовал на празднике Камо. Тогда говорили: «Это противоречит прецедентам. Причина в том, что раньше придворные тоже не выезжали на праздник Камо». Фудзивара-но Ёримити, услышав это, сказал: «Все придворные должны непременно присутствовать на этом празднике. Хотя во времена ныне уже скончавшегося Фудзивара-но Митинага^[1127] были и придворные, которые не участвовали в празднике. Но такие придворные, как, например, «тюнагон» Фудзивара-но Токимицу^[1128], собирались в усадьбе Фудзивара-но Митинага, откуда начиналась праздничная процессия, и после того, как из дворца выезжал государь, придворные наблюдали за происходящим из своих паланкинов. Фудзивара-но Митинага как-то сказал Фудзивара-но Токимицу: «Как красиво одеты эти танцоры, а как хорош Тадамару^[1129]!» Токимицу в шутку ответил ему: «Да уж как не хорош, если вы сами назвали его красивым!» Так уж повелось с давних пор, что красивые мальчики, даже если они и не потомки какого-нибудь влиятельного придворного, служат при дворе государя. Когда Ёримити стал регентом, Фудзивара-но Митинага послал в святилище Камо нового гонца, и повелел остальным придворным, если только болезнь не мешает им, обязательно сопровождать регента в паломничестве по святилищам, и все придворные последовали его словам. Это было естественно, ведь они все принадлежат к одному и тому же роду. Позднее такие паломничества вошли в обыкновение. И нет ничего позорного, в том, чтобы вместе совершить паломничество или прислужить кому-нибудь, даже если ты не принадлежишь к роду регента».

Что касается паломничеств в святилище сыновей высших сановников, то во времена Фудзивара-но Канэизэ в них участвовал Министр двора Фудзивара-но Мититака^[1130], а во времена Фудзивара-но Митинага — Министр двора Фудзивара-но Ёримити. Во времена регентства Фудзивара-но Ёримити этот обычай прекратился, но в 4-й год Кохё^[1131] опять возобновился. Так делал Министр двора Фудзивара-но Мородзанэ^[1132], а выезды Левого и Правого министров к супруге регента, Фудзивара-но Рэйко, начались во времена уже скончавшегося ныне регента Фудзивара-но Мородзанэ.

29. О том, как господин регент ехал на лошади за государем.

Говорят, что во времена правления государя Гоитидзэ^[1133] во время высочайшего выезда господин регент ехал на лошади за паланкином правителя.

30. О том, как господин регент в паланкине прислуживал государю во время церемонии очищения от скверны, что было накануне праздника Великого вкушения урожая^[1134].

Говорят, что во время церемонии очищения от скверны, что было накануне праздника Вкушения первого урожая господин регент Фудзивара-но Ёримити в своем паланкине прислуживал государю Госудзаку^[1135]. Позднее это вошло в обычай.

31. О сне Фудзивара-но Канэиэ.

Говорят, что Фудзивара-но Канэиэ, будучи еще простым советником, видел такой сон: словно он пересекает заставу Осака и начинает падать снег, так что дорога вся становится белой. Испугавшись, Канэиэ проснулся, и, ибо снег во сне считается плохим предзнаменованием, решил вызвать толкователя сновидений и попросить его произвести необходимое гадание. Толкователь снов выслушал Канэиэ и сказал: «Это очень хороший сон, такой хороший, что просто удивительно. Поэтому необходимо преподнести кому-нибудь пегого быка». Канэиэ так и сделал, и преподнес толкователю снов пегого быка. Когда к Канэиэ пришел Оэ-но Масахира^[1136], Канэиэ рассказал ему про сон, Масахира очень удивился и сказал: «Толкователя снов можно было бы попросить вернуть назад пегого быка. Застава Осака означает иероглиф «сэки», а снег — иероглиф «хаку», вместе — «кампаку», вы обязательно станете канцлером». Канэиэ был поражен, а на следующий год он, действительно, получил повеление государя о назначении его канцлером.

32. О том, как Фудзивара-но Канэиэ хотел передать должность канцлера своим сыновьям.

Говорят, что Фудзивара-но Канэиэ, почувствовав свой конец, призвал Фудзивара-но Арикуни^[1137] и спросил, кому из сыновей следует передать пост канцлера. Арикуни назвал Фудзивара-но Митиканэ^[1138]. Тогда Канэиэ спросил о том же у Корэнака. Корэнака сказал, что следовало бы передавать сыновьям по старшинству. Тогда Канэиэ спросил еще и у старшего делопроизводителя Дайдзёкана Кунихира, и он ответил то же, что и Корэнака. Послушав их совета, Канэиэ передал пост канцлера Мититака. Получив этот пост, Мититака сказал: «Я стал канцлером, потому что я старший сын и законный наследник. Мне повезло, но все так и должно было произойти.

Так что и радоваться-то мне особенно и нечего. Только если порадоваться тому, что Арикуни услышит о моем назначении канцлером». Вскоре нескольких чиновников лишили постов, и с тех пор стали поговаривать: «Отец у сына пост отнимает».

33. О болезни Фудзивара-но Мититака.

Когда Фудзивара-но Мититака серьезно заболел, Фудзивара Арикуни сказал ему: «Следует написать прошение об отречении от должности канцлера и о передачи ее достойному». Но Мититака решил, что не будет писать прошение о передаче поста канцлера кому-то другому.

34. О начале прохождения отпрысками дома Фудзивара выпускных экзаменов в Дайгаку.

Отпрыски дома Фудзивара начали проходить выпускные экзамены во времена Фудзивара-но Сукэё^[1139]. Он служил в домоуправлении Фудзивара-но Мотоцунэ. Семья же его была тесно связана с Сугавара-но Митидзанэ^[1140]. Но все конфуцианские мужи того времени без особого почтения относились к Сукэё, и Мотоцунэ это очень печалило. Тогда Мотоцунэ спросил у Фудзивара Санэканэ: «Почему остальные ученые мужи не признают успехи Сукэё на экзаменах?» Санэканэ отвечал: «Этому есть свои причины. Ки-но Хасэо^[1141] и Мияко-но Ёсика^[1142] говорят, что если ветви глицинии заглушат все остальные цветы, другим родам не останется места. Поэтому если не остановить рост дома Фудзивара, то наш род никогда не возвысится. Если авторитет Фудзивара-но Сукэё станет общепризнан, то влияние рода Фудзивара достигнет небывалых высот». Вскоре Сукэё успешно прошел экзамены. Экзаменатором был Мияко-но Ёсика. В день экзаменов Фудзивара-но Мотоцунэ расстелил во дворе своего дома простую циновку и молил об успехе Сукэё небесное божество.

Раздел 3. О буддизме и местных богах

35. О происхождении трех священных гор Кумано.

Одного человека спросили, откуда появились три священные горы Кумано. Он ответил, что три священных горы Кумано — это воплощения божеств из святилища Исэ. Главное и новое святилища в Кумано соответствуют двум святилищам в Исэ, святилище в Тина — главному святилищу в Исэ, где почитается дух богини Аматаэрасу. Еще говорят, что божество святилищ Исэ — это перевоплощение бодхисатвы Каннон. Об этом поведал Минамото-но Тосиаки^[1143].

36. О том, как Минамото-но Ерикуни^[1144] совершал паломничество в Кумано.

Говорят, что Минамото-но Ерикуни был очень знаменитым и незаурядным человеком. Как-то раз ему довелось совершить паломничество в Кумано, будучи в трауре по близкому человеку. Когда он возвращался из святилища, с ним произошло что-то дурное.

37. О том, что в святилище Китано тэммангу запрещено заниматься игрой на музыкальных инструментах в день траура по Сугавара-но Митидзанэ.

Минамото-но Цунэнобу рассказывал: «В святилище Китано тэммангу запрещено заниматься игрой на музыкальных инструментах в день траура по Сугавара Митидзанэ. Потому что в собрании сочинений дома Сугавара в предисловии к поэме «Возлияние сакэ и любованье хризантемами в 9-м лунном месяце» сказано: «Если любоваться полной луной в восьмом лунном месяце, забыв о трауре по отцу, весь род придет в упадок^[1145]». Поэтому следует воздерживаться от игры на музыкальных инструментах». Если хорошо подумать, трудно согласиться с этим, поскольку непросто предугадать волю божеств.

38. О паломничестве представителей рода Ки в храм Хасэдэра.

Рассказывают, что Ки-но Хасэо, желая получить должность «дай-нагона», совершил паломничество в храм Хасэдэра и стал там усердно молиться. Во сне ему явился человек и сказал, что Ки-но Хасэо — выдающийся ученый, которого надо бы отправить в другие страны. Получив это известие, Ки-но Хасэо в скором времени скончался.

39. Статуи Будды, расположенные в залах храма Кофукудзи.

Говорят, что статуи Будды в храме Кофукудзи символизируют собой Чистую землю бодхисатвы Мироку: статуя Сяка в Золотом зале, две статуи бодхисатвы Каннон, исцеляющие сердца людей, рядом со статуей Мироку. В зале для лекций расположены статуи Будды Амида, бодхисатв Каннон и Кокудзо. В Южном круглом зале — бодхисатва Каннон Фуку и четырех небесных царей-хранителей буддизма. В Западном золотом зале с надписью перед входом стоят статуи Сяка и одиннадцатиликой Каннон. В Восточном золотом зале — статуи Будды Якуси и двенадцати божеств-охранителей буддизма, бодхисатвы Солнечного и Лунного света. В Северном золотом зале стоят статуи Будды Мироку, четырех божеств-охранителей буддизма, Ананды и Махапашьяка. В трапезной располагается статуя тысячерукой Каннон.

40. Родовые храмы дома Фудзивара.

Фудзивара начали [создавать родовые храмы] еще в древности. Говорят, что Фудзивара-но Каматари^[1146] участвовал в возведении

храмов Кофукудзи и Хокэдзи, а также больницу для бедных Сэякуин. Фудзивара-но Фухито^[1147] руководил постройкой усадьбы Саодоно. При Фудзивара-но Фуюцугу^[1148] была создана Кангакуин — родовая школа дома Фудзивара и началось строительство Южного круглого зала в храме Кофукудзи. При Фудзивара-но Ёсифуса^[1149] началось возведение зала для длительных чтений сутр в храме Кофукудзи. Фудзивара-но Мотоцунэ выбрал место для родового кладбища в Кохата. Фудзивара-но Фусасаки^[1150] своими руками создал статуи бодхисатвы Каннон Фуку и четырех небесных царей-защитников буддизма. Фудзивара-но Тадахира приказал возвести храм Хосэдзи, Фудзивара-но Моросукэ — храм Рёгонъин, Фудзивара-но Канэиэ — храм Хокоин, а Фудзивара-но Мититака — храм Сякудзэндзи. Фудзивара-но Митинага повелел построить пагоду в Кохата и зал для чтения сутр, а также храм Ходзэдзи. Фудзивара-но Ёримити участвовал в постройке Бёдоин.

41. Надпись на мече Сётоку тайси^[1151] в четыре иероглифа.

«Лес имбиря Огненной крысы» — инкрустация на обратной стороне меча. Это значит перережем горло министру Мононобэ-но Мория^[1152].

42. Надпись на дощечке, сделанная Кобо дайси и указывающая, что здесь захоронена чудотворная жемчужина, исполнительница обета.

Говорят, что на дощечке, указывающей, что здесь захоронена чудотворная жемчужина, исполнительница обета, Кобо дайси написал: «Гора в Муро устремляет все свои помыслы к пикам, бамбуку, глазам, дну, земле, сердцу и воде». Эту надпись невозможно понять и в наши дни.

43. Десять учеников Кобо дайси.

Говорят, что из десяти учеников Кобо дайси пять остались в его храме, а остальные перешли служить в другие храмы. «Содзё»^[1153] Синдзэй отправился в храм Сингодзи, «содзё» Синга — храм Дзёгадзи, «содзу»^[1154] Дзицуэ — в Тодзи, «содзё» Синдзэн — в Кимбусэндзи, а принц Синнё — в Тёсэдзи.

44. О том, как бродячий монах Дзога бежал впереди «содзу» Дзиэ, чтобы провозгласить о радости^[1155].

45. О том, как в храме читали трактат «Вэй ши лунь»^[1156].

Когда монахи читали наизусть трактат «Вэй ши лунь», начав с первого свитка и дойдя до последнего, десятого, под сосной у кельи монаха пресветлое божество святилища Касуга начало танцевать. Было это так трогательно и интересно.

46. О том, как Гэнхин оставил пост «рисси».

Говорят, что Гэнхин впервые был назначен «рисси» в пятом году Конин^[1157]. Уходя с поста, он сложил стихотворение: «Умылся в чистом течении реки Мива, дабы к рукавам опять не пристала скверна».

47. О том, как он же уходил с поста «дайсодзу».

Говорят, что Гэнхин, уходя с поста «дайсодзу», сложил такое стихотворение: « В далекой от столицы стране горы и реки чисты, много всего, но не жить мне в твоей столице государь». Еще рассказывают, что когда Гэнхин, покинув столицу, направлялся в провинцию, по дороге ему повстречалась женщина и преподнесла свое одеяние, приложив к нему стихотворение: «Не я дала тебе эти китайские одежды, прекрасные, словно берега реки Мива, и не я их получила от кого-то».

48. О силе веры моего умершего отца Оэ-но Нарихира^[1158].

Некто рассказывал^[1159]: «Мой отец был верующим человеком. Каждый день, не лентясь, он усердно молился и читал сутры. Это так и одновременно не так. Вера его была очень крепкой, об ином отец и не думал. Еще нужно сказать, что отец часто молился. Обычно он был одет в простую, словно у монаха одежду — каригину с мягким воротником, в руках у него были четки с пятьюдесятью жемчужинами. Он не спорил о том, что нельзя есть рыбу, а необходимо употреблять только овощи. Хотя он и ел источающее противный запах мясо, он всегда говорил своим ученикам: «Помогите учителям — Конфуцию и его ученику Янь Юаню^[1160]. Отец всегда раскрывал один из древних свитков и начинал подправлять какой-нибудь уже затертый участок. На каждом свитке он оставлял свою печать, и относился к ним с необыкновенным почтением. Кто-то спросил у него, почему он все так делает, и отец ответил, что ему поручена вся библиотека дома Оэ».

49. О том, как Оэ-но Токиmunэ^[1161] не мог прочитать сутру.

Некто рассказывал: «Токиmunэ совсем не мог читать сутры. Он только научился читать пятый, седьмой и восьмой свитки сутры «Хашнякё». Да и то произносил имя Каппон как Каппин, а зачастую называл Каннон «Хотарасан»».

Свиток второй

Раздел 4. О разном

Глава 1

1. О том, как государь Монтоку^[1162] хотел передать правление принцу крови Корэтака^[1163].

Говорят, что государь Монтоку хотел передать правление принцу крови Корэтака. Всеми делами Поднебесной руководил тогда Главный министр Фудзивара-но Ёсифуса, он был первым среди подданных государя. Рассказывают, что прошло несколько месяцев, пока Ёсифуса смиренно думал над этим, не смея высказать свое мнение. Он молился божествам, прибегал к тайным обрядам, взывал к всемогущему Будде. «Содзё»^[1164] Синдзэй молился за воцарение принца крови Корэтака, а «содзу»^[1165] Синга молился о здоровье наследного принца Корэхито^[1166]. Они отдавали все силы молитвам, испытывая, одновременно, друг к другу ненависть.

2. О том, что государь Ёдзэй^[1167] держал тридцать лошадей.

Говорят, что государь Ёдзэй построил у себя во дворце конюшню, там он обычно держал тридцать лошадей. Эта конюшня называлась Северный павильон.

3. О том, как государь Рэйдзэй^[1168] пытался развязать веревочку от ящичка с яшмовым ожерельем.

Правый министр Фудзивара-но Санэсукэ^[1169] рассказывал, что однажды, во времена правления государя Рэйдзэя, Фудзивара-но Канэиэ что-то словно тянуло во дворец. Когда он выехал из своей усадьбы, к нему навстречу был отправлен человек, который и поторопил его скорее прибыть во дворец. Во дворце Канэиэ спросил у «нёбо»^[1170], что же случилось, и «нёбо» поведала, что государь сейчас в своих покоях и что он пытается развязать ящик с «магатама». Канэиэ испугался и приказал открыть двери в высочайшие покои. Оказалось, что государь, как и сказала «нёбо», пытался развязать веревочку, завязывающую ящик с яшмовым ожерельем-«магатама». Канэиэ подошел к правителю, отобрал ящичек и завязал веревочку как прежде^[1171].

4. О том, как в конце правления государя Энью^[1172] было неспокойно.

Говорят, что в правление государя Энью было очень неспокойно. Ко 2-му году Канва^[1173] все постепенно успокоилось. Поговаривали, что это было во многом благодаря Фудзивара-но Корэсигэ. Поднебесная до сих пор благодарит его за это.

5. О том, как государь Кадзан покинул дворец и отправился в храм Кадзандэра.

Говорят, что Фудзивара-но Митиканэ был вместе с государем Кадзаном, когда тот покинул дворец и отправился в храм Кадзандэра. Его отец, Фудзивара-но Канэиэ отправил Тайра-но Корэто-си^[1174], чтобы тот не дал Митиканэ постричься в монахи вместе с правителем. Люди, видевшие Корэто-си, говорили: «Он не обидит и мухи».

6. О том, как государь Кадзан запретил всем дворцовым прислужникам, начиная с «нёбо», носить несколько «хакама».

Говорят, что во время правления государя Кадзана «нёбо» и другим дворцовым прислужникам было запрещено носить несколько «хакама». Разрешалось одевать только одни «хакама» со шлейфом.

7. О том, как дочь Фудзивара-но Наритоки^[1175] попала во дворец к государю Сандзё^[1176].

Тамэнака рассказывал: «Вечером того дня, когда дочь Наритоки^[1177] должна была предстать перед государем Сандзё, который к тому времени еще не вступил на престол и был еще наследным принцем, Садатоки отправился в усадьбу к Фудзивара-но Канэиэ, и сказал ему: «Вы ведь распорядились, чтобы подготовили паланкин, не так ли? Я вам чрезмерно благодарен». Канэиэ ответил уклончиво: «Да, не скажешь, что не распорядился. Но это не моя особенная благосклонность к тебе, я хочу сделать приятное государю». Наритоки, вне себя от радости, исполнил благодарственный танец и удалился. Когда дочь Наритоки прибыла во дворец, она ожидала некоторое время оглашения воли государя, но так и не услышала ни звука. Она вошла во внутренние покои по специальной дорожке. Люди тогда тайком называли Наритоки «кобай» — «красная слива», поскольку во дворе его усадьбы росло такое дерево. А еще слово «кобай» значит «благодарственный танец, исполненный напрасно».

8. О том, как перед смертью государя Хорикава^[1178] его судьба была предопределена движением небесных светил.

Рассказывают, что незадолго до смерти государя Хорикава его судьба была предопределена движением небесных светил. Правление нынешних государей редко превышает двадцати лет^[1179]. Кончается время, которое отведено ему высшими силами. Причина длительного правления государей кроется в том, что до сих пор все само собой поддерживается. Фудзивара-но Санэканэ вопрошал: «Как подсчитать, сколько государю отпущено править?» Ему ответили: «Это очень важный вопрос. Когда астрологи первый раз преподносят го-

сударю его гороскоп, судьба правителей и в Китае, и в Японии отличается от судьбы простых подданных. Поэтому и говорят, что правитель должен прожить сто лет, из них править пятьдесят, но государь восходит на трон в шестьдесят. Из отпущенных ста лет ему остается править сорок. Государь рассчитывает на пятьдесят, но ему отпущено только сорок, у него отняли десять лет. Но если он взойдет на престол в шестьдесят один год, он сможет править пятьдесят лет. Его жизнь превысит сто лет. Но когда он достигнет ста лет, он может серьезно заболеть. Если правителю хватит решимости, он будет верить предсказаниям астрологов и будет рассчитывать на смену престола в соответствии со своим долголетием, не пройдет и десяти лет, как ему опять будет дарован длительный срок. Если не отказываться от власти пятьдесят лет, то можно находиться на престоле еще дольше, и годы твои продлятся. Да и от престола просто так не отречешься. Но бывает так, что власть государя велика, но годы, отпущенные ему, ничтожны. Поэтому получается не так, как у простых людей. Если получается, что демоны чинят препятствия значительному человеку, можно продлить жизнь, отказавшись от службы. В этом тайное наставление астрологов. У каждого человека есть свой закон. Нужно держать его в тайне, нельзя предавать его огласке. Оэ-но Масафуса хочет отказаться от службы и затвориться дома. Если он останется служить в свите Фудзивара-но Санэканэ, он будет нужным человеком на собраниях придворных. Масафуса должен набраться смелости, чтобы решиться остаться ли ему при дворе».

9. О том, как из-под полога Фудзивара-но Сёси^[1180] выбежал щенок.

Когда Фудзивара-но Сёси стала «него»^[1181] государя Итидзё^[1182], под полог к ней неожиданно забежал щенок. Все переполошились, обнаружив его, и доложили обо всем Фудзивара-но Митинага. Митинага призвал к себе Оэ-но Масахира и тайно рассказал ему о происшествии. Масахира ответил, что Митинага ждет необыкновенная радость. Когда же Митинага поинтересовался, что это за радость, Масахира сказал: «Это знак, что Сёси родит принца. Если последнюю черту в иероглифе «собака» написать сверху, а не снизу, то получится иероглиф «толстый». А если эту же черту написать сверху чуть длиннее обычного, то получится иероглиф «небо». Если над этим поразмыслить, станет понятно, что должен родиться принц. И может случиться так, что он поднимется до наследного принца и станет государем». Фудзивара-но Митинага был несказанно рад, а тем временем стало известно о беременности Сёси. Она родила

мальчика, который позднее стал государем Госудзаку. Все это хранилось в секрете. Оэ-но Масахира, вернувшись в усадьбу, долго размышлял над смыслом иероглифов и поведал о происшедшем своим потомкам^[1183].

10. О том, как Фудзивара-но Моросукэ высекал кремнем огонь^[1184].

11. О том, как Фудзивара-но Санэёри был пожалован второй ранг^[1185].

12. О том, как Правый министр Фудзивара-но Санэсукэ насмеялся над Тайра-но Норикуни^[1186], когда ему пожаловали пятый ранг и назначили на пост «куродо».

Тайра-но Норикуни был повышен с поста прежнего управителя провинции Каи до поста «куродо» пожалованием ему пятого ранга по совершенной ошибке.

Ныне уже скончавшийся Фудзивара-но Санэсукэ тогда присутствовал на заседании Гисэйкана. В тот день Тайра-но Норикуни получил повышение с поста прежнего управителя провинции Каи до поста «куродо» с пожалованием ему пятого ранга. Правый министр никак не мог с этим согласиться и начал насмеяться над Норикуни, говоря: «Кому же тогда достанется пост бывшего управителя провинции?» Фудзивара-но Ёримити, услышав это, сказал: «Не должно министрам насмеяться над остальными чиновниками, присутствующими на заседании Гисэйкана». Ошибка была сразу же исправлена, и говорят, что гонцом, который должен был объявить об этом, был назначен Минамото-но Цунэёри^[1187]. На пост «куродо» назначили Фудзивара-но Цунэсукэ^[1188]. Он рассказал Фудзивара-но Ёримити, что Фудзивара-но Санэсукэ был против повышения Тайра-но Норикуни до должности «куродо», и Ёримити осудил Санэсукэ. Из-за этого Санэсукэ обиделся на Цунэсукэ.

13. О докладной «тюнагона» Тайра-но Корэнака^[1189].

Когда Тайра-но Корэнака был управителем провинции Хигэ, он подал докладную. Можно справиться о содержании этой докладной, так как я забыл ее вернуть назад в архив. Он преподнес ее на заседании Гисэйкана. Тогда председательствовал Левый министр Минамото-но Масанобу^[1190]. Придворные стали осуждать эту докладную. Корэнака пришел в ярость. Тогда один из высших сановников ему сказал: «Эта докладная постыдна для столь высокого собрания придворных. Она годна только для употребления в собственной усадьбе. Пусть это послужит тебе уроком». Говорят, что Корэнака удалился в смущении.

14. Ошибка управляющего делами Дайдзёкана Фудзивара-но Корэсигэ.

Говорят, что Фудзивара-но Арикуни, когда возглавлял Куродо докоро, допустил оплошность, перепутав докладную записку о подношении трех телег с тыквами с прошением. Несмотря на то, что управляющий делами Дайдзёкана Фудзивара-но Корэсигэ знал об этом, он все же зачитал ее перед придворными по представлению Арикуни⁽¹¹⁹¹⁾.

15. О том, как Корэмунэ-но Кинката⁽¹¹⁹²⁾ спорил о том, должно ли преступление трактоваться как нарушение закона или как нарушение государева указа.

Один человек спросил: «Чем же закончился спор Кинката о том, как должно толковаться преступление — как нарушение закона или как нарушение государева указа?» Ему ответили: «Во времена государя Мураками однажды управители провинций, недобиравшие налоги, стали подавать отчетные бумаги. Люди, принимавшие налоги и сверявшие количество налога с тем, что указано в сопроводительных документах, стали думать, как следует наказать провинившихся, и обратились за советом к Кинката. Кинката, поразмыслив, сказал, что это нарушение закона. Государь возразил Кинката: «Все начинается с государева указа. Поэтому ты неправ, их проступок — это нарушение моего указа». Кинката начал доказывать, почему это не так. Государь призвал Фуминори⁽¹¹⁹³⁾ и подробно спросил его: «Разве в комментариях к сводам законов написано, что все вы называете нарушение клятвы, данной правителю, нарушением закона? Фуминори ведь говорит, что если на лицо расхождения с законом, то необходимо считать это преступление нарушением государева указа, поскольку в своде законов есть такое положение». На это Кинката ответил: «Если задуматься над этим положением, то разве то, что все вы вдруг стали называть это преступление нарушением государева указа, не есть ли само по себе нарушением государевой воли? Следует написать новый указ, по которому нарушение закона будет толковаться как нарушение государевой воли». Фуминори, осуждая его, сказал: «Раз уже речь идет о таком указе, то в его тексте должно прописать, что нарушение повеления государя — это уже преступление. Неужели нет необходимости в таком указе?» На это Кинката так и не сумел ничего ответить.

Вскоре его сослали из-за этого нелепого спора.

После того, как Кинката скончался, его сын Масасукэ⁽¹¹⁹⁴⁾, считая постыдным произошедшее с отцом, стал усердно учиться, и по про-

шестии семи-восми лет, заготовив необходимые документы, он отправился домой к Фуминори, собираясь вступить с ним в дискуссию. Фуминори же ответил Масасукэ, что и государя, затеявшего этот спор и самого Кинката уже нет в живых, да и сам он уже стар, так что разговор этот не принесет никому пользы. Масасукэ, положив заготовленные документы за пазуху, удалился, и на этом все и закончилось. Кто-то спросил: «Похож ли этот спор на спор о том, преследует ли обвиняемый свои интересы или он только поступает несправедливо, или же он одновременно совершает и то и другое?» На это отвечали: «Сей спор важен для многих, а не только для Кинката».

16. О том, как Накахара-но Морото^[1195] один переписал дневник секретаря, а потом он был украден служащими из библиотеки.

Говорят, что в те времена дневник старшего секретаря Дайдзэкана вел один лишь Такатоки^[1196]. Сейчас такого практически не случается. Из-за особого прилежание Такатоки был повышен до пятого ранга. Свитки бумаги ему всегда приносили погонщики быков или мелкие дворцовые служащие. Тогда Санэканэ спросил: «Есть ли такие люди, у которых есть дневники секретаря?» На это отвечают: «Иногда доводится слышать, что у кого-то есть дневники секретаря, но это бывает очень редко. Когда дед Накахара-но Моротоо, Морото, был старшим секретарем, он всем давал переписывать свои дневники. После того, как Морото переписал дневники, их украли служащие из библиотеки. Когда стали искать, куда могли подеваться дневники, они обнаружились в доме у покойного Морохира^[1197]. Редкостное происшествие. Удача государю еще не изменяла. Но если бы Морото перед этим не переписал дневники, возможно, они были бы утрачены навсегда. Все из-за того, что сейчас стало мало тех, кто бы имел такие дневники. Человек, проявивший такую преданность на благо государства, достоин того, чтобы его род не прерывался, и потомки вечно процветали. И Морото, и Морохира были необыкновенно щедрыми людьми. Никак не назовешь их жадными. Моротоо пошел в деда, он никогда ничего не терял. Это был редкостный человек. Он слыл незаурядным человеком».

17. О том, как Оэ-но Отондо^[1198], будучи главой особого управления Кэбииси, перенес тюрьму из Нагаока в столицу.

Говорят, что причина быстрого продвижения Оэ-но Масафуса до поста придворного советника в его предке Оэ-но Отонда, который преданно служил государю, исполняя обязанности главы особого управления «кэбииси». Санэканэ спросил: «Почему вы говорите так?» Ему ответили: «До того, как Отондо занял пост главы особого

управления Кэбииси, тюрьма была в Нагаока, местность вокруг нее опустела, и преступники легко могли убежать. Но после того, как Отондо построил в столице новые тюрьмы, откуда сбежать было невозможно. В этом одна из заслуг перед государством. С тех времен в обыкновение вошло, чтобы добрые люди стали подносить заключенным пищу. В конце своей жизни Отондо говорил, что его потомки будут преданно служить на благо государства, и потому получают высокие посты. Даже преступнику, совершившему тяжелейшее преступление, будет нелегко убежать из тюрьмы. И если прохожие будут давать им пищу, по новому закону они не смогут просто проникнуть на территорию тюрьмы. В отплату за эти нововведения род мой не пресечется». У Отондо были все основания говорить так. Масафуса, заняв пост первого заместителя главы охраны дворцовых врат, старался не уступить Отондо, и строго следил за ночными прохожими. Все потому, что он преданно служил на благо государству. Благодаря Масафуса во времена государя Госаидзэ о кражах не было и слышно.

Тем, что я преуспел в учебе, я обязан моему покойному отцу. Хотя его часто называют неумелым, он часто переписывал свитки, передававшиеся из поколения в поколение в нашей семье. Отец ставил в комнате четыре ширмы из цветной бумаги, в образовавшейся комнатке он сушил переписанные свитки, потом на каждом свитке он ставил свою печать. Узнав, что где-то есть свиток в плохом состоянии, отец обязательно переписывал его. Он всегда говорил: «Я отвечаю за библиотеку дома Оэ». Отец брал с собой четверых молодых слуг, клал свиток в ту комнатку, один слуга делал рисовый клей, другой раскрывал свиток, третий приклеивал свиток на бумагу, четвертый переписывал его. Так отец и прожил свою жизнь. Он стал знаменитостью для потомков. Наверное, нужно о нем рассказать, не правда ли?»

18. О том, что непонятно, почему из двадцати восьми созвездий на карте неба, используемой для гаданий, часть расположена на земле, тогда как они должны быть на небе.

Некто спросил: «Как постигнуть науку Оммёдо?» Ему ответили: «Читая книги, можно узнать много всего, но постигнуть ее невозможно. Поэтому я встречаюсь со знатоком Оммёдо Мунэнори^[1199] и учусь у него понемногу искусству гадания». Ему ответили: «Искусство гадания самое важное для нас. Но можно ли постичь порядок света? Этот порядок непонятен нам. На небе должно быть двадцать восемь созвездий, а они находятся на земле. Как объяснить то, что

двенадцать богов должны находиться на земле, а они находятся на небе? Надо изучать эту науку».

19. О том, как старший секретарь Дайдзёкана Накахара-но Морото преуспел в науках.

Кто-то спросил: «Правда ли, что старший секретарь Большого государственного совета Накахара-но Морото преуспел в науках? В наше время таких людей уже нет. Он своими талантами не уступал наставникам древности»^[1200].

20. О том, как преподаватель Дайгаку Хирохито^[1201] преуспел во всех науках, умел исполнять различные танцы и очень любил всевозможные искусства.

Преподаватель Хирохито мог хорошо читать «Чунь цю», преуспевал во всяческих науках, умел исполнять различные танцы, очень любил всевозможные искусства. Наверное, люди, видевшие его, считали его безупречным. Но Хирохито был слеп на один глаз. Второй глаз, правда, у него был совсем здоровый. Некий Такамура должен был принимать у Хирохито экзамены на звание профессора изящной словесности, но Хирохито допустил много ошибок в стихотворениях и провалился на экзаменах. Когда государь Сага призвал всех чтобы объявить имена прошедших экзамен, Такамура сказал Хирохито: «Я даже и не знаю, как человек с одним глазом может сдать экзамен!». Хирохито ему отвечал: «Одним глазом я смотрю в ваш текст, но не чувствую, что мне нужно смотреть на него. Наверное, и с двумя глазами будет то же самое». Думая о Хирохито, понимаешь, что нужно много учиться, постигая и «Ши цзи», и «Вэнь сюань», и «Сяо цзин»^[1202], и «Лунь юй»^[1203].

21. О том, как государь Мураками спрашивал у Оно-но Митикадзэ^[1204], кто самый лучший каллиграф.

Государь Мураками призвал Митикадзэ-но Асоми и спросил его, кто при дворе лучший каллиграф. Митикадзэ назвал Кукая и Бинко. Люди тогда, говорят, критиковали его за то, что он назвал их по-китайски. «Великому наставнику» Кукаю больше бы пристало японское имя, да и Тосиюки лучше подходит, (чем Бинко).

22. О том, как Митикадзэ и Асацуна^[1205] поспорили, кто лучше владеет кистью.

Во времена государя Мураками Оно-но Митикадзэ и Оэ-но Асацуна затеяли обычный спор, кто лучше из них владеет кистью, и решили попросить рассудить их спор государя. Когда они пришли к государю, он им сказал: «Кисть Асацуна настолько уступает кисти Митикадзэ, насколько талант Митикадзэ уступает таланту Асацуна».

23. О равном мастерстве каллиграфии Канэакира^[1206], Сукэма-са^[1207] и Юкинари.

Принц крови Канэакира, Фудзивара-но Сукэма-са и Фудзивара-но Юкинари были равны в искусстве каллиграфии. Хотя стиль каждого отличался друг от друга. Потомкам, наверное, будет трудно определить, кто из них лучше всех владел кистью. Покойный Минамото-но Морофуса^[1208] говорил: «Неужели есть и такие, кто думает, что Юкинари уступит Митикадзэ?» Но люди, наверное, будут считать его равным Сукэма-са и Канэакира».

24. О том, как Мориёси^[1209] считал Вэй Цзе^[1210] умелым каллиграфом.

Кто-то спросил: «Как вы смотрите на то, что Мориёси устраивает собственные домашние ритуалы по образцу умелого каллиграфа, Вэй Цзе?» На это отвечали: «Вэй Цзе умелый каллиграф. Наверное, поэтому он устраивает домашние ритуалы по его образцу». Это не назовешь четким ответом.

25. О том, как «тюнагон» Тайра-но Токимоти^[1211] гадал по лицу Левому министру Минамото-но Масанобу.

Уже скончавшийся Удайбэн Тайра-но Токинори рассказывал: «Когда Левый министр Масанобу был еще мальчиком, его привели к покойному «тюнагону» Тайра-но Токимоти. Отец Масанобу, принц Ацуми^[1212], призвал мальчика и попросил Токимоти погадать ему. Физиономист сказал: «Ты должен обязательно подняться до первого ранга и поста Левого министра. Если моим детям или внукам будет нужен совет, обязательно выслушайте и помогите им». Принц Ацуми был так тронут, что не мог прийти в себя несколько часов. После смерти Токимоти Левый министр Масанобу в благодарность ему проявил щедрость, когда управитель провинции Бинго Тайра-но Корэнака подавал докладную, поскольку Корэнака — внук Токимоти, сын Ёсики^[1213]. Об этом рассказал покойный Тайра —но Тиканобу^[1214]. В доме Тайра этот рассказ передается из уст в уста, так как его рассказал сам Токимоти.

26. О том, что представители рода Тайра издревле становились физиономистами.

Говорят, что Тайра издревле из поколения в поколение становились физиономистами. Мать «тюнагона» Корэнака происходила из провинции Сануки. Он должен был родиться, когда Ёсики назначили помощником управителя провинции Сануки. Поэтому Ёсики отправился на службу, а когда вернулся, призвал к себе Корэнака, и сказал, глядя на его лицо: «Ты должен обязательно стать «тюнагоном».

Но твоя жадность будет тебе мешать, тебе следует сдерживать ее». Действительно, через некоторое время Корэнака достиг должности «тюнагона», а потом стал главой Дадзайфу. Тогда он закрыл третью сокровищницу святилища Уса Хатиман, и из-за этого его лишили должности. Вот об этом-то и говорил его покойный отец.

27. О том, как старший государственный советник Фудзивара-но Юкинари поехал во дворец, несмотря на то, что он должен был соблюдать воздержание «моноими»^[1215].

Говорят, что Фудзивара-но Юкинари однажды затворился у себя в усадьбе, поскольку ему было предписано строгое воздержание. И вдруг его неожиданно вызвали во дворец по какому-то важному делу. Когда Юкинари прибыл во дворец, он почувствовал, что ему становится плохо. Страх охватил Юкинари, но он все равно проследовал в Сэйрёдэн. Государь Итидзё, услышав, что кто-то вошел, осведомился: «Кто там?». Юкинари ответил: «Асахира»^[1216]. Слова государя привели Юкинари в себя. Он долго просил прощение у государя. На самом же деле это Асахира и покойный военачальник Корэма-са^[1217] стремились навлечь беду^[1218] на Фудзивара-но Юкинари.

28. О том, как во время годов Энги^[1219] прошло два-три года, пока одному придворному пошили «сокутай».

Говорят, что во время годов Энги в рабочей одежде чиновников избегали изяществ. А во времена правления государя Судзаку один придворный отправил нёбо письмо: «Прошли годы, с тех пор, как я получил «ситагасанэ» в подарок еще от прежнего государя, и оно порядком износилось. Прошу прислать мне новое платье». Пока сшили роскошный наряд-«сокутай», прошло два-три года. Наверное, этот придворный облачился в него на сезонном празднике или на собрании придворных. Да, что уж и говорить, сейчас от управителей провинции перестали поступать налоги, а придворного можно уподобить нищему, сидящему под тутовым деревом и просящим подаяние.

29. О том, как Фудзивара-но Санэёри не получил пост главы Куродо докоро.

Говорят, что Минамото-но Фусаакира^[1220] однажды во время детских игр повалил Фудзивара-но Санэёри на землю. Поэтому позже он не получил пост главы Куродо докоро.

30. О том, как Тайра-но Норикуни насмеялся над Минамото-но Акисада^[1221].

Говорят, что Тайра-но Норикуни, чиновник пятого ранга, будучи служащим Куродо докоро, насмеялся над Минамото-но Акисада.

Насочиняв всяких небылиц, он выдал это за приказ самого канцлера Фудзивара-но Ёримити, добавив, что тот просил это лично передать Минамото-но Акисада. Фудзивара-но Ёримити узнал об этом, вызвал к себе Норикуни и примерно отчитал его: «Не должно смеяться над регентом или канцлером». Поговаривают, что Норикуни после этого на полгода затворился в своей усадьбе. А Акисада стал преданным слугой Фудзивара-но Ёримити. Норикуни же перешел на сторону его недруга — Фудзивара-но Норимити. Наверное, у него были на то какие-то свои соображения. В наши дни тоже бывает, что и чиновников Куродо докоро увольняют за какие-то провинности^[1222].

31. О том, как [Тайра-но] Норикуни было приказано некоторое время не появляться во дворце.

Это было, когда [Тайра-но] Норикуни служил «куродо» пятого ранга. Как-то раз Норикуни выполнял свои служебные обязанности, а Правый министр Фудзивара-но Санэсукэ и другие сановники собрались на заседание «кугё»^[1223]. Когда стали рассматривать одно из прошений, Минамото-но Акисада сидел в Восточной части дворца Сисиндэн, приспустив «хакама»^[1224]. Норикуни, не в силах удержаться от этого зрелища, рассмеялся. Правый министр, ничего не подозревая, отчитал Норикуни и даже доложил обо всем государю. Из-за этого Норикуни было приказано некоторое время не появляться в государевом дворце^[1225].

32. О том, как однажды Санэсукэ, Кинто, Тосиката^[1226] и Юкинари спорили о государственных делах, и что каждый из них предлагал свой способ решения.

Сукэнари рассказывал, что однажды Санэсукэ, Кинто, Тосиката и Юкинари были отправлены государем в усадьбу Фудзивара-но Ёримити. Когда разговор зашел о государственных делах, каждый из них предложил свой способ решения. Правый министр Санэсукэ стал искать место в дневнике, которое бы подтвердило его слова. Тосиката раньше него нашел нужное место в дневнике, запомнил эти слова, и использовал их в качестве аргумента. Кинто говорил о том, почему нужно поступить так, как считает пужным Ёримити. Все четверо предлагали разные варианты. Еще о Санэсукэ, Кинто, Тосиката и Юкинари говорят, что они все были сведущими людьми в государственных делах, но что касается придворных правил, то большинство из них созданы Кинто. Именно благодаря Кинто род его знаменит. Однако описание ритуалов дома Фудзивара и правил их осуществления не сравнится с обширными познаниями всех придворных служащих в дворцовом церемониале.

33. О видах ширм.

Говорят, ширмы бывают следующие: со сценами из «Хань шу»; с изображениями игры в мяч; с китайскими пейзажами; с изображениями ада; с ликами китайских мудрецов; с видами гор и вод и так далее. Ширму ставят при необходимости. Подробнее об этом сказано в «Записях управления по пошиву одежды»^[1227].

34. О том, во время церемонии надевания «хакама» не следует одевать «сасинуки».

Глава министерства Народных дел Минамото-но Цунэнобу рассказывал: «Когда покойный Фудзивара-но Митифуса^[1228] был еще ребенком, вечером того дня, на который была назначена церемония первого надевания «хакама», от государыни Сёси получили полное одеяние для этой церемонии, так как ее просили ранее об этом. Но вместо «хакама» там были «сасинуки», и одеяние не могло использоваться для проведения церемонии. Люди, которых просили преподнести «хакама», то говорили, что они совсем забыли о просьбе, то общались, что лучше обратиться к другим. Ёримити тоже ничего не предпринимал, и было непонятно, состоится ли вообще церемония надевания «хакама». Настал назначенный час, а мальчик все никак не мог надеть «хакама». Экс-государь, услышав позже об этом, сказал: «В такой ситуации не следует одевать «сасинуки». Неужели люди сейчас об этом ничего не знают?» В то время государю служили много ближних слуг, придворных и различных людей, которых можно было бы назвать сведущими в различных церемониях. Почему же они не объяснили Ёримити порядок проведения церемонии? Им, наверное, было еще более стыдно, чем Ёримити. И Сукэнари, и Акинобу не знали об этом. Да, нам не дотянуться до древних мудрецов».

35. О том, как было решено дело Томо-но Ёсио^[1229].

В день, когда выносили приговор Томо-но Ёсио^[1230], придворный советник старшего ранга Минафути-но Тосина^[1231] и придворный советник Сугавара-но Корэёси^[1232] по государеву повелению допрашивали Ёсио в управе Кагёюси^[1233], но долго не могли решить, какой вынести приговор. Тогда они сговорились и попросили одного человека сказать: «Надо бы закончить дело, а заодно привлечь и сына Ёсио, Такацунэ. Разве это дело, что Ёсио один получит наказание?». Ёсио, услышав это, подумал: «Какой неприятный человек», и на этом судьба его была решена. Позднее монах из Хорюдзи Дзэнкай докладывал, что Левый главноуправляющий делами Дайдзёкана принц Масами^[1234] и другие чиновники совершили десять про-

ступков. О двадцати злодеяниях, совершенных Ёсио и Масами говорили: «Только когда писк комара будет настолько громким, что уподобится молнии, Ёсио сможет отдать свою жизнь на благо родной страны».

36. О том, что прикреплено к ножнам государева меча.

Говорят, что к ножнам государева меча была примотана небольшая вещица, размером в пять-шесть сунов. Людям про нее ничего не известно. В свитках, которые Сукэнака преподнес государю, есть такие слова: «Об этом говорится в наставлениях покойного «дайнагона» Фудзивара-но Сукэхира. Давным-давно, еще во времена правления государя Сандзё, он был вхож во дворец. Однажды он отправился во дворец через Безымянные ворота, а государь в том момент восседал на стуле, опираясь на спинку. Представ перед правителем, Сукэхира смиренно стал на колени. Государь приказал ему подняться на дощатый помост, и он послушно поднялся. Тогда государь его спросил: «К моему мечу примотана небольшая вещица. Что это такое? Тебе, наверное, приходилось слышать об этом». Сукэхира ответил: «Откуда же мне, глупцу, знать об этом?» Но государь настаивал, сообщить Сукэхира все, что ему известно. Тогда Сукэхира поведал: «Точно я ничего не знаю, но один человек говорил, что это должен быть ключик от китайского ящичка государя. Правитель, услышав это, был очень доволен. По прошествии нескольких дней он обсуждал этот разговор с Кагэмаса-но Асоми, и сказал, что государь приказал хранить все в секрете, не рассказывать простым людям. Но больше всего Сукэхира был растроган оттого, что его предположения оказались правдой. Рассказ о ключике он слышал от Правого министра Фудзивара-но Санэсуке. Это также было и в наставлениях Фудзивара-но Санэёри». В рассказах Оэ-но Наримицу^[1235] говорится: «Ключик от ящичка с государевой яшмой примотан к ножнам императорского меча. Почему он так хранится, можно узнать из дневников государя Дайго^[1236]. Но это нужно хранить в тайне. В дневниках других правителей об этом ничего не сказано. Об этом написано только в дневнике, который тайно передается».

37. О вражде Фудзивара-но Тадахира и Фудзивара-но Митиакира.

Говорят, что Фудзивара-но Тадахира стал Правым министром, будучи совсем молодым. В то время Фудзивара-но Митиакира был единственным «дайнагоном». Поэтому Тадахира отказался от повышения до поста Левого министра. Но вскоре после того, как Митиакира скончался, Тадахира был назначен Левым министром, а Сада-

ката^[1237] стал Правым министром. Похоже, что между Тадахира и Митиакира была вражда^[1238].

38. О том, что в древние времена люди использовали китайские имена.

Говорят, что в древности люди использовали еще и китайские имена. Миёси-но Киёюки звали «Кёйцу^[1239]». Симада-но Тадаоми^[1240] — «Тацуон^[1241]», Ки-но Хасэо — «Хаттё^[1242]», Минамото-но Ситаго^[1243] — «Синкё^[1244]», Ёсисигэ-но Ясутанэ^[1245] — «Тэйдзава^[1246]», а после пострижения в монахи — «Синкаку^[1247]», Оэ-но Такатика^[1248] — «Тако^[1249]», Фудзивара-но Акихира^[1250] — «Анран^[1251]», Оэ-но Масафуса — «Мансё^[1252]».

39. О древних именах и о буддийских именах.

Когда говорят о древних именах, которые невозможно прочитать, или о буддийских именах, называют следующие имена: «Оэ-но Садамото, его буддийское имя — «Дзякусё», его также называют вступившим на Путь из Микава, его китайское имя — «Энцу». «Содзё» Хэндзё, он же Ёсиминэ-но Мунэсада. Монах Ноин, он же Татибана-но Тагаясу. Добродетельный Имаэбису — Ёситика. Асахира. Корэсигэ (монашеское имя — «Гомё»). Экс-государь Кадзан (монашеское имя «Нюкаку»). «Тюнагон» Ёситика (монашеское имя — «Госин»). Великий господин, вступивший на путь [Фудзивара Канэиэ] (монашеское имя — «Нёдзицу»). Накахира — «Дзёкаку». Митинага — «Гёкан». Такамицу сёсё. Нёкаку — «Дзякусин». Министр двора Фудзивара-но Осикацу — «Накамаро» и «министр Эми». Еще говорят: «Токэй» — это имя «дайнагона» Митиакира, которым он пользовался, пока учился в Дайгаку. «Тобун» — так в Дайгаку называли Арихира, «Токэн» — Арикуни, «Сикидай» — Корэнари».

40. О смерти Минамото-но Цунэёри.

Говорят, что Минамото-но Цунэёри заболел и умер вскоре после того, как его допросил Фудзивара-но Ёримити.

41. О том, как Минамото-но Фусаакира ехал в повозке «бинро»^[1253].

Говорят, что однажды Минамото-но Фусаакира выехал в повозке «бинро» на моления о здоровье государя в храм Хоссёдзи. Многие придворные тоже выехали в этот храм. Акихира сказал: «Среди повозок придворных стоит повозка «бинро». Чья бы она могла быть?» Фусаакира ответил: «Это повозка вашего покорного слуги. Если вы будете настаивать, то я объясню вам причины, по которым я был вынужден использовать эту повозку. Если вы докажете, что я не могу использовать эту повозку, я смиренно выслушаю вас». Но в сводах

церемоний в случае Фусаакира не было запретов использовать повозку «бинро».

42. О том, как Фудзивара-но Тадафуми было оказано расположение при дворе^[1254].

43. О том, как Фудзивара-но Тадафуми не мог работать в сильную жару.

Говорят, что Тадафуми осенью и зимой охранял собрания придворных. Он не знал отдыха ни днем, ни ночью. В сильную жару он просил выходные и удалялся в свою усадьбу в Удзи в поисках прохлады. Однажды он купался в реке Удзи прямо с распушенными волосами.

44. О том, как Мотоката^[1255] хотели назначить «великим полководцем».

Говорят, что Мотоката был государевым посланником на востоке страны в годы Тэнкё^[1256], когда при дворе обсуждали окончание кампании против Тайра-но Масакадо, решили назначить Мотоката «великим полководцем»-«дайсёгуном». Мотоката же, услышав об этом, сказал: «Слово военачальника должно приносить пользу всей стране. Если вы назначите меня «дайсёгуном», то я прошу обязательно назначить моим помощником одного из сыновей Фудзивара-но Тадахира». По этой причине Мотоката так и не был назначен «великим полководцем».

45. О навесе в жилых строениях.

Некто спросил: «Говорят, что навесы в жилых строениях раньше были не такие. Не знаете ли вы, кто их придумал?» Ему отвечают: «Не знаю». Тогда некто рассказал: «Во время высочайшего выезда государя Коко в Носаки процессия начиналась из усадьбы государыни с Пятой линии. Когда подносили паланкин, произошло совещание по этому вопросу, и в усадьбе построили специальный навес. Вот с тех пор в усадьбе строят такие навесы.

46. О том, что человеку, съевшему оленину, нельзя появляться во дворце в этот же день.

Говорят, что причину, почему человеку, съевшему оленину, нельзя появляться во дворце в этот же день, можно узнать из ширм, посвященным годовому циклу. Однако на протяжении первых трех дней нового года государю преподносят лечебное вино с тремя травами, специальные блюда, а также мясо оленя и кабана. В последнее время стали преподносить и фазана. Первые три дня нового года подданные тоже едят мясо, но нужно ли воздерживаться от этого обычая? С другой стороны, если император ест мясо, не нужно ли

ему проводить воздержание? Я, глупый человек, думаю, что в обычае древних людей есть мясо, нет ничего постыдного. Ведь на столе мудрых правителей древности всегда были мясные блюда. И говорят, что на больших пирах их тоже подавали. Наверное, запреты на мясо появились позже. Я не знаю точно, когда. Я не знаю, когда точно появились ширмы с изображением годового цикла. Надо бы узнать об этом поподробнее.

47. О том, как актеры «сюсо» и «саругаку»^[1257] стали одеваться в изысканные одежды.

Говорят, что актеры «сюсо» и «саругаку» стали одеваться в изысканные одежды с тех пор, как государь Госандзё сделал подношение храму Энсюдзи, одарив людей одеяниями для танцев. Тосицуна-но Асоми^[1258] первый придумал это.

Свиток третий

Раздел 4. О разном

Глава 2

1. О том, что приключилось с Киби-но Макиби^[1259], когда он прибыл в Китай.

Когда министр Киби Макиби прибыл в Китай, он изучал даосизм, был сведущ во всяческих искусствах и был необычайно сообразительным. Китайцы поняли, что они даже уступают Макиби. Поэтому они тайно сговорились: «Никак не успокойся из-за него. Нельзя же уступать даже в самых простых вещах. Когда к нам придут японские послы, мы попросим их поселиться в высоком доме. Не следует спрашивать о мелочах. Почти все, кто оставался жить на высоком доме, погибали. Поэтому сначала необходимо попросить его попробовать пожить в этом доме. Будет несправедливо, если мы его просто убьем. Если он захочет выбраться из высокого дома, то он все равно не сможет, а если и сможет продержаться там, мы сумеем поиздеваться над ним». Когда Макиби привели в высокий дом, уже была поздняя ночь. Дул ветер и лил дождь, и в этот момент пред ним предстал демон.

Макиби совершил особое заклинание и стал невидимым для демона. Макиби обратился к демону: «Кто ты такой? Я посланец японского государя. Я не пожалею судьбы ради него. Зачем ты, демон, явился сюда?» Демон в ответ сказал: «Я безмерно рад. Я ведь тоже посланец японского государя. Расскажи о себе». Макиби поведал

следующее: «Коли так, то входи поскорее. Мне даже интересно посмотреть на облик демона», пока он так говорил, перед ним появился демон в полном служебном облачении. Демон обратился к Макиби: «Я тоже был послан в Китай. Не служит ли сейчас при дворе мои дети, из рода Абэ? Всегда хотел узнать об этом, но мне никак не удавалось. Я приехал сюда министром, потом меня привели в это высокое здание, где я и умер, так как мне не давали еды. После этого я превратился в демона. Я не причиняю вреда тем, кто находится здесь, они сами виноваты. Я появляюсь перед людьми, хочу спросить о том, что происходит в Японии, но они все умирают, не успевая ответить на мой вопрос. Есть ли мои потомки среди нынешних чиновников?» Макиби сказал демону, что напоминает семь или восемь потомков демона, служащих при дворе. Демон, выслушав его рассказ, чрезвычайно удивился, и сказал, что его радость невозможно выразить словами. В благодарность за это он подробно расскажет Макиби о Китае. Макиби тоже был очень рад, так как подумал, что это именно то, что ему и нужно. На рассвете демон исчез.

Утром двери открыли, дабы принести Макиби еду и оказалось, что он совсем не пострадал от демона. Китайцы, узнав об этом, очень удивились, сказав, что это нечто необыкновенное. Вечером же опять появился демон, сказав: «В этой стране замышляют одно дело. Здесь относятся с подозрением к талантливым японским послам. Их заставляют читать некую книгу, намереваясь посмеяться над ошибками посла». Макиби спрашивает у демона, что же это за книга. Демон говорит: «Это очень трудная для японцев книга. Она называется «Вэнь сюань», в ней тридцать свитков, это антология лучших сочинений из разных собраний». Тогда Макиби обратился к демону: «А не мог бы ты разузнать, как читают эту книгу сами китайцы и пересказать услышанное мне?» Демон ответил: «Тут я не могу тебе помочь. А не хочешь ли ты сам послушать, как разучивают эту книгу?» Макиби говорит: «Да как же я выйду из этого дома? Двери-то закрыты». Тут демон и говорит: «Я могу полететь, если захочу. А когда мы окажемся на месте, можно и подслушать». Так они просочились через замочную скважину и оказались там, где разучивали «Вэнь сюань». При дворе китайского императора тридцать ученых-конфуцианцев всю ночь разучивали эту книгу, Макиби внимательно слушал, а потом вернулся назад. Демон спросил Макиби: «Все ли ты слышал?» Макиби отвечает, что все, и просит у демона десять свитков старых календарей. Демон пообещал ему, и вскоре появился с десятью свитками. Макиби принял их и на трех-четырёх листах за-

писал первый раздел [«Вэнь сюань»]. Прошел день или два, вся «Вэнь сюань» была записана. Посланники китайского императора, увидев это, удивились и спросили Макиби, есть ли у него другие свитки. Макиби ответил, что у него их много и он часто передает их все чиновникам [японского посольства]. Когда об этом доложили императору, тот спросил, что неужели «Вэнь сюань» уже есть у японцев. Макиби ответил: «Прошло уже много лет с того времени, как она попала в Японию. Эта книга называется «Вэнь сюань», и японцы часто читают ее». Китайцы стали спрашивать, та ли эта книга, которую читают в Китае. Макиби предложил сравнить все тридцать свитков, и благодаря хитрости Макиби «Вэнь сюань» попала в Японию.

Говорят, что китайцы замышляли еще одну гадость. «Пусть он обладает талантами, но не обязательно, что у него есть сноровка. Надо попробовать поиграть с ним в го», — решили они. Белые камешки стали Японией, черные — Китаем. «Если Япония проиграет, то наш гость будет убит», — решили китайцы. Демон узнал об этом и рассказал Макиби. Тот разузнал у демона все об игре в «го». Когда Макиби прибыл на туда, где должны были играть в «го», пересчитал все доски на потолке и насчитал триста шестьдесят и стал особенно следить за девятью черными точками на доске. Наступила ночь и игра окончилась вничью. Китайцы выставили самого лучшего игрока и заставили Макиби играть снова. Игра опять закончилась вничью, судьба Макиби не была решена. Тогда тайком от китайцев Макиби проглотил один черный камешек, и в самый решающий момент черные проиграли. Китайцы стали говорить: «Странно. Как-то все подозрительно». Стали пересчитывать камешки, и оказалось, что не хватает одного черного. Стали гадать, оказалось, что кто-то проглотил камешек. Стали спорить, а камешек уже опустился в желудок. Макиби стали поить разными слабительными, но он прочитал заклинание, и лекарства не подействовали. Так все и кончилось победой Макиби. Но китайцы еще больше рассердились и перестали давать Макиби пищу. Каждую ночь демон приносил Макиби еду, и так прошло несколько месяцев.

И вот как-то раз приходит к Макиби демон и говорит: «Опять китайцы замышляют нечто новое. Я не смогу помочь. Ты предстанешь перед знаменитым и мудрейшим монахом, который практикует тайные обряды. Демон или человек, умеющий общаться с духами, не может проникнуть к нему. Он напишет текст, и ты должен будешь прочесть его. Я не в силах оказать помощь тебе». Пока Макиби собирался с силами, к нему, как он и думал, пришли китайцы, и пре-

проводили его к императору. Когда его заставили читать текст, перед глазами Макиби потемнело, и сколько он не всматривался в текст, он не мог рассмотреть знаки. Тогда он повернулся в сторону Японии и стал молиться японским Светлейшему божеству Сумиёси, Будде и Бодхисатве Каннон из Хасэ. Перед глазами Макиби немного просветлело, он смог разглядеть знаки. Но Макиби не знал, как они читаются, и тогда на текст упал паучок и, следя за его нитью Макиби смог прочесть текст. И император, и монах, придумавший текст, были сильно удивлены, и Макиби снова отправили в высокий дом. Теперь ему вообще перестали давать еду, надеясь таким способом уморить голодом, решив, что теперь они никогда не отворят двери. Демон, узнав об этом, все поведал Макиби. Макиби сказал: «Это весьма печальная новость. Не мог бы ты достать для меня китайский стакан и доску для игры в кости, которым уже более ста лет?» Демон согласился и принес ему. Макиби положил кости на доску, накрыл их стаканом, и в Китае пропали луна и солнце. Прошло два-три дня, и в Китае заволновались все, начиная от императора и заканчивая простым народом, словно вся земля взывала о помощи. Стали гадать, и оказалось, что Макиби удерживает луну и солнце. Стали гадать о направлении, и гадатель указал на дом, в котором был заключен Макиби. Стали допрашивать Макиби, тот отвечает: «Ничего я не знаю. Может быть, это ответ японских божеств и будд, которым я молюсь каждый день, я, которого вы тут мучаете безо всяких на то оснований. Пока вы не разрешите мне вернуться в Японию, луна и солнце не вернуться на небо». Китайцы сказали: «Ну что ж, мы позволим тебе вернуться. Скорее выпусти на небо луну и солнце». Он поднял стакан, луна и солнце вернулись на небо и благодаря этому, говорят, Макиби смог отправиться обратно в Японию.

Некто говорил: «Я нигде об этом не читал, но рассказываю вам эту историю потому, что слышал ее от моего прадеда, покойного Татибана-но Асоми Такатика. Уж он-то знал ее не понаслышке. Что-то о Киби Макиби, наверное, можно узнать и из книг. Единственный выдающийся человек в Японии — это министр Киби. «Вэнь сюань», «го», предсказания из Яматай — это все его заслуги».

2. О том, как Киби-но Макиби продвигался по службе.

Киби Макиби — сын младшего командира Правой управы дворцовой охраны Симомити-но Асоми Куникацу. Настоящее родовое имя Киби-Симомити. 11-го дня 9-го лунного месяца 8-го года Тэмпё ходзи^[1260] ему был присвоен третий младший ранг и наградной ранг

второй ступени. Он был назначен придворным советником и старшим командиром Центральной управы охраны дворца. В 4-м лунном месяце 7-го года Тэмпё^[1261] он был отправлен в Китай учиться. [По возвращении] ему был присвоен шестой младший ранг нижней ступени и Киби был назначен помощником главы столичной школы чиновников. Начал же Киби чиновничью службу с восьмого младшего ранга нижней ступени. По возвращении в Японию Киби преподнес государю сто пятьдесят свитков различных сочинений, лук и стрелы. Полный список можно найти в двадцатом свитке «Сёку ни-хонги». В день младшего брата металла и быка 1-го лунного месяца 8-го года Тэмпё^[1262] ему был пожалован внешний пятый младший ранг нижней ступени. Он стал наставником будущей государыни Кокэн. В день старшего брата земли и мыши 2-го лунного месяца 9-го года Тэмпё^[1263] ему был пожалован внутренний пятый младший ранг нижней ступени. В день старшего брата огня и тигра 12-го лунного месяца того же года ему был пожалован пятый младший ранг верхней ступени. Киби-но Макиби назначили на должность в Управлении делами государыни, где он заместителем управляющего. Киби получил от наследного принца текст «Хань шу», принц очень любил его, и даровал ему родовое имя Киби-но Асоми. Вот так он продвигался и за семь лет поднялся до четвертого младшего ранга верхней ступени и поста Управителя Правой половины столицы, а также Главы Правой управы дворцовой охраны. В 11-м году Тэмпё^[1264] он был назначен старшим помощником наместника на Дадзайфу. Во 2-м году Тэмпё сёхо^[1265] Киби-но Макиби был сослан на Кюсю, а позднее получил назначение на пост управителя провинции Бидзэн. В 4-м году Тэмпё сёхо^[1266] он был назначен заместителем посла в Китай. В 6-м лунном месяце 6-го года Тэмпё сёхо^[1267] ему был пожалован четвертый старший ранг младшей ступени. Он был назначен наместником на Дадзайфу и ответственным за строительство храма Тодайдзи. Позднее Киби-но Макиби назначили придворным советником. В 8-й день 1-го лунного месяца 2-го года Тэмпё дзинго^[1268] он был назначен средним советником двора, в 16-й день 3-го лунного месяца того же года — «дайнагоном», а в 22-й день 10-го лунного месяца — Правым министром. В день младшего брата воды и зайца 2-го лунного месяца 3-го года Дзинго кэйун^[1269] государь совершил высочайший выезд в усадьбу Киби и пожаловал ему второй младший ранг. Это стало для Киби большой радостью. Он также был назначен ответственным за постройку храма Тодайдзи. В 10-м лунном месяце 1-го года Хоки^[1270] Киби-но Макиби отказался от поста стар-

шего командира Центральной управы дворцовой охраны, а в 3-м лунном месяце 2-го года Хоки^[1271] оставил службу. Тогда ему было семьдесят девять лет. Во 2-й день 10-го лунного месяца Киби-но Макиби скончался. Некоторые утверждают, что он умер в 22-й день 10-го лунного месяца, в возрасте восемьдесят одного года. В хрониках же написано, что в возрасте восьмидесяти трех лет. Он родился в год старшего брата дерева и лошади. Надо поискать в хрониках, в каком году он вернулся из Китая.

3. О стихотворении Абэ-но Накамаро^[1272].

«Во втором году Рэйки^[1273] Накамаро был назначен послом в Китай, прибыв туда, он уже не вернулся в Японию. Он умер с голода в высоком доме. Когда Киби-но Макиби приехал в Китай, он предстал перед ним в облике демона, беседовал с министром Киби, рассказал ему о Китае. Накамаро более не возвратился в Японию. Говорят, что сочинять стихотворения запрещено, но как же ему должно быть тоскливо там». Накахара-но Морокиё ответил на это стихотворением:

«Смотрю в даль Небесной равнины

О, луна, поднявшаяся с гор Микаса в Касуга!»

Считается, что это стихотворение сочинил сам Накамаро. Он ведь отправился из Японии в качестве посланника. Но мог ли он сочинить такое стихотворение, пока находился в Китае? Почему же он умер? Наверное, были какие-то запреты на сочинение стихотворений. Так в 3-м лунном месяце 4-го года Эйкю^[1274] говорил Моротоо.

4. О том, как государь Кадзан впрягал в паланкин собаку и ездил на ней по городу^[1275].

5. О том, что экс-государь Сэйва был в прошлой жизни монахом.

Говорят, что экс-государь Сэйва^[1276] в прошлой жизни был монахом и хотел стать одним из десяти священнослужителей, которые прислуживают во дворце. Государь Ниммё^[1277] был согласен с его назначением. Так получилось, что монах этот был уволен со службы, так как прислуживал Томо-но Ёсио. В сердцах монах прочитал сутру лотоса три тысячи раз. В своем обете он написал: «Пусть сила тысячи сутр сделает меня в следующей жизни государем. Пусть сила тысячи сутр помешает Ёсио сделать это. Пусть оставшаяся сила тысячи сутр уничтожит мои привязанности, удалит страдания и позволит мне обрести путь». И вскоре после своей смерти он переродился в образе государя Сэйва. Хотя государь еще был совсем маленьким, благодаря карме, накопленной в прошлых перерождениях, он по разным причинам невзлюбил Томо-но Ёсио. Ёсио, узнав об этом, по-

советовался с ямабуси и стал исполнять обряд Бодхисатвы Нёриин. Благодаря этому он завоевал любовь правящего государя. И хотя говорят, что все есть проявление кармы. Тем не менее, совершив преступление, всегда получишь соответствующее наказание.

6. О том, что род Сугавара происходит от рода Хадзи. О том, что хотя потомки Сугавара^[1278] многочисленны, но они не могут занимать высокие посты.

Говорят, что потомки Сугавара многочисленны, но они не могут занимать высокие посты. Этому есть свои причины. Первоначальное родовое имя Сугавара — Хадзи. Родовое святилище Хадайдэра находится в провинции Кавати. Бывало так, что, когда умирал правитель, вместе с ним хоронили еще кого-нибудь. Это китайский обычай. В Японии раньше было тоже так. И вот мастера из рода Хадзи стали делать глиняные фигурки и хоронить их вместо живых людей. Это можно найти и в своде внутриведомственных инструкций-«кяку». Хадзи спасли жизни многим простолюдинам. Но если это так, то нельзя сказать, что это была верная служба на благо государства. Поэтому-то род Сугавара хоть и многочислен, но лишь немногие дослуживаются до высоких постов. Рассказывают и о других секретах знаменитых родов.

7. О происхождении «дайнагона» Томо^[1279].

Некто спросил: «Знаете ли вы о предках «дайнагона» Томо?» На это ему ответили: «Разве существуют записи рода Томо?» Бывает, что говорят: «Я слышал кое-что, но это расходится с написанным в «Записях рода Томо». Будто бы «дайнагон» Томо был выходцем из простолюдинов, проживающих в провинции Садо, и был слугой управителя провинции. Однажды Ёсио увидел сон. Словно он стоит, широко расставив ноги, так что внизу простерлись западный и восточный храмы столицы. Ёсио поведал этот сон своей жене, и та сказала: «Смотри же, чтобы ноги твои не разорвались, пока ты смотришь такие сны». Ёсио испугался, поняв, что рассказал жене лишнее, и отправился к управителю провинции. Этот управитель провинции был замечательным физиономистом. Случилось так, что Ёсио отправился к управителю провинции прямо на следующее утро после того, как ему приснился сон. Управитель провинции вышел к Ёсио, усадил его на соломенную подстилку. Ёсио удивился такому обращению и подумал, что управитель провинции, наверное, скажет ему такую же нелепость, что и его жена. И тут управитель провинции говорит: «Ты видел сон, предвещающий, что ты станешь знаменитым человеком. Но ты рассказал о своем сне неподобающему человеку.

Ты обязательно поднимешься до высокого поста, но что-то неожиданно случится и ты будешь вовлечен в какое-то дело». Прошло некоторое время, и Ёсио, как и предвещал сон, переехал в столицу. Через семь лет он поднялся до «дайнагона», но как и следовало из толкования его сна, Ёсио был сослан в провинцию Идзу. Об этом я слышал от моего деда, Оэ-но Такатика. После этого, и Хиротоси^[1280], и мой отец, Тосисада^[1281], и другие жители нашей страны рассказывали об этом.

8. О том, как «дайнагон» Томо переродился в «Кагэю сёко».

Говорят, что нынешний «Кагэю сёко»^[1282] — это перевоплощение «дайнагона» Томо. В провинции Идзу сохранился портрет «дайнагона» Томо. Человек, изображенный на этом портрете, неотличим от Арикуни. Да и сам Ёсио перед смертью говорил: «В будущей жизни я хотел бы опять служить государю».

9. О том, что государь Ниммё жил в Грушевом павильоне.

Говорят, что Грушевый павильон находится к западу от Левого управы личной охраны государя. Там жил государь Ниммё. Об этом сохранились достоверные записи.

10. О том, как государь Кадзан после пострижения в монахи жил в дальнем павильоне у западной башни на горе Хиэй^[1283].

11. Дом Левого министра Минамото-но Тоору^[1284] — Каварани^[1285].

12. О том, что дом министра Фудзивара-но Оцугу^[1286] находится на Черепичном холме.

Говорят, что дом министра Фудзивара-но Оцугу расположен в восточной части Черепичного холма, к северу от храма Ходзюдзи. Поэтому его называют министром, живущим у подножья горы. Покойный глава Министерства гражданских дел и «дайнагон» Фудзивара-но Цунэто^[1287] говорил: «В «Записях сановника»^[1288] указано, что его дом находится на юго-востоке от храма Ходзюдзи. Сейчас там располагается храм Каннондзи».

13. О министре Фудзивара-но Накахира^[1289].

Фудзивара-но Корэфуса говорил, что министр Накахира — богатый человек. Четвертую часть усадьбы Бива он отвел под жилые строения, а остальные строения — под кладовые. Он любил редкие вещи. Сокровища Накахира неисчислимы.

14. О том, что удавалось Фудзивара-но Такаката^[1290].

Можно насчитать восемнадцать дел, которые удавались Такаката во дворце. Игра в «го» входит в эти восемнадцать дел. Так о нем шутили.

15. То, о чем говорил вступивший на Путь «тюнагон» Акимото^[1291].

Вступивший на путь «тюнагон» Акимото всегда говорил: «О, как хотел бы я смотреть на луну, будучи без вины сосланным».

16. О том, как сановника Тадасукэ^[1292] прозвали «тюнагоном, который смотрит на небо» и о военачальнике Наритоки.

Говорят, что сановника Фудзивара-но Тадасукэ люди прозвали «тюнагоном, который смотрит на небо». Военачальник Наритоки из усадьбы Коитидзё, встретившись с ним, спросил Тадасукэ: «Что сейчас происходит на небе?». Тадасукэ ответил: «Появилась звезда, которая затмит Венеру^[1293]». Через некоторое время Наритоки скончался^[1294].

17. О том, как управляющего делами Дайдзёкана Фудзивара-но Корэсигэ прозвали «управляющим делами, который косит поля».

Говорят, что управляющего делами [Дайдзёкана Фудзивара-но] Корэсигэ прозвали «управляющим делами, который косит поля», потому что он как-то раз распорядился, чтобы скосили все заливные поля при государевом дворце, в Западной половине столицы и у центральных ворот Судзакумон, что в центре столичного града.

18. О том, как Минамото-но Митинари^[1295] прозвали «путешественником в лодке».

Говорят, что Минамото-но Митинари, когда он служил канцелярии государя, Минамото-но Ёрисада^[1296] прозвал «путешественником в лодке». Если Митинари был спокоен, он выглядел весьма изящно. Но по своей природе он был человеком недобрым, так что к нему страшновато было и обратиться. Однако, когда он садился в лодку в хорошую погоду, то приходил в прекрасное расположение духа. Ну а если дул сильный ветер и поднимались волны, никто не смел к нему приблизиться. Поэтому его и прозвали «путешественником в лодке»^[1297].

19. О том, как Фудзивара-но Такамицу^[1298] прозвали «львом на церемонии Великого Будды».

Говорят, что Фудзивара-но Такамицу называли «львом на церемонии Великого Будды», поскольку рост его был внушительен, а сам он при этом мало, о чем думал^[1299].

20. Фудзивара-но Арикуни и обряд нападения на человека в темноте.

Раньше был такой обряд, когда на человека нападали в темноте. Арикуни, узнав об этом, сказал: «Надо тайком принести в то темное место масло, и незаметно полить им рукава человека, который напа-

дет на тебя, на следующий день можно узнать человека по масляным пятнам».

21. О том, что о выдающемся человеке говорят: «Правый сослан, левый умер».

Говорят, что о выдающемся человеке можно услышать: «Правый сослан, левый умер» Эти четыре иероглифа следует читать по чтению [китайского государства] У. Есть история, объясняющая появление этой поговорки. В древности Сугавара-но Митидзанэ был Правым министром, а Фудзивара-но Токихира^[1300] — Левым. У каждого из них было много сторонников при дворе. Но впоследствии Правый министр был сослан, а Левый — умер. Вот с тех пор люди и говорят о человеке, имеющем много сторонников: «Правый сослан, левый умер».

22. О том, как Глава Министерства Народных дел Тадафуми любил соколов.

Говорят, что Глава Министерства Народных дел Тадафуми любил соколов. Принц Сигэакира^[1301] захотел заполучить одного из его соколов, и поэтому направился в Удзи. Тадафуми преподнес принцу Сигэакира сокола. Сигэакира взял сокола в руки и удалился. По дороге им попала птица, но сокол выглядел слишком ничтожным и даже не пытался ее схватить. Принц сразу же повернул назад и вернул Тадафуми его сокола. Тадафуми вынес другого сокола, и со словами: «Я хотел бы преподнести вам еще и этого сокола, но, боюсь, он вам не пригодится», — преподнес его принцу. Глава Министерства церемоний Сигэакира принял сокола и вернулся домой. Когда на пути ему встречалась птица, он отпускал сокола, и тот скрывался в облаках. Если сокол видел птицу в пятидесяти «дзё» от него, говорят, что он непременно ловил ее. Может быть, сокол знал, что его хозяин простой человек, и поэтому скрывался высоко в облаках?».

23. О том, как «дайнагон» Митиакира ездил на рынок и делал там покупки.

Говорят, что в древности многие люди сами ездили на рынок за покупками. Так, Митиакира, однажды поехал с одной из своих жеп на рынок за покупками, и там встретил старуху. Увидев жену «дайнагона», старуха сказала ей: «Ты, должно быть, жена «дайнагона», а увидев Митиакира — «Наверное, этого человека?»

24. О том, как Фудзивара-но Мунэтада покупал камни.

Говорят, что управитель провинции Бинго Фудзивара-но Мунэтада приобрел усадьбу Каньин^[1302]. Он решил построить в усадьбе скалу и источник, распространенные в то время. Но никак не мог

подобрать подходящие камни, дабы соорудить скалу. Тогда за один рё золота он приобрел камень. Слух об этом разнесся по столице. Некто, занимавшийся такими делами, собрал большие камни причудливой формы и, желая их продать, доставил эти камни в усадьбу Мунэтада. Однако Мунэтада ответил ему, что он больше не покупает камни. Рассказывают, что торговец выбросил все камни прямо у ворот усадьбы Мунэтада. Позднее Мунэтада из выброшенных торговцем камней выбрал подходящие и положил их в саду.

25. О том, как Татибана-но Норимицу^[1303] смог поймать вора.

Говорят, что Татибана-но Норимицу сам смог поймать вора в доме «дайнагона» Таданобу. Был он необычайно смелым человеком.

26. О том, как Фудзивара-но Ясусукэ^[1304] был главарем банды воров.

Говорят, что сын Фудзивара-но Мунэтада, Ясусукэ был главарем банды воров. После того, как его обнаружили и посадили в тюрьму, Мунэтада сам прибыл в судебное присутствие и потребовал показать ему узника, дабы лично убедиться, что это Ясусукэ^[1305].

27. О споре Миёси-но Киёюки и Ки-но Хасэо.

Говорят, что когда Миёси-но Киёюки и Ки-но Хасэо поспорили, Киёюки сказал Хасэо: «Ты — первый бесталаный профессор столичной школы чиновников». Тогда Хасэо имел ученое звание «сюсай». Как подумаешь об этом, понимаешь, что Киёюки был самым образованным человеком. Такатоки, услышав об этом, сказал: «Нет ничего постыдного в том, чтобы проиграть в схватке двух драконов».

28. О вражде Фудзивара-но Суганэ^[1306] и Сугавара-но Митидзанэ.

Говорят, что Фудзивара-но Суганэ и Сугавара-но Митидзанэ были врагами. Когда было принято решение о том, чтобы сослать Митидзанэ, экс-государь Уда хотел помешать этому и приказал придворным явиться во дворец. Суганэ не последовал приказу Уда и уговорил придворных не появляться во дворце экс-государя. Таков был план Суганэ^[1307].

29. О том, как Сугавара-но Митидзанэ дал пощечину Фудзивара-но Суганэ.

Говорят, Суганэ был очень способным придворным. Но, несмотря на это, он получил пощечину в ночь старшего брата обезьяны и дерева от божества Тэндзина, т. е. Сугавара-но Митидзанэ.

30. О том, как Фудзивара-но Арикуни и Тайра-но Корэнака возненавидели друг друга.

Говорят, что Фудзивара-но Арикуни и Тайра-но Корэнака возненавидели друг друга еще с тех пор, как Арикуни был назначен управителем провинции Ивами, а Корэнака — управителем провинции Хёго. Их посланники, отправленные в синтоистские храмы для осуществления надлежащих церемоний, поссорились.

31. О том, как Арикуни преподнес Корэсигэ список его свиты.

Говорят, однажды Арикуни преподнес Корэсигэ список его свиты. Корэсигэ, увидев его, удивился: «Ведь получается, что раньше имена Арикуни и Корэсигэ стояли рядом. Да на что же это похоже?» Арикуни отвечал ему: «Нужно уметь склонить голову, если ты хочешь подняться над всеми».

32. О том, как дух министра Тоору схватил экс-государя Уда за поясницу.

Сановник Сукэнака^[1308] рассказывал, что однажды государь Уда выехал со своей наложницей Кёгоку в усадьбу Кавараин. Там государь наслаждался красотой гор и рек. Наступила ночь, и стало светло от лунного света. Из повозки вынули циновки и сделали из них кровать для государя, на них он и расположился со своей наложницей. Вдруг кто-то вошел в кладовку, открыл дверь и появился перед государем. На вопрос государя, кто он такой, человек ответил, что его зовут Минамото-но Тоору и он хотел бы заполучить наложницу государя. «При жизни ты был простым подданным, я же государь. Как же тебе не стыдно говорить такое? Уходи отсюда», — сказал ему государь. Дух Тоору, испугавшись слов государя, схватил его за поясницу. Наложница была полумертва от страха, ее лицо побелело. Все передовые, прислуживающие правителю, были за срединными воротами, они не могли услышать голос государя. Только мальчик-погонщик быков был поблизости, он-то и прибежал к государю, подозвал людей, которые подвезли паланкин. Наложницу перенесли в паланкин, она была бледна и не могла подняться на ноги. Уложив ее в паланкин, наложницу перевезли назад во дворец. Призвали святого Дзёдзо, он прочитал над ней молитвы, и, говорят, наложница немного ожила. Благодаря силе кармы, накопленной в предыдущих жизнях, государь Уда смог переродиться правителем Японии. Даже после отречения от трона его охраняют божества земли и неба, поэтому государь Уда смог прогнать дух Тоору. На двери остались следы от какого-то оружия. Говорят, что эти следы остались, когда божества загоняли дух в кладовку. Некто сказал: «Когда государь находится во внутренних покоях, дух Тоору — где-то у перил».

33. О том, как управляющий делами Дайдзёкана Кинтада^[1309] неожиданно скончался, а потом ожил.

Говорят, что управляющий делами Дайдзёкана Кинтада неожиданно скончался, а через два-три дня ожил и сразу же сказал своим домашним, что он собирается поехать во дворец. Домашние не поверили, подумав, что он шутит. Но Кинтада настаивал, и с помощью слуг он выехал во дворец. Пройдя через охрану, он заявил о себе. Государь Дайго удивился и пожелал встретиться с Кинтада. Кинтада доложил государю: «После того, как я умер, я очнулся во дворце царя Эмма. Перед воротами стоял один человек. Роста в нем было больше одного «дзё», на нем были фиолетовые одежды. Человек протянул мне свиток, написанный золотом, и сказал, что он никак не может успокоиться из-за поступков государя Дайго. В зале сидели человек тридцать, облаченных в пурпурные и фиолетовые одежды. Человек, сидевший на второй подушке, сказал, смеясь: «До чего же легкомыслен государь Дайго. Или он все-таки поменяет девиз правления?» На этом все кончилось, словно сон, и я опять ожил. Благодаря Кинтада девиз правления был вскоре изменен на «Энтё». Этот рассказ восходит еще к древним книгам.

34. О том, как дух Сукэماسа стал причиной болезни Юкинари.

Прежний управитель провинции Осю рассказывал: «Сукэмаса, будучи еще жив, и Юкинари получили государево распоряжение сделать надпись. Юкинари не сообщил об этом Сукэмасе, и уже собирался взяться за кисть, как перед ним появился дух Сукэмасе и Юкинари заболел. По прошествии нескольких дней оказалось, что Юкинари серьезно болен. Я рассказал об этом начальнику интендантского управления Фудзивара-но Кинцунэ, встретившись с ним. Кинцунэ мне ответил: «Пока Сукэмасе был жив, разве мог Юкинари получить возможность сделать хоть одну надпись?»

35. О том, как дух принца Канэакира мучил Сукэмасе болезнями.

Когда принц Канэакира сокрылся от мира, Сукэмасе часто получал распоряжения государя и был вынужден переписывать их. И вот тогда его постоянно мучил дух принца Канэакира, который причинял ему болезни. Управитель провинции Осю перепутал все в предыдущем рассказе.

36. О том, как Марс выпустил стрелу в Фудзивара-но Мунэтада.

Говорят, что управитель провинции Бинго Фудзивара-но Мунэтада был «куродо» во времена правления государя Мураками. Как-то государь позвал к себе «тэммон хакасэ»^[1310] Камо-но Ясунори^[1311] и

спросил его о чем-то. Мунэтада сопровождал Ясунори, а потому немного осведомился о небесных светилах. Позднее, не найдя собеседника, Мунэтада стал рассуждать о небесных светилах в отхожем месте. Случайно поблизости оказался человек, стрелявший из лука. Стрела попала в ограду. Мунэтада удивился и сказал: «Это не случайно. Я размышляю о небесных светилах в отхожем месте. По этой причине Марс выпустил в меня стрелу. Но в этом году я под защитой Юпитера и стрела попала только в ограду».

37. О том, как «оммёси» Югэ-но Корэо^[1312] встретился у ворот Судзаку с божеством^[1313].

38. О том, как Оно-но Такамура и Фудзивара-но Такафудзи^[1314] повстречались с ночным шествием ста демонов.

Говорят, что Оно-но Такамура и Фудзивара-но Такафудзи, когда он был еще «тюнагоном», однажды ночью повстречались у ворот Судзаку с шествием ста демонов. Такафудзи даже покинул паланкин. Демоны и божества, увидев его, сказали: «Дхарани Сонсё». Говорят, это потому, что кормилица Такафудзи без ведома зашила в его одежду эту дхарани. Оно-но Такамура тогда поблагодарил Такафудзи за его доброту, за то, что он мог повстречаться с демонами.

39. О том, как Оно-но Такамура сидел на второй подушке в управе царя Эмма.

Через пять-шесть месяцев после этого наступило время, когда Такамура должен был приступить к сверке документов во дворце. Тогда кто-то перерезал в паланкине Такафудзи, стоявшей у ворот Ёмэй, занавеси и хомут. Такамура в то время служил в ревизионной канцелярии Большого государственного совета. Такамура сразу же отправился в усадьбу к Фуюцугу, отцу Такафудзи, и когда он собирался сообщить об этом, Такафудзи неожиданно стал умирать. Такамура схватил его за руку и стал тормошит, и, в итоге, оживил. Такафудзи спустился в сад и исполнил благодарственный танец перед Такамура. «Я пришел в себя, когда очутился в управе царя Эмма. Мне было сказано, что управляющий делами Дайдзёкана Такамура сидит там, на второй подушке. Поэтому я и исполнил благодарственный танец».

40. О том, как «Тотоку^[1315]» был объявлен спустившимся на землю Марсом.

Я слышал, что люди рассказывают разные истории обо мне, Оэ-но Масафуса. В прошлом году «оммёси» Кёдзо^[1316] пришел ко мне и говорит: «Люди называют Масафуса спустившимся на землю Марсом. Поэтому он пришел, чтобы пожаловаться в управу царя Эмма».

После этого я стал считать себя необыкновенным человеком. Во времена танского императора Тай-цзуна^[1317] поговаривали, что звезда Марс спустилась в горы между Янь и Чжао. Человек по имени Ли Чунь-фэн^[1318] говорил, что видел, как Марс спустился на землю. Государь Тай-цзун отправил на поиски людей, и, говорят, они обнаружили седовласого старца. Еще говорят, что Ли Чунь-фэн тоже был сошедшим на землю Марсом. Таким Марсом можно назвать любого человека.

41. О том, что кукушка — дочь соловья.

Минамото-но Цунэнобу рассказывал: «Кукушки в действительности не существует. Птица, которая одолжила денег кукушке, чтобы та купила себе обувь, зовет ее: «Кукушка, кукушка». Но кукушка прячется в зарослях цветов «у», и откликается так же. В «Мангьёсю» говорится, что кукушка — дочь соловья^[1319]. Давным-давно он вил гнезда в тени деревьев, растущих у домов людей. Когда птенцы подросли, оказалось, что в гнезде сидит птица значительно больше соловья. Она уже вся покрылась перьями и чистила свои крылья. Когда к ней попробовали приблизиться, птица улетела, прокричав: «Кукушка».

42. О том, как во время правления государя Сага часто появлялись надписи.

Во время правления государя Сага часто появлялась надпись «Муакүдзэн». Оно-но Такамура истолковал надпись следующим образом: «Хорошо было бы, если бы государь Сага умер». Государь услышал об этом, и решил, что надпись сделал сам Такамура, и собрался обвинить во всем его. Но Такамура отвечал правителю: «Нет, такое не может случиться. Если меня постигнет наказание, то наука придет в упадок». Государь согласился, сказав, что это действительно веская причина и предложил Такамура прочитать следующие тексты:

Когда ждешь лунной ночью человека, который не придет,
И так хочется, чтобы хоть чуть-чуть пошел дождь
В тоске засыпаешь.

Еще одна надпись — «Десять. Двадцать. Тридцать. Пятьдесят».

Надпись, подразумевающая зависть — «Благовония с побережья».

Надпись — «Маленькая мерка с рынка».

Желание (любовное письмо из Китая) — «Желаем получить ответ из Японии».

Надпись — «Подрезать верхушку дереву и рассечь луну пополам. Получится иероглиф «не нужно»».

Надпись — «Спать в одиночестве». Один человек говорил: «Коли есть рынок, то есть и песок».

А еще надпись — «Висит веревка».

43. Язык страны Хаси^[1320].

Один — «сасака», два — «тоа», три — «ака», четыре — «намуха», пять — «рима», шесть — «наму», семь — «току», восемь — «гэмбира», девять — «сайбира», десять — «сараро», двадцать — «тоаро», тридцать — «акафуру», сорок — «хихафуру», сто — «сасарато», тысяча — «сасакоро».

44. Синтоистские святилища Мацуура.

Божество обеих святилищ в Мацуура — министр Амитоки.

45. Надпись на древней башне.

Надпись на древней башне гласит: «Чумиза, небо, восемь, один». Её до сих пор не могут понять. Хорошо бы узнать, где находится сама эта башня.

46. Верх и низ «татами».

Говорят, что надо стелить «татами», проверив, где верх, а где низ. Надо сложить пополам, так что лицевое плетение будет внизу. «Татами», которые стелют просто так, не складывая, должны быть внизу.

47. О знаменитых вещах.

Некто спросил: «Есть ли способ узнать знаменитую вещь?».

48. Флейты.

«Большой водопад». «Малый водопад». «Зеленый бамбук». «Два листа». «Зеленая беседка». «Сануки»^[1321]. «Средняя флейта». «Молоток». «Садовый бамбук».

49. Флейты «ёкобуэ».

Флейты «ёкобуэ» — это «Большой водопад» и «Малый водопад». Они считались сокровищами еще во времена правления государя Мураками.

50. «Два листа» — знаменитая флейта.

Рассказывают, что «Два листа» — знаменитая флейта. Ее еще называют флейтой демона из ворот Судзакумон. Однажды святой Дзёнин, играя на флейте, поздно ночью проходил через ворота Судзаку, и услышал голос демона. Так он заполучил эту флейту. Позже она перешла к Фудзивара-но Митинага. Во времена правления Коитидзё^[1322] государь попросил служащего канцелярии Куродо докоро по имени Танигаси^[1323] принести ему эту флейту. Служащий не знал имени флейты и, обратившись к Митинага, сказал, что государь просит «Два листа». Митинага, подумав, что он что-то не так понял, так

как не может быть, чтобы у него не хватало двух зубов, и вспомнил про флейту «Два листа»^[1324].

51. «Благородная» — знаменитая флейта.

Рассказывают, что была знаменитая флейта, которую называли «Благородная». Но она была утрачена. Принц крови Сикибукё^[1325], играя на ней, сломал флейту, стряхивая снег, упавший ему на одежду.

52. О том, как была найдена флейта под названием «Маленькая раскрашенная ракушка».

Говорят, что флейта «Маленькая раскрашенная ракушка» очень знаменита. Во времена правления государя Итидзё она была утеряна. Созвали множество монахов, чтобы они молись о флейте, и через тридцать пять дней она была найдена под Павильоном для купания государя. Когда государь взял ее в руки, оказалось, что флейта ссохлась, и поэтому кончик флейты отрезали. После этого ее звук стал еще более красивым.

53. О том, как Хиромаса^[1326] третьего ранга играл на флейте.

Некто рассказывал: «Когда Хиромаса третьего ранга играл на флейте, он своими звуками разгонял всех демонов. Знаете ли вы об этом?» Ему отвечали: «Как ни странно, но я знаю».

54. Флейты «сё».

«Большая раскрашенная ракушка», «Маленькая раскрашенная ракушка», «Унва», «Храм Хоккэ», «Нет, не хочу менять», «Маленькая флейта».

55. «Нет, не хочу менять» — знаменитая флейта.

Говорят, что «нет, не хочу менять» — знаменитая флейта. Китайцы хотели купить ее и предлагали тысячу коку риса. Но им ответили: «Нет, не хочу менять». Так и стали называть эту флейту.

56. Бива.

«Таинственный лик», «Пасущаяся лошадь», «Загородка на рисовом поле», «Мост животворной прохлады», «Деревянная картина», «Храм Гангодзи», «Маленькая бива», «Безымянная».

57. О происхождении бива «Таинственный лик» и «Пасущаяся лошадь».

Я спросил, когда появились бивы «Таинственный лик» и «Пасущаяся лошадь». Мне отвечали, что эти две бивы, наверное, принадлежали государю Дайго. Тогда жил некто по имени Харуками, который хорошо играл на биве. Я спросил, не от имени ли этого человека произошло название бивы «Гэндзё»-«Таинственный лик»^[1327]. Мне ответили, что об этом они не знают.

58. О том, как демон ворот Судзакумон украл биву «Гэнсё».

Говорят, что давным-давно бива «Гэнсё» была утеряна, и люди не знали, где она может находиться. Государь Энью^[1328] приказал непременно разыскать ее, а потому в течение сорока дней проводились молитвы, и бива, обвязанная веревкой, спустилась с ворот Судзакумон. Бива была украдена демоном ворот Судзакумон и возвращена силой молитвы.

59. О том, как бива «Загородка на рисовом поле» была передана самой любимой принцессе.

«Загородка на рисовом поле» — знаменитая бива. Это бива дамы, которую называют «Любимая принцесса». Она приходится дочерью пятнадцатого внука государя Дайго. Сейчас эта бива хранится в сокровищнице в Удзи. Бива «Мост животворной прохлады» тоже знаменита. Она сокровище принца Сикибукё, проживающего на Третьей линии.

60. Перламутровая бива.

«Перламутровая» — это бива принцессы Такакура. Бивой «Деревянная картина» владеет кто-то из придворных. Бива «Храм Гангодзи», или как ее еще по-другому называют, «Надрезанная бива» хранится в сокровищнице государя Горэйдзэя, но раньше ею владел храм Гангодзи. Когда государь Горэйдзэй был наследным принцем, храму не хватало денег на ремонт, и Распорядитель храмового хозяйства был вынужден продать эту биву. Государь Госудзаку^[1329] приказал расплатиться за нее золотом из сокровищницы. Сейчас этой бивой владеет кто-то их придворных. Знаменитая бива «Безымянная» хранилась в сокровищнице государыни Дзёто монъин, но она сгорела, когда на Третьей линии, в усадьбе Наримаса третьего ранга случился пожар.

61. О биве «Гангодзи».

Бива «Гангодзи» — очень известна. Ее сделал Ясунака^[1330], но человек, занимавшийся изготовлением четок, украл биву и разрезал ее сзади. Поэтому эта бива еще называются «Надрезанная». Сейчас она хранится в сокровищнице государя Горэйдзэя.

62. О «Маленькой биве».

«Маленькая бива» — очень известна. Она находится в сокровищнице государя Горэйдзэя. У нее был очень тонкий звук, так что ошибка в игре сразу была заметна. Фудзивара-но Ёримити созвал мастеров, чтобы они выпилили подходящую деталь, которая должна была заполнить корпус бивы. Опасаясь мести духа, Ёримити вызвал гадателя Ариюки, и с помощью гадания было подтверждено, что можно переделать биву.

63. О том, как Хиромаса третьего ранга учился игре на бива.

Некто спросил: «Известно ли вам, что Хиромаса третьего ранга учился игре на бива у слепого с холма Охака?» На это отвечали: «Нет, не известно». Тогда некто начал рассказывать: «Это довольно интересно. Хиромаса был знаменитым музыкантом, но он постоянно стремился улучшить свое мастерство. Самым лучшим мастером игры на бива считался слепой с холма Охака. Люди пытались научиться у него, но у них ничего не получалось. Да и слепой музыкант ютился в маленьком тесном домишке, так что мало кто навещал его. Хиромаса послал своего слугу, чтобы тот расспросил слепого музыканта: «Почему он живет в таком неприглядном месте? Почему он не переедет в столицу?» Слепой музыкант ответил ему стихотворением:

«Как лучше жить в этом мире? Ведь ни во дворце, ни в соломенной хижине не проживешь вечно».

Когда слуга передал Хиромаса такой ответ, Хиромаса понял, что музыканту отпущен небольшой срок земной жизни. Хотя не известно, сколько осталось и тебе самому, но мелодии «Источник, бегущий по камням» и «Дятел» может объяснить только этот музыкант. Хиромаса решил подслушать игру музыканта и передать, таким образом, эти мелодии. Три года Хиромаса ездил каждую ночь к дому слепого музыканта, тайком выжидая удобного случая, но никто не играл на бива. На третий год в 15-й день 8-го лунного месяца подул легкий ветерок и на луну набежали облака. Хиромаса подумал, до чего же хороша эта ночь. Сегодня слепой музыкант уж точно будет играть «Источник, бегущий по камням» и «Дятла». Хиромаса заготовил нотную тетрадь и направился на холм Охака. Ожидания его оправдались, музыкант начал настраивать бива в тональности «бансики». Хиромаса слушал с большим любопытством. «Дятла» играют в тональности «бансики». Сегодня ночью слепой музыкант тронет струны бива. Наверное, сейчас он собирается с мыслями, прежде чем начать играть, — думал радостно Хиромаса. Слепой музыкант, чтобы скрасить свое одиночество, прочитал стихотворение, хотя рядом с ним никого не было: «Слепой борется с сильным ветром на холме Охака, чтобы прожить эту жизнь».

Прочитав это стихотворение, музыкант тронул струны. На глазах Хиромаса выступили слезы, он заплакал, поняв, что значит по-настоящему любить свое дело. Слепой сказал, ни к кому не обращаясь: «До чего же хороша эта ночь! Ах, если бы были люди с утонченным вкусом, как бы я хотел в эту ночь поиграть с ними вместе и поговорить!» Хиромаса решился заговорить: «Меня зовут Хиромаса, я пришел к вам». «Кто это?», — спросил слепой. «Я тот, о ком вы говори-

ли», — ответил Хиромаса. Слепой музыкант знал о Хиромаса, поэтому был растроган и рассказал Хиромаса многое, на душе у него просветлело и он сыграл для Хиромаса две мелодии. Хиромаса не мог поспеть за бивой, говорят, что он получил ноты от музыканта и вернулся домой. Никто не мог сравниться с этим человеком. Сейчас не сочинить такую мелодию. Да сейчас уже нет людей, преуспевающих сразу в нескольких искусствах. Да, это поистине так». Последовал вопрос: «Я эти мелодии сейчас кто-нибудь играет?» Ответ — «Нет». «А как звали этого слепого человека?» «Я не знаю точно. Но, по-моему, его звали Титосэ». Еще кто-то спрашивал, правда ли то, что Хиромаса еще великолепно владел и флейтой «ёкобуэ». На это отвечали: «Хиромаса был лучшим музыкантом. Никто не мог состязаться с ним. Государь поручал ему исполнить первую мелодию в «Торадэн». Мало кому Хиромаса мог передать свое мастерство. Я был одним из них.

64. Японское кото.

«Над колодцем». «Олень». «Гнилое дерево». «Туман над рекой». «Жрица Камо». «Монах Уда».

65. О кото «Олень» и «Туман над рекой».

Когда говорят о японском кото, вспоминают, прежде всего, кото «Олень». Это кото передавалось государями из поколения в поколение. Кото «Туман над рекой» получила покойная государыня Дзето монъин. Когда Фудзивара-но Мородзанэ был назначен Правым министром, он преподнес ее государю, представ перед ним первый раз, после этого оно перешло к кому-то из придворных. Кото «Монах Уда» — это кото государя Уда. Перед игрой на кото он занимался каллиграфией.

66. Кото «сё».

«Большое перламутровое кото». «Маленькое перламутровое кото». «Осенний ветер».

67. Три барабана.

«Черный барабан». «Храм Дзимёдзи». «Дзимё черный барабан».

68. О том, как определить левую и правую часть у большого барабана.

Говорят, что правую и левую части большого барабана можно определить по тому, что с левой стороны три раза нарисован вихрь. Лицевая часть будет красного цвета. Справа вихрь изображен два раза. Да и лицевая сторона будет синего цвета.

69. Пояса.

«Китайский гусь». «В виде опавших цветов». «Без свешивающихся украшений». «В форме гуся». «В форме облака». «Журавли, летящие

по небу». «Мандаринки, летящие по небу». Пояса «Китайский гусь» и «В виде опавших цветов» хранятся в сокровищнице Фудзивара-но Митинага.

70. Мечи.

«Меч, разрезающий кувшины».

71. «Меч, разрезающий кувшины» принадлежал Чжугэ Ляну^[1331].

Говорят, что меч, разрезающий кувшины, в древности принадлежал знаменитому военачальнику. Этот меч еще называют и мечом Чжугэ Ляна. Меч героя, — так говорят о нем, и это не преувеличение. Так говорил Сукэнака.

72. О «мече, разрезающем кувшины».

Меч, разрезающий кувшины, наверное, сгорел при пожаре. Сейчас об этом не известно. Этот меч передавался из поколения в поколение от государей к наследным принцам. Когда государь Госандзё был еще наследным принцем, то за все двадцать три года, пока он был наследным принцем, Фудзивара-но Ёримити не преподнес ему этот меч. Причина, говорят, в том, что меч — сокровище наследных принцев, происходивших из рода Фудзивара, так почему же он должен получать его? Даже сам государь говорил: «Если я получу этот меч, он не принесет мне никакой пользы. Так что я не желаю его». Говорят, что после восшествия на престол государю преподнесли этот меч. Об этом рассказывают все, жившие давно.

73. Тшечницы.

«Роса». «Клен».

74. Клички знаменитых лошадей.

«Красная шестерка». «Семнадцатый гнедой с холма Хосака». «Любовь». «Птенчик». «Белохвостый». «Ольховая равнина». «Зимородок». «Другой гнедой». «Холм Мисака». «Гнедой из Оми». «Трехдневный месяц». «Бельш». «Японское кото». «Песчаный берег в Удо». «Сандаловый пегий». «В виде птицы». «В виде цветов». «Свет». «Ногути». «Дворцовый мост». «Спереди черный, а сзади пегий». «Спереди пегий, сзади черный». «С пастбища Мотидзуки». «Из Мяги». «Король полей». «Хвост-цветок». «Солнечный свет». «Бабочка на лбу». «Маленький мандарин». «Большой мандарин». «Белая нить». «Шелковая нить, спряженная летом».

75. О служащих личной охраны государя, которые получили особые имена.

Овари-но Ясуи. Его детское имя — «Анго». Говорят, что чтение первого иероглифа в его имени поменялось с китайского на японское. Мутобэ-но Сукэтоси. Овари-но Канэтоки. Яма-но Хирокагэ.

Харима-но Такэнака. Харима-но Садамаса. Манда-но Сукэхира. Симоцукэ-но Сигэюки. Хадзи-но Такэтоси. Киёи-но Масатакэ^[1332].

76. Свита государя.

Во время правления государя Мураками в свиту входили: Овари-но Канэтоки, Симоцукэно-но Сигэюки, Харима-но Ясунобу, Мононобэ-но Такэфуми^[1333]. При государе Энъю — Ясутика и Такэфуми. Во времена государя Итидзё — Хата-но Масатика и Симоцукэно-но Кинтада^[1334]. А при государе Госудзакү — Хата-но Тикатоси и Симоцукэно-но Сукэтомо^[1335]. В свиту государя Горэйдзэя входили Хата-но Тикасигэ и Симоцукэно-но Сукэтомо^[1336].

77. Свита — сокровище государя.

Покойный «дайнагон» Минамото-но Цунэнобу часто говаривал: «Свита — сокровище правителя. Во времена экс-государя Сандзё, говорят, не часто можно было встретить человека, подобного Масатика^[1337]. Пока он был жив, Масатика не уступал по силе гончей лошади. Об остальных сокровищах я напишу на другом листе бумаги».

Свиток пятый

Раздел 5. О стихотворениях «ши»

Глава 2

16. О сочинениях Сугавара [Митидзанэ].

Кто-то сказал: «Сугавара [Фумитоки], третий ранг говорил, что сочинения Сугавара [Митидзанэ] подобны поделке, выточенной из панциря черепахи, украшенной разноцветными красками и золотыми украшениями. Их невозможно постичь. Сочинения Ки [Хасэо] можно сравнить с поделкой, выточенной из кипариса. Она пригодится любому. К этому необходимо стремиться». Как я могу, неспособный и неудачливый ученик, постичь суть сочинения Сугавара [Митидзанэ]? Некто спросил: «Мы не можем понять стихотворения Сугавара [Митидзанэ], но способны постичь творения Бо Цзюй-и. Как это возможно? Зависит ли это от эпохи, когда были написаны стихотворения, или от их стиля?» Соти ответил: «Все зависит от человека. Ки [Хасэо] был современником [Сугавара Митидзанэ], но [их сочинения] различаются. По всей видимости, все дело в непостижимости таинственной сущности^[1338]».

24. О составителях «Нихонги»^[1339].

Некто спросил: «Смотрели ли вы «Нихонги»?» Я ответил: «Простатривал. Но не было времени на углубленное изучение. Любопыт-

но, кем [«Нихонги»] были составлены?». В ответ услышал: «Нихонги» составил принц крови Тонэри^[1340], а «Сёку Нихонги» составил «садайбэн»^[1341] Сугано-но Мамити^[1342]. В благодарность за это ему пожаловали тридцать тё: необлагаемых налогами полей^[1343]. «Сандай дзицуроку» составил Сё:сэнко:^[1344]. «Монтоку дзицуроку» составил Мияко-но Ёсика^[1345], а предисловие написал Суга[вара] дзёсё^[1346]».

44. О том, как Сугавара [Митидзанэ] насмехался над одаренностью [Миёси] Киёюки.

Миёси Киёюки — ученик Косэ Фумио. Косэ Фумио в своем послании так описал достоинства [Миёси] Киёюки: «Киёюки по своей талантливости и известности превосходит всех своих современников»^[1347]. Сугавара [Митидзанэ] смеялся над ним, заменив иероглифическое сочетание «превосходит» на «бездарнее». Он спрашивал [Татибана] Хироми о написанном, но тот лишь отвечал: «Ни чего не знаю! Ничего не знаю!». Сугавара [Митидзанэ] в сердцах сказал [Татибана Хироми]: «Ты ученик моего отца, Корёёси, но у тебя не достаёт доброты и сострадания^[1348]».

56. О том, что дискуссии на литературные темы есть и в Японии, и в Китае.

Даже мудрые люди и благородные мужи могут участвовать в литературных дебатах. Когда император династии Сун Мин-ди^[1349] состязался с Бао Мин-юанем^[1350], то Бао Мин-юань, зная, что император Мин-ди обладает скверным нравом, опасался за свою жизнь и не сумел составить изящное произведение^[1351]. Люди того времени говорили: «Литература пришла в упадок». Император династии Суй Ян-ди как-то состязался с Сюэ Дао-хэном и Сюэ Дао-хэн был убит^[1352] ^[1353]

57. О том, кто написал лучшее произведение — государь Мураками или Сугавара Фумитоки.

Некто сказал: «Во время правления государя Мураками на поэтическом турнире была задана тема: «На рассвете во дворце щебечет соловей». Прочитать стихотворение вызвался Сугавара Фумитоки, третий ранг. Знаете ли вы об этом?». Я ответил: «Нет, не знаю». Поговаривали, что это очень интересная история. В тот же день государь Мураками и Сугавара Фумитоки спорили друг с другом. Государь составил стихотворение: «В глубине сада, в густой росе неспешно щебечет [соловей]. Луна сокрылась. В тени ивы [во дворце] громко поет [соловей]». Фумитоки вторил: «Луна зашла за Западный дворец. Трели из цветов. Во дворце догорают факелы. Из бамбуковой рощи слышны звуки». Государь услышал это и изрек: «Я полагал,

что составленное мной [стихотворение] лучшее, но, несомненно, стихотворение Фумитоки превосходно». Он подозвал к себе Фумитоки и повелел: «Без стеснения скажи, что ты думаешь: есть ли недостатки в моем стихотворении?». Фумитоки отвечал: «Строки моего государя великолепны, а последняя строка даже лучше, чем в моем стихотворении. При упоминании «тень ивы» сразу же вспоминается государев дворец. Да и в первой строке есть намеки на дворец, поскольку подразумевается сад дворца». Государь заметил: «Сад — это мой сад, разве ты не знаешь?» «Это сад Шан-линь^[1354], не правда ли?» — ответил Фумитоки и вернулся на свое место. Государь спросил: «Чье стихотворение лучше? Скажи, что думаешь?» «Ваше лучше, оно просто великолепно» — ответил Фумитоки. Государь заметил: «Вряд ли это так. Скажи, что ты действительно думаешь?» — и подозвал к себе главу государевой канцелярии, приказав ему: «Если Фумитоки не скажет, чье стихотворение лучше, я повелеваю впредь не рассматривать его прошения, даже, если они касаются важных вопросов». Тогда Фумитоки сказал: «Думаю, что и ваше и мое стихотворение одинаково великолепно». Государь повелел: «Поклянись перед богами!» «Полагаю, что мое стихотворение немного лучше» — сказал Фумитоки и убежал в смущении. Государь был растроган до слез^[1355].

64. О том, как [Татибана] Хироми за семь дней многие сутры и классические книги.

Когда Хироми сдавал квалификационный экзамен^[1356], за семь дней сумел посмотреть многие сутры и почти все классические книги. И хотя он был человеком выдающихся способностей, все равно решил повторно их посмотреть. В прошлом году он изучал «Тан пань хао цзы юнь»^[1357], делая выписки. В этой книге содержатся трудные для понимания девизы правления. К примеру, «Да-сян»^[1358] означает «облик великого человека», а иероглифы девиза «Лун-хуа»^[1359] могут быть истолкованы как «разбиться насмерть». Некий человек спросил: «Да-сян» — девиз правления династии Поздняя Чжоу, а «Лун-хуа» — Северной Ци. И не получается ли по девизам, что Северная Ци пала под ударами Поздней Чжоу? А еще в период Вэй существовал девиз правления «Чжэн-ши»^[1360]. Некто сказал: «Иероглиф «чжэн» состоит из знаков «единица» и «прекращать», но где он это прочитал, не помнит». Говорят, что во времена правления танского императора Гао-цзуна^[1361] был девиз правления «Тун-цянь»^[1362], но в фонетической записи он выглядел зловеще^[1363], поэтому его в скорости изменили. Об этом можно прочитать в книгах периода Тан.

66. О том, как [Оэ] Масахира была сообщена экзаменационная тема за день до квалификационных экзаменов.

Соти^[1364] рассказывал: «Когда Масахира сдавал квалификационные экзамены, [Сугавара] Фумитоки сообщим ему тему за день до их начала. Масахира прибыл в усадьбу Фумитоки и сказал: «На подготовку осталось только два дня: сегодня и завтра. Не знаете ли вы тему?» Фумитоки ответил: «Ты стремишься только к удачной женитьбе, я же стремлюсь к долголетию»^[1365]. Масахира, услышав такое, вернулся домой. В тот же день рано утром Фумитоки сообщил ему тему предстоящего экзамена, сказав, что строку «Тай Гун-ван встретился с Чжоу-гуном, а лицо его покрыто морщинами, похожими на волны реки Вэй» лучше исправить следующим образом: «На лице морщины, словно волны реки Вэй, брови подобны месяцу над горой Шан». Это только мои ничтожные воспоминания, но история действительно интересна.

74. О том, как «тотоку»^[1366] восхвалял себя.

«Тотоку» рассказывал: «Есть около десяти вещей, которыми я могу похвалиться. В четыре года я начал читать книги, а в восемь лет изучил «Исторические записки»^[1367]. В шестнадцать я написал «Оду об отдохновении в осенний день», первая строка которой гласит: «Ли Гуань был крылатым генералом дома Хань. Дом его располагался в горах Луи. Фань Ли был мудрейшим министром в государстве Юэ, но бежал от почестей на озеро Хушу». [Фудзивара-но] Асоми Акихира^[1368], прочитав эти строки, был растроган. В стихотворении «Палая листва укрывает камни у источника» сказано: «Надпись на погребальном камне Ян-цзы сокрыта буйными ветрами. Листья цвета лекарства «Хай-нань»^[1369] погружаются в волны». В предисловии к сочинению «Скрип двери в храме Анракудзи» в первой строке сказано: «Погребальный алтарь дочери Яо зарос травой. Весенний бамбук омывают ручьи слез. Могила Сюй Цзюня совсем обветшала. Осенью на сосне толстый слой инея. Пусть времена изменились, но мы не можем в этом усомниться». В ответном послании на просьбу из Корё^[1370] прислать врачей я написал: «Трудно доставить два карпа^[1371] в Фениксовый пруд на Луне. Как может Бянь Цяо^[1372] попасть на облака Цзи-линь^[1373]?» Это было в четвертом году Сёряку^[1374]. После того как я перебрался в Дадзайфу торговец из Сун мне как-то сказал: «Сыну Неба [династии] Сун очень нравятся эти строки, и он сразу заплатил за них сто золотых»^[1375]. Так говорил «тотоку».

Свиток шестой

Раздел 6. О «чанцзюй»^[1376]

3. Цвет вина «Синь-фэн»^[1377]
Светлее в раковине-чарке.
Звуки напевов из Чан-юэ^[1378]
Сливаются с плачем феникса.

Эта ода не была составлена во время проводов друга в Дай-лян^[1379]. Это видно из ее содержания.

4. Фрукты — словно из сада Шанлинь^[1380],
Едва кладешь в рот, и моментально тают.
Вино — словно из деревни Сяжо^[1381],
Едва наклонишь чашу, оно так и играет.
5. Гора Тайшань не уступит никому ни пяди земли.
Поэтому она настолько высока.
Реки и моря не брезгают маленькими родниками.
Поэтому они бездонны.

Хань шу

В «Вэнь сюань» в этом стихотворении вместо «высока» использовано слово «велика», а вместо «брезгают» — «берут»^[1382]. В последней строке слово «стала» [...^[1383]].

7. Прошла весна, сейчас разгар лета.
Дорога к дому Юань Сы-ту освободилась от снега.
Утром — с юга, вечером — с севера.
Людям стало известно о Чжэн Дай-вэй и ветре из долины.
Строки из третьего письменного отказа от назначения
на пост Правого министра.

Сугавафа Фумитоки

Современники сокрушались: «Жаль, что прежний государь Тэн-ряку не может прочесть эти строки».

8. В горах Лун-шань облака закрыли свет.
Ли Цзян-цзюнь у себя в доме.

Волны Ин-шуй успокоились.
 Цай Чжэн-лу еще не служит правителю.
 Прощение с просьбой оставить пост «сэйсинко тайсё».

[Сугавафа] Фумитоки

Говорят, что одному человеку приснился сон будто странствующее божество болезней произнесло: «Благодаря этим строкам хвори не приблизятся к дому Фумитоки».

9. Ван Цзы-цинъ поднялся к отшельникам.
 После этого люди стали поклоняться тому, кто оседлал луну.
 Ян Доу-ду быстро покинул этот мир.
 Странники проливают слезы в виде облаков над горой Сянь-шань.

[Минамото] Сукэнофи

Поговаривают, что позднее некто, тайком любуясь луной в храме Анракудзи, [увидел], как какой-то человек, одетый в домашнюю одежду, декламирует стихи. Возможно, то было само божество Тэндзин, тронутое [красотой ночи].

10. Подняться по яшмовым ступням^[1384] — особая привилегия.
 Человек незнатный не должен ступать по облакам Пэнлай.
 Многие хотят дослужиться до министра.
 Человек без талантов не должен подниматься на луну
 над горой Тайшань.

Это прошение Татибана-но Наомото^[1385] о назначении помощником главы Министерства Народных дел^[1386]. Говорят, что это прошение государь Мураками положил на столик у изголовья^[1387].

11. Впереди еще долг путь.
 Мои мысли устремляются к вечерним облакам на горе Янь-шань.
 Долго ли нам не суждено встретиться.
 Моя шапка мокра от слез, пролитых ранним утром в Корё.

Предисловие к циклу стихотворений, сочиненных во время проводов северных гостей в Корокане Оэ-но Асацуна.

Говорят, что во время чтения этих строк люди из государства Бохай проливали слезы и били себя в грудь. С тех пор минуло несколько лет. И как-то человек из Бохай спросил меня: «Дослужился ли Оэ Асацуна до поста придворного советника?». «Пока нет», — ответил я.

Тогда человек из Бохай сказал: «Я понял. В Японии не ценят умных людей»^[1388].

17. Набрал в подол светлячков, я усердно занимаюсь.
 С радостью в сердце говорю, что добродетельное правление
 императора Яо подобно лучам Солнца, распространяемым
 повсеместно.
 Спросив пурпурных птиц, я записываю их ответ.
 Жаль мне, что разуму моему недоступны темные облака Млечного пути.

Говорят, что за эти строки государь Итидзё хотел пожаловать Оэ-но Могитоки пост «куродо», но Фудзивара-но Митинага и другие сановники были не согласны и пост «куродо» остался вакантным^[1389].

21. Меч в три сяку ханьского Гао-цзю^[1390]
 Сразу же подчинил его власти всю страну.
 Одно сочинение Чжугэ Ляна
 В мгновение ока возвысило его до наставника императора.

Строки из экзаменационного сочинения Фудзивара-но Масаки на тему: «Гармония песни и танца»^[1391].

25. Путь к славе далек, но на голове моей уже виднеется седина.
 Моя жизнь подходит к концу, и я хочу уйти от мира.
 Прислуживать Тысячелетнему Великому вану
 [на пирах, где сочиняют стихи] о луне и ветре.
 Я не знаю, может ли это случиться со мной.
 Стою рядом со сливой, когда ночь полнится ароматами.

Татибана-но Масамити

Эти строки принц с Седьмой линии^[1392] сочинил о себе. Люди, слышавшие эти строки, не могли не утирать слезы. Но после того как принц удалился от мира, о нем мало что известно. Кто-то сказал: «Наверное, он снова отправился в Корё и стал там святым»^[1393].

32. О том, что предисловие Сугавара-но Митидзанэ написано великолепно.

Помощник наместника говорил, что каждый раз, когда он читает предисловия Сугавара-но Митидзанэ, его сердце разрывается от тоски. В «чанцзюй» сказано: «Я назвался Бай Лян и назвал свой дом «Беседка орхидей»^[1394]. Я сажаю деревья, как в саду Хуа Линь^[1395]. «Луна и ветер всегда одни и одинаковы для небес. Для людей же,

которые смотрят на них, они различны», — так написано в предисловии к поэме «Где осенью увидишь водный поток?». В предисловии к поэме «Даже небо пьянеет, когда распускаются цветы» сказано: «Вспоминая о Вэй-вэне^[1396], наслаждаюсь красотой». Наконец, в предисловии к поэме «Свадьба» написано: «Во дворце красавицы воспользовались косметикой и нарядились в роскошные одежды. Соловей поет в цветах под прохладным ветерком и яркой луной». Все эти строки поистине восхитительны.

Когда же Миёси-но Киёюки прочитал строки Митидзанэ «все, кроме тебя Ки-но Хасэо, ученые, но не поэты» сказал: «Как же это он мог так сказать, когда есть я?». Но позже сказал, что строки «Приворные с наступлением ночи зажигают во дворце факелы. Так уж заведено» — просто очень хороши.

43. Прощение об отставке с занимаемого поста.

Некто^[1397] рассказывал: «Я уже два или три года думаю написать прошение об отставке. Много раз пытался написать черновик. Но я ведь уже стар и [у меня] различные хвори. Моя жизнь скоро кончится, ибо жизнь, словно роса. «А что вы написали в своих черновиках?» — спросил некто. «Я служу двору», но я из парода. Во время одного из моих снов мне явился Инь Дин^[1398]. Мне везет на хороших людей, но не складывается с рыбалкой. Дожив до семидесяти лет, я встретился на охоте с Вэнь-ваном», одного жаль, что эти строки я еще никому не читал».

46. О «Жизнеописании министра Тамурамаро»^[1399].

Говорят, что «Жизнеописание министра Тамурамаро» принадлежит кисти государя Сага. Там есть строки: «Военный стратег — полководец Чжан^[1400] должен лишь вести за поводья [лошадь Тамурамаро]. Знаменитый канцлер Сяо^[1401] должен следовать с плетью [за лошадью Тамурамаро]». Это поистине замечательные слова.

52. В сочинении «Баопу-цзы» есть такие слова: «Изящная словесность и утверждение славы и величия отличаются как десять «сяку»^[1402] от одного «дзё»^[1403]»^[1404].

«Когда накапливаются знания, ты становишься совершенным мудрым. Когда накапливается вода, она превращается в пучину»^[1405], — сказали мне.

Еще говорят: «У Ван Чжао-цзюня был сын. Он назвал его Чжи Яши. Он был рожден от гуннов»^[1406].

А еще говорят: «Даже человек, у которого голова полна книг^[1407], не может сравниться с тем, кто пишет в жанре изящной словесности»^[1408].

56. Об иероглифе «ао» в имени Лю Ао матери Гао-цзу^[1409].

Оэ Масафуса рассказывал: «В «Ши цзи» и в «Хань шу» в имени Лю Ао, которая была матерью Гао-цзу, вместо иероглифа «ао» стоит знак «вэнь». На то есть причины. Давным-давно жил человек по имени Ван Шэн. Прочитав «Хань шу», он стал сетовать на Гао-цзу: «Выйдя из простонародья, с мечом в три «чи»^[1410] ты подчинил Поднебесную. Тебя называют мудрецом. Как глупо не изменить знак «ао» в имени твоей матери! Ведь он означает «старуха». Позднее [Ван Шэну] во сне явился сам Гао-цзу, и с ним было несколько человек. Они стали выговаривать Ван Шэна: «Разве ты не видел памятник в Сышуйдин? Иероглиф «ао» ошибочен, должен быть «вэнь»^[1411]. Ты не сумел правильно прочесть иероглиф и обвиняешь прежнего правителя^[1412]. Это тяжкое преступление». Гао-цзу приказал своим спутникам связать Ван Шэня. Его преступление было прощено только после того, как давно почивший отец Ван Шэня заплатил штраф. Когда Ван Шэнь пробудился ото сна, его спина была мокрой от пота.

57. О том, что в «Записях» об императорах Хэ-ди, Цзин-ди и Гуан У-ди есть места, которые неправильно прочитываются^[1413].

В «Хоу Хань шу» в «Записях об императоре Хэ-ди» есть одно место, которое неправильно читается. В «Ши цзи» в «Записях об императоре Цзин-ди» не верно читается сочетание из пяти иероглифов: «Скончалась государыня-мать великого и высочайшего властителя»^[1414]. А в «Хоу Хань шу» «Записях об императоре Гуан У-ди» в словах «поколение предков императора Гуан У хуан-ди» вместо знака «дай» следовало бы поместить иероглиф «ши». Размышляя об этом, я понимаю, что на то есть причины^[1415]. Но невежественные люди не читают как должно. Это случается слишком часто. Неужели они не знают об этом?

68. «Указ об избииении вина^[1416]» и «Записи вернувшегося к полям^[1417]».

Еще рассказывали: «Иногда говорят: «Полно»-«ищу»-«получил»-«чисто». Когда тебе предложили чарку с сакэ, необходимо повернуться лицом ко всем пирующим и нараспев продекламировать: «Полно». Затем необходимо взять чарку с сакэ и сказать [всем пирующим]: «Ищу». Позднее ты сам, в свою очередь, передаешь чарку [другому участнику пира], который сидит слева от тебя, и он говорит: «Получил». После того, как он выпьет содержимое чарки до последней капли, ты должен сказать: «Чисто»^[1418].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Структура центрального аппарата управления (по данным законодательных сводов)

- **Палата небесных и земных божеств (Дзингикан)**
- **Палата Большого государственного совета (Дайдзёкан)**
 - Левая ревизионная канцелярия (Сабэнкан)
 - Правая ревизионная канцелярия (Убэнкан)
- **Министерство Центральных дел (Тюмусё)**
 - Управление двора государыни (Тюгусики)
 - Левое и Правое управления охранников-отонэри (Саотонэрирё, Уоотонэрирё)
 - Архивное управление (Дзусёрё)
 - Бюро дворцовых кладовых (Ути-но кура цукаса)
 - Швейное бюро (Нуидоно-но цукаса)
 - Астрологическое управление (Оммёрё)
 - Бюро живописи (Этакуми-но цукаса)
 - Аптекарское бюро (Найякуси)
 - Бюро придворных ритуалов (Найрайси)
- **Министерство Церемоний (Сикибусё)**
 - Управление столичной школы чиновников (Дайгакурё)
 - Управление придворных рангов (Сангьирё)
- **Министерство управления (Дзибусё)**
 - Музыкальное управление (Гагакурё)
 - Управление монахов и чужеземцев (Гэмбанрё)
 - Бюро государевых усыпальниц (Мисасаги-но цукаса)
 - Бюро похоронных ритуалов (Согиси)

- **Министерство Народных дел (Мимбусё)**
Счетное управление (Сюкэйрё)
Налоговое управление (Сюсайрё)
- **Военное министерство (Хёбусё)**
Кавалерийское бюро (Хёмэси)
Арсенальное бюро (Дзохёси)
Военно-музыкальное бюро (Косуйси)
Бюро учета судов (Сюсэнси)
Бюро соколиной охоты (Сюёси)
- **Министерство наказаний (Кэйбусё)**
Бюро финансовых взысканий (Дзосёкуси)
Бюро тюрем (Сюгокуси)
- **Министерство Большой казны (Окурасё)**
Литейное бюро (Тэндзюси)
Хозяйственное бюро (Канимори-но цукаса)
Лакировочное бюро (Нурибэ-но цукаса)
Бюро по пошиву одежды (Нухибэ-но цукаса)
Ткацкое бюро (Орибэ-но цукаса)
- **Министерство Двора (Кунайсё)**
Управление дворцового стола (Дайдзэнсики)
Строительное управление (Мокукурё)
Продовольственное управление (Оохирё)
Интендантское управление (Сюдэнрё)
Аптекарское управление (Тэньякурё)
Бюро по делам государевой семьи (Оокими-но цукаса)
Бюро государева стола (Найдзэнси)
Винокуренное бюро (Сакэ-но цукаса)
Кузнечное бюро (Ганъяси)
Бюро по делам государственных рабов (Якко-но цукаса)
Бюро садов и прудов (Соноикэ-но цукаса)
Гончарное бюро (Цутитакуми-но цукаса)
Бюро по делам «унэмэ» (Унэмэ-но цукаса)
Бюро водоснабжения (Мохитори-но цукаса)
Бюро по снабжению двора маслом (Абура-но цукаса)
Хозяйственное бюро дворца (Ути-но канимори-но цукаса)

Посудное бюро (Хокосуэ-о цукаса)
Красильное бюро дворца (Ути-но сомэмоно-но цукаса)

- **Палата Цензоров (Дандзэтай)**
- **Управа внешней охраны дворца (Эмонфу)**
Бюро по делам «хаято» (Хаято-но цукаса)
- **Управалевой и Правой дворцовой гвардии (Саэсифу, Уэсифу)**
- **Левая и Правая управы дворцовой охраны (Сахээфу, Ухээфу)**
- **Левое и Правое управление конюшен (Самэрэ, Умэрэ)**
- **Управление левого и правого арсеналов (Сахёкорё, Ухёкорё)**
- **Внутридворцовый арсенал (Найхёго-но цукаса)**
- **Управление левой части столицы (Сакёсики)**
Бюро Восточного рынка (Химугаси-но ити-но цукаса)
- **Управление правой части столицы (Укёсики)**
Бюро Западного рынка (Ниси-но ити-но цукаса)
- **Женский дворец (Гоку)**
Бюро управления делами (Найси-но цукаса)
Бюро кладовых (Кура-но цукаса)
Архивное бюро (Фуми-но цукаса)
Аптекарское бюро (Кусури-но цукаса)
Оружейное бюро (Цувамоно-но цукаса)
Бюро охраны (Микадо-но цукаса)
Интендантское бюро (Тономори-но цукаса)
Хозяйственное бюро (Канимори-но цукаса)
Бюро водоснабжения (Мохитори-но цукаса)
Бюро дворцового стола (Касивадэ-но цукаса)
Винокурное бюро (Сакэ-но цукаса)
Швейное бюро (Нухитоно-но цукаса)

- **Управление делами дворца наследника престола (Сюнгубо)**
 - Бюро охранников-тонэри (Тонэрикан)
 - Бюро стола престолонаследника (Сюдзэнкэн)
 - Бюро кладовых (Сюдзокэн)
 - Хозяйственное бюро (Сюдэндзё)
 - Архивное бюро (Сюсёдзё)
 - Бюро водоснабжения (Сюсуйдзё)
 - Строительное бюро (Сюкудзё)
 - Арсенальное бюро (Сюхёдзё)
 - Конюшенное бюро (Сюмэдзё)

Четыре разряда должностей

Согласно кодексу «Тайхорё», все чиновники в соответствии с занимаемой должностью были причислены к одному из четырех больших разрядов: «тёкан» или «ками», «дзикан» или «сукэ», «ханкан» или «дзё» и «сютэн» или «сакан». Разряд «тёкан» (досл. «старший чин») включал в себя всех чиновников, которые занимали высшие посты в соответствующих учреждениях, будь то «палаты» (Дзингикан, Дайдзёкан, Дандзётэй), министерства (яп. сё), ведомства (Сибитюдай), различные управления (яп. рё, сики, бо), бюро (яп. си, цукаса, кэн, дзё) или управы (яп. фу). К разряду «дзикан» (досл. «следующие [за начальником] чины») относились все заместители руководителей соответствующих департаментов, иначе говоря, ближайшие помощники «начальников». К разряду «ханкан» причислялись все остальные помощники глав ведомств. Что же касается «сютэн», то к этому разряду были отнесены все мелкие ведомственные чиновники, как, например, писцы.

<i>Ведомство</i>	<i>Название должности для глав учреждений (тёкан, камп)</i>	<i>Название должности для старших помощников (дзикан, сукэ)</i>	<i>Название должности для младших помощников (ханкан, дзё)</i>	<i>Название должности для мелких служащих (сютэн, сакан)</i>
Дзингикан	хаку	фуку	ю	си
Дайдзёкан	дайдзё-дайдзин, садайдзин, удайдзин	дайнагон, тюнагон, санги	са-но дайбэн, у-но дайбэн, са-но тюбэн, у-но тюбэн, са-но сёбэн, у-но сёбэн, сё-пагон	си, гэки
Министерства (сё)	кё	дайфу, сёфу	дайдзё, сёдзё	дайроку, сёроку

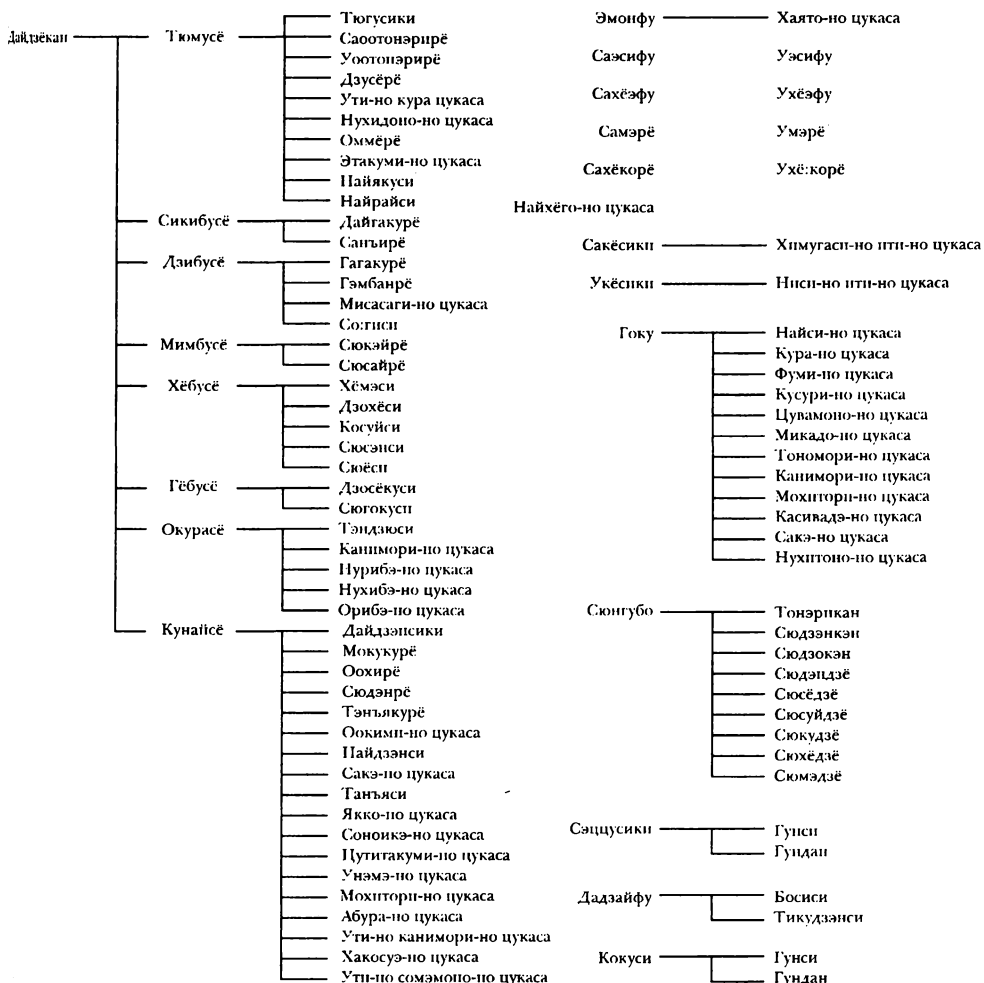
<i>Ведомство</i>	<i>Название должности для глав учреждений (тёкан, хами)</i>	<i>Название должности для старших помощников (дзюкан, сукэ)</i>	<i>Название должности для младших помощников (хюккан, дзё)</i>	<i>Название должности для мелких служащих (сютэн, сакан)</i>
Управления (сики, бо)	дайфу	тэй	дайсин, сёсин	дайдзоку, сёдзоку
Управления (рё)	то	дзё	дайн, сёин	дайдзоку, сёдзоку
Бюро (си, цукаса)	сё, будзэн	тэндзэн	ю	рёйси
Управление делами женского дворца (Гоку)	сёси	тэнси	сёси	
Дандзётэй	ин	хицу	дайтю, сётю	дайсё, сёсё
Сибитюдэй	рё	дайхицу, сёхицу	дайтю, сётю	дайсё, сёсё
Эмонфу, Саноэдзифу, У-ноэдзифу, Са-нохёэфу, У-нохёэфу	току, бэтто	са	даи, сёи	дайси, сёси
Тюэфу, Гайэфу, Коноэфу	тайсё	тюдзё, сёсё	сёгэн	сёсо
Дадзайфу	соцу	дайни	дайтэн, сёгэн	дайтэн, сётэн
Кокуси (провинциальные управы)	сю, мори	сукэ	дзё	сакан
Гунси (уездные управы)	дайрё	сёрё	сюсэй	сютё

**Соответствия между рангом и должностью
в местном аппарате управления
(период Хэйан)**

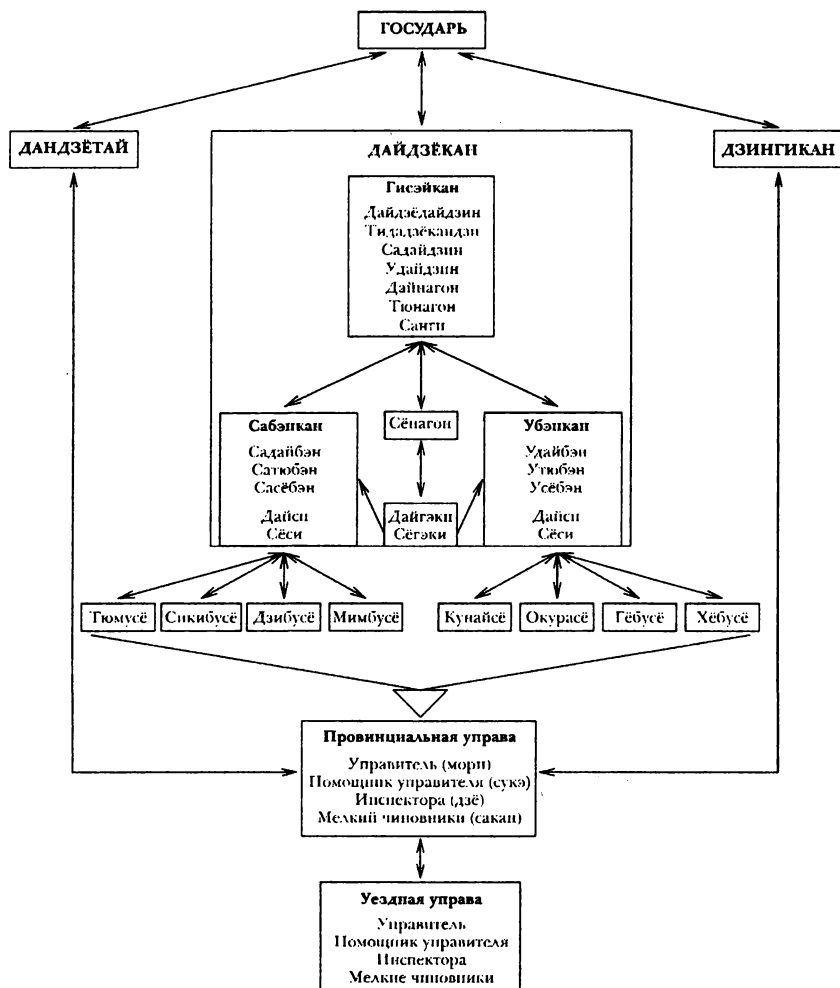
<i>Классы принцев и чиновничьи ранги</i>	<i>Тиндзюфу</i>	<i>Дадзайфу</i>	<i>Дайхоку (большая провинция)</i>	<i>Дзёхоку (крупная провинция)</i>	<i>Тюхоку (средняя провинция)</i>	<i>Гэхоку (малая провинция)</i>
3-й и 4-й класс		соцу				
3-й младший		соцу				
5-й старший верхней ступени		дайни				
5-й младший верхней ступени	сёгун		сю, мори, ками, гон-но ками			
5-й младший нижней ступени		сёни		сю, мори, ками, гон-но ками		
6-й старший нижней ступени		дайгэн	сукэ, гон-но сукэ		сю, мори, ками, гон-но ками	
6-й младший верхней ступени		сёгэн		сукэ, гон-но сукэ		
6-й младший нижней ступени		дайханд зи				сю, мори, ками

<i>Классы принцев и чиновничьи ранги</i>	<i>Тундзюфу</i>	<i>Дадзайфу</i>	<i>Дайкоку (большая провинция)</i>	<i>Дзёкоку (крупная провинция)</i>	<i>Тюкоку (средняя провинция)</i>	<i>Гэкоку (малая провинция)</i>
7-й старший верхней ступени	гунгэн	дайтэн, сёхандзи				
7-й старший нижней ступени			дайдзё, гон-но дайдзё			
7-й младший верхней ступени			сёдзё, гон-но сёдзё	дзё, гон-но дзё		
7-й младший нижней ступени		хакудзи				
8-й старший верхней ступени		сётэн, санси, иси			дзё	
8-й младший верхней ступени	гунсо		даймоку			
8-й младший нижней ступени			сёмоку	моку		дзё
Начальный старший ниж- ней ступени					моку	
Начальный младший верх- ней ступени						моку

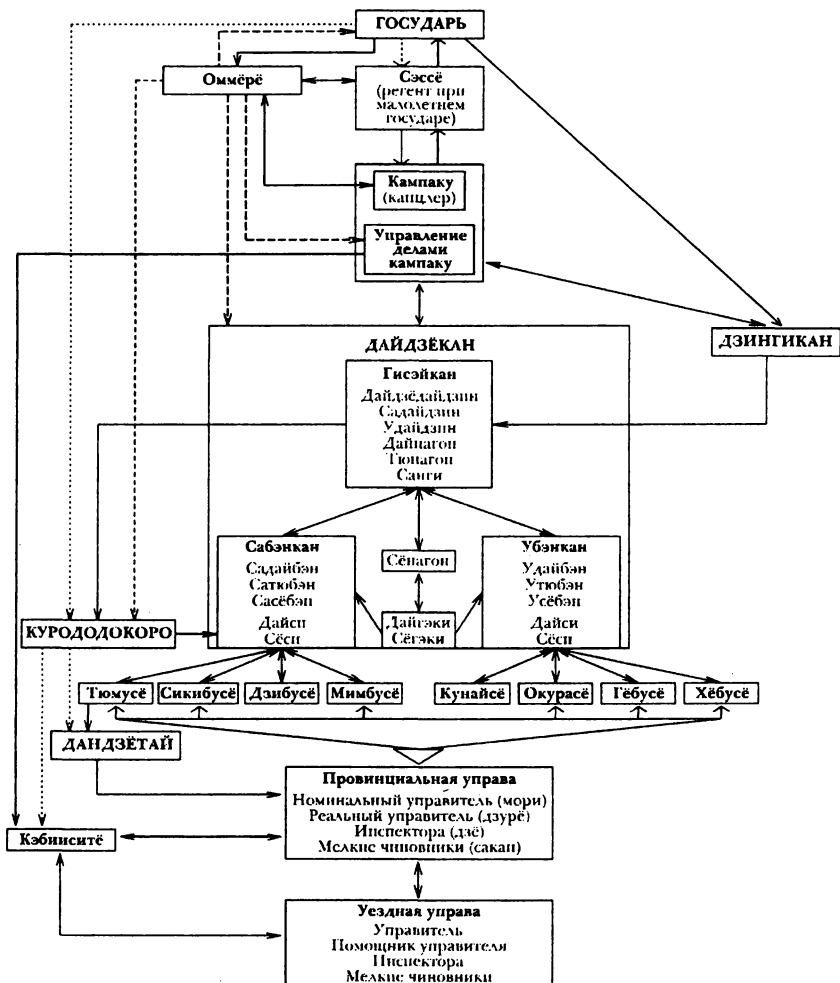
Министерства и управления в Японии периодов Нара и Хэйан

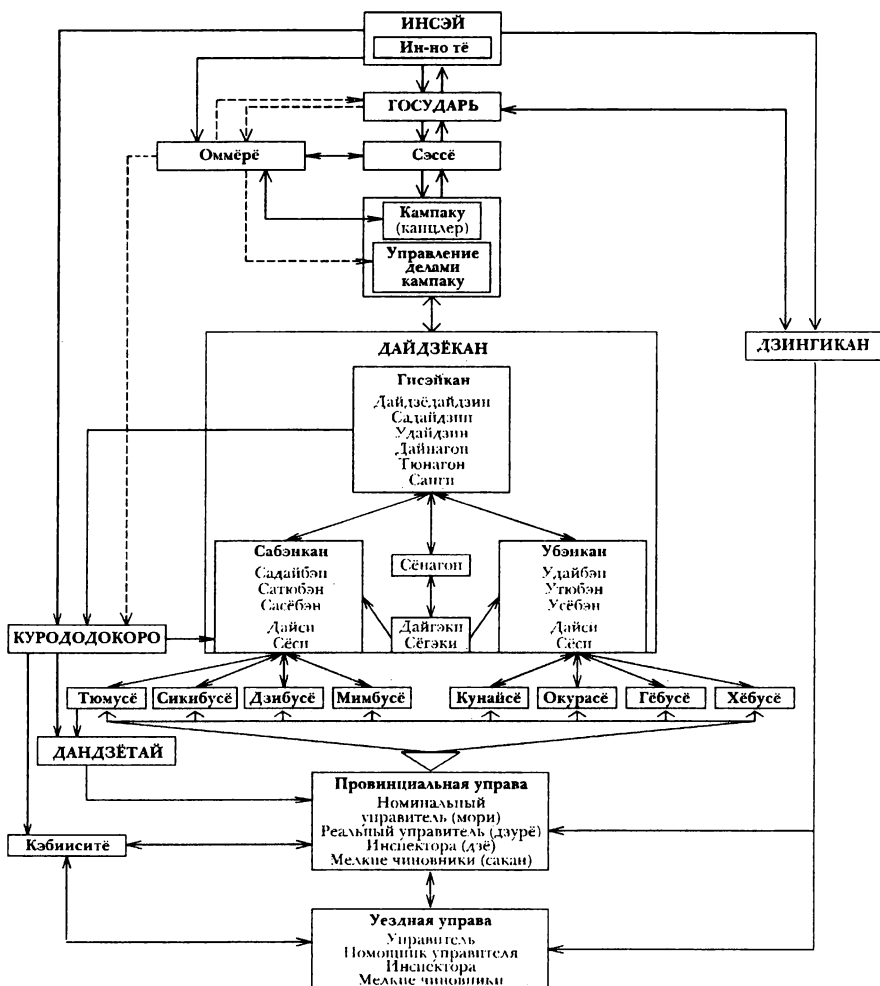
Центральный аппарат управления в период Нара

Центральный аппарат управления в период Хэйан (система сэккан сэйдзи)

Центральный аппарат управления в период Хэйан (система инсэй)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Система мер и весов

Точное соотношение японских древних и современных мер на данный момент не установлено (относительно этого существует предположение, что в древности (периоды Асука-Муромати) в Японии применялись китайские (танские) или корейские (когуреские и пэкческие) меры. Согласно законодательным источникам, все меры подразделялись на: меры длины (яп. до); меры объема или ёмкости (яп. рё) и меры веса (яп. кэнко). Некоторые меры делились в свою очередь на «большие» (яп. дай) и обычные. За изменением мер и весов следило Министерство Большой казны — Окурасё.

Меры длины, объёма и веса

Бу — мера длины = 10 рин = 3,03 мм. В древности — 3,2 мм.

Бу (см цубо).

Го — мера объёма = 10 сяку = 0,18 л. В древности го — ок. 0,1 л.

Го — мера площади = 10 сяку = 0,33 кв.м.

Дайрё. См. рё.

Дайсё. См. сё.

Дайсяку. См сяку.

Дзё — мера длины = 1) 10 сяку = 3,03 м; 2) 3,78 м (для измерения тканей).

Дзин — мера длины = 1) 2,12 м; 2) стар. 1,21 ≈ 1,55 м (для измерения ввысь и вглубь).

Дзюн — древняя мера веса (для измерения шелковой ваты). Равнялся 2 кин (т. е. ок. 1,2 кг).

Кайри — мера длины (морская миля) = 1853 м

Кан (каммэ) — мера веса = 1000 моммэ = 3,75 кг

- Кин — мера веса = 160 моммэ = 600 г По подсчетам Аоки Кадзуо, в древности равнялся 596,8 г
- Коку — мера объема = 10 то = 100 сё = 1000 го = 180, 391 л (ок. 150 кг). Размер коку в древности не был четко фиксированным, поэтому большинство исследователей при расчетах зерна, указанных в древних коку, исходят из его нынешнего объема. Согласно подсчетам, сделанным историком Аоки Кадзуо на основе «Рё-но сюгэ», в древности 1 коку приблизительно равнялось 103,5 л
- Кэн — мера длины = 6 сяку = 1, 81 м
- Мо — мера длины = 1/10 рин = 0,03 мм.
- Моммэ — мера веса = 10 фун = 3,75 г
- Рё — древняя мера веса (кит. лан), которая приблизительно равнялась 37,3 г (для периода Токугава — 31,5 г). В древности существовала еще и такая мера веса как «большой рё» (яп. дайрё) приблизительно равная 111, 9 г (т. е. трем обычным рё).
- Ри — мера длины = 36 тё = 3927 м В древности 1 ри равнялось 300 бу, т. е. между 442,5 и 462 м (по другим сведениям ок. 654 м).
- Рин — мера веса = 1/10 фун = 0,037 г
- Рин — мера длины = 10 мо = 0,303 мм.
- Сай — мера объема = 9,09 куб. см
- Сё — мера объема = 10 го = 1, 804 л В древности сё — 1,035 л В древности существовала еще и такая мера объема как «большое сё» (яп. дайсё), которое приблизительно равнялось 0,72 л (по другой версии 3,095 л) или трем обычным сё.
- Сё — мера объема = 1/10 сяку = 0,0018 л
- Сун — мера длины 1) 10 бу = 3,03 см (в древности — 3,2 см); 2) 3,8 см (для измерения тканей).
- Сэ — мера площади = 30 бу (цубо) = 99,18 кв.м.
- Сю — древняя мера веса (ок. 0,16 г).
- Сяку — мера длины 1) 10 сун = 30,3 см; 2) 37,8 см (для измерения тканей). В древности сяку приблизительно равнялось (29,5 — 30,8 см), а «большое сяку» (яп. дайсяку) — 38,4 см
- Сяку — мера объема = 1/10 го = 10 сё = 0,018 л
- Сяку — мера площади = 1/100 бу = 1/10 го = 0,033 кв.м.
- Сякудзимэ — мера объема = 12 куб. сяку = 1,324 куб. м (для измерения древесины).
- Тан — мера длины = 10, 6 м (для измерения тканей).
- Тан — мера площади = 10 сэ = 0, 0992 га. В древности 1 тан — это (0,099 — 0,12 га).

Тё — мера длины = 109,09 м

Тё[бу] — мера площади = 10 тан = 100 сэ = 0,9918 га. В древности эта мера не имела строгой фиксации и приблизительно равнялась (0,99 — 1,2 га).

То — мера объема = 10 сё = 18,039 л В древности то — 10,35 л

Фун — мера веса = 10 рин = 0,375 г

Хики — мера длины = 2 тан = 21,2 м (для измерения тканей).

Хиро — мера длины = 1,81 м (для измерения длины веревок, глубины воды и т. д.).

Хори (квадратный ри) — мера площади = 15,423 кв.м.

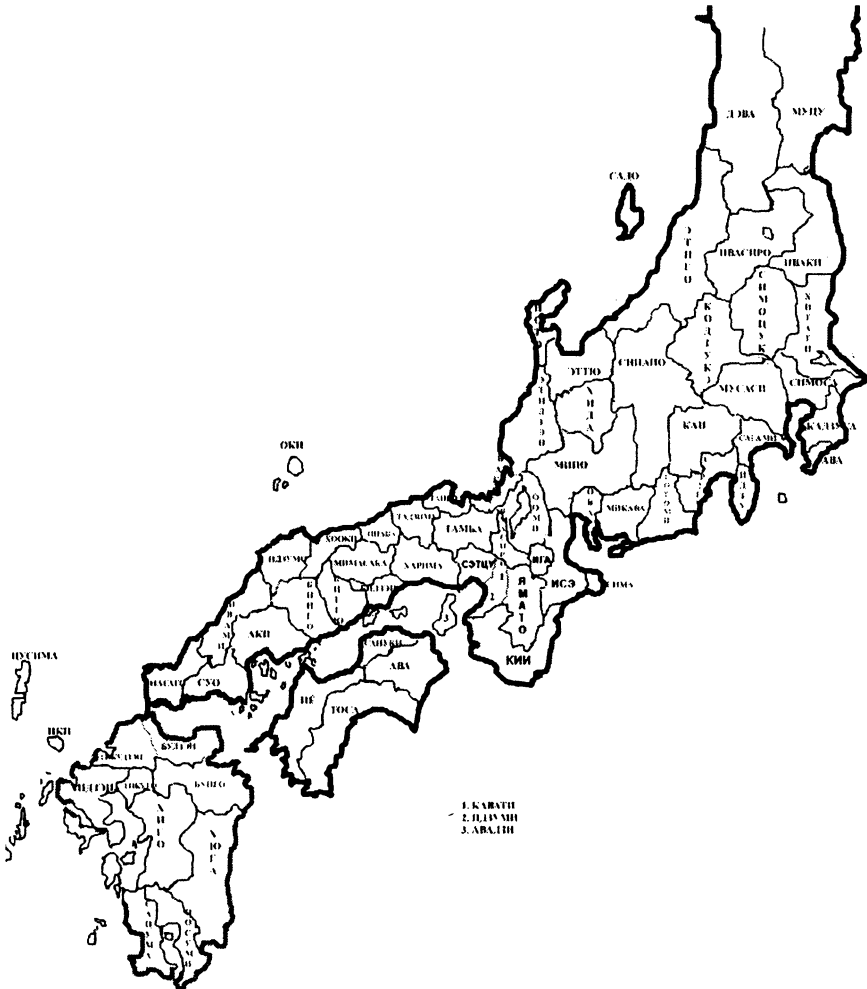
Цубо — мера площади = 10 го = 3,3 кв.м.

Цука (соку) (досл. сноп) — древняя мера объема. В древности соответствовал 1 то и 5 сё и приблизительно равнялась 3,6 литрам.

1 цука равнялся 10 таба (пучкам).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Карта Японии (периоды Нара и Хэйан)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одним из наиболее ранних «исследований» периода Хэйан такого плана является работа Кумэ Кунитакэ: Хэйан сёки урамэн-ёри митару Нихон рэкиси (История Японии, рассмотренная через призму частной жизни раннехэйанского периода). Токио, 1911.

² Приведем названия некоторых из них в англоязычной японистике: Haruo Shirane. The Aesthetics of Power: Politics in *The Tale of Genji*. / Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 45, number 2, 1985, P. 615—647; Konishi Jin'ichi. Furu: An Ideal of Japanese Aesthetic Life. / The Japanese Image. Ed. by M. Schneps and A.D. Cooh. Tokyo and Philadelphia, Orient / West Inc., 1965, P. 265—294; McCullough W.H. The Aristocratic Culture. / The Cambridge History of Japan. Vol. 2. Heian Japan. Ed by D.H. Shively and W.H. McCullough. Cambridge, 1999, P. 390—448; Morris I. The World of the Shining Prince. N.-Y., 1964; Seidensticker, E. The Gossamer Years: The Diary of a Noblewoman of Heian Japan. Rutland, Vt., and Tokyo, 1964.

³ Об этой особенности художественной литературы на примере «Окагами», в частности, говорит Е.М. Дьяконова. Дьяконова Е.М. Окагами — Великое зеркало. История средневековой Японии в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. / Окагами — Великое зеркало. Пер. с древнеяпон., исслед. и коммент. Е.М. Дьяконовой. СПб., 2000, С. 33.

⁴ Мэдзакэ Токуэ. Отё-но мяяби (Изящество государева двора). Токио, 1978, С. 2—55, 186—217, 263—275.

⁵ Яманака Ютака. Кокироку дзаккан (Разные впечатления о дневниках аристократов). / Сэккан сэйдзи то кокироку (Правление регентов-канцлеров и дневники аристократов). Под ред. Яманака Ютака. Токио, 1991, С. 2—16; Он же. Кокироку то никки (Дневники аристократов и женские дневники). / Кокироку то никки. Под ред. Яманака Ютака. Т. 1. Токио, 1993, С. 8—29.

⁶ Подр. см.: Сасаяма Харуо. Тофу бунка то кокуфу бунка (Танская культура и национальная культура). / Нихон цуси (Общая история Японии). Т. 5. Токио, 2000; Эномото Дзюнъити. «Кокуфу бунка» то Тюгоку бунка («Национальная культура» и китайская культура). / То то Нихон (Танский [Китай] и Япония). Сер. «Кодай-о кангаэру». Под ред. Икэда Он. Токио, 1993.

⁷ Рицурё (Уголовные и гражданские законы). Под ред. Иноуэ Мицусадэ и др. Сер. «Нихон сисо тайкэй». Токио, 1994, С. 365—389.

⁸ Горегляд В.Н. Японская литература в VIII—XVI вв.: начало и развитие традиций. СПб., 1997, С. 87.

⁹ Подр. см.: Кавагути Хисао. Кукай бунгаку-ни окэру Дайто бунка-но тоэй (Отражение культуры Великой Тан в литературе Кукай). // Миккё бунка (Куль-

тура эзотерического буддизма). 1947, № 1, С. 19—43; О Ри Ки (Ван Ли-цзи), Сёдзи Соити. Кобо дайси то Бункё хифурон (Кукай и «Бункё хифурон»). // Миккё бунка. 1984, № 147, С. 26—53.

¹⁰ Руйдзю кокуси (Классифицированная история страны). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1—2. Токио, 1965, Т. 1, С. 1. Получила также распространение ошибочная версия, согласно которой «Руйдзю кокуси» была представлена государю в 893 г. Borgen, R. Sugawara no Michizane and the Early Heian Court. Harvard, 1986, P. 218.

¹¹ Работа по восстановлению текста «Руйдзю кокуси» началась в 1916 году и в результате титанических усилий был восстановлен текст (с различной степенью сохранности) 62 свитка. Руйдзю кокуси. Указ. соч., Т. 2, С. 1—2.

¹² Осонэ Сёсукэ. Сёсюцу-но го-ни цуйтэ (О выборках из книг). // Кокуси тайкэй гэхүхё (Ежемесячный бюллетень «Кокуси тайкэй»), № 25, 1965, С. 6.

¹³ Руйдзю кокуси. Указ. соч., Т. 1, С. 1—15, Т. 1—14. Ивэнь лэйцзюй (Классифицированное собрание произведений литературы и искусства). Т. 1—16. Шанхай, Шаншу иншугуань, 1959, Т. 1, 1а—14а. Стоит согласиться с мнением Куросу Кацуо и Сакамото Таро, что «Руйдзю кокуси» по структуре и стилю написания более напоминает, хотя при этом не копирует полностью, китайские династийные хроники. Руйдзю кокуси. Указ. соч., Т. 2, С. 1—2; Сакамото Таро. Сугавара Митидзанэ. Токио, 1962, С. 141—143.

¹⁴ Кавагути Хисао. Указ. соч., С. 200—201.

¹⁵ Подр. об особенностях составления справочной литературы см.: Миямото Юки. Хэйан сёки хэнсан дзигё-но иккосоцу (Размышления о процессе составления компилятивных трудов в раннехэйанский период). / Кокугакуин дайгаку киё. Т. 37, 1999, С. 329—352.

¹⁶ Показательно, что в последнее время японские ученые шире стали определять мир хэйанской аристократии не как мир «обоснованного поэзией действия», а как «мир запретов». Куронта Нобуо. Хэйан отё-но кютэй сякай (Придворное общество в период Хэйан). Токио, 1995, С. 253. Также см.: Ёсикава Синдзи. Рицурё канрёсэй-но кэнкю (Изучение чиновничества [государства] рицурё). Токио, 1998; Курамото Кадзухиро. Сэкан сэйдзи то отё кидзоку (Политика регентов-канцлеров и придворная аристократия). Токио, 2000; Ооцу Тору. Митинага то кидзоку сякай ([Фудзивара] Митинага и придворное общество). Токио, 2001; Сэкан сэйдзи то отё бунка (Политика регентов-канцлеров и придворная культура). Под ред. Като Томоясу. Токио, 2002.

¹⁷ Словосочетание «исторический источник» допускает двойное понимание и истолкование: источник исторической информации и источник исторического происхождения. В данном случае термин «исторический источник» употребляется в первом его значении.

¹⁸ Большинство переводов раннесредневековых японских текстов (за исключением специально оговоренных случаев) принадлежат Грачёву М.В. Несколько образцов хэйанских памятников переведено молодыми исследователями — ас-

пирантами кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ Бачуриным А.С. и Витязевой О.Г.

¹⁹ Перевод термина принадлежит В.Н. Горегляду. См.: Горегляд В.Н. Японская литература... Указ. соч., С. 197.

²⁰ «Ракусё» (досл. «сочинение, написанное на скорую руку») представляло собой анонимно составленное каким-либо частным лицом произведение, содержащее критику или едкий сарказм на существующие в обществе тенденции (обыкновения).

²¹ Подр. о жизни Оэ-но Масафуса см.: Кавагути Хисао. Оэ Масафуса. Токио, 1995.

²² Яп. «мансё» — литературный псевдоним Оэ-но Масафуса.

²³ Подр. о литературе жанра «сэцува» см.: Свиридов Г.Г. Средневековая проза сэцува (структура и образ). М., 1981.

²⁴ Кавагути Хисао. Хэйантё-но камбунгаку (Литература на камбуне в эпоху Хэйан). Токио, 1996, С. 254.

²⁵ Эйсёки (Записи из квартала Эйсё). Токио, 1965. Тэнъэй, 2—11—5, 1111 г.

²⁶ «Исторические записки» Сыма Цяня.

²⁷ Китайская династийная история дома Хань.

²⁸ Кодай сэйдзи сякай сисо (Общественно-политическая мысль древности). Под ред. Ямагиси Токухэй. Токио, 1979, С. 162—163.

²⁹ Еще одна особенность текста «Годансё», которую следует отметить, состоит в том, что на протяжении всего повествования придворные аристократы, учёные мужи и чиновники упоминаются, по преимуществу, по личным именам. Дословный перевод в данном случае только усложнил бы понимание и без того непростого для современного читателя текста «Годансё». По этой причине там, где в тексте источника сказано — «Тадахира», в переводе значится — «Фудзивара-но Тадахира».

³⁰ Годансё тью («Годансё» с комментариями). Под ред. Кавагути Хисао и Нара Масаити. Токио, 1984, С. 1500.

³¹ Подр. о «чистых беседах» см.: Малявин В.В. О понятии «цинтань» // Общество и государство в Китае. 5-я научная конференция. Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1974, С. 89—97; Оти Сигэаки. Сэйги то горон («Чистые суждения» и «деревенские мнения»). // Тоё гакухо. Т. 48, № 1, 1965, С. 1—48.

³² Ямамото Тэцую. Котэн камбун-но киси (Основы классического китайского языка). Токио, 2002 (Особенно раздел, посвященный распространению «камбуна» в хэйанской Японии), С. 124—126.

³³ Нихон-но сэцува (Японская проза «сэцува»). Под ред. Канда Хидэо и Кунисаги Фумимаро. Т. 2. Токио, 1973, С. 362.

³⁴ Любимый и, согласно конфуцианской традиции, самый способный ученик Конфуция.

³⁵ Речь идет о Фудзивара-но Санэканэ (1085—1112) — знатоке изящной словесности, который помогал Оэ-но Масафуса записывать истории из придворной жизни. Известность Фудзивара-но Санэканэ была такова, что даже Фудзивара-но

Мунэтада (недруг Оэ-но Масафуса) с восхищением отзывался о Санэканэ: «Этот человек никогда ничего не забывает из того, что читал или слышал. Его таланты совершенно очевидно превосходили его возраст». Тююки (Записи Правого министра). Токио, 1965. Тэнъэй, 2—3—3, 1111 г.

³⁶ Годансё. Тюгайсё. Фукэго. Под ред. Гото Акио и др. Токио, 1997, С. 211.

³⁷ Ёсиэ Акио. Дайки ([Дневник] «Дайки»). Токио, 1981, С. 68—69.

³⁸ Среди японских специалистов существует даже точка зрения о том, что текст «Годансё» лишен «художественности», а потому вряд ли может называться художественным произведением в полном смысле слова. Нихон-но сэцува. Указ. соч., С. 363, 368.

³⁹ Кавагути Хисао. Годансё тю. Указ. соч., С. 1505—1507.

⁴⁰ Несмотря на колоссальный массив информации по политической, экономической, социальной и бытовой истории периода Хэйан, содержащийся в дневниках придворных аристократов, в хрестоматию переводы этих источников не вошли. Важнейшая из причин — это объем дневников, поскольку за основу брался принцип завершенности произведения. К примеру, вычисления показали, что для перевода записей (без комментариев) дневника Фудзивара-но Санэсука «Сёюки» только за один год понадобился бы объем аналогичный тому, который имеет представленная хрестоматия.

⁴¹ Большая часть этих памятников на русский и европейский языки полностью не переводилась.

⁴² При переводе текстов, включенных в предлагаемую хрестоматию, возникли немалые трудности в филологическом отношении. Они были связаны как с лаконичностью древнего и средневекового японского письменного языка, так и с трудностью нахождения соответствующих эквивалентов в русском языке различным понятиям. По этой причине, в одних случаях, переводчикам пришлось прибегать к развернутой форме перевода с указанием цитируемых автором источников, а, по мере необходимости, и ссылками на оригинальные китайские или японские тексты; в других случаях, воспользоваться транскрибированием тех или иных понятий, осуществляя соответствующие пояснения в примечаниях.

⁴³ Предлагаемый перевод выполнен по изданию: Танака Такаси. Синсэн сёдзироку-но кэнкю (Изучение «Синсэн сёдзироку»). Токио, 1996, С. 253—254, 261—272.

⁴⁴ В китайской классической традиции различались пять видов человеческих взаимоотношений («моральных принципов»). К таковым относились: любовь между отцом и сыном, чувство долга в отношениях между государем и подданными, различие в обязанностях между супругами, порядок взаимоотношений старших и младших и, наконец, искренность (верность) между друзьями. См.: Древнекитайская философия. М., 1994, Т. 1, С. 238—239.

⁴⁵ Доктрина «исправления имен» (кит. чжэн мин) один из важнейших принципов Конфуция в его учении об управлении государством и организации общества, которая в последующей историографической традиции стала активно обсуждаемой темой. Идея «чжэн мин» подразумевала необходимость соответствия

реального номинальному, поскольку, если начать называть вещи не своими именами, то невозможно станет существование общепринятых моральных норм и самого упорядоченного социума. О «чжэн мин» см.: Hall D., Ames R. *Thinking through Confucius*. N.Y., 1987; Переломов Л.С. *Конфуций: «Лунь юй»*. Исслед., пер. с кит., коммент. М., 1998; Ткаченко Г.А. *«Исправление имен» — о чем не говорил Конфуций? / Древние культуры Восточной и Южной Азии*. М., 1999.

⁴⁶ Происхождение пяти музыкальных тонов («гун», «шан», «цзюе», «чжи» и «юй») объясняется следующим образом: мудрецы, слушая раскаты грома, определяли первый тон; слушая звуки металла в воздухе, определяли второй тон; слушая шум листвы на ветру, определяли третий тон; слушая потрескивание поленьев у костра, определяли четвертый тон; наконец, слушая журчание ручейка, определяли пятый тон. Согласно конфуцианским взглядам, музыка-«юэ», наравне с ритуалом-«ли», выступает важнейшим средством, при помощи которого удастся утвердить и сохранить существующий в обществе иерархический строй. Кроме того, музыка считалась одним из средств воспитания благородных нравов. Как верно подметил Г.А. Ткаченко, цель музыки — «умиротворение и гармонизация социума, внесение в хаотическую среду определенной структуры, нормы, иерархии». Ткаченко Г.А. *Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю»*. М., 1990, С. 55.

⁴⁷ Досл. «пересекая земную ось».

⁴⁸ Иначе говоря, одни роды старались «доказать» древность своего происхождения и свою принадлежность к родовой аристократии, а другие, которые не могли похвастаться древностью рода, пытались возвыситься благодаря преданной службе государю. Таким образом, здесь устанавливается различие между родовой аристократией и служилой знатью.

⁴⁹ Для чиновника в древней Японии (по образцу китайских «ши») исключительно важным было овладение литературными талантами, важнейшими из которых являлись «три основных вида [мастерства]»: мастерство живописи, мастерство стихосложения и мастерство каллиграфии. Поэтому данная фраза, по всей видимости, означает, что составление генеалогического свода требовало особых талантов, и даже литературные способности составителей не позволили им сразу составить такой свод.

⁵⁰ Имеются в виду подневные записи различных государственных учреждений, а также официальные летописные своды «Нихон сёки» (720 г.) и «Сёку нихонги» (794 г.). Публикацию текстов см.: Нихон сёки (Анналы Японии). Под ред. Сакамото Таро и др. Т. 1—5. Токио, 1996; Сёку нихонги (Продолжение Анналов Японии). Под ред. Аоки Кадзуо и др. Сер. «Син Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 1—5. Токио, 1989—1998.

⁵¹ Имеются в виду те «генеалогии», которые были составлены в начале 60-х годов VIII века при Фудзивара-но Накамаро.

⁵² То есть они вошли в состав «Синсэн сёдзироку».

⁵³ Китайский литературный оборот, позаимствованный из танской энциклопедии «И вэнь лэй цзюй» («Произведения литературы и искусства, объединен-

ные по родам»), составленную прославленным литератором Оуян Сюнем в 642 году. Публ. текста см.: И вэнь лэй цзюй (Произведения литературы и искусства, объединенные по родам). Т. 1—16. Пекин, 1959.

⁵⁴ Единого порядка перевода на русский язык чиновничьих должностей и ранговых позиций в современной японистике не существует. Один из возможных способов: обозначение русской транскрипции термина, снабдив ее неохотимыми пояснениями.

⁵⁵ Термин «дзё», переведенный нами как «предисловие», может быть истолкован и как «посвящение» (в данном случае царствующему государю Сага).

⁵⁶ В древности название южной части о-ва Кюсю. Там располагалась гора Такатихо, куда по преданию спустились с Небес «потомки небесных [божеств]. В «Нихон сёки» это описывается следующим образом: «Така-мимусупи-но микото накинул на Аматаупико-кунитэру-пико-но-но ниниги-но микото покрывало священного ложа, и тот Каменный Вход Неба распахнул, Восмислойные Облака Неба разделил и спустился. А Ама-но осипи-но микото, самый дальний предок мурази Опотомо, приведя Ама-но куситу-опо-кумэ, самого дальнего предка рода Кумэ, шли перед Небесным внуком, на спине неся Небесные Каменные Колчаны, к локтям Священные Высокие Налокотники привязав, в руках держа Небесные луки из дерева пази и Небесные Крылатые Стрелы, а также Восьмиглазые Звенящие Стрелы, к поясу Меч с рукояткой, подобной Молоту. Вот, спустились они на Небесный Плавающий Мост на пике Путаками в Кусипи, в Такатипо (совр. Такатихо — М. Г.), в Со, что в Пимука, стали на ровное место Плавучего острова, прошли по Пустой стране, где нет добычи, в поисках хорошей страны, и дошли до мыса Касаса, в Нагая, что в Ата». Нихон сёки — *Анналы Японии*. Пер. и коммент. Ермаковой Л.М. и Мещерякова А.Н. СПб., 1997, Т. 1, С. 160.

⁵⁷ Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 177—179.

⁵⁸ Согласно «Нихон сёки» история появления «небесного меча» выглядит следующим образом: «человеку по имени Така-курази из Кумано... ночью внезапно приснился сон — будто Аматаэрасу-опо-миками говорит Такэмикадути-но ками: «В Срединной Стране Тростниковых Равнин по-прежнему непокой и шум. Отправляйся туда еще раз и наведи порядок». Божество Такэмикадути-но ками ответил Аматаэрасу, что нет необходимости ему самому спускаться на землю, а «надо только спустить туда меч», которым бы Такэмикадути-но ками «страну усмирлял» и тогда «страна успокоится сама». Аматаэрасу согласилась с этим. Меч Путу-но митама («Дух разрубания») был помещен в амбар и обнаружен Такакурази, после того как тот пробудился от сна. Потом Такакурази отнес меч государю Дзимму. Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 181.

⁵⁹ По версии «Нихон сёки» появление «чудесного ворона» (в русском переводе «Нихон сёки» он назван «удивительным бумажным змеем») воспринималось как помощь богов государю Дзимму, когда последний «никак не мог одолеть» Нагасунэ-бико. О самом появлении «чудесного ворона» в «Нихон сёки» говорится: «Тут внезапно небо заволочло тучами, и посыпался град. И прилетел удивительный бумажный змей из золота и сел на верхний краешек государева лука.

Змей этот светился и сверкал, был он подобен молнии. Увидели это воины Нагасунэ-бико и пришли в полное смятение, уж сил у них не стало». Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 189.

⁶⁰ Поскольку Дзимму являлся родоначальником царствующей династии и основателем государства, то масштабы деятеля, разумеется, должны были соответствовать масштабам сферы деятельности. Отсюда следовал определенный тип характеристик монарха, основной смысл которых состоял в утверждении того, что династия (как, собственно, и само государство) в целом черпала свои силы из сакральных сфер, добываясь того, чтобы божества даровали ей силы для мироустройства и возможно более длительного существования. В этом смысле большое значение имеет указ государя Дзимму, обнародованный им сразу же после его вступления на престол, в котором, в частности, говорилось: «Души моих царственных предков, с Неба слетев, освещают мое тело и помогают мне. Всех врагов я уже умирил, и недра морские не причиняют беспокойства. Потому высшим проявлением сыновней почтительности будет почитать Небесных богов». Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 193.

⁶¹ Досл. «пары звезд Тай-цзе стали равноудалены», что, согласно китайским мифологическим представлениям, знаменовало наступление «великого спокойствия».

⁶² По версии «Нихон сёки», сразу после своего вступления на престол Дзимму «определил заслуги», «раздал награды», а также «пожаловал землю для строительства» своим ближайшим помощникам. Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 193.

⁶³ В «Нихон сёки» сказано, что Земное божество Удзухико (Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 178) стал Ямато-но Куни-но мяцуко, его младший брат Отоукаси (Там же, Т. 1, С. 182) стал Такэда-но Агата-нуси, Курохая стал Сики-но Агата-нуси, а Туругинэ стал Кадзураки-но Куни-но мяцуко (Там же, Т. 1, С. 193).

⁶⁴ В 9-й день 9-го месяца 4-го года правления Ингё государь отдал повеление, в котором, в частности, говорилось: «Во времена правителей глубокой древности народ знал, где чье место, имена [ранги] родов состояли в беспорядке. С тех пор, как я занялся наследными деяниями, прошло уже четыре года. Верхи и низы в распре, сто родов неспокойны. Одни, совершив оплошность, теряют свой род. Другие же, напротив, вдруг ни с того ни с сего притязают на высокое звание. И все это оттого, что мы этим не занимались. Хоть я и не умудрен, но как же не выправит этот беспорядок? Вы, сановники и министры, обдумайте все это, примите решение и доложите мне». Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 331.

⁶⁵ В 28-й день 9-го месяца 4-го года правления государя Ингё последний отдал распоряжение: «Сановники, главы ста управ, управители всех провинций, — все говорят о себе — «мы — потомки владыки», или ссылаются на чудо, говоря, что они «спустились с Неба». Однако с тех пор, как проявились-разделились три начала, миновали десятки тысяч лет. Отдельные роды разделились и появилось

множество семей. Узнать о них правду — затруднительно. Поэтому пусть люди всех родов и семей совершат омовение и очищение и пройдут испытание кука-тати — погружением руки в кипяток». Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 1, С. 331.

⁶⁶ Согласно китайским представлениям, чистая вода реки Цзиншуй (Цзинхэ) никогда не смешивалась с мутной водой реки Вэйшуй (в образном знач. «установился контраст между чистым и грязным», «установилась разница между правдой и ложью»).

⁶⁷ Т. е. получила «священные регалии» и стала государыней.

⁶⁸ В «Нихон сёки» об этом сказано «Сога-но Оми Эмиси и иже с ним перед тем как быть казненными сожгли «Записи государей», «Записи страны» и сокровища. Пунэ-но Пубито Эсака (совр. Фунэ-но Фухито Эсака — *М. Г.*) быстро выхватил озваченные пламенем «Записи страны» и преподнес их Нака-но Опоэ (будущий государь Тэнти — *М. Г.*). Нихон сёки — *Анналы Японии*. Указ. соч., Т. 2, С. 139—140.

⁶⁹ Нихон сёки, Тэнти, 9—2—0, 670 г.

⁷⁰ Возможно, речь идет о практике упорядочивания родов-«удзи». Позднее в 682 году был обнародован указ, предписывавший членам «удзи» выделить старшего (при этом слишком разветвленные роды должны были разделиться). См. Нихон сёки, Тэмму, 11—12—3, 682 г. Кроме того, существует мнение, что данная фраза может быть истолкована как намек на установленный при государе Тэнти новый порядок наследования, как внутри царствующей семьи, так и для других аристократических родов.

⁷¹ 749—757 гг.

⁷² 757—765 гг.

⁷³ По мнению Саэки Арикиё такой реестр мог быть действительно составлен в 761 г., хотя и не сохранился до наших дней (Саэки Арикиё. Синсэн сёдзироку-но кэнкю (Изучение «Синсэн сёдзироку»). Т. 1. Хомбун (Текст памятника). Токио, 1962, С. 14). Так в «Генеалогии рода Накатоми» («Накатоми-но удзи кэй-дзу») говорилось: «В прошлом 5-ом году Тэмпё ходзи (761 г. — *М. Г.*) по государеву повелению был составлен реестр родовых имен («Сидзоку си»). [Также был создан] департамент [ответственный за] составление и выверку [генеалогических сведений], который представил ко двору основные генеалогические записи [родов]. Мидзогути Муцуко. Нихон кодай сидзоку кэйфу-но сэйрицу (Становление древнеяпонских родовых генеалогий). Токио, 1982, С. 16.

⁷⁴ В раннехэйанский период осуществляется поиск «идеальной» (с точки зрения соответствия норм и способов их реального воплощения на практике) модели политического устройства. В предисловии к «Синсэн сёдзироку» мы сталкиваемся со свидетельствами распространенного при дворе идеала «мудрого правителя» (яп. сэйдай). Правитель рассматривался как средоточие космических сил, фокус мирового круговорота. Он должен был выполнять задачу благоустройства Вселенной, а потому не мог не обладать моральным авторитетом. Власть правителя воспринималась как нечто единое и неделимое и не допускала проти-

водействия. Иными словами, согласно официальной идеологии разработанной при Камму, государь направлял движение всего мира до последней его частицы. Неповиновение правителю рассматривалось не просто как уголовное преступление, а в качестве попрания моральных устоев, покушение на самые основы вселенского порядка. В рамках представления о «мудром правителе», государь должен был быть могущественным и великодушным, управляя подданными при помощи наставлений. Он должен был окружить себя талантливыми и высоко нравственными людьми, дабы, внимая их советам и предостережениям, осуществлять справедливое правление. «Мудрый государь» должен быть инициатором многих благих деяний, к числу которых относилась забота об образовании и нравственном состоянии подданных. С этой целью правитель был обязан не только с почтением относиться к придворному церемониалу, но и поддерживать на должном уровне китайскую ученость. Популярность представлений о «мудром правлении» стала важнейшей причиной углубления придворных дискуссий о сущности государственной службы. К примеру, при государях Сага (809—823) и Монтоку (850—858), которые являлись самыми последовательными проводниками конфуцианской теории «правителя-мудреца» на практике, наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой государственные служащие обязаны являть всем окружающим пример высокоморальной личности, получившей конфуцианское образование и ставившей служение людям на первое место. При этом единственными силами, благодаря которым в государстве устанавливается мир, провозглашались преобразующая сила государя (яп. сэйка) и его добродетель (яп. токука). Дабы сохранить мир, вся власть должна оставаться в руках правителя. Преданность подданных следует оценивать не по происхождению, а по заслугам. Главная же обязанность подданных состояла в том, чтобы как можно более точно и плодотворно выполнять волю государя. Иными словами, в системе представлений о «мудром правлении» наибольшее предпочтение получила точка зрения, что управлять государством должны чиновники, у которых нет иных обязанностей, как служить, подчиняться и выполнять распоряжения правителя, иначе в стране воцарится смута.

⁷⁵ Досл. «трёх Хань», хотя, как явствует из текста «Синсэн сёдзироку», там перечисляются и роды происхождении из Цинь, Ранней и Поздней Хань, Вэй и Тан.

⁷⁶ Три Корейских государства — это Пэкче, Силла и Когурё.

⁷⁷ В течение VII — VIII веков на государственной службе в Японии использовались многочисленные представители иммигрантских родов. Иммигранты бесспорно обладали одним очень важным преимуществом перед представителями местной японской знати, так как они знали китайский литературный язык, без которого невозможно управление централизованным государством. В то же время многие представители японской аристократии, по всей видимости, не обладали достаточными знаниями китайского языка. Чаще всего после прибытия в Японию иммигранты выполняли высококвалифицированную работу, связанную с изучением китайских классических книг, а также объяснения их смысла пред-

ставителям японской аристократии; архитектурой и строительством; астрологией; медициной и т. д. Другими словами они оказались заняты в тех областях знаний, уровень развития которых в Китае и государствах Корейского п-ова был выше, чем в Японии. Многие из переселенцев, выполняя свои профессиональные функции (особенно в сфере государственного управления), надеялись, естественно, на получение определенных привилегий. Для лиц, находящихся на государственной службе, такими привилегиями являлось достижение высоких чиновничьих рангов. И хотя некоторые представители иммигрантских кругов все же достигали высокого положения при японском дворе, это было скорее исключением, чем правилом, и подавляющее большинство лиц, пожалованных высшими чиновничьими рангами, являлись представителями местной японской аристократии, осуществлявшей всю административную и военную власть в стране. В VI — VII вв. в силу ряда причин переселенцы (и их потомки) были исключены из японской элиты, а их положение в японском обществе по сравнению с представителями родоплеменной аристократии нельзя считать привилегированным. Но в VIII в. такое положение стало постепенно изменяться. Быстрый рост аппарата управления, низшее и среднее звено которого было в значительной степени образовано выходцами из Китая и Корейских государств, способствовал появлению на политической арене новой мощной силы, способной противостоять родоплеменной аристократии (в источниках даже упоминаются несколько случаев, когда иммигранты достигали высших чиновничьих постов, правда, это было скорее исключением, чем правилом). Таким образом, незнатные (с точки зрения представителей местной японской аристократии) роды иностранного происхождения начали постепенно входить в нижнее и среднее звено японской правящей элиты. Наиболее известными из иммигрантских родов были Ая и Хата. Каждый из этих родов обладал разветвленной структурой (имелось до нескольких десятков боковых ответвлений) и в этом плане их по примеру рода Фудзивара можно называть не родами, а «домами». И хотя по количеству занимаемых представителями этих родов придворных должностей (в период Нара только трое представителей основной линии рода Хата и семеро представителей основной линии рода Ая занимали придворные должности (преимущественно в Оммёрё) они несопоставимы с родами Абэ, Отомо и Фудзивара, но без них важнейшие институты «государства рицурё» не могли функционировать должным образом.

⁷⁸ Такая система, состоящая из «трех видов [происхождения], вероятно, действовала безукоризненно только по отношению к японским родам. Что же касается иммигрантских родов, то, как видно из текста генеалогического свода, четкого разделения в этом плане, видимо, не существовало. В различных списках «Синсэн сёдзироку» происхождение одного и того же иностранного рода иногда объясняется различными «видами». Так, например, происхождение рода Киёмура-но Сукунэ в разных списках толкуется по-разному. В одном списке об этом сказано, что он «происходит от [выходца из государства] Чэнь (557—589) Юань Тао-ту» (Саэки Арикиё. Указ. соч., С. 282). В другом же списке говорится, что

род Киёмура-но Сукунэ «потомок (пошёл от) [выходца из государства] Чэнь Юань Тао-ту» (Ганака Такаси. Указ. соч., С. 545). Таким образом, по всей видимости, установление четкой иерархии в деле происхождения того или иного рода в древней Японии в первую очередь касалось исконно японских родов, что же касается родов иммигрантских, то такая задача не ставилась, поскольку в любом случае они принадлежали к низшему типу родства — «сэбан».

⁷⁹ Пожалование новых имен отдельным представителям царского рода производилось двумя способами. В первом случае, представитель царского рода получал новое родовое (а иногда и личное) имя и жаловался рангом-кабанэ «сукунэ», например Кадзураки-но Окими — Татибана-но Сукунэ Мороз. Во втором случае, представитель царствующего рода получал новое родовое имя и жаловался рангом-кабанэ «махито», но сохранял свое личное имя (например, в 752 году принц Тину был пожалован новым именем — Фунъя-но Махито и его полное имя стало произноситься как Фунъя-но Махито Тину (Сёку нихонги, Тэмпи сэхо, 6—7—20, 754 г.). Если первый способ получения нового родового имени применялся крайне редко, то второй сделался обычной практикой и встречается в хрониках достаточно часто.

⁸⁰ По всей видимости, это было сделано для того, чтобы доказать наибольшую авторитетность родов, происходивших от государей древности.

⁸¹ Руйдзю сандай кяку, Конин, 5—5—8, 814 г. (Руйдзю сандай кяку (Классифицированные нормативные установления трех периодов). Конин кяку сё (Регистр указов [периода] Конин). Т. 2. Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1996, С. 511—512.

⁸² Татибана-но Асоми Мороз (684—757). Один из важнейших политических деятелей периода Нара. После того как в результате ужасной эпидемии оспы (737 г.), распространившейся с Кюсю, в течение четырех месяцев все четверо сыновей Фудзивара-но Асоми Фухито скончались, ведущее положение при дворе занял представитель другого рода — Татибана-но Мороз, 684—757 (Татибана — ответвление правящего рода). При Татибана-но Асоми Мороз главные роли стали играть выходцы из «старых» аристократических родов (Гадзихи — ответвление правящего рода, Отомо, Саэки) и непосредственно правящего дома (принц Судзука, бывший младшим братом Нагая). Сам Татибана-но Асоми Мороз тоже принадлежал к императорской фамилии (он был сыном принца Мипо, но носил фамилию матери, происходившей из старинного рода). При Татибана-но Асоми Мороз большим влиянием пользовались Киби-но Макиби (695—775) и, что особенно показательное, буддийский монах Гэмбо (?—746) — первый из монахов, который стал оказывать существенное влияние на расстановку политических сил при дворе (в особенности близкие отношения сложились у него с супругой Сёму — Комё). В результате придворных интриг, предпринятых Татибана-но Мороз, внук Фухито и сын Умакан по имени Хироцугу (?—740) в 738 г. был отправлен служить на Кюсю заместителем управителя Дадаифу, где в 740 г. поднял мятеж. Через два месяца он был разбит, попал в плен и был казнен. Татибана-но Асоми Мороз продолжал увеличивать свое влияние (он был Правым министром в от-

существовании Левого с 738 по 743 гг. и получил пост Левого министра в 744 г.). Однако противостояние с родом Фудзивара, которое осуществлял Татибана-но Асоми Морозэ, было очень опасно и в результате после того как Татибана-но Асоми Морозэ в 757 г. умер, его сын Нарамаро был обвинен в заговоре, Фудзивара-но Асоми Накамаро фактически стал диктатором.

⁸³ Один из наиболее влиятельных древнеяпонских аристократических родов, ведший свое происхождение от сына государя Когэн (трад. 214—158 гг. до н.э.), принца крови Охико-но Микото. При государе Сэнка этот род был введен в состав «высших сановников» (тогда поста «великого мужа» — «маэцукими» удостоился Абэ-но Оми Омаро), однако, не играл важнейшей роли в осуществлении политического курса вплоть до середины VII столетия, когда в 645 г. Абэ-но Оми Утимаро был назначен Левым министром. С этого времени началось возвышение рода Абэ. В 684 г. за поддержку Тэмму во время «смуты года дзинсин» род Абэ был пожалован новым «кабанэ» — «асоми». В 694 и 704 гг. (по мере усиления основной ветви рода) были определены главы и боковых линий этого рода — Фусэ-но Асоми и Хикэта-но Асоми (позднее они стали называться Абэ-но Хикэта-но Асоми и Абэ-но Фусэ-но Асоми). Навысший же пик могущества рода Абэ при дворе приходится на период Нара. Так, Абэ-но Асоми Минуси дослужился до поста Правого министра, Абэ-но Асоми Сукунамаро — до поста Дайнагона, а Абэ-но Асоми Хиронива — до поста Тюнагона. Всего за период Нара должности при дворе получили 88 представителей рода Абэ (из них семь — высшие), а придворные ранги имели 143 человека. На протяжении всего периода Хэйан род Абэ обладал значительным весом в придворной политике. Могущество дома Абэ в немалой степени было связано с привилегией наследственного назначения его членов на должности в Управлении по делам Инь и Ян (Оммёрё). Многие представители рода Абэ становились главами Оммёрё, но самым известным из них по праву считается Абэ-но Сэймэй, с которым связывается целая эпоха японской истории.

⁸⁴ Нихон сёки, Тэмму, 13—11—1, 684 г.

⁸⁵ Один из могущественных родов в ранней японской истории, игравших важную роль в становлении древнеяпонской государственности. Существует несколько версий происхождения этого рода. Одна из них связана с возможным происхождением Сога из провинции Ямато (местечко Сога в уезде Такэти и местность Кацураги) или Кавати (уезд Исикава). Согласно этой версии — Сога исконно японский род, который, согласно генеалогическому своду «Синсэн сёдзироку», вел свое происхождение от знаменитого Такэсиути-но Сукунэ (потомка Хикофуцу-но оси-но макото-но микото — младшего сына государя Когэн). Однако в последнее время среди японских историков очень авторитетной стала «теория» неяпонского происхождения рода Сога. Согласно этой теории, в 475 году в период смут в государстве Пэкче в Японию прибыл некий Сога Мати. Во время правления государя Кэйтая весь род Сога постепенно перебрался в Японию. Уже в Японии родился Сога Каракэ (сын Сога Мати) и его сын Сога Кома (Умасэ) — отец Сога-но Инамэ (?—570) (чья политическая звезда возшла после по-

давления мятежа Управителя Цукуси Иваи), от которого произошли все виднейшие представители рода Сога первой половины VII века: Сога-но Умако, Сога-но Эмиси и Сога-но Ирука. Согласно этой версии, представители рода Сога, являясь выходцами с Корейского п-ова, опирались на знания материковых технологий. В настоящее время считается, что политическое господство рода Сога в конце V — первой половине VII веков обеспечивалось тремя важнейшими компонентами: установлением брачных отношений с правящим домом, используя традиционную для Японии систему родства, когда дядя императора по линии матери («гайсэки») обладает на него повышенным влиянием (до рода Сога такую практику использовал род Кацураги); контролем над переселенцами с материка и их потомками, являвшимися носителями более высокой технологической и управленческой культуры; приверженностью к буддизму, игравшему важную роль в становлении общегосударственной идеологии. В первой половине VII столетия влияние рода Сога при дворе было подавляющим, но после убийства в 645 году Сога-но Ирука и принуждения к самоубийству его отца Сога-но Эмиси доминирование рода Сога в придворной жизни заканчивается. В 681 году представители рода Сога получают новое родовое имя Исикава (в 684 году роду Исикава было пожаловано «кабанэ» «сукунэ»). Однако, хотя род Исикава со второй половины VII века не играет такого превосходящего значения (в первую очередь это имеет отношение к установившейся в конце V века практике насильственного принуждения государей к выбору невест исключительно из рода Сога), многие его представители в конце VII — VIII вв. занимают высокие государственные посты и принимают участие в решении важнейших государственных задач. Так, в 701—794 гг. пятый придворный ранг и выше имели 139 представителей рода Исикава. Кроме того, за тот же период 103 выходца из этого рода занимали высокие придворные должности, пять человек стали придворными советниками («санги»), а 42 человека были назначены «управителями провинций».

⁸⁶ Один из влиятельных аристократических родов. Род Ки возводил свое происхождение к легендарному Такэтиуси-но Сукунэ (потомок сына государя Когэна — Хико-Фуцу-Оси-но Микото). Представители рода Ки появляются при дворе уже в VI в. (некоторые исследователи полагают, что в V в.), однако не занимают ключевых позиций. Известно, что представители этого рода выполняли военные функции и участвовали в военных действиях на Корейском п-ове (например, Ки-но Сукунэ Омаро), а также участвовали в карательных экспедициях против эмиси (к примеру, Ки-но Асоми Қосами). Быстрый рост влиятельности Ки приходится на конец VII в., особенно после того как в 684 году роду Ки было пожалован ранг-кабанэ «асоми». Пик политического могущества Ки приходится на период Нара. В течение VIII в. придворные должности занимали 124 (из них 11 — высшие, из которых 8 человек входило в состав Гисэйкана) представителя этого рода, а придворные ранги имело 177 членов рода Ки (к тому же 59 человек занимали должности «управителей провинций»). На протяжении IX в. представители рода Ки продолжали занимать ключевые позиции при дво-

ре, составляя (как считают многие авторитетные специалисты) оппозицию дому Фудзивара, однако в X в. былое величие рода Ки сходит не нет (к тому моменту, как знаменитый Ки-но Цураюки (?—945) создал «Тоса никки» ни один из представителей рода Ки не занимал ключевых постов при дворе). Одним из приоритетных направлений представителей этого рода была служба в Дайгакурё и Оммёрё. (а также в столичных военных управах). До наших дней сохранилась и «Генеалогия рода Ки» («Ки-но удзи кэйдзу», составленная в XI в.). Согласно этому памятнику род Ки находился в тесных дружеских связях с другим влиятельным родом — Отомо и оба рода зачастую становились политическими союзниками в своем противостоянии с домом Фудзивара.

⁸⁷ О нем см.: Нихон сёки, Суйко, 15—7—3, 607 г.; 16—4—0, 16—9—11, 608 г.; 17—9—0, 609 г.

⁸⁸ Известно, что VIII в. проходит под знаком соперничества двух основных «группировок» за политическое господство. Первая из них представляет собой императорский дом, вокруг которого концентрируются несколько «старых» аристократических родов (Отомо, Татибана, Сээки, Тадзихи). Вторая «партия» была образована главным образом многочисленным родом Фудзивара. При этом в борьбе за власть дом Фудзивара, как и предшествовавший ему род Сога, использовал несколько важнейших политических «инструментов»: во-первых, традиционную систему родства, а во-вторых, ориентированность на китайскую образованность (для Сога вторым компонентом была опора на буддизм), куда входили элементы конфуцианства, буддизма и даосизма. Ценности синтоизма при этом никем сомнению не подвергались. Родовое имя Фудзивара (Фудзивара — топоним и по преданию, в местечке с таким названием находился дворец супруги государя Ингё, где служил далекий предок Накатоми по имени Икацу) была пожаловано Накатоми-но Мурадзи (с 684 г. — «асоми») Каматари в 669 г. (непосредственно перед его кончиной) государем Тэнти, вместе с которым он в 645 осуществил устранение рода Сога из политической жизни. Но если, собственно, род Накатоми традиционно исполнял при дворе жреческие (синтоистские) функции, то представители же Фудзивара, выступавшие в качестве реформаторов по китайским образцам, стали выбирать для себя чисто чиновничью карьеру, которая была просто невозможна без овладения китайской образованностью. Наконец, в 698 г. специальным императорским указом родовое имя Фудзивара было оставлено только внукам (детям Фудзивара-но Асоми Фухито) Фудзивара-но Асоми Каматари (Мутимаро, 680—737; Фусасаки, 681—737; Умакаи, 694—737; Маро, 695—737), в то время как Фудзивара-но Асоми Омимаро (?—711, брат Фухито) было возвращено родовое имя Накатоми на том основании, что он «занимается делами синтоистских божеств». Согласно генеалогическому своду «Синсэн сёдзироку» род Фудзивара-Накатоми происходил от небесного божества — Амэ-но кояне-но микото и проживал в Левой половине столицы. И хотя уже в период Нара род Фудзивара состоял из нескольких «ветвей», каждая из которых по существу являлась отдельным родом (соперничество между этими «ветвями» отчетливо проявляется уже в нарский период). «Ветвь» Накатоми вообще была

отделена, тем не менее, весь период Нара и последующий за ним период Хэйан проходит под знаком политического могущества дома Фудзивара. О могуществе рода Фудзивара в период Нара говорят, к примеру, следующие факты: в 701—794 гг. должности при дворе занимал 341 представитель этого рода (из них 32 человека занимали посты политического советника двора — «санги» и выше, а 115 человек являлись «управителями провинций»), придворные же ранги были пожалованы 439 представителям дома Фудзивара (из них 84 — высшие, т. е. 1—3 ранги). Кроме того, 67 представителей рода Накатоми занимали придворные должности, а 74 человека имели придворные ранги.

⁸⁹ См. Нихон сёки, Тэнти, 8—10—15, 669 г.

⁹⁰ Родовое имя «Фудзивара» может быть истолковано как «заросли глициний».

⁹¹ Нихон сёки, Тэмму, 13—11—1, 684 г.

⁹² Один из наиболее влиятельных древнеяпонских аристократических родов (предположительно, его «профессиональным» занятием было несение воинской службы), происходивший, согласно «Синсэн сёдзироку» от «небесного божества» Ама-но Осихи-но Микото («Бог небесного обильного Солнца»). Возвышение этого рода произошло еще в V в., когда в 456 г. при государе Юряку (456—479) пост «омурадзи» (один из ключевых постов в государстве) занял Отомо-но Мурадзи Муроя. Затем уже с конца того же V в. до 70-х гг. VI в. (со времени правления государя Бурэцу (498—506) — по правление Киммэя (539—571) после того, как, согласно «Нихон сёки», один из его представителей Отомо-но Мурадзи Канамура «окончательно победил и усмирил врагов», род Отомо стал самым влиятельным при дворе пяти последующих государей и только при Бидацу (572—585) был вытеснен родами Мононобэ и Сога. После ослабления рода Мононобэ в конце VI в. род Отомо вновь начинает увеличивать свое влияние, но только после устранения с политического олимпа рода Сога, он выходит на первые позиции. Немалую роль в этом сыграла поддержка родом Отомо будущего императора Тэмму во время «смуты года дзинсин» (672 г.) (как следствие, в 684 г. род был пожалован более высоким рангом-кабанэ «сукунэ»). В период Нара род Отомо был пожалуй единственным, кто мог представить реальную конкуренцию роду Фудзивара (некоторые исследователи даже предполагают, что в период Нара во внутридворцовой борьбе принимали участие две политические «группировки»: «партия» Фудзивара и «партия» Отомо (среди его союзников можно отметить, к примеру, роды Ки и Саэки), при этом каждая из этих политических «группировок» имела своих «союзников»). Считается, что в отличие от рода Фудзивара, который опирался на китайскую образованность, род Отомо делал упор на традиционные японские ценности (в этой связи интересно, что нет никаких данных о существовании «частной школы» рода Отомо, где бы представители этого рода обучались основам китайской книжной мудрости, как то было, например, в «частной школе» рода Фудзивара — Кангаку-ин). О влиятельности рода Отомо в период Нара говорят следующие данные: придворные чиновничьи ранги в этот период имели 154 представителя рода Отомо; 108 человек за-

нимали должности при дворе (из них 12 — высшие, из которых 9 в Гисэйкане); наконец; 59 выходцев из этого рода занимали посты «управителей провинций» («кокусю»). Однако в IX в. политическое влияние рода Отото начало заметно уменьшаться, а после инцидента 866 г. («Отэммон-но хэн»), который был инспирирован домом Фудзивара в первую очередь против родов Отото и Ки, и вовсе сошло на нет.

⁹³ В древней Японии «югэи» (иначе «юкэи») это название воинов, ответственных за охрану дворцовых ворот. Кого дайджитэн (Энциклопедия древне[японского] языка). Под ред. Накада Ивао и др., Токио, 1983, С. 1689.

⁹⁴ До 781 года род назывался «Хадзи» («глиняных дел мастера»). Новое название рода «Сугавара» («поле осоки») ведет происхождение от местности к западу от Нара. Важнейшей областью деятельности представителей рода Сугавара было овладение книжной премудростью (именно этой профессии представители дома Сугавара обязаны повышению своего социального статуса), а многие из Сугавара стали преподавателями Высшей школы чиновников (яп. Дайгаку). Наиболее знаменитым представителем этого рода был Сугавара Митидзанэ (845—903 гг.).

⁹⁵ Легенду о том, как «ворон с головой в восемь мер» (яп. Ятагарасу) прилетел к Дзимму «во исполнение благого сна» см.: Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 1, С. 181—182.

⁹⁶ По другой версии «потомка в десятом поколении» (Нихон сандай дзицуруку (Правдивые записи трех правлений). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1972, Гангё, 7—12—25, 884 г.). Также см.: Lewin B. Aya und Nata. Bevölkerungsgruppen Altjapans kontinentaler Herkunft. Wiesbaden, 1962, S. 35—36.

⁹⁷ Согласно хронике «Нихон сандай дзицуруку», принц Гун-мань и его сын принц Юн-тун прибыли в Японию в 4-м году правления государя Тюай и «привезли [с собой] драгоценные камни и культуру шелководства». Нихон сандай дзицуруку, Нинна, 3—7—17, 887 г.

⁹⁸ Яп. Юдзуки-но Кими.

⁹⁹ В «Нихон сёки» по этому поводу говорится: «В том же году из Пэкче прибыл Юдуки-но кими (совр. Юдзуки-но Кими — М. Г.). И сказал так: «Я, недостойный, направлялся сюда, ведя с собой [чиновных] мужей из ста двадцати провинций страны. Однако из-за помех, чинимых людьми Силла, все они были задержаны в стране Кара». Нихон сёки, Одзин, 14—2—0, 283 г.; Одзин, 16—8—0, 285 г.

¹⁰⁰ Нихон сёки, Юряку, 15—0—0, 470 г.

¹⁰¹ О нем см.: Нихон сёки, Киммэй, 16—2—0, 555 г.; 17—1—0, 556 г.

¹⁰² Представители рода Кома-но Асоми играли очень важную роль в дипломатических контактах Японии с соседними государствами. Так, в 750 году Кома-но Асоми Ояма был включен в состав посольства в Китай (в качестве помощника посла), в 761 году он же был назначен послом в государство Бохай, в 762 году Кома-но Асоми Хирояма (еще один выходец из этого рода) был назначен помощником посла в Китай, а в 777 году Кома-но Асоми Тоноцугу был отправлен

послом в Бохай. В 779 году один из представителей рода Кома-но Асоми — Кома-но Асоми Фукусин был пожалован новым родовым именем — Такакура-но Асоми (Сёку нихонги, Хоки, 10—3—17, 779 г.), но составители «Синсэн сёдзи-року», по всей видимости, сочли такое изменение родового имени излишним, а потому в этом генеалогическом своде не был зафиксирован род Такакура-но Асоми.

¹⁰³ Один из наиболее знаменитых родов иностранного происхождения, представители которого играли заметную роль во внешней политике Японии периодов Нара и раннего Хэйана. Самый известный представитель этого рода Саканоуэ-но Тамурамаро (758—811 гг.), возглавивший в 797, 801 и 804 гг. походы против эмиси. За это государь Камму пожаловало ему титул «сэйи тайсёгун» — «великий военачальник, усмиряющий варваров».

¹⁰⁴ Хотя по версии «Синсэн сёдзи-року» этот род возводил свое происхождение к императору Лин-ди Поздней Хань (25—220 гг.), но, согласно «Тамурамаро дэнки» («Жизнеописание [Саканоуэ-но] Тамурамаро, IX в.), род вел свое происхождение от основателя династии Ранняя Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.) императора Гао-цзю, а в числе его предков числились еще два императора: Гуан-у-ди (основатель династии Поздняя Хань) и Лин-ди (по всей видимости, это было сделано для того, чтобы доказать знатность своего происхождения и, таким образом, повысить свой авторитет в глазах других неяпонских родов, проживающих в Японии). Именно потомок последнего (Лин-ди) в 13 поколении принц Ачжи (яп. Ати) через Корею прибыл в Японию во время правления государя Одзина. Принц Ачжи и прибывшие с ним люди поселились на территории уезда Хинокума провинции Ямато и позднее Ачжи был пожалован родовым именем Ати-но Оми. Танака Такаси. Указ. соч., С. 725.

¹⁰⁵ В «Саканоуэ-но удзи кэйдзю» («Генеалогии рода Саканоуэ» XI в.) история появления этого рода в Японии объясняется следующим образом: «В царствование государя Хомуда (посмертное имя — Одзин), спасаясь от смуты в [своей] родной стране... [в Японию] прибыли семь китайских («ханьских») родов», среди которых был и род Такамуко-но Сугури. Танака Такаси. Указ. соч., С. 725.

¹⁰⁶ Согласно тексту другого списка «потомок».

¹⁰⁷ Род Кудара-но Коникиси был непосредственно связан с царским родом государства Пэкче (яп. Кудара) и это возможно объясняет тот факт, что многие представители этого рода достигли 5-го или 4-го рангов, а три представителя (Кудара-но Коникиси Кэйфуку, Кудара-но Коникиси Нантэн и Кудара-но Коникиси Мэйсин) даже 3-го ранга. (Интересно, что сам формант «Коникиси», который японские исследователи считают одним из рангов-кабанэ, записывается тем же иероглифом, что и «ван», то есть царь).

¹⁰⁸ Существуют две версии происхождения рода Миёси. По одной версии, род происходил либо от переселенцев из Пэкче, либо от переселенцев из Китая. Первоначально род назывался «Нисикори» (досл. «ткачи парчи»), затем представители этого рода выполняли различные мелкие поручения двора (Нихон сёки, Юряку, 7—0—0, Киммэй, 31—7—1, 570 г.). Позднее род был переименован в

Миёси-но Сукунэ. Согласно другой версии, род Миёси происходит от кормилицы принца крови Атэ (более известен как государь Хэйдзэй, старший сын государя Камму) по имени Нисикори-но Мурадзи Анэцугу, которая в 807 г. была пожалована новым родовым именем Миёси-но Сукунэ (Руйдзю кокуси (Систематизированная национальная история). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1—2. Токио, 2003, Дайдо, 2—6—15, 807 г.). О происхождении рода Миёси-но Сукунэ см.: Токоро Исао. Миёси Киёюки-но дзэнхансэй (Молодые годы Миёси Киёюки). / Гэйрин, 1966, Т. 17, № 5—6.

¹⁰⁹ Для понимания источниковедческой ценности докладных записок необходимо уяснить, что доклад к какой бы разновидности он не относился — документ конфиденциального содержания, хотя выдержанный в духе высокой словесности, но не предназначенный для широкой публики. Обращенный в сферу не декларируемой, а скорее реальной политики. Докладные записки — памятник не политической теории, но практики. Это своеобразный документ «тайной дипломатии». Несомненно, следует отдавать себе отчет и в том, что, изучая доклады чиновников, мы имеем дело с авторитетным мнением представителей аппарата управления, находящихся на разных уровнях должностной и ранговой иерархии.

¹¹⁰ Руйдзю сандай яку (Классифицированные нормативные установления трех периодов). Сер. «Кокуси такэй». Т. 1—2. Токио, 1996, Тэнтё, 1—8—20, 824 г. Позднее эта докладная была включена в корпус текстов энциклопедии «Хонтё мондзуй». См.: Хонтё мондзуй (Литературные стили нашей страны). Сер. «Син Нихон котэн бунгаку тайкэй». Под ред. Осонэ Сёсукэ. Токио, 1992, С. 147—148.

¹¹¹ Правый министр (яп. Удайдзин). В государственной иерархии третий по значимости пост (после Главного и Левого министров), однако иногда в силу вакантности двух высших должностей Правый министр возглавлял Высший политический совет (яп. Гисэйкан).

¹¹² Согласно нарским геополитическим представлениям государь, обладая «священной культурностью» (яп. сэйка), распространял её на всех своих подданных. По мере отдаления от столицы её действие ослабевало, поэтому считалось, что лица, отправляемые двором за пределы японского государства (в составе посольств или по частной инициативе), на время пребывания в соседнем государстве утрачивают связь со «священной культурностью» государя. А потому вернувшихся в Японию из других стран называли «кикадзин» — «человек, вернувшийся к культурности» (перевод термина принадлежит А.Н. Мёщерякову). Об этом см.: Хаякава Сёхати. Хигаси адзия гайко то нихон рицурёсэй-но суйи (Становление японской системы «рицурё» и внешние контакты с Восточной Азией). / Кодай кокка то Нихон (Древние государства и Япония). Под ред. Киси Тосио. Токио, 1996, С. 78. Примечательно, что в период Хэйан представления о «священной культурности» государя становятся еще более подчеркнутыми. Так, например, считалось, что любой придворный чиновник, длительное время находившийся за пределами центрального региона Кинай, не может явиться во дво-

рец сразу после своего прибытия в столицу, дабы не распространить на государя ритуальную «нечистоту» (яп. кэгарэ). По этой причине, он должен некоторое время осуществлять «очистительные ритуалы» и только после их завершения такой чиновник мог попасть на территорию дворцового комплекса. Подр. об этом см.: Ямамото Кодзи. Кэгарэ то охараэ ([Ритуальная] нечистота и очистительный ритуалы — «охараэ»). Токио, 1992.

¹¹³ Дзюнсацуси — так называемые «разъездные инспекторы», направляемые в периферийные регионы для контроля за соблюдением норм общегосударственного законодательства. В период Нара компетенция «дзюнсацуси» была весьма велика: от отстранения «недостойного» чиновника от должности, до его препровождения в столицу для дальнейшего установления степени виновности и определения наказания. Регулярное использование таких инспекторов началось, как это явствует из хроники «Сёку нихонги», в 719 году, но в 809 году управление «дзюнсацуси» было реорганизовано, а сами инспектора были отозваны в столицу. Подр. о «дзюнсацуси» см.: Сакамото Ёситанэ. Ансэтисисэй-но кэнкю (Изучение системы инспекторов). / Хисутория, №№ 44—45, 1990.

¹¹⁴ Девизы правления (яп. нэнго) были заимствованы из китайской политической традиции и непосредственно связывались с учением о «благих знамениях». Вера в «счастливые» и «несчастливые предзнаменования» в Японии основывалась на убеждении, что все сущее зависит от взаимодействия двух сил — отрицательной и положительной (инь-ян). Считалось, что «счастливые» или «несчастливые предзнаменования» посылаются свыше и представляют что-то вроде «путеводных нитей», указывающих на «праведность» (или, наоборот, «неправедность») правления или отдельных поступков, и, разумеется, являлись «руководством» к действию, своеобразной «подсказкой» высших сил, что необходимо незамедлительно действовать, дабы избежать нежелательных последствий. Поэтому апеллирование к «небесным знамениям» во всех важных государственных и ритуальных текстах считалось делом обычным. Современные исследователи считают, что уже в VIII в. на основе китайских образцов была разработана «иерархия знамений», но к сожалению самым ранним упоминанием такой «иерархии», дошедшей до нас, является список «счастливых предзнаменований» в «Энгисики» (927 г.). Согласно тексту «Энгисики», все «предзнаменования» (всего более 140) делились на четыре группы: «большие», «крупные», «средние» и «малые» (включали как мифических животных и растения, так и явления природы или отдельные предметы). Многие из упоминаемых в «Энгисики» «счастливых предзнаменований» были непосредственно связаны с китайской мифологией («единорог», «феникс», «красный феникс (жар-птица)», «дракон», «белый тигр», «рогатый лев с головой дракона (байцзе)», «олень-единорог», «белый слон», «лисица с девятью хвостами», «птица-луан», «золотой знак победы», «черный журавль» и т. д.), однако были и традиционно японские («счастливая трава», «священная лошадь», «священная черепаха» и т. д.). Подр. см.: Икэда Он. Тюгоку то Нихон-но гэнгосэй (Система «девизов правления» в Китае и Японии). / Хорицу сэйдо (Законодательство). Под ред. Икэда Он. Токио, 1997, С. 362—410.

¹¹⁵ Одним из важных аспектов текстологического анализа является герменевтика, под которой традиционно понимается истолкование «скрытого смысла» текста, встречающихся в тексте образов, метафор, аллюзий, цитат, т. е. в конечном счете — значения, придаваемого автором своему произведению. Японские чиновники в изобилии оснащали свои сочинения цитатами из китайской классической литературы или трудов авторитетных предшественников. В большинстве случаев, нужно признать, ссылки на источники ограничиваются лишь общими указаниями: «в одной книге сказано...» или «древние говорили...». В других случаях точно указывается источник цитирования. Но очень часто встречаются примеры скрытых цитат, аллюзий на различные выражения. Умение распознавать их предполагает обширную профессиональную эрудицию историка, его хорошую начитанность в области древней и средневековой книжности. При этом, справедливости ради, необходимо констатировать, что не следует увлекаться поисками переносного смысла в тех случаях, когда прямой смысл фразы очевиден. Не должна удивлять и «условная точность цитирования», поскольку авторы древних и средневековых японских произведений зачастую цитировали книги когда-то заученные по памяти во время обучения в школе.

¹¹⁶ Неточная цитата из «Шу цзин». Шан шу (Book of History). Хэнань, 1996, С. 192. «Шу цзин» («Книга истории», другое название «Шан шу») — древнекитайский памятник, включающий собрания записей преданий, сказаний, различных версий мифов, исторических событий, наставлений сановникам и т. д. Повсей видимости, текст «Шан шу» оформлялся в течение нескольких веков (V—II вв. до н.э.), что подтверждают археологические находки в Мавандуе и Турфане. По мнению японских исследователей, «Шан шу» (наравне с «Вэнь сюань») — «Литературный сборник», «Ли цзи» — «Книга ритуалов», «Лунь юй» — «Беседы и суждения», «Хань шу» — «История династии Хань», «Ши цзи» — «Записи историка» и «Ши цзин» — «Канон стихов») один из семи наиболее цитируемых китайских памятников в японской литературе VIII—XII вв. Цунода Бунъэй. Отё бунка сёсо (Различные аспекты придворной культуры). Осака, 1984, С. 278—283. При этом необходимо учитывать общеизвестную трудность понимания текста «Шан шу», а многие ученые отмечают, что с полной уверенностью понимают приблизительно половину текста. См. напр.: Тюгоку отё-но тандзё (Рождение китайской династии). Под ред. Мацумару Митио. Осака, 1993, С. 123—129.

¹¹⁷ Шан шу. Указ. соч., С. 412.

¹¹⁸ Дайгакурё — управление делами столичного школы чиновников (яп. Дайгаку), основанной, предположительно, в 670 году.

¹¹⁹ Т. е. высокоранговых придворных чиновников.

¹²⁰ Ёсиминэ-но Асоми Ясуё был одной из самых известных личностей раннехэйанского периода. В его «Жизнеописании» сообщается, что с малых лет он проявлял интерес не только к «охотам и военным забавам», что было типично для отпрысков знатных фамилий, но и к изучению китайского литературного наследия, а в возрасте пяти лет наизусть знал «Сяо цзин» (Трактат о сыновней почтительности). Ёсиминэ-но Ясуё сделал блестящую придворную карьеру, дослу-

жившись до должности «дайнагон» (старший советник Двора, т. е. был членом Гисэйкана — Палаты по решению важнейших государственных дел). За время службы в государевом дворце он принимал участие во многих общегосударственных мероприятиях: составление хроники «Нихон коки» («Поздние анналы Японии»), которая была окончательно завершена только в 840 году; написание «Дайрисики» («Нормативные установления государева дворца», 821 г.). Помимо этого, в 827 году под руководством Ёсиминэ-но Ясуё увидела свет антология придворной литературы «Кэйкокусю» («Собрание, помогающее управлению государством»). В период Хэйан Ёсиминэ-но Ясуё считался признанным знатоком изящной словесности, а его произведения были включены во многие литературные антологии.

¹²¹ Яп. «мондзэсэй» — ученики столичной школы чиновников (яп. Дайгаку), специализировавшиеся на изучении китайской классической литературы. Несмотря на то, что отделение китайской классики упоминает уже кодекс «Тайхорё», впервые термин «мондзэсэй» был упомянут в древнеяпонских источниках под 730 годом. Количество «мондзэсэй» было установлено в 20 человек. Рё-но сюэ («[Общий] свод комментариев к [кодексу Тайхо]рё»). Т. 1—4. Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1995, Т. 1, С. 80.

¹²² Яп. «токугэсэй» (досл. «окончившие установленный курс») — почетное звание для выпускника Дайгаку. Как видно из текста «Рё-но сюэ», в 730 году звание «токугэсэй» было присвоено десяти выпускникам всех четырех отделений Дайгаку (конфуцианства, китайского языка, права и математики). По всей видимости, звание «токугэсэй» более сопоставимо с современным понятием «аспирант». Для получения этого звания было необходимо сдать специальный экзамен и, если он сдавался успешно, то претендента зачисляли в штат Дайгакурё и ставили на государственное довольствие, которое выдавалось два раза в год (зимой и летом) и включало не только шёлковую материю, вату и холст, но также сушеную рыбу, морские водоросли и соль. Рё-но сюэ. Указ. соч., Т. 1. С. 80. С 820 по 827 годы звание «токугэсэй» было заменено на «сюсайсэй».

¹²³ Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 19—22.

¹²⁴ «Гэ» — форма документации, обозначающая доклад от нижестоящего ведомства к вышестоящему: в данном случае от Сикибусё (Министерство Церемоний) к Дайдзёкану. В кодексе «Тайхорё» отмечается, что «гэ» является одной из официально установленных форм доклада «восьми министерств и нижестоящих столичных и провинциальных ведомств» Дайдзёкану. Рицурё. Указ. соч., С. 378—379.

¹²⁵ Мияко-но Хираака (789—825) происходил из рода Кувахара, но в 823 году получил новое родовое имя Мияко-но Сукунэ. За время обучения в Дайгаку рекомендовал себя как знаток изящной словесности. Принадлежал к свите государя Сага, зачастую декламируя стихи известных китайских поэтов при дворе. Принимал участие в написании церемониального свода государева дворца «Дайрисики». Долгое время занимал должность профессора изящной словесно-

сти литературного отделения Дайгаку. Образцы его произведений содержатся во многих хэйанских литературных энциклопедиях.

¹²⁶ Дзюнин — мелкие служащие различных столичных и провинциальных ведомств.

¹²⁷ Хакүтё — человек без ранга (незначительный человек).

¹²⁸ Основной текст этого установления содержится в «Сёку нихонги». Там сказано: «Дайдзёкан докладывал: «Среди учеников школы чиновников есть такие, чьи знания неглубоки, а успехи неудовлетворительны, несмотря на проведенное ими за учением время. Имеются в виду те случаи, когда семьи учеников бедны, и не в состоянии обеспечить ученика. Если даже он любит учение, добиться своего он не в состоянии. В связи с этим было бы целесообразно отобрать от пяти до десяти одаренных учеников, которые добились хороших результатов и оказать им достойную поддержку, чтобы они могли всецело посвятить себя учению, представляя им пропитание летом и зимой...» (Пер. А.Н. Мещерякова). Сёку нихонги, Тэмпё, 2—3—27, 730 г. Также см.: Рё-но сюгэ. Указ. соч., Т. 1. С. 80.

¹²⁹ 820 г.

¹³⁰ В период Тан Чжаовэньгуан (департамент Блестящей словесности) занимался перепиской, исправлением и редактированием книг и документов. При Чжаовэньгуан существовала специальная школа, в которой ученые, работавшие в этом департаменте, преподавали 38 ученикам. При этом были предусмотрены несколько учебных курсов: изучение нормативных актов и государственных хроник, составление частных документов и т. д. Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Сост. Оуян Сю. Т. 1—20. Пекин, 1986, Т. 4, С. 1209—1210.

¹³¹ Чунвэньгуан (Департамент Возвышенной литературы) занималось составлением литературных собраний и контролем над преподавателями. Внутри этого департамента также была предусмотрена школа, в которой обучались 20 учеников. Синь Тан шу. Указ. соч. Т. 4. С. 1294.

¹³² Танская система государственных школ включала следующие учебные заведения. Гоцзысюэ («Школа сынов государства»), где обучались сыновья и внуки высших чиновников (всего 300 человек). Тайсюэ («Высшая школа»), где учились сыновья и внуки остальных придворных чиновников (всего 500 человек). Сымэньсюэ («Школа четырех ворот»), куда зачислялись дети среднеранговых чиновников и наиболее талантливые простолюдины (всего 1300 человек). Люйсюэ («Школа изучения законов»), предусмотренная для детей низкоранговых чиновников и простолюдинов (всего 50 человек). Наконец, Шусюэ («Школа письма») и Сюаньсюэ («Школа счета»), где могли проходить обучение дети низкоранговых чиновников и простолюдины (каждая по 30 человек). Помимо этого, существовал еще Гуанвэньгуань («Институт развития литературного искусства») — некоторый аналог современной «аспирантуры», куда направлялись 60 лучших студентов для дальнейшего обучения и получения высших ученых званий.

¹³³ Стихи «ши» и оды «фу» являются основными жанрами китайской литературы. Считается, что эти жанры сформировались еще в период Хань и существо-

вали на протяжении многих исторических периодов в практически неизменном виде.

¹³⁴ Сюнси (досл. «выдающийся талант») является калькой от китайского термина «цзюнь ши». В Китае эпохи Тан на основании норм ритуального свода «Ли цзи» существовала система, в рамках которой один раз в три года среди детей из незнатных семей отбирали наиболее талантливых и высоконравственных и зачисляли в столичную школу Тайсюэ. Такие студенты назывались «цзюнь ши».

¹³⁵ Иными словами, речь идет о введении новой ступени и иерархии ученых званий. Новое звание «сюнси» должно было облегчить доступ к государственным должностям детям высшего чиновничества.

¹³⁶ Цзы Ю (Янь Янь) и Цзы Ся (Бу Шан) — близкие ученики Конфуция. Хотя годы их жизни неизвестны, но есть сведения, что Цзы Ю был на 45 лет младше Конфуция, а Цзы Ся — на 44 года. Эти два ученика более всего прославились своими познаниями в литературе, что нашло отражение в тексте «Лунь юя», где сказано: «Среди учеников самым способными в осуществлении добродетели были Янь Юань, Минь Цзыцзянь, Жань Боню, Чжун Гун; в умении вести диалог — Цзай Во, Цзы Гун; в государственных делах — Жань Ю, Цзи Лу; в вопросах *вэнь*-культуры — Цзы Ю и Цзы Ся». Переломов Л.С. Указ. соч. С. 375.

¹³⁷ Янь Сюнь (54 г до н.э. — 18 г. н.э.) — известный философ-конфуцианец эпохи Хань, принадлежавший к школе «древних текстов» (гுவэнь цзя). Был выходцем из крестьянской семьи и в возрасте сорока двух лет прибыл в столицу, где начал свою политическую деятельность. Принял участие в мятеже Ван Мана и был убит во время восстания «красных бровей». В своих философских взглядах стремился очистить конфуцианство от эклетизма и решительно выступал против всех неконфуцианских школ. Кисти Ян Сюня принадлежат два философских трактата: «Фа янь» («Образцовые речи») и «Тай сюань цзи» («Трактат о великом сокровенном»), а также различных од, наиболее известной из которых в период Хэйан была «Ода о сладком источнике» («Гань цюань фу»). Частичный перевод трактатов Ян Сюня на русский язык см.: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. Сост. Ян Хиншун. М., 1990, С. 200—220.

¹³⁸ Сыма Сянжу (179—117 гг. до н.э.) — один из самых знаменитых поэтов периода Хань. Автор многочисленных од. Многие поэтические произведения Сыма Сянжу становились для хэйанских придворных литераторов образцом для подражания. К примеру, известно, что 901 году на придворном пиру слуги государя Дайго не только участвовали в обсуждении текстов китайских династийных историй, но и сочиняли стихотворения в стиле Сыма Сянжу, Сыма Цяня и Хуан Сяня. Кавагути Хисао. Хэйантё Нихон камбунгакуси-но кэнкю (Изучение истории японской камбунной литературы периода Хэйан). Токио, 1964, С. 200.

¹³⁹ Автор намекает на одну из распространенных в китайской культурной традиции историй. Согласно конфуцианским представлениям, богатство и знатность не имеют решающего значения при отборе слуг правителем. Точно также как и возраст не имеет решающего значения. В этом плане более значимым фактором являются способности к ведению государственных дел, основывающиеся

на природной мудрости «кандидата» на пост. По этой причине во многих китайских произведениях (от государственных хроник до энциклопедических сводов) с особой явственностью делается акцент на описании примеров выявления государями природной мудрости своих подданных. Так, в «Исторических записках» повествуется о государе У-дине, который вознамерился возродить дом Инь, «но не мог найти себе [достойных] помощников». И вот однажды во сне государь увидел «мудреца, которого звали Юэ». Впоследствии он узнал его в одном из преступников, сосланных на строительство городища Фусянь. Как видно из «Исторических записок», «обретя Юэ и поговорив с ним, [У-дин понял], что это действительно мудрый человек, и выдвинул его, сделав своим первым советником». С того времени государство Инь «стало хорошо управляться» (Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Вяткина. Т. I—VIII. М., 1975—2001, Т. I. С. 173). В том же произведении рассказывается история о Хуай-хоу Хань Сине, который был выходцем из бедной семьи, но со временем стал высокопоставленным сановником. Несмотря на то, что Хань Синь был посредственным политиком, полководцем он был очень талантливым. Именно это позволило Хань Синю стать одним из выдающихся соратников первого ханьского государя Гао-цзу. Подр. см. Сыма Цянь. Указ. соч. Т. VII. С. 109—129. Не менее интересна и история возвышения Люй Шана. В возрасте восьмидесяти лет он был простым рыбаком и удил рыбу на берегу реки Вэй. Как-то раз поблизости от реки Вэй проезжал чжоуский правитель Вэнь-ван, который был очарован тем, как Люй Шан мастерски удит рыбу. В результате Вэнь-ван увез Люй Шана в собственной колеснице и возвел в ранг своего наставника. Люй Шан прожил до ста двадцати лет, занимая посты первого советника при Вэнь-ване и полководца при его приемнике — У-ване. Удивительные истории нашего времени и древности. Пер. с китайского, послесловие и примечания В.А. Вельгуса и И.Э. Циперович. Т. II. М., 1962, С. 90.

¹⁴⁰ Известно, что в танском Китае существовало восемь степеней, для получения которых сдавали специальные экзамены: «сюцай», «минцзин», «цзиньши», «минфа», «миншу», «минсуань», «сюаньцзюй» и «гунцзы». Доступ к высшим государственным должностям могли получить только те лица, сдавшие экзамен на степень «цзиньши». По примеру Китая эпохи Тан, в Японии также была создана собственная система ученых званий. «Сюсай» и «синдзи» (кит. «сюцай» и «цзиньши») были двумя наиболее известными из них. Чтобы получить одно из этих званий необходимо было сдать специализированный экзамен, включающий письменную работу. По сути, получение одного из этих званий сопоставимо в современном понимании со степенью кандидата наук.

¹⁴¹ Т. е. с установлением 730 года.

¹⁴² 827 год.

¹⁴³ Перевод осуществлен по изданию: Рё-но гигэ ([Свод] законов-«рё» с официальными пояснениями). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1995, С. 1—3. Текст данного предисловия позднее вошел в состав «Хонтё мондзуй». См.: Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 249—250.

¹⁴⁴ Известно, что свод «Рё-но гигэ» был составлен редакционной коллегией под руководством Киёвара-но Нацуно в начале 833 года. В конце того же года к тексту свода присоединили доклад самого Киёвара-но Нацуно на высочайшее имя и передали весь труд на рассмотрение государя Ниммё. В докладе, в частности, отмечалось: «Где бы государь ни преобразовывал [свои] владения... действовали разнообразные указы, а законы выполняли роль незыблемой основы для исполнения всеми подданными. Поощрения и наказания служили оплотом царствующей династии... Поскольку толкования прежних учёных стали противоречивы,... стало необходимо пересмотреть существующие законы... Новые времена всегда порождают новые законы, которые, хотя и не соответствуют духу древности, в изобилии применяются в наши дни. Эти законы меняют образ мыслей людей, и становятся образцом для правителей... [Все это] требует незамедлительных мер по исправлению изъянов...» В конце следующего 834 года, в соответствии с государевым рескриптом, свод «Рё-но гигэ» ввели в действие. Сё-ку Нихон коки, Тэнтё, 10—2—15, 833 г.; 10—12—15, 833 г.; Дзёва, 1—12—18, 834 г.

¹⁴⁵ Поскольку весна является периодом действия силы «ян», она порождает все живое, а осень является периодом действия силы «инь», она все убивает. Точно также и принципы законов о поощрении и наказании людей появляются в соответствии с принципами мироустройства.

¹⁴⁶ Перифраз из древнекитайского трактата «Хань Фэй-цзы». См.: Искусство управления. Сост., пер., вступит. ст. и коммент. В.В. Малявина. М., 2004, С. 129.

¹⁴⁷ Выражение из «Оды и Западной столице». Вэнь сюань (Литературный сборник). Сост. Сяо Тун. Т. 1—2. Шанхай, 1959, С. 25.

¹⁴⁸ Иными словами, законы используются только в соответствии с принципами четырех сезонов года, подобно тому, как весенние ветры дают жизнь травам и деревьям, а осенний иней иссушивает их. Поскольку правитель рассматривался как высший посредник между Небом и Землей, то в его обязанности входило неусыпно следить за соблюдением принципа «инь у». В трактате «Ли цзи» по этому поводу сказано: «Если [осенью] осуществлять весенние ритуалы, то осенние дожди не прольются, травы и деревья зацветут преждевременно, а в государстве начнется смута. Если [осенью] провести летние ритуалы, то быть засухе, насекомые не вернуться в свои норы, а пять злаков снова начнут расти. Если же [осенью] соблюдать зимние ритуалы, то несезонные ветры вызовут бедствия, гром проснется от надлежащего ему в это время покоя, а растительность вообще погибнет». Ли цзи чжэн и (Книга ритуалов с комментариями). / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 2, С. 1536—1537.

¹⁴⁹ Эта мысль содержится в философском трактате «Хуайнань-цзы». Там сказано: «Некогда Желтый предок управлял Поднебесной, а помогали ему Лиму и Тайшаньцзи. Они упорядочили движение солнца и луны, урегулировали чередование эфира *инь* и *ян*, расчленили границы четырех сезонов, определили календарный счет, провели различие между мужчиной и женщиной, обозначили

границу между самками и самцами, внесли ясность в положение высших и низших, установили деление на благородных и худородных, повелели сильным не нападать на слабых, многим не чинить бесчинств над немногими. И тогда народ сохранил свою жизнь и не умирал преждевременно. Урожай вовремя созревал, и не было стихийных бедствий. Все чиновники были справедливы и не знали корысти. Высшие и низшие жили в гармонии, и никто не превосходил другого. Законы и распоряжения были ясны, и не было в них темного». Философы из Хуайнани. Указ. соч., С. 112.

¹⁵⁰ Согласно преданию, после того, как во времена мифического государя Гао Яо ввели особые одежды для преступников, различающиеся по цвету в соответствии с тяжестью преступления, стало невозможно исправлять сердца людей нравственным чувством стыда. Современные исследователи полагают, что это была наиболее ранняя система наказаний, предшествующая так называемым «пяти наказаниям», возникшим, скорее всего, в период Чжаньго (V—III вв. до н.э.). Смысл таких наказаний заключался не в том, чтобы нанести человеку телесные повреждения, имеющие, как известно, необратимый характер. Гораздо важнее было выделить преступника среди людей, тем самым выставить его на всеобщее порицание. Позднее, с введением писаных законов и установлением системы «пяти наказаний» (татуирование, отрезание носа, отрубание ног, кастрация и смертная казнь) практика публичного осуждения преступника продолжала существовать, представляя собой способ морального воздействия на обвиняемого, постулируемый представителями конфуцианского учения. При этом в представлениях ханьских правоведов обе системы наказания должны были действовать как некий единый механизм, что, по всей видимости, должно было сделать судебную систему максимально эффективной. В ханьском трактате «Бо ху тун и» («Всеобъемлющие рассуждения в зале Белого тигра»), в частности, сказано: «Одежда наказанных при помощи рисования знаков соответствовала пяти наказаниям. Наказуемый татуированием опоясывался повязкой. Наказуемый отрезанием носа носил красно-бурые одежды. Наказуемый вырезанием коленных чашечек покрывал тушью колени. Наказуемый кастрацией носил сандалии из травы. Наказуемый смертной казнью носил холщевую одежду без ворота». Кроме того, полагалось предать гласности проступок нарушителя законов, что осуществлялось путем подвешивание на его спине бамбуковой дощечки с фамильным знаком и описанием злодеяний этого преступника. Подр. см.: Миякэ Киёси. Син Кан дзидай-но сайбан сэйдо (Судебная система в периода Цинь и Хань) / Сирич. Т. 81, № 2, 1998. В «Лунь юй» есть, к примеру, такие слова: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил, то [в народе] появится [чувство] стыда и он исправится». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 306.

¹⁵¹ Единые законы, установленные в период Чжоу, со временем обросли массивными и порой весьма противоречивыми комментариями, разобраться в которых было сложно даже потомственным ученым. Об этом см.: Чжоу ли чжу шу (Чжоуские ритуалы с комментариями). / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 1. С. 870—871.

¹⁵² Как видно из «Хань шу», после того как воцарилась династия Хань ее основатель Гао-цзу первоначально «сократил законы до трех разделов», но впоследствии «законов из трех разделов [оказалось] недостаточно, чтобы пресечь преступления», а потому был введен единый свод законов, состоящий из девяти разделов. Позднее к нему стали создаваться пояснения и в итоге даже знатоки правовых норм путались в их разнообразии. Чжунго лидай фасюэ вэнь сюань (Изборник китайской правовой мысли по историческим периодам). Под ред. Гао Чао и др. Пекин, 1983, С. 306, 309.

¹⁵³ Перифраз из «Хань шу», где сказано: «Когда [император] Сяо-у (т. е. У-ди, 140—87 гг. до н.э. — М. Г.) вступил на престол... законы [состояли] из 359 разделов. Только о смертной казни [говорилось] в 409 статьях, [что имело отношение к] 1882 делам. Для сравнения [были приведены записи] о 13472 уже решенных делах о преступлениях, [караемых] смертью. [В результате] документы заполнили хранилища [судебных ведомств], а ведающие [этими делами чиновники] не могли их все [даже] прочесть». Чжунго лидай... Указ. соч., С. 309. В другом китайском произведении периода Хань описана похожая ситуация: «Статуты и указы покрываются пылью и поедаются книжным червем в помещениях хранилищ; если уж чиновники не в состоянии посмотреть их все, то что же говорить о невежественном народе? Вот почему вынесение приговоров по судебным делам происходит все чаще, а нарушений запретов простоллюдинами случается все больше». Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Пер. с кит., коммент. и прилож. Ю.Л. Кроля. М., 2001, Т. II. С. 179.

¹⁵⁴ Досл. «радостью и гневом».

¹⁵⁵ Досл. «любви и ненависти».

¹⁵⁶ Неточная цитата из жизнеописания Хуань Тяня, содержащегося в хронике «Хоу Хань шу». Хонтэ мондзуй. Указ. соч., С. 47.

¹⁵⁷ Перифраз из китайской хроники «Вэй шу», где сказано: «Установленные законы непременно должны осуществляться на практике. [Только] принятые наказания могут вызвать уважение к строгому порядку вещей. Когда закон не действует, лучше уж совсем без законов. Когда наказания не могут поддерживать порядок, лучше [и вовсе] отменить наказания». Вэй шу (История династии Вэй). Пекин, 1985, Т. 2. С. 389.

¹⁵⁸ Речь идет о ханьском Вэнь-ди (179—156 гг. до н.э.), который, по преданию, прежде чем вступить на престол, пять раз отказывался от него. По всей видимости, данную историю следует рассматривать как дань конфуцианской традиции, требовавшей многократных отказов от ответственного поста, а также как стремление историографов представить императора образцом скромности и добродетели. Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 2, С. 224; Вэнь сюань. Указ. соч., С. 844.

¹⁵⁹ Неточная цитата из произведения знаменитого ханьского литератора Янь Цзы-юаня (Ян Сюнь, 53 г. до н.э. — 18 г. н.э.). Вэнь сюань. Указ. соч., С. 1064.

¹⁶⁰ Эта мысль неоднократно встречается в «Хань шу». Цы юань (Источник слов). Т. 1—4, Пекин, 1983, Т. 1, С. 168.

¹⁶¹ У Цзин-гуна из Ци рос бамбук, и он заставлял чиновников за ним присматривать, а тем, кто ломал бамбук, Цзин-гун в гневе отрубал головы. Эта притча содержится в трактате «Янь-цзы чуньцю» (Весны и осени Янь-цзы), составленном советником трех подряд циских князей — Лин-гуна, Чжуан-гуна и Цзин-гуна. Мудрость и бесстрашие Янь-цзы (после захвата государства Ци он отказался служить новым политическим лидерам, даже, несмотря на угрозы физической расправы) позднее превозносились во многих философских памятниках: «Люйши чуньцю», «Хань Фэй-цзы», «Ле-цзы» и т. д. Цы юань. Указ. соч. Т. 2, С. 1431.

¹⁶² По мнению Хуань Куаня, «законы Цинь были многочисленнее, чем сорные травы осенью». Хуань Куань. Указ. соч., Т. II, С. 178. Общий смысл данного выражения: беззаконное правление династии Цинь.

¹⁶³ Как явствует из танской литературной энциклопедии «И вэнь лэй цзюй», однажды Лэй Кун-чжан заметил между звездой Льтаир и Полярной звездой необычное свечения и предположил, что оно указывает на место, где лежат сокровища. Когда из-под земли извлекли драгоценный меч, это свечение рассеялось. Общий смысл выражения: в мире перестали раскаиваться в том, что в тюрьмы по ложным обвинениям попадают невинные. И вэнь лэй цзюй (Шедевры литературы и искусства, объединенные по родам). Сост. Оуян Сюнь. Шанхай, 1959, цз: 60, лист 16.

¹⁶⁴ По версии «Каталога гор и морей», когда первоимператор Хуан-ди после казни Чи Ю выбросил его кандалы, то они превратились в благоухающий клен в знак того, что больше не было людей, которых бы казнили без должного инструментария. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисл., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. М., 1977, С. 116. Тема борьбы Чи Ю с главным богом Хуан-ди широко известна в древнекитайской литературе. См.: Шан шу. Указ. соч., С. 264—265.

¹⁶⁵ В «Хань шу» об этом сказано: «По всей стране те, кто получал и применял [законы], расходились во мнениях, и случалось так, что по одинаковым преступлениям [выносились] разные решения. Нечестные чиновники, пользуясь этим положением, превратили [свои посты в] прибыльное дело. [К делам] тех, кому [они] хотели даровать жизнь, прилагали решение оставить их в живых, [в делах] тех, кого хотели погубить, [они] приводили прецедентные случаи смертных [приговоров]. Те, кто [должен был] вынести решение [по таким делам] чувствовали из-за этого досаду и скорбь... Ведь если решения судебных дел неправильны, [то это ведет к тому, что] совершившие преступление [вновь] творят зло, а невинные подвергаются казни, [из-за чего] отцы и дети скорбят и негодуют». Чжунго лидай. Указ. соч., С. 309. Также см.: Хуань Куань. Указ. соч., Т. II, С. 181—182.

¹⁶⁶ Минабути-но Асоми Хиросада (777—833) — сын Саката-но Натэмаро. После окончания Дайгаку занимал должности старшего писаря и воспитателя наследника престола. Последовательно занимал ряд важных должностей в Министерстве Церемоний. В 835 году вошел в круг высокоранговых сановников. Помимо работы над составлением «Рё-но гигэ», принимал участие в написании литературной энциклопедии «Кэйкокусю».

¹⁶⁷ Фудзивара-но Асоми Цунэцугу (796—840) — сын тюнагона Фудзивара-но Кадономаро. После окончания Дайгаку долгое время возглавлял Куродо докоро. В 831 году назначен на пост придворного советника и возглавил инспекцию «Кагэюси». В 834 году вошел в состав посольства в танский Китай. Некоторое время исполнял обязанности главылевой ревизионной канцелярии (Сабэнкан) и главы Дадзайфу.

¹⁶⁸ Сугавара-но Асоми Киётомо (770—842). В 804 году был отправлен на обучение в Китай, по возвращении из которого получил придворный ранг и был назначен на должность заместителя главы Дайгаку. Позднее служил в Палате цензоров. В 824 году возглавил управулевой половины столицы и получил пост профессора изящной словесности. В 839 году за свой литературный талант был удостоен государем Ниммё права въезда во дворец в паланкине, запряженном волами.

¹⁶⁹ Фудзивара-но Асоми Отоси (?—843) — внук придворного советника Фудзивара-но Хананари. Долгое время возглавлял инспекцию «Кагэюси». С 838 года старший помощник главы Министерства военных дел.

¹⁷⁰ Фудзивара-но Асоми Мабору (?—857) — сын левого министра Фудзивара-но Утимаро. После окончания Дайгаку занял пост старшего помощника ее главы. Затем занимал ряд важных должностей в Министерстве Церемоний, Палате цензоров, Дадзайфу, а также был управителем нескольких провинций. Некоторое время возглавлял инспекцию «кагэюси», после чего был назначен главой управулевой половины столицы.

¹⁷¹ Окихира-но Сукунэ Минуку — происходил из боковой ветви рода Мононобэ. В 811 году стал профессором права. Участвовал в составлении свода «Конин кякусики» (820 г.).

¹⁷² Ёсимити-но Сукунэ Масада (768—845). После окончания Дайгаку, некоторое время был инспектором этого заведения, одновременно возглавлял управление Оммёрё. С 839 года являлся воспитателем престолонаследника. В последние годы жизни преподавал в Дайгаку, читая лекции по китайскому классическому произведению — «Весны и осени» (кит. Чунь цю).

¹⁷³ Оно-но Асоми Такамура (802—852) — внебрачный сын придворного советника Оно-но Мунэмори. После окончания Дайгаку служил в Палате цензоров. По воле государя Сага был сослан в провинцию. Позднее занимал значительные должности в Министерстве Наказаний, Министерстве Церемоний. Возглавлял Куродо докоро и левоу ревизионную канцелярию. В 847 году стал придворным советником, а на следующий год возглавил инспекцию «Кагэюси».

В 850 году по причине тяжелой болезни вышел в отставку. Был известен своим литературным талантом.

¹⁷⁴ Сануки-но Кими Наганава (783—862). С 830 года профессор права. Долгое время был старшим помощником главы инспекции «кагэюси». Известен как беспристрастный судья.

¹⁷⁵ Кавакарэ-но Обито Катинари — известный судья. В 846 году участвовал судебном процессе против нескольких чиновников, обвиненных в государственной измене, за что был назначен в инспекцию «Кагэюси». Позднее стал эталоном неподкупного чиновника. Фудзоку мондзэн (Об обычаях). Токио, 1915, С. 168—169.

¹⁷⁶ Аябэ-но Мацунари — упоминается в связи с несколькими судебными расследованиями. За свое непревзойденное мастерство в деле доказательства вины преступников был неоднократно отмечен государем Ниммё. Нихон киракю (Краткие записи [по истории] Японии). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1—2. Токио, 2000, Дзёва, 3—5—19, 836 г.; 4—9—6, 837 г.; 7—2—28, 840 г.

¹⁷⁷ Согласно хронике «Хоу Хань шу», ханьский Чэнь Цзян как-то написал полный текст законодательного свода на стене своего дома, но этот текст не сохранился. Общий смысл фразы: ревностно стремиться к своей цели. Хоу Хань шу (История династии Поздняя Хань). Сост. Фань Е. Пекин, 1985, Т. 14, С. 4473.

¹⁷⁸ В «Хань шу» сказано, что ханьский Юй-гун приложил немало сил, дабы прокомментировать различные статьи законодательного свода, но все эти пояснения, действовавшие при династии Хань, позднее стали совершенно неприменимы на практике. Хань шу (История династии Ранняя Хань). Сост. Бань Гу. Пекин, Чжун хуа шу цзюй, 1985, Т. 15, С. 4682.

¹⁷⁹ Перифраз из «Лунь юй», где сказано: «Благородный муж возвышает людей не за их слова, но он и не отвергает сказанное даже [недобродетельным] человеком. Переломов А.С. Указ. соч., С. 415.

¹⁸⁰ Неточное цитирование тирады, содержащейся в «Ши цзи». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 6, С. 148—149.

¹⁸¹ Автор намекает на историю о пяти непревзойденных по качеству мечей юэсского сановника Гоу-цзяня, которые невозможно было различить по качеству. Общий смысл выражения: трудно определить, где добро, а где зло. Икэда Сиродзиро. Кодзи дзюкуго дайджитэн (Большой словарь происхождения литературных оборотов). Токио, Осака, 1913, С. 474.

¹⁸² Перифраз из «Сицы чжуань». И цзин. «Книга перемен» и ее канонические комментарии. Пер. с кит., предисл и примеч.. В.М. Яковлева. М., 1998, С. 100. И цзин — Чжоу И. Система Перемен — Циклические Перемены. Пер. кит. Б.Б. Виноградского. М., 1999, С. 387.

¹⁸³ И цзин. Указ. соч., С. 98; И цзин — Чжоу И. Указ. соч., С. 386.

¹⁸⁴ Сюнь Сюй (?—289) — государственный деятель и один из составителей свода законов периода Западная Цзинь (265—316). Составитель «Трактата о срединном» (Чжун цзин). Биография Сюнь Сюя содержится в хронике «Цзинь шу». Цзя Чун (Цзя Куй, 174—228) — сановник периода Вэй (220—265). Долгое

время занимал пост главного судьи области Юйчжоу (ныне провинция Хэнань). Биография содержится в «Вэй чжи». По одной истории из судебных практик Сюнь Сюя и Цзя Чуна см.: И вэнь лэй цзюй. Указ. соч., цз. 54, лист 16—2а.

¹⁸⁵ Выражение из «Оды о море». Вэнь сюань. Указ. соч., С. 250. Также см.: Шан шу. Указ. соч., С. 50.

¹⁸⁶ Перифраз из «Чжоу ли». Чжоу ли. Указ. соч., С. 776.

¹⁸⁷ Мяико-но Ёсика происходил из рода, наследственно занимающегося изучением китайской классической литературы. Чиновничья служба Мяико-но Ёсико была непосредственно связана со столичной школой чиновников — Дайгаку, хотя во время продвижения по служебной лестнице он назначался на различные посты как в центральном, так и периферийном аппарате управления. Также известно, что он долгое время был профессором отделения изящной словесности Дайгаку, а также неоднократно возглавлял государственную комиссию по приему аттестационных экзаменов у чиновников. Помимо этого, Мяико-но Ёсика участвовал в составлении придворной антологии изящной словесности «Бунка спорэйсю» (Собрание литературных шедевров), а также был воспитателем нескольких наследников престола.

¹⁸⁸ Кайфусо. Указ. соч., С. 408—411.

¹⁸⁹ Изящный литературный оборот из «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 1, С. 303; Т. 2, С. 1175.

¹⁹⁰ Кайфусо. Указ. соч. С. 413—417.

¹⁹¹ 834—848 гг.

¹⁹² 875 г.

¹⁹³ В «Энгисики» сказано, что в уезде Фудзи провинции Суруга расположено святилище Асама-но дзиндзя, а само божество Асама-но ооками причислено к разряду «великих божеств». Энгисики. Энгисики (Церемонии [годов] Энги). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1—3. Токио, 1998, Т. 1. С. 229.

¹⁹⁴ Один из примеров см.: Нихон рё:ики — Японские легенды о чудесах. Пер., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. СПб., 1995, С. 64—65.

¹⁹⁵ 802 г.

¹⁹⁶ В «Нихон киракю» сказано, что в начале 802 года в провинции Суруга произошло крупное землетрясение, сопровождаемое мощным извержением вулкана на горе Фудзияма. В результате рядом с горой Фудзияма появилась еще одна небольшая гора. Нихон киракю, Энряку, 21—1—8, 802 г. Как явствует из исторических источников, извержения вулкана на горе Фудзияма случались достаточно часто, а некоторые из них были весьма разрушительны. К примеру, об извержении в 800 году сообщалось: «Сначала все заволокло едким дымом. Ночью зарево охватило небеса и все вокруг грохотало, а затем полил огненный дождь и реки окрасились в красный цвет». Нихон киракю, Энряку, 19—3—14, 800 г. В 864 году произошло еще одно страшное извержение Фудзияма: «Огонь охватил гору на 12 ри (ок. 7 км. — М. Г.) в окружности. Пламя достигало 20 дзё (ок. 60 м. — М. Г.) в высоту. Извержение продолжалось 10 дней. Вокруг все заволокло настолько густой дымкой, что доставляло множество неудобств окру-

жающим людям». Нихон сандай дзицуроку, Дзёган, 6—5—25, 864 г. Извержения вулкана на горе Фудзияма имели место и позднее, однако справедливости ради нужно сказать, что Фудзияма являлась не единственной потенциально опасной с точки зрения извержений горой в Японии. Из древних и средневековых источников известны названия и других вулканов: гора Одзима в провинции Идзу, гора Сираяма в провинции Кага, пик Сонай в провинции Осуми, гора Тёкайяма в провинции Муцу и т. д.

¹⁹⁷ Татибана-но Хироми (837—890). В 860 году поступил в Дайгаку и в 863 году получил свою первую должность инспектора при управлении провинции Этидзэн, а в следующем году зачислен в штат Куродо докоро. В том же году успешно сдал экзамен, получив ученую степень «сюсай» и должность. В 867 году стал профессором литературы Дайгаку, в 869 году воспитателем престолонаследника. Татибана-но Хироми был известен при дворе как знаток изящной словесности и благодаря своей эрудиции дослужился до поста придворного советника, однако в 888 году принял участие в неудачной попытке устранения Главного министра Фудзивара-но Мотоцунэ (так называемый «инцидент ако») и был отправлен в провинцию Оми, лишившись всех придворных должностей. И хотя незадолго до смерти государственным указом он был возвращен в столицу и даже повышен в ранге, свое прежнее положение при дворе восстановить не сумел. Некоторое время спустя посмертно был повышен в ранге и назначен на пост среднего придворного советника. Образцы изящного слога Татибана-но Хироми имеются во многих хэйанских литературных энциклопедиях.

¹⁹⁸ Фудзивара-но Токихира (871—909) — государственный деятель периода Хэйан. Был наставником государей Уда и Дайго. Согласно наиболее распространенному мнению, Фудзивара-но Токихира был мастером придворных интриг, который не щадил своих политических оппонентов. Считается, что после того как 899 году Фудзивара-но Токихира стал Левым министром, возглавив Дайдзёкан, он сумел добиться устранения своего главного политического противника — Правого министра Сугавара-но Митидзанэ. Интересно, что даже смерть Токихира в 909 году связывалась при дворе с мщением «гневного духа» Сугавара-но Митидзанэ своему обидчику.

¹⁹⁹ Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 143.

²⁰⁰ Согласно кодексу «Тайхорё», именно Тюмосё (Министерство центральных дел) ведало записями о пожаловании рангов и дальнейшем продвижении по служебной лестнице. По этой причине, адресатом данного прошения является Тюмосё. Рицурё. Указ. соч., С. 160.

²⁰¹ Бо Цинь — сын Чжоу-гуна, ставший правителем княжества Лу. Подр. см. Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 5. С. 69.

²⁰² По версии «Ши цзи», Чжан Пи-цян был назначен на пост секретаря при государыне Люй-хоу (187—179 гг. до н.э.). Подр. см.: Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 2. С. 203—204. Пафос данной ситуации состоит в том, что Чжан Пи-цян, не принадлежавший к благородному семейству, в пятнадцать лет уже был назначен на придворную должность «шичжуна» в то время как Фудзивара-но Токихира,

принадлежавший к одному из самых известнейших родов в древней Японии, пока еще не был удостоен даже минимальным для занятия придворной должности рангом.

²⁰³ Фудзивара-но Токихира был старшим сыном Фудзивара-но Мотоцунэ (836—891), дослужившегося при дворе до должности канцлера-«кампаку». На момент же подачи данного прошения Фудзивара-но Мотоцунэ являлся Главным министром.

²⁰⁴ Т. е. обряд совершеннолетия. Согласно «Нихон сандай дзицуроку», Фудзивара-но Токихира прошел обряд гэмпуку в шестнадцатилетнем возрасте. Нихон сандай дзицуроку. Нинна, 2—1—2, 886 г.

²⁰⁵ Аллегория талантливого сына, идущего по стопам отца.

²⁰⁶ Как видно из текста хроники «Нихон сандай дзицуроку», решение государя последовало незамедлительно, и уже в тот же день Фудзивара-но Токихира был пожалован пятый старший ранг нижней ступени. Нихон сандай дзицуроку. Нинна, 2—1—2, 886 г.

²⁰⁷ 886 г.

²⁰⁸ Канкэ бунсо. Канкэ косю (Литературные наброски дома Сугавара. Последующие собрания дома Сугавара). Под ред. Кавагути Хисао. Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Токио, 1969, С. 422, № 405.

²⁰⁹ Канкэ бунсо. Указ. соч., С. 424, № 408.

²¹⁰ Канкэ бунсо. Указ. соч., С. 427—428, № 413.

²¹¹ Канкэ бунсо. Указ. соч., С. 142, № 49.

²¹² Имеется ввиду распоряжение Дайдзёкана от 866 года, согласно которому запрещалось пить сакэ в больших компаниях, поскольку «в последнее время обильное сакэпитие стало причиной повсеместного упадка нравов». Руйдзю сандай кяку, Дзёган, 8—6—4, 866 г.

²¹³ Это очень странное утверждение, поскольку из текста распоряжения 866 года известно, что первоначальный запрет на питье сакэ от 23 дня первого лунного месяца 8-го года Дзёган (т. е. 866 г. — М.Г) не выполнялся, а потому через полгода был выпущен новый запрет (Руйдзю сандай кяку, Дзёган, 8—1—23, 866 г.; 8—6—4, 866 г.). Однако и это распоряжение, по всей видимости, не возымело должного успеха, и по-прежнему во время пиров случались ссоры и драки среди придворных чиновников, что, разумеется, негативно сказывалось на их моральном облике. По этой причине уже в 893 и 900 годах были обнародованы новые «строгие запреты» на питье сакэ в компании. Руйдзю сандай кяку, Сётай, 3—4—25, 900 г.

²¹⁴ Данное сочинение позднее было включено в состав придворной литературной энциклопедии «Хонтё мондзуй» (свиток 12), собрания сочинений Сугавара-но Митидзанэ «Канкэ бунсо» (свиток 7) и энциклопедии «Сэйдзи ёряку» (свиток 95). Перевод сделан по изданию: Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 79—81. Считается, что «Сёсайки» было написано по образцу одного из многочисленных китайских сочинений, описывающих «кабинет» учёного мужа. К примеру, в китайской династийной хронике «Цзю Тан шу» есть такие слова: «Цзедуши (воен-

ный губернатор — М. Г.) провинций Хэбэй и Шаньдун по имени Лю Гун-чо даже среди аристократов более других прославился соблюдением семейных установлений. К востоку от главных ворот родовой усадьбы дома Лю располагался маленький кабинет, и Гун-чо имел обыкновение всегда, за исключением разве что дней высочайших аудиенций, с раннего утра отправляться туда, а потому все его многочисленные сыновья, облачившись в парадные одеяния, подходили к главным вратам с северной стороны, дабы осведомиться о настроении [отца]. В этом кабинете [Лю Гун-чо] и занимался делами, и встречал гостей, и ужинал с младшим братом Гун-цюанем и другими гостями. На закате же своих дней он практически не покидал свой маленький кабинет. Когда с наступлением сумерек зажигали свечи, он проводил время следующим образом: сначала давал указания одному из своих сыновей или младших братьев, дабы они читали канонические или исторические сочинения. После того как сочинения были прочитаны, он слушал рассказы своих родственников о правилах служения императору и управления родом. Когда рассказы завершались, он обсуждал со своими младшими родственниками прочитанные сочинения. Наконец, по окончании обсуждения [Лю Гун-чо] слушал цитру. Только к часу Змеи (9.00—11.00 — М. Г.) он возвращался в дом и, сидя на полу, углубленно размышлял о сути своих недавних рассуждений. В это время его сыновья снова подходили к главным вратам с северной стороны, дабы еще раз поприветствовать своего отца. Так продолжалось на протяжении 20 лет, и говорят, что за это время [Лю Гун-чо] ни разу не отклонился от заведенного распорядка... Даже после смерти [Лю Гун-чо] его сын [Чжун-ин] придерживался установленных правил этикета. Дома он никогда не пребывал в безделье и праздности, а в кабинете отца никогда не снимал парадных одежд. Именно поэтому он трижды становился «Великой опорой государства». Одежды его не благоухали ароматами, но днем и ночью он корпел над составлением славных трудов». Такэда Рюдзи. *Тодай сидзоку-но кахо-ни цуйтэ* (Семейные установления знатных домов периода Тан). / Сигаку. Т. 28. № 1, 1955. С. 102.

²¹⁵ В трактате «Сюкайсё» сказано, что Пятая линия столицы Хэйан в восточной половине называлась «квартал Сэнфу», а в западной половине — именовалась «квартал Сэнги».

²¹⁶ Дзё — мера длины равная 3,03 м.

²¹⁷ Согласно хронике «Хоу Хань шу» и литературной энциклопедии «И вэнь лэй цзюй», в верхнем течении реки Хуанхэ были Врата Дракона. Речные рыбы не могли преодолеть силу течения и добраться до Ворот Дракона, но если им это удавалось, то по поверью они превращались в драконов. Позднее выражение «Ворота Дракона» стали использоваться для обозначения местопребывания знаменитых ученых. По китайской традиции успешно сдать экзамены и в результате занять желаемую должность называлось «преодолеть Ворота Дракона». Цы юань. Указ. соч., Т. 4, С. 3607. Также см.: Шэнь Ко. Мэн си би тань (Записи бесед в Мэнси). Пекин, 1957, № 207, С. 127—128.

²¹⁸ Известно, что Сугавара-но Митидзанэ получил свою первую ученую степень в 867 году в возрасте 23 лет.

²¹⁹ Сугавара-но Корэёси (812—880). В 835 году в возрасте 24 лет получил свою первую учёную степень. Спустя шесть лет написал литературный шедевр (яп. тайсаку, аналог современной диссертации) и был назначен заместителем главы столичной школы чиновников Дайгаку. В 853 году становится профессором изящной словесности (яп. мондзё хакасэ) и в том же году возглавляет Дайгаку. Позднее осуществил успешную придворную карьеру, занимая ряд ключевых должностей (управительлевой половины столицы, заместитель главы Палаты цензоров, глава Министерства Наказаний, старший помощник главы Министерства Церемоний). В 872 году был назначен придворным советником (яп. санги). Помимо этого, Сугавара-но Корэёси принимал участие в публичных чтениях китайских литературных и исторических сочинений («Вэнь сюань», «Хань шу», «Гун шу цзи яо») при дворе государей Монтоку и Сэйва, а также составлении законодательного свода «Дзёган кякусики» (Внутриведомственные установления и служебные инструкции период Дзёган) и «Нихон монтоку тэнно дзицу-року» (Истинные записи о государе Японии Монтоку). Сугавара-но Корэёси считался одним из непревзойденных мастеров стихосложения, который оттачивал свое мастерство в поэтических состязаниях с Оно-но Такамура (802—852) и Оэ-но Отондо.

²²⁰ Перифраз из «Лунь юй»: «Чем больше [я] всматриваюсь в учение [Учителя], тем возвышеннее оно кажется; чем больше я стараюсь проникнуть в него, тем тверже оно оказывается». Переломов А.С., Указ. соч., С. 365.

²²¹ Цитата из «Хоу Хань шу». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 80.

²²² Выражение из литературной энциклопедии «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 2, С. 1131.

²²³ Неточная цитата из «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 1, С. 2.

²²⁴ В данном случае Сугавара-но Митидзанэ выражает мнение высокообразованного человека о проблеме падения престижа образования, которое может привести к необратимым последствиям и грозит гибелью государству (похожие рассуждения можно найти и у других хэйанских авторов, например, Миёси-но Киёюки, Сугавара-но Фумитоки, Фудзивара-но Ацумицу). Хорошо известно, что знание письменного китайского языка (кит. «вэньянь», яп. «камбун») было настоящей необходимостью для представителей как придворного, так провинциального чиновничества. Эта необходимость обуславливалась в первую очередь тем, что именно «вэньянь» был языком официальной документации. К тому же, в среде аристократов на китайском литературном языке было принято составлять дневники и различные документы частного порядка, что подтверждается огромным массивом актовых и эпиграфических материалов, сохранившихся от периодов Асука-Хэйан. Однако открытым остается вопрос: насколько глубоки были знания китайского языка среди древне и раннесредневекового японского чиновничества? Что касается выходцев из семей, профессионально занимающихся изучением китайской изящной словесности (Ки, Мияко, Миёси, Оно, Оэ,

Сугавара и т. д.), правовой мысли (Киёвара, Окивара, Аябэ и т. д.), а также астрологии и календарного дела (Абэ, Камо, Имибэ и т. д.), то можно говорить о хорошем знании «вэньяня». Другое дело — степень освоения китайского языка представителями тех родов, чья профессиональная сфера деятельности не была связана с постоянным штудированием китайских текстов. В хэйанских источниках сохранились многочисленные упоминания о том, насколько тяжело шел процесс изучения китайского литературного языка, который, ради справедливости, необходимо сказать, был иностранным для японцев. Помимо этого, достаточно часто встречаются примеры плохого знания «вэньяня» уже взрослыми аристократами: неспособность прочесть один или несколько иероглифических знаков; написание иероглифов с ошибками; неумение сделать разметку текста (т. е. незнание основ грамматики). Напр., см.: (Годансё. Тюгайсё. Фукэго (Записи и размышления О[э-но Масафуса]. Заметки Нака[хара-но Моромото]. Речи богатых домов). Сер. «Син Нихон котэн бунгаку тайкэй». Токио, 1997). Представляется, что в слабом знании китайского языка чиновниками отчасти было виновато и само государство. Известно, что уже в начале IX столетия начали составляться энциклопедические справочники по праву, придворным ритуалам, системе составления государственной и частной документации и т. д. Каковы бы ни были задачи составления такого рода сводов (стандартизация законов, ритуальной практики, форм документации или необходимость уподобления китайской придворной культуре), но именно они стали использоваться придворными и провинциальными чиновниками в качестве своеобразных «шпаргалок» при составлении различных письменных творений. К тому же, обособление самых знатных аристократических родов (Фудзивара, Минамото и некоторые др.) от остальных придворных фамилий породило обычай, когда высокопоставленный чиновник при составлении официального документа или частного послания пользовался услугами знатока изящной словесности, что, разумеется, не способствовало лучшему пониманию китайских классических текстов.

²²⁵ Автор намекает на обыкновение знаменитого философа и государственно-го деятеля периода Хань Дун Чжун-шу (179—104 гг. до н.э.) опускать полог во время проведения занятий со своими учениками.

²²⁶ Известно, что знаменитый литератор периода Суй Сюэ Дао-хэн писал свои произведения, отстукивая ногой ритмы на стене. В его биографии, помещенной в хронике «Суй шу», к примеру, описан следующий эпизод: «Дао-хэну, когда он занимался совершенствованием горизонтального стиля письма, было необходимо сокрыться в уединенном кабинете. Однажды он лежал и как обычно притопывал по стене, но услышал, что за дверью кто-то есть. Хотя [Дао-хэн] очень разгневался, но это навело его на глубокие размышления». Хонтё мон-дзуй. Указ. соч., С. 81.

²²⁷ Автор намекает на сочинение Чжу Му (I—II вв. н.э.) «Цзюэ цзяо лунь», которое стало объектом подражания для многих более поздних китайских литераторов.

²²⁸ Здесь автор, опираясь на примеры из китайских произведений («Ши цзи», «Вэнь сюань»), высказывает опасения, что система защиты от назойливых незваных посетителей, сравниваемых с ласточками и воробьями навсегда оттолкнет от его дома истинных друзей, олицетворяемых фениксом.

²²⁹ Руйдзю сандай кяку. Указ. соч., Т, С. 1—3.

²³⁰ Должность «адзэти» приблизительно соответствует понятию «генерал-губернатор».

²³¹ В Японии периодов Асука, Нара и Хэйан существовало четыре основных типа законодательных актов: основные законы «рё» (установления относительно государственно-бюрократического устройства и системы землепользования) и «рицу» (предписания, устанавливающие соответствия определенных социально нежелательных поступков определенным наказаниям), а также «кяку» и «сики». К примеру, в китайском кодексе «Тан лю дянь» («Свод уложений для шести [министерств периода] Тан», 739 г.) различие между этими четырьмя типами законодательных актов объясняется следующим образом: «Люй (яп. «рицу») определяют преступления с указанием точных мер наказания; лин (яп. «рё») утверждают [административную] систему посредством создания образцов; кэ (яп. «кяку») исправляют сделанное неправильно, путем запрещения нарушений; ши (яп. «сики») устанавливают нормы для ведения дел посредством указания правил». Рю Рэн Ан. Тохо Тодэн (Законы [династии] Тан и [дальне]восточная традиция). / Хорицу сэйдо (Законодательство). Под ред. Икэда Он и Лю Цзюнь-вэня. Токио, 1997, С. 17.

²³² Нихон сёки, Суйко, 12—4—3, 604 г. Перевод «Уложения» на рус. яз. см.: Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2. С. 94—98.

²³³ По всей видимости, речь идет о законах, которые, согласно «Нихон сёки», были составлены в 10-м году правления государя Тэнти, т. е. в 671 году. Нихон сёки, Тэнти, 10—1—6, 671 г.

²³⁴ 701 г.

²³⁵ Т. е. Главный министр.

²³⁶ 718 г.

²³⁷ 757 г. Текст указа также см.: Сёку нихонги, Тэмпё ходзи, 1—5—20, 757 г.

²³⁸ Ёро (7171—724) — один из девизов правления государыни Гэнсё (715—724).

²³⁹ См. соответствующие примечания к переводу предисловия к «Рё-но гигэ».

²⁴⁰ Сикибусё (досл. Министерство Церемоний) — один из департаментов в государственном аппарате, который, по преимуществу, занимался решением кадровых вопросов.

²⁴¹ См. комментарии к переводу предисловия «Рё-но гигэ».

²⁴² Энряку (782—806) — один из девизов правления государя Камму (781—806).

²⁴³ Т. е. докладов инспекторов-«кагэюси». Существуют документальные свидетельства, что инспекция «Кагэюси» играла важную роль в преобразованиях административного аппарата, осуществляемых во время правления государя

Камму. Сфера деятельности «Кагэюси» была связана с разработкой необходимых правил и процедур функционирования чиновничьего аппарата. Основное направление деятельности «Кагэюси» имело отношение к иерархии и субординации чиновников, распределению должностных обязанностей, правилам циркуляции официальных документов и т. п.

²⁴⁴ 701 г.

²⁴⁵ 819 г.

²⁴⁶ В оригинале использован термин «икэн». Несмотря на то, что в источниках периода Нара (VIII в.) этот термин мог употребляться по отношению к различным типам письменных документов (в том числе и прошениям буддийских монахов), но в эпоху Хэйан термин «икэн» применялся для обозначения тайных докладов (индивидуальных или коллективных) на высочайшее имя, где излагался взгляд автора (или авторов) на поставленную государем задачу.

²⁴⁷ В англоязычной хрестоматии японских исторических текстов помещен частичный перевод предисловия и двух пунктов (№ 2 и 4), а также переводы заголовков всех пунктов документа. Sources of Japanese History. Comp. by Lu D. Vol. I. N.Y. & L., 1990, p. 60—65. Публикацию перевода докладной на немец. яз. (с небольшими сокращениями) см.: Kluge, Inge-Lore. Myoshi Kiyoyuki, sein Leben und seine Leit. Berlin, 1958, S. 40—70. Комментированный перевод «Икэн дзюни кадзё» на современный япон. яз. см.: Кодай сэйдзи сякай сисо (Общественно-политическая мысль древности). Сер. «Нихон сисо тайкэй». Под общей ред. Ямагиси Токухэй. Токио, 1979, С. 76—101; Хэйан дзидай гайкан (Общий обзор [источников] периода Хэйан). Под ред. Моримото Коёси, Фудзита Токутаро и Фудзисава Тикао. Токио, 1934, С. 102—145.

²⁴⁸ Данный перевод основывается как на оригинальном камбунном тексте докладной (Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 148—158.), так и на современном японском тексте, опубликованном в серии «Нихон сисо тайкэй».

²⁴⁹ В оригинале — «микотонори». Согласно комментариям к законодательному своду «Тайхорё», от лица государя могли оглашаться несколько разновидностей «распоряжений», наиболее важными (с точки зрения делопроизводственной документации) из которых были две: «микотонори» (или «сё») и «тёку». Первый из них является изъявлением личной воли государя и потому переведен как «государев рескрипт» (в этом плане по своему характеру он соответствует «именному указу государя» в русской правовой традиции XVII — нач. XX вв.). Второй представляет собой «государев указ», изданный по представлению Большого государственного совета. Рё-но сюэ. Указ. соч., Т. 4, С. 773, 778, 782.

²⁵⁰ Японские исследователи отмечают, что данные «рекомендации» были составлены после того, как в начале 914 года (Энги, 14—2—15, 914 г.) был обнародован указ государя Дайго (897—930), адресованный всем придворным. Текст указа не сохранился. Кодай сэйдзи. Указ. соч., С. 75; Токоро Исао. Указ. соч., С. 155—156.

²⁵¹ Начиная с периода Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.) в китайской политической культуре получает распространение концепция правления «ста государей»

(кит. бай ван). Согласно этой концепции, вступление на престол сотого по счету государя может стать губительным для всего государства. Такой государь может свергнуть государство в смуту (кит. луань) и в Поднебесной наступит полный хаос. Однако существовала и возможность избежать такого хаоса. Так, основателю династии Хань — Гао-цзу удалось устранить смуту и вновь обустроить Поднебесную после воцарения сотого государя, коим считался первый император династии Цинь — Цинь ши-хуанди. Как видно из японских древних и средневековых источников, концепция «ста государей» была хорошо известна японской придворной элите. Однако, хотя концепция «ста государей» становится предметом обсуждения столичного чиновничества уже в период Хэйан, но наиболее известные примеры применения этой концепции в рамках официальной идеологии относятся к периоду Намбокутё (1336—1392). В этой связи восстановление единства императорской династии в 1392 году, после того как на протяжении нескольких десятилетий существовало два двора (Южный с центром в Ёсино и Северный с центром в Киото), было связано именно с правлением сотого по счету (начиная с первоимператора Дзимму) государя Го-комацу (прав. 1392—1412). По всей видимости, объединение двух враждующих дворов во время правления сотого государя, когда существовала реальная опасность свергнуть Японию в полнейший хаос, должно было символизировать не только высокую нравственную чистоту японской династии, но и ее «непрерывность» (в отличие, например, от китайской императорской династии). Об этом, напр., см.: Грачёв М.В. (при участии Симоновой-Гудзенко Е.К.) *Идея преемственности императорской власти в древней и средневековой Японии. / Синто — путь японских богов. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002, С. 148—165.*

²⁵² Как явствует из древнекитайского трактата «Гуань-цзы» и танской энциклопедии «И вэнь лэй цзюй», при императоре Яо во дворце были установлены специальные барабаны, под звуки которых император выслушивал «увещевания» своих подданных. Цы юань. Указ. соч., Т. 4, С. 2908.

²⁵³ Согласно китайской классической традиции существовало представление о пяти божественных первоимператорах. Согласно историческому своду «Ши цзи» к пяти первоимператорам относились следующие: Хуан-ди, Чжуань-суй, Ди-ку, Яо и Шунь. Для императора Яо существовали также другие имена, среди которых известны Тао (по владениям в Шаньдуне) и Тан (по владениям в Му). Отсюда существовали устойчивые сочетания для наименования императора Яо, такие как Тао-тан и Тан-юй. Подр. см.: Хуань Куань. Спор о соли и железе. Пер. с кит., коммент. и прилож. Ю.Л. Кроля. Т. 1—2, М., 2001.

²⁵⁴ Более известен как Синь-цзя. Сановник последнего правителя династии Инь — Ди-синя. Он семьдесят пять раз безуспешно увещевал Ди-синя о возможной гибели государства Инь. Наконец, поняв тщетность своих попыток взразумить правителя Инь, бежал во владение Чжоу, где встретился с Чжао-гуном. Чжао-гун, увидев, что Синь-цзя отличается прозорливостью, рассказал о нем чжоускому государю Вэнь-вану. Вэнь-ван лично вышел на встречу Синь-цзя и оказал ему высшие знаки внимания, а затем назначил Синь-цзя сановником го-

сударства Чжоу, пожаловав ему крупные земельные владения. Начиная с периода Хань, в китайской литературе имя Синь-цзя (Лун-чжоу) стало нарицательным и обозначало подданного безуспешно пытающегося вразумить несправедного правителя.

²⁵⁵ Китайская политическая традиция связывала наступление периода «добродетельного правления» с царствованием императора Яо. В «Ши цзи» об императоре Яо говорилось следующее: «...В человеколюбии он был подобен Небу, а в знаниях подобен небесным духам. К нему устремлялись, как к солнцу, на него взирали, как на [благодатное] облако. Будучи богатым, он не был заносчивым, будучи знатным, он не был надменным» (Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 1, С. 136). Со временем период «добродетельного правления» превратился в своеобразный идеал, к которому был обязан стремиться каждый правитель. В «Лунь юй» по этому поводу сказано: «Осуществлять правление, опираясь на добродетель, — это подобно Полярной звезде. Она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся окрест неё» (Цит. по: Переломов Л.С. Указ. соч., С. 306). Еще в одном древнекитайском трактате «Цзо чжуань» о «добродетельном правлении» говорилось: «Когда нет «добродетельного правления», тогда не осуществляются законы и воцаряется зло». Мацуи Кандзи и Уэда Маннэн. Дайнихон кокуго дзитэн (Словарь японского национального языка). Токио, 1952, С. 1538.

²⁵⁶ Сюкусин (кит. Су шань) — народность, по всей видимости, тунгусского происхождения. Упоминается как в китайских (начиная с периода Суй), так и в японских источниках (более известна под названием «мисипасэ»). Согласно древнеяпонским источникам, «мисипасэ» — одно из племен эмиси. Первое упоминание о людях «мисипасэ» в японской хронике «Нихон сёки» относится к 544 году (Нихон сёки, Киммэй, 5—12—0, 544 г.). Кроме этого, упоминание о людях «мисипасэ» связывается с походами военачальника Абэ-но Оми Хирафу в Восточную Японию в 658 и 660 гг. (Нихон сёки, Саймэй 4—4—0, 658 г.; 6—3—0, 660 г.). Также см.: Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2. С. 48, 176—177, 183—184.

²⁵⁷ Одно из трёх (Когурё, Пэкче и Силла) древних государств, расположенных на территории Корейского п-ова. В 668 году было разгромлено корейским государством Силла, заключившим союз с танским Китаем.

²⁵⁸ Первоначально государство Силла располагалось в северо-восточной части Корейского п-ова. Однако, после того как в союзе танским Китаем оно разгромило сначала государство Пэкче (663 г.), а затем Когурё (668 г.), его территория заметно увеличилась. Наконец, освободившись из под опеки танского Китая, в 676 году государство Силла объединило все корейские владения. В 935 году государство Объединенная Силла пало под ударами государства Корё.

²⁵⁹ В китайских источниках удельное царство У известно ещё с периода Чжоу (согласно традиционной хронологии, с 585 по 473 гг. до н.э.). С периода Хань оно располагалось к югу от Ганьсу и к северу от Фукуэн (современная пров. Цзянсу). С падением династии Хань превратилось в самостоятельное государство (222—280), со столицей сначала в Учане, а затем в Нанкине. (Киси Тосио. Го и

То э вататта хитобито (О визитах японцев в У и Тан). / Уми-о коэтэ-но корю (Связи с иностранцами через море). Под ред. Обаяси Тарё. Токио, 1996, С. 178—182). По всей видимости, между государством Ямато и государством У существовали «дипломатические» отношения, что, в частности, подтверждается сведениями историко-мифологического свода «Нихон сёки», где сказано, что во время правления государя Одзин в царство У были отправлены посланцы (Нихон сёки, Одзин, 37—2—0, 306 г.). См. также. Нихон сёки — Анналы Японии. Указ соч., Т. 1. С. 295.

²⁶⁰ Когурё, Пэкче и Силла.

²⁶¹ В исторической хронике «Сёку нихонги» в сообщении от 736 года рассказывается о возвращении японского посольства из Китая, отправленного к танскому двору в 732 году. С этим посольством прибыли три китайских монаха и один индийский (бодхитхарма Бодай). (Сёку нихонги, Тэмпё, 8—8—23; 8—10—2), который остался жить в Японии. О значении приезда буддийских монахов в Японию смотри, например, Мещеряков А.Н. Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987; Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. СПб., 2002, С. 364—382.

²⁶² В кодексе «Тайхорё» была установлена налоговая система, предусматривающая как продуктовые налоги, так и форму внеэкономического принуждения (т. е. трудовую повинность). К первой категории относились: поземельный налог (яп. со) выплачивался рисом и составлял приблизительно 3 % урожая; подушная подать (яп. тё) и заменительная натуроплата местными продуктами (яп. ё), которую разрешалось вносить вместо несения трудовой повинности (яп. буюку). Что касается трудовой повинности, то ее срок не должен был превышать 70 дней в году. При этом, хотя и существовала возможность откупиться от нее, но, как показывают расчеты, это было не выгодно самим трудомобилизованным (денежный эквивалент трудовой повинности был существенно завышен, а возможность откупа имела серьезные временные ограничения). Об этом см.: Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. Указ соч., С. 278—279. Такая система налогообложения функционировала как в период Нара, так сохранила свою актуальность и в эпоху Хэйан. Однако хэйанская налоговая система имела и принципиальные отличия от своего нарского прототипа. Хотя в нормативном своде «Энгисики» данная система постулируется как общегосударственная, изучение актовых материалов показало, что границы ее действия не выходили за пределы владений государева рода. На остальной же территории существовала следующие виды налогов: «ежегодные подношения» (нэнгу) выплачивались рисом и продуктами ткачества (в IX—X вв. размер этого налога составлял около 20 %, но к середине XII столетия увеличился до 30 %); «буюку» — трудовая повинность (срок ее обычно составлял от 30 до 60 дней в году, а объекты отработок определялись провинциальными властями); наконец, «кудзи» — отработка, напоминающая некий вариант барщины в пользу патрона того или иного частного владения (столичный аристократ, представитель местной знати, буддийский монастырь и т. п.). Таким образом, наиболее существенное отличие налоговой системы периода Хэйан от

нарского образца состояло в том, что в эпоху Нара система налогообложения создавалась исходя из требований центральной государственной власти, а в период Хэйан она оформлялась, в первую очередь, с учетом интересов местной элиты. Кацуяма Сэйдзи. Сюсю тайкэй-но тэнкан (Изменение системы доходов и расходов). / Нихон цуси. Кодай (Пространная история Японии. Древность). Т. 6. Токио, 1995, С. 143—173; Сато Ясухио. Дзурё-но сэйрицу (Становление реальных управителей [провинций]). / Хэйанкё (Столица Хэйан). Под ред. Ёсикава Синдзи. Токио, 2002, С. 121—126.

²⁶³ В данном случае Миёси-но Киёюки отдает дань традициям китайской политической науки, а именно концепции «тела династии», согласно которой все правители одной династии представляли некое единое тело, вырастающее из ее основателя. Подр. см.: Кроль Ю.Л. Древнекитайское представление о «теле» династии. / Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. Т. XI, вып. 1, М., Л., 1975; Сэо Тацухико. Тэйкоку-но утюрон (О вселенной имперского государства). / Окэн-но косумородзи (Космология верховной власти). Под ред. Канэко Сюити. Токио, 1998.

²⁶⁴ Имеется ввиду китайская историческая хроника «Хоу Хань шу» (История [династии] Поздняя Хань), составителем которой был сунский историограф Фань Е (398—446). В одном из разделов хроники «Хоу Хань шу», посвященном описанию «государства Ва» (т. е. Ямато), сказано, что это «страна, где обитают бессмертные благородные мужи (кит. цзюнь-цзы — М. Г.)». (Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 373). Такое наименование Японии встречается и в хронике «Сёку нихонги». Так, из сообщения под 704 годом видно, что когда японский посол Авата-но Асоми Махито прибыл в танский Китай, китайцы стали расспрашивать его откуда он прибыл. Во время таких расспросов один из китайцев сказал: «Мы часто слышали, что за морем на Востоке расположена великая страна Ямато, [которую еще] называют «страной благородных мужей». Народ там богат и весел, а ритуалы соблюдаются с почтением. Ныне [видим мы, что ты] и обликом хорош. [Думается, что все это] — чистая правда». Сёку нихонги, Кэйун, 1—7—1, 704 г.

²⁶⁵ Хотя в оригинале сказано «тотэй», что дословно означает «император [династии] Тан», речь, видимо, идет о суйском государе Ян-ди (605—617). В «Нихон сёки» рассказывается, что в 608 году в государство Ямато из Китая прибыло посольство, которое привезло от китайского императора послание государыне Суйко (592—628). В этом послании, в частности, говорилось: «Император сообщает государыне Ямато. Твой посланец, посол Со Инко, ранг, дайрай, подробно сообщил обо всем по прибытии. С радостью получил я драгоценный мандат [Неба] и стал управлять Поднебесной. Желание мое состоит в том, чтобы распространять нравственность, дабы она покрыла всех живущих. Мое сердце, взращивающее любовь, не делает разницы между далеким и близким. Я узнал, что государыня [Ямато], пребывающая за морем, заботиться о том, чтобы народ ее пребывал в мире, что границы ее замирены, что обычаи в ее стране — мягки, что она с глубокими и истинными чувствами прислала нам дань издалека. Я вос-

хищен этим прекрасным проявлением искренности» (пер. А.Н. Мещерякова). Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, С. 100—101.

²⁶⁶ Согласно представлениям китайской политической науки, соединенными с концепцией «недеяния» (кит. увэй), для осуществления «добродетельного правления» не нужны массивные законодательные своды. Скорее наоборот, появление все новых законов являет собой доказательство отхода правителя от «истинного пути» и приближения государства к состоянию «хаоса».

²⁶⁷ Государь Киммэй (539—571).

²⁶⁸ Согласно историко-мифологическому своду «Нихон сёки», проникновение буддийского учения на территорию Японии произошло во время правления государя Киммэй (Нихон сёки, Киммэй, 13—10—0, 552 г.; Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, С. 53—54). Однако, по мнению современных исследователей, текст «предания» о принятии буддизма, помещенный в «Нихон сёки», является компиляцией из нескольких (в том числе и более поздних по времени создания, чем 552 год) буддийских и классических китайских произведений. То же относится и к не менее важной для изучения истории проникновения буддизма в Японию записи от 584 г. (Нихон сёки, Бидацу, 13—9—0, 584 г., Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, С. 77). Подр. см.: Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. очерк ранней истории. М., 1988, С. 58—67; Kamstra J.H. Encounter or Syncretism. The Initial Growth of Japanese Buddhism. Leiden, 1967, pp. 250—255.

²⁶⁹ В «Нихон сёки», в частности, сказано: «Государыня повелела престолонаследнику и опооми [Умако-но Сукунэ] споспешествовать процветанию трех сокровищ. В это время все оми и мурадзи (т. е. придворная знать — М. Г.), соревнуясь друг с другом, стали строить дома ради достижения благополучия своих господ и родителей. Эти [дома] назывались храмами». Нихон сёки, Суйко 2—2—1, 594 г. Цит. по: Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, С. 91.

²⁷⁰ Тэмпё (729—748) — один из девизов правления государя Сёму (724—749).

²⁷¹ В 741 году был провозглашен указ об образовании системы буддийских монастырей по всей стране, согласно которому в каждой провинции надлежало основать по два монастыря — мужской (кокубундзи) и женский (кокубун нидзи). В этом указе, в частности, отмечалось: «Повелеваем построить во всех провинциях по семиярусной пагоде, переписать сутры «Конкомё сайсёокё» и «Мёхорэнгэкё». Сами же Мы станем переписывать золотыми знаками сутру «Конкомё сайсёокё» для того, чтобы поместить ее в каждой пагоде. Желаем процветания священного Закона, чтобы стоял он вечно, подобно Небу и Земле, чтобы были мы обласканы его защитой, чтобы покрывала она нас в настоящем и будущем, чтобы была она неизменна и крепка. Пагоды с храмами — это цветы страны. Для возведения их следует выбрать место приятное, нужно сохранять их надолго. Не следует строить их вблизи людей, чтобы запахи достигали их. Не следует возводить их в отдалении, дабы не создавать хлопот для людей, их посещающих. Управления провинций должны озаботиться их украшением и содержанием в чистоте. Молю о том, чтобы небесные божества-охранители услышали Нас,

обеспечили защиту. Пусть будет возведена Наша воля до самых окраин...» (пер. А.Н. Мещерякова). Сёку нихонги, Тэмпё, 13—3—24, 741 г. Тем не менее, на сегодняшний день археологические изыскания не подтверждают наличия системы «провинциальных буддийских монастырей» по всей стране в период Нара. Существует предположение, что такая разветвленная система оформилась только к середине IX века. Миками Ёситака. Дзёсаку (Крепости). / Модзи то кодай Нихон (Письменность и древняя Япония). Под ред. Хиракава Минами и др. Т. 2. Модзи-ни ёру корю (Коммуникация в свете письменности). Токио, 2005, С. 331—350.

²⁷² В государевом рескрипте от 744 года по этому поводу говорилось: «В четырех провинциях [столичного] региона Кинай и всех провинциях семи регионов надлежит выделять по 40000 снопов [риса] из налоговых поступлений, дабы выделить по 20000 снопов [риса] и мужским, и женским [провинциальным] храмам. [Что же касается] ежегодных рисовых ссуд, то доходы от них [также] должны идти содержание и строительство [провинциальных мужских и женских] храмов». Сёку нихонги, Тэмпё, 16—7—23, 744 г.

²⁷³ Государь Камму (781—806).

²⁷⁴ Перенос столицы в Нагаока был осуществлен в 784 г.

²⁷⁵ По мнению немецкой исследовательницы Инге Клюге, для обеспечения нужд строителей столицы Нагаока, которых насчитывалось более 300 тысяч человек, потребовалось приблизительно 680 тысяч снопов (102 тысячи коку, т. е. около 15, 3 миллионов килограмм — М. Г.) риса. Kluge, Inge-Lore. Op. cit., S. 43.

²⁷⁶ Хэйанкё стал столичным градом в 794 году. Позднее он был переименован в Киото, но по-прежнему оставался местом пребывания государя и его двора, пока в 1868 году японский государь не переехал на постоянной местопребывания в Токио.

²⁷⁷ Дайгокудэн — собственно государев Тронный Зал. В дворцовом комплексе Нара. А позднее и Хэйан, являлся самым большим зданием, в Нара его размеры были: длина — 44 м., глубина — 19,5 м., высота — 21,4 м. Там находился императорский трон, и проводились основные государственные церемонии (восшествие императора на престол, празднование Нового года, прием иностранных послов, повышение высших чиновников и т. д.). Само название «дайгокудэн» может быть истолковано как «Зал Полярной звезды». В связи с особой важностью Дайгокудэн существует предположение, что с переносом столицы в Хэйан Дайгокудэн не отстраивался собственно заново, а был перенесен из прежней временной столицы в Нагаока. Подтверждением тому японские исследователи считают то, что в своё время Дайгокудэн в столице Нара разбирался по крайней мере дважды, сперва в 740 г., что было связано с переездом государя Сёмму в Кунь, затем в 784 г. при переезде в Нагаока (в разобранном виде он доставлялся на новое место и там заново собирался). Подр. см.: Сэнда Минору. Хэйдзёкё-но фукэй (Ландшафты Нара), Токио, 1997.

²⁷⁸ Буракуин — комплекс зданий в столице Хэйан, где проводились императорские пиры.

²⁷⁹ По сообщению государственной хроники, только в 797 году в строительстве дворцового комплекса принимало участие 20040 трудомобилизованных из четырех провинций (Тотоми, Суруга, Синано и Идзумо). В 805 году непосильность налогового бремени в связи с продолжающимся строительством столицы Хэйан стала настолько очевидна, что несколько высших сановников подали государю доклад, в котором предлагали меры по исправлению критической ситуации. Среди эти предложений были следующие: позволить рабочим трех или пятидневный отдых (в зависимости от степени сложности выполняемой работы); увеличить продуктовый рацион для трудомобилизованных, которые заняты на тяжелой физической работе; в двадцати одной провинции (Ига, Исэ, Овари, Оми, Мино, Вакаса, Этидзэн, Эттю, Тамба, Танго, Тадзима, Инаба, Харима, Мимасака, Бидзэн, Биттю, Бинго, Кии, Ава (на о-ве Сикоку), Сануки и Иё), откуда были доставлены работники для окончания строительства столичного града, на этот год отменить заменительную натуроплату. Нихон коки (Поздние анналы Японии). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1982. Энряку, 16—3—17, 797 г. Руйдзю кокуси, Энряку, 24—12—7, 805 г.

²⁸⁰ Государь Ниммё (833—850).

²⁸¹ Дзёган (859—877) — девиз правления государя Сэйва (859—877).

²⁸² Отэммон (Врата небесных благопожеланий) — главные ворота внутридворцового комплекса Тёдоин, где располагались помещения восьми министерств. В 866 году произошел поджог Отэммон, в чем обвинили старшего придворного советника Томо-но Ёсио. Несмотря на все его отрицания, это событие (после соответствующей консультации с Астрологическим управлением) посчитали за «дурное предзнаменование», которое могло отрицательно сказаться на состоянии государя Сэйва, а, следовательно, и на процветании всего государства. В результате Томо-но Ёсио осудили и отправили в ссылку в провинцию Идзу, где он через два года скончался, а вместе с ним в опалу попадают еще несколько придворных чиновников. Считается, что данный поджог был использован (либо был осуществлен по его непосредственному приказу) тогдашним Главным министром и регентом Фудзивара-но Ёсифуса (804—872) для устранения своих политических противников (в первую очередь Левого министра Минамото-но Макото, который в 866—867 годах лишился почти всех сторонников при дворе, и вплоть до смерти в 868 году так и не сумел восстановить своего положения). Нихон сандай дзицуруку, Дзёган, 8—3 доп.—10, 866 г.; 8—9—25, 866 г.; Кугё бунин ([Официальный] реестр назначений на должности высших сановников). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1. Токио, 1971, С. 128—129. См. также: Такинами Садако. Хэйан кэнто (Становление столицы Хэйан). Токио, 1991, С. 181—184.

²⁸³ Согласно хронике «Нихон сандай дзицуруку», в 876 году ночью от молнии загорелся государев Тронный Зал (яп. Дайгокудэн), а к утру огнем был объят не только весь Дайгокудэн, но и запылал соседний Зал Малого Успокоения (яп. Коандэн). К вечеру того же дня оказались полностью разрушенными Дайгокудэн, Коандэн и еще несколько небольших построек по соседству. Нихон сандай дзицуруку, Дзёган, 18—4—10, 876 г.

²⁸⁴ На момент инцидента 866 года приёмный сын Главного министра Фудзивара-но Ёсифуса — Фудзивара Мотоцунэ (836—891) занимал должность придворного советника (яп. санги), но сразу после отстранения Томо-но Ёсио он был назначен на пост среднего придворного советника (яп. тюнагон). Позднее Фудзивара-но Мотоцунэ сделал блестящую политическую карьеру. В 880 году он становится Главным министром, а в 888 году — канцлером-«кампаку», и сохраняет за собой этот пост вплоть до своей смерти в 891 году. Кугё бунин. Указ. соч., С. 128, 138, 147—149. Биографию Фудзивара-но Мотоцунэ также см.: О:кагами. Указ. соч., С. 57—59, 208—209.

²⁸⁵ Заново отстроить помещение Дайгокудэн удалось уже в 877 году, а в начале 878 года там состоялась пышная церемония «почитания ста божеств», которые «оказали помощь» при восстановлении государева Тронного Зала. Нихон сандай дзицуроку. Гангё, 1—4—8, 877 г.; 2—2—24, 878 г.

²⁸⁶ Кампё (889—898) — один из девизов правления государя Уда (887—897). Пятый год Кампё, соответственно, 893 г.

²⁸⁷ Как видно из исторической хроники «Сёку нихонги», с целью лучшего управления государством в 713 году был провозглашен указ о составлении «Описания земель и обычаев» (яп. Фудоки). Сёку нихонги, Вадо, 6—5—2, 713 г. Считается, что в течении VIII столетия были составлены «фудоки» более 60 провинций, однако полностью сохранился только текст «Идзумо фудоки» («Описание земель и обычаев [провинции] Идзумо», 733 г.). Также сохранилась большая часть «фудоки» еще четырех провинций (Хитати, Харима, Бунго и Хидзэн). Помимо этого, стараниями японских исследователей удалось восстановить часть текста «фудоки» для 44 провинций. Подр. см.: Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн). Пер., предисл. и коммент. К.А. Попова. М., 1969; Идзумо фудоки. Пер., предисл. и коммент. К.А. Попова. М., 1966; Фудоки (Описание земель и обычаев). Сост. Акимото Китиро. Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 2. Токио, 1968.

²⁸⁸ Поскольку государыня Амэ Тоётакара Икасихи Тарасихимэ находилась на престоле дважды, сперва под именем Когёку (прав. 642—645), а затем — Саймэй (прав. 655—668), то автор, следуя правилам китайской историографической традиции, называет государыню китайским именем, соответствующим ее первому периоду царствования, хотя события, которые описаны далее, приходятся на правления государыни Саймэй.

²⁸⁹ Нихон сёки, Саймэй, 6—7—16, 660 г.; 6—9—5, 660 г.; 6—10—0, 660 г.

²⁹⁰ Нихон сёки, Саймэй, 6—12—24, 660 г.; 7—1—6, 661 г.

²⁹¹ Государь Тэнти (668—671). Следуя китайской историографической традиции, описания любых событий из жизни государей и высокопоставленных чиновников должно было сопровождаться упоминанием их высших титулов и постов, коих они удостоились при жизни или после смерти (благодаря посмертному повышению в должности). По этой причине Тэнти в тексте дословно назван «государь Тэнти», хотя на момент описываемых событий он был только наследником престола. По той же причине позднее Кими-но Макиби назван «Пра-

вый министр Киби-но Макиби», несмотря на то, что речь идет о временах, когда он был только управителем уезда.

²⁹² «Ниман го» — дословно «деревня двадцати тысяч».

²⁹³ Нихон сёки, 7—6—24, 661 г.

²⁹⁴ Тэмпё дзинго (765—766) — один из девизов правления государыни Сётоку (764—770).

²⁹⁵ Киби-но Асоми Макиби (693—775) — знаменитый ученый и государственный деятель периода Нара. Происходил из аристократического рода Киби, восходящего к государю древности Корэю (трад. 290—215 гг. до н.э.). Несколько раз отправлялся в составе официальных посольств в танский Китай, где прожил достаточно длительное время (716—735, 749—758 гг.), изучая государственное устройство, религиозную систему и обычаи населения. Несмотря на его достаточно быстрое продвижение по ступеням ранговой и должностной иерархии (в 766 году он становится Правым министром), блестящей его придворную карьеру назвать нельзя. В 771 году в результате придворных интриг Киби-но макиби был удален от двора и лишился всех значимых должностей в государственном аппарате, но со временем за ним закрепился ореол «безвинно пострадавшего» человека. Жизнь и «деяния» Кими-но Асоми Макиби стали обрастать множеством легенд. Так, например, считается, что именно Кими-но Макиби привез из Китая и распространил в Японии лютную «бива», искусство вышивки шелковых тканей, а также игру «го». Помимо этого, ему приписывается изобретение фонетической азбуки «катакана» и введение в Японии церемонии почитания Конфуция. О Кими-но Макиби см., напр., Мияда Тосихико. Киби Макиби. Токио, 1967.

²⁹⁶ Фудзивара-но Асоми Ясунори (825—895) — сын среднего придворного советника Фудзивара-но Асоми Садао и внук Правого министра Фудзивара-но Асоми Цугинава. Занимал несколько важных постов в центральном (глава полицейского управления — Кэбииситё, старший помощник, а потом и глава министерства народных дел) и периферийном (в Дадзайфу, а также в провинциях Биттю, Бидзэн и Дэва) аппарате управления. Незадолго до смерти он был лишен столичных должностей и отправлен на о-в Кюсю в качестве заместителя главы управы Дадзайфу. Примечательно, что в 1915 году с целью успокоения «мятежного духа-«онрё» Фудзивара-но Ясунори он был посмертно повышен до третьего младшего придворного ранга. Существует мнение, что судьба Фудзивара-но Ясунори напоминала Миёси Киёюки трагедию, случившуюся с Сугавара Митидзанэ. Это послужило поводом для написания Миёси Киёюки биографии Фудзивара Ясунори («Фудзивара-но Ясунори дэн», текст сохранился не полностью) в 907 году (считается, что этой биографии проводилась аналогия с Сугавара Митидзанэ, ибо осуществление жизнеописания самого опального министра было весьма политически опасным делом). Исао Токоро. Указ. соч., С. 137—145; Яцукурн Такэси. Миёси Киёюки-но хохо Фудзивара-но Ясунори дэн ко (Программа Миёси Киёюки. Размышления о «Жизнеописании Фудзивара-но Ясу-

нори). // Кокубунгаку кэнкю (Изучение национальной литературы). № 50, 1974. Текст биографии Фудзивара Ясунори см.: Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 59—74.

²⁹⁷ Кэйтэ — (досл. «счетные записи»). Помимо составления «подворных списков» (яп. косэки), в качестве подготовительной меры к введению в Японии системы надельного землепользования программой реформ Тайка было предусмотрено и составление «счетных записей» (яп. сэкитё). Такие записи, как явствует из кодекса «Тайхорё» и более поздних комментариев к нему («Рё-но гигэ», 833 г.), «составлялись хозяином двора» по «требованию» столичных и провинциальных властей. Это были «налоговые и податные списки», поскольку именно на данных этих списков основывались при определении норм налогообложения для конкретного двора. Кроме того, «счётные записи», как, собственно, и «подворные списки», являлись одним из способов контроля на уровне общины и двора, поскольку любые изменения сразу же фиксировались и о них докладывалось вышестоящим властям. Так, «если весь двор направлялся на новое место для выполнения трудовой повинности или весь двор ударился в бега», то он «не исключался из записей», а «переписывался из старого списка с одновременным изложением причин его отсутствия» (тем временем, как видно из более поздних хэйанских источников, в подобных случаях назначался специальный чиновник, который был обязан провести тщательное расследование и выяснить «куда подевался двор»). Обычно в «счетные записи» заносили число и возраст всех членов двора (если там проживали «чужаки» или лица «рабского сословия», то на них составлялись отдельные списки), а по завершении составления записей они подписывались «несколькими» представителями провинциального управления и отправлялись на проверку и дальнейшее утверждение в Дайдзёкан. Сохранились «рекомендации» по составлению такого налогового реестра. См.: Энгисики. Указ соч., Т. 2, С. 627—642.

²⁹⁸ Согласно возрастной градации, существующей в древнем и средневековом праве Китая и Японии, каждый человек от рождения до трех лет включительно (в Китае до четырех) считался «ребенком» (яп. ки, кит. хуан), до 16 лет — «подростком» (яп. сё, кит. сяо), до 20 лет — «юношей» или «девушкой» (яп. тью, кит. чжун), до 60 лет — «взрослым» или «взрослой» (яп. тё, кит. дин), до 65 лет — «стариком» и «старухой» (яп. ро, кит. лао), а с 66 лет — «почтенным» или «почтенной» (яп. ки, кит. ци). Рицурё. Указ. соч., С. 226, 551—552.

²⁹⁹ Энги (901—923) — один из девизов правления государя Дайго (897—930). Одиннадцатый год Энги, соответственно, 911 г.

³⁰⁰ Фудзивара-но Асоми Кимитоси — потомок Левого министра Фудзивара-но Уона и сын среднего придворного советника Фудзивара-но Ямакагэ. Известно, что, помимо должности помощника управителя провинции Биттю, он занимал пост исполняющего обязанности управителя провинции Тадзима.

³⁰¹ Перифраз из китайской хроники «Хань шу», где сказано, что с воцарением императора У-ди (140—87 до н.э.) «чрезмерная роскошь» достигла угрожающих размеров, «богатства страны расточались, а население сократилось наполовину». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 78.

³⁰² Цитата из китайского философского трактата периода Хань «Синь лунь» («Новые суждения»), принадлежащего кисти Хуань Тяня (43 г. до н.э. — 28 г. н.э.). Помимо этого, мысль о том, что «истинные мудрец появляется только один раз в тысячу лет» встречается и в китайской хронике «Цзинь шу». Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 898; Kluge, Inge-Lore. Op.cit., S. 46.

³⁰³ Выражение встречается в трактате «Ли цзи» («Книга ритуалов»). Расширительное толкование этого выражения в одном из своих знаменитых докладов дал выдающийся литератор и политический деятель периода Тан Лю Цзунюань (773—819). Цы юань. Указ. соч., Т. 3. С. 2445.

³⁰⁴ В основе этого изречения — текст «Ши цзин» («Книга стихов»). В литературном переводе А.А. Штукина: «Древний народ говорил, что разумен лишь тот, кто и у сборщика сучьев советы берет!». Ши цзин. Книга песен и гимнов. Пер. с кит. и коммент. А.А. Штукина. М., 1987, С. 249. См. также Цы юань. Указ. соч., Т. 4, С. 2621.

³⁰⁵ Юй — одно из имен мифического императора Шуня (трад. 2255—2208 гг. до н.э.). Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 1, С. 148.

³⁰⁶ Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 1, С. 142.

³⁰⁷ Пересказ слов из «Лунь юя» (XIII—10). См.: Переломов Л.С. Указ. соч., С. 389.

³⁰⁸ Согласно китайской конфуцианской традиции, во время царствования мудрого правителя мир и покой в стране устанавливаются в течение одного поколения. В «Лунь юй» (XIII—13) сказано: «Если окажется [в государстве] истинный правитель, то всего лишь через поколение воцарится человеколюбие» (Переломов Л.С. Указ. соч., С. 390). Согласно комментариям Кун Ань-го (156—74 гг. до н.э.) и Чжу-си (1130—1200) к тексту «Лунь юя», одно поколение продолжалось 30 лет (Сы шу чжан цзюй цзи чжу («Четверокнижие» с собранием комментариев). Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 1983, С. 144). В пояснениях к японской литературной энциклопедии «Хонтё мондзуй» (XI в.) сказано, что в танском Китае человеколюбие воцарилось с восшествием на престол второго императора этой династии — Тай-цзуна (627—649). Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 79.

³⁰⁹ Используемый в тексте термин «сёдзицу», дословно означает «десять дней» (декада), однако по смыслу более подходит его расширительное толкование: «быстро», «короткий срок».

³¹⁰ Дословная цитата из китайского сборника историй о жизни выдающихся мыслителей с середины II в. по начало V в. «Ши шо синь юй» («Новом изложение рассказов, в свете ходящих»), составленном Лю И-цином (403—444). Литературный оборот «смотреть через тростниковую трубку на леопарда, и видеть только одно пятнышко [на его шерсти]» обозначает в образном смысле «иметь узкий взгляд» («ограниченный кругозор») и связывается с жизнью Ван Цы-цзина — сына знаменитого каллиграфа Ван Си-чжи. Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 405; Цы юань. Указ. соч., С. 2362.

³¹¹ Выражение встречается в «Юань дао» («[Обращение] к истокам дао») — одном из самых известных сочинений танского философа, литератора и полити-

ческого деятеля Хань Юя (768—824). Позднее расширительное толкование этого выражения было дано в литературной энциклопедии периода Тан «Гу ши чэн юй као» («Размышления и смысле выражений, используемых древними»). Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 823; Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 375. Сяку — японская мера длины равная 30,3 см.

³¹² Почти точная цитата из китайского историко-философского трактата «Шу цзин» («Книга документов»). Шан шу (Book of History). Хэнань, 1996, С. 310.

³¹³ Согласно древнекитайским, а затем и древнеяпонским представлениям о государстве, народ являлся одним из его важнейших компонентов. В нарский период считалось, что государство включало три основных компонента: правитель — чиновники — народ. Все эти компоненты были взаимозависимы. Как явствует из древнеяпонских нарративных источников отношения между тремя этими компонентами (в его идеальном варианте) должны были складываться следующим образом. Государь, опираясь на высшие силы, должен были осуществлять правление всей страной при помощи мудрых советников (чиновников). Задача чиновников состояла в том, чтобы оказывать помощь государю в деле правления. С одной стороны, они должны были следить за неукоснительным исполнением воли государя на местах, а с другой, не должны были притеснять простой народ и забывать о его чаяниях. Основой же государства являлся «народ»; с одной стороны, он должен был безоговорочно подчиняться велениям свыше, с другой рассматривался как своеобразный гарант спокойствия в стране. В хронике «Сёку нихонги» по этому поводу говорилось: «Чтобы государство процветало необходимо сделать народ богатым. Основой же богатства народа являются управление, деньги и пища. Когда мужчины занимаются земледелием, а женщины — ткачеством, в домах в изобилии появляются и одежда, и пища. Когда у народа зарождается чувство стыда, тогда исчезает необходимость в наказаниях. [В результате] в стране устанавливается мир» (Сёку нихонги, Рэйки, 1—10—7, 715 г.). При этом основным занятием простого народа считалось земледелие и шелководство. Определение «земледелия и шёлководства» в качестве основных занятий простого народа было широко распространено к китайской политической науке. В «Хань шу», к примеру говорилось: «Земледелие — это важнейшая основа Поднебесной, это то, от чего зависит жизнь народа» [Pan Ku. The History of the Former Han Dynasty. Transl. with Annotations by Homer H. Dubs. L., 1938, Vol. 1, p. 245; ср. также С. 242, 255, 331]. Забота о народе является одной из важных тем рассматриваемых еще в «Наставлениях из 17 статей», где чиновников призывали «не облагать народ [излишними] налогами». В этом же документе устанавливался порядок привлечения населения к трудовой повинности, не нарушая ход сельскохозяйственного цикла (Нихон сёки, Суйко, 12—4—3, 604 г.). Позднее в период Нара бытовало представление, что «народ — это основа государства. Если основа прочна, то вся страна пребывает в спокойствии. Что до основы жизни народа, то самое важное — это земледелие и шёлководство» (Сёку нихонги, Энряку, 3—11—3, 784 г.).

³¹⁴ Палата Небесных и земных божеств (яп. Дзингикан) — одно из важнейших учреждений в системе государственного управления (начиная с конца VII столетия). Хотя формально Дзингикан возглавлялся только чиновником четвертого придворного ранга, фактически находился под руководством самого государя, являвшегося первосвященником синтоизма. Основными функциями Дзингикана были: осуществление служб в синтоистских святилищах, а также проведение религиозных празднеств и ритуалов общегосударственного значения.

³¹⁵ Тосигои — молебствие о ниспослании обильного урожая проводилось (согласно кодексу «Тайхорё») в 4-ый день 2-го лунного месяца. Поскольку «Тосигои» являлось первым из важнейших государственных обрядов сельскохозяйственного года, то его празднование происходило во всех храмах страны. Подр. см.: Рё-но сюгэ. Указ. соч., Т. 1, С. 195; Рицурё. Указ. соч., С. 530—531.

³¹⁶ Цукинами — ежемесячное молебствие о благоденствии страны. В «Энгисики» сказано, что этот обряд проводился в 11-ый день 6-го и 12-го лунного месяца. Основное содержание, как явствует из хэйанских источников, сводилось к молитвам о спокойствии в стране, о хорошем произрастании риса и об обильном урожае. Кроме того из «Рё-но гигэ» видно, что Цукинами-но мацури для простого народа являлось молебствием в честь божеств домашнего очага. См.: Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 77; Рицурё. Указ. соч., С. 533.

³¹⁷ Для лучшего функционирования управленческого аппарата в кодексе «Тайхорё» было предусмотрено два важных государственных учреждения — Левая и Правая ревизионные канцелярии (Садайбэн и Удайбэн, соответственно). Каждая из этих канцелярий «курировала» по четыре министерства, осуществляя своеобразный контроль за их деятельностью. Так, например, старшие служащие (глава и его помощник) ревизионной канцелярии имели право «вето» на любой исходящий из подчиненного им министерства документ. К тому же представителилевой и Правой ревизионных канцелярий получали доступ ко всей документации (как входящей, так и исходящей) подчиненных им ведомств, что приносило ощутимые выгоды. В итоге служба в ревизионной канцелярии стала весьма престижной и представляла собой один из важнейших этапов для получения должности в Высшем политическом Совете (Гисэйкан).

³¹⁸ Хэйхаку — полоски бумаги или шёлковой ткани, помещенные в синтоистских святилищах в качестве подношений.

³¹⁹ Имеется ввиду Самэрё и Умэрё. О штате и функциях двух этих управ см.: Энгисики. Указ. соч., Т. 3, С. 973—983.

³²⁰ Хафурибэ — синтоистский жрец. При каждом синтоистском святилище в зависимости от его размера и влияния состояло известное число жрецов, которые носили название «хафурибэ». Все синтоистские жрецы подразделялись на три группы: «каннуси», так называемые старшие жрецы (включала настоятелей и их ближайших помощников); «нэги» (те, кто вел храмовые службы) и «хафури» (мелкие служащий синтоистских святилищ).

³²¹ Икухомон — Врата Благоухающих ароматов. Находились в юго-восточной части Большого государева дворца (Дайдайри) и являлись ближайшими воротами Дайдайри по отношению к зданию Дзингикана.

³²² Сисё — писец. Один из самых низших постов в должностной иерархии.

³²³ Киссё кэка (моления во благо государева рода) — церемония, ежегодно проводимая в Дайгокудэн с 8-го по 14-ый день 1-го лунного месяца. Впервые в японских источниках упоминается под 749 годом и первоначально осуществлялась в течении 49 дней (Сёку нихонги, Тэмплё сёхо, 1—1—1, 749 г.). Согласно «Энгисики», она проводилась также во всех провинциальных буддийских храмах. Считается, что сам ритуал заимствован из китайской буддийской практики, а его упоминание встречается в сутре «Конкё мёсайсё окё» (Саварнапрабхасутра). Подр. см.: Хэйан дзидай гисики нэнтю гёдзи дзитэн (Словарь ежегодных церемоний периода Хэйан). Под ред. Абэ Такэси и др. Токио, 2003, С. 38—39; Энгисики. Т. 2. С. 534—535.

³²⁴ Нинтёэ (Моление за добродетельного государя) — церемония, направленная на устранение ритуальной нечистоты (яп. кэгарэ) и достижение благоденствия правящего рода, а, следовательно, и всего государства. Во время этого ритуала читалась сутра «Нинтё гококубампокё» (Праджня-сутра добродетельного государя, оберегающего страну). Данная церемония была заимствована из китайской ритуальной практики, где впервые появляется при династии Чэнь (557—589), но достигает своего расцвета в период Тан. Первое упоминание в японских источниках приходится на 660 год. Нихон сёки, Саймэй, 6—5—8, 660 г.; Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 2, С. 184. Подр. см.: Хэйан дзидай гисики. Указ. соч., С. 219—220.

³²⁵ Согласно синтоистским верованиям, «смерть» и все с ней связанное (болезнь, кровь и т. д.) считалось источником «нечистоты»-«кэгарэ». В «Энгисики» перечисляются четыре основные причины «нечистоты», к которым относятся: «смерть» (любые контакты с умершим), беременность и роды, «смерть домашних животных» и «роды» у домашних животных (за исключением кур). По этой причине в древней Японии больных людей избегали, а эпидемий боялись. Считалось, что «нечистота», возникающая вследствие посещения больного человека, не позволяла посетителю в тот же день входить на территорию дворцового комплекса и требовала от него участия в специальной очистительной церемонии. Что же касается умерших во время эпидемий, то трупы не только были причиной «зловония», но и серьезным источником ритуальной «нечистоты». Помимо этого, «дурные болезни», согласно кодексу «Тайхорё», являлись одной из семи официальных причин развода со стороны мужа. Поскольку семья и род считались «основами государства», то болезни воспринимались как явление нежелательное и даже социально опасное. Выздоровление же больного (особенно, если речь шла о государе или его высокопоставленном подданном) понималось как дело необходимое для стабильности и процветания государства и для этого могли предприниматься различные действия: «отправка лекарств» (в хэйанский период государи зачастую отправляли больным высокопоставленным придворным

аристократам лекарства со «специальными посланниками»); «объявление великих помилований»; «проведение молений» и «совершение приношений небесным и земным божествам» (в древней Японии бытовали представления, что ежели к «местным божествам относиться без почтительности», то они способны «наказывать» людей различными бедствиями, например, плохими урожаями, болезнями, пожарами или затяжными дождями); чтение буддийских сутр (например, «Конго ханьякё» («Сутра алмазной праджни»), «Мурё дзюкё» («Сутра о неизмеримой [по продолжительности] жизни»), «Хокэкё» («Сутра лотоса») и т. д.) в «больших» и «провинциальных» храмах; проведение обрядов очищения; осуществление «молений божествам дорог» (яп. «митиаэ-но мацури», проводились в последнюю ночь 6-го и 12-го лунного месяца для защиты столицы и центрального района Кинай от болезней и других несчастий, которые могут быть занесены туда прибывающими путниками) и т. д. Подр. см. Грачёв М.В. Медицина а древней Японии. // Япония. Путь кисти и меча. № 3, 2003; Симмура Таку. Си то ямай то канго-но сьякай (История общества с точки зрения «смерти», «болезней» и «ухода за больными»). Токио, 1995.

³²⁶ В тексте «нёрай» (санскрит. татхагата) — «благая сущность» (яп. мётай), «природа Будды». Подр. см.: Буддизм в Японии. М., 1993.

³²⁷ Сого — «буддийские иерархи» (иначе «сокан»). Первые упоминания о существовании неких должностей внутри буддийской общины относятся еще к 624 году, когда «для надзора за монахами и монахинями» были учреждены должности «содзё» и «содзу». Более детальная разработка должностной иерархии, созданной внутри буддийской общины по инициативе центрального правительства, происходит в конце VII столетия. В 683 году были назначены «содзё», «содзу» и «рисси», которые должны были следить, чтобы «управление монахами и монахинями осуществлялось в соответствии с законом». Именно эти три должностные лица являлись высшими буддийскими иерархами — «санго» (досл. «три иерарха»), отвечающими перед центральной властью за все правонарушения внутри буддийской общины. В дальнейшем внутриобщинная иерархия претерпевала изменения. В 702 году высших должностей в буддийской общине было уже четыре: «содзё», «дайсодзу», «сёсодзу» и «рисси», а с 745 года — пять: «дайсодзё», «содзё», «дайсодзу», «сёсодзу» и «рисси». С увеличением количества внутриобщинных иерархов более четко определялся их статус и детализировались присущие им функции. В 760 году для буддийских монахов была учреждена отдельная шкала ранжирования, состоящая из 4 ранговых категорий, делившихся на 13 степеней, однако высшие должности внутри буддийской общины ввиду своей важности, по всей видимости, были выведены за пределы упомянутой ранговой системы и имели непосредственную привязку к шкале чиновничьих рангов. Так, согласно сообщению «Сёку нихонги» от 773 года, должность «содзё» соответствовала четвертому младшему придворному рангу, «дайсодзу» и «сёсодзу» — пятому старшему рангу, а «рисси» — пятому младшему рангу. Согласно «Руйдзю сандайкяку», в 855 году была введена еще одна шкала ранжирования для буддийского монашества: для «наставников» (коси) — пяти степеней;

для «чтецов сутр» (докуси) — три степени. Руйдзю сандайкяку, Сайко, 2—8—23, 855 г.

³²⁸ Существуют различные объяснения термина «сандзон». Согласно первой версии, «сандзон» — это три великие буддийские истины: Будда, дхарма (учение), сангха (община верующих). Согласно второй, «сандзо» — это наименование Будды Амиды и двух «сопровождающих» его боддхисатв: Каннон (Гуаньшиинь-Авалокитешвара) и Сэйси (Пусянь-Всеблагод).

³²⁹ Кодокуси — монахи, ответственные за толкование буддийского учения. Специально направлялись в различные провинции для наблюдения за правильным осуществлением буддийских церемоний. В расширительном толковании: два разряда буддийских монахов — «коси» и «докуси».

³³⁰ Это выражение содержится в нескольких китайских трактатах. В «Мэнцзы», к примеру, сказано: «Но судя по тому, как вы действуете, как добиваетесь своего желания, это походит на то, что лезть на дерево и искать там рыбу». Мэнцзы. Пер. В.С. Колоколова, под ред. Л.Н. Меньшикова, СПб, 1999, С. 25. Также см.: Философы из Хуайнани (Хуайнаньцзы). Пер. Л.Е. Померанцевой. М., 2004, С. 192.

³³¹ Источник этой фразы обнаружить не удалось.

³³² Поскольку буддийская церковь считалась одним из государственных институтов, то от каждого монаха власти настоятельно требовали выполнения своих обязанностей, установленных в законодательном порядке. Для монахов (в зависимости от их ранговой позиции внутри буддийской общины) был определен своеобразный «круг обязанностей». Руйдзю сандай кяку, Указ. соч., Энряку, 17—6—14, 798 г.; 24—12—25, 805 г.; Конин, 10—12—25, 819 г.; Дзёган, 6—2—16, 864 г.; Энги, 3—6—20, 903 г.

³³³ Сокращенная и искаженная цитата из «Ши цзина» (Книга песен). Полный текст в переводе Л.А. Штукина таков: «Вижу, колосья, как в крыше солома, часты; // Точно ярмо, изогнулись они с высоты. // Кучи зерна, что на поле оставили мы, // Как острова на реке или в поле холмы. // Тысяча, верно, не меньше, амбаров нужна, // Тысяч десятков телег для отвозки зерна! // Если и просо, и сорго, и рис возрастут — // Счастье моих земледельцев проявлено тут. // Благо, наградоу будь земледельцам моим, // Тысячи лет долголетия безмерного им!. Ши цзин. Указ. соч., С. 194.

³³⁴ В хэйанском обществе проблема излишней расточительности была остро-дискуссионной. Следуя примеру китайской конфуцианской традиции, чрезмерная роскошь объявлялась важнейшим «пороком» государства, приводившим к истощению народа и появления в стране бунтарей и смутьянов. По этой причине многие государственные деятели древней и средневековой Японии причисляли роскошь к самым опасным «изъянам» правления, способным ввергнуть страну в «хаос». Кацуяма Минору. Боку Содай-ни окэру сяси кинрэй-но косацу (Изучение указов, запрещающих роскошь, в период Северная Сун). / Тохогаку, № 92, 1996.

³³⁵ Неточная цитата из доклада чиновника и прославленного поэта Се Тяо (464—499) придворному сановнику династии Ци (479—502) Сяо Яню (464—549) — будущему основателю династии Лян (502—557). Цы юань. Указ. соч., Т. 3, С. 1881.

³³⁶ Как видно из письменных источников, в период Хэйан придворная аристократия выработала своеобразный «стиль жизни», многие элементы которого были заимствованы из арсенала китайской придворной культуры. Одним из «показателей принадлежности» человека к аристократическому кругу являлась организация так называемых «званных пиров». Во время таких пиршеств любой участник должен был подчиняться достаточно строгим правилам. Например, в хэйанском собрании изящной словесности «Хонтё мондзуй» (XI в.) упоминается особая церемония «дуновения на цветок», которую должен был пройти любой опоздавший на пиршество. В трактате «Сайгуки» (X в.) помещены «инструкции» для участников пиршества и «перечень наказаний» для нарушителей правил поведения на пиру. Там же зафиксирована любопытная церемония винопития: «Когда тебе предложили чарку с сакэ, необходимо повернуться лицом ко всем пирующим и нараспев продекламировать: «[Чарка] наполнена [сакэ]». Затем необходимо взять чарку с сакэ и сказать [всем пирующим]: «Ищу». Позднее ты сам, в свою очередь, передаешь чарку [другому участнику пира], который сидит слева от тебя, и он говорит: «Получил». После того, как он выпьет содержимое чарки до последней капли, ты должен сказать: «Чисто». Подробное описание пира, напр., см.: Сайгуки (Записи из Западного дворца). Сер. «Кодзицу сосё». Токио, Мэйдзи дзусё сьуппан, 1952, С. 267—279; Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 314—315.

³³⁷ Гангё (877—885) — девиз правления государя Ёдзэй (877—885).

³³⁸ Согласно раннесредневековому японскому историко-географическому сочинению «Вамё руйдзю сё» («Систематизированное собрание японских названий»), «токати» — материал, сотканный с добавлением заячьей шерсти. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 82—83.

³³⁹ Особой популярностью при хэйанском дворе пользовались ярко-красные и пурпурные одежды. При императоре Дайго, к примеру, увлечение ярко-красными одеяниями распространилось настолько, что придворный советник Миёси-но Киёюки в 917 г. подал докладную записку, где посчитал придворную моду одним из пагубных проявления способных «уничтожить государство» и просил государя ввести строгий запрет на подобные одеяния при дворе. Свою просьбу Миёси-но Киёюки объяснял следующим образом. Во-первых, красный цвет — это «цвет огня», а потому обилие красных одежд при дворе создает дисбаланс «стихий огня», что может привести к многочисленным пожарам в столичном граде. Во-вторых, «цвет огня» может являть собой «дурное предзнаменование», что пагубно отразится на самочувствии государя и процветании всего государства. В-третьих, цена на красную краску имеет постоянную тенденцию к увеличению, а поскольку придворная мода требует от аристократов поддерживать изысканность стиля существования, то это может привести к обнищанию многих знатных семейств. В-четвертых, распространение пышных одеяний при

дворе приводит к тому, что представители многих аристократических домов чрезмерно увлекаются роскошью и начинают «забывать о моральных устоях и принципах сыновней почтительности». Сэйдзи ёряку (Краткие сведения [об основных] вопросах политики). Сер. «Кокуси тайкэй». Т. 1—3. Токио, 1995, Энги, 17—12—22, 917 г. Докладная получила высочайшее одобрение, однако, как видно из текстов более поздних указов, придворная мода на ярко-красные одежды сохранилась, а запреты реального действия не возымели. Нихон кираку, 2000, Энтё, 4—2—16, 926 г.; Сэйи, 7—8—3, 937 г.; Тэнгё, 5—4—23, 942 г.; Тэнряку, 1—3—12, 947 г.; Анва, 1—11—1, 968 г.; Тэнгэн, 3—3—3, 980 г.

³⁴⁰ Цзи Лу (Чжун Ю) — один из учеников Конфуция. В «Лунь юе» о нем сказано: «В старом конопляном халате стоять рядом с теми, кто одет в меха барсуков и лисиц, и не испытывать чувства стыда — разве не Ю был способен на это?» Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». Т. 2. СПб., 2001, С. 268—269.

³⁴¹ Юань Сянь (Юань Сы, Цзы Сы) — один из учеников Конфуция.

³⁴² Вольное переложение одной истории из жизни учеников Конфуция, рассказанных в «Ши цзи». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 7, С. 78—79.

³⁴³ Управление «Кэбииситё» не было предусмотрено кодексом «Тайхорё» и было учреждено, по всей видимости, только в 20-е годы IX столетия. Создание этого учреждения было непосредственно связано с процессом деградации законодательной системы «государства рицурё». Первоначально чиновники «Кэбииситё» должны были следить за порядком и исполнением законов в столице, а основные задачи этого ведомства состояли в поддержании порядка в столичном граде и препровождении преступников в Министерство наказаний для дальнейшего следствия. По этой причине в данное управление назначают только лиц, имеющих придворные ранги. Однако с середины IX века компетенция «Кэбииситё» начинает возрастать. В 860 году оно получает право проведения собственного расследования в случаях совершения наиболее опасных преступлений (убийство, разбойные нападения, развратные отношения и насилие, похищение, азартные игры, кража и т. д.). В 874 году чиновники «Кэбииситё» распространили свое влияние на весь регион «Кинай» (т. е. пять центральных провинций). Позднее «филиалы» управления «Кэбииситё» стали появляться и в более отдаленных провинциях, а их служащими могли становиться «богатые крестьяне», что вызвало отрицательную реакцию двора (Руйдзю сандай кяку, Кампё, 6—9—18, 894 г.). Сначала основные цели «кэбииси» в провинциях заключались в «искоренении» разбойников и пиратов, а также в поддержании местной системы судопроизводства в надлежащем виде. В 895 и 907 годах были введены существенные дополнения в «Регламент Кэбииситё» (считается, что такой свод внутренних инструкций для чиновников данного ведомства был разработан еще в 875 году), которые касались вопросов судебного разбирательства (прием заявлений, опрос свидетелей, ведение протокола допроса и т. д.) и содержания преступников. В случае преступлений чиновники «Кэбииситё» проводили собственное расследование и, информируя провинциальную управу, докладывали о его результатах непосредственно в Большой государственный совет (Дайдзёкан),

минуя Министерство наказаний. Дайдзёкан (в свою очередь) рассматривал доклад «Кэбииситё» и выносил свою резолюцию (обычно в течение 10 дней). Многие исследователи усматривают в этом два важных обстоятельства. Во-первых, при помощи «Кэбииситё» была реанимирована, хотя и предусмотренная кодексом «Тайхорё», но с середины IX столетия практически не действовавшая на местах система судопроизводства. При этом преимущества обновленной системы правосудия были очевидны: процедура судопроизводства проработана лучше (проверка свидетельских показаний и т. п.), а судебная власть обладала определенной степенью независимости от местной администрации. Во-вторых, местная знать была заинтересована в налаживании хороших отношений с чиновниками провинциальных подразделений «Кэбииситё», что в дальнейшем способствовало все большему их обособлению от центральной власти. Со временем контроль центральной власти над провинциальными «филиалами» управления «Кэбииситё» стал сокращаться, и в некоторых регионах они превратились в самостоятельную политическую силу. В итоге к началу XII столетия провинциальные «кэбииси» стали практически независимы от двора, при этом не только местная элита, но и многие столичные аристократы старались поддерживать с ними добрососедские отношения. Подр. см.: Маэда Ёсихико. Кэбииси бэтто то ситё (Особое управление кэбииси и система судопроизводства). / Сирин (Исторический журнал). Т. 82, № 1, 1999, С. 1—35; Морита Тэй. Кэбиисики-но кэнкю (Изучение внутриведомственных правил для «кэбииси»). / Хэйан дзидай-но рэкиси то бунгаку. Рэкиси хэн (История и литература периода Хэйан. Раздел «История»). Под ред. Яманака Ютака. Токио, 1981, С. 129—150; Оцу Тоору. Митинага... Указ. соч., С. 220—236.

³⁴⁴ Согласно древнеяпонским представлениям, позаимствованным из китайской ритуальной практики, со дня смерти (до «перерождения» душ умершего) проходило сорок девять дней. В течение этого времени родственники умершего должны были молиться о его перерождении в Чистой земле. Помимо этого, в ритуальной практике были предусмотрены поминальные обряды через сто дней после смерти, через год и через три года. В «Хонтё мондзуй» содержится семнадцать «писем» знаменитых хэйанских литераторов и государственных деятелей (среди них Ёсисигэ-но Ясутанэ (?—1002), Оэ-но Асацуна (886—957), Оэ-но Масахира (952—1012), Оэ-но Юкитоки (955—1010), Сугавара-но Сукэмаса (925—1009) и др.), где имеется подробное описание проведения поминальных церемоний «семь раз по семь дней». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 112—114, 363—374; Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 674.

³⁴⁵ Дзё — яп. мера длины, равная 3,03 м.

³⁴⁶ Выражение содержится в трактате «Мэн-цзы». В переводе В.С. Колоколова данный пассаж выглядит следующим образом: «Когда убеждаешь большого человека, то смотри на него свысока, не гляди на то, что он напускает на себя величественный вид. Достигнув своих намерений, я не сделал бы себе палату вышиною в несколько «жэнь», с резными решетинами под крышей, с надписью в несколько «чи» над входом. Достигнув своих намерений, я не устроил бы себе

пир, на котором яства занимали бы один «чжан» (яп. дзё — М. Г.) по сторонам столов, а прислуживающих наложниц было бы несколько сот человек. Достигнув своих намерений, я не сделал бы всеобщей гулянки с возлиянием вина, не поскакал бы на охоту в сопровождении тысячи колесниц. Все, что у тех больших людей делается, я не сделал бы. Все, что было бы у меня, — это отвечало бы установлениям древних. Чего же мне бояться их?» Мэн-цзы. Указ. соч., С. 209—210.

³⁴⁷ Один из любопытных примеров такого плана зафиксирован в хэйанском дневнике «Сёюки». Из сообщений 1023 и 1025 годов явствует, что закупка огромного количества китайских диковинных товаров стала причиной внутрисемейного конфликта, когда глава рода Фудзивара — Правый министр Фудзивара Санэсукэ (957—1046) был вынужден примерно наказать своего второго сына и его главную жену за расточительность и несоблюдение конфуцианских принципов поведения. Сёюки (Записи Правого министра). Сер. «Дай Нихон кокироку». Т. 1—10. Токио, 1959—1986, Дзиан, 3—10—25, 1023 г.; Мандзю, 2—8—7, 1025 г. Однако, как видно из хэйанских источников, подобная ситуация, скорее, была исключением, чем правилом. В энциклопедическом справочнике хэйанских нравов «Синсаругакуки» (составлен Фудзивара-но Акихира в середине XI в.) перечисляются как китайские, так и собственно японские товары, которые были особенно популярны среди аристократов. При этом некоторые из товаров, ставших предметами роскоши, упомянуты вместе с теми провинциями, которые к середине XI столетия специализировались на их производстве: мечи из Биттю; тушь из Авадзи; шелковая нить из Этидзэн; кровля для крыши из Мино; узорчатая ткань из Хитати; парча из Кии; лак из Муцу и Этиго; холст из Каи; раздвижные ширмы из Иё; бумага из Тадзима; циновки из Идзумо и Сануки и т. д. Синсаругакуки. / Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 149, 151. Более того, восхищение изысканными вещами было возведено хэйанскими аристократами в культ. К концу X века в среде столичной знати получило широкое распространение такое развлечение как «мэкако», когда возвышенные аристократы получали наслаждение от созерцания какого-либо шедевра. В дневнике крупного государственного деятеля Фудзивара-но Юкинари (972—1027) «Гонки» упоминается случай, когда девять высокопоставленных государственных деятелей любовались инкрустированным кувшином для вина из белого фарфора, привезенным для Фудзивара-но Юкинари торговцем из сунского Китая. При этом из текста записи видно, что управитель дворца наследника престола Тайра-но Корэнака просто плакал от умиления, восхищаясь этим явно «созданными небожителями шедевром». В итоге Тайра-но Корэнака составил великолепное стихотворение на китайском языке, где прославлял не только сам изысканный предмет, но и необходимость использования его в совместных дегустациях различных сортов саке. Следуя его примеру, все участники действия также составили стихотворения «канси», а сам Фудзивара-но Юкинари даже написал небольшое произведение «Записки из терема пьяных грёз», в котором упомянул не только известных китайских бражников (Цао Чжи, Лю Лин, Се Тяо, Ли Бо, Ду Фу, Цэнь Шэнь и

т. д.) но и знаменитых японских мастеров винопития. В их число попали, например, такие известные поэты как Ки-но Цураюки (872—945), а также Фудзивара-но Канэсукэ (877—933) и Фудзивара-но Киётада (?—958), причисленные к «тридцати шести бессмертным [поэтам]». «Гонки» («Записи облеченного властью»). Сер. «Сирё тайсэй». Т. 4—5. Токио, 1965. Тёхо, 1—2—17, 999 г. Один из примеров «мэкако» также см.: О:кагами. Указ. соч., С. 108.

³⁴⁸ Данное высказывание — компиляция, составленная на основе цитат из «Ши цзина» и «Лунь юя». См.: Переломов Л.С. Указ. соч., С. 302; Ши цзин. Указ. соч., С. 181.

³⁴⁹ Согласно правилам установленным в трактате «Ли цзи», после смерти родителей «почтительные сыновья» (кит. сяо цзы) должны во время траурной церемонии передвигаться по дому только на коленях. В таком положении они должны совершать все возложенные на них обязанности (отдавать последнюю дань уважения усопшим родителям; обращаться с мольбами к божествам; прислуживать гостям, пришедшим на траурную церемонию, и т. д.). Ли цзи чжэн и (Книга ритуалов с комментариями). / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 2. С. 1656. Однако литературный оборот, используемый в «Рекомендациях из двенадцати статей» имеет скорее отрицательный, чем положительный, смысл. Автор использует здесь пассаж из жизнеописания одного из «семи мудрецов Бамбуковой рощи», знаменитого поэта и бражника — Лю Лина. «Стиль жизни» этого аристократа для добропорядочных «учёных мужей» со временем стал образцом безнравственного и крайне нежелательного поведения. Например, согласно хронике «Цзинь шу», известно, что однажды Лю Лин сел в повозку, запряженную лосем, и поехал, обхватив руками кувшин с вином, а свом слугам приказал нести следом за ним чаны с винной закваской, приговаривая: «Когда умру, предайте меня земле». Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 578. В данном случае Миёси Киёюки, опираясь на существующую в древнем Китае традицию, показывает насколько сильно пали нравы в среде хэйанского придворного общества.

³⁵⁰ Неточная цитата из «Лунь юя». См.: Переломов Л.С. Указ. соч., С. 348.

³⁵¹ Известны случаи, когда «кэбииси» сами предупреждали монастырское начальство о возможных проверках со стороны провинциальных властей. Сёюки, Тёва, 1—4—5, 1012 г; Дзюан, 2—5—13, 1022 г.

³⁵² В «Сёку нихонги» сказано: «Служба Юимаэ, проводящаяся в храме Яма-синадэра, была учреждена внутренним министром [Каматари]. Однако в течении 30 лет после кончины основателя никто не продолжал его дела, службы были прекращены. Во времена двора Фудзивара сын [Каматари] главный министр [Фудзивара-но Фухито] печалился о том, что зал для проповедей разрушился, горевал о том, что обет не выполнен. Он принес новый обет и последовал по стопам отца. Зимой каждого года 10-го дня 10-й луны начинается проведение пышных служб, которые заканчиваются проповедью в день поминовения внутреннего министра. Эти службы поддерживают государей, способствуют распространению учения Будды, помогают душам усопших, воспитывают учеников.

Распростершись, прошу о том, чтобы наградные поля [Каматари] были бы навечно переданы храму [Ямасинадэра] для того, чтобы облегчить проведение службы Юимаэ, чтобы становилась она пышнее, чтобы продолжалось дело внутреннего министра, чтобы длилось оно до скончания Неба и Земли, чтобы была прославлена супруга прежнего государя [Комё], чтобы ярко сияла она вместе с солнцем и луной. Небесная милость простирается повсюду. В случае благоприятного для твоего подданного решения прошу дать указания нижестоящим ведомствам о немедленной передаче [храму земель]. Осмеливаюсь потревожить слух государыни своей мелкой просьбишкой. Трепещу, будто ступаю по тонкому льду над бездонной пучиной» (пер. А.Н. Мёщерякова). Сёку нихонги, Тэмпё ходзи, 1—8 доп.—17, 757 г. В период Хэйан служба «Юимаэ» проводилась преимущественно в храме Кофукудзи с 10-го по 16-ый день 10-ой луны каждого года, то есть в то самое время, когда, согласно летописи «Нихон сёки», внутренний министр Фудзивара-но Каматари находился при смерти (см. Нихон сёки, Тэнти, 8—10—10, 669 г.). Само название данной обряды заимствовано из текста буддийской сутры «Юимагё» (Сутра о царевне Вималакирти). Подр. см.: Хэйан дзидай гисики... Указ. соч., С. 165—167.

³⁵³ Сайсё — буддийская служба, упоминаемая в тексте сутры «Сайсёгё». Была учреждена в 829 году как сопроводительная во время посвящения претендентов в монашеский сан в храме Якусидзи. Руйдзю сандай кяку, Тэнтё, 7—9—14, 829 г.

³⁵⁴ В 885 году настоятели буддийских храмов Гофукудзи и Якусидзи подали государю Коко (885—887) совместную докладную, из которой явствовало, что во владениях этих двух храмов появилось около сорока «ажемонахов», ведущих себя совершенно недостойным образом, в результате чего авторитетность представителей Гофукудзи и Якусидзи оказалась под угрозой. В ответ на эту докладную был выпущен указ, обязывающий местные власти разобраться в случившемся и строго наказать виновных. Руйдзю сандай кяку, Нинна, 1—9—5, 885 г.

³⁵⁵ Неточная цитата из «У ду фу» (Ода о столице [царства] У). См.: Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 1, С. 111.

³⁵⁶ Устойчивое клише, встречающееся в нескольких китайских древних и средневековых сочинениях. Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 730; Цы юань. Указ. соч., Т. 1, С. 65.

³⁵⁷ Неточная цитата из китайского трактата «Сюнь-цзы». Цы юань. Указ. соч., Т. 3, С. 1860.

³⁵⁸ Согласно кодексу «Тайхорё», свободному населению (мальчикам и девочкам, начиная с шестилетнего возраста) предоставлялись подушные надель (яп. кубундэн): лицам мужского пола по «два тана пахотной земли» (ок. 0,24 га), лицам женского пола — две трети этого количества (ок. 0,16 га). Рицурё. Указ. соч., С. 450.

³⁵⁹ «Рисовая ссуда» (яп. суйко) была известна в Японии еще с конца VII столетия. Существовало два вида «рисовой ссуды»: государственная, которая выдавалась по пятьдесят (в некоторые годы — тридцать) процентов годовых, и частная — под сто процентов. Механика получения «суйко» и последующего возвра-

та ее с процентами была следующей: если ссуда выдавалась весной перед севом, то возратить ее (с процентами) было необходимо осенью-зимой того же года. Подр. см.: Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. Указ. соч., С. 268—270.

³⁶⁰ Проведенная в 893 году инспекторская проверка земельного фонда в провинции Кии показала наличие многих «изъянов» в системе государственного земельного пользования. Среди них были отмечены следующие: многие подушные наделы не возделываются, а сами государственные крестьяне бегут в частные владения; пустующие поля продаются представителями провинциального и уездных управлений; на умерших людей местные чиновники получают «рисовую ссуда», присваивая эти средства себе; рис из государственных амбаров тайком свозится в хранилища при усадьбах местных богатеев и т. д. В итоге в 894 году было издано распоряжение о немедленном исправлении всех нарушений, допущенных в провинции Кии и осуществлении подобных «инспекций» в других местах. Однако подобные меры оказались неэффективны и уже в следующем 895 году было издано новое распоряжение аналогичного содержания. Руйдзю сандай кяку, Кампё, 6—2—23, 894 г.; 7—3—23, 895 г.

³⁶¹ В общегосударственном своде X столетия «Энгисики» было установлено, что суммарное количество налогов должно составлять не более «одной пятой» (т. е. 20 %) от урожая. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 654. Поскольку «Энгисики» относится к так называемым нормативным источникам, в которых, зачастую, постулируется скорее идеальная, чем реальная ситуация, можно было бы усомниться в такой низкой налоговой ставке. К тому же, если учитывать, что в период Нара налоговое бремя в отдельных регионах доходило до 28 % (Мещеряков А.Н., Грачёв М.В., Указ. соч., С. 274—277), то уменьшение размера налогов в эпоху Хэйан очевидно. Тем не менее, недавние исследования актовых и эпиграфических материалов, проведенные японскими учеными, убедительно показали, что налоговое бремя соответствовало норме, зафиксированной в «Энгисики». Напр., см.: Нисияма Рёхэй. Хэйанкё то сюээн номура (Столица Хэйан и крестьяне окружающих деревень). / Рицурё кокка (Государство рицурё). Под ред. Ёсикава Синдзи и Осуми Киёвара. Токио, 2002, С. 434—446; Саканоуэ Ясутоси. Указ. соч., С. 310—314. В этой ситуации вполне закономерно предположить, что более низкая налоговая ставка на территории частных земельных владений «сёэнов» (а наиболее ранние сведения об этом относятся к самому началу IX столетия), по сравнению с государственными подушными наделами-«кубундэн», могла являться одной из важнейших причин распада системы государственного землевладения в конце IX века. Не менее важными причинами укрепления частных владений были: более детальная разработанность системы управления и структуры «сёэна», а также своеобразная практика «социальной защиты» их членов (осуществление материальной помощи нуждающимся; практика смягчения юридической ответственности, взаимодействующая с родовым правом; наличие в крупных «сёэнах» учреждений, куда помещались больные и находящиеся в крайней степени бедности люди). Если учитывать фактор ослабления государственной власти на территории периферийных районов, то становится понятно,

что существовала вся совокупность объективных и субъективных причин способствующих превращению «сээна» в доминирующую форму земельной собственности. В результате в 902 году была обнародована серия государевых указов, которые фактически упразднили общегосударственную практику землепользования. Подр. см.: Исигами Эйити. Нихон кодай сээн дзу (Изображения древнеяпонских сээнов). Токио, Токё дайгаку сюпанкай, 1996.

³⁶² Дословная цитата из предисловия к придворной антологии изящной литературы «Кэйкокусю», составленной по повелению государя Дзюнна (823—833) в 827 г. Кэйкокусю. Сохранившаяся на сегодняшний день часть этой антологии (шесть свитков из двадцати) позволяет предположить, что в нее вошли тексты «посланий», преподнесенных «добродетельными мужами» различным государям, начиная с Тэнти и заканчивая Сага (809—823). Кэйкокусю (Собрание, [управлению] государством помогающее). Сер. «Котю Нихон бунгаку тайкэй». Токио, Кокумин тосё, 1936, С. 3.

³⁶³ Используемый в тексте термин «сэдзё» (кит. сян сюй) обозначает сельские школы, якобы появившиеся в Китае уже в период Инь. Цы юань. Указ. соч., Т. 2, С. 1006—1007. В 124 г. до н.э. при императоре У-ди (140—87 гг. до н.э.) был учрежден императорский университет (кит. Тайсюэ), где обучалось пятьдесят студентов. Поскольку овладение грамотой для ведения текущих государственных дел было совершенно необходимо, то в Японии столичная школа чиновников (яп. Дайгаку) появилась уже при государе Тэнти (668—671), предположительно в 670 году. В 701 году были открыты и провинциальные школы (яп. кокугаку). Уже в период Нара «Дайгаку» превратился в самый настоящий университет с четырьмя «отделениями»: китайской классической литературы; китайского языка; права и математики, а в начале IX появились еще два новых отделения (истории и древних текстов). В этих школах на основе уже сложившихся в Китае текстов, активно ввозимых в то время, изучались произведения конфуцианской классики, сочинения по истории, математике, медицине, астрономии и астрологии, а также законы (как японские, так и китайские). Подр. см.: Хисаки Юкио. Нихон кодай гакко-но кэнкю (Изучение школ в древней Японии). Токио, 1990.

³⁶⁴ Неточная цитата из трактата «Чжоу ли». Чжоу ли... Указ. соч., Т. 1. С. 716.

³⁶⁵ Тайхо (701—703) — один из девизов правления государя Момму (697—707).

³⁶⁶ Тэмпё (729—748) — один из девизов правления государя Сёму (724—749).

³⁶⁷ Количество студентов при университете не было постоянным и могло изменяться. Так, например, с 802 года в университете насчитывалось уже 470 студентов и 15 преподавателей.

³⁶⁸ Тё — мера площади = 10 тан. В древности не имела строгой фиксации и приблизительно равнялась (0,99—1,2 га).

³⁶⁹ Согласно распоряжению 794 года, налоговые поступления с этих земель должны были использоваться для обеспечения нужд студентов университета. Руйдзю сандай кяку, Энряку, 13—11—7, 794 г.

³⁷⁰ В 785 году средний государственный советник Отомо-но Якамоти был обвинен в заговоре против государя и разжалован (яп. дзэмэй), что привело к конфискации у него всех земельных наделов с последующей их передачей в ведение казны. Сёку нихонги, Энряку, 4—8—28, 785 г.

³⁷¹ Руйдзю кокуси, Тэнтё, 1—11—12, 824 г.

³⁷² Руйдзю кокуси, Тэнтё, 4—3—22, 827 г.

³⁷³ Оирё — Управление продовольствия при Министерстве двора (яп. Кунайсё).

³⁷⁴ Коку — мера объёма = 10 то = 100 сё. В древности размер «коку» не был четко фиксированным и приблизительно равнялся 180 л. (около 150 кг).

³⁷⁵ Т. е. приблизительно 5,4 л (около 4,5 кг).

³⁷⁶ Нормы выдачи продуктов в кормление содержатся также в «Энгисики». К примеру, студенту, изучающему астрономию, в день должно было выдаваться 2 «сё» риса, а студенту, изучающему китайский язык, — 1 сё 2 го риса (Энгисики. Указ. соч., Т. 3, С. 801, 805). Как видно из текста докладной записки, суточные нормы выдачи риса явно превосходили физиологические потребности и, по всей вероятности, продажа избыточных продуктов на рынки могла использоваться для приобретения других продуктов и товаров. Однако, позднее, что явствует из докладной и текста «Энгисики», нормы ежедневной выдачи продуктов учащимся Дайгаку были существенно сокращены и студенты оказались на голодном пайке.

³⁷⁷ Согласно «Энгисики», упоминаемые 94 тысячи снопов риса предоставлялись совместными усилиями пяти провинций: Хитати (54 тысячи снопов), Оми, Эттю, Бидзэн и Иё (каждая по 10 тысяч снопов риса). Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 525.

³⁷⁸ Дайгакурё — Управление столичной школы чиновников при Министерстве Церемоний (яп. Сикибусё). Это ведомство осуществляло непосредственный контроль за деятельностью университета. Первоначально штат «Дайгакурё» состоял из 28 человек (Рицурё. Указ. соч., С. 167), но со временем несколько раз изменялся. В 1177 году здание управления полностью сгорело (пожары случались и ранее, например, в 960 г.) и больше не восстанавливалось.

³⁷⁹ Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 525.

³⁸⁰ Дзёва (834—848) — один из девизов правления государя Ниммё (833—850).

³⁸¹ Известно, что уже через несколько дней после смерти государя Камму (781—806), при котором Отомо-но Якамоти лишился всех своих постов и владений, ему был возвращен прежний третий младший ранг. Нихон коки, Дайдо, 1—3—17, 806 г.

³⁸² Руйдзю сандай кяку, Энряку, 17—9—8, 798 г.

³⁸³ Тэньякурё — Аптекарское управление при Министерстве двора (яп. Кунайсё).

³⁸⁴ Самэрё и Умэрё — Левое и Правое управление конюшен.

³⁸⁵ Согласно «Энгисики», во владении «Дайгакурё» находилось более 18 «тё» целинных земель в провинции Эттю, около 17 «тё» целинных земель в провинции Харима и 7 «тё» полей в провинции Ямасиро. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 525—526.

³⁸⁶ Используемый здесь термин «гаккан» обозначает частные школы. Помимо государственных школ чиновников («Дайгаку» и «кокугаку») в Японии, по примеру существовавших в Китае родовых школ-«шююань», были созданы и «частные школы». Такие школы создавались представителями самых могущественных аристократических родов, а их кураторами являлись наиболее видные и занимавшие высокие придворные должности представители этого рода. Наиболее известными «частными школами» являлись: «Гаккан-ин» (школа рода Татибана, 850 г.); «Кангаку-ин» (школа рода Фудзивара, 821 г.); «Кобун-ин» (школа рода Вакэ, кон. VIII в.) и «Сёгаку-ин» (школа родов Аривары и Минамото, 888 г.). Основная функция таких родовых школ заключалась в том, чтобы предоставить в дальнейшем представителям различных родов большие возможности в осуществлении успешной чиновничьей карьеры. «Частные школы», с одной стороны, готовили юных аристократов к поступлению (т. е. к вступительным экзаменам) в «Дайгаку», и, с другой стороны, давали им дополнительное образование, вследствие чего их шансы на поступление в столичную школы чиновников (по сравнению с представителями других родов, не имевших «частных школ») резко возрастали. Помимо образования, юные представители соответствующих родов, получали здесь и заповеди верности клановым интересам. Как явствуют источники периода Хэйан на базе «частных школ» зачастую проходили как соревнования в «учености» с учащимися «Дайгаку» и других «сигаку» (известно, что одно из таких соревнований состоялось в 1113 г. в «Кангаку-ин»). Проводились в «частных школах» и другие «образовательные» мероприятия (так, в 888 г. профессор Ёсибути-но Айсэй сначала в «Дайгаку», а затем в «Гаккан-ин», прочитал в присутствии государя Уда и высших придворных несколько лекций о сущности китайской классической «Книги перемен» («Чжоу и» или «И цзин»).

³⁸⁷ Используемый в тексте термин (яп. хэкисуи, кит. би шуй) требует некоторых пояснений. В Китае, начиная с периода Чжоу, сельская школа, учрежденная государем или владетельным князем называлась «би юн» («Нефритовый и яшмовый [кабинет]»), а окружающий ее полукруглый (в форме яшмового жезла верховной власти государя или князя) пруд именовался «би шуй» (досл. яшмовые воды). Поскольку наличие такого пруда рядом со школой считалось обязательным, то со временем его название стало использоваться и для обозначения самой школы. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 87.

³⁸⁸ Аллегория, основанная на высказывании из «Ши цзина». Ши цзин. Указ. соч., С. 153.

³⁸⁹ В одном из более ранних указов об этом сказано: «Древние государи считали обучение важнейшим делом. А потому из поколения в поколение передавали наставления, касающиеся просвещения [подданных] и все без исключения следовали этим положениям... Ныне путь постижения [китайской] канониче-

ской литературы не вызывает почтения, а ученики, питающиеся лишь пристрастием к знаниям, пребывают в безвестности. [Они] стелют себе тонкие бамбуковые циновки, в еде ограничивают [себя] самыми скромными потребностями (досл. «ковшом воды») и нигде не находят отдохновения. Барабаны, возвещающие о начале занятий в университете и коробы для книг уподобились хламу. С древних времен это считалось пороком, [а потому Мы испытываем] глубокое стремление возродить [университет]... и оказать поддержку учащимся. Повелеваем свершить это деяние». Руйдзю сандай кяку, Энряку, 13—11—7, 794 г.

³⁹⁰ Ши цзин. Указ. соч., С. 80. В предисловии к этому стихотворению сказано: «[ныне] школы упразднены и пока продолжаются смутные времена нет надежды на их возрождение». Мао ши чжэн и (Книга стихов с комментариями). / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижие» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 1, С. 345. В Китае, начиная с периода Поздняя Хань (25—220), декламирование этого стихотворения стало популярно в среде учёных мужей, осуждающих упадок образования.

³⁹¹ Имеется ввиду, что сперва Томо-но Ёсио как автор прошения о «посмертной реабилитации» своего дальнего родственника Отомо-но Якамоти получил земельные участки, конфискованные у последнего, но (после того как сам был обвинен в заговоре в 866 году) снова их лишился. Помимо этого, собственное имущество и земельные угодья Томо-но Ёсио также были конфискованы. Нихон сандай дзицуруку. Дзёган, 8—9—25, 866 г.

³⁹² Кокусюин — Ведомство зернохранилищ. Было создано в начале IX столетия. Располагалось по-соседству со зданием Университета. Занималось перераспределением конфискованных земель. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 377.

³⁹³ Имеется ввиду один из сводов внутриведомственных установлений (яп. сики), которые в 927 году были объединены в «Энгисики».

³⁹⁴ Полный текст этого «постановления» таков: «Количество студентов, [изучающих] изящную словесность ограничивается двадцатью. Дабы зачислить недостающее количество, следует [сперва] получить профессоров [университета], [которые после этого] совместно проводят проверку знаний. Если из пяти вопросов [по тексту одного из китайских] историй [студент] ответит на три или более, то [он] получает [назначение]. Ученики, которые не живут при «[Дайгаку]рё», не могут быть рекомендованы [для получения должности]». Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 524.

³⁹⁵ Госэти — досл. «пять ритмов» или «пять мелодий». Со временем наименование «госэти» закрепилось за танцовщицами, которые исполняли танцы под звуки «пяти мелодий» (медленной, быстрой, начальной, финальной и средней). Как видно из текста «Бокудзан сё» (нач. XI в.), танцовщицы «госэти» принимали участие во многих придворных церемониях, например, тех, что ежегодно проводились в течении четырех дней в середине одиннадцатого лунного месяца. Так, в первый день этих празднеств (он назывался «день быка») предварительно отобранные танцовщицы доставлялись во дворец «Дзёкэдэн» и государь, находясь за пологом своей опочивальни (яп. тэдай), самолично устраивал им смотрины.

Такое действие получило название «госэти тэдай-но кокороми» (досл. «смотрины [танцовщиц] госэти через полог»). Во второй день (день тигра). «Госэти» должны были в присутствии государя показать «искусство танца». В третий день (день зайца) принимали участие в церемонии «вкушения нового урожая». Наконец, в четвертый день (день дракона) во время «Празднества обильного света» (Гоё-но акари-но сэтиэ) танцовщицы услаждали взор гостей государя, которые были приглашены на «званный пир» во дворец «Сисиндэн». Бокудзан сё (Записи с северной горы). Сер. «Кодзицу сосё». Токио, 1928, С. 309—311. Подр. о «госэти» см.: Фукуто Санаэ. Хэйантё онна то отоко (Женщины и мужчины в период Хэйан). Токио, 2001, С. 103—128.

³⁹⁶ Дайдзёэ (иначе «Дайдзёсай» или «Ониинамэ-но мацури») — Празднество Великого Вкушения урожая. Наиболее древняя процедура интронизации государя в Японии называлась «Дайдзёсай» и была непосредственно связана с распространённым среди многих аграрных обществ ритуалом вкушения нового урожая (в Японии подобный ритуал отправлялся ежегодно в одиннадцатом лунном месяце). Однако по мере создания «государства рицурё» произошло совмещение местных культурных традиций и различных китайских инноваций, что, разумеется, отразилось и на процедуре интронизации в Японии, детальное оформление которой произошло в период Нара. В своем завершённом варианте процедура интронизации японского государя стала включать три важнейшие церемонии: «сэнсо» («уведомление» о вступлении на престол нового государя); «сокуи» (аналог китайской дворцовой церемонии вступления на трон, когда правителю преподносились священные регалии — «зеркало» и «меч», а также государственная печать — символ верховной власти в стране) и «Дайдзёсай». Однако, если «сэнсо» и «сокуи» представляли собой церемонии, заимствованные из китайской ритуальной практики, то «Дайдзёсай» считается исконно японской церемонией, не имеющей аналогов в китайской культуре. Подр. см.: Окада Сэйдзи. Дайдзё-но мацури (Празднество Великого Вкушения). Токио, 1990.

³⁹⁷ Синдзёэ (иначе «Синдзёсай» или «Ниинамэ-но мацури») — Празднество Нового Вкушения урожая. Эта синтоистская церемония также проводилась в середине одиннадцатого лунного месяца, но имела принципиальные отличия от «Дайдзёсай». Обряд «Дайдзёсай» проводился только один раз во время правления того или иного государя и знаменовал собой вступление на престол нового правителя. Что же касается «Синдзёсай», то этот ритуал проводился ежегодно и был непосредственно связан как с сельскохозяйственным циклом, так и с наступлением нового календарного года. Во время этой церемонии было необходимо обеспечить «богатство и процветание» в стране на весь следующий год. Подр. см.: Дайдзёсай то Синдзёэ (Празднество Великого Вкушения урожая и [празднество] Нового Вкушения урожая). Под ред. Окада Сэйдзи. Токио, 1979.

³⁹⁸ См.: Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 113.

³⁹⁹ Конин (810—824) — девиз правления государя Сага (809—823).

⁴⁰⁰ Это распоряжение содержится в своде придворных обыкновений «Кимписё», составленном при государе Дзюнтoku (1210—1221) и датируется 897 го-

дом. Кимписё (Записи о запрещенном и тайном). Сер. «Гунсё Руйдзю». Токио, Дзоку гунсё Руйдзю кансэй, 1932, Кампё, 9—11—7, 897 г.

⁴⁰¹ Первое упоминание танцовщиц «госэти» в древнеяпонских источниках относится к 742 году, когда они «исполняли танцы» во время пира, устроенного государем Сёму (724—749) во дворце «Дайандэн». Сёку нихонги, Тэмпё, 14—1—16, 742 г. Однако исходя из текста государева указа от 743 года (Сёку нихонги, Тэмпё, 15—5—5, 743 г.), японские исследователи предполагают, что «госэти» появились уже при государе Тэмму (671—686). Сёку нихонги. Указ. соч., Т. 2, С. 603, примеч. 7. Полный перевод указа 745 года на русский язык см.: Норито. Сэммё. Пер. со старояпон., исслед. и коммент. Л.М. Ермаковой. М., 1991, С. 148—149.

⁴⁰² Наиболее раннее упоминание: Сёку нихонги, Тэмпё сёхо, 1—12—27, 749 г.

⁴⁰³ Относительно количества «госэти», в законодательном своде «Рё-но сюгэ» сказано, что, помимо, исполнительниц других танцев («кумэ-но э», «та-но э», «ямато-но э» и др.) предусмотрено «шестнадцать танцовщиц госэти» и одна преподавательница этого вида искусства. Рё-но сюгэ. Указ. соч. Т. 1, С. 88, 90.

⁴⁰⁴ Позднее нормы довольствия уменьшились и многие танцовщицы «госэти» стали влачить жалкое существование. Только 969 году после коллективной докладной нескольких высших сановников был обнародован государев указ, согласно которому ежедневный «паек» танцовщиц «госэти» увеличился и стал составлять «два го риса» (около трёхсот грамм). Кимписё, Анва, 2—2—14, 969 г.

⁴⁰⁵ Зачастую, танцовщицы «госэти» выходили замуж за высокопоставленных придворных чиновников. К примеру, известно, что одна из танцовщиц участвующих в празднестве «Синдзёсай» 919 года, в 938 году стала женой Главного министра Фудзивара-но Тадахира (878—949). Хэйан дзидай гисики.. Указ. соч., С. 173.

⁴⁰⁶ Куродо — общее наименование служащих «Куродо докоро» (Государева канцелярия). В период Хэйан «Куродо» становились чиновники, начиная с пятого столичного ранга, а сама должность позволяла сделать успешную придворную карьеру.

⁴⁰⁷ Сикиинрё — закон и штатах различных государственных ведомств из кодекса «Тайхорё». Текст см.: Рицурё. Указ. соч., С. 157—196. Перевод на рус. яз. см.: Свод законов «Тайхорё», 702—718 гг. Вступит. ст., пер. с древнеяпон. и коммент. К.А. Попова. Т. 1. I—XV законы, М., 1985, С. 21—49.

⁴⁰⁸ По всей видимости, в рассуждения Миёси-но Киёюки вкралась ошибка, поскольку, согласно кодексу «Тайхорё», в штате Министерства наказаний числилось десять судей: два старших, четыре средних и четыре младших. Рицурё. Указ. соч., С. 174.

⁴⁰⁹ Мёбо (досл. познавший законы) — учёное звание. Небольшой число выпускников «Дайгаку» могло продолжить специальное образование и сдать специализированный экзамен, подготовив особое «исследование» (так называемый «большой труд» — «тайсаку»), приблизительно соответствующий современной

диссертации. По результатам этого «труда» (он оценивался «государственной экзаменационной комиссией», куда входили не только ученые, но высшие чиновники, и окончательно утверждался Дайдзэканом) присваивались «ученые звания»: для выпускников «отделения» китайской классики — «Мёкё» (кит. «минцзи»); литературного «отделения» — «Сюсай» (кит. «сюцай»); «отделения» права — «Мёбо» (кит. «минфа»); и математического «отделения» — «Синси» (кит. «цзиньши»). В зависимости от оценок (выставлялись по девятибальной шкале), лица, удостоенные вышеперечисленных «ученых званий», получили и чиновничьи ранги (тем самым вводились в состав служилого сословия со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами). К примеру, «Сюсай» (досл. «выдающийся талант») получивший за свое «исследование» восемь баллов и выше мог быть пожалован восьмым старшим рангом верхней ступени (что давало ему неплохие шансы для успешной чиновничьей карьеры в дальнейшем). Однако, несмотря на то, что система «ученых званий» создавалась по примеру китайской (а именно, танской), в японских законодательных источниках приоритеты при получении более высоких чиновничьих рангов были у «детей знатных отцов». В дальнейшем именно лица, обладавшие вышеперечисленными «учеными званиями», становились «профессорами» (яп. хакасэ) университета, при этом их чиновничий ранг увеличивался до седьмого или шестого. Иногда обладателям «учёных званий» удавалось достичь и высших государственных постов.

⁴¹⁰ Речь, по всей вероятности, идет о государевом указе 8-го года Кампё (896 г.). В этом указе были установлены новые (сокращенные по сравнению с кодексом «Тайхорё») штаты служащих Министерства наказаний: один старший и один младший судья. Руйдзю сандай кяку, Кампё, 8—9—7, 896 г.

⁴¹¹ Гао Яо — легендарный судья, помогавший мифическому императору Шуню в управлении государством. Согласно традиции, Гао Яо был не только мудрым, но и неподкупным судьей. Ходили слухи, что Гао Яо разбирался в самых запутанных делах при помощи чудесного однорогого барана-«сечжая», способного распознавать виновного по его внешнему виду. Hulsewe A.F.P. *Remants of Han Law*. Vol 1. Leiden, 1955, p. 27, 64. О Гао Яо также см.: Сыма Цянь. Указ соч., Т. 1, С. 144—145, 158—162.

⁴¹² Дословная цитата из трактата «Шу цзин». Шан шу. Указ. соч., С. 16.

⁴¹³ Гуан У-ди (25—58) — первый император династии Поздняя Хань (25—220).

⁴¹⁴ Хуань Тань (43 г. до н.э. — 28 г. н.э.) — знаменитый китайский философ и государственный деятель периода Хань.

⁴¹⁵ Высказывание из доклада государю Гуан У-ди, помещенного в жизнеописании Хуань Таня в хронике «Хоу Хань шу» (История [династии] Поздняя Хань). Там, в частности, говорилось: «Вижу, что при решении судебных дел степень виновности определяется не беспристрастно. К одному [и тому же виду преступлений] могут применяться разные законы, а одно наказание [порой] может быть объяснено по-разному. Продажного чиновника [всегда можно] подкупить. Захочет [такой] — отдаст предпочтение оправдательному закону, сохра-

няющему жизнь, а захочет — применит осуждающий закон и вынесет смертный приговор. Получается, что [при определении] наказаний открыто двое врат. [Отныне] следует, чтобы люди досконально разбирающиеся с содержании установлений [о наказаниях] и глубоко изучившие суть законодательства, сопоставили [действующие законы] и внесли исправления в [процедуру] определения мер наказаний. Следует [также] пресекать [любые] действия, подобные вышеописанным, и тогда Поднебесная узнает, что отныне в судебных решениях не будет несправедливости и зла». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 377.

⁴¹⁶ В китайской правовой традиции считается, что пять видов наказаний были установлены мифическим императором Яо. Шан шу. Указ. соч., С. 18, 272—276. В период Хань в число «пяти наказаний» включались: клеймение, отрезание носа, отрубание ног, кастрация и смертная казнь. Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 471—472. Согласно кодексу «Тайхо рицурё», существовало пять видов наказаний: легкие палки (яп. тидзай); тяжелые палки (яп. дзёдзай); каторжные работы (яп. дзудзай); ссылка (яп. рудзай) и смертная казнь (яп. сидзай). Рицурё. Указ. соч., С. 15—16.

⁴¹⁷ Согласно законодательному своду «Рё-но гигэ», хотя судья и определяет меру наказания для правонарушителя, но именно глава Министерства наказаний окончательно утверждает приговоры, а также имеет право на их пересмотр. Иными словами, обладает полной контролирующей функцией. Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 45. О процедуре принятия судебных решений подр. см.: Миябэ Каори. Рицурё сикэй фукудо сэйдо-ни цуйтэ (О системе пересмотра судебных решений смертным приговорам в законах «рицурё»). / Осака дайгаку бунгакубу ронсо. Т. 42, 1999, С. 81—96.

⁴¹⁸ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

⁴¹⁹ Места трёх видов ссылок были определены в 724 году: для дальней (провинции Идзу, Ава, Хитати, Садо, Оки и Тоса), для средней (Сува и Иё) и для ближней (Этидзэн и Аки). Сёку нихонги, Дзинги, 1—3—7, 724 г.

⁴²⁰ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

⁴²¹ В тексте использован термин «timi» (кит. чи мэи). В средневековых пояснениях к «Ши цзи» сказано, что иероглиф «ти» в древности обозначал горного духа в облике тигра, а знак «ми» — духа болот в облике человека с головой вепря. В средневековом Китае считалось, что увидеть таких духов — к смерти. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 377; Цы юань. Указ. соч., Т. 4, С. 3501. В данном случае, представляется, что речь идет о разновидности «горё» — разгневанного духа умершего, одержимого идеей мести за несправедливое наказание, осуществленное по отношению к нему при жизни. Одним из самых известных примеров такого духа по праву считается «горё» Сугавара-но Митидзанэ, несправедливо обвиненного в заговоре против государя Дайго (897—930) и умершего в ссылке в 903 году. К примеру, в 939 году во время «мятежа» Тайра-но Масакадо «разгневанный дух» Митидзанэ пугал столичных чиновников и шумел во дворце, выступая на стороне мятежного Масакадо. Подр. о «горё» см., напр.: Нисяма

Рёхэй. Горё синко рон (О вере в «горё»). / Нихон цуси (Общая история Японии). Т. 5. Кодай 4 (Древность, ч. 4). Токио, 1995, С. 331—346.

⁴²² Кэйбусё — Министерство наказаний.

⁴²³ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

⁴²⁴ Цитата из трактата «Чунь цю Цзо чжуань». Чунь цю Цзо чжуань чжэн и (Вёсны и осени с комментариями господина Цзо). / Ши сань цзин чжу шу («Тридцатикнижье» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 2. С. 1975.

⁴²⁵ В китайском раннесредневековом сочинении «Соу шэнь цзи» рассказывается следующая история: «Фань Сюнь, ван государства Фунань, держал в горах тигра. Если кто-то совершал преступление, его бросали тигру, и если тигр его не загрызал, он получал помилование. Поэтому гора называется Большое Чудище, но также и Великий Дух. Еще ван держал десять больших крокодилов, и если кто-то совершал преступление, его могли бросить крокодилам. Если крокодилы его не съедали, то он тоже получал помилование. Считалось, что невинных они не пожирают, и для определения вины есть Крокодилов Пруд». Цит. по: Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). Предисл., пер. с древнекит. и примеч. Л.Н. Меньшикова. СПб., 1994, С. 70.

⁴²⁶ Олень-единорог (кит. сечжи) — еще одно мифическое животное легендарного судьи Гао Яо. Его описание приводится в средневековом трактате «Суши яньи»: «У «сечжи» зеленая шерсть, четыре ноги, [сам он] похож на медведя. Он очень предан. Когда видит ссору, то бодает виновного. Если слышит спор, то бодает неправого». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 377. С периода Хань олень единорог стал символом правосудия, а его изображение помещали на головных уборах судей. Цы юань. Указ. соч., Т. 3, С. 2014.

⁴²⁷ Речь, по всей видимости, идет и своде внутриведомственных установлений «Дзёгансики», составленном в 871 году.

⁴²⁸ Окурасё — Министерство Большой казны.

⁴²⁹ Сезонное жалование (яп. кироку), согласно кодексу «Тайхорё», выдавалось в первые десять дней второго лунного месяца и первые десять дней восьмого лунного месяца. Рицурё. Указ. соч., С. 305. В период Хэйан появляется еще и так называемое «особое жалование» (яп. сэтироку), которое выдавалось в день праздника «Великой пробы нового урожая» — «Ниинамэ-но мацури» и предусматривалось не только для лиц, имеющих ранги, но и для чиновников, занимающих высшие государственные посты. К примеру, старший государственный советник (яп. дайнагон) в течение года в качестве «сэтироку» получал 60 отрезков грубого шелка и 710 тон ваты. О практике «особого жалования» подр. см.: Либа Хириси, Ооцу Тоору. Сэтироку-ни цуйтэ (О жаловании — «сэтироку»). / Сигаку дзасси. Т. 98, № 6, 1989, С. 40—62.

⁴³⁰ Имеются в виду «Тюмусё» (Министерство Центральных дел), «Окурасё» (Министерство Большой казны), а также «Сюкэйрё» и «Сюсайрё» (Счетное и Налоговое управления Министерства Народных дел, яп. Мимбусё).

⁴³¹ Для чиновников была предусмотрена особая система экономических привилегий. Подр. см.: Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. Указ. соч., С. 248—250.

⁴³² Страна нагих (кит. Ло го). Согласно «Люйши чуньцю», там все жители круглый год ходили обнаженными. Подр. см.: Люйшу чуньцю (Весны и осени господина Люя). Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001, С. 237. По версии китайской хроники «Хоу Хань шу», «страна нагих» находилась на пути из Китая в государство Ямато. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 91.

⁴³³ Неточная цитата из «Ши цзина». Ши цзин. Указ. соч., С. 116.

⁴³⁴ Данные выражение связано с одной историей из жизни ханьского государственного деятеля и знаменитого военачальника Чжан Ляна (?—186 г. до н.э.). Как видно из китайских источников, аристократ из бывшего царства Хань Чжан Лян, желая отомстить за захваченное царство, решил убить императора Цинь Ши-хуанди. После неудачного покушения Чжан Лян срылся в горах и сменил имя на Хуан Ши-гун, но позднее стал одним из доверенных лиц Лю Бана — основателя династии Ранняя Хань (206 г. до н.э. — 6 г. н.э.). В китайском средневековом жизнеописании деяний Чжан Ляна «Хуан Ши-гун цзи» рассказывается следующая история: «В древние времена полководец [Чжан] Лян так обошелся с воинами. Один человек преподнес [ему] мутное вино и [полководец] повелел вылить вино в реку, приказав армии двигаться против течения и пить [вино]. Поскольку [вкуса] вина из одного [бочонка] невозможно почувствовать в водах целой реки, то хотя три армии и пили [речную воду], но вкуса вина совершенно не почувствовали». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 378. О Чжан Ляне см.: Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 6, С. 210—223.

⁴³⁵ В трактате «Чжоу ли» сказано: «Соблюдая шесть правил, [древние государи] воспитывали народ. Во-первых, заботились о малолетних; во-вторых, содержали стариков; в-третьих, оказывали всепомоществование нищим; в-четвертых, поддерживали бедных; в-пятых, проявляли милосердие к больным; в-шестых, заботиться о благосостоянии богатых». Чжоу ли. Указ. соч., Т. 1, С. 706.

⁴³⁶ Сюань-ди (73—48 гг. н.э.) — император династии Ранняя Хань.

⁴³⁷ Китае уже в период Чжоу чиновники разделялись на ранги и в соответствии с местом на иерархической лестнице получали натуральную оплату в виде твердо фиксированного количества зерна и других продуктов, которые нередко поступали от пожалованного им «в кормление» податного населения. В период Хань один «дань» приблизительно равнялся 27—30 кг. Таким образом, чиновник с довольствием в две тысячи «даней» в год мог получать в месяц более пяти тонн зерна. Если иметь в виду, что один «дань» риса стоил до 1600 монет, а с одного «му» (384 кв. м) поля собирали 1,5 — 2 «даня» зерна, представить себе, какими значительными средствами обладал такой чиновник. Поскольку жалование в две тысячи даней зерна полагалось управителям крупных уездов, то выражение «две тысячи даней» стало служить определением для высокопоставленного сановника (кит. гуань да фу). Подр. об этом см.: Loewe M. The orders of aristocratic rank of Han China. / T'oung Pao. vol.48, livr. 1—3, 1960; Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 1218.

⁴³⁸ Не понятно, что имеется в виду. По всей видимости, автор ссылается на какой-то несохранившийся свод правил осуществления инспекций.

⁴³⁹ В оригинале сказано «инъяку» (досл. «печатать и ключи»). Дело в том, что символами власти местного чиновника (управитель провинции или уезда) являлись печать (применялась для визирования документов и придания им официального характера; имела форму квадрата с размерами шесть на шесть сантиметров) и ключи от амбаров, где хранился рис и другие вещи. Поскольку печать являлась символом государственной власти, то с введением нового свода законов «Тайхорё» были изготовлены образцы новых печатей. В целом процесс учреждения печатей для отдельных ведомств растянулся на длительный срок — только к началу 20-х годов VIII столетия печатями обеспечили как центральные, так и периферийные административные учреждения. В дальнейшем, создание нового ведомства (или учреждение нового поста) сопровождалось изготовлением для него печати (Сёку нихонги, Тайхо, 1—6—8, 701 г.; 4—3—9, 704 г.; Рэйки, 1—5—1, 715 г.; 2—5—28, 716 г.; Ёро, 2—8—13, 718 г.; 3—12—2, 719 г.; Тэмпё, 4—10—11, 732 г.; 16—1—26, 743 г.; Дзинго кэйун, 3—7—10, 769 г.; Хоки, 2—8—26, 771 г.; Нихон кираяки, Энряку, 15—3—5, 796 г.; Сёку нихон коки, Дзёва, 1—3—12, 834 г.; Нихон сандай дзицуруку, Гангё, 1—5—2, 877 г.). Также были разработаны правила для хранения печатей и инструкции по их применению, которые по мере необходимости подвергались корректировке (Рицурё. Указ. соч., С. 392; Сёку нихонги, Вадо, 5—5—28, 712 г.; Ёро, 4—5—21, 720 г.; 4—8—7, 720 г.; Сёку нихон коки, Дзёва, 10—10—16, 843 г.; Энгисики, Указ. соч., Т. 2. С. 326—327). Наравне с этим в кодексе «Тайхо рицурё» были определены меры наказания для виновных в краже любой государственной печати. Подобное действие считалось серьезным преступлением, которое влекло за собой суровое наказание (к примеру, за кражу государевой печати виновный наказывался удавлением, а печати провинциального управления — ста ударами тяжелых палок). Рицурё. Указ. соч., С. 101—102. Тем не менее, как видно из различных источников, кража государственных печатей была не единственной проблемой судебных властей. Уже из источников периода Нара известны случаи подделки государственных печатей, а также использования настоящих печатей не по назначению (например, для личного обогащения). К концу VIII столетия ситуация накопилась настолько, что судебные органы порой не в состоянии были бороться с данными правонарушениями. К примеру, если в период Нара чаще всего подделывались уездные и провинциальные печати, а случаи подделки печати Дайдзёкана единичны, то в период Хэйан стали чаще подделывать не только печать Большого государственного совета, но и имели место случаи подделывания государевой печати (Сёку нихонги, Вадо, 4—12—2, 711 г.; Тэмпё, 17—9—30, 744 г.; Тэмпё ходзи, 5—8—1, 761 г.; Хоки, 3—10—23, 772 г.; Нихон Монтоку тэнно дзицуруку, Касё, 3—4—22, 850 г.; Нихон сандай дзицуруку, Тэнъан, 2—12—2, 858 г.; Дзёган, 13—10—23, 871 г.). О внешнем виде печатей и методах их использования см.: Ёсикава Синдзи. Гайин сэйин ко (Об использовании государственных печатей). / Рицурё канрёсэй-но кэнкю (Изучение чиновничества рицурё). Токио, 1998.

⁴⁴⁰ В основе этого высказывания лежит текст «Лунь юй». См.: Переломов Л.С. Указ. соч., С. 333.

⁴⁴¹ В этом плане очень плодотворной представляется гипотеза Ёсимура Такэхико. Этот учёный, опираясь на исследования японских китаистов Ватанабэ Синъитиро, Накадзима Сатоси, Накамура Хироити и Оота Юкио, высказал предположение, что основным видом «пожалования» чиновников (независимо от того обладает он рангом или нет) своему государю было время, проведенное на службе. Ёсимура Такэхико обратил внимание, что с особой тщательностью разработаны те положения кодекса «Тайхорё», которые связывают «успешность» (или «не успешность») регулярных служебных аттестаций с количеством служебного времени. См.: Ёсимура Такэхико. Сихо то коно (Служба и подношения). / Нихон сякай си (История японского общества). Т. 4, Токио, 1986.

⁴⁴² Согласно существующим правилам, передача полномочий управителя провинции чиновником, у которого срок службы закончился, его приемнику заключался в составлении и передаче специального документа, фиксирующего состояние дел в провинции на данный момент. Визирование такого документа вновь назначенным управителем провинции свидетельствовало о том, что он удовлетворен работой своего предшественника и согласен принять должность и приступить к исполнению обязанностей. Однако, как видно из исторических источников, передача полномочий новому управителю не всегда проходила гладко. Подобная ситуация нередко становилась объектом пристального внимания государства. К примеру, в распоряжении Дайдзёкана от 733 года говорилось: «Имеются случаи, когда при смене управителей провинций прежний управитель направляется в столицу, не дождавшись прибытия нового, или же не сдав дела надлежащим образом. В 3-ем году Тэмпё (731 г. — М. Г.) государевы посланники уже предупреждали о недопустимости этого, однако управления провинций все-таки своевольно не последовали указаниям. Вследствие этого прежние служащие управлений провинций не имеют возможности вступить в новую должность. Не разрешается им и пребывание в резерве соответствующего отдела. Разве соответствует принципам проведение ими времени в праздности? Управлениям провинций следует принять это во внимание и непременно сдавать дела прибывшим им на смену, о чем [своевременно] уведомлять Дайдзёкан. Да будет так вечные времена». Сёку нихонги, Тэмпё, 5—4—5, 733 г. Правила составления «гёю» — документа о передаче полномочий новому управителю см.: Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 484.

⁴⁴³ Жизнеописание этого чиновника не сохранилось.

⁴⁴⁴ Сяку — мера длины, равная 30,3 см.

⁴⁴⁵ Дзин — мера длины, равная 1,81 м.

⁴⁴⁶ Бохай — в VII веке один из округов Китая, управляемый специальным наместником. В 698 году местный аристократ Да Цзочжун основал новое государство (с 712 года называлось Бохай), которое просуществовало до 926 года, когда было уничтожено племенами киданей. Подр. см.: Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997, С. 89—94. Гун Суй был назначен наместником округа Бохай в 73 г. до н.э. Kluge, Inge-Lore. Op.cit., S. 62.

⁴⁴⁷ Дословная цитата из доклада ханьского государственного деятеля Гун Суй императору Сюань-ди. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 93.

⁴⁴⁸ Речь идет о «Руйдзю сандай кяку».

⁴⁴⁹ В данном случае Миёси-но Киёюки апеллирует к докладу Правого министра Фудзивара-но Фуцугу, включенному в коллективное прошение высших сановников, представленному государю в 824 году. Полный перевод см.: Грачёв М.В. Сочинения хэйанских аристократов из собрания «Хонтё мондзуй» (XI в.). / Вестник Московского университета. Сер. «Востоковедение», 2005, № 2, С. 63—65. Перевод этого документа с исправлениями и дополнениями на русский язык см. в данном издании.

⁴⁵⁰ Кагэюси — чиновники, отправляемые в провинцию для проверки состояния дел на местах, а также контролирующие процесс смены управителей. Впервые «Кагэюси» появились при государе Камму в 796 году, но после его смерти в 806 году эти чиновники были упразднены. Только в 824 году во время правления государя Дзюнна (823—833) департамент «Кагэюси» вновь был восстановлен. Известно, что государи Уда (887—897) и Дайго (897—930) использовали «Кагэюси» как средство возвращения контроля над все более отдаляющимися от центральной власти провинциями. С этой целью «Кагэюси» были направлены в провинции, где должны были осуществить проверку запасов государственного риса на предмет возможных его растрат, а также выяснить как обстоят дела с доставкой налогов в столицу. И хотя из текстов распоряжений 902, 905, 911, 915 и 921 годов явствует, что назначать на должности «Кагэюси» следовало только тех чиновников, кто способен проявлять беспристрастность при проведении проверок состояния дел на местах, тем не менее, уже в середине X столетия «Кагэюси» стали превращаться в местных магнатов. Важнейшие функции «Кагэюси» заключались в контроле процесса сменяемости провинциальных управителей, улаживании имущественных споров, а также участии (совместно с «Кэбииситё») в разрешении земельных конфликтов между различными «сёнами». Благодаря этому «Кагэюси», как и полицейские управления «Кэбииситё», превратились к XII веку в мощную политическую силу на территории отдельной провинции. К тому же, известно, что многие «кагэюси» служили под началом высокопоставленных столичных чиновников, которые являлись патронами (яп. хонкэ) крупных частных владений в провинциях, являясь либо «рёкэ» (владельцем нескольких «сёнов» в одной провинции), либо чиновниками в штате «адзукари докоро» (управление по делам «сёнов» на территории отдельно взятой провинции). Подр. см.: Кавабата Хадзимэ. Тё кокусё кудасибуми. Сёэнсэйтэки бунсё тайкэй-но сэйрицу-мадэ (Прошения, заявления и распоряжения: становление системы письменной документации в сёне). / Сирин. Т. 81, № 3, 1998, С. 20—31; Нихон кодайси дзитэн (Словарь древнеяпонской истории). Под ред. Эгами Намио и др. Токио, 1993, С. 83—84; Саканоуэ Ясутоси. Указ. соч., С. 196—198, 316—319. О статусе и полномочиях «Кагэюси» см.: Энгисики. Указ. соч., Т. 3, С. 945—952.

⁴⁵¹ Согласно законодательному своду «Рё-но гигэ», обвинения в любых правонарушениях, которые не относились к двум самым тяжким преступлениям

(т. е. мятеж и государственная измена), следовало перепроверять силами трех независимых судей. Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 321.

⁴⁵² Известно, что все элементы одежды государя были символичны, а церемониальные своды периода Хэйан детально описывали не только внешний вид одежды «тэнно», но и ее ритуальное значение. Одним из таких предметов был «бэнкан» — головной убор государя, используемый во время официальных церемоний. Бытовало даже поверье, что жемчужина, находившаяся в самой верхней части головного убора правителя, обладает магическими функциями, а свет, исходящий от нее, способен отличить истинные помыслы от ложных. О символике и функциях одежды государя см.: Ооцу Тоору. Кодай-но тэнносэй (Императорская система в древности). Токио, 1999, С. 142—177.

⁴⁵³ Кандзякунин — общее название лиц, получающих освобождение от налогов в процессе пересмотра подворных реестров (первоначально проводился один раз в шесть лет, но позднее стал осуществляться раз в двенадцать лет). Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 573.

⁴⁵⁴ Речь идет о соответствующих «установлениях» (яп. сики), позднее вошедших в текст «Энгисики». Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 483—484, 575.

⁴⁵⁵ Представляется, что повышенное внимание Миёси-но Киёюки к проблеме освобождения от трудовой повинности, может быть объяснено данью традиции, поскольку в период Нара доля трудовой повинности в общей совокупности отчуждаемого государством у крестьянина труда была значительно большей по сравнению с другими налогами, а возможность откупиться от нее была сведена к минимуму.

⁴⁵⁶ Тонэри — мелкие служащие, которые выполняли различные поручения государя и членов его семьи. В «Энгисики» в различных учреждениях (дворцы государя, государыни, наследника престола и принцессы, ставшей жрицей святилища в Исэ) общее количество «тонэри» было определено в 1020 человек. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 488.

⁴⁵⁷ Три дворца — другое название дворцов вдовствующей императрицы-матери (бабушка действующего государя), императрицы-матери и супруги государя.

⁴⁵⁸ Сидзин — наименование слуг. Сам термин заимствован из текста трактата «Гуань-цзы». Согласно кодексу «Тайхорё», «сидзин» могли быть только у придворных чиновников не ниже пятого ранга. Женщины, обладающие рангами также могли иметь слуг-«сидзин», но только меньшего количества, чем мужчины-чиновники в соответствующих случаях. О количестве «сидзин» у чиновников различных рангов и должностей, а также их функциях подр. см.: Рицурё. Указ. соч., С. 333—334, 627—628.

⁴⁵⁹ Дайбу (досл. великие мужи) — общее наименование чиновников четвертого и пятого рангов. Рицурё. Указ. соч., С. 400—401.

⁴⁶⁰ Мёбу — придворные дамы не ниже пятого ранга, а также жены чиновников первых пяти рангов. Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 32.

⁴⁶¹ Согласно кодексу «Тайхорё», существовало пять столичных гвардейских управ (яп. эфу), но к моменту составления «Рекомендаций» Миёси-но Киёюки

функционировало уже шесть (яп. Рокуэфу). Количество «тонэри» гвардейских управ постоянно изменялось. Так, в 891 году было установлено, что при всех гвардейских управлениях должно быть не более тысячи «тонэри». Руйдзю сандай кяку, Кампё, 3—12—15, 891 г.

⁴⁶² Дадзайфу — управление наместника государя в регионе Сайкайдо. Считается, что регион Сайкайдо включал территорию всего о-ва Кюсю, но существует мнение, что власть «Дадзайфу» (по крайней мере, в период Нара) распространялась только на северную часть о-ва Кюсю. Что же касается периода Хэйан, то «Дадзайфу», по всей видимости, контролировали большую часть острова (это, в частности, подтверждается и археологическими материалами). Подр. см.: Накамура Акикура. Хаято то Рицурё кокка ([Племена] хаято и «государство Рицурё»). Токио, 1993; Ямасато Дзюнъити. Кодай Нихон то нандзима-но корю (Древняя Япония и отношения с южными островами). Токио, 1999. Согласно «Энгисики», служащие провинциальных управ Муцу и Дэва, а также наместничества Дадзайфу, не могли быть занесены в реестр «сидзин». Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 478.

⁴⁶³ В «Энгисики» зафиксирована следующая процедура освобождения от налогов. Сперва составлялись списки специальные списки (яп. фусон), где фиксировался доход всех лиц, претендующих на уменьшение или полную отмену налогов. Затем на основании этих списков создавался реестр лиц, получивших налоговые привилегии. Те, кто недавно (менее года назад) переехал в регион Кинэй (столица и пять центральных провинций — М. Г.) от налогов и повинностей не освобождались. Всего было установлено три вида налоговых послаблений: полное освобождение от натуральных налогов и трудовой повинности; освобождение только от трудовой повинности и освобождение от трудовой повинности в половинном размере. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 623.

⁴⁶⁴ Согласно кодексу «Тайхорё», служебная аттестация при дворе проводилась каждые шесть лет. Позднее срок аттестации иногда сокращался до четырех лет, но в 835 году вновь вернулись к нормам «Тайхорё». Руйдзю сандай кяку, Дзёва, 2—7—3, 835 г. В 839 году было решено, что вопросами аттестации «тонэри» трех дворцов, а также ряда других ведомств, должна заниматься дворцовая охрана. Для того, чтобы получить возможность представления к придворному рангу или должности было необходимо пройти испытательный срок, который становился основой для выяснения талантов и способностей претендента (для воинов дворцовой охраны, например, «опытность в обращении с луком и лошадью»). Если они оказывались достаточными для дальнейшей придворной службы, то все соответствующие документы направлялись в Военное министерство, а оно в свою очередь ходатайствовало перед Дайдзёканом о предоставлении кандидатам возможности получения рангов или должностей. Сёку Нихон коки (Продолжение поздних анналов Японии). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1980, Дзёва, 6—8—14, 839 г.

⁴⁶⁵ Имеются в виду три министерства, проводивших процедуру освобождения от налогов: Министерство Церемоний (для гражданских лиц); Военное

Министерство (для военных) и Министерство Управления (для принявших монашество).

⁴⁶⁶ В зависимости от размеров провинций, они разделялись на четыре категории: большие, крупные, средние и малые. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 559—567.

⁴⁶⁷ В «Энгисики» количество людей, освобожденных от налогов, строго фиксировано: для больших провинций — шестьдесят человек; для крупных — сорок; для средних — тридцать; и для малых — двадцать человек. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 574.

⁴⁶⁸ В 867 году были введены новые ограничения количества людей, освобождаемых от налогов. Для провинции Оми — не более ста человек (семьдесят четыре из них по представлению Министерства Церемоний, шесть — Министерства Управления, и двадцать — Военного Министерства), а для провинции Тамба — не более пятидесяти человек (тридцать четыре от Министерства Церемоний, 3 — от Министерства Управления, и тринадцать — от Военного Министерства). В том же распоряжении содержались строгие инструкции по определению доходности (или убыточности) всех лиц, претендующих на налоговые льготы, а также прописана процедура предоставления им таких льгот. Руйдзю сандай яку, Дзёган, 9—8—5, 867 г.

⁴⁶⁹ Имеются в виду печати государя, Дайдзёкана и глав восьми министерств.

⁴⁷⁰ «Когти и клыки» (кит. чжуа я) — в иносказательном смысле «верные воины». Данное выражение встречается во многих древнекитайских сочинениях. В «Го юй», к примеру, есть такие слова: «Хотя ему (правителю — М. Г.) и не причиняют вреда окружающие его со всех сторон соседи, правитель должен заранее возвращать и выбирать чиновников, составляющих для него планы, и мужей, которые станут для него когтями и зубами. Этих лиц можно сравнивать с травяным плащом и бамбуковой шляпой, которыми непременно пользуются, когда наступают сезонные дожди». Цит. по: Го юй (Речи царств). Пер. с кит., вступл. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987, С. 291. Также см.: Ши цзин. Указ. соч., С. 152; Цы юань. Указ. соч., Т. 3, С. 1965.

⁴⁷¹ «Удила и кнут» (кит. сянь цзюэ) — устойчивый литературный оборот, встречающийся во многих древних и средневековых китайских сочинениях («Хань Фэй-цзы», «Ши цзи», «Хань шу», «Вэй шу», «Суй шу» и т. д.). В образном значении: средство обуздания, принудительные меры. Цы юань. Указ. соч., Т. 4, С. 3189.

⁴⁷² Во время экзамена на ученое звание «мёбо» (досл. знаток закона) претендента проверяли на знание различных текстов: во-первых, основного канона, куда входили «Сяо цзин» (Трактат о сыновней почтительности) и «Лунь юй» (Беседы и суждения) и, во-вторых, двух канонических произведений по выбору (из остальных семи трактатов «Девятикнижья»). При этом существовали строгие правила такого выбора, не позволяющие ловчить на экзаменах. К примеру, не позволительно было выбирать оба сочинения из разряда «малый канон» (яп. сёкё; кит. сяо цзин), а либо использовались два трактата «среднего канона», либо

по одному из «малого» и «большого канонов». В «Рё-но сюэ» также отмечалось, что если экзаменующийся сам выберет оба сочинения из разряда «большой канон», то при успешном завершении экзамена, «увенчает себя венцом лунного лавра» (позднее, в период Хэйан так называли тех, кто сдавал экзамены с лучшим результатом) и «уподобится благородным мужам древности». Всего во время экзамена было необходимо ответить на десять вопросов (четыре по «Сяо цзин» и «Лунь юй», и шесть по остальным текстам), но в случае необходимости можно было задать еще один (например, когда среди экзаменаторов были разногласия по поводу оценки). Высшая оценка давалась за десять правильных ответов. «Хорошая» — при восьми или девяти верных ответах. «Удовлетворительно» — за семь точных ответов. Однако, если претендент не отвечал на три вопроса по тексту «Сяо цзин» и «Лунь юй», то экзамен несданным без учета остальных ответов. Затем, по результатам экзамена принималось решение о пожаловании соответствующего ранга. Подр. об этом см: Хаякава Сёхати. Нихон кодай канрёсэй-но кэнкю (Изучение древнеяпонского чиновничества). Токио, 1986, С. 400—403.

⁴⁷³ В тексте используется термин «кокугаку» (провинциальная школа), но поскольку там (согласно кодексу «Тайхорё») не сдавали экзамен на ученые степени (это была привилегия только столичного Университета), то, видимо, здесь имеется в виду Дайгаку.

⁴⁷⁴ Дословно «доси» означает «мастер «до». Современным людям, порой, трудно даже представить размеры и сложность боевых механизмов людей древности, а, согласно общераспространенному мнению, военная техника в древнем мире была весьма примитивна. Тем не менее, новейшие изыскания историков и археологов убедительно показали, что уже в древности были созданы боевые машины, позволяющие принимать в конфликтах древности истинно современную технику ведения войн. Термин «до» (кит. «ну») встречается уже в древнекитайских произведениях периода Чжоу и, по мнению специалистов, обозначал как метательное орудие типа баллисты, предназначенное для метания крупных камней, так и станковый арбалет (так называемая аркбаллиста), использующий специальные стрелы до трех метров в длину. Радиус поражения таких метательных машин был достаточно большим (до 1,5 км.). Согласно древнекитайским источникам, стрела выпускаемая из такого арбалета привязывалась к нему прочным тросом, что позволяло втягивать ее обратно к месту выстрела с помощью особого приспособления. Таким путем один и тот же метательный снаряд можно было использовать многократно (Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980, С. 26—57). Из источников периода Ранняя Хань известно, что китайцы направили свою изобретательность и на создание небольших переносных орудий уничтожения, но даже такие легкие арбалеты своими стрелами могли пригвоздить к дереву вражеского воина (Хасимото Кэйдзо. Кандай-но кикай (Технические новшества периода Хань). / Тохо гакухо, № 46, 1974). Позднее в суйском и танском Китае получили распространение два вида «догнестрельной артиллерии»: во-первых, уже упомянутый арбалет, а, во-вторых, катапульта,

выпускающая как небольшие по размеру камни, так и огромные, способные пробить стену. Известно, что такие камнеметы были применены в 617 году при осаде крепостей Ляодун и Цзяхубао, а также при осаде Чаньгани в конце того же 617 года (Хамагути Сигэкуни. Син Кан Дзуй То си-но кэнкю (Изучение истории [Китая периодов] Цинь, Хань, Суй и Тан). Т. 2. Токио, 1966, С. 378—379). Существует предположение, что в Японию арбалет попал в период Кофун (IV—VI вв. н.э.) с одним из кочевых племен, захватившим такой механизм (или механизмы) у китайских воинов. Согласно другой версии, этот вид военной техники мог быть привезен группой иммигрантов из Китая, которые либо являлись ремесленниками, специализирующимися на изготовлении вооружения, либо были представителями военного сословия. В настоящее время среди японских исследователей древней истории нет единства относительно истолкования термина «до». Согласно одной точке зрения, которой придерживается многие специалисты, «до» — это вариант длинного лука, используемого как пешими, так, при необходимости, и конными воинами, что же касается метательных машин, то, по крайней мере, до XV столетия они не использовались. Подр. см: Кондо Ёси-кадзу. Бугу-но тусэйка то бусино сэйрицу (Средневековое военное снаряжение и формирование самурайства). / Инсэй-но тэнкай то найран (Утверждение [системы] инсэй и внутренние беспорядки). Под ред. Мотоки Ясуо. Токио, 2002, С. 140—142, 173—184. Однако, существует и другая точка зрения. Еще в 50-е годы XX века японский ученый Ёсида Мицукуни, исследовавший древнекитайские и древнеяпонские письменные источники обратил внимание, на различие (как внешнее, так и функциональное) между луком (яп. «юми») и арбалетом (яп. «до») в периоды Асука-Камакура. Так, например, исследователь обратил внимание, что при описании военного снаряжения, технологии его изготовления, а также правил проведения придворных церемоний в своде «Энгисики» большой лук упоминается отдельно от арбалета. К тому же, большой лук в «Энгисики» обозначается иным термином, чем арбалет. Более того, в энциклопедии X столетия «Вамё руйдзюсё» (Классифицированное собрание японских наименований) лук, который использовался во время ритуала «великой стрельбы»-«дайся» предлагается читать как «оююми» (досл. «большой лук»), а название арбалета сохранено как «до» (Ёсида Мицукуни. Кю то до (Лук и арбалет). / Тоёси кэнкю. Т. 12, № 3, 1953, С. 83—89). К тому же, в документе 1030 года говорится о продаже «ста тридцати луков (юми), двадцати пяти ручных арбалетов (сюдо)», а также барабанов и конской упряжи, таким образом совершенно очевидно, что понятия «лук» и «арбалет» разведены (Хэйан ибун (Сохранившиеся документы [периода] Хэйан). Под ред. Такэути Ридзо. Токио, 1965, Т. 9, № 4609, С. 3511). Первое упоминание арбалета и катапульты в японских источниках относится к 618 году, когда посланники корейского государства Когурё преподнесли несколько таких механизмов в дар государыне Суйко (Нихон сёки, Суйко, 26—8—1, 618 г.). В кодексе «Тайхорё» сказано, что в штате территориальных военных подразделений, помимо различных типов воинов, имелись катапульты, а на каждые пятьдесят воинов предусматривалось два стрелка из арбалетов-«до» (Рё-но гигэ. Указ. соч.,

С. 185; Рицурё. Указ. соч., С. 321). В «Идзумо куни кэйкайтё» (Реестре документов провинции Идзумо, 734 г.) упоминаются имена двух мастеров стрельбы из арбалета, направленных в Нара для обучения столичных воинов этому искусству (Оми Сёдзи. Хонтё доко (Изучение арбалетов нашей страны). / Кокугакуин дзаси, Т. 80, № 11, 1979, С. 75—76). Известно, что «боевые арбалеты» (яп. «хёдо») применялись во время мятежа Фудзивара-но Хироцугу в 740—741 годах (Сёку нихонги, Тэмпё, 12—9—24, 740 г.). Тем не менее, все эти свидетельства письменных источников не могли являться серьезными доказательствами применения арбалетов в древней Японии, к тому же наиболее ранние изображения такого вооружения относятся к периоду Токугава. Однако недавние археологические находки в префектуре Миясиро (северо-восточная Япония, территория древней провинции Муцу) в 1998 году и префектуре Симанэ (западная Япония, территория древней провинции Идзумо) в 1999—2001 годах, когда были найдены образцы древнеяпонских арбалетов, позволили японским исследователям военной истории получить доказательства реального использования арбалетов древнеяпонскими воинами, начиная с периода Яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.), поскольку именно к этому времени относятся два наиболее ранних экземпляра арбалета, найденных в префектуре Симанэ. Более того, было установлено, что древние японцы, сохранив основные конструктивные особенности древнекитайских арбалетов периодов Хань-Тан, внесли в них некоторые коррективы, что позволило приспособить их к японским реалиям (Мацумото Такэхико. Хито-ва надзэ татакау-но ка. Кокогаку-кара мита сэнсо (Почему человек сражается: взгляд археологии на войну). Токио, Коданся, 2001). Позднее в период Хэйан арбалет был принят на вооружение как в столичных гвардейских и военно-полицейских (например, Кэбииситё) подразделениях, так и в провинциальных военных отрядах (к примеру, к управе Дадзайфу, в силу ее стратегической важности, был приписан отряд в сто арбалетчиков), а подразделения арбалетчиков использовались для борьбы с разбойниками и пиратами. Источники сохранили также свидетельства применения этого оружия во время подавления восстаний. Значимость арбалетчиков для японской армии была такова, что правила продвижения их по службе были предметом особой заботы государства (Нихон сандай дзицуроку, Гангё, 5—4—25, 881 г.; Руйдзю сандай кяку, Дайдо, 5—3—1, 810 г.; Конин, 3—11—15, 812 г.; Конин, 7—11—12, 816 г.; Дзёва, 5—7—25, 838 г.; Гангё, 2—2—3, 878 г.). О экономическом положении и юридическом статусе арбалетчиков-«доси», а также географии их распространения в период Хэйан см.: Нито Ацуси. Конин кяку-но хэнсан хосин ([Правовая] политика составления «Нормативных установлений [годов] Конин»). / Нихон кодай-но нори то сьякай (Закон и общество в древней Японии). Под ред. Торао Тосия. Токио, 1995, с. 46—53. Сами арбалеты ценились очень высоко. В дневнике «Сёюки», к примеру, содержится сообщение о том, что воры, ограбившие один из военных складов, похитили наиболее ценные вещи, к которым отнесены «красивые арбалеты», конская упряжь и т. п. (Сёюки, Эйэн, 2—2—5, 988 г.). Что же касается «большого лука», то согласно последним археологическим изысканиям (находки остовов

луков, а также изображения на бронзовых колоколах-«дотаку») он начал использоваться на Японских о-вах еще в период Яёй, а позднее, несмотря на существование арбалета, стал более почитаемым видом оружия, чем «до». При этом археологические материалы позволяют предполагать, что «большой лук» появился в Японии уже в начале периода Дзёмон (13 тыс. лет до н.э. — III в. до н.э.). К примеру, длина луков, найденных на территории дзёмонских стоянок составляет ок. 120—150 см. В Яёй размер луков колебался от 80 до 150 см, а в период Кофун некоторые луки достигали в длину 190 см. Камино Мэгуми. Яёй дзидайно юмия (Лук и стрелы в период Яёй). / Кодай бунка, Т. 52, № 10—11, 2000.

⁴⁷⁵ Кёдо (досл. арбалет, обладающий силой) считался не только грозным оружием, но и обладал, по мнению японцев, некой сверхъестественной силой. В распоряжении «о применении арбалетчиков «доси» по этому поводу сказано: «В пылу сражения варвары, скачущие верхом на конях и вооруженные луками, обладают такими преимуществами, что даже десять обычных людей не могут устоять против одного [такого воина]. Но если в ход пускают арбалеты «до», то даже мириады свирепых варваров не смогут продвинуться на расстояние пущенной стрелы. В этом преимущество и успех в подавлении [мятежных] варваров». Руйдзю сандай яку, Дзёва, 4—2—8, 837 г.

⁴⁷⁶ В танском законодательном своде «Тан лю дянь» упоминаются семь видов арбалетов различных конструкций.

⁴⁷⁷ Эмиси — общее название всех племен, обитающих в северо-восточной части о-ва Хонсю и на о-ве Хоккайдо.

⁴⁷⁸ Действительно угроза с моря была в то время совершенно реальной. Источники IX—X веков изобилуют упоминаниями о нападениях на Японию корейских пиратов. Еще в 813 году 150 морских разбойников из Силла на пяти судах прибыли на территорию Японии и высадились на побережье провинции Хидзэн, где ограбили соседние деревни (при этом девять японцев было убито, а более ста захвачено и превращено в рабов). В 866 году корейские пираты вновь высадились на побережье провинции Хидзэн, но были встречены отрядом из 45 лучников, которым удалось заставить пиратов отказаться от своих первоначальных планов. В 869 году силланские пираты на двух больших кораблях вошли в гавань Хаката, считавшуюся морскими воротами Японии, поскольку именно через нее осуществлялись все официальные контакты с соседними государствами в период Хэйан, и, несмотря на сопротивление японцев, захватили несколько кораблей, перевозивших ткани, дорогие китайские специи и вина, а также отборный рис, полученный при сборе налогов. Наконец, в 894 году пиратская флотилия из 45 кораблей сперва напала на о-в Цусима, а затем атаковала несколько провинций на территории о-ва Кюсю. По сообщениям хроники количество пиратов достигало двух с половиной тысяч человек, которым пытались противостоять триста японских лучников. В результате пиратам удалось ограбить несколько соседних деревень и полностью вывести оттуда все рисовые запасы. Многие современные исследователи полагают, что подобная деятельность «внешних варваров», а именно к этой категории древние японцы относи-

ли жителей корейского государства Силла, могла стать одной из серьезных причин «сворачивания» Японией контактов с континентальными государствами в конце IX столетия. Подр. см.: Ямаути Синдзи. Нара Хэйанки-но Нихон то Адзиа (Япония и Азия в периоды Нара и Хэйан). Токио, 2003, С. 109—125.

⁴⁷⁹ Имеется ввиду система ежегодных пожалований должностями и рангами (яп. нэнкан нэнсяку), существующая во взаимоотношениях крупных чиновников и местной местных управителей. Механика отношений придворных сановников и провинциальных властей заключалась в следующем. На должность управителя отдельной провинции номинально назначался один из представителей того аристократического дома (например, семья сэкканкэ из рода Фудзивара), который хотел наладить отношения со знатью отдаленной провинции. Вновь назначенный управитель оставался в столице, а от его имени провинцией управлял его заместитель (яп. дзурё), происходившей из местной провинциальной аристократии. Каждый год такой «дзурё» был обязан отправлять щедрые подношения («нэнкю») в виде риса, тканей, местных продуктов (рыба, сакэ, моллюски и т. д.) главе той аристократической семьи, откуда происходит номинальный управитель провинции. За это «дзурё» мог надеяться на регулярное повышение в ранге и должности («нэнкан нэнсяку»). Подр. см.: Обороя Хисао. Отё то кидзоку (Государев двор и аристократия). Токио, 1991, С. 128—136.

⁴⁸⁰ Т. е. 901 г.

⁴⁸¹ По всей видимости, имеется ввиду обнародованное в 902 году одно из многочисленных распоряжений Дайдзёкана, где знати запрещалось захватывать государственные рисовые поля и пустоши, а также скупать крестьянские дома и приусадебные участки. В распоряжении, в частности, сказано: «Расследованием установлено, что в последнее время во всех провинциях существуют пожалованные [управителям этих провинций]. Они напоминают захваченных целинные земли и пустоши, на которых трудится разный народ. Как только земли получают новые хозяева (т. е. официально назначенные на свои посты управители провинций — М. Г.), они, пользуясь многочисленными суровыми мерами, налагают тяжелые повинности [на крестьян]. Крестьяне во всех провинциях, работающие на государственных полях, стали уклоняться от своих обязанностей, бунтуют, посылают петиции в столицу и по своему желанию отдаются под покровительство сильным домам (т. е. местной знати — М. Г.). Сильные дома задумали большой обман управителей провинций, выдавая [государственные] поля за пожертвованные им земли или купленные усадьбы, и требуют [от провинциальных властей] оформить документы на право владения такими землями. Нет слов, чтобы описать их бесстыдное своеволие! Несмотря на запрет, богатые семьи [в обход существующих правил] установили удобные им сроки поставок рисовой ссуды; не уплачивают установленные законом налоги; во время сбора урожая прячут зерно в своих домах и не доставляют его в государственные амбары; не участвуют в осуществлении трудовой повинности. И таким образом эти поля, в конце концов, превращаются во владения сильных домов. Ущерб от этого огромный! Народ лишился многих земель, на которых мог бы заниматься

земледелием и шелководством, потерял возможность себя кормить, и вынужден бродяжничать... Левый министр [Фудзивара-но Токихира] докладывает государю: «...С настоящего времени запрещается передача земли пожалованной государевым указом. Народ сам должен обрабатывать землю [и платить соответствующие налоги]. Все буддийские храмы и синтоистские святилища должны вернуть земли их прежним хозяевам. Народ, договорившись о цене, может выкупить свои земли у лиц, владеющих крестьянской землей на основании покупки, несмотря на свои незаконные действия, в течение 60 дней... Немедленно доложить о захваченных целинных землях и пустошах, а также людях, которые обрабатывают эти земля, с указанием имени чиновников [допустивших злоупотребления]. Тем, кто ослушается августейшего приказа, не будет оказано милосердие. Чиновникам не разрешается поступать по своему собственному усмотрению, в противном случае они будут освобождены от должности. Государственным служащим, [которые осуществляют инспекцию], не должно чинить помех. Оказавшие помехи чиновникам, понесут [наказания] соответствующую их проступкам. Результаты проверки доложить в течение 100 дней в местные управы». Руйдзю сандай яку, Энги, 2—3—13, 902 г.

⁴⁸² Данное иносказание заимствовано из текста китайской хроники «Хоу Хань шу». Некий Цэнь И был назначен управлять округом Вэй, где действовал в соответствии с принципом «недеяния» (кит. у вэй). За два года правления он сумел очистить округ от разбойников и продажных чиновников. В итоге в народе распространилась песня, в которой говорилось: «У нас росли терновник и жужуба, но правитель Цэнь их вырвал, у нас было [много] вредных насекомых, но правитель Цэнь их истребил». Под терновником и жужубой понимались разбойничьи шайки, а под вредными насекомыми — продажные чиновники. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 380.

⁴⁸³ Согласно «Энгисики», по различным особым поводам в год в монахи могло постричься не более двадцати мужчин и десяти женщин. Энгисики. Указ. соч., Т. 2, С. 545.

⁴⁸⁴ Как явствует из источников, уже в нарской период бесконтрольные действия буддийских монахов являлись одной из серьезных проблем, стоящих перед властями. В одном из многочисленных указов, направленных на пресечение «незаконной» практики врачевания и установления над буддийскими монахами строгого контроля, обнародованном в 717 г., в частности, говорилось: «Согласно законодательству, монахам и монахиням разрешается посредством обращения к Будде использовать благоприятные заклинания, спасать занемогших, предписывать лекарства, исцелять тяжелобольных. Однако в настоящее время монахи и монахини нахально заходят в дома занемогших людей, творят с сердцем темным ложные молитвы и заклинания непотребные, занимаются гаданием противозаконным, угрожают старикам и юным, требуют себе мзды. [Если так будет продолжаться], разница между монахами и мирянами исчезнет, и разные безобразия станут твориться... Если у кого случится требующая лечения болезнь, следует пригласить к себе человека чистого, изложить существо дела сого (т. е.

буддийской администрации — М. Г.), получить подписи трех патриархов, и тогда пусть [этот лекарь] приходит в означенный день. При этом нельзя допускать, чтобы [этот лекарь] задерживался и приходил позже назначенного» (пер. А.Н. Мещерякова). Сёку нихонги, Ёро, 1—4—23, 717 г. По мере ослабления центральной власти в период Хэйан появилось множество бандитских шаяк, которые, зачастую, либо состояли из монахов, либо вступали в тайный сговор с представителями администрации наиболее территориально приближенных к местам их бытования буддийских монастырей. Однако это была далеко не единственная проблема государственного управления. С IX века буддийские иерархи нескольких крупных монастырей (Ёсино Кимбусэндзи, Исиямадэра, Кофукудзи, Куманодзандзи, Тодайдзи, Хасэдэра, Энрякудзи и т. д.) стали использовать достаточно оригинальный способ давления на тех представителей центрального и периферийного государственного аппарата (более того, известны случаи использования «госо» против таких крупных синтоистских святилищ, как Касуга дзиндзя и Исэ дзингу), которые отказались принять «предложения» монастырской администрации (в большинстве случаев речь шла о случаях земельных или имущественных споров). В источниках первой половины XII века данная практика стала называться «госо», т. е. «прошение силой» (Хэйан ибун. Указ. соч., Т. 5, № 2413, С. 2034; Т. 6, № 2554, С. 2153; Т. 9, № 4693, С. 3689). Существовало множество разновидностей «госо»: блокировать чиновника в его резиденции; преградить путь паланкину знатного лица; осуществить коллективный отказ аристократу в просьбе о проведении буддийской церемонии; недопустить сановника и членов его семьи на богомолье в буддийский монастырь; поместить сакральные предметы, считающиеся «телом божества» — «синтай», на территорию усадьбы неуступчивого сановника. Дело в том, что подобный сакральный предмет требуют постоянного ритуального «обhajивания» (облагодетельствования) со стороны «посвященных» в тайны культа служителей, а оставление его без надлежащих церемоний могло вызвать гнев божества со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. В «Тююки» (дневник Правого министра Фудзивара-но Цунэтада, 1062—1142) содержится впечатляющее описание душевных переживаний, а также различных страданий Фудзивара-но Цунэтада во время бессонной ночи, когда монахи храма Кофукудзи принесли в его усадьбу подобный «подарок». Автор дневника так описал бессонную ночь: «Было трудно дышать. Вдыхаемый воздух казался отравленным. Тело бросало то в жар, то в холод. Лихорадка и жажда сотрясали меня до самых костей». Когда же, наконец, к часу зайца (05.00—07.00 — М. Г.) измучившемуся аристократу удалось заснуть, то во сне ему привиделся «змей с девятью головами», которые жалил его до тех пор, пока Фудзивара-но Цунэтада не проснулся. В итоге, сановник согласился с требованиями монахов о передаче храму Кофукудзи прав владения на земельный участок размером в 11, 5 тэ (ок. 12 га — М. Г.) и злосчастный предмет был в тот же день благополучно удален из усадьбы. Разумеется, подобная ситуация не могла устраивать представителей именитых родов и со временем был выработан эквивалент эффективного противодействия практике «госо» (использование самурай-

ских дружин, заключение соглашения с «конкурирующими» монастырями, помощь профессиональных астрологов, поддержка синтоистских святилищ и т. д.), но это произошло не сразу, а потому «госо» в течение длительного времени (около восьмидесяти лет) продолжал быть весьма действенным способом воздействия храмовой администрации на несговорчивых представителей столичной аристократии и местной знати (к тому же, далеко не все могли себе позволить вышперечисленные методы противодействия «госо»). Известно, что экс-императоры Сиракава (1086—1129) и Тоба (1123—1156), опираясь в своей власти на политическую и экономическую мощь буддийской церкви, часто использовали «госо» как средство воздействия на политических противников. О практике «госо» см.: Сакамото Сёдзо. Фудзивара Ёримити-но дзидай (Эпоха Фудзивара Ёримити). Токио, 1991, С. 232—244; Танахаси Мицуо. Отё-но сякай (Придворное общество). Токио, 2000, С. 304—315.

⁴⁸⁵ Есть рыбу и мясо было одним из важнейших запретов для монаха. Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 83; Рё-но сюгэ. Указ. соч., Т. 1, С. 221—222.

⁴⁸⁶ В древней и средневековой Японии забойщики скота считались ритуально «нечистыми», поскольку имели дело с кровью. Даже общение с ними требовало дальнейшего осуществления очистительных ритуалов. По этой причине подобного рода занятия (забой скота и разделка мяса, выделка кож, захоронение умерших и т. д.) были уделом замкнутых социальных групп, находившихся на самых низших ступенях социальной иерархии.

⁴⁸⁷ Поскольку чеканка монеты являлась монополией государства, то ее подделка считалась одним из самых опасных преступлений.

⁴⁸⁸ Существует предположение, что активизация большого числа «злых монахов», запалонивших практически все провинции Японии в период Хэйан, привела представителей высшей элиты к убеждению, что в Японии наступил «век конца Закона» (яп. «маппо дзидай»), когда страну и ее население постигнут различные несчастья. Считалось, что есть зрительные проявления наступления скорого наступления «маппо дзидай», и бесчинства монахов, то есть тех, кто своим праведными деяниями должен «защищать» государство от вредоносных сил, одно из таких проявлений. При этом существовали различные расчеты, когда должен наступить «век конца Закона»: 1007, 1017, 1045 г., но самой распространенной датой считался 1052 г. Кацуура Норико. Отё-но буккё то бунка (Буддизм и культура при государевом дворе). / Сэкан сэйдзи то Отё бунка (Правление регентов и канцлеров и придворная культура). Под ред. Като Томоясу. Токио, 2002, С. 230; Сакамото Сёдзо. Указ. соч. С. 247—257.

⁴⁸⁹ Известно, что он был и управителем провинции Ямасиро.

⁴⁹⁰ Согласно комментариям кодексу «Тайхорё», так как лжемонахи (те, кто тайно постригся) и монахи-расстриги официально не являлись монахами, то они подлежали наказанию по уголовному кодексу, а не по монашескому уставу. Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 87—88; Рё-но сюгэ. Указ. соч., Т. 1, С. 237—239.

⁴⁹¹ Энгисики. Указ. соч., Т. 3, С. 955.

⁴⁹² Рицурё. Указ. соч., С. 312; Энгисики. Указ. соч., Т. 3, С. 955.

⁴⁹³ Ри — мера длины равная 3927 м. В древности соответствовала приблизительно 442—462 м.

⁴⁹⁴ Имеется ввиду два списка чиновников, находящиеся в ведении главлевой и Правой привратной охраны. Эти списки (яп. мондзяку) служили чем-то вроде пропускного листа при входе на территорию дворцового комплекса. Рё-но гигэ. Указ. соч., С. 175, 180.

⁴⁹⁵ К сожалению, рамки данной работы не позволяют описать все многочисленные примеры деятельности таких бандитских шайек, которые являлись причиной постоянных беспокойств как столичной, так и провинциальной администрации. Известно, что в бандитские набеги в отдаленных провинциях фиксируют уже источники периода Нара. В IX столетии ситуация стала еще более усугубляться, а в 898 году источники зафиксировали нападение шайки бандитов уже на южные окраины столицы Хэйан. В 899 году источники впервые фиксируют термин «сюба-но то» (досл. «конные банды»), которые стали настоящим бедствием для жителей Восточных провинций. Доходило даже до того, что бандиты нападали на провинциальные управления, которые, нужно сказать, для своей защиты имели вооруженные подразделения. Так, в 857 году управление провинции Цусима подверглось нападению банды из трехсот человек, однако управитель Татэно-но Масаминэ во главе семидесяти стрелков из лука сумел дать отпор нападавшим. В 919 году, воспользовавшись тем, что управитель провинции Мусаси вместе с вооруженной охраной отбыл для инспектирования своих владений, два разбойника напали на его резиденцию и убили помощника управителя, при этом ограбив провинциальное управление и похитив молодую дочь провинциального владетеля (Симомукаи Тацухико. Буси-но сэйтэ то инсэй (Становление воинов и правление экс-императоров). Токио, 2001, С. 22—24, 48—54). В 899 году после получения многочисленных донесений из провинций Сагами и Кодзукэ об участившихся случаях нападения бандитов на крестьян и торговцев было издано распоряжение о необходимости учреждения застав на холмах Асигарасака (провинция Сагами) и Усуисака (провинция Кодзукэ), в котором говорилось: «Из провинции Кодзукэ доложили, что в последнее время в этой провинции появились бандиты. Они пользуются верховыми лошадьми для нарушения спокойствия и вред от них огромный. В Восточных провинциях они отбивают товары вьючных караванов богатых ладей. Грабят караваны на горных дорогах и на морских путях, отнимая лошадей, такни и другие ценности и на горных проходах и на морских магистралях. Бывает даже, что от рук этих бандитов теряют свою жизнь крестьяне. Таким образом, создаются шайки, сделавшиеся опасными разбойниками. Поэтому необходимо организовать на них нападение и разогнать их в этой и соседних провинциях, а на границах провинций пропускать [людей] только через заставы с охраной. Однако не пропускать без специальных разрешений. Поскольку трудно только одними [этими мерами] избежать [опасности], то на холмах Асигарасака и Усуисака необходимо поставить новые заставы, где строго обыскивать каждого проходящего. Правому министру приказывается на основании государева указа следить за исполнением

этого распоряжения, отличая обычных путников от тех, кого следует задержать» (Руйдзю сандай кяку, Сётай, 2—9—19, 899 г.). Еще один показательный пример содержится в докладной записке Фудзивара-но Ацумицу, поданной на высочайшее имя в 1135 году. В этом документе, в частности, сказано: «В прошлом в 6-ом году Дзёхэй (936 г. — М. Г.) предводитель пиратов Южного моря Фудзивара-но Сумитомо собрал банду, которая постоянно увеличивалась. В это время Ки-но Асоми Ёсихито служил управляющим провинции Иё. Ему приказали незамедлительно выступить, поймать и арестовать преступников. Разбойники прослышали о его милосердии, и около 2500 человек раскаялись в содеянном и понесли наказание, а более 30 главарей сдались без сопротивления (досл. «со связанными руками» — М. Г.). Им сразу же даровали одежду, пищу и поля, и повелели заниматься земледелием. [Известно, что]справедливые и добросовестные чиновники отдают свои силы службе в провинции, а потому необходимо выискивать людей им подобных. Если люди сдаются добровольно, их следует наделять полями и жаловать утварью. Тогда все пойдет по-прежнему, и страна будет богатеть, а законы станут безупречными. Только такой план единственно верный. Дадзайфу это территория, через которую [в нашу страну] прибывают иноземные гости. Военно-сторожевая управа является местом, обеспечивающим безопасность сообщения с дальними варварами. Если [государь] своей грозностью не заставит трепетать [жителей] заморских стран, то в отдаленных краях начнут распространяться слухи. Предположим, что в нашей стране царит эпоха процветания, тем не менее, не следует пренебрегать мерами предосторожности при обороне [наших рубежей] на непредвиденный случай! В древности существовало строгое предписание — даже в мирные времена не следует забывать об опасности». Фудзивара-но Ацумицу. Каммон (Изыскания). / Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 183.

⁴⁹⁶ Литературный оборот из древнекитайского трактата «Эр я». Kluge, Inge-Loe. Op. cit., S. 68.

⁴⁹⁷ Неточная цитата из «Ши цзи». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 8, С. 317.

⁴⁹⁸ Перифраз выражения, содержащегося в «Жизнеописании Хуай Инь-хоу» из «Исторических записок». В «Ши цзи» сказано: «Ведь собака [разбойника] Чжи лаяла бы и на Яо (мифический первоимператор — М. Г.), но не потому, что Яо был плохим. Просто собака лает на всякого, кто не ее хозяин». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 8, С. 129. По мнению А.М. Карапетьянца и А.Р. Вяткина, смысл данного высказывания в том, что «ничтожное существо всегда стремится облить грязью лучших людей и их побуждения». Там же, С. 382, примеч. 56.

⁴⁹⁹ Находится в уезде Ибо префектуры Хёго.

⁵⁰⁰ Точное местонахождение не установлено. По всей видимости, речь идет о пристани Фукудомари в уезде Ибо префектуры Хёго.

⁵⁰¹ Находится в уезде Акаси префектуры Хёго.

⁵⁰² Находилась в уезде Убара провинции Сэццу.

⁵⁰³ Располагалась на территории нынешнего района Оёдо в г. Осака.

⁵⁰⁴ Гёки (668—749) — знаменитый подвижник. Известно, что он долгое время ездил по стране и совершал различные благие деяния (восстановление раз-

рушенных храмов; ремонт дорог, мостов и пристаней; сооружение дамб; постройка ирригационных сооружений и т. д.). При государе Сёму был пожалован именем «Осодацу» (Великий бодхисатва). Подр. о Гёки см.: Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1988, С. 145—147; Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987, С. 83—84, 143.

⁵⁰⁵ Цитата из древнекитайской литературной энциклопедии «Шо юань» («Сад речей»). Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 101.

⁵⁰⁶ Энряку (782—806) — один из девизов правления государя Камму (781—806).

⁵⁰⁷ Тэнтё (824—834) — один из девизов правления государя Дзюнна (823—833).

⁵⁰⁸ Киёвара-но Махито Нацуно (782—837) — крупный государственный деятель. Пик его придворной карьеры приходится на правление государей Сага (809—823), Дзюнна (823—833) и Ниммё (833—850).

⁵⁰⁹ В данном докладе говорилось: «Местность Уодзума находится на морском берегу уезда Акаси. Это единственный путь, по которому корабли из различных [западных] провинций попадают в столицу, ибо на востоке и западе находятся [опасные] морские скалы, а на юге дуют неудобные ветры, приносящие шторма. Те, кто движется этим путем может с легкостью погибнуть. По этой причине я самолично составил проект строительства пристани и подал его [в вышестоящее ведомство]... Прошу переложить это бремя на [плечи] государства...и обнародовать государев указ, который принесет пользу стране и облагодетельствует ее народ». Руйдзю сандай яку, Тэнтё, 9—5—11, 832 г.

⁵¹⁰ Об этом см.: Руйдзю сандай яку, Дзёган, 9—3—17, 867 г.

⁵¹¹ Неточная цитата из трактата «Мэн-цзы». Мэн-цзы. Указ. соч., С. 112.

⁵¹² Минамото-но Фусаакира был родственником нескольких государей и сделал успешную придворную карьеру. Правда, при дворе ходили слухи, что причина быстрого продвижения по службе Фусаакира кроется скорее в его везении, чем в практических знаниях. Из источников известно, что в 927 году, когда решался вопрос о назначении нового главы Государевой канцелярии (Куродо докоро), было две кандидатуры на этот пост: старший сын Левого министра Фудзивара-но Тадахира — Фудзивара-но Санэёри (900—970) и Минамото-но Фусаакира. В результате на должность главы Государевой канцелярии был назначен Минамото-но Фусаакира, но в 930 году лишился этого поста в результате придворных интриг, а новым главой Куродо докоро стал Фудзивара-но Санэёри (900—970). Придворный ученый и известный литератор Оэ-но Масафуса (1041—1111) по этому поводу писал: «Поговаривают, что Минамото-но Фусаакира в детском возрасте однажды во время игры повалил на землю Фудзивара-но Санэёри, а потому позднее Санэёри и не получил [раньше него] пост главы Куродо докоро» (Годансё. Указ. соч., С. 51). Представляется, что более реальная причина возвышения Минамото-но Фусаакира заключалась в заступничестве государя Дайго. Об этом, в частности, может свидетельствовать тот факт, что отстранение Фусаакира с поста главы Куродо докоро и назначение на него Фудзивара-но

Санэёри произошло за несколько дней до смерти государя Дайго, когда он был настолько болен, что не мог принимать участие в государственных делах. При дворе Минамото-но Фусаакира считался знатоком китайской словесности, чьи творения были включены в несколько придворных антологий (к примеру, в «Хонтё мондзуй» содержится четыре его произведения).

⁵¹³ Кайфусо. Указ. соч., С. 347—348. Еще одно произведение такого плана принадлежит кисти придворного сановника Миёси-но Киёюки (847—918). Оно называется «Кицугаммон» (Сочинение об укоряющем взоре) и в нем, в частности, сказано: «[Сейчас] зима тринадцатого года Энги (913 г. — М. Г.). Мне шестьдесят семь лет. И хоть сердце [мое] еще не тревожит глубокая старость, взгляд уже затуманен. Хотя в текстах еще и остались места, требующие внимания, кисть уже не может писать... Руки [мои] трясутся и не могут ее удержать, а ноги болят и не могут идти. [Мои] уши глухнут и не могут слышать, а зубы крошатся и уже не могут жевать». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 68, 72.

⁵¹⁴ Си — высокая придворная должность. Чиновники, занимающие этот пост, выполняли особые поручения государя.

⁵¹⁵ Энтё (923—931) — один из девизов правления государя Дайго (897—930).

⁵¹⁶ Поскольку белой яшмой в древнем Китае были отделаны полы в покоях императора, то эта метафора означает, что автор данного произведения принадлежал к ближайшему окружению государя.

⁵¹⁷ Сёхэй (931—938) — один из девизов правления государя Судзаку (930—946).

⁵¹⁸ Т. е. занимал высокую должность в одной из управ дворцовой охраны.

⁵¹⁹ Присутствие при дворе в непосредственной близости от государя, по всей видимости, льстило тщеславию хэйанской знати, а сама придворная служба превратилась в череду различных придворных церемоний. К придворной службе, с одной стороны, относились как к средству достижения некоего блага (социального, экономического и т. д.), а с другой, как к развлечению, позволяющему получить зрелищное, эстетическое наслаждение. Лишение же аристократа таких преимуществ воспринималось весьма болезненно. Из источников известны случаи, когда перевод на другую должность с повышением истолковывалось чиновником Куродо докоро (Государева канцелярия) как нежелательный «подарок» судьбы. К примеру, в 998 году был повышен в ранге чиновник Куродо докоро Фудзивара-но Ясумити. На основании этого Фудзивара-но Ясумити получил назначение на пост первого помощника главы Министерства наказания. Однако вновь назначенный в Министерство наказаний чиновник так и не явился на службу в свой первый рабочий день. На следующий день произошло ситуация повторилась. Мелкий служащий того же министерства, которого отправили для выяснения причины неявки Ясумити на службу, обнаружил, что этот аристократ «читает стихи двум сакурам», расположенным в юго-западной части его усадьбы. При этом Ясумити был изрядно пьян и плакал навзрыд. Обескураженный поведением нового подчиненного, глава Министерства наказаний обратился к отцу Ясумити, однако это не очень-то помогло. На все послания своего отца Ясумити

отвечал стихотворными отказами, более похожими на «плачи», где говорил о глубочайших страданиях и безысходности жизни. Не возымел действия даже визит отца к своему «строптивому чаду». Ситуация разрешилась только после вмешательства главы рода — Правого министра Фудзивара-но Митинага. В результате Фудзивара-но Ясумити остался на новой должности, но за ним сохранили и старый пост в Куродо докоро, а через несколько месяцев стараниями Фудзивара-но Митинага Ясумити получил соответствующую его новому рангу должность в штате Управления государева дворца (Гонки. Тётоку, 4—2—15, 4—12—13, 998 г.). Разумеется, Куродо докоро было не единственным ведомством, служба в котором считалась для придворного аристократа престижной. К таким также относились: личная охрана государя (яп. Коноэфу); Левая и Правая Ревизионные канцелярии; Управление государева дворца; Управление дворца наследника престола и, конечно же, Гисэйкан, вхождение в состав которого было мечтой любого придворного. Любопытно, что в среде придворной знати существовали представления и о малопrestiжных с точки зрения служебной карьеры ведомствах (например, Министерство наказаний и Министерство управления). В «Дневнике эфемерной жизни» о придворной службе Фудзивара-но Канэиэ (знаменитый царедворец и отец Фудзивара-но Митинага) есть такие строки: «Канэиэ... на церемонии возглашения чиновников был назван старшим служащим в каком-то ведомстве, вызывавшем у него большое раздражение. Ему это ведомство представлялось настолько неприятным, что он, вместо службы, стал гулять там и сям...». Митицуна-но хаха. Дневник Эфемерной жизни (Кагэро никки). Предисл., пер. с яп. и коммент. В.Н. Горегляда. СПб., 1994, С. 67.

⁵²⁰ Янь Хуэй (521—481 (?) гг. до н.э.) — один из учеников Конфуция. В средневековых комментариях к «Историческим запискам» Сыма Цяня отмечалось, что Янь Хуэй поседел, когда ему было 29 лет, а скончался в 32 года. Кайфуо. Указ. соч., С. 347.

⁵²¹ Пань Юэ (247 (?) — 300) — известный китайский поэт периода Западная Цзинь (265—317). Автор «Цю син фу» («Ода об осеннем вдохновении»), где, в частности, говорится о первом появлении седины.

⁵²² Речь идет и знаменитом ученом Оэ-но Асацуна (886—957). Многие произведения эпистолярного жанра для представителей высшего чиновничества писались придворными знатоками изящной словесности. Об этом свидетельствуют многие хэйанские источники и, в первую очередь, литературные энциклопедии «Хонтё мондзуй» и «Хонтё сёку мондзуй». Известно, что, начиная с IX столетия, китайская придворная культура оказывала огромное влияние на стиль жизни хэйанского двора. Одним из последствий такого влияния стало распространения обычая прижизненных и посмертных литературных псевдонимов среди представителей ученого сословия. Прославленный литератор Оэ-но Отондо во многих литературных сборниках хэйанского периода был известен под псевдонимом «маэ-но го-но сёко» (досл. «предшествующий учёный [из рода О]э»). Его внук Оэ-но Асацуна получил прозвище «ноти-но го-но сёко» (досл. «последующий учёный [из рода О]э»). Оно-но Такамура зачастую именуется «но-но сёко»

(досл. «ученый [из рода О]но»). Зачастую литературный псевдоним был непосредственно связан с рангом или должностью ученого. Так, Ки-но Хасэо называли «Ки нагон» (досл. «придворный советник Ки»), поскольку он при жизни дослужился до должности среднего придворного советника» (яп. тюнагон); Сугаварано Митидзанэ после смерти называли «Кансо дайсёкоку» (досл. «Суга[вара] посмертно [назначенный] Главным министром»); Татибана-но Хироми был известен под именем «Татибана-но дзонагон» (досл. «Татибана посмертно [назначенный] придворным советником»).

⁵²³ Согласно «Нихон киракю», Главный министр Фудзивара-но Тадахира (880—949) за особые заслуги перед государем был посмертно пожалован первым старшим рангом и именем «господин Саданобу». Нихон киракю, Тэнрякю, 3—8—18, 949 г.

⁵²⁴ Обычай отказа от должности был распространен еще в древнем Китае. Именно под влиянием китайской политической культуры этот обычай получил распространение при дворе японских государей. Так, уже в мифолого-историческом своде «Нихон сёки» сказано, что со вступлением на престол нового государя высшие чиновники «ооми» и «омурадзи», служившие прежде государю, должны были отказаться от своих постов и ожидать милости от нового правителя. В период Хэйан эта практика расцвела пышным цветом при дворе. Согласно обычаю, претендент на высокий пост должен был трижды отказаться от своей должности, мотивируя это своей неосведомленностью в делах управления государством со ссылками на различные исторические (по преимуществу, китайские) прецеденты. Иногда доклад писал сам чиновник, но чаще всего для этой цели обращались к какому-нибудь признанному ученому. Как явствует из текста «Хонтё мондзуй», Сугавара-но Митидзанэ сам написал прошение об отставке с должности; для Фудзивара-но Тадахира прошения об отставке с поста регента-«сэссё» и канцлера-«кампаку», а также Правого министра и Главного министра Фудзивара-но Санэёри написал Оэ-но Асацуна; для Правого министра Минамото-но Масанобу, Правого министра Фудзивара-но Акитада, Правого министра Фудзивара-но Моромаса и Правого министра Фудзивара-но Моросукэ написал Сугавара-но Фумитоки. Такие же прошения писал еще один прославленный литератор Оэ-но Масахира (952—1012). Через несколько дней после подачи третьего прошения об отставке на высочайшее имя государь давал ответ своему подданному, который также писался известным учёным на заказ. В «Хонтё мондзуй», например, сохранились образцы таких ответов, принадлежавшие кисти Ки-но Тадана (957—999), Косэ-но Тамэтоки (?), Оэ-но Асацуна и Сугавара-но Фумитоки. В современном японоведении существует точка зрения, что подобная процедура с подачей прошений об отставке на высочайшее имя была чисто номинальной практикой. Однако существует несколько примеров, когда обычай отказа от должности становился мощным средством политического воздействия государя на строптивых чиновников. Самым известным из таких примеров может служить «инцидент с ако» в 888 году. Подр. см.: Токоро Исао. Сугавара

Митидзанэ-но дзицудзо (Истинный облик Сугавара Митидзанэ). Токио, 2003, С. 39—41.

⁵²⁵ Т. е. государя Дайго (897—930).

⁵²⁶ Текст указа см.: Нихон киракю, Энтё, 8—9—22, 930 г.

⁵²⁷ Т. е. государя Судзакю (930—946).

⁵²⁸ Дело в том, что принц Ютаакира стал наследником престола в трехлетнем возрасте, а вззошел на престол, когда ему было всего восемь лет. По этой причине регентом-«сэссё» был назначен глава Дайдзёкана Левый министр Фудзиварано Тадахира. Позднее Фудзиварано Тадахира в 936 году будет назначен на посты Главного министра и Канцлера-«кампаку».

⁵²⁹ Как явствует из прошений об отказе от должности, аргументация могла быть самой различной. Сугавара-но Митидзанэ в прошении об отставке с поста Правого министра, в частности, писал: «Хотя я и был обласкан государем, чувствую, что не могу принять эту [должность]. Смирненно сообщаю, что не принадлежу к числу благородных, а происхожу из семьи ученых-конфуцианцев Пользуясь милостивой поддержкой прежнего государя [Уда], я достиг различных высоких постов [при дворе], но ежедневно продвигаясь по службе, я не могу ни спать ни есть, предчувствуя недоброе. Демоны пристально смотрят с завистью и посылают бедствия тем, кто процветает. [А потому] смиренно прошу Ваше величество вскорости рассмотреть мое положение и позволить мне отказаться от этого поста. Это не просто наивное желание непритязательного человека, непоколебимого в своем стремлении, а чаяния простого народа...». Канкэ бунсо. Канкэ косю. Указ. соч., С. 584.

⁵³⁰ Досл. «не могли проникнуть в отверстие». В данной ситуации автор намекает на одну из важнейших функций государя, непосредственно связанную с концепцией «недеяния» (кит. увэй), а именно — функцию слуха. В древнекитайском трактате «Хуайнань-цзы» по этому поводу сказано: «Пребывать в недеянии, наставлять без речей — в этом заключается искусство владык. Чистый и спокойный, он недвижим; соразмеряется с единой мерой и не колеблется; придерживается «следования» (т. е. не нарушает естественного хода событий, не идет против их течения, а только вслед ему — *примеч. переводчика*) и служит низшим; исполняет должное и не трудит себя напрасно... Во всяком своем предприятии он соразмеряется со временем, в движении и покое следует [внутреннему] закону вещей... Поэтому в древности цари носили головной убор с подвесками, закрывающими глаза; с желтыми шариками на нитях, закрывающими уши, — чтобы притупить зрение, притушить слух. Сын Неба был отделен экраном, чтобы оградить себя. Сфера его управления простиралась далеко, а то, что он подвергал исследованию, лежало близко; то, что он упорядочивал, было огромно, а то, за чем он следил, было мало. Когда глаза безудержно смотрят, рождается беспокойство; когда уши безудержно слушают, рождается смятение; когда уста безудержно говорят, рождается смута. Эти три «заставы» нельзя не охранять бдительно. Если страстям определена мера, они отступают, если же им потворствуют — они становятся разбойниками». Философы из Хуайнани. Указ. соч., С. 142.

Подр. о значении функции зрения и слуха для японского государя см.: Мещеряков А.Н. Японский император и русский царь. М., 2004, С. 95—100.

⁵³¹ Согласно китайской мифологической традиции, девять источников находились в загробном мире.

⁵³² Динху — название дворца, построенного у подножия горы Цзиншань в Китае. В «Исторических записках» Сыма Цяня сказано: «Хуан-ди из меди, добытой на горе Шоушань, отлил треножник у подножия горы Цзиншань. Когда треножник был готов, появился дракон, который свесил усы вниз, чтобы поднять Хуан-ди. Хуан-ди взобрался на спину дракона, за ним поднялись и сели на спину дракона сановники и обитательницы женского дворца — всего более семидесяти человек, после чего дракон стал подниматься. Потому последующие поколения людей называли место, где это произошло, Динху — «Озеро-треножник»... (Пер. Р.В. Вяткина). Сыма Цянь. Т. IV. Указ. соч., С. 180. Позднее термин «Динху» стал обозначать вознесение на Небо умершего государя. Цы юань. Указ. соч., Т. 4, С. 3590.

⁵³³ Согласно преданию, воздушная смоковница (кит. кун сан) — дерево высотой в тысячу ли; по его ветвям солнце взбиралось на небо. Именно под воздушной смоковницей родился И Инь — мудрец, ставший первым канцлером династии Шан.

⁵³⁴ Досл. «непригодное дерево», т. е. образно непригодный, бесполезный человек.

⁵³⁵ Пэнлай — одна из трех легендарных гор-островов, где находилось обиталище бессмертных. По одному из преданий находилась в заливе Бохай.

⁵³⁶ По мнению Кодзима Нориюки, автор прошения сравнивает высокоую должность регента-«сэссё» с горой Пэнлай и морем Бохай, а Фудзивара-но Тадахира с тщедушным карликом. Кайфусо. Указ. соч., С. 375, примеч. 27.

⁵³⁷ Государыня Хэ Си — мать государя Ань-ди (более известна под именем императрица Дэн). Согласно хронике «Хоу Хань шу», в начале 106 г скончался государь Хэ-ди, так и не успев провозгласить наследника. Императрица Дэн первоначально возвела на престол малолетнего императора Шань-ди, который скончался через четыре месяца. Несмотря на то, что обычай требовал созвать в подобном случае совет знати, императрица Дэн нарушила устоявшуюся традицию и при поддержке своих братьев провозгласила императором своего тринадцатилетнего сына Лю Ху (более известен как император Ань-ди, прав. 106—125). После этого императрица Дэн фактически управляла Китаем вплоть до своей смерти в 121 году. Впоследствии Ань-ди лишил членов клана Дэн всех постов при дворе, предоставив некоторым из них возможность покончить жизнь самоубийством.

⁵³⁸ Императрица Чун Дэ — супруга государя династии Восточная Цзинь (317—420) — Кан-ди (343—344). Согласно хронике «Цзинь шу», после внезапной смерти императора Кан-ди новым государем стал его малолетний сын Му-ди (345—361). Регентом при новом императоре стала его мать — государыня Чун Дэ. Интересно, что даже после того как император Му-ди прошел обряд совер-

шеннолетия, его мать продолжала принимать важнейшие политические решения, по сути, являясь правящей государыней. Такое же положение сохранялось и при нескольких последующих императорах: Ай-ди (362—365), Фэй-ди (366—371), Цзянь Вэнь-ди (371—372) и Сяо У-ди (373—396). Таким образом, императрица Чун Дэ была одной из самых властных правительниц раннесредневекового Китая, находясь у власти с 345 года вплоть до своей смерти в 384 году.

⁵³⁹ Как известно, в древней Японии также существовала практика регентства государыни при малолетнем наследнике престола. Например, после смерти государя Тэмму (673—686) его супруга государыня Дзито «стала управлять двором», т. е. фактически стала правительницей, по всей видимости, помогая в управлении наследному принцу Кусакабэ. Однако, в 689 году принц Кусакабэ скончался и в следующем 690 году Дзито официально вступает на престол. Новым наследником престола, вероятнее всего, становится принц Такэти, умерший в 696 году. Наконец в 697 году наследником престола становится принц Кару — будущий государь Момму (697—707). Существует предположение, что после смерти наследного принца Кусакабэ принц Кару был важнейшим претендентом на престол, однако на тот момент ему еще не исполнилось семи лет, и предпочтение было отдано более взрослому принцу Такэти. Однако, когда принцу Кару исполнилось 15 лет и он прошел обряд совершеннолетия, государыня Дзито отрёклась от престола в его пользу. Представляется, что для автора данной докладной записки такой политический сценарий (когда государыня отрывается от престола при совершеннолети престола наследника) был более приемлем, чем та практика, которая существовала в Китае (сохранение императрицей-матерью властных функций даже при совершеннолетних государях) периодов Поздняя Хань и Восточная Цзинь.

⁵⁴⁰ Т. е. в переносном смысле авторитет престола и царствующего дома, либо в более широком смысле — государство.

⁵⁴¹ 930 г.

⁵⁴² Всего было три прошения об отставке с поста «сэссё».

⁵⁴³ Используя цитату из древнекитайского трактата «Шу цзин» (Шан шу. Указ. соч., С. 16), автор намекает, что Фудзивара-но Тадахира в 924 году был назначен на пост Левого министра, который зачастую сравнивался с левым глазом государя, а Правый министр, соответственно, с правым глазом.

⁵⁴⁴ Здесь Фудзивара-но Тадахира сравнивается с Великой китайской стеной, построенной при императоре Цинь Ши-хуан-ди для защиты столичного града от кочевников.

⁵⁴⁵ Государь Дайго.

⁵⁴⁶ Речь идет о государе Судзаку.

⁵⁴⁷ Известно, что принц Ютаакира (будущий государь Судзаку) стал наследником престола в трехлетнем возрасте, а на престол вступил, когда ему только исполнилось восемь лет. На протяжении всего правления государь постоянно болел, а страну обуревали различные стихийные бедствия. При дворе даже распространилось мнение, что божеества недовольны новым государем. В результате

под давлением представителей рода Фудзивара в 946 году государь Судзаку отрекся от престола в пользу младшего брата — будущего государя Мураками (946—967).

⁵⁴⁸ В данном случае «трижды» может быть показателем множественного числа. В китайской политической традиции (как позднее и в японской) был распространен обычай многократных отказов от престола, что могло пониматься как показатель наивысшей добродетельности претендента на престол. К примеру, вышеупомянутый принц Кару (будущий государь Котоку, 645—654) «трижды отказывался» от престола и только благодаря настойчивости его верных подданных согласился наследовать «Небесному Солнцу». Нихон сёки. Указ. соч., Т. 4. С. 238; Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч. Т. 2. С. 141—142.

⁵⁴⁹ Т. е. о государе Судзаку.

⁵⁵⁰ Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 22—29.

⁵⁵¹ Если суммировать все докладные записки, направленные против роскоши, то логика их авторов представляется следующей: роскошество в быту приводит к тому, что придворный становится «рабом вещей» и в погоне за «редкими безделушками» совершенно забывает о своем истинном предназначении как чиновника, то есть государственного деятеля, чьи помыслы должны быть, в первую очередь, направлены на обеспечение благоденствия и процветания страны. В результате государственный аппарат перестает функционировать должным образом, что, в свою очередь, становится причиной двух наиболее опасных явлений: общего «упадка нравов» и гибели государства.

⁵⁵² Правила регламентации придворных одеяний см.: Рицурё. Указ. соч., С. 351—358.

⁵⁵³ Известно, что во время пиров, которые устраивали знатные хэйанцы, аристократы пытались перещеголять друг друга в изысканности яств, подаваемых к столу. В «Синсаругакуки» упоминаются не только различные виды продуктов, но и указано из каких провинций наиболее предпочтительно доставлять те или иные кушанья: отборный рис — лучше всего в Овари и Цукуси; рисовые лепешки «моти» из Оми и Хида; иваси из Иё; караси из Оми; лосось из Этиго; рачки-«ами» из Бидзэн; скумбрия из Суо; морское ушко-«аваби» из Оки; морская капуста из Танго; хурма из Мино; груши из Синано; каштаны из Тамба; литокарпус из Вакаса; баклажаны из Ямасиро; дыни из Ямато (Синсаругакуки. Указ. соч., С. 149). Фудзивара-но Митинага, к примеру, считал, что подливку «мисо» лучше всего делают в Кавати (Оборова Хисао. Указ. соч., С. 101). Описания пиров в хэйанских дневниках изобилуют различными деликатесами: трепанги, политые соком женьшеня; жареный морской окунь с подливкой из винной гущи; рыба-«тай» на вертеле; вареные на пару ракушки с лапшей и растительным желатином; вымоченная в гуще сакэ медуза с уксусом и имбирем; каркатица в соевой пасте с добавлением мяса карпа; морской ёж и морской окунь с маринованными овощами; суп из ракушек с овощным салатом; жареный осьминог; «намасу» из дикой утки; кусочки курятины с вареным «таро» и большое разнообразие сакэ (к примеру, на пиру, организованном Внутренним министром Фудзивара-но Ёри-

нага в 1136 году, к столу было подано шесть разновидностей сакэ). Подр. см.: Ито Хироси. Сёкудзи (Еда). / Хэйан дзидай-но синко то сэйкацу (Верования и быт периода Хэйан). Под ред. Яманака Ютака и Судзуки Кацую. Токио, 1994, С. 155—175. В среде аристократии периода Хэйан было принято есть два раза в сутки (за исключением, разумеется, официальных пиров, которые, зачастую, никак не зависели от внутриворцового регламента): утром в час «змеи» (9.00—11.00), хотя нередко утренняя трапеза отодвигалась до часа «лошади» (11.00—13.00), и вечером — в час «обезьяны» (15.00—17.00). Многочисленные упоминания утренних и вечерних застолий в хэйанских источниках позволяют исследователям определить состав обычного «меню» для различных групп населения (включая даже простолюдинов, сведения о пищевом рационе которых сохранились, к примеру, в составе записей о земельных владениях храма Тодайдзи). Для крестьян наиболее распространенными продуктами питания были: маринад из тыквы и папоротника; овощной суп; неочищенный рис и соль из морских водорослей. Для представителей низко- и среднерангового чиновничества состав «меню» был более обширный: вареная иваси; очищенный рис; «намасу» с редькой и морковью; овощи, маринованные в гуще сакэ; уха; неочищенное сакэ и фрукты. Что же касается придворных аристократов, то их пищевой рацион включал высококалорийную пищу: жареная рыба; уха; соль; мисо; лапша; побеги периллы; очищенный рис; овощной салат с соевой пастой или рыбой; вареное на пару «таро»; растительный желатин (яп. кантэн); «намасу» (не только с рыбой, но и с курятиной и уятиной); китайские пирожные; фрукты и несколько видов сакэ (уже в Нара было известно четырнадцать разновидностей сакэ, а в Хэйане получили распространение более двадцати видов этого напитка, кроме того, хэйанцам были известны многие китайские вина). Любопытно, что в официальном своде правил внутриворцового распорядка «Кимписё» сказано, что «начинать трапезничать необходимо с пирожных (яп. каси)», а в энциклопедии «Вамё Руйдзюсё» упоминаются восемь видов «каси». Кимписё котю (Записи о запрещенном и тайном с комментариями). Под ред. Вада Хидэмацу. Токио, 1928, С. 60; Хэйан кидзоку-но сэйкацу (Быт хэйанской аристократии). Под общей ред. издательства Юсэйдо. Токио, 1981, С. 182—183.

⁵⁵⁴ Литературный оборот, заимствованный из текста «Шу цзина». Шан шу. Указ. соч., С. 312.

⁵⁵⁵ Шан шу. Указ. соч., С. 434.

⁵⁵⁶ Люй шу Цзо ши чжуань чжэн и (Комментарий господина Цзо на «Весны и осени»). / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 2. С. 1970.

⁵⁵⁷ Любопытно, что в «Наставлениях из 12 пунктов» Миёси-но Киёюки надеется не только на императорский указ, но еще и на силу принуждения: «Поручить «кэбииси» (блюстителям порядка — М. Г.) устранить подобную расточительность». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 83.

⁵⁵⁸ Известно, что еще Конфуций говорил о важности принципа «недеяния», когда усилиями правителя государственная машина функционирует сама по се-

бе. См.: Переломов Л.С. Указ. соч., С. 411. Однако в подобной трактовке «совершенномудрого» государя явственно прослеживается и даосское влияние, что способствует превращению правителя в гигантскую бездействующую личность, которая управляет всем мирозданием посредством простого пребывания в нем. В «Хань шу» об этом, в частности, говорится: «[Государь и подданные] рассуждают и беседуют, не ведая сомнений... Если достигнуто [такое положение], то разве запреты могут не останавливать, разве распоряжения могут не выполняться?». Ван Сянь-цзянь. Хань шу бу чжу («История [династии] Хань» с комментариями). Тайбэй, 1955, С. 4367. Именно из Китая подобные представления попали в Японию, о чем свидетельствуют нарские и хэйанские как исторические, так и литературные источники. К примеру, в «Предисловии к «Синсэн вакасю» («Вновь составленному собранию японских песен», 930 г.) сказано: «Раньше, в августейшее правление [государя] Энги (г. е. Дайго — М. Г.), страна управлялась сама собой, а потому ее жители пребывали в спокойствии». Кайфусо. Указ. соч., С. 399.

⁵⁵⁹ Начиная с правления государя Камму (781—806) были обнародованы многочисленные указы, призванные урезонить стремления «богатеев» получить за деньги высокие должности и ранги. Однако действенность этих указов вызывает серьезные сомнения. Практика продажи рангов в X—XII вв. расцвела пышным цветом. Данные официальных исторических сводов («Нихон киракю», «Фусо рьякки»), дневников придворных аристократов, докладных записок, а также многочисленный актовый материал, свидетельствуют, что в эпоху Хэйан существовала как прямая, так и опосредованная продажа рангов и должностей. В первом случае речь шла о покупке рангов за деньги или рис. При этом стоимость рангов повышалась с увеличением ранговой позиции и могла достигать баснословных сумм. Известно, что безранговый чиновник Накатоми-но Ёсидзанэ купил шестой младший ранг нижней ступени за 600 тысяч медных монет, а еще два низкоранговых чиновника заплатили за должности помощников управителейлевой и Правой конюшенных управ по 400 тысяч медных монет (Саданобу коки (Записи господина Саданобу). Сер. «Дай Нихон кокироку». Токио, 1956, Тэнгё, 9—4—11, 946 г.). Немалой стоимостью обладали и провинциальные должности. К примеру, в 972 году пост старшего инспектора провинции Ямато обошелся претенденту в 300 тысяч медных монет (Такэути Ридзо. Рицурёсэй то кидзоку сэйкэн (Система законов рицурё и власть знати). Т. II. Токио, 1958, С. 599). Рисовый эквивалент ранга и должности также был огромен. Должность управителя провинции Хо:ки и пост распорядителя буддийского храма Ондзёдзи были оценены в 20 тысяч коку отборного риса каждая (Тёсюки (Записи долгой осени). Сер. «Сирё тайсэй». Токио, 1965, Тёдзё, 3—8—27, 1134 г.). Что же касается должности инспектора по переустройству буддийского храма Тодзи, то за 600 коку отборного риса ее купил мелкий служащий провинциальной управы Ямато-но Сукунэ Акигада (Такэути Ридзо. Указ. соч., С. 619.). В дневнике высокопоставленного чиновника Минамото-но Цунэёри (985—1039) отмечается, что в большинстве случаев должности за пределами столицы продавались за 700—800 коку

отборного риса (Сакэйки (Записи Са[дайбэна] Цунэ[ёри]). Сер. «Сирё тайсэй». Токио, 1965, Мандзю, 2—1—6, 2—1—7, 1025 г.). В дневнике «Сёюки» же есть запись, из которой явствует, что чаще всего периферийные должности оценивались в 1000 коку отборного риса (Сёюки, Тёгэн, 4—2—23, 1031 г.). Несмотря на то, что сведения дневниковой литературы относительно средней стоимости провинциальных должностей противоречивы, следует признать, что в любом случае их стоимость была огромной. Другой способ продажи рангов и должностей не предполагал непосредственного приобретения рангового свидетельства за деньги или рис. Такой способ назывался «дзёго» (досл. становление заслуг) или «эйсяку» (досл. славные титулы) и существовало несколько его вариантов, но наиболее распространенный состоял в том, что получение ранга (первое представление или увеличение ранговой позиции) осуществлялось за предоставление каких-либо услуг государю или высокопоставленному столичному чиновнику. В первую очередь речь шла о патронаже над земельными владениями, предоставлении рабочей силы для осуществления каких-либо строительных проектов, обеспечении высокопоставленного лица продуктами ремесла и т. д. При этом источники фиксируют и случаи, когда в качестве дарителя ранга был крупный буддийский храм, имеющий своего представителя среди высшего столичного чиновничества. Однако практике продажи рангов и должностей в X—XI веках были присущи и свои особенности. Во-первых, источники в подавляющем большинстве случаев повествуют о продаже провинциальных рангов и должностей, а также низших рангов в столице. Во-вторых, стоимость рангов была настолько велика, что покупка даже провинциального ранга обходилась в целое состояние, что же касается единичных случаев покупки пятого придворного ранга, то он приобретался за астрономические суммы, что стало следствием целенаправленной политики, и должно было ограничить продажу придворных рангов. В-третьих, общественное мнение относилось к продаже рангов с порицанием, а, по мнению некоторых аристократов, продавать столичные ранги можно было только в исключительных случаях. Известно, что про тех, кто купил ранг или должность за деньги, говорили, что от них «пахнет медью» (яп. досю), а в письмах аристократов такие чиновники называются «внеочередниками» (яп. хидзё). При этом среди образованных людей бытовало мнение о недопустимости непосредственного общения с деньгами. Сугавара-но Митидзанэ по этому поводу, например, писал: «Корыстолюбец готов на все ради богатства, человек знатный не должен даже говорить о деньгах» (Годансё. Указ. соч., С. 8; Мидо кампаку ки (Записи канцлера Мидо). Сер. «Дай Нихон кокироку». Т. 1—3. Токио, 1952—1954, Канко, 7—1—21, 1010 г.; Сёюки, Тёва, 3—10—15, 1014 г.; Канкэ бунсо. Указ. соч., С. 426). Более того, прославленные мужи XI—XIII веков считали, что продажа рангов и должностей — это одно из свидетельств наступления «века конца Закона» (яп. маппо дзидай). Так, известного литератора Фудзивара-но Тэйка (1162—1241) в своем дневнике «Мэйгэцу ки» отмечал, что «повсеместная продажа и покупка столичных и провинциальных рангов» стала проявлением «темной стороны нынешнего века». Он же писал, что «век конца [Закона] не приносит пользы образован-

ным людям», скорее, наоборот, «в выгоде только богатеи». Мэйгэцу ки (Записи ясной луны). Сер. «Сирё тайсэй». Токио, 1994, Кэннин, 2—7—23, 1202 г.; Канги, 3—2—13, 1231 г. Также см.: Сёюки, Тёгэн, 2—7—11, 1029 г.

⁵⁶⁰ Парафраз из трактата «Лунь юй». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 350.

⁵⁶¹ Т. е. дочь Гуан У-ди (25—57) — первого императора династии Поздняя Хань (25—220 гг.).

⁵⁶² Мин-ди (58—76) — второй император династии Поздняя Хань.

⁵⁶³ Хуань-ди (147—168) — император династии Поздняя Хань.

⁵⁶⁴ Лин-ди (168—189) — император династии Поздняя Хань.

⁵⁶⁵ Должности высших сановников (кит. гун цин) оценивались в десять миллионов монет, а посты удельных властителей (кит. цин) в пять миллионов монет. Хоу Хань шу (История [династии] Поздняя Хань). Сост. Фань Е. Пекин, 1965, С. 342.

⁵⁶⁶ Соответствующие разделы официальной истории династии Ранняя Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.) «Хань шу».

⁵⁶⁷ Выражение из трактата «Чжоу ли». Чжоу ли чжу шу (Чжоуские ритуалы с комментариями). / Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатикнижье» с комментариями). Шанхай, 1935, Т. 1, С. 654.

⁵⁶⁸ Корокан — Ведомство по встрече иностранных гостей. Считается, что Корокан выделился из состава Гэмбарё — Управления по делам буддизма и иностранцев, зафиксированного уже в законодательном своде «Тайхорё». Первое упоминание о Корокане в государственных хрониках относится к 872 году и было связано с прибытием посольства из государства Бохай. Однако детализация полномочий Корокан впервые упоминается в сообщении от 883 года. Тогда прибыло посольство из государства Бохай и «для сопровождения его представителей было учреждено специальное ведомство» (Нихон сандай дзицуруку. Дзёган, 14—6—27, 872 г.; Гангё, 7—5—12, 883 г.). Известно, что Главами этого ведомства становились чиновники четвертого ранга (высота ранга Главы ведомства должна была подчеркивать его важность в общей системе государственных учреждений), среди которых были знаменитые полководцы Симада-но Тадаоми (828—891) и Тайра-но Масанори. При этом местоположение Корокана постоянно менялось. Первоначально он располагался в Хаката (что подтверждают нынешние археологические раскопки наместничества Дадзайфу на о-ве Кюсю). Позднее оно было перенесено в Нанива. В самом начале X века Корокан был введен в штат центральных столичных ведомств и для него было отведено просторное помещение в левой половине столицы Хэйан, но в 920 г. это Ведомство было вновь перенесено на о-в Кюсю. Однако к середине X века Корокан опять оказался в столице. Важнейшими задачами чиновников Корокана были не только встреча и сопровождение иностранцев (это могли быть не только посольские миссии, но и торговые люди и даже буддийские монахи прибывающие в Японию из Китая, Корё и Бохай), не менее важной задачей было инспектирование и строгий надзор за иностранцами (в частности одной из функций чиновников Корокана было тщательное изучение и опись даров, привозимых иностранцами

для японского государя). Камэи Мэйтоку. Ни Со бэки канкэй-но тэнкай (Становление торговых отношений Японии с сунским Китаем). / Нихон цуси (Общая история Японии). Т. 6. Токио, 1995, С. 109—138.

⁵⁶⁹ Ли цзи чжэн и (Книга ритуалов с комментариями). / Ши сань цзин чжу шу. Указ. соч., С. 1610. В оригинале использовано китайское сочетание «луань хуань», которое можно перевести как «смута и бедствия» или в расширительном толковании — «хаос».

⁵⁷⁰ Ри — мера длины (совр. 3927 м.). «Разноситься на тысячи ри», т. е. распространяться повсеместно.

⁵⁷¹ Занятию изящной словесностью считалось для чиновничества делом особо важным. При этом существовал набор китайских сочинений, изучение, и что гораздо важнее, следование которым считалось необходимым. Как убедительно показали исследования Мацумура Хироси, на «Канкэ бунсо» (собрание сочинений Сугавара Митидзанэ) оказали непосредственное влияние такие китайские произведения как «Ши цзин», «Ши цзи», «Хань шу», «Хоу Хань шу», «Саньго чжи», «Цзинь шу», «Вэнь сюань», «И вэнь лэй цзюй», собрания знаменитых танских поэтов Бо Цю-и, Ван Вэя, Ли Бо и др. См. Мацумура Хироси. Канкэ бунсо-но сирё (Источники «Канкэ бунсо»). / Кагосима кэйдай ронсю. Т. 16, № 3, 1975.

⁵⁷² Переломов А.С. Указ. соч., С. 322.

⁵⁷³ В раннесредневековом Китае (а вслед за ним и в Японии) занятие сочинительством считалось одним из способов обретения бессмертия. Так, вэйский император Вэнь-ди, в частности, писал: «При жизни своей человек может быть весьма велик, но когда он умирает — это лишь гроб, наполненный прахом. Есть только два способа достичь бессмертия: наилучшее — утвердить свое *дэ* и обрести славу; другой же способ — писание книг» [Цит. по: Лисевич И.С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1979, С. 173—174].

⁵⁷⁴ Почти буквальное повторение тирады из предисловия к поэтическому собранию «Ши цзин». Вэнь сюань. Указ. соч., С. 996.

⁵⁷⁵ Изящный литературный оборот, заимствованный из сборника Ван Цзя (кон. IV—нач. V вв.) «Ши и цзи» («Записи, восполняющие упущенное»). Икэда Сиродзиро. Кодзи дзюкуго дайджитэн (Большой словарь происхождения литературных оборотов). Токио, 1913, С. 1093—1094.

⁵⁷⁶ Эта мысль неоднократно высказывалась в различных китайских сочинениях («Мэн-цзы», «Ши цзи» и т. д. Икэда Сиродзиро. Указ. соч., С. 1116.

⁵⁷⁷ Согласно танским источникам, хорошо известным в хэйанской Японии «прозорливый человек — высший из людей образованных; [его] помыслы подобны льду и яшме (т. е. чисты и светлы — М. Г.); из года в год [он] воспитывает [свою] волю; [его] принципы тесно связаны с Небом и Землей; а [его] поступки согласовываются с четырьмя сезонами... когда [прозорливый человек] перестает соответствовать пути, то живет в уединении, скрываясь от мира в лесах и у источников (т. е. в укромных уголках — М. Г.)». Наба Тосисада. «Гэнна синтэй сёги» то То Юсин-но хэнсуру «Киккё сёги» то-ни цуйтэ (О сочинении Ду Ю-цзиня

«Юань-хэ синьдун шуи» в своде «Цзисюн шуи» (859 г.). Сирин. Т. 45, № 1, 1962, С. 7.

⁵⁷⁸ Основатель династии Вэй Вэнь-ди (220—227). Сын известного царедворца династии Поздняя Хань Цао Цао (155—220). В детстве носил другое имя Цао Пи (187—227). Широко известен как один из знатоков изящной словесности.

⁵⁷⁹ Цитата из «Вэнь сюань» — собрания изящной литературы, составленного в конце VI века прославленным литератором Сяо Тунем (501—531). Далее в «Вэнь сюань» сказано: «Человеческий век имеет предел, но слава и довольство заканчиваются со смертью самого человека, они ограничены во времени, и совсем не похожи на изящную словесность, ибо она беспредельна. Вот поэтому прославленные литераторы древности [всю свою жизнь] посвятили кисти и туши, а [все] их мысли были запечатлены в книгах. [Они] не старались уподобиться в речах [своих] усердными историками [древности] и не сравнивали [себя] с людьми, у которых расправлены крылья, но слава [их] переживет века». Вэнь сюань. Указ. соч., С. 1128.

⁵⁸⁰ Выражение из литературного трактата «Вэнь сюань». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 28.

⁵⁸¹ Здесь, по всей видимости, Сугавара-но Фумитоки отдал дань китайской традиции «культурного влияния» на соседние народы. Если следовать логике рассуждений Фумитоки, то получается, что он призывает японских затоков изящной словесности «просвещать» всех «неяпонцев» (иначе говоря вести своеобразную «культурную агитацию» с целью повышения престижа своей страны). Широко известно, что в период Хэйан Япония начинает политику «самоизоляции» по отношению к соседним странам. Однако, в этой связи необходимо сказать несколько слов о характере такой «самоизоляции». По мере обсуждения политической элитой различных аспектов внешней политики высказывались три различных точки зрения на эти проблемы: 1) все отношения с Китаем и Корейскими государствами необходимо свернуть, поскольку там участились смуты, а это не сулит ничего хорошего для Японии; 2) отношения с Китаем необходимо поддерживать, ибо китайская придворная культура — это источник, из которого японской придворной аристократией черпаются обычаи; 3) следует свернуть только официальные контакты с Китаем и Корейскими государствами, но сохранить связи с континентальными странами на частном уровне. В результате, уже в X столетии отношения Японии с соседними странами строились исходя из следующих предубеждений: обмен посольствами (т. е. официальные контакты) более не осуществляется, но, при этом, существуют неофициальные контакты (частные визиты и торговые отношения), а также опосредованные контакты (получение информации через книги, распространение представлений о придворной моде и т. д.).

⁵⁸² Эта форма завершения докладной записки почти дословно заимствована из «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., С. 827.

⁵⁸³ Перевод и комментарии Бачурина А.С.

⁵⁸⁴ Фудзивара-но Моросукэ (908 — 960). Второй сын Фудзивара-но Тадахира (880—949). Мать Фудзивара-но Моросукэ была дочерью Минамото-но Ёсиари. О:кагами — Великое зеркало. Указ. соч., С. 87. Правым министром стал в 947 г. Усадьба Фудзивара-но Моросукэ была расположена в столице Хэйан на девятой улице (яп. Кудзё), поэтому он получил имя «Кудзё». Перевод выполнен по изданию текста в сер. «Нихон сисо тайкэй», Т. 8. Токио, 1979. С. 115—122.

⁵⁸⁵ Выражение из «Вэнь сюань». Вэнь сюань («Литературный сборник»). Комм. Уно Сэйити / Сер. «Дзэнсяку камбун тайкэй». Т. 32. Токио, 1977. С. 230.

⁵⁸⁶ Выражение из «Лунь юй». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 327.

⁵⁸⁷ Звезды созвездия Большой Медведицы (соотв. от α до η). Согласно обрядовому своду «Гокэ сидай», во время обряда поклонения четырем сторонам света (*сико хай*), проводившегося в первый день нового года, государь, обратившись в сторону созвездия Большой Медведицы, должен был семь раз произнести имя божества звезды, соответствующей текущему году. Гокэ сидай («Обрядовый свод дома Ооэ»). Сост. Оэ-но Масафуса. Сер. «Синто тайкэй». Токио, 1991. С. 13. Представления о существовании связи человека со звездами из созвездия Большой Медведицы восходят к даосизму. В дневнике Фудзивара-но Тададзанэ (1078—1162) «Дэнрэки» (охватывает период 1097—1118 гг.) говорится, что Тададзанэ в свой день рождения «1000 раз произнес [имя соответствующей звезды] созвездия Большой Медведицы». Дэнрэки. Сост. Фудзивара-но Тададзанэ. Сер. «Дай Нихон кокироку». Т. 3. Токио, 1965. Тэннин 1—1—7, 1008 г.

⁵⁸⁸ Считается, что Будда погрузился в нирвану, находясь лицом к западу.

⁵⁸⁹ Дневники аристократов представляли собой записи, сделанные в календарях. Такие календари (гутюрэки) составлялись в Астрологическом управлении (яп. Оммёрё). Церемония подношения календаря государю проводилась в первый день 11 лунного месяца. Календари рассылались в столичные и провинциальные ведомства, а также аристократам. Для записей на каждый день отводилось от трех до пяти строк, и если этого пространства не хватало, приходилось использовать дополнительные листы, либо делать записи на обороте листа или на полях. Момо Хироюки. Кокироку но кэнкю (Исследование официальных сводов) / Момо Хироюки тэсаку сю (Собрание сочинений Момо Хироюки). Т. 4. Токио, 1988. С. 20.

⁵⁹⁰ Считалось, что если съесть рисовую кашу с красными бобами (адзукигаю) в 15 день первого месяца, можно избежать несчастий в наступившем году. Хэйан дзидай но синко то сэйкацу (Верования и быт в период Хэйан). Под ред. Яманака Ютака и Судзуки Кадзуо. Токио, 1994. С. 158.

⁵⁹¹ В «Косин кё» говорится: «Если в дни тигра и обезьяны избавляться от ногтей на руках, в день лошади избавляться от ногтей на ногах, то можно избавиться и от трех трупов, усмирить трех трупов, если всегда в 16 день 7 месяца избавляться от ногтей на руках и ногах, можно изгнать трех трупов из тела». Ётидзицу ко хицудэн («Тайные размышления о благоприятных днях») / Накамура Сэхати. Нихон оммёдо сё но кэнкю (Исследование японских трактатов по оммёдо). Токио, 2001. С. 441. Таким образом, запреты и обряды, связанные с

подстриганием ногтей, возводятся к «Косин кё» (полное название — «Роси сю косин кю тёсё кё», «Писание Лао-цзы о соблюдении дня обезьяны старшего брата металла и продлении жизни»), тексту, составленному в Японии в XI в. на основе позднетанских источников (Ёсиока Ёситоё. Ёсиока Ёситоё тёсаку сю (Собрание сочинений Ёсиока Ёситоё). Т. 2. Токио, 1989. С. 335, 354) и, соответственно, к комплексу верований, связанных с днем обезьяны старшего брата металла (яп. кин-но э сару / косин). В даосизме существовал ряд практик, направленных на то, чтобы не дать «трем трупам» покинуть тело (например, бодрствование в течение дня косин и следующей ночи) или избавиться от этих духов. В Японию сведения об обрядах, связанных с «тремя трупами», впервые были привезены монахом школы Тэндай Энтином (815—891) и получили распространение в период Хэйан. Ёсиока Ёситоё. Указ. соч. С. 325.

⁵⁹² В «Ли цзи» («Книга ритуалов», IV — V вв. до н.э.) говорится, что раз в пять дней надо согреть воду, чтобы престарелые родители могли совершить омовение, а раз в три дня — для того, чтобы родители могли помыть голову. Ли цзи цзи цзе («Книга ритуалов». Перевод и комментарии). Публ. текста, пер. с древнекитайского и комм. Ван Вэньцинъ. Пекин, 2001. С. 369. Согласно комментатору «Хань шу» Ван Сяньцяню (1842—1917), в эпоху Хань чиновники раз в пять дней возвращались домой для омовения и отдыха. Ци хай (Море слов). Под ред. Ся Чжэнъи. Т. 1. Шанхай, 1979. С. 493.

⁵⁹³ В «Эндзю руйё» («Основные материалы относительно продления жизни, разбитые по рубрикам», сост. в 1456 г. Такэда Сёкэй, годы жизни 1420—1508) говорится: «В «Ян шэн яо цзи» («Сборник основных материалов по питанию жизни», сост. Чжан Чжанем в IV—V вв.) сказано: «Всегда совершай омовение в дни *инь*, и жизнь твоя станет на 300 лет длиннее. Дни *инь* — это дни младшего брата дерева, огня, земли, металла, воды. Также это второй день первого месяца, третий день второго месяца, шестой день третьего месяца, восьмой день четвертого месяца, первый день пятого месяца, двадцать первый день шестого месяца, седьмой день седьмого месяца, восьмой день восьмого месяца, двадцатый день девятого месяца, восьмой день десятого месяца, двадцатый день одиннадцатого месяца, тридцатый день двенадцатого месяца. Если в эти дни этих месяцев взять дерезы (*Lucium chinense*) и вскипятить [с ней] воды для омовения, то станешь красивее и сохранишь наружность» (Цит. по Кудзё у-содзё юйкай («Наставления правого министра Кудзё») / Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 385). В «Ётидзицу ко хицудэн» говорится: «[Омовение] в день крысы принесет вино и мясо. [Омовение] в день быка принесет долгую жизнь и богатство. [Омовение] в день тигра принесет смерть от тигра или волка. [Омовение] в день зайца сделает тебя уважаемым, как государя или князя. [Омовение] в день дракона принесет смерть или позор. [Омовение] в день змеи принесет множество бед в дальних странствиях. [Омовение] в день лошади принесет шести видам скота (корова, лошадь, овца, свинья, собака, курица), как сказал историограф [Сыма] Цянь, «усекновение главы». [Омовение] в день овна способствует росту волос. [Омовение] в день обезьяны принесет удачу в рождении детей. [Омовение] в день пету-

ха избавит от воинской службы и принесет скот. [Омовение] в день собаки приведет к беде. [Омовение] в день свиньи принесет скот. Если в день собаки старшего брата воды третьего месяца и день зайца младшего брата земли пятого месяца омыться в потоках, текущих на восток, то можно избавиться от десяти тысяч болезней и [обрести] удачу. Если совершить омовение в час свиньи (21.00—23.00) третьего дня первого месяца, в час собаки (19.00—21.00) третьего дня второго месяца, в час петуха (17.00—19.00) в любой день третьего месяца, в час петуха четвертого дня четвертого месяца, в час овна (13.00—15.00) первого дня пятого месяца, в час петуха двадцать седьмого дня шестого месяца, в час лошади (11.00—13.00) восьмого дня седьмого месяца, в час дракона (7.00—9.00) одиннадцатого дня восьмого месяца, в час овна (13.00—15.00) шестого дня девятого месяца, в час тигра (3.00—5.00) шестого дня десятого месяца, в час быка (1.00—3.00) четвертого дня одиннадцатого месяца, в час крысы (23.00—1.00) в двенадцатом месяце, то, как говорится в «Хуан-ди муюй цзин» («Писание Желтого императора об омовении»), можно продлить жизнь и укрепить *ци*, избавиться от десяти тысяч болезней и [обрести] удачу. Однажды, [будучи еще] принцем, Желтый император заболел. Болезнь не отступала тринадцать лет. Он совершил омовения в эти дни и поправился. Правитель области Наньян ослеп, и прозрел после того, как совершал омовение в эти дни. Дни воздержания: день старшего брата огня, дни *цзянь* (первый месяц — день тигра, второй — зайца, третий — дракона, четвертый — змеи, пятый — лошади, шестой — овна, седьмой — обезьяны, восьмой — петуха, девятый — собаки, десятый — свиньи, одиннадцатый — крысы, двенадцатый — быка — А. Б.), пятнадцатый день, первый день осени (*фиссю*), [три дня] *самбуку* (третий и четвертый дни старшего брата металла после дня *гэси* — середины лета, первый день старшего брата металла после дня *фиссю* — А. Б.), два дня жертвоприношения духу земли (пятый день собаки после дня *фиссю* и после дня *фиссюн* — первого дня весны — АБ), четыре дня убийства (день петуха первого, четвертого, седьмого, десятого месяцев; день змеи второго, пятого, восьмого, одиннадцатого месяцев; день быка третьего, шестого, девятого, двенадцатого месяцев). Дни, благоприятные для совершения омовения после болезни: крысы, зайца, дракона, лошади, собаки; также говорят, что особенно благоприятны дни тигра, обезьяны, быка. Дни воздержания: быка, тигра, змеи, овна, обезьяны, свиньи. Также говорят, что нельзя мыть руки в день крысы. Иначе в день петуха болезнь может возобновиться». Ётидзицу ко хицудэн. Указ. соч. С. 439.

⁵⁹⁴ Вероятно, имеется в виду «Хуан-ди муюй цзин».

⁵⁹⁵ В дневнике Фудзивара-но Юкинари (972—1028) говорится: «Сегодня с утра совершил омовение. Некоторые говорят, что в пятом месяце нельзя мыть голову и что в первый день месяца нельзя совершать омовение. Но я посмотрел «Рэкирин» («О календаре», не сохранившееся сочинение Камо-но Ясунори, годы жизни 917—977), [там сказано, что] в первый день пятого месяца мыть голову можно. Если совершить омовение в этот день, то станешь пронизательным, богатым, знатным и проживешь долго. Также сказано, что если совершить омове-

ние в 1 день 5 месяца на рассвете, то можно избавиться более чем от 300 болезней. Если совершить омовение в 1 день 5 месяца, то можно продлить жизнь и избавиться от бед. А если в 1 день месяца (кроме третьего месяца) — то будет большая радость. Из-за того, что так написано, я и совершил омовение». Гонки. Канко, 6—5—1, 1009 г.

⁵⁹⁶ В «Тэйю хэннэнки» («Погодные записи о государях», сост. в 1364—80 гг. предположительно монахом Эйю) говорится: «В 6 день 7 месяца 2 года Тёва (1013 г.) *нёго* Кэнси (дочь Фудзивара-но Митинага (966—1027), годы жизни 994—1027) после рождения принцессы (дочь Кэнси — Ёсико, годы жизни 1013—1094) должна была совершить омовение. Но не изволила сделать это в 7 день. *Оммёдзи* [Абэ-но] Ёсихира предложил 8 день. Левый министр (Фудзивара-но Митинага) изволил сказать, что, согласно обычаю, в этот день омовения не совершают. Ёсихира ответил, что это не так. Происхождение [обычая совершать] омовение в 7 и 8 дни месяца описано в «Шан шу ли» (неизвестное сочинение, очевидно, составленное в Китае, см. Накамура Сёхати. Указ. соч. С. 348). Поэтому [Кэнси может] совершить омовение». Цит. по Кудзё у-содзё юйкай. Указ. соч. С. 385. В дневнике Фудзивара-но Митинага «Мидо кампакуки» (охватывает период 998—1021 гг.) говорится: «Завтра — омовение [Кэнси]. Придворные дамы говорят, что [в 8 день месяца] люди воздерживаются от омовения. Я спросил об этом у Камо-но Мицүёси. Он сказал, что это странно, и что в книгах об этом ничего нет. Он поднес докладную записку, в которой говорится, что завтра — благоприятный [день] для омовений». Мидо кампакуки дзэн тюяку («Мидо кампакуки». Перевод и комментарии). Под ред. Яманака Ютака. Токио, 1997. Тёва, 2—7—7, 1013 г. В «Дэнрэки» говорится: «Молва гласит, что сегодня нельзя совершать омовение. Но государь Тоба сегодня должен совершить омовение (8 день 4 месяца — день рождения Шакьямуни, в этот день во дворце проводился обряд «омовения Будды» («Камбуцу э»), участники которого совершали омовение с использованием благовоний. Букке дайджитэн (Буддизм. Большой словарь). Под ред. Фурута Сёкин и др. Токио, 1988. С. 171). Не стоит верить молве». Дэнрэки. Тэнъэй, 3—4—9, 1112 г.

⁵⁹⁷ В «Рэкирин мондо сю» («Собрание вопросов и ответов о календаре», сост. в 1414 г. Камо-но Ариката, годы жизни ?—1444) говорится, что в день *сайгэдзюки* дух созвездия Пёс (кит. *Тяньгоу* — созвездие из семи звезд в созвездии Корабль) покидает свое место, чтобы поесть. В «Кимписё» говорится: «В [день] *сайгэдзюки* не надо воздерживаться от омовения. Отрекшийся [государь] Сиракава (1072—1096) велел не бояться этого». Кимписё котю. Указ. соч., С. 68.

⁵⁹⁸ Платье *икан* надевалось в случае визита во дворец или во время проведения домашних (неофициальных) обрядов. Во время государственных празднеств использовалось платье *сокутай*, имевшее большее количество элементов.

⁵⁹⁹ В «Сутре о великой уловке — благодарности Будды» («Дай хобэн буцу хоон кё») говорится: «Беды всех живых существ рождаются изо рта». Цит. по Кудзё у-содзё юйкай. Указ. соч. С. 117.

⁶⁰⁰ В «Санго сиики» («Три учения указывают и направляют», сост. в 797 г. Кукаем, годы жизни 774—835) говорится: «Кто проводит сто лет, надеясь до пресыщения вкусными яствами, — тот в точности подобен скотине». Кукай (Кободайси). Три учения указывают и направляют (Санго сиики). Перевод со старояпонского, комментарий и исследование Н.Н. Трубниковой. М., 2005. С. 6.

⁶⁰¹ Ши цзин («Книга песен»). Комм. Исикава Тадахиса / Сер. «Син сяку камбун тайкэй». Т. 111. С. 334.

⁶⁰² В «Санго сиики» говорится: «Теперь и у меня есть племянник. Природа его сильно испорчена. С соколами и собаками, за вином и женщинами проводит он дни и ночи в забавах» (Кукай. Указ. соч. С. 6). В разделе «Дандзэтай» (Палата Цензоров) кодекса «Энгисики» («Внутриведомственные инструкции годов Энгиги», сост. к 927 г., введен в действие в 967 г.) говорится: «Частным лицам запрещается разводить соколов и ястребов». Энгисики. Сер. «Синто тайкэй». Токио, 1993. С. 613.

⁶⁰³ Молодой человек считался совершеннолетним после совершения обряда *гэмпукэ* (*хампукэ*), обычно в период между 11 и 20 годами, для государей и принцев крови — в 11—17 лет. В ходе обряда молодому человеку меняли прическу и подносили шапочку *каммури*. После этого молодой человек имел право поступать на службу. Яманака Ютака. Хэйан дзидай но гирэй то сайдзи (Ритуал и ежегодные обряды в период Хэйан). Под ред. Яманака Ютака и Судзуки Кадзю. Токио, 1994. С. 109.

⁶⁰⁴ Согласно определению Н.Н. Трубниковой, «почитаемый» (яп. *хондзон*) — «персонаж буддийского пантеона, которому творит обряд или на чьем образе сосредотачиваются в медитации данный подвижник». Кукай. Указ. соч. С. 424.

⁶⁰⁵ Тэйсинко — посмертное имя Фудзивара-но Тадахира (880—949), отца Фудзивара-но Моросукэ.

⁶⁰⁶ Павильон Сэйрёдэн находился в западной части дворца. Здесь жил государь, а также совершались основные обряды и официальные церемонии.

⁶⁰⁷ В исторической хронике «Нихон киракю» говорится: «В третьей четверти часа лошади (12:00—12:30) со стороны Атаго (гора к юго-востоку от Киото) появилась черная туча. Вскоре был ливень. Вдруг прогремел гром и упал юго-западный столб павильона Сэйрёдэн. [Это произошло от] удара молнии. Начался пожар. У находившегося рядом дайнагона третьего старшего ранга, главы Министерства народных дел Фудзивара-но Асоми Киёцуры загорелась одежда, и он погиб в расцвете лет (ему было 64 года). У правого среднего управляющего (*у-но тубэн*) младшего четвертого ранга низшей ступени, начальника дворцовых кладовых Тайра-но Асоми Марэё загорелось лицо, и он упал. Также [погибли] те, кто находился в павильоне Сисиндэн (в южной части дворца): у помощника начальника правой управы дворцовой охраны Мину-но Тадаканэ загорелись волосы, и он погиб. У Ки-но Кагэцурэ вспыхнул живот и он обезумел. У Адзуми-но Мунэхито загорелись ноги и он упал. Главу Министерства народных дел [Фудзивара-но] Асоми [Киёцуру] на створке от окна (*хадзитоми*) отнесли за ворота Омэймон (западные ворота дворца), где положили на повозку. Асоми Марэё на

творке от окна отнесли за ворота Слюэймон (юго-западные внешние ворота дворца), где положили на повозку. Тогда ко дворцу пришли все люди из домов [Киёцуры и Марэё], они плакали и стонали, и их нельзя было остановить». Нихон кираку. Энтё., 8—6—26, 930 г.

⁶⁰⁸ Сходное выражение встречается в «Нихон рёйки» («Японские легенды о чудесах», сост. на рубеже VIII—IX вв. монахом Кёкаем): «Сердца тех, кто добродетелен и испытывает глубокую веру, наполняются радостью. [Каннон] помогает им, и несчастья минуют их». Нихон рёйки. Указ. соч., С. 181.

⁶⁰⁹ Очевидно, сам Фудзивара-но Моросукэ поступал именно таким образом: он вел дневник «Кюрэки» (сохранились отрывки); кроме того, на основе информации, полученной от отца, Фудзивара-но Тадахира, он составил обрядовый свод «Тэйсинко кэмэй», а на основе собственного дневника — обрядовые своды «Кудзё доно ки» («Кудзё бэкки») и «Кудзё нэндзю гёдзи». Яманака Ютака. Кокироку то никки (Официальные своды и дневники). Т. 1. Токио, 1993. С. 12.

⁶¹⁰ Верность государю и почтение к родителям — одни из основных принципов китайской этики. В «Люйши чуньцю» («Весны и осени господина Люя», сост. в III в. до н.э.) говорится: «Из преподанного прошлыми царями ничто не прославлено так, как сыновья почтительность, ничто не известно так, как верность. Верность и почтительность — именно этого прежде всего жаждут правители и родители». Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя). Пер. Г.А. Ткаченко. М., 2001. С. 99.

⁶¹¹ В «Окагами» («Великое зеркало», сост. в к. XI в.) про дочь Фудзивара-но Моросукэ Анси говорится: «И, конечно, нечего и говорить, как она относилась к своим братьям; старших она почитала, как родителей, а младших пестовала, словно мать, с добротой необыкновенной» (О:кагами — Великое зеркало. Указ. соч., С. 89). В «Янь ши цзя сюнь» («Домашние наставления господиня Яня», сост. Янь Чжитуем, годы жизни 531—591) говорится: «Если ты служишь старшему брату не так, как служишь отцу, зачем гневаться на то, что его любовь к младшему брату не равна его любви к своим детям?». Цит. по Кудзё у-содзё юйкай. Указ. соч. С. 118.

⁶¹² В «Лунь юй» говорится: «В обращении с отцом или матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неуютны, все равно проявляй почтительность — не противься их воле. И пускай ты устанешь — не смей роптать. Переломов А.С. Указ. соч. С. 332.

⁶¹³ Вэнь-ван (Цзи Чан) — герой чжоусского эпоса, сановник при дворе последнего иньского вана (XII в. до н.э.), отец У-вана, основателя династии Чжоу. В «Ли цзи» говорится: «Когда Вэнь-ван был наследником, он каждый день три раза навещал своего отца Ван-цзи. С первыми петухами Вэнь-ван одевался и отправлялся во дворец к покоям отца. Он справлялся у чиновника, служившего во дворце, в добром ли здравии сегодня отец. Тот говорил, что отец в добром здравии, и Вэнь-ван очень радовался. В полдень он опять приходил к покоям отца, и спрашивал о том же, что и утром. И вечером происходило то же самое. Когда Ван-цзи был нездоров, чиновник сообщал об этом Вэнь-вану, и [тогда Вэнь-ван]

впадал в печаль, и поступь его становилась неровной. И только когда Ван-цзи снова начинал пить и есть как обычно, Вэнь-ван успокаивался». Ли цзи и цзе. Указ. соч. С. 269.

⁶¹⁴ В «Вэнь сюань» говорится: «Не рассказывай о чужих недостатках, не говори о своих достоинствах». Вэнь сюань. Указ. соч. С. 230.

⁶¹⁵ В «И вэнь лэй цзюй» приводится следующая поговорка: «Пусть [твой] рот будет как [твой] нос, и ты никогда не совершишь ошибки».

⁶¹⁶ В «Лунь юй» говорится: «Встретив мудрого, пытайся сравниться с ним». Переломов Л.С. Указ. соч. С. 332.

⁶¹⁷ В даосском трактате «Гуань-цзы» (сост. в IV—III вв. до н.э.) говорится: «Совершенномудрый слышит далеко и видит многое, чтобы судить о вещах, он накапливает *дао*. Если что-то происходит, он сличает формы [вещей] и узнает, где правда, а где — ложь». Гуань-цзы и цжу («Гуань-цзы». Перевод и комментарии). Харбин, 2002. С. 66.

⁶¹⁸ Согласно кодексу «Ёро Рицурё» (сост. в 718 г., введен в действие в 757 г.), столичным чиновникам выходной предоставлялся раз в неделю. Чиновникам из Министерства центра и Министерства двора, а также из управ охраны и гвардии предоставлялось в месяц пять выходных дней подряд. В пятом и восьмом месяцах предоставлялся отпуск по 15 дней. По особой просьбе чиновникам из управ охраны и гвардии выше пятого ранга дополнительно предоставлялось три выходных дня, остальным столичным чиновникам выше третьего ранга — 5 дней, третьего-пятого рангов — 10 дней. Более продолжительные отпуска предоставлялись в случае необходимости отъезда из столичного района Кинай по решению Палаты большого государственного совета. В остальных случаях, а также в случаях с чиновниками ниже шестого ранга вопрос решался по ведомству службы. Рицурё. Указ. соч., С. 430—433. Согласно «Энгисики», прошение об отпуске могло быть удовлетворено, если в ведомстве подавшего прошение оставалось не менее пяти человек. В противном случае вопрос о предоставлении отпуска рассматривался в соответствующем министерстве. Энгисики. Указ. соч. С. 524.

⁶¹⁹ Согласно кодексу «Ёро Рицурё», все чиновники, кроме находящихся в чине дайнагона и выше, а также кроме глав министерств и палат, должны были по очереди нести дежурство в своем ведомстве. Рицурё. Указ. соч. С. 63.

⁶²⁰ В «Лунь юй» говорится: «Первый советник Цзы Вэнь трижды назначался на этот высокий пост, но не выказывал радости; трижды его лишали этого высокого поста, но он не выказывал недовольства». Переломов Л.С. Указ. соч. С. 337.

⁶²¹ В «Санго сиики» говорится: «Много смеяться, много радоваться, гневаться чрезмерно, горевать чрезмерно — все это и подобное этому вредно, но случается часто» (Кукай. Указ. соч. С. 17). В даосском трактате «Чжуан-цзы» (сост. в IV—III вв. до н.э. Чжуан Чжоу) говорится: «При чрезмерной радости у человека расходуется с излишком [сила] жара, при чрезмерном гневе расходуется с избытком [сила] холода. При перерасходе и жара и холода перестают [правильно] чередоваться четыре времени года, нарушается гармония прохлады и тепла, а [эти на-

рушения] причиняют вред телу человека. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. Пер. Л.Д. Позднеевой. СПб., 1994, С. 183.

⁶²² В «Ши цзи» приводятся следующие слова Чжоу-гуна: «Я — сын Вэнь-вана, младший брат У-вана и дядя Чэн-вана, я занимаю в Поднебесной не низкое положение. Однако во время каждого мытья лишь трижды берусь за волосы, а во время каждой еды я лишь трижды отрыгиваю, затем встаю, чтобы принять служилых, так как боюсь упустить кого-либо из мудрецов Поднебесной». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. V, С. 63.

⁶²³ Согласно трактату Васубандху (IV—V вв. н.э.) «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»), между состоянием смерти и состоянием рождения существует «промежуточное состояние» (санскр. *antrā-bhava*, яп. *тю*); существо, находящееся в этом состоянии, называется «*гандхарва*» (яп. *дзико*, «тот, кто питается запахом»). Существует разница во мнениях относительно продолжительности «промежуточного состояния»; согласно некоторым представлениям, в этом состоянии существо пребывает семь недель. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Раздел третий. Учение о мире. Перевод с санскрита, введение, комментарий и историко-философское исследование Е.П. Островской и В.И. Рудого. СПб., 1994. С. 86—96. В течение этих семи недель проводится семь обрядов (раз в неделю) целью которых является улучшение кармы *гандхарвы*. Букке дайджитэн. Указ. соч. С. 666, 683.

⁶²⁴ Оборот из «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., С. 9.

⁶²⁵ Перевод и комментарий Бачурина А.С.

⁶²⁶ К наиболее древним спискам текста относятся «Симпукудзи-бон» («Книга из монастыря Симпукудзи», 1099 г.) и «Ё Сюкэй кюдзо-бон» («Древняя книга Ян Шоуцзина», X—XI вв.). Начало текста и, следовательно, его заглавие в этих списках не сохранилось. Название «Сёмонки» («Записки о Масакадо») впервые встречается в «Гэмпэй сэйсуйки» («Записки о возвышении и упадке [домов] Минамото и Тайра», XIII—XIV вв.). При цитировании в источниках XII—XIII вв. настоящий текст называется «Тайра-но Масакадо-но кассэндзё» или «Масакадо-но кассэндзё» («О битвах Масакадо»).

⁶²⁷ Объем утерянной начальной части текста неизвестен. В современных изданиях в качестве начальной части используют отрывок из «Сёмон рякки» («Сокращенные записки о Масакадо», самый ранний из многочисленных сокращенных вариантов текста, XVII в.), что соответствует первому абзацу в настоящем переводе.

⁶²⁸ Государь Камму (781—806). Получил посмертное имя «Касивабара», так как был похоронен в усыпальнице Касивабара (провинция Ямасиро, уезд Ки). «Амэкуни Осихаруки Амэ-но Сита Сиросимэсу» — вероятно, одно из имен Камму, которое можно перевести как «расширивший [владения] Страны Неба и правящий Поднебесной».

⁶²⁹ Принц Такамоти был сыном принца Таками и внуком сына государя Камму, принца крови Кацураха. В 889 г. ему был дарован пятый ранг низшей

ступени и родовое имя «Тайра», и он был назначен дзё (младшим помощником управителя) провинции Кадзуса.

⁶³⁰ Тиндзюфу — военное ведомство, созданное в начале VIII в. для защиты северо-восточных провинций Муцу и Дэва от набегов племен эмиси.

⁶³¹ Согласно «Фусо рякки» («Сокращенные записи страны Фусо», историческое сочинение, сост. монахом буддийской школы Тэндай Коэном в XII в.), «Тэйю хэннэнки» («Погодные записи о государях», сост. в 1364—80 гг. предположительно монахом Эйю), «Кондзяку моногатари сю» («Собрание стародавних повестей», собрание буддийских рассказов сэцува из истории Индии, Китая и Японии, 1-я пол. XII в.), имя отца Масакадо — Тайра-но Ёсимоти. Согласно же генеалогическим сводам «Сомпи буммяку» (сост. в 1376 г.) и «Сома кэйдзу», а также историческому сочинению «Адзума кагами» («Восточное зеркало», сост. в к. XII — н. XIII вв.), отца Масакадо звали Тайра-но Ёсимаса. Во многих сокращенных вариантах текста «Сёмонки» говорится, что «Ёсимоти» — искаженное написание «Ёсимаса». Скорее всего, отца Масакадо звали Ёсимаса. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 6.

⁶³² Сукэ — помощник управителя провинции.

⁶³³ В этом предложении содержится противоречие: сначала утверждается, что Тайра-но Ёсиканэ был «младшим братом» отца Масакадо Тайра-но Ёсимаса, а затем говорится, что он был «хакуфу» (старшим братом отца) Масакадо. Согласно генеалогическому своду «Сома кэйдзу» Ёсиканэ был младшим братом Ёсимаса, согласно генеалогическому своду «Сомпи буммяку» — наоборот. Ацуми Каору полагает, что для определения старшинства братьев в «Сомпи буммяку» использовался принцип порядка рождения, а составители «Сома кэйдзу» учитывали, какими рангами обладали братья, а также то, был ли ребенок рожден от жены или наложницы. Ацуми Каору. Сёмонки, Сёмон рякки ни цуитэ но итикосацу (Одно замечание по поводу «Сёмонки» и «Сёмон рякки») / Ронсю. Тайра-но Масакадо кэнкю (Тайра-но Масакадо. Исследование. Сборник статей). Ред. Хаяси Рикуро. Токио, 1975. С. 105. Следовательно, в «Сома кэйдзу» и в «Сёмон рякки» старший брат, Ёсиканэ (младший 5 ранг), мог оказаться «младше» своего младшего брата — Ёсимаса (младший 4 ранг).

⁶³⁴ Существуют различные версии относительно сути «спора». Скорее всего, Масакадо женился на дочери Ёсиканэ против его воли. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 8—11. Сёмонки («Записки о Масакадо»). Сост. Хаяси Рикуро. Токио, 1982. С. 102—103.

⁶³⁵ То есть испортились отношения между Масакадо и Ёсиканэ. Как полагает Хаяси Рикуро, причиной обострения отношений между родственниками мог быть земельный спор. Подтверждение этому можно найти в «Кондзяку моногатари сю»: «Давным-давно, в правления государя Судзаку (930—954), в восточных провинциях жил воин по имени Тайра-но Масакадо. Он был сыном Ёсимоти, командующего Тиндзюфу, сына принца Такамоти, внука государя Касивабара. Масакадо жил в провинциях Хитати и Симоса и был искусным стрелком. Он собрал множество свирепых воинов и сделал их своими соратниками, а занятием

своим избрал войну. У отца Масакадо, Ёсимоти, был младший брат — сукэ провинции Симоса Ёсиканэ. После того как отец Масакадо умер, [между Масакадо и] его дядей Ёсиканэ произошло что-то недоброе и их отношения испортились. И хотя в конце концов дело дошло до войны из-за полей умершего Ёсимоти, Ёсиканэ войны не хотел, так как был человеком праведным и почитал Закон Будды». Кондзяку моногатари сю («Собрание стародавних повестей»). Пер., комм. Мабути Кадзуо, Кунисаки Фумимаро, Конно Тору. / сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 23. Токио, 1974. С. 431—432.

В «Рэкидай коки» («Записки о государях прошлого», сост. Тоин Кинката, годы жизни 1291—1360) говорится: «В «Масакадо-но кассэн дзё» [«О битвах Масакадо»] говорится, что сначала состоялась битва между Масакадо и его дядей Тайра-но Ёсиканэ. Затем по наущению Тайра-но Маки во 2 месяце 5 года Дзёхэй (935) [Масакадо] сразился с Минамото-но Мамору и Тайра-но Куника». Цит. по Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 99. Тайра-но Куника — старший сын принца Такамоти, стал дайдзё (первым младшим помощником управителя) провинции Хитати после Минамото-но Мамору. На дочерях Минамото-но Мамору были женаты Тайра-но Садамори, Тайра-но Ёсиканэ и Тайра-но Ёсимаса. У Минамото-но Мамору было три сына — Тасуку, Такаси и Сигэру.

⁶³⁶ Сохранившаяся часть «Симпукудзи-бон» начинается иероглифами «ура надо Номото», после которых следует лакуна в три иероглифа, так как манускрипт поврежден водой (Shomonki: the story of Masakado's rebellion («Сёмонки: история смуты Масакадо»). Transl. and ed. by Judith N. Rabinovitch. Tokyo, 1983. P. 74). Эти иероглифы можно перевести как «Ура и другие», существует версия, что «Ура» — имя сына или младшего брата Минамото-но Мамору. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 17.

⁶³⁷ Вероятнее всего, село Номото располагалось рядом с селом Сида, сейчас это район Акихама города Тикусэй-си, преф. Ибараки.

⁶³⁸ Минамото-но Тасуку — Старший сын Минамото-но Мамору.

⁶³⁹ Считалось, что в войсковом знамени пребывает божество. Знамя токуцу состояло из флага и древка, на вершине которого находилась кисточка из шерсти или хвостов животных. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 19—21.

⁶⁴⁰ Сида — совр. район Хигаси-Исида г. Тикусэй-си, преф. Ибараки. Очевидно, в Сида находилась резиденция Тайра-но Куника. Оогуси, вероятно, было расположено к северо-востоку от совр. г. Симоцума-си (преф. Ибараки). Торики, или Мотоки — вероятно, совр. село Хонги, которое находится в 10 км к северу от Хигаси-Исида. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 28—29.

⁶⁴¹ Здесь в списках «Сёмонки» лакуна, этот фрагмент взят из «Фусо рьяки».

⁶⁴² «Крики и стенания» (яп. кёкан) — японское название Рауравы, четвертого из восьми горячих адов в буддийской космологии.

⁶⁴³ В тексте лакуна.

⁶⁴⁴ В «Сёмонки» для описания отношений союзничества используются три категории — родственники (яп. «иннэн»), свита (яп. «дзюруй») и соратники (яп. «банруй»). Родственников объединяло кровное родство либо брачные связи, причем во втором случае союзнические отношения, как правило, были крепче, чем в первом. Немногочисленную свиту составляли наиболее искусные воины-всадники, они постоянно находились рядом с господином и получали от него довольствие. «Соратники» являлись основой войска, они менее зависели от господина, чем свита. В основном в эту категорию входили экономически независимые влиятельные крестьяне и те, кто зависел от них. «Соратники» сражались пешими. Исследователи отмечают, что рамки этой категории были, по-видимому, весьма широкими, и союзнические отношения «соратников» и господина не носили постоянного характера. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 33—34. Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 103. Farris W.W. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500—1300. Cambridge, 1992. p. 100—102.

⁶⁴⁵ Эти уезды находились на юго-востоке провинции Хитати.

⁶⁴⁶ В «Сутре лотоса» о Будде говорится: «И вот, родившись в горящем доме — трех мирах, идущих к упадку, [он] переправляет [на тот берег] живых существ от пламени рождений...». Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Пер. с кит., коммент., заключит. ст., словарь, список сутр и трактатов А.Н.Игнатовича. М., 1998. С. 123.

⁶⁴⁷ Возможно, в тексте описки, и следует читать «принадлежат многим хозяевам». Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 35. «Пять хозяев» может означать пять элементов (дерево, огонь, земля, металл, вода), из которых, согласно китайской натурфилософии, состоит все сущее.

⁶⁴⁸ Яп. «Санно дзиндзя». Очевидно, имеется в виду святилище Хиэ-дзиндзя, располагавшееся на территории совр. района Акахама г. Тикусэй-си, входило в систему т.н. «21 святилища Горного Царя», основанную в 834—848 гг. главой буддийской школы Тэндай Эннином (794—864). Центром культа Горного Царя («Санно») было святилище Хиэ-тайся (совр. название — «Хиэси-тайся»), располагавшееся на горе Хиэй и составлявшее один комплекс дзингудзи с основным монастырем школы Тэндай — Энрякудзи.

⁶⁴⁹ Тайра-но Садамори — Старший сын Тайра-но Куника, двоюродный брат Масакадо.

⁶⁵⁰ Т. е. в столицу — Хэйан (совр. г. Киото).

⁶⁵¹ Страна Желтого Источника — мир мертвых в японской мифологии.

⁶⁵² В случае смерти отца или матери чиновнику полагался годичный отпуск. Рицурё. Указ. соч. С. 430.

⁶⁵³ Т. е. в Сидо.

⁶⁵⁴ Китайское название должности младшего помощника управителя провинции (ап. дзё). Т.о. Садамори после гибели отца занял его должность — дзё провинции Хитати.

⁶⁵⁵ Песня «Расставание Журавлей» содержится в сборнике «Юэфу ши цзю» («Собрание стихов юэфу», сост. Го Маоцянь, XII—XIII вв.). Она была сложена человеком по имени Му-цзы, когда его жену, за пять лет брака так и не зачавшую ребенка, забрала к себе ее семья. Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 103—104.

⁶⁵⁶ «Верный друг» и «преданный спутник» — жена Садамори.

⁶⁵⁷ Платье из ткани, изготовленной из конопли и глицинии, было повседневной одеждой простолюдинов. Аристократы надевали такое платье во время траура.

⁶⁵⁸ «Служение родителям» — выражение из «Ли цзи» («Книга ритуалов», IV—I вв. до н.э.). Буквально — «вечером готовить [для родителей] постель, а утром справляться о здоровье». Ли цзи цзи цзе. Ред. Сунь Сидань. Т. 1. Пекин, 1989. С. 16. В Японии гражданским и военным чиновникам, чьи родители находились не в столичных провинциях, раз в три года полагался отпуск в 30 дней для поездки домой. Рицуре. Указ. соч. С. 430. Мать Садамори была жива, и он прибыл в Сида весной 2 года Дзэхэй (935), т. о. прошло 30 дней с момента его возвращения.

⁶⁵⁹ Т. е. закончился траур по отцу Садамори.

⁶⁶⁰ Комментарии в сохранившихся списках текста, скорее всего, принадлежат не самому автору, а позднейшим переписчикам. Существуют различные варианты перевода этого предложения. Мы следуем варианту, предложенному Такэути Ридзо. Сёмонки («Записки о Масакадо»). Комм. Такэути Ридзо. / Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 466—467. Судя по всему, комментатор критикует Садамори, который решил искать мира с Масакадо.

⁶⁶¹ Должность Садамори называется «сюки-но сёку», это словосочетание в других текстах не встречается, и значение его не понятно. Хаяси Рикуро и Такэути Ридзо считают, что так называлась должность дзё (младшего помощника) в конюшенном бюро. Кадзихара Масааки переводит это сочетание как «служба в охране».

⁶⁶² Кит. цзянь — сказочная птица с одним крылом, одним глазом и одной ногой на одном боку, способная летать только в паре с другой такой же птицей. Аллегория крепкого союза.

⁶⁶³ Как и Тайра-но Ёсиканэ, Тайра-но Ёсимаса называется здесь «хакуфу» — старшим братом отца Масакадо. Согласно «Сомпи буммяку», Ёсимаса был сыном Тайра-но Ёсисигэ, младшего из сыновей Такамоти, то есть двоюродным братом Масакадо.

⁶⁶⁴ В битве при Номото.

⁶⁶⁵ В начале «Сёмон рякки» Тайра-но Ёсиканэ называется сукэ (помощником управителя) провинции Симоса. Согласно «Сомпи буммяку» Ёсиканэ был сукэ провинции Симоса и имел младший пятый ранг высшей ступени. Согласно «Сомма кэйдзю» Ёсиканэ был сукэ провинции Кадзуса и имел младший пятый ранг низшей ступени. Вероятно, сначала он был сукэ провинции Кадзуса, а потом стал сукэ провинции Симоса. Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 467.

⁶⁶⁶ Очевидно, речь идет о Минамото-но Мамору.

⁶⁶⁷ Район Каваниси совр. села Ятиё-тё, преф. Ибараки.

⁶⁶⁸ Как следует из дальнейшего повествования, у Масакадо было две резиденции: в селе Иваи уезда Тоёта провинции Симоса (совр. г. Иваи-си, преф. Ибараки) и в селе Камава того же уезда (район Каманива совр. села Тиёкавамура, преф. Ибараки).

⁶⁶⁹ Куайцзи — местность в совр. пров. Чжецзян (Китай). Это выражение восходит к одному эпизоду из борьбы царств У и Юэ в н. в. V в. до н.э. В «Хуайнаньцзы» говорится: «Юэский Ван Гоу Цзянь воевал с У и потерпел поражение. Царство его было разгромлено, Ван бежал, бедствовал в Куайцзи. Разжигал сердце, разстил ненависть, гневом пылал как кипящий источник, набирал и готовил солдат, бросался в огонь, словно на смерть». Философы из Хуайнани. Указ. соч., С. 221.

⁶⁷⁰ Выражение из «Ди фань» («Правила императоров», сост. танским императором Тай-цзунем, 627—649). Ди фань. Чэнь гуй («Правила императоров». «Правила подданных»). Пер. и комм. Фумото Ясутака. Токио, 1984. С. 28.

⁶⁷¹ Вероятно, речь идет о царе Магадхи Аджатасатту (V в. до н.э.), убившем отца, чтобы занять престол.

⁶⁷² Ли Лин — легендарный лучник, служивший императору У-ди (140—87 гг. до н.э.).

⁶⁷³ Очевидно, провинциальные управы Кадзуса и Симоса пытались воспрепятствовать передвижению войска Ёсиканэ.

⁶⁷⁴ Совр. село Кодзаки-тё, преф. Тиба.

⁶⁷⁵ Войско переправилось через р. Тонэ.

⁶⁷⁶ Совр. г. Мимори, преф. Ибараки.

⁶⁷⁷ Дата приводится согласно тексту «Симпкудзи-бон». В «Ё Сюкэй кюдзо-бон» указан 26 день 6 месяца, что представляется ошибочным, т. к. в этот день войско Ёсиканэ только выдвинулось из провинций Кадзуса и Симоса, о чем и Масакадо не мог узнать так быстро.

⁶⁷⁸ Описанная битва произошла в уезде Цука провинции Симоцукэ, на территории совр. г. Тотиги-си, преф. Тотиги.

⁶⁷⁹ Практика нанори (выкрикивания собственного имени перед началом битвы) была распространена среди воинов восточных провинций. Shomonki: the story of Masakado's rebellion. Op. cit. P. 82—83.

⁶⁸⁰ Вероятно, имеется в виду Тайра-но Маки, который упоминается в «Рэкидай коки».

⁶⁸¹ Очевидно, дата указана ошибочно, т. к. доставка указа из столицы в восточные провинции не могла занять 9 месяцев.

⁶⁸² Судя по всему, Анахо-но Томоюки был направлен в провинцию Хитати к Минамото-но Мамору, Анахо-но Удзитати — в Симоцукэ для сопровождения Тайра-но Маки, а Удзика-но Томооки — в Симоса для сопровождения Масакадо. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 114—115.

⁶⁸³ В случае преступлений, каравшихся смертной казнью, Кэбииситё проводило следственные мероприятия и выносило свое решение на рассмотрение

Дайдзёкана. Решение Дайдзёкана утверждалось государем. Т.о. автор «Сёмонки», очевидно, допускает ошибку, так как допрос Масакадо в Кэбииситё должен был предшествовать государеву решению по его делу.

⁶⁸⁴ В столичный район Кинай входили пять провинций: Ямато, Ямасиро, Кавати, Идзуми, Сэццу.

⁶⁸⁵ Молодой человек считался совершеннолетним после совершения обряда *эмпуку* (*кампуку*), обычно в период между 11 и 20 годами, для государей и принцев крови — в 11—17 лет.

⁶⁸⁶ На самом деле обряд совершеннолетия государя Судзаку был совершен в 4 день 1 месяца 7 года Дзэхэй (937), а девиз правления был изменен в 22 день 5 месяца 8 года Дзэхэй (938). Смена девиза правления не была связана с совершеннолетием государя, это было ритуальным средством для предотвращения стихийных бедствий, землетрясений и смут. Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 193.

⁶⁸⁷ Десять добродетелей в буддизме — не убивать живых существ, не воровать, не прелюбодействовать, не лгать, не быть косноязычным, не быть злобным в речах, не хвастать, не быть гневливым, не быть алчным, не быть глупым (т. е. желать узнать истинное учение). Комментаторы «Сёмонки» считают, что вечно-зеленые сосны — аллегория вечности правящей династии или долголетия государя, а упоминание десяти добродетелей связано с махаянской концепцией кармы: практиковавший десять добродетелей в следующей жизни может родиться государем. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 127. Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 472.

⁶⁸⁸ Амнистия была объявлена в 7-й день 1-го лунного месяца 7-го года Дзэхэй (937).

⁶⁸⁹ Заговор с целью свержения власти, заговор с целью убийства членов государева рода, измена родине, заговор с целью убийства родителей или старших в роду, массовые убийства, оскорбление государя, непочтительность к родителям, убийство высокопоставленного чиновника. Рицурё. Указ. соч. С. 16—19.

⁶⁹⁰ Очевидно, месяц указан ошибочно.

⁶⁹¹ Сын вана царства Янь был заложником у Ин Чжэна (ван царства Цинь в 246—221 гг. до н. э., под именем Ши Хуан-ди император Китая в 221—210 гг. до н.э., годы жизни 259—210 до н. э.), но после того, как произошел ряд чудесных событий, ему было разрешено вернуться домой. Эта история описана во многих китайских сочинениях, в частности в повести «Дань Янь-цзы», которая была известна в Японии.

⁶⁹² Урасима Таро, рыбак из провинции Танго, который, согласно легенде, спас черепаху, оказавшуюся девушкой — дочерью морского царя, женился на ней и провел три года в морском дворце. Когда он вернулся в родное село, оказалось, что прошло сто лет. Эта легенда записана в «Нихон сёки» (Нихон сёки — Анналы Японии. Указ. соч., Т. 1. С. 369), «Танго куни фудоки» («Описание провинции Танго», VIII в.), а также в «Хотоси дэн» («Предание об Урасима Таро», IX—X в.).

⁶⁹³ Очевидно, «Дань Янь-цзы» и «Хотоси дэн».

⁶⁹⁴ Неточная цитата из «Вэнь сюань». Вэнь сюань («Литературный сборник»). Комм. Ханабуса Хидэки. Сер. «Дзэнсяку камбун тайкэй». Т. 29. Токио, 1977. С. 223.

⁶⁹⁵ Путь из столицы в провинцию Симоса в то время занимал 15—25 дней, следовательно, Масакадо прибыл домой в начале 6 месяца. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 141.

⁶⁹⁶ Указанная переправа через р. Когаи находится к северо-востоку от совр. г. Симоцума, преф. Ибараки.

⁶⁹⁷ Либо отец Масакадо, либо дядя Масакадо Тайра-но Куника. Скорее всего, расчет Ёсиканэ состоял в том, что Масакадо не отдаст приказа лучникам стрелять по их изображениям. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 144.

⁶⁹⁸ Так говорится в «Ё Сюкэй кюдзо-бон». В «Симпукудзи-бон» говорится: «В этот день божество гневало». Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 144.

⁶⁹⁹ Курусу-ин — административное строение (или буддийский храм), располагалось на холме Курияма на юго-востоке совр. села Ятиё-тё, преф. Ибараки. Пастбища Икува, расположенные очевидно, к юго-востоку от Курусу-ин, использовались для выращивания лошадей и, таким образом, имели стратегическое значение. Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 193.

⁷⁰⁰ Котел для варки риса на пару.

⁷⁰¹ Совр. село Тиёда-мура, преф. Ибараки.

⁷⁰² Вероятно, речь идет о приступе алиментарного полиневрита.

⁷⁰³ Яп. сан — бамбуковые палочки, использовавшиеся для счета.

⁷⁰⁴ Существуют различные версии относительно расположения этой бухты. Кадзихара Масааки считает, что она находилась на западном берегу впоследствии пересохшего оз. Иинума (Хирокава). Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч., Т. 1. С. 165—167.

⁷⁰⁵ Местоположение неизвестно.

⁷⁰⁶ Эта дорога с севера на юг пересекала уезд Сасима и шла вдоль р. Кину.

⁷⁰⁷ Хань Пэн был министром в царстве Сун. Его красавица-жена была похищена ваном царства Чу Каном. Хань Пэн покончил жизнь самоубийством, а его жена, узнав об этом, бросилась с высокой башни. Эта легенда нашла отражение в повести «Хань Пэн фу», составленной при династии Тан (618—907). Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч., Т. 1. С. 178.

⁷⁰⁸ Речь идет о наложнице танского императора Сюань-цзуна Ян Гуйфэй.

⁷⁰⁹ Жена Масакадо была дочерью Тайра-но Ёсиканэ, у нее было три младших брата: Киммаса, Кимицура, Киммото.

⁷¹⁰ Неизвестный персонаж.

⁷¹¹ Дата приводится согласно «Ё Сюкэй кюдзо-бон». В «Симпукудзи-бон» указана дата 19 день 9 месяца. Так как далее говорится, было начало зимы по лунному календарю, а зима наступала в 10 лунном месяце, скорее всего, верна дата,

указанная в «Ё Сюкэй кюдзо-бон». Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч., Т. 1. С. 165—167.

⁷¹² Село Хатори на северном склоне горы Цукуба (высота 877 м), преф. Ибараки.

⁷¹³ Дата приводится согласно «Ё Сюкэй кюдзо-бон». В «Симпукудзи-бон» указана дата 23 день 9 месяца.

⁷¹⁴ Холм к востоку от горы Цукуба.

⁷¹⁵ Садамори был дзё провинции Хитати.

⁷¹⁶ Старший сын Тайра-но Ёсиканэ.

⁷¹⁷ Второй сын Тайра-но Ёсиканэ.

⁷¹⁸ Род Хата был одним из самым могущественных родов эмигрантов из Китая, имел сильные позиции и в восточных провинциях. О личности Хата-но Киебуми ничего не известно. Данное предложение приводится согласно «Ё Сюкэй кюдзо-бон». В «Симпукудзи-бон» его смысл противоположный: указом из столицы предписывается схватить Масакадо, что противоречит дальнейшей логике повествования.

⁷¹⁹ Род Хасэцукабэ был одним из влиятельных родов, проживавших в уезде Цукуба провинции Хитати. Наличие суффикса «мару» в имени Кохарумару означает, что он был молодым человеком, еще не прошедшим обряд гэмпуку. С наступлением совершеннолетия «мару» в имени изменялось на «маро». Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 474—475.

⁷²⁰ Это поместье (яп. сёэн) изначально принадлежало Тайра-но Куника, а во время описываемых событий, вероятно, находилось под контролем Тайра-но Ёсиканэ. «Постройки в полях» (яп. тая) — жилые постройки в непосредственной близости от возделываемых земель, в которых во время проведения сельскохозяйственных работ жили крестьяне.

⁷²¹ Яп. «адзума-но кину» — грубый шелк низкого качества, производившийся в восточных провинциях. Хики — 21,2 м.

⁷²² В Китае считалось, что конина, в особенности печень лошади, ядовита, а противоядием является вино. Люйши чуньцю. Указ. соч., С. 143.

⁷²³ Считалось, что сказочная птица чжэнь (ядовитая выпь) питается змеями и в перьях ее содержится яд.

⁷²⁴ Совр. село Одзакки, расположено к югу от села Ятиё-тё, преф. Ибараки.

⁷²⁵ «Лагерь» (яп. эйсё) представлял собой территорию площадью до 0,1 га, огороженную рвом и насыпью, на которой располагались жилые постройки. Лагерь был окружен обрабатываемыми полями. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 223—224.

⁷²⁶ Искусный стрелок Ян Ю-цзи служил военачальником при ване царства Чу Гуне (590—560 гг. до н.э.). В «Ши цзи» говорится: «В Чу жил [когда-то] Ян Ю-цзи, очень искусный в стрельбе из лука. Стреляя на расстоянии ста шагов от ивы, он на сто выпущенных стрел имел сто попаданий». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 1. С. 213, 340.

⁷²⁷ В «Хань шу» о Ян Ю-цзи говорится: «Ян Ю-цзи был искусным лучником из царства Чу. Стреляя на расстоянии ста шагов от листа ивы, он на сто выпущенных стрел имел сто попаданий. Принимая во внимание размер ивового листа, а также то, что он попадал в него сто раз [из ста] можно сказать, что он стрелял он весьма искусно». Хань шу. Указ. соч., С. 1802. О том, что «когда Ян Ю брал лук, птицы сами падали с неба», в «Хань шу» не говорится.

⁷²⁸ В «Хуайнаньцзы» говорится: «В центре солнца живет Трехлапый ворон, в центре луны живет Жаба». Философы из Хуайнани. Указ. соч. С. 118.

⁷²⁹ В «Хуайнаньцзы» говорится: «Когда же наступили времена Яо (легендарный император Китая, годы жизни 2357—2255 гг. до н.э. — А. Б.), десять солнц вместе вышли на небосвод. Они сожгли хлеба и посевы, иссушили деревья и травы, и люди остались без пропитания. Чудовища Яюй, Зубы-Буравы, Девять Младенцев, Тайфэн, Дикий Вепрь, Длинный Змей стали бедствием для людей. Тогда Яо послал Охотника, и он казнил Зубы-Буравы в краю Цветущего поля, убил Девять Младенцев на реке Зловещей, поразил стрелой Тайфэн на озере Зеленого холма, выпустил стрелы в десять солнц, внизу поразил чудовище Яюй». Философы из Хуайнани. Указ. соч. С. 134.

⁷³⁰ Го Пу (276—324) — поэт и комментатор классических произведений. В его сочинениях такой фразы нет.

⁷³¹ 21.00—23.00.

⁷³² Вероятно, имеется в виду храм Кэссэджи, располагавшийся у села Яхата к югу от совр. г. Юки, преф. Ибарак.

⁷³³ 5.00—7.00.

⁷³⁴ Неизвестные исторические персонажи.

⁷³⁵ Схожее выражение в «Кун-цзы цзя юй» («Речи мудрецов из дома Конфуция», сост. Ван Су, годы жизни 195—256). Кун-цзы цзя юй («Речи мудрецов из дома Конфуция»). Комм. Уно Сэйити. Сер. «Син сяку камбун тайкэй». Т. 53. С. 214.

⁷³⁶ Источник цитаты не установлен.

⁷³⁷ Т. е. свое бедное жилище.

⁷³⁸ Жилище государя.

⁷³⁹ Светло-красные одежды носили чиновники пятого ранга, темно-красные — четвертого ранга, третьего и второго рангов — пурпурные. Рицурё. Указ. соч., С. 352.

⁷⁴⁰ Цитата из «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 37.

⁷⁴¹ Неточная цитата из «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 39.

⁷⁴² Указанный монастырь находился к востоку от совр. г. Уэда-си, преф. Нагано.

⁷⁴³ Неизвестный персонаж.

⁷⁴⁴ Потомок принца Нага, четвертого сына государя Тэмму (?—686). Родовое имя «Фунъя» получил в 752 г. сын принца Нага Киёми. Внук Киёми Бунъя-но Ясумаро в н. IX в. был направлен в качестве андзэти (инспектора) в провинции Муцу и Дэва.

⁷⁴⁵ Лю Фу (ум. 198 г.) — китайский военачальник.

⁷⁴⁶ Непонятно, какая провинция имеется в виду: либо провинция Синано, которую Садамори смог покинуть, избежав дальнейших столкновений с Масакадо, либо провинция Ямасиро, в которой находилась столица Хэйан — цель пути Садамори.

⁷⁴⁷ Здесь нарушена хронология, т. к. Тайра-но Ёсиканэ умер в 6 месяце 2 года Тэнгё (939).

⁷⁴⁸ Возможно, Тайра-но Корэсукэ был потоком принца Такаmunэ, младшего брата принца Таками — прадеда Масакадо. До назначения «ками» провинции Муцу Корэсукэ был главой левого конюшенного бюро. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 274.

⁷⁴⁹ Почтительное название должности «ками», которую с 826 г. в провинциях Кадзуса, Хитати и Кодзукэ занимали принцы крови (при этом реальное управление провинцией осуществлялось сукэ). Использовалось также как синоним «ками».

⁷⁵⁰ Родословная принца Окиё неизвестна. Гон-но ками — временно исполняющий обязанности управителя провинции.

⁷⁵¹ Минамото-но Цунэмото (916—961), старший сын принца крови Сададзуми, внук государя Сэйва (850—876, правил 858—867).

⁷⁵² Родовое имя «Мусаси» в 767 г. получил Хасэцукабэ-но Фувамаро, принадлежавший к древнему роду куни-но мияцукэ провинции Мусаси. Потомки Фувамаро занимали должности управителей уезда Адати. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 287—288.

⁷⁵³ Хогандай — мелкий служащий.

⁷⁵⁴ Китайское название должности «ками» в провинциальной администрации.

⁷⁵⁵ Вероятно, принц Окиё решил с целью личного обогащения под предлогом сбора недоимок проинспектировать уезд Адати. Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 480.

⁷⁵⁶ Ли Шэн Чжун-ва был управителем уезда в провинции Хэнань при императоре Хуань-ди (правил 147—168).

⁷⁵⁷ Существует несколько версий относительно расположения г. Саяки. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 1. С. 310—311.

⁷⁵⁸ Яп. мигёдзэ — письмо, которое по указанию главы аристократического дома составлялось его секретарем (кэйси). Изначально такие письма носили личный характер, но с ростом влияния дома Фудзивара они приобрели силу официальных документов. Очевидно, Тадзи-но Сукэмаса (Сукэтада) был секретарем дома Фудзивара.

⁷⁵⁹ Очевидно, дата указана ошибочно, т. к. письмо не могло быть доставлено столь быстро.

⁷⁶⁰ Согласно дневнику Фудзивара-но Тадахира «Тэйсинко ки», в результате этого в 9-й день 6-го лунного месяца 2-го года Тэнгё Минамото-но Цунэмото был взят под стражу. Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 155.

⁷⁶¹ Т. е. принял буддийский монашеский постриг.

⁷⁶² Кударано Садацура, имевший младший пятый ранг низшей ступени, был назначен управителем провинции Мусаси в 17-й день 5-го лунного месяца 2-го года Тэнгё (939), до этого он был управителем провинции Кадзуса. Садацура принадлежал к роду потомков правящей династии древнего государства Пэкче. Род этот имел сильные позиции в восточных провинциях.

⁷⁶³ Биография неизвестна.

⁷⁶⁴ Яп. итё — письмо ведомству, чья юрисдикция отличается от юрисдикции ведомства-адресанта. Неясно, почему сукэ Фудзивара-но Корэтика посылает Фудзивара-но Харуаки именно письмо (яп. итё), а не указ (яп. фу).

⁷⁶⁵ Яп. фудосо — амбары, в которых, согласно указу 708 г., хранился рис, собранный в качестве налога. Разрешение на использование риса из этих амбаров провинциальная управа могла получить только от Дайдзёкана. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 2. С. 15—16.

⁷⁶⁶ Управа провинции Хитати находилась в вост. части совр. г. Исиока-си, преф. Ибараки.

⁷⁶⁷ Сёси — посланник, доставляющий указы Дайдзёкана в другие ведомства и в провинции. Скорее всего, здесь имеется в виду котайси Фудзивара-но Садато. Котайси — чиновник, временно командировавшийся из столицы на определенную должность в провинциальную управу (как правило, вместо умершего чиновника управы) и служивший там до официального назначения на эту должность нового постоянно исполняющего обязанности чиновника. Фудзивара-но Садато исполнял обязанности сукэ провинции Хитати до назначения Фудзивара-но Корэтика.

⁷⁶⁸ Си Ши — легендарная китайская красавица, V в. до н.э.

⁷⁶⁹ То есть монахи и монахини монастырей «кокубундзи» и «кокубуннидзи».

⁷⁷⁰ Китайское название должности «сукэ» в провинциальной администрации.

⁷⁷¹ Т. е. печать для официальных документов провинциальной управы и ключ от ее сокровищницы.

⁷⁷² Яп. Бандо — восемь восточных провинций, расположенных к востоку от застав Асигара и Усуи: Сагами, Мусаси, Кадзуса, Симоса, Хитати, Кодзукэ, Симоцукэ, Муцу. Иногда в число восточных провинций включались также Дэва и Ава.

⁷⁷³ Согласно буддийской сутре «Нинно кё» («Сутра о Человеколюбивом Царе»), индийский принц Кальмашапада («С родинкой на ноге»), чтобы стать царем, по совету мага собирался отрубить головы тысяче царей и принести их в жертву божеству-покровителю рода. Он захватил 999 царей, но последний из них сумел обратиться в буддизм и самого Кальмашападу, и его пленников.

⁷⁷⁴ Сравнение коня с драконом восходит к «Чжоу ли» («Чжоусские ритуалы», сост. Чжоу-гун, XI в. до н.э.), где говорится, что «конь выше чем 8 чи (1,8 м) называется «дракон»». Чжоули чжэнъя («Чжоусские ритуалы». Комментарий). Комм. Ван Вэньцин. Пекин, 1987, С. 2629.

⁷⁷⁵ Оонакатоми-но Матаюки был «ками» провинции Симоцукэ в 935—939 гг., имел младший пятый ранг высшей ступени.

⁷⁷⁶ Согласно буддийской философии, существует шесть форм сознания, или типов рождения, живых существ: боги-небожители, люди, демоны — ашуры, животные, голодные духи — преты, обитатели ада — нараки.

⁷⁷⁷ Согласно буддийской философии, существует пять признаков смерти богов-небожителей: одежды загрязняются, цветочные гирлянды увядают, из подмышек струится пот, от тела исходит неприятный запах, боги больше не испытывают наслаждения на своем сиденье.

⁷⁷⁸ Рождение, старость, болезнь, смерть, встреча с неприятным, разлучение с приятным, страдание от неисполнения желаний, страдание от пяти скандх.

⁷⁷⁹ Кости петуха, как и панцирь черепахи, использовались для гадания. Очевидно, этот отрывок означает, что Фудзивара-но Хиромаса лишился инструментов для гадания, которые являлись символами власти управителя провинции. Сёмонки. Комм. Такэути Ридзо. Указ. соч. С. 490.

⁷⁸⁰ Выражение из «И цзин» («Книга перемен»). И цзин («Книга перемен»). Комм. Судзуки Ёсидзиро. Сер. «Дзэнсяку камбун тайкэй». Т. 10. Токио, 1974. С. 332.

⁷⁸¹ Сидо-но кумон — четыре основные докладные записки, которые ежегодно был обязан подавать управитель провинции: реестр домовладений, облагаемых налогами; бюджет провинции; докладная о сборе налогов; докладная о деятельности управы.

⁷⁸² Фудзивара-но Хисанори, имевший младший пятый ранг низшей ступени, стал сукэ провинции Кодзукэ в 939 г.

⁷⁸³ Здание управы провинции Кодзукэ находилось на территории совр. г. Маэбаси-си, преф. Гумма.

⁷⁸⁴ Церемонии назначения чиновников проводились два раза в год: весной назначались провинциальные чиновники, а осенью — столичные.

⁷⁸⁵ Хатиман — божество «ками», почитавшееся в храме Уса Хатиман-гу (г. Уса, преф. Оита). Распространение культа Хатимана в столице началось с сер. VIII в. В 781 г. Хатиман был признан бодхисаттвой. Считалось, что это божество является воплощением будды Амиды. Хатиман также почитался как защитник и покровитель государева рода, что связано с ролью храма Уса Хатиман-гу в «инциденте с Докё»: в 769 г. буддийский монах Докё, фаворит государыни Сётоку, не смог занять государев престол из-за противодействия придворной группировки во главе с Вакэ-но Киёмаро, доставившим в столицу пророчество Хатимана, в котором содержался призыв изгнать Докё.

⁷⁸⁶ Божество Хатиман отождествлялось с духом государя Оодзина (правил 270—310), а данное предложение начинается с местоимения «тин», которое государь использовал, когда говорил о себе. Кроме того, Масакадо здесь именуется «онси», т. е. сыном, на которого родитель отбрасывает «тень» своего ранга. Исходя из этого, представляется возможным трактовать данное предложение как обращение государя Оодзина к своему потомку Масакадо.

⁷⁸⁷ Ики — документ с печатью государя, удостоверяющий ранг чиновника. Документа, подтверждавшего ранг государя, существовать не могло.

⁷⁸⁸ Буддийское молитвословие, в котором перечислялись тридцать две отметины на теле Будды.

⁷⁸⁹ Биография неизвестна. Возможно, Фудзивара-но Харумоти был родственником Фудзивара-но Харуаки.

⁷⁹⁰ Имина — имя, которое использовалось вместо настоящего имени при упоминании умершего. Странно, что посмертное имя дается Масакадо при жизни. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 2. С. 100. Вероятно, в данном случае «имина» следует понимать как «почетное имя» (Shomonki... Op. cit., p. 113).

⁷⁹¹ Синно — «Новый государь».

⁷⁹² Судя по контексту, послание Масакадо было адресовано Фудзивара-но Тадахира.

⁷⁹³ Выражение из «Лунь юй». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 327.

⁷⁹⁴ Минамото-но Сукэмото Асоми (ум. 943) — третий сын Минамото-но Масаоки.

⁷⁹⁵ Фудзивара-но Тамэнори — старший сын Фудзивара-но Корэтика от дочери принца Такамоти, т. е. двоюродный брат Тайра-но Масакадо.

⁷⁹⁶ В Китае могилы детей (и их внуков и правнуков) основателя рода располагались слева от его могилы, а могилы внуков (и их внуков и правнуков) основателя рода — справа. Здесь, очевидно, под «отцовскими и сыновними рядами могил» понимается генеалогическое древо.

⁷⁹⁷ То есть получил покровительство Фудзивара-но Тадахира.

⁷⁹⁸ Сянго — китайское название должности великого министра.

⁷⁹⁹ Очевидно, дата указана неправильно, т. к. письмо было написано Масакадо после захвата провинции Кодзукэ (19 день 12 месяца).

⁸⁰⁰ Вероятно, имеется в виду четвертый сын Фудзивара-но Тадахира Фудзивара-но Мороудзи (916—970), в 934—941 гг. служивший младшим командующим (сёсё) в левой управе дворцовой охраны (сакинъэ).

⁸⁰¹ Согласно «Сомпи бумьяку», Тайра-но Масахира был пятым сыном Тайра-но Ёсимаса, а согласно «Сома кэйдзу» — четвертым.

⁸⁰² Цитата из «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 16.

⁸⁰³ Цитата из «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 19.

⁸⁰⁴ Т. е. Японии и Китаю.

⁸⁰⁵ Годы Энтё — 923—931 гг.

⁸⁰⁶ В 926 г. государство Бохай (охватывало юг Приморья, юго-восток Манчжурии и северо-восток Корейского полуострова) было завоевано киданями, племенами монгольской группы, в древности кочевавшими на территории современной Внутренней Монголии и МНР. «Ван киданей» — вождь племени Ила Абуги (кит. Абаоцзы, 872—926).

⁸⁰⁷ Застава Асигара находилась на дороге Токайдо к востоку от перевала Асигара на границе провинций Кодзукэ и Синано. Застава Усуи находилась на дороге Тосандо в районе перевала Усуи на границе тех же провинций.

⁸⁰⁸ Биография неизвестна.

⁸⁰⁹ Сходное выражение в «Чэнь гуй». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 23.

⁸¹⁰ Источник высказывания неизвестен.

⁸¹¹ Санскр. Дживака — личный врач Будды, обративший в буддизм своего младшего брата — Аджатапатту (см. прим. 51).

⁸¹² Сходное выражение в «Лунь юй»: «Слетевшее с языка слово не догонит и четверка коней». Переломов Л.С. Указ. соч. С. 383.

⁸¹³ В 213 г. до н.э. Ши Хуан-ди приказал сжечь все книги, кроме циньских анналов, книг по медицине, гаданию и земледелию. В 212 г. до н.э. по его указу были казнены (закопаны заживо) более 460 ученых. Сыма Цянь. Указ. соч., Т. 2, С. 77—81.

⁸¹⁴ Согласно «Сомпи бумьяку», Тайра-но Масаэри был четвертым сыном Тайра-но Ёсимаса.

⁸¹⁵ Согласно «Сомпи бумьяку», Тайра-но Масабуми был шестым сыном Тайра-но Ёсимаса.

⁸¹⁶ Согласно «Сомпи бумьяку», Тайра-но Масатакэ был седьмым сыном Тайра-но Ёсимаса.

⁸¹⁷ Согласно «Сомпи бумьяку», Тайра-но Масатамэ был восьмым сыном Тайра-но Ёсимаса.

⁸¹⁸ Местоположение Укихаси неизвестно. Село Ямадзаки располагалось в уезде Отокуни провинции Ямасиро в месте слияния трех рек и являлось важным транспортным узлом и центром торговли.

⁸¹⁹ Существуют различные версии относительно местоположения пристани Оои. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 2. С. 180. «Столичный Ооцу» — порт на западном берегу оз. Бива, совр. г. Ооцу-си, преф. Сига.

⁸²⁰ Календарист (яп. коэми-но хакасэ) входил в штат Астрологического управления (Оммёрё) и отвечал за составление календарей.

⁸²¹ Государь Судзаку.

⁸²² Тодайдзи, Кофукудзи, Сайдайдзи, Дайнандзи, Якусидзи, Гэнкодзи, Хорюдзи.

⁸²³ Неизвестно, о каких именно божествах «ками» идет речь.

⁸²⁴ Духи сикидзин использовались в ритуальных целях гадателями и магами оммёдзи.

⁸²⁵ «Пять цветов» — синий, желтый, красный, белый, черный.

⁸²⁶ Пять бодхисаттв Великие Силы: Конгоку (Рык Алмаза), Рюоку (Рык Царя Драконов), Муидзюрикку (Рык Десяти Бесстрашных Сил), Райдэнку (Рык Грома И Молнии), Мурёрикку (Рык Безмерной Силы).

⁸²⁷ Божества восьми направлений: Тайсайдзин, Тайсёгун, Дайондзин, Сайкёдзин, Сайхадзин, Сайсёцудзин, Обандзин, Хёбидзин.

⁸²⁸ Уезды Нака и Кудзи находились на севере провинции Хитати, в этом районе большим влиянием пользовался род Фудзивара.

⁸²⁹ «Уезд Ёсида» — неофициальное название восточной части уезда Нака провинции Хитати. Бухта Хирума — совр. оз. Инума, преф. Ибараки.

⁸³⁰ Это предложение приводится согласно «Ё Сюкэй кюдзо-бон».

⁸³¹ Т. е. война, которую Тайра-но Ёсимаса и Тайра-но Садамори начали против Масакадо, чтобы отомстить ему, и в ходе которой была пленена жена Масакадо, привела к тому, что теперь в плен к Масакадо попала жена Садамори.

⁸³² Т. е. в числе причин того, что жена Садамори испытала такие унижения, были и действия самого Садамори.

⁸³³ Орёси — чиновник, командировавшийся в определенную провинцию для усмирения смуты или задержания преступников. См. комментарии к переводу первого отрывка из «Синсаругакуки».

⁸³⁴ Сын Фудзивара-но Мурао, принадлежал к северной ветви (хоккэ) дома Фудзивара. Биография неизвестна.

⁸³⁵ Час овна — 13.00—15.00, час обезьяны — 15.00—17.00.

⁸³⁶ Либо совр. г. Кавагути-си, преф. Сайтама, либо район Мидзугути села Ятиё-тё, преф. Ибараки.

⁸³⁷ В древнем Китае по полету стрелы, сделанной из стебля полыни и выпущенной из тутового лука, гадали о судьбе родившегося мальчика. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 2. С. 254—255.

⁸³⁸ «Девять царств» — Китай. В «Ши цзи» и «Хань шу» содержится известная история о том, как будущий император Гао-цзу в молодости зарубил змея на узкой болотной тропе. Позже выяснилось, что змей был сыном «Белого императора», т. е. принадлежал к династии Цинь. Это было одним из предзнаменований того, что Гао-цзу свергнет Цинь и станет основателем новой династии. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. Указ. соч. С. 160. Эта же история со ссылкой на «Хань шу» пересказывается в «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 16.

⁸³⁹ Цитата из «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 18.

⁸⁴⁰ Чи-ю — персонаж китайских легенд и сказаний, полубог, имевший тело зверя. В «Ши цзи» содержится рассказ о противостоянии Чи-ю и мифического императора Хуан-ди. Ши цзи. Указ. соч. Т. 1, С. 133, 134, 224. В «Хань шу» Чи-ю в связи с легендой о Гао-цзу и змее не упоминается.

⁸⁴¹ «Цзо чжуань» — «Чунь цю Цзо-ши чжуань» («Вёсны и осени» с комментариями господина Цзо», сост. Цзо Цюмин, к. VI—V вв. до н. э.) — комментарий к хронике царства Лу «Чунь цю». Приводится цитата не из «Чунь цю Цзо-ши чжуань», а из «Чуньцю цзин чжуань цзикай» («Разъяснения к «Вёснам и осеням» с комментариями [господина Цзо]), комментарий к «Чунь цю Цзо-ши чжуань», сост. Ду Юй, 222—284), причем в оригинале это не слова Цзы (Цзы-фань, военачальник Чжуан-вана, правившего в царстве Чу в 613—590 гг. до н.э.), а комментарий Ду Юя к его словам, сказанным после победы над войском царства Цзинь при Би в 6 месяце 597 г. до н.э.: «В древности Мин-ван карал тех, кто не почитал его: он принес в жертву и огромную самку кита, казнив ее». Чуньцю цзин чжуань цзикай («Разъяснения к «Вёснам и осеням» с комментариями [господина Цзо]) / Сер. «Вакоку хонкёсё сюэй». Сост. Нагасава Кикуя. Т. 7. С. 174.

⁸⁴² «Шан шу» («Книга преданий»), или «Шу цзин» («Канон истории»), составление традиционно приписывается Конфуцию (551—479). Приведенные слова в «Шу цзин» не встречаются.

⁸⁴³ У-ван — основатель династии Чжоу (правил в 1027—1025 гг. до н.э.), Чжоу-гун Дань — младший брат У-вана. Указанная история содержится в «Ши цзи». Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. Указ. соч. С. 189.

⁸⁴⁴ Вероятно, оз. Хирокава.

⁸⁴⁵ Либо в тексте ошибка, и следует читать «провинция Симоса», либо все предложение следует читать как «но они не гневались из-за того, что пострадали от войск провинции Хитати».

⁸⁴⁶ Бо Цзюйи (772—846) — китайский поэт. В произведениях Бо Цзюйи приведенные слова не встречаются. Кто такой Вэй Фан, неизвестно.

⁸⁴⁷ Точное местоположение неизвестно.

⁸⁴⁸ Возможно, речь идет о военачальнике Цзы-фане из царства Чу.

⁸⁴⁹ Возможно, имеется в виду Ян Ю-цзи.

⁸⁵⁰ Очевидно, топоним. Местоположение неизвестно.

⁸⁵¹ В произведениях Бо Цзюйи приведенные слова не встречаются.

⁸⁵² Очевидно, имеется в виду поле у подножья горы Чжолу (совр. уезд Сюаньхуа, пров. Хэбэй). В битве на поле у Чжолу Хуан-ди разбил Чи-ю, Чи-ю был схвачен и убит.

⁸⁵³ Чжу Юнь — управитель уезда Хуали в правление ханьского императора Чэн-ди (32—6 гг. до н.э.). Согласно «Хань шу», Чжу Юнь обратился к императору с просьбой дать ему государев меч и позволить казнить воспитателя императора, который злоупотреблял своей властью. Хань шу. Сост. Бань Гу. Пекин, 1999. С. 2196.

⁸⁵⁴ Шанфан — чиновник, ведавший изготовлением и хранением оружия и личных вещей китайского императора. Должность учреждена при династии Хань. В «Хань шу» не говорится, ни что Чжу Юнь был злодеем, ни что он отрубил кому-то голову.

⁸⁵⁵ Китайское название должности помощника командира, что соответствует должности дзэ в провинциальной администрации.

⁸⁵⁶ В «Чунь цю Цзо-ши чжуань» таких слов нет.

⁸⁵⁷ Источник цитаты неизвестен.

⁸⁵⁸ Цитата из «Лунь юй». Переломов Л.С. Указ. соч. С. 413.

⁸⁵⁹ Вероятно, речь идет о нападении на управу провинции Хитати в 939 г.

⁸⁶⁰ У источника Баньцюань будущий император Хуан-ди сражался с императором Янь-ди. Баньцюань находится в совр. уезде Чжолу пров. Хэбэй. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. Указ. соч. С. 133.

⁸⁶¹ В округ Тосандо входили следующие провинции: Оми, Мино, Хида, Синано, Кодзукэ, Симоцукэ, Муцу, Дэва. В округ Токайдо входили следующие провинции: Ига, Исэ, Сима, Овари, Миками, Тотоми, Суруга, Идзу, Кая, Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса, Хитати.

⁸⁶² Вероятно, речь идет о принце Окиё и Фудзивара-но Харумоти.

⁸⁶³ Фудзивара-но Тадабун (873—947), сын Фудзивара-но Кадзуэси, был назначен на должность командующего усмирением восточных провинций (сэйто тайсёгун) в 19 день 1 месяца 940 г. и покинул столицу в 8 день 2 месяца, то есть на момент гибели Масакадо он был еще в пути. Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 162, 167.

⁸⁶⁴ Младший брат Фудзивара-но Тадабуна.

⁸⁶⁵ Принц Окиё был убит в провинции Кадзуса в 19 день 2 месяца 3 года Тэнгё (940). Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 2. С. 315.

⁸⁶⁶ Гон-но сёдзё — временно исполняющий обязанности второго младшего помощника управителя провинции. Тайра-но Кимицура — второй сын Тайра-но Ёсиканэ.

⁸⁶⁷ Тюмусе — министерство Центра. В юрисдикции этого министерства находились кадровые вопросы.

⁸⁶⁸ В 5 день 3 месяца 3 года Тэнгё (940) в столице стало известно о том, что Масакадо убит. Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 170.

⁸⁶⁹ Согласно «Фусо рьякки», Хидэсато также получил землю в вечное наследственное владение, а Садамори был назначен помощником управляющего правого конюшенного бюро (умарё). В «Фусо рьякки» указывается, что Садамори получил младший пятый ранг высшей ступени. Сёмонки. Сост. Хаяси Рикуро. Указ. соч. С. 171.

⁸⁷⁰ Источник цитаты неизвестен. Такая пословица существовала в Китае: в «Синь у дай ши» («Новая история пяти династий», сост. Оуян Сю, 1007—72) говорится, что «от человека после смерти остается слава, от леопарда после смерти остается шкура». Синь у дай ши. («Новая история пяти династий»). Сост. Оуян Сю. Пекин, 1974. С. 350.

⁸⁷¹ Неточная цитата из «Ди фань». Ди фань. Чэнь гуй. Указ. соч. С. 23. «Шесть ванов» — ваны царств Ци, Чу, Янь, Хань, Вэй и Чжао, которые в 239—221 гг. до н.э. были повержены будущим императором Ши Хуан-ди в процессе объединения Китая.

⁸⁷² История о расставании матери с четырьмя птенцами содержится в «Кун-цзы цзя юй». Кун-цзы цзя юй. Указ. соч. С. 252.

⁸⁷³ В Китае существовала легенда о трех братьях, деливших наследство родителей и разрубивших дерево цезальпинии на три части. Сёмонки. Пер. и комм. Кадзихара Масааки. Указ. соч. Т. 2. С. 136.

⁸⁷⁴ Реки в провинции Шааньси. Вода реки Цзин была мутной, а вода реки Вэй — прозрачной.

⁸⁷⁵ Третий ван династии Ся, правил в 2188—2159 гг. до н.э.

⁸⁷⁶ Ван царства Чжоу, правил в 827—781 гг. до н.э.

⁸⁷⁷ «Восточная столица» — г. Лоян.

⁸⁷⁸ «Крепкая повозка» — название стихотворения из «Ши цзин». Ши цзин. Комм. Исикава Тадахиса / Сер. «Син сяку камбун тайкэй». Т. 111. С. 248.

⁸⁷⁹ Т. е. с самим государем.

⁸⁸⁰ Вероятно, буддийский монах-отшельник.

⁸⁸¹ «Три мира» буддийской космологии — мир желаний, мир форм, мир без форм. «Шесть путей» — шесть типов рождения живых существ (см. прим. 178). Пять форм существования — боги, люди, животные, голодные духи, обитатели ада. «Восемь препятствий» — препятствия, которые мешают человеку приблизиться к закону Будды: рождение обитателем ада, животным, голодным духом, демоном, рождение в далеких странах, недуги (глухота, слепота, немота), неправильные воззрения, рождение в эпоху до или после пришествия Будды.

⁸⁸² Согласно трактату Васубандху (IV—V вв. н.э.) «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы»), между состоянием смерти и состоянием рождения существует «промежуточное состояние» (санскр. antṛā-bhava, яп. тюу); существо, находящееся в этом состоянии, называется «гандхарва» (яп. дзикико, «тот, кто питается запахом»). Существует разница во мнениях относительно продолжительности «промежуточного состояния»; согласно некоторым представлениям, в этом состоянии существо пребывает семь недель. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Раздел третий. Учение о мире. Перевод с санскрита, введение, комментарий и историко-философское исследование Е.П. Островской и В.И. Рудого. СПб., 1994. С. 86—96). В течение этих семи недель проводится семь обрядов (раз в неделю), целью которых является улучшение кармы гандхарвы (Букке дайдзитэн. Указ. соч. С. 666, 683.

⁸⁸³ «Неблагие формы существования» — обитатели ада, животные, голодные духи.

⁸⁸⁴ Ад Кшурамарга в буддийской космологии.

⁸⁸⁵ Согласно буддийской космологии, Джамбудвипа — один из четырёх материков, расположенный с южной стороны горы Сумеру. Этот материк населен людьми.

⁸⁸⁶ Мир, в котором живут люди.

⁸⁸⁷ Вероятно, эта дата составления «Сёмонки».

⁸⁸⁸ Очевидно, далее приводится один из вариантов концовки «Сёмонки».

⁸⁸⁹ Очевидно, автор «Сёмонки» жил в провинции, а не в столице.

⁸⁹⁰ Ёсисигэ-но Ясутанэ (934?—1002) происходил из рода Камо (в 975 году пожаловано новое родовое имя — Ёсисигэ), откуда вышли многие астрологи. Его отцом был придворный астролог Камо-но Тадаюки, однако Ёсисигэ-но Ясутанэ поступил в Дайгаку на отделение классической литературы, чем сильно разочаровал отца. В Дайгаку его наставником был известный ученый Сугавара-но Фумитоки и в 957 году Ёсисигэ-но Ясутанэ получил ученую степень. В дальнейшем сделал неплохую для ученого придворную карьеру, был наставником принца крови Томохира (сын государя Мураками) в вопросах изящной словесности. С конца 80-х годов X века принадлежал к ближайшему окружению Фудзивара-но Митинага. С юных лет проявил особый интерес к буддийскому учению, особенно школе Чистой земли. Среди придворных аристократов ходили слухи, что Ёсисигэ-но Ясутанэ намеренно избегает светских мероприятий при дворе, поскольку «сердце его полнится мирскими желаниями» и он «теряет спокойствие», а «это мешает просветлению» (Годансё. Указ. соч., С. 222). По одной

из версий, Ёсисигэ-но Ясутанэ скончался в 997 году, однако, как явствует из многочисленных литературных памятников, написал с 997 по 1002 год еще семнадцать поэтических творений. Ёсисигэ-но Ясутанэ по праву считается родоначальником эссеистического жанра в японской литературе, количество написанных им произведений огромно, только в литературной энциклопедии «Хонтэ мондзуй» содержится 22 образца его творений. О Ёсисигэ-но Ясутанэ также см.: Кавагути Хисао. Указ. соч., С. 550; Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма). М., 1987, С. 127—128.

⁸⁹¹ Усадьба Ёсисигэ-но Ясутанэ называлась «Титэй» (Беседка у пруда) и располагалась на Шестой линии в южной части столицы Хэйан. Интересно, что в 959 году произведение с точно таким же названием («Титэйки») было написано известным политиком принцем крови Канэакира, который назвал свое творение так по аналогии с известным произведением танского поэта Бо Цзюй-и. Хонтэ мондзуй. Указ. соч., С. 84.

⁸⁹² Столица Хэйан, как, собственно, китайские (Лоян и Чанъань) и более ранние японские (Фудзивара, Нара и Нагаока) столичные грады, разделялась главной магистралью (Судзаку оодзи — проспект Красной птицы) на Правую и Левую половины. Правая половина соотносилась с западом, а Левая — с востоком, поскольку центральным направлением считалось направление с севера на юг.

⁸⁹³ Восточная усадьба (кит. дун гэ; яп. токаку, досл. «восточный терем»). По мнению японских комментаторов «Титэйки», автор намекает на название усадьбы ханьского сановника Гун Сунь-хуна, у которого был терем с небольшими воротами с восточной стороны. В этом тереме он принимал своих друзей. Со временем термин «дун гэ» стал общеупотребительным как в Китае, так и в Японии. К примеру, во многих хэйанских стихах усадьбы аристократов именовались «восточный терем». Хонтэ мондзуй. Указ. соч., С. 87, примеч. 15. Также см.: Цы юань. Указ. соч., Т. 2, С. 1529.

⁸⁹⁴ В период Асука и Нара существовало правило, что ворота усадьбы могут выходить на центральный проспект Судзаку оодзи только в том случае, если ее владелец обладал четвертым придворным рангом или выше, то есть принадлежал к числу наиболее высокопоставленных чиновников. В период Хэйан за особые заслуги придворному могло быть позволено выкрасить входную дверь или, что гораздо предпочтительнее, центральные ворота красным лаком, что, в свою очередь, считалось символом знатности и особого положения при дворе владельца усадьбы.

⁸⁹⁵ Речь идет о Левом министре Минамото-но Такаакира (914—982) — сыне государя Дайго. Считается, что его стремительная придворная карьера (в 939 году он стал придворным советником, а в 968 году уже Левым министром) породила немало завистников при дворе, в первую очередь из числа представителей рода Фудзивара. В итоге, в 969 году Минамото Такаакира был обвинен в государственном заговоре с целью возведения на престол принца Тамэхира и разжалован с поста Левого министра, который сразу же занял Фудзивара-но

Морогада. Лишившись всех столичных постов, Минамото-но Такаакира был отправлен в Дадзайфу на должность заместителя управляющего. Позднее ему было разрешено вернуться в столицу, но свое положение в государственной иерархии Минамото-но Такаакира так и не смог восстановить.

⁸⁹⁶ Согласно записи в «Нихон киракю», пожар начался в час Быка (с 11.00 до 13.00) и из всех многочисленных построек уцелело только три небольших помещения. Нихон киракю. Анва, 2—4—1, 969 г.

⁸⁹⁷ Как явствует из древних и средневековых японских источников, пожары были самым настоящим бедствием для жителей столичных градов. При этом пожары считались карой божеств, что только усиливало страх перед этим бедствием. Известно, что в Хэйане существовали различные способы предупреждения пожаров (покрытие известью древесных конструкций, выкапывание рвов вокруг зданий, сооружение бочек с водой на территории усадеб и т. д.), но, по всей видимости, это оказалось не очень эффективно в борьбе с этими бедствиями. Отсутствие централизованной пожарной службы (несколько попыток организовать такие отряды заканчивались полным провалом, в частности, становилось известно, что сами «пожарные» оказывались виновниками поджогов, ибо получали долю от спасенного имущества); слишком большая скученность строений (порой соседние дома соприкасались крышами); неэффективная методика тушения пожаров (самый распространенный способ борьбы с огнем заключался в том, что кто-нибудь залезал на крышу и сверху поливал ее водой из ведер); популярная среди хэйанской знати практика круглосуточного поддержания костров на территории усадьбы, как один из способов борьбы со злыми духами — вот далеко не полный список причин постоянных пожаров в столице, многие из которых становились для города настоящей катастрофой. Подр. о борьбе с пожарами см.: Ямада Хидэо. Хэйан дзидай-но сёка-ни цуйтэ (О тушении пожаров в период Хэйан). / Нихон рэкиси, № 423, 1983, С. 45—46. По подсчетам японской исследовательницы Такинами Садако, только с 960 по 1071 год на территории хэйанских дворцовых комплексов (дворцы государей и экс-государей) зафиксировано 20 крупных пожаров. Такинами Садако. Указ. соч., С. 350—351. Самые разрушительные пожары в период Хэйан произошли в 1125 году (выгорела третья и четвертая линии к востоку и западу от реки Камогава) и в 1177 году, когда огнем был объят не только государев дворец, но остальная часть города со второй по пятую линии (в обеих частях столицы). Во время этого пожара сгорело множество важнейших как общегосударственных (Дайгокудэн, Дзингикан, Дайгакурё, врата Судзакумон, Тёдоин и т. д.), так и частных (родовая школа Фудзивара — Кангакуин и усадьбы четырнадцати высокопоставленных чиновников) объектов. Обороя Хисао. Указ. соч., С. 230.

⁸⁹⁸ Изящный литературный оборот, позаимствованный из цикла стихотворений Ван Цяня (177—217) «Семь печалей», перевод которого на русский язык см.: Кравцова М.Е. Поэзия Древнего Китая: опыт культурологического анализа. СПб., 1994, С. 421.

⁸⁹⁹ Перифраз из «Ши цзи». См.: Сыма Цянь. Указ. соч., Т. II, С. 156.

⁹⁰⁰ Несмотря на то, что в нормативных документах подобное положение не было официально установлено, но уже в период Нара в столичном граде более предпочтительной с точки зрения месторасположения усадьбы считалась Восточная (т. е. левая) половина. Поскольку в Чанъане — столичном граде китайской танской империи подобная тенденция не зафиксирована, то японские исследователи высказывают различные предположения большей перспективности именно Восточной половины столицы Нара (восток как более благоприятное направление; левая как более приближенная к сердцу государя сторона и т. д.). Так или иначе, но в Восточной половине Нара располагались усадьбы всех самых влиятельных сановников: Исоноками-но Якацугу; Ки-но Масунага; принц Нагая; Фудзивара-но Маро; Фудзивара-но Накамаро; Фудзивара-но Фухито и т. д. Подобное положение сохранилось и в Хэйан, когда усадьбы всех канцлеров и большинства крупнейших чиновников находились именно в Восточной половине столичного града. Более того, известны случаи, когда пожалование усадьбы в Западной половине Хэйана расценивалось аристократом как проявление немилости при дворе, а недруги Минамото-но Такаакира, к примеру, посмеивались над месторасположением его усадьбы в Западной половине столице. Некоторые из недоброжелателей Минамото-но Такаакира поговаривали, что именно это обстоятельство послужило причиной опалы царедворца.

⁹⁰¹ Речь идет о так называемых «крылатых крышах», появившихся в Китае еще в IV—III вв. до н.э., и широко распространенных в соседних Корее и Японии. Функциональность таких крыш является темой дискуссии среди исследователей традиционной культуры стран Восточной Азии. Считается, что «крылатые крыши» выполняют как практические (улучшает стекание дождевых потоков и воздухообмен внутри жилища; закрепляет конструктивные узлы строения, препятствуя сползанию одежды кровли в случае резких динамических нагрузок; формирует турбулентные потоки, гасящие скорость ветра и снимающие эффект отсоса крыши), так и магико-охранительные функции (защита от злых духов, которые обладая способностью двигаться только по прямой, обязательно сворачивают в сторону, столкнувшись с загнутыми углами крыши). Наконец, явно обозначена еще и эстетическая функция: крыша придавала зданию эффект воздушности, легкости и способствовала его гармоничному сочетанию с природной средой (многие поэты писали, что дома с такими крышами ритмически вторят горным вершинам, волнистым краям далеких лесов, а также раскидистым ветвям сакур, ив и сосен). Известно, что в период Хэйан власти требовали от жителей столичного града использования именно таких «крылатых крыш», однако по причине большой скученности строений в Хэйанкё (изначально использование крыш с широким выносом кровли, плоским полотнищем скатов и приподнятыми углами не предполагалось в тех местах, где недостаточно свободных площадей) это могло иметь негативные последствия, поскольку возгорание одного жилого строения порой приводило к уничтожению целого квартала.

⁹⁰² Перифраз китайской хроники «Цзинь шу», где рассказывается история, что одна часть рода Жуань проживала на севере, а другая часть этого рода на

юге. При этом, северные Жуань процветали, а южные бедствовали. Общий смысл фразы: хотя внутри одного семейства есть и бедные, и богатые, но ритуалы превыше всего. Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 87. Перевод этой истории из «Цзинь шу» на русский язык см. Книга мудрых радостей. / Сост. В.В. Малявин. М., 1997, С. 215.

⁹⁰³ Из источников периода Нара известно, что власти, дабы облик столицы более соответствовал китайским образцам периода Тан, требовали от горожан покрывать свои дома черепицей, а изгородь (яп. каки) — белить, но материалы археологических раскопок показали, что эти указания не выполнялись. Даже в усадьбах крупнейших чиновников Фудзивара-но Фухито и принца Нагая, которые, исходя из представлений того времени, должны были собственным примером вдохновлять окружающих, черепица практически не использовалась, а изгородь в большинстве случаев не сохранила следов побелки. К сожалению, ни одной усадьбы хэйанской знати целиком не сохранилось, а потому они реконструируются по письменным источникам и произведениям живописи. Простейший тип хэйанской усадьбы состоял из трех помещений, соединенных вместе в виде буквы «П», однако, будучи дополнена различными вспомогательными постройками и стеной-забором (каки), такая усадьба получала в плане форму квадрата, и представляла собой замкнутый дворик. В домах периода Хэйан использовались несколько разновидностей ограды. «Асигаки» — тростниковая ограда; «итагаки» — некоторый аналог дощатого забора; «косибагаки» — плетень из мелкого кустарника; «магаки» — живая бамбуковая изгородь; «суйгаки» — плетеная изгородь из бамбука или кипарисовика; «хигаки» — решетчатая ограда из тонких планок кипарисовика. Гэндзи моногатари дзутэн (Словарь «Повести о [принце] Гэндзи»). Под ред. Акияма Кэн и Коматия Тэрухико. Токио, 1997, С. 31—34.

⁹⁰⁴ Неточная цитата из трактата «Цзочжуань». См. Чунь цю Цзо чжуань... Указ. соч., С. 1861.

⁹⁰⁵ Обычно в хэйанской усадьбе было двое врат: Восточные и Западные. Но в некоторых случаях количество врат могло быть иным. Так, в усадьбе Ёсисигэ-но Ясутанэ были только одни Восточные врата, а в усадьбе Фудзивара-но Ёримити, помимо Восточных и Западных, были еще и Северные врата. Это было связано с бытовавшими среди хэйанской знати представлениями, согласно которым количество врат, их размер и отделка непосредственно зависели от политического и экономического положения владельца усадьбы. К примеру, Фудзивара-но Ёримити получил высочайшее соизволение установить в своей усадьбе третьи (Северные) врата только в 1020 году, через несколько месяцев после назначения на пост канцлера-«кампаку». Сакэйки. Каннин, 4—2—18, 1020 г. Что же касается дверей (яп. до), то в хэйанской усадьбе обычно использовались несколько разновидностей. «Курурудо» — двустворчатые двери на петлях; «ситомидо» — поднимающиеся сверху двери; «цумадо» — боковые двустворчатые двери; и «яридо» — раздвижные двери. Также были известные решетчатые ставни — «коси», которые обычно поднимались вверх, но могли состоять из двух створок и откры-

ваться как вверх, так и вниз. Гэндзи моногатари дзутэн. Указ. соч., С. 42. Как и в случае с воротами, количество дверей и ставней, а также их дизайн, были не только символом аристократичности хозяина дома, но и показателем его эстетического вкуса. Известны случаи, когда аристократ специально приглашал знатных гостей, чтобы совместно восхищаться изысканностью «коси» или «ситомидо». Гонки. Тёхо, 1—8—22, 999 г.; Сакэйки. Мандзю, 2—7—19, 1025 г.

⁹⁰⁶ Перифраз из трактата «Мэн-цзы». См.: Мэн-цзы. Указ. соч., С. 144.

⁹⁰⁷ Т. е. река Камогава.

⁹⁰⁸ По мнению японских комментаторов «Титэйки», этот оборот мог быть заимствован из произведения, которое позднее вошло в «Тан вэнь цуй» («Литературные стили [эпохи] Тан», составлен в 1011 придворным ученым Яо Сюнем. Кайфусо. Указ. соч., С. 420.

⁹⁰⁹ Т. е. Китано.

⁹¹⁰ Земля на территории столичного града всегда считалась предметом особой ценности. В сообщении государственной хроники от 866 года говорится, что, хотя свободной земли в столице немало, но одни семьи разорились и их земля пустует, а многие участки куплены богатыми и на них ничего не строится. Нихон сандай дзицуруку. Дзёган, 8—5—21, 866 г. По всей видимости, подобное положение стало следствием распада «государства Рицурё», когда центральные власти оказались неспособными контролировать процесс купли-продажи земли. Многие участки, купленные богатыми купцами, сдавались в аренду, а сам облик столицы начал изменяться. Подр. см.: Вакита Харуко. Нихон тюсэй тоси рон (Средневековый японский город). Токио, 1981.

⁹¹¹ Распространенный оборот, когда жители восточной половины столицы Хэйан сравниваются с жителями Лояна, которая являлась Восточной столицей танской империи (в противовес Западной столице — Чанъани).

⁹¹² Аналогичная фраза встречается и в хронике «Хонтё сэки». Хонтё сэки. Кодзи, 1—6—18, 1142 г.

⁹¹³ Сусинъин — учреждение, созданное в 859 году для содержания и обеспечения нужд обедневших представительниц рода Фудзивара. Сайгуки. Указ. соч., С. 644. Позднее Сусинъин стало прибежищем больных и одержимых злыми духами, а со временем превратилось в общественную богадельню. Вада Хидэмацу. Кансёку ёкай (Основные сведения о должностях). Токио, Коданся, 1990, С. 200.

⁹¹⁴ Текст соответствующего распоряжения Дайдзёкана см.: Руйдзю сандай кяку, Дзёган, 13—8 доп.—14, 871 г. Однако захват земель западнее реки Камогава влиятельными семьями продолжался, что послужило причиной обнародования нового распоряжения в 901 году. Руйдзю сандай кяку, Сётай, 4—4—5, 901 г.

⁹¹⁵ Начиная со времени правления государя Камму (781—806), Китано стало одним из самых распространенных мест проведения государевых охот.

⁹¹⁶ Соколиная охота (яп. такагари) являлась одним из самых любимых развлечений в период Хэйан, получившим распространение, как среди высшей аристократии, так и среди низкоранговых чиновников. Хотя в тексте «Титэйки»

это развлечение приписывается простолюдинам (яп. сѐдзин), речь, видимо, идет о низкоранговых служащих, которые воспринимались придворным чиновничеством в качестве простолюдинов.

⁹¹⁷ Как известно, строительство новой столицы началось в 793 году, а в 794 году Хэйанкэ официально стал столичным градом. Однако, строительство Хэйанкэ продолжалось еще в течение десяти лет. Согласно общераспространенному мнению, площадь столичного града соответствовала тем планам, которые были выработаны на основании китайской градостроительной модели. Но в последнее время эта точка зрения стала подвергаться серьезной корректировке. Так, в исторических источниках раннехэйанского периода содержится множество постановлений Дайдзэкана, из которых явствует, что на территории столицы много пустующих земель (809, 827 и 866 гг.). Используя данные различных источников, японский исследователь Мураи Ясухико подсчитал, что площадь застройки Хэйанкэ (государев дворец, государственные учреждения, усадьбы аристократов и иные жилые постройки) вместо предусмотренных планом 1260 тѐ земли в самом лучшем случае достигала 580 тѐ. Мураи Ясухико. Хэйанкэ то Кѐто (Столица Хэйан и Киото). Токио, Санъити сѐбо, 1990, С. 58. Не менее интересным представляется и еще одно обстоятельство. Население столицы танского Китая — города Чанъань в начале IX столетия составляло приблизительно один миллион человек, в то же самое время в Хэйанкэ проживало (по разным подсчетам) от 70 до 100 тысяч человек. При этом площадь Чанъани была в три раза больше, чем у столицы Хэйан. Только в период Эдо благодаря плотной застройке городских кварталов численность населения Киото достигла полумиллиона человек. Учитывая все вышесказанное, современные исследователи полагают, что столица Хэйан никогда точно не соответствовала идеальному плану застройки. Правая половина столицы (особенно ее южная часть) представляла главным образом сельскохозяйственные угодья и болотистые равнины. Считается, что рост Хэйана происходил неравномерно, и уже ко времени правления Го-сиракава наиболее обжитыми районами столицы были северо-восточная и северо-западная части еелевой половины. Сэо Тацухико. Тѐан-но тоси кэйкаку (План города Чанъань). Токио, 2001, С. 86—153; Такинами Садако. Указ. соч., С. 64—74.

⁹¹⁸ Дзѐтомон — самые северные из четырех восточных ворот дворцового комплекса Дайдэйри. Неподалеку от этих ворот располагалась знаменитая усадьба Итидзѐин, что говорит о престижности данного квартала.

⁹¹⁹ Сэ — единица площади, приблизительно равная 99 кв. м.

⁹²⁰ Еще в период Нара государство проводило определенную денежную политику (первые серебряные и медные монеты достоинством в 1 мон были отпечатаны в 708 году). В 711 году сезонное жалование чиновникам частично стало выплачиваться деньгами, но представления о циркуляции денежной массы в период Нара отличалось от нынешних, а основная задача денег виделась в обеспечении нужд чиновничества. Современные исследователи полагают, что изначально механизм циркуляции денег задумывался следующим образом: принцы,

ранжированное чиновничество и иные служащие государственного аппарата должны были получать часть жалования деньгами; после этого деньги попадут на государственные рынки и, соответственно, вернуться в казну, а оттуда снова будут направлены для распределения среди чиновников в качестве части их сезонного жалования. Однако воплощение этого механизма в реальной жизни привело к непредвиденным последствиям. Во-первых, после получения денег в качестве жалования чиновники вовсе не спешили расставаться с ними, что, разумеется, потребовало допечатки монет (всего с 708 по 958 годы было осуществлено 12 денежных эмиссий). Во-вторых, появились фальшивомонетчики, борьба с которыми оказалась малоэффективной. Государство попыталось выйти из этой сложной ситуации и с целью увеличения свободной денежной массы разрешило в 712 году заменять деньгами некоторые виды налогов, а в 713 году продавать и сдавать в наём земельные участки. Но, несмотря на эти меры, денежная политика государства так и не стабилизировалась. В результате, в 760 году было принято решение отпечатать «новые монеты», приравняв каждую из них по стоимости к десяти «старым», но, как показывают дальнейшие события, это только способствовало инфляции (Сёку нихонги, Тэмпё ходзи, 4—3—16, 760 г.). К тому же, официальное разрешение продажи земельных участков и закон 743 года о вечной частной собственности на вновь освоенные земли, для тех, кто эти земли обрабатывал, способствовали развитию частнособственнического землевладения, которое в период Хэйан стало доминирующей формой землевладения. Подр. см.: Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. Указ. соч., С. 282—287. В эпоху Хэйан цены на землю постоянно увеличивались, чему немало способствовали и новые денежные эмиссии (796, 818, 835, 848, 859, 870, 890, 907 и 958 гг.). К примеру, если в 788 году участок земли размером 15 на 10 дзё (ок. 1350 кв.м.) в Правой половине столицы Нагаока был продан за 5600 медных монет, то в 912 году участок размером 10 на 20 дзё (ок. 1800 кв.м.) влевой половине столицы Хэйан был продан уже за 60 тысяч медных монет. Такинами Садако. Указ. соч., С. 206—209. Любопытно, что в 979 году тот же самый участок влевой половине Хэйана был продан за 9 тысяч монет (приравнивались к 90 тысячам монет прежней чеканки). Что же касается более поздних времен, то основной денежной единицей стали рис и шелк. Так, вышеупомянутый участок влевой половине столицы Хэйан в 993 году был продан за 12 тысяч коку риса (ок. 1, 8 млн. кг). Позднее, после обнародования указов 1072 и 1079 годов в качестве денежного средства стали использоваться специально ввозимые из сунского Китая монеты. Ирумата Набуо. Муся-но ё-ни (V век воинов). Токио, 1991, С. 52—53; Кикүти Ясуаки. Кодай-но тоти байбай-ни цуйтэ (О купле-продаже земельных участков в древности). / Сирин. Т. 49, № 4, 1966, С. 48.

⁹²¹ Сяо Хэ (?—193 г. до н.э.) — один из соратников и ближайших советников основателя ханьской династии — императора Гао-цзу. Император очень ценил полководческий талант Сяо Хэ, сравнивая его с охотником, который спускает собак и обнаруживает логово зверя, а не только догоняет и убивает его. В «Ши цзи» сказано: «Для своих полей домов Сяо Хэ выбирал уединенные места. Но

пышных, просторных палат для своей семьи он не построил. Он говорил: «Если мой потомки будут мудрыми людьми, пусть учатся у меня скромности; если же они не будут мудрыми, то пусть у них не будет того, что сильные и влиятельные кланы могли бы у них отнять». Сыма Цянь. Указ. соч., Т. VI, С. 201. О Сяо Хэ см. там же, С. 196—202.

⁹²² Чжун Чжан-тун (179—219) — чиновник периода Поздняя Хань. Несмотря на успешную карьеру при дворе, отказался поселиться в столице и выбрал дом в уединенном месте. Позднее его имя стало нарицательным, когда говорили о человеке, который ради покоя и умиротворения отказался от суеты. Кайфусо. Указ. соч. С. 422—423.

⁹²³ Омежник (яп. сэри) — травянистое растение, которое было очень популярно в домах учёных. Любопытно, что литературный оборот «омежник и водоросли» стал образным наименованием не только кандидата на ученую степень, но и в высшей степени скромного человека.

⁹²⁴ Размер участков чиновников в столице определялся в зависимости от ранга и занимаемой должности. В Фудзивара и Нара он был приблизительно одинаков: министр, имеющий второй или третий ранг, получал 4 тэ (ок. 60 тысяч кв. м) земли (например, усадьба принца Нагая занимала площадь в 4 тэ); чиновник четвертого ранга — 2 тэ (ок. 30 тысяч кв. м); чиновник пятого ранга — 1 тэ (ок. 15 тысяч кв. м); а чиновники шестого ранга и ниже — от 1 тэ до 0,25 тэ (ок. 3750 кв. м). Раскопки участков на восьмой линии влевой половине столицы Нара показали, что размер жилых помещений низкорангового чиновничества мог колебаться от 14,9 кв. м до 94,8 кв. м, а размеры подсобных помещений варьировались от 11,2 кв. м до 49,4 кв. м. Что же касается простых горожан, то они получали участки в $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ или $\frac{1}{64}$ тэ (ок. 940, 470 и 235 кв. м соответственно). В Хэйане по причине острой нехватки земли (из-за увеличения численности живущих в столице чиновников и большего количества государственных построек) размеры земельных участков для знати были уменьшены. Чиновникам первых трех рангов полагался участок в 1 тэ земли, чиновникам четвертого и пятого ранга — 0,5 тэ, а чиновникам шестого ранга и ниже — 0,25 тэ. При этом площадь домов простых горожан не должна была превышать $\frac{1}{32}$ тэ. Но если в Нара размеры земельных участков очень редко превышали установленные нормы, то в Хэйане площадь усадеб могла сильно отличаться от принятых нормативов. Так, усадьбы канцлеров Фудзивара-но Мотоцунэ и Фудзивара-но Ёримити имели площадь в 4 тэ земли, а родовое поместье канцлера Фудзивара-но Митинага занимало 2 тэ земли. Не менее интересны и данные о размерах усадьбы автора «Записей из беседки у пруда» Ёсисигэ-но Ясутанэ. Как видно из текста, общая площадь участка была около 10 сэ (т. е. ок. тысячи кв. м). При этом жилой дом занимал площадь ок. 360 кв. м, пруд — ок. 243 кв. м, сад — ок. 144 кв. м, а поле, засаженное омежником, — ок. 63 кв. м. То есть в общем — 810 кв. м. Однако, даже если Ёсисигэ-но Ясутанэ еще не получил на тот момент пятый придворный ранг, то чиновнику шестого ранга полагался участок в 0,25 тэ (т. е. 3750 кв. м). По всей видимости, автор «Титэйки» сознательно уменьшил размер своей усадь-

бы, чтобы более соответствовать тому идеалу, который был описан в одном из произведений Бо Цзюй-и следующим образом: «весь участок — 17 му. Жилище — один на три [чжана], пруд — один на пять [чжанов], а бамбуковые [заросли] — один на девять [чжанов]». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 90, примеч. 7.

⁹²⁵ Выражение заимствовано из жизнеописания выдающегося поэта и мыслителя Китая Жуань Цзи (210—263). Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 91, примеч. 19.

⁹²⁶ Автор намекает на историю из трактата «Чжуан-цзы». Чжуан-цзы. Ле-цзы. / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М., 1995, С. 59—60.

⁹²⁷ Роща Плодородия (кит. Дэнлинь) связана с мифом о Куафу (Отец Цветущего), посох которого и превратился в Дэнлинь. Подр. см. Каталог гор и морей. Указ. соч., С. 100, 188—189, примеч. 10; Философы из Хуайнани. Указ. соч., С. 82.

⁹²⁸ Автор намекает на историю из трактата «Чжуан-цзы». Чжуан-цзы. Ле-цзы. Указ. соч., С. 167.

⁹²⁹ Чжу ся ши — должность придворного историографа в древнем и средневековом Китае. Зачастую, так называли Лао-цзы (по занимаемой им должности). Цы юань. Указ. соч., Т. 2, С. 1545.

⁹³⁰ Перифраз из «Лунь юя»: «Учитель тяжело заболел. Цзы Лу просил его обратиться с молитвой к духам природы. Учитель спросил: «А поступают ли так?». Цзы Лу ответил: «Поступают. В «Молитвеннике» говорится: «Молись духам Земли и Неба». Учитель ответил: а я уже давно молюсь». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 353—354.

⁹³¹ В «Чжуан-цзы» сказано: «В море Бэймин есть рыба, имя ей *кунь*, величина же *куня* — много тысяч ли. Она превращается в птицу, которую называют *пэн*, спина ее простирается на многие тысячи ли. Когда она взлетает в гневе, крылья ее подобны свисающим с неба тучам. Когда море приходит в движение, эта птица переселяется в Наньмин. Переселяясь в Наньмин, *пэн* поднимает волну в три тысячи ли, и, поддерживаемый и колеблемый ею, взмывает ввысь на девяносто тысяч ли, летит шесть месяцев и лишь тогда отдыхает». Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965, С. 273.

⁹³² В «Жизнеописании знаменитых женщин» («Лэной чжуань») рассказывается история о том, как барс во время тумана прятался в опасении, что дождь и туман испортят его шкуру. Данный оборот в изящной литературе стал аллегорией человека, который живет в уединении, отказавшись от государственной службы. Кайфусо. Указ. соч., С. 425.

⁹³³ Перифраз из «Лунь юя», где сказано: «Учитель сказал: «Мудрые избегают несправедного мира; за ними следуют те, кто избегает места, где нет стабильности; за ними — те, кто избегает оскорбительного обращения; за ними — те, кто избегает оскорбительных слов». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 409.

⁹³⁴ Согласно кодексу «Тайхорё», чиновники шестого ранга при дворе носили темно-зеленое платье, а седьмого — светло-зеленое. Рицурё. Указ. соч., С. 353.

⁹³⁵ Вэнь-ди (179—156 гг. до н.э.) — четвертый император династии Хань.

⁹³⁶ Бо Цзюй-и (772—846), другое имя «Лэ-тянь» (досл. «радующий небеса») — один из величайших поэтов Китая. Несмотря на, что придворную карьеру Бо Цзюй-и нельзя назвать блестящей (в связи с дворцовым заговором в 815 году он был выслан из столицы), но принадлежащие его кисти стихотворные шедевры послужили образцами для поэтов, как в самом Китае, так и за его пределами. При дворе хэйанских государей неоднократно проводились поэтические турниры, где придворные сочиняли стихи-«канси» в стиле Бо Цзюй-и. Особенно популярно среди знатоков изящной словесности было собрание творений Бо Цзюй-и «Бо ши вэнь цзи» («Литературное собрание господина Бо») в семидесяти пяти свитках. По подсчетам японских исследователей, только в тексте «Титэйки» содержится двенадцать заимствований из «Бо ши вэнь цзи». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 86—93.

⁹³⁷ Известный кружок интеллектуалов, который получил название «семь мудрецов из бамбуковой рощи», поскольку его участники собирались в бамбуковой роще недалеко от жилища одного из них — Цзи Кана. Идейным вдохновителем кружка был Жуань Цзи (210—263). Помимо него в семерку входили: Цзи Кан (223—262), Сан Сю (230—280), Жуань Сян, Лю Лин, Шань Тао и Ван Жун. Хотя кружок быстро распался, и жизненные пути его участников разошлись, тем не менее, для образованных людей стиль жизни «семи мудрецов из бамбуковой рощи» стал мерилом повседневной деятельности, а идея освобожденности от мира «пыли и грязи» — образцом поведения. Различные истории из жизни «семи мудрецов из бамбуковой рощи» и других интеллектуалов раннесредневекового Китая, например, см.: Книга мудрых радостей. Указ. соч., С. 213—223.

⁹³⁸ Вольное переложение тирады из «Чжуан-цзы», где сказано: «Так и человек: стоит ему оказаться в обществе дурного государя и чиновников-плутов, то, даже если он хочет жить по-доброму, сможет ли он добиться желаемого?». Чжуан-цзы. Ле-цзы. Указ. соч., С. 182.

⁹³⁹ 961—964 гг.

⁹⁴⁰ В «Лунь юй» рассказывается следующая история: «Учитель сказал: Цзан Вэньчжун поместил большую черепаху в специальной комнате, в которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей нарисованы были водяные растения. Каков же его ум?». Переломов Л.С. Указ. соч., С. 337.

⁹⁴¹ Неточная цитата из хроники «Цзинь шу». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 92, примеч. 13.

⁹⁴² Неточная цитата из «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 1, С. 116.

⁹⁴³ Неточная цитата из «Чжуан-цзы», где сказано: «Познавший Путь непременно постиг порядок природы, постигший же порядок природы, непременно осознает равновесие вещей. А тот, кто осознает равновесие вещей, ничем не навредит себе. Человек совершенных качеств в огне не сгорит и в воде не утонет; ему холод и жара не страшны, его звери и птицы не погубят. Это не значит, что ему все нипочем. Я говорю о том, что он умеет отличать опасное от безопасного, покоен в счастье и несчастье, осмотрителен в сближении и отдалении, и поэтому ничто в мире не может ему навредить... Строго блюди эти заповеди и никогда

от них не отступай, — и ты, что называется, «возвратишься к подлинному». Чжуан-цзы. Ле-цзы. Указ. соч., С. 163—164.

⁹⁴⁴ 982 г.

⁹⁴⁵ Жанр представлен восемью разновидностями «памятных надписей»: «тё-симэй» — надписи на бутылочках для сакэ, «кэнмэй» — надписи на мечах, «хаймэй» — надписи на чашечках для сакэ, «судзури мэй» — надписи на тшечницах, «кинмэй» — надписи на цитрах, «дзасамэй» — любимые изречения, «канэмэй» — надписи на колоколах, «канкомэй» — надписи на гонгах и барабанах.

⁹⁴⁶ Лунь юй, III—19; Переломов Л.С. Указ. соч., С. 323.

⁹⁴⁷ Лунь юй, I—7; Переломов Л.С. Указ. соч., С. 301..

⁹⁴⁸ Лунь юй, I—15, XVIII—8; Переломов Л.С. Указ., соч., С. 305, 440.

⁹⁴⁹ Лунь юй, IV—12; Переломов Л.С. Указ. соч., С. 330.

⁹⁵⁰ Чжуан-цзы. Ле-цзы. Указ. соч., С. 61.

⁹⁵¹ Саругаку — театральнo-песенные представления, которые давали бродячие труппы, начиная с VIII в. (включали в себя акробатические номера, фокусы, танцы и песни).

⁹⁵² «Синсаругакуки» было составлено ок. 1052 г. прославленным ученым мужем Фудзивара-но Акихира. Это сочинение представляет собой что-то вроде энциклопедического свода столицы Хэйан и включает описание различных обычаев. Автор «Синсаругакуки» выводит на сцену семью некоего вымышленного человека, занимающего должность старшего военачальника в Правой гвардейской управе и более двадцати лет прослужившего в Хэйане, который однажды ночью решает прогуляться по столичному граду. Фудзивара-но Акихира, рассказывает о каждом представителе этого семейства, имея возможность описывать кварталы города и городские ремесла. Оригинальный текст памятника с переводом на современный японский язык и комментариями см.: Фудзивара Акихира. Синсаругакуки (Новые записи о «саругаку»). Под ред. Кавагути Хисао. Токио, 1985.

⁹⁵³ Т. е. бой на открытой местности.

⁹⁵⁴ Т. е. искусство ночных вылазок.

⁹⁵⁵ Т. е. стрельба на скаку во время преследования отступающего противника.

⁹⁵⁶ Досл. «выжидательная стрельба», т. е. прицельный обстрел противника на близком расстоянии.

⁹⁵⁷ Т. е. стрельба светящимися стрелами. Считается, что «томоси» в ночное время использовалась с целью лучшей координации отдельных воинских подразделений.

⁹⁵⁸ Досл. «пешая стрельба». «Матиюми» — общее наименование всех видов стрельбы из положения стоя: «омато» (стрельба по большой мишени); «комато» (стрельба по малой мишени); «кусадзиси» (стрельба по мишени в виде оленя); «марумоно» (стрельба по круглой мишени) и т. д. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 400.

⁹⁵⁹ Общее наименований всех видов стрельбы верхом на лошади.

⁹⁶⁰ По всей видимости, «касагакэ» выполняло несколько функций. С одной стороны, стрельбы проводились с целью прославления различных божеств. С

другой стороны, при помощи «касагакэ» воины тренировались. Известно, что в период Хэйан во время «касагакэ» использовались либо бумажные мишени, либо широкополую бамбуковую шляпу «каса» (отсюда и название стрельбы). Позднее в период Камакура в качестве мишени использовали соломенный остов в виде шляпы «каса», обтянутый кожей. Основные же правила «касагакэ» были следующие: стрелки на конях двигались по специальной дорожке по направлению к мишеням и начинали стрелять, когда достигали середины пути. Диаметр мишени был около 50 см, а расстояние до нее не менее 15 м. Юсёку кодзицу дайджитэн (Большой словарь древних обыкновений). Под ред. Судзуки Кэйдзо. Токио, 1995, С. 131—132.

⁹⁶¹ Еще один вид конной стрельбы из лука. В отличие от «касагакэ» мишени могли располагаться по обе стороны дорожки. В энциклопедиях периодов Камакура и Муромати сказано, что «ябусамэ» имело практическое значение для воспитания будущего воина, поскольку с его помощью можно было не только обучать (управлению конем без помощи рук, умению вытаскивать стрелы из колчана и натягивать лук, наконец, прицеливаться на скаку), но и проверять уровень подготовки. Со временем «ябусамэ» превратилось в грандиозную церемонию, включающую несколько этапов. Юсёку кодзицу... Указ. соч., С. 685—686.

⁹⁶² Стрельба по восьми мишеням, которые установлены на различном расстоянии от стрелка. Одно из наиболее ранних упоминаний «яцумато» см.: Сёюки, Канко, 2—5—14, 1005 г. Считается, что «яцумато» способствовало не только выработки лучшей координации движений, но и оттачивало навыки прицельной стрельбы из лука.

⁹⁶³ Стрельба по трем мишеням, каждая из которых была установлена на высоте три сяку от земли (ок. 90 см).

⁹⁶⁴ Стрельба по специальным квадратным мишеням. При этом мишень плотно не закрепляли, а основной смысл «табасами» заключался в том, чтобы после попадания стрелой в мишень последняя не упала на землю. Следует отметить, что вышеперечисленные двенадцать видов воинских искусств не исчерпывают всей совокупности известной уже в период Хэйан. Интересно, что детские игры в семьях воинов также существенно отличались от распространенных среди отпрысков хэйанских придворных родов. Несмотря на то, что и те и другие игры могут быть названы развивающими, но у детей самураев большинство игр было связано с обучением премудростям воинского дела. Вот некоторые примеры детских игр будущих воинов: «поймай змею» (было необходимо схватить змею, чтобы та не ужалила, и убить ее); «подстрели маленькую птичку» (с помощью детского маленького лука охотиться на птенцов); «игра с собакой»; «бамбуковая лошадка»; «набивной мяч»; «петушине бои»; наконец, «гиттё» — игра, напоминающая «крикет». Ирумата Набуо. Указ. соч., С. 222—224.

⁹⁶⁵ Из источников периода Хэйан известны три разновидности ведомств, которые возглавляли военные подразделения на территории отдельных провинций: одно из них — военно-полицейское управление «Кэбииситё» (о «Кэбииситё» см. примеч. 343). Помимо этого, упоминаются также чиновники «орёси» и

«цуйбуси». В японской историографии функциональность «орёси» и «цуйбуси» является предметом научной дискуссии. Согласно одной точке зрения, «орёси» и «цуйбуси» — это разные наименования для чиновников с одними и теми же функциями: осуществление административного контроля над формирующимися самурайскими отрядами. Другие исследователи полагают, что между «орёси» и «цуйбуси» существовало не только территориальное, но и функциональное различие. Во-первых, «цуйбуси» назначались только в те провинции, где преобладали земельные владения государева дома (Ямато, Ямасиро, Ки, Исэ, Оми и Иё), а «орёси» служили на Кюсю, Западном Хонсю, Канто и Тохоку, т. е. в наиболее отдаленных от столичного региона Кинай районах. Во-вторых, «орёси» отдельных провинций подчинялись более крупному военному чиновнику — «цуйтоси», компетенция которого охватывала целый регион. Так, Фудзивара-но Тамэтоки был «цуйтоси» семи провинций в регионе Хокурику, а Минамото Тамэтомо являлся «цуйтоси» девяти провинций Кюсю. Что же касается «цуйбуси», то региональных чиновников, которым бы они подчинялись, хэйанские источники не фиксируют. Не менее интересны и сведения о полномочиях «цуйбуси»: право мобилизовать войска в случае необходимости; право на осуществление власти над воинами в качестве командира, назначенного от лица государя; право принимать самостоятельные решения (без необходимого по закону подтверждения вышестоящим начальством) в случае острой необходимости (например, мятеж, нападение разбойников или высадка пиратов); право осуществления ареста и судебного преследования (к примеру, в случае невыполнения прямого приказа); право отмены любого иммунитета (например, в случае нарушения законов монахами или местной знатью); право изымать продуктовые запасы из государственных амбаров для обеспечения войск; наконец, право награждать отличившихся воинов от имени государя. Иными словами «орёси» и «цуйбуси» выполняли военные и полицейские функции на территории одной провинции. На региональном уровне их функции дублировались «цуйтоси». Таким образом, с определенной долей основания можно говорить о формировании иерархии региональных военных подразделений, которые в дальнейшем были положены в основу системы «бакуфу» в период Камакура. Об «орёси», «цуйбуси» и «цуйтоси» подр. см.: Кавадзири Акио. Бумон-но кэйсэй (Становление военных домов). / Сэкан сэйдзи то отё бунка (Система правления регентов-канцлеров и придворная культура). Под ред. Като Томоясу. Токио, 2002, С. 147—150; Симомукай Тацухико. Кокуга то буси (Провинциальные управы и воины). / Нихон цуси (Пространная история Японии). Т. 6. Токио, 2000, С. 194—209.

⁹⁶⁶ В «Ши цзи» рассказывается, что военный конфликт между царствами Юэ и У имел затяжной характер. С одной стороны, в царстве У, зачастую, происходили политические коллизии, с другой, царство Юэ не обладало средствами полностью подчинить У. По этой причине правитель царства Юэ несколько раз заключал с владыкой У перемирие, но позднее нарушал его, отправляя войска на покорение У. Подр. см.: Сыма Цянь. Указ. соч. Т. VI. С. 19—21, 24.

⁹⁶⁷ Согласно древнекитайской мифологии, Юй был основателем легендарной династии Ся. Сам Юй, имевший облик дракона, занимался созидательной деятельностью. В это время на Небе появились десять «солнц-воронов», вызвавшие мировую катастрофу. Один из подданных Юя стрелок по имени И, вооружившись «стрелами из циского бамбука с оперением их Вэй» спас землю от бедствия, убив девять из десяти «солнц-воронов». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 475; Фудзивара Акихира. Указ. соч. С. 73. О стрелке И также см.: Философы из Хуайнани. Указ. соч., С. 24, 200.

⁹⁶⁸ В некоторых источниках периодов Камакура и Муромати упоминается знаменитый стрелок из лука Тодзи, происходивший из рода Масатозэ. Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 74.

⁹⁶⁹ Перевод выполнен по изд.: Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 70—71.

⁹⁷⁰ Дзяку кан (кит. жо гуань) — «головной убор юноши». В древнем Китае, о чем, в частности, свидетельствует текст «Ли цзи», существовал обряд надевания головного убора совершеннолетним юношам, которые достигли двадцатилетнего возраста. Сочетание «жо гуань», иносказательно, стало обозначать молодого человека двадцатилетнего возраста. Цы юань. Указ. соч., Т. 2, С. 1046.

⁹⁷¹ Японцы были людьми практичными. Измены случались постоянно. Для них это не было сопоставимо, к примеру, с европейским понятием конца света или поводом для самоубийства или смерти. Несмотря на развитость институтов брака, по свидетельству древних и средневековых японских текстов развод также был обычным делом. В то время повторные браки не представлялись как нечто исключительное. Известны случаи, когда не только мужчины, но и женщины, вступали в брак по несколько раз, либо заводили любовников. Более того, сексуальность не рассматривается как нечто негативное. Видимо, для древних и средневековых японцев не существовало сексуальных комплексов, но все слои общества боялись одного — бесплодия. Принимая во внимание все существующие находки (будь то письменные свидетельства или предметы искусства), необходимо отметить, что сексуальность затрагивала различные аспекты жизни. В отличие от нас средневековые японцы не считали секс каким-либо особым или секретным действием. Хотя было бы неправильно считать их общество слишком либеральным. Представляется, что секс был настолько обыденной частью частной жизни, что он даже не заслуживал долгих разговоров. Подр. см.: Вакиита Харуко. Нихон тусэй дзёсэй си-но кэнкю (Изучение истории женщин в средневековой Японии). Токио, 1992.

⁹⁷² Сётэн (Винаяка, Ганеша) — мистическое божество ведического пантеона. Согласно представлениям, бытовавшим в Индии, Китае и Японии, Ганеша исполнял желания своих ревностных почитателей, отгонял от них все злые воздействия, приносил им радость, достаток и мир. В Японии Сётэн (Ганеша) стал очень популярным божеством. Его отличительной чертой являлась слоновья голова, символизирующая благорасположенность, мистическую силу, интеллектуальную мощь и способность отсеивать добро от зла. Сётэну, обладающему проницательностью, приписывалась способность чутко воспринимать все просьбы

молящихся. К X столетию Сётэн стал рассматриваться как хранитель гармонических отношений между супругами, а потому помещался в особо почитаемые места и редко выставлялся на обозрение. Из письменных источников XI—XIV веков видно, что изображения Сётэна использовались в тайных ритуалах с целью перенаправить энергию заключенную в них на устранение препятствий в интимных отношениях. По этой причине непременным атрибутом Сётэна выступало так называемое «кольцо удовольствия» (яп. канги тон) — магический предмет, с помощью которого можно было вершить самую сложную любовную магию. Судзуки Масатака. Ками то буцу-но миндзоку (Представления о божествах и Буддах). Токио, 2001, С. 282—284; Танака Такако. Гэхо то айхо-но тусэй (Колдовство и любовные снадобья в средние века). Токио, 1993, С. 75—112.

⁹⁷³ Саэ-но ками — божество, обитающее на перекрестье дорог. В эпоху Хэйан воспринималось в качестве «странствующего божества», которое способно приносить болезни и смерть. Бытовало представление, что обращение (с принесением обильных даров) к Саэ-но ками могло способствовать не только устранению соперницы, но и восстановлению гармоничных отношений между супругами. Саэ-но ками пользовалась особой популярностью среди обитательниц увеселительных заведений. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 446; Танака Такако. Указ. соч., С. 89, 103.

⁹⁷⁴ Отоко-но мацури — празднество, где объектом поклонения являются различные мужские и женские эротические символы.

⁹⁷⁵ Томэ (досл. старая женщина) понималось как старая «лиса-волшебница» белого цвета. По преданиям такие «лисы-волшебницы» обитали в провинциях Исэ и Ига. Японская исследовательница Ёсино Хироко полагает, что речь идет о совокупном образе лисы как магического существа, который сформировался под воздействием китайских представлений о волшебных способностях лисы. По ее мнению, «лиса из Ига» — одна из категорий волшебных лис, объединяющая в себе «лису-оборотня», способную нести человеку только зло, и «тысячелетнюю лису», которая не только может сама достичь бессмертия, но и помогает людям, почитающим ее, в любовной магии. Подр. см.: Ёсино Хироко. Кицунэ. Оммё гогё то инари синко (Лиса. Пять стихий Инь и Ян и верования в Инари). Токио, 1980. В тексте речь идет скорее о средстве, которое воплощало в себе энергию «лисы-волшебницы». Комментаторы отмечают, что Ига — это название провинции, но в то же время слово «ига» имеет тот же корень, что и слово «ука», то есть «пища» или «снадобье». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 396; Фудзивара Акихира. Указ. соч. С. 39—40; Фудзимаки Кадзухо. Абэ-но Сэймэй. Токио, 2000, С. 62—70.

⁹⁷⁶ Согласно средневековому источнику «Инари дзиндзя ко» (Размышления о святилище Инари) Склон Лиса располагался в провинции Ямасиро (уезд Отаки), где проживал род Камо, представители которого в эпоху Хэйан зачастую служили в Ведомстве по делам Инь и Ян (Оммёрё). По преданию знаменитые астрологи Камо-но Мицуёси и Камо-но Арицуги своими уникальными способностями были в немалой степени обязаны покровительству магических существ со Склона Лиса. Интересно, что в одном из жизнеописаний известного астролога

Абэ-но Сэймэя (921—1005), автор, живший в XVIII столетии, пытался объяснить его сверхъестественные способности тем, что матью Абэ-но Сэймэя была белая лиса по имени Кудзу-но ба. Тем не менее, свидетельств периода Хэйан о происхождении Абэ-но Сэймэя от лисы не сохранилось. Позднее в Осака во внутреннем дворике святилища Абэ-но Сэймэя был установлен памятник Кудзу-но ба, который к нашему времени стал объектом поклонения. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 395—396; Симмура Кунихиро. Оммёси рэйдэн (Жизнеописания астрологов-«оммёси»). Токио, 2000, С. 104—110, 137—138; Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 40; Фудзимакэ Кадзухо. Указ. соч., С. 73—79.

⁹⁷⁷ Акомати — имя «лисы-волшебницы», вестницы божества Инари. Согласно средневековым текстам, «Акомати» — одно из трех загадочных существ, находящихся в услужении у божества Инари. Комментаторы отмечают, что «комати» называли молодых женщин, славящихся своей красотой (возможно речь о служительницах святилища, которым приписывали магические способности). При этом «А» — приставка, которая обычно ставится перед кличками. Из текста также может следовать, что под названием «акомати» может пониматься некое чудодейственное средство, воплощавшее в себе дух этой лисы. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 396; Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 40.

⁹⁷⁸ Айхо — общее наименование различных «тайных средств» и «чудодейственных снадобий», применяемых в любовной магии. Некоторые средства из арсенала любовных снадобий приводятся в тексте «Синсаругакуки».

⁹⁷⁹ Годзэ-но саэ — особо почитаемое в провинции Ямасиро божество, по легенде обладающее способностью скреплять разорванные любовные узы. В тексте историко-географического свода «Вамё руйдзю сё» упоминаются связанные с Божеством предков дорог с улицы Годзэ тайные магические ритуалы направленные на возвращение женщинами утерянной любви мужчин. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 396; Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 40.

⁹⁸⁰ Из приведенного отрывка следует, что в народных верованиях возникла и к середине XI века укоренилась некая ассоциация, согласно которой божество Инари представлялось как мужским (бог почвы горы Инари), так и женским (богиня-мать Инари) божеством, излучавшим непреодолимую и загадочную эротическую притягательность, но при этом, сохранившим пугающий характер. В тексте детально описываются многочисленные способы поклонения божеству Инари и божествам, которые в народном сознании прочно с ним ассоциировались, либо являлись различными формами его воплощения. Хэйанские источники свидетельствуют еще об одной стороне верований в божество Инари: многие женщины совершали поклонение Инари с намерением привлечь любовь высокопоставленного придворного, либо добиться счастья в браке. Мацумаэ Такэси. Инари мёдзин (Пресветлое божество Инари). Токио, 1988, С. 3—40. О дальнейшей эволюции верований в божество Инари см.: Мията Нобору. Яма то сато-но синко си (История верований в горы и место обитания). Токио, 1993, С. 151—212.

⁹⁸¹ Си Ши — одна из самых знаменитых красавиц древнего Китая. Судьба Си Ши — образец великолепия и трагедии. Будучи простого происхождения (дочь дровосека), Си Ши была замечена юэским князем Гоу-цзянем и таким образом попала во дворец, очаровав своим изяществом и непревзойденной красотой многих придворных мужей. Во время военных действий с соседним княжество У княжество Юэ терпело поражение за поражением и князь Гоу-цзянь решил на хитрость, отправив правителю У наложницу Си Ши. Стратегический ход оправдал себя: плененный красотой Си Ши правитель У не мог ни о чем более думать и вскорости княжество Юэ победило государство У. По преданию правитель У, дабы Си Ши не досталась более никому, приказал утопить ее, а затем покончил с собой в надежде вновь встретить Си Ши в следующей жизни.

⁹⁸² Эбоси (досл. «шапка цвета ворона») — мужской головной убор без полей, часть повседневного костюма придворной знати. Использовалась по преимуществу во время отдыха вне государева дворца. В зависимости от ранговой позиции и возраста чиновника, форма «эбоси», текстура ткани и жесткость лакировки могли изменяться.

⁹⁸³ Каригину (досл. «охотничья одежда») — один из видов одеяний придворных аристократов, применявшийся в основном для охоты, поездок и паломничеств, тайных свиданий, увеселительных мероприятий. Внешний вид «каригину» варьировался в зависимости от ранга. Во время официальных мероприятий «каригину» можно было использовать, только получив специальное разрешение.

⁹⁸⁴ Хакама — общее наименование широких штанов. Первоначально применялись только в мужском костюме, но в период Хэйан стали элементом и женского костюма.

⁹⁸⁵ Аvasэ-но кину — верхнее одеяние на подкладке. Подкладка по обыкновению была голубого или синего цвета.

⁹⁸⁶ Акомэ — исподняя одежда на подкладке. Материал и способ отделки зависел от ранга чиновника.

⁹⁸⁷ Утиги — разновидность внутренних одеяний в мужском и женском костюме. В мужском костюме одевалось поверх нательного «кимоно-хитоэ». В женском костюме одежды надевались следующим образом: «хитоэ» — несколько «утиги» (обычно пять) — «карагину» — «мо» (юбка-шлейф).

⁹⁸⁸ Фусума — покрывало, которым укрывались во время сна или заворачивались, дабы согреться в холодное время года.

⁹⁸⁹ Хитоэ — легкое нательное кимоно без подкладки (в мужском и женском костюме). Должно было быть длиннее «утиги», чтобы свободно ниспадать до пола.

⁹⁹⁰ Сасинуки — разновидность «хакама».

⁹⁹¹ Суйкан — одежда, получившая свое наименование от названия ткани, из которой ее изготавливали. Повседневное одеяние низкоранговых чиновников гражданских и военных ведомств, а также одежда юношей несовершеннолетнего возраста (до обряда «гэмпукү»).

⁹⁹² Каммури — мужской головной убор, элемент официального парадного одеяния («сокутай»), придворного костюма-«икан» и повседневной одежды-«носи». Разновидности «каммури» таковы: государь носил «рюэй каммури», чиновники гражданских ведомств — «суйэй каммури», военные чиновники — «кэ-нэй каммури», а низкоранговые служащие — «сайэй каммури».

⁹⁹³ Уэ-но кину — верхняя одежда (доходила до бедер или колен). От ранга зависела расцветка и текстура применяемой ткани.

⁹⁹⁴ Хампи — куртка с короткими рукавами. Надевалась поверх длинной нижней одежды-«ситагасанэ» под «уэ-но кину». Часть парадного одеяния-«сокутай».

⁹⁹⁵ Ситагасанэ — нижнее одеяние со шлейфом-«кё», тянувшееся по полу. Длина шлейфа варьировалась от высоты ранга придворного.

⁹⁹⁶ Оокути (оокути бакама) — обозначает «большой рот». Часть парадного костюма-«сокутай» (изготавливались из красного узорчатого шелка).

⁹⁹⁷ Уэ-но хакама — верхние одежды-«хакама». Элемент «сокутай».

⁹⁹⁸ Оби (сэкитай) — кожаный пояс, часть костюма-«сокутай». Кожу покрывали черным лаком и украшали в соответствии с высотой ранга слоновой костью, нефритом, яшмой, агатом, золотом и серебром. Помимо этого пояс высокопоставленных чиновников мог украшаться узорами.

⁹⁹⁹ Тати — церемониальный меч (парадное оружие). Такой меч носили на поясе, и для этого требовалось специальное разрешение. Эфес и ножны инкрустировались драгоценными металлами, слоновой костью и ценными породами дерева.

¹⁰⁰⁰ Сяку — деревянная табличка длиной ок. 36 см и шириной до 6 см. В Китае, откуда были позаимствована такая деталь церемониального придворного одеяния, использовалась для записей (с этой целью к «сяку» прикрепляли лист бумаги (яп. сякугами). В Японии «сяку» воспринималась в качестве своеобразного «пропуска» во дворец.

¹⁰⁰¹ Оги — веер. Существовало несколько видов вееров, самым распространенным из которых был «хиоги» (изготавливался из пластинок кипарисовика). «Хиоги» часто назывался «зимним веером», поскольку придворная знать носила его за пределами дворцового комплекса с охотничьим платьем-«каригину» в зимнее время. Другая популярная разновидность веера — «кавахори» (так называемый «летний веер»).

¹⁰⁰² Куцу — общее название обуви.

¹⁰⁰³ Таби (ситодзу) — разновидность японских носков (без отделения для большого пальца). Шились из белого нелощеного шелка (для придворных одежд — из белой парчи). Крепились на щиколотке с помощью завязок.

¹⁰⁰⁴ Мумакура — седло.

¹⁰⁰⁵ Юми — японский длинный лук.

¹⁰⁰⁶ Янагуи — колчан для стрел.

¹⁰⁰⁷ Дзюся — свита, ближайшее окружение.

¹⁰⁰⁸ Кувандзоку — общее наименование для всех представителей семьи. Иносказательно: «большое семейство».

¹⁰⁰⁹ Рикуги (кит. «лю и») — наиболее ранняя форма жанровой классификации в Китае. Значение этих категорий активно обсуждалось литературными критиками, как в Китае, так и в других странах, где получили распространение китайские представления о литературе. Согласно одной из версий, разработанность концепции «лю и» может свидетельствовать об осознании китайскими, корейскими и японскими мыслителями самостоятельного литературного творчества и об их повышенном интересе к его структуре.

¹⁰¹⁰ Хатибё (кит. «ба бин») — «восемь пороков (болезней)» в технике классического стихосложения: плоская голова, задранный хвост, осиная талия, журавлиные коленки, большая (внутренняя) рифма, малая (побочная) рифма, боковой узел, прямой узел. «Ба бин» — общее наименование теории для лирической поэзии, разработанная одним из ведущих представителей китайской раннесредневековой словесности Шэнь Юэ (441—513). Первые четыре непосредственно касались просодии, остальные различных особенностей рифмы. Подр. см.: Духовная культура Китая. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М., 2008, С. 207—209.

¹⁰¹¹ Этот и следующий отрывок из «Синсаругакуки» имеют огромное значение для понимания канонов красоты, существовавших при государевом дворе в период Хэйан. Такой канон формировался как под воздействием китайского эстетического идеала, так и под влиянием собственно японских представлений о красоте. Однако при этом необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство: китайский канон красоты не представлял собой единого монолита и в разные периоды представления о прекрасном и безобразном могли изменяться. Так, в период Вэй (220—265) наиболее предпочтительной считалась стройная красавица с тонкой талией, а все естественные выпуклости намеренно сглаживались. Многие произведения Шести династий (III—VI вв.) изобилуют описаниями тонких и хрупких женщин с точеными овальными лицами. Позднее в период Тан (618—907) идеал красоты, наоборот, требовал, чтобы женщины были хорошо сложены, имея круглые, пухлые лица, пышную грудь, с тонкой талией, но тяжелыми бедрами — именно такие женщины нравились мужчинам. По всей видимости, в хэйанской Японии произошло сочетание различных китайских эстетических канонов, о чем могут свидетельствовать изображения на свитках эпохи Хэйан. Как видно из хэйанских источников, в этот период были разработаны довольно подробные представления о «идеальной красоте» и «уродстве», как о двух противоположностях эстетического канона. Подр. см.: Фукуто Санаэ. Хэйантё-но онна то отоко (Женщина и мужчина в период Хэйан). Токио, 1995. О китайском и японском идеалах красоты в древности и средневековье см.: Weidner, Marsha. Flowering in the Shadows: Women in the History of Chinese and Japanese Paintings. Honolulu, 1988.

¹⁰¹² Имеется в виду «дзидзю», который по своему положению напоминал камергера высочайшего двора в русской традиции.

¹⁰¹³ Т. е. глава Куродо докоро.

¹⁰¹⁴ В оригинале использован термин «ханкан», согласно кодексу «Тайхорё», применяемый для наименования всех старших судебных чиновников. Рицурё. Указ. соч., С. 174. Однако в период Хэйан термином «ханкан», помимо судей из Гёбусё (Министерство наказаний), именовались и чиновники полицейского управления Кэбииси.

¹⁰¹⁵ Яп. Саэмонфу — управа, в обязанности которой входила охрана всех воротлевой половины государева дворца.

¹⁰¹⁶ Изготовление зеркал в виде хвостового оперенья фазана было распространено уже в период Нара. Однако в период Хэйан такие зеркала получили дополнительные изыски (ручка из слоновой кости, ободок из жемчуга или нефрита и т. д.). В то же время появились так называемые восьмигранные зеркала, напоминающие цветок лотоса, а также различные зеркала на инкрустированной подставке из дорогих пород дерева. Гэндзи моногатари дзутэн. Указ. соч., С. 58—60. Юсёку кодзицу... Указ. соч., С. 124—125. Также см.: Манъёсю (Собрание мириад листьев). Пер. с япон. и коммент. Глускиной А.Е. Т. 1—3. М., 1971, Т. 2, С. 529.

¹⁰¹⁷ Речь идет о слоговых азбуках катакана и хирагана.

¹⁰¹⁸ Согласно существовавшей традиции, воспитание юной дамы из аристократического семейства должно было осуществляться в строгости. При этом даже после совершеннолетия и бракосочетания дама не обладала большой свободой передвижения. Более того, считалось, что знатная дама (супруга или дочь) должна быть практически «невидима» (выезд за пределы внутренних покоев без позволения мужа или отца мог повлечь серьезное наказание) и «неслышима» (излишняя разговорчивость дамы считалась одной из официальных причин развода). О положении дамы в период Хэйан подр. см.: Нисимура Хироко. Кодай Тюсэй-но кадзоку то дзёсэй (Семья и женщина в древности и средневековье). Токио, 2002. В конце эпохи Хэйан среди японской знати особое предпочтение получают буддийские представления о «правильном поведении женщины», а в период Камакура создаются трактаты, где обозначается вся совокупность положительных и отрицательных качеств женщины. Самым известным из таких произведений можно считать «Цума кагами» («Зерцало жен»), принадлежавшее кисти знаменитого буддийского монаха Мудзю Итиэна. О самых опасных пороках женщин в «Цума кагами» сказано: «Есть семь смертных грехов женщин. Во-первых, как несметное количество маленьких рек впадает в море, так и женщины свободны от угрызений совести, не понимая, что своими действиями они вызывают желание у мужчин. Во-вторых, наблюдая женщин в домашней обстановке, мы видим, что они никогда не теряют бдительности, но их сердцами управляет злой умысел. В-третьих, принимая во внимание свою природную склонность к обману, женщина готова насмеяться над мужчиной еще до того, как он успеет что-то сказать. Когда женщина говорит о чем-либо с интересом, внутри она холодна и ее переполняет чувство зависти. В-четвертых, пренебрегая религиозными ритуалами, женщина обеспокоена только своими нарядами. Думает

только о внешности и стремится привлечь внимание других людей. В их сердцах постоянно пребывает желание покорять мужчин, независимо от того далеко или близко они находятся. В-пятых, в поступках своих женщины руководствуются хитростью, а правда редко исходит из уст женщины. Женщины часто желают зла другим, не боясь того, что при этом они увеличивают свою собственную греховность. В-шестых, сжигая себя в огне страсти, женщины не испытывают чувства стыда перед окружающими. Их сердца обманчивы и они не боятся даже острого клинка. Даже в состоянии опьянения, женщина не чувствует вины. В-седьмых, тело женщины всегда нечисто по причине регул. Беременность и ритуальная нечистота вследствие рождения детей приводит к тому, что злые духи наполняют их, а добрые уходят прочь. Только безумные сочтут все это приятательным, но мудрые испытают лишь отвращение». Morell R.E. *Mirror for Woman*. Tsuma kagami. // *Monumenta Nipponica*, Vol. 35, 1980, № 1, P. 67—68.

¹⁰¹⁹ Знаменитая красавица эпохи Тан (другое имя Ян Тай-чжэнь). Была искусна в пении и танце. Стала наложницей сына императора Сюань-цзуна и получила прозвище Тай-чжэнь (досл. «великая истина»). Потом император приблизил ее к себе и пожаловал титул придворной дамы (кит. гуйфэй). С временем все ее братья и сестры заняли при дворе высокое положение, а двоюродный брат даже стал Первым министром. По прихоти Ян Гуй-фэй всадники, сменяя друг друга, доставляли во дворец свежие фрукты. Расточительство фаворитки вызывало у современников чувство горечи и возмущения. Когда разразилось восстание Ан Лу-шаня, Ян Гуй-фэй бежала из столицы вместе с императором Сюань-цзуном. Во время бегства на почтовой станции Мавэй (к западу от совр. уезда Синьпин, пров. Шэньси) по требованию взбунтовавшейся охраны император повелел Ян Гуй-фэй покончить с собой. После подавления восстания император Сюань-цзун при помощи даосской магии пытался вернуть дух Ян Гуй-фэй. Подр. см.: Levy, Howard S. *The career of Yang Kuei-fei*. / *Toung Pao*. Vol. 45. Livr. 4—5, 1957, p. 451—489.

¹⁰²⁰ Наложница ханьского императора У-ди (140—87 гг. до н.э.). Известно, что император У-ди более тяготел к юношам, чем к дамам. Исторические источники даже сохранили имена нескольких любовников У-ди, наиболее известными из которых были Хань Янь и Ли Янь-нань. При этом отношения между любовниками были крайне напряжены (порой доходило до того, что один из них убивал другого) и это, зачастую, раздражало императора. Ли Фу-жэнь была сестрой Ли Янь-наня и император настолько привязался к ней, что стал со временем охладевать к своим любовникам, многие из которых весьма болезненно восприняли перемены (один из любовников, к примеру, ночью покончил жизнь самоубийством с таким расчетом, чтобы утром его бездыханное тело обнаружил сам У-ди). Согласно легенде, после кончины Ли Фу-жэнь император У-ди оставался безутешным. Он призвал к себе знаменитых магов и потребовал от них либо найти девушку, в которую переселилась душа Ли Фу-жэнь, либо вернуть душу умершей Ли Фу-жэнь в тело одной из его молодых наложниц. Однако предпринятые действия не увенчались успехом, и император приказал казнить неудач-

ливых магов, а сам так и не смог найти утешения вплоть до своей смерти. О Ли Фу-жэнь и регламенте женских покоев императорского дворца подр. см.: Фудзикава Масакадзу. Кандай-ни окэру кохи-но синсё-ни цуйтэ (О положении принцесс в период Хань). / Тохогаку, № 67, 1984, С. 16—33. О взаимоотношении полов в сексуальной жизни древнего Китая см.: Harper, Donald. The Sexual Arts of Ancient China as Described in a Manuscript of the Second Century B.C. / Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 47, 1982, p. 365—442.

¹⁰²¹ Перевод осуществлен Витязевой О.Г. См.: Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 158—161. Комментарии к переводу составлены Грачёвым М.В.

¹⁰²² Элемент традиционного женского одевания. Первое надевание юбки-«мо» (яп. моги) осуществлялось с двенадцати до четырнадцатилетнего возраста и символизировало переход во взрослое состояние. В период Хэйан был разработан довольно жесткий регламент «моги» включающий, помимо собственно «надевания юбки-«мо», еще и укладку волос в первую взрослую прическу. Подр. см.: Накамура Ёсио. Отё-но фудзоку то бунгаку (Придворные обычаи и литература). Токио, 2003, С. 140—149.

¹⁰²³ Перевод осуществлен Витязевой О.Г. См.: Фудзивара Акихира. Указ. соч., С. 168—171.

¹⁰²⁴ В данном отрывке представлен скорее собирательный образ «асоби».

¹⁰²⁵ Традиционно японские исследователи считали, что до конца XIV столетия в Японии не существовало такого явления как проституция. Тем не менее, современные исследователи, обратившиеся к комплексному изучению различных письменных и изобразительных источников, допускают возможность существования особых социальных групп, которые предоставляли услуги интимного рода уже в эпоху Хэйан. Существовали три разновидности таких групп: 1) «асоби» (развлекали путешественников в море или речных пристанях); 2) «кугуцу» (входили в состав трупп фокусников и кукольных театров, а также исполняли японские «имаё»); 3) «сирабёси» (развлекая мужчин, танцевали и пели в мужской одежде). Наиболее ранние сведения об «асоби» и «кугуцу» относятся уже к середине периода Хэйан (середина XI в.), а о «сирабёси» — к концу эпохи Хэйан (середина XII в.). «Яхоти» — «асоби», работающие по вечерам и ночам, которые чаще обычных «асоби» предоставляли сексуальные услуги, предпочитая минимизировать невинный досуг клиентов. Вамё руйдзюсё (Японские наименования, классифицированные по родам). Токио, 1985, С. 16. И все же мы не можем говорить о существовании проституции в эпоху Хэйан в полном смысле этого слова, хотя бы по той причине, что социальный статус данной категории женщин остается до конца невыясненным. Положение «асоби», например, было подвижным, и любая из них могла стать наложницей или постоянной любовницей высокопоставленного вельможи, даже самого государя. К тому же в Японии периода Хэйан только начался переход от отношений продуктового обмена в экономике в пользу денежных расчетов и восприятия услуг в качестве товара. В таких условиях сложно провести грань между женщинами, которые за свои услуги (даже будь то услуги интимного плана) получали денежное вознаграждение, и теми,

кто получал за такие услуги подарки в виде отрезков ткани, предметов туалета или подношений продуктами. Более того, для специалистов существует множество до сих пор окончательно не разрешенных вопросов. Среди них следующие: как «асоби», «кугуцу» и «сирабёси» воспринимались обществом (в качестве продажных женщин или как представительниц сферы досуга и развлечений)?; были ли они объектом общественного порицания и дискриминации?; каковы структура и функции обозначенных социальных групп?; наконец, каково место и значимость таковых в социальной иерархии? Такигава Масадзиро. Юдзё-но рэкиси (История «юдзё»). Токио, 1965, С. 14—18; Фукуто Санаэ. Хэйантё-но онна то отоко (Женщины и мужчины в период Хэйан). Токио, 1995, С. 74—76. Подр. см.: Сэкигута Хироко. Нихон кодай конъин си-но кэнкю (Изучение истории брака в древней Японии). Токио, 1993, С. 146—157.

¹⁰²⁶ Из исторических источников известно, что уже в конце X века «асоби» начали использовать маленькие лодки для проведения своих развлекательных представлений на различных пристанях реки Ёдо (Эгути, Кавасиои, Камусаки, Касима и Кая), расположенных в западном направлении от столичного града Хэйан, Излюбленным местом «асоби» считались также порты во Внутреннем Японском море, наиболее известным из которых был Муру. Такие своеобразные «кварталы удовольствий», расположенные по обоим берегам реки Ёдо, образовывались в наиболее оживленных местах на пути паломничеств к важным религиозным центрам (святилища Сумиёси и Хирота, храмы Кумано и Тэннодзи). Развитие таких кварталов совпало по времени, когда среди знати особое распространение получила мода на паломничества по святым местам. Обычно паломники по дороге к святым местам практиковали воздержание от половых связей для поддержания духовной чистоты, но на обратном пути зачастую пользовались услугами «асоби». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 154—156, 158—159, 445—451; Хонтё: мондзуй. Указ. соч., С. 60—61. Также см.: Гомо Фумихико, Сано Мидори, Мацуока Симпэй. Тюсэй бунка-но би то тикара (Красота и сила в средневековой культуре). Токио, 2002, С. 36—37; Фукуто Санаэ. Хэйан-но мяко то хина-но дзёсэйтати (Женщины столицы и дальней округи в период Хэйан). / Сэкан сэйдзи то отё бунка (Политика регентов и канцлеров и придворная культура). Под ред. Като Томоясу. Токио, 2002, С. 252—253. Позднее в эпоху Камакура появились новые излюбленные места нахождения обитательниц увеселительных кварталов. Среди них — окрестности святилища Цуругаока Хатимангу, а также постоялые дворы Кагами в провинции Оми и Хасимото в провинции Тотоми (расположены на пути следования к храму Хоккэдзи, который был местом массовых паломничеств). Именно там и обосновались «сирабёси», организовав целую сеть заведений развлекательного плана. Табата Ясуко, Хосокава Рёити. Нёнин, родзин, кодомо (Женщины, старики, дети). Токио, 2002, С. 47—51.

¹⁰²⁷ Каваками и Сакамото — наименование постоялых дворов, где осуществлялось обучение искусству обольщения мужчин.

¹⁰²⁸ В медицинском трактате, составленном Тамба Ясуёри (912—995) в 984 году, в русле даосской традиции «вращения» и «продления жизни» упо-

минаются такие методы сексуального общения как «летающий дракон» и «поступь тигра». Тамба Ясүёри. Исинхо (Истинный метод врачевания). Т. 7. Токио, 1935, С. 2576, 2602.

¹⁰²⁹ Мияги, Кокарасу, Якуси и Наруто — имена известных куртизанок.

¹⁰³⁰ Оэ-но Масафуса (1041—1111) — знаменитый ученый эпохи Хэйан. Автор многочисленных произведений (его дарование проявилось и в прозе, и в поэзии), к числу которых принадлежит обширный свод придворного церемониала «Гокэ сидай». Оэ-но Масафуса участвовал во многих поэтических сборниках, в том числе в «Госюисю» и «Мудайси». Наиболее всего он прославился в жанре коротких дидактических рассказов (яп. сэцува). Кисти Оэ-но Масафуса принадлежат «Хонтё синсэн дэн» (Жизнеописания святых и бессмертных нашей страны), «Кобики» (Записки о лисьих чарах) и многие другие шедевры японской литературы.

¹⁰³¹ Японские исследователи горячо дискутировали проблему происхождения «юдзё». Существуют две основные теории. Сторонники одной точки зрения отмечают, что традиции «юдзё» в сфере развлечений восходят к китайским и корейским иммигрантам. Другие специалисты допускают возможность происхождения женских объединений «юдзё» от женщин-шаманок, которые выполняли особые религиозные ритуалы магического свойства при дворе. И хотя ни одна из представленных теорий на данный момент не может быть окончательно доказана, тем не менее, они имеют точки соприкосновения: большинство специалистов предполагают, что становление традиций «юдзё» происходило в промежутке между VIII и X веками, и к середине X столетия в целом культура «юдзё» оформилась. Представительницы родов «асобубэ», которые в VIII веке принимали самое активное участие не только в церемониале погребения (в качестве плакальщиц и исполнительниц ритуальных танцев), но и в песенно-обрядовых действиях «утагаки», в X столетии предоставляли широкий спектр услуг (в том числе и интимного плана). Рё-но сюгэ. Указ. соч., Т. 4, С. 966—967; Сёку Нихонги, Хоки, 1—3—28, 770 г. Араи Кикуфу. Асобубэ ко (Размышления об «асобубэ»). / Сёку нихонги кэнкю (Изучение «Сёку нихонги»). Т. 9, № 9, 1978. Подробнее о теориях происхождения «юдзё» см.: Накаяма Таро. Нихон мико си (История шаманок в Японии). Токио, Парутосу ся, 1984, С. 469—476; Такигава Масадзиро. Указ. соч., С. 14—18.

¹⁰³² Сведения о структуре объединений «юдзё» не слишком обширны. Сохранились упоминания о том, что такие объединения организовывались и управлялись женщинами. По всей вероятности, главу «юдзё» (яп. тёдзя) выбирали либо из наиболее авторитетных представителей группы, либо ими становились самые состоятельные (в финансовом смысле этого слова) женщины. Подробных сведений о методах контроля главами групп простых ее членов не сохранилось, но некоторые источники содержат упоминания о необходимости получения простыми «юдзё» письменных разрешений даже в случае временного отсутствия на территории «увеселительного квартала». Такое разрешение выдавалось главой объединения. Тёсюки (Записи долгой осени). Т. 1—2. Киото, 1965,

Гэньэй, 2—9—6, 1119 г. Подробное исследование положения глав объединений «асоби» в периоды Хэйан и Камакура см.: Тоёнага Сатоми. Тюсэй-ни окэру асоби-но тэдзя-ни цуйтэ (О главах «асоби» в средние века). / Тюсэй Нихон-но сёсо (Альтернативные подходы к средневековой Японии). Под ред. Ясуда Мотохиса. Токио, 1989, С. 408—421.

¹⁰³³ В исторических и литературных источниках периода Хэйан сохранились упоминания о возможных брачных отношениях между придворными чиновниками и деятельными женщинами из числа незнатных особ. «Уцухо моногатари», в частности, свидетельствует о браке между министром Такамото и «богатой женщиной» по имени Токумати. Повесть о дупле (Уцухо моногатари). Т. 1, СПб., 2004, С. 146. По мнению Фукуто Санаэ, браки между высокопоставленными придворными и женщинами незнатного происхождения — это сравнительно позднее явление, непосредственно связанное с изменением социально-политической обстановки в стране. Чиновники в условиях нерегулярных выплат сезонного жалования из казны, о чем, к примеру, свидетельствует седьмой пункт «Рекомендаций в 12 пунктах» Миёси-но Асоми Киёюки (полный перевод документа смотри в настоящем издании), дабы поправить свое имущественное положение, даже, порой, несмотря на неодобрительное отношение окружающих, женились на состоятельных дамах. Наиболее предпочтительными партиями в этом плане считались браки с женщинами, управляющими торговыми корпорациями, или с дамами, которые возглавляли объединения «юдзё». Фукуто Санаэ. Хэйан-но мияко... Указ. соч., С. 250—253.

¹⁰³⁴ Тёхо (999—1004) — один из девизов правления государя Итидзё (986—1011).

¹⁰³⁵ Нихон киракю, Тёхо, 2—3—20, 1000 г.

¹⁰³⁶ Тёгэн (1028—1037) — один из девизов правления государя Гоитидзё (1016—1036).

¹⁰³⁷ Сёюки, Тёгэн, 4—9—25, 1031 г.

¹⁰³⁸ Энкю: (1113—1118) — один из девизов правления государя Тоба (1107—1123).

¹⁰³⁹ Фусо рякки, Энкю, 5—2—20, 1117 г.

¹⁰⁴⁰ В «Ши цзи» сказано: «Чэнь Пин стал распорядителем [запасов] в храме поселения. Он так равномерно распределял жертвенное мясо и другие припасы, что фулао [старейшины общины] говорили: «Превосходно. Юный Чэнь — хороший распорядитель!» На это Чэнь Пин отвечал: «О, если мне Пину, поручили распоряжаться Поднебесной, то я поступал бы так же, как с этим жертвенным мясом и припасами!». Сыма Цянь. Указ. соч. Т. VI., С. 225.

¹⁰⁴¹ В тексте используется термин «гокэ» — «сильные (известные) дома». В трактате XIV «Какайсё» (Записи о реках и морях) отмечается, что «гокэ» могли включать от ста до тысячи членов, а в «Исторических записках» Сыма Цяня аналогичны термином называются родовые группы, в состав которых входило несколько тысяч человек. Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 447.

¹⁰⁴² Речь идет о сочинении знаменитого придворного ученого Оэ-но Юки-токи (955—1010) под названием «Юдзэ-о миру» (О «юдзэ»), где в манере, присущей произведениям изящной словесности, описывается повседневность «юдзэ». В «Юдзэ-о миру», в частности, есть такие слова: «Молоденькие девушки накладывают на лицо пудру, румяна и помаду. Они ублажают сердце мужчины песнями и улыбками. Более опытных из них можно увидеть в лодках с зонтиками. Мужья, если их и осуждают, то только за недостаточное количество почитателей, а родители желают им изобилия клиентов. Это стало повсеместным обыкновением и чувства людей не имеют значения». Хонтэ мондзуй. Указ. соч., С. 60—61. Есть немало документальных свидетельств обеспокоенности властей вольготным и, порой, бесконтрольным поведением «юдзэ». Почитатель строгих нравов Оэ-но Масафуса с раздражением писал: «Женщины изящно подводят брови и используют особые составы, дабы создать эффект ложных слезинок на щеках. В таком виде они и жеманничают во время прогулок. Украшая себя в красные тона, поют соблазнительные песни и играют чувственную музыку... Они не возделывают рисовые поля и не выращивают тутовых деревьев, а власти не способны их контролировать. Не занимаются они и ремеслом. Они как «перекати-поле», словно не замечают вышестоящих чиновников, да и служащих местных управ не боятся. Они не платят налоги, и вся жизнь их основана на развлечениях. По вечерам они поклоняются ста божествам. Танцуют под барабаны и весело шумят, с мольбами обращаясь к божествам за благополучием». Кодай сэйдзи... Указ. соч., С. 158.

¹⁰⁴³ Тюнагон — должность придворного советника среднего ранга. Первоначально была введена в качестве замещающей для должности придворного советника старшего ранга (яп. дайнагон), а также определения круга потенциальных претендентов на пост «дайнагона». В окончательном виде иерархия придворных советников высшего ранга сложилась во время правления государя Камму и включала три различных должности: «санги» — советник третьего ранга; «тюнагон» — советник второго ранга; «дайнагон» — советник первого ранга. Такие советники входили в состав «Гисэйкана» — органа высшей политической власти и были допущены к самым важным секретам государственного управления. Тем не менее, в отечественном японоведении не сложилось единого порядка перевода названий должностей советников Гисэйкана. «Санги» традиционно переводится как «придворный советник», «тюнагон» — «средний советник двора», а «дайнагон» — «старший придворный советник».

¹⁰⁴⁴ 923—931 гг.

¹⁰⁴⁵ Фудзивара-но Тадахира (880—949) — государственный деятель периода Хэйан. Сын Канцлера Фудзивара-но Мотоцунэ. Сделал блестящую придворную карьеру дослужившись до постов Главного министра и Канцлера-«кампаку». В источниках известен также под псевдонимом «господин Саданобу».

¹⁰⁴⁶ Фудзивара-но Санэри (900—970) — государственный деятель периода Хэйан. Канцлер. Сын Фудзивара-но Тадахира.

¹⁰⁴⁷ Речь идет о государе Дайго (897—930), во время правления которого получают распространение представления о «мудром правителе» (яп. сэйдай). «Мудрый правитель» должен был инициировать различные благие деяния и заботиться об образовании и нравственном состоянии подданных. Более того, могущество государя было настолько велико и всеохватно, что он обладал властью не только над подданными, но и над духами, нечестью и необыкновенными существами подведомственной ему территории. В историко-литературном памятнике XI столетия «Эйга моногатари» (Повесть о славе) сказано, что «сэйдай» — это правитель способный заставить своим благородным духом даже ветер оставить ветви деревьев в покое, дабы сберечь цветы, которые наполняют ароматом неподвижный весенний воздух, и темно-красные и желтые листья, мирно лежащие на ветках в осеннюю пору. Непочтение к правителю в любой форме считалось недопустимо и квалифицировалось не только как в высшей степени непочтительный акт (яп. мурэй), но, порой, как уголовнонаказуемое преступление.

¹⁰⁴⁸ Дайнагон — должность придворного советника старшего ранга. Зачастую, чиновники, обладающие постом «дайнагона», замещали старших министров (Правого, Левого и Главного) во время их отсутствия на службе по уважительным причинам. Пост «дайнагона» в период Хэйан был свидетельством социальной, политической и экономической стабильности, а потому (как явствует из исторических и литературных источников этой эпохи) многие чиновники мечтали заполучить эту должность хотя бы перед смертью, дабы увеличить социальный престиж своего семейства.

¹⁰⁴⁹ Фудзивара-но Митиакира (856—920) — крупный придворный сановник. Автор нескольких произведений в стиле подражания древним китайским мудрецам.

¹⁰⁵⁰ Дайдзёкан — Большой государственный совет. Именно в Дайдзёкане решались все важнейшие государственные дела. Глава Дайдзёкана обладал огромным влиянием и, зачастую, юные государи находились под его мощным давлением. Управляющий делами Дайдзёкана (яп. Бэнкан) — ключевая должность в делопроизводственной рутине. В период Хэйан пост управляющего делами Дайдзёкана считался очень престижным с точки зрения политического влияния при дворе и возможности налаживания социальных связей. Согласно официальному протоколу существовало два главных управляющих — Левый (яп. Сабэнкан) и Правый (яп. Убэнкан), каждый из которых контролировал всю входящую и исходящую письменную документацию между Дайдзёканом и четырьмя (из восьми) министерствами. Помимо этого были управляющие среднего и низкого рангов.

¹⁰⁵¹ Фудзивара-но Корэсигэ (?) — представитель среднерангового чиновничества. Фаворит государя Кадзана. Знарок сумо и частый участник веселых пиршеств. В хэйанских источниках манеры Фудзивара-но Корэсигэ стали «притчей во языцах».

¹⁰⁵² Государь Кадзан (984—986). После отречения (ум. 1008) сохранял небольшое влияние при дворе.

¹⁰⁵³ Сокуи — одна из церемоний интронизации японского государя. Основ- ной смысл состоял в принесении подданными клятвы верности новому правите- лю, подношении ему священных регалий в виде «зеркала» и «меча», а также вру- чения (после церемониального троекратного отказа) символов власти: государ- ственной печати и жезла верховного правителя.

¹⁰⁵⁴ Дайгокудэн (досл. Зал Полярной звезды) — Тронный зал в государевом дворце.

¹⁰⁵⁵ Внутренние (т. е. проходившие во «внутренних покоях» дворца или усадьбы аристократа) пиры (яп. найэн) представляли собой один из важнейших элементов «культурной жизни» знати эпохи Хэйан. Пирыв являлись не просто приятным времяпрепровождением, но и одной из форм управления государст- вом. Для начала, необходимо сказать, что существовало множество разнообразно- стей пиршеств. Только во время первого лунного месяца в цикле мероприятий, направленных на осуществление благоденствия страны на протяжении всего будущего года, устраивались следующие пиры: новогодний пир (1-й день); пир для государыни и наследного принца (2-й день); пир в усадьбах «регента» и «канцлера» (2-й день); пир в «первый день Крысы» Нового года; пир в честь дня сбора молодой зелени (обычно 5-й день); пир после церемонии лицезрения го- сударем белых лошадей (7-й день); пир по поводу празднования «Госайэ», когда государь читает сутру, защищающую страну от различного рода нападений в те- чение будущего года (между 8-м и 14-м днями); пир по случаю «первого дня Зайца»; пир по причине ритуально-песенного шествия «тока» (14-й или 16-й день). При этом источники периодов Нара и Хэйан позволяют говорить о мно- гообразии форм пиршеств: после религиозных церемоний, по случаю счастли- вых знамений, по случаю прибытия гостя (гостей), в качестве завершающего элемента государственных ритуалов; по причине прибытия иностранных послов или представителей региональных элит во дворец и т. д. Именно на пирах за- ключались договоры между странами и отдельными территориями, налажива- лись добрососедские отношения между различными родами, а также устанавли- вались социальные связи между конкретными людьми. В период Хэйан класси- ческим образцом пира в реализации его политической функции считается «най- эн», проведенный в 886 году. Это ритуализованное мероприятие формально бы- ло связано с двумя очень важными событиями для канцлера Фудзивара-но Мотоцунэ, в частности, и всей «семьи регентов и канцлеров» (яп. сэкканкэ), в общем. Дело в том, что во 2-й день 1-го лунного месяца 2-го года Нинна (886 г.) была проведена церемония совершеннолетия для Фудзивара-но Токихира — старшего сына канцлера Фудзивара-но Мотоцунэ, а в 16-й день того же месяца удостоились повышения в рангах сразу 28 представителей «семьи регентов и канцлеров». По этой причине в 20-й день 1-го лунного месяца Фудзивара-но Мотоцунэ организовал грандиозный пир в Зале Стяжания гуманности. В этом пиршестве принял участие государь Коко (884—887), а также 63 высокопостав- ленных чиновника, включая всех министров и придворных советников различ- ных рангов. Круг вопросов, решенных во время пира, был поистине огромен:

рассмотрен вопрос о целесообразности поездки государя по провинциям региона Кинай, а также провинциям Оми и Мино; определено разграничение властных полномочий между канцлером и регентом; для них же установлен порядок предпочтения при испрашивании высочайшей аудиенции; обсуждена кандидатура нового придворного советника (яп. санги), нового главы Государевой канцелярии (Куроодо докоро) и одного из управляющих делами Большого государственного совета и т. д. Всего было затронуто 27 вопросов государственного управления, а некоторые из них (по причине их окончательной разрешенности) так и не были вынесены на обсуждение Высшей политической палаты (Гисэйкан), состоявшееся 29-го дня того же месяца. Однако, помимо этого, нарские и хэйанские пиры — это и способ реализации идей «фурю» об изящности жизни представителей образованной элиты. Довольно распространенным явлением были так называемые «выездные пиршества», где на лоне природы занимались стихосложением, играли на музыкальных инструментах, а сам процесс винопития был эстетизирован. Известно, что хэйанские аристократы не только по причине определения вкусовых качеств, но и для получения большего чувственного наслаждения от такого благородного напитка как вино, зачастую не просто пили его, а капали себе на язык. Самой известной в древней и раннесредневековой Японии разновидностью пира (хотя его корни уходят в китайскую культурную традицию III—V вв. н.э.) являлся «гокусуй эн» — «пир искривленной воды», когда участники усаживались по берегу ручья, напоминающего изгибающуюся змею или дракона, и пускали вниз по течению чарку с вином. За то время, пока она подплывала к очередному игроку, необходимо было сочинить достойное его положения стихотворение. Иянага Тэйдзо. *Нинна нинэн-но найэн* (Дворцовый пир 2-го года Нинна). // *Нихон кодай си ронсю* (Сборник статей по истории древней Японии). Т. 1. Токио, 1971, С. 505—563; Сайгуки (Записи из Западного дворца). Сер. «Кодзицу сосё». Токио, 1952, С. 267—279; Яманака Ютака. *Хэйантё-но нэнтю гёдзи* (Ежегодные праздники в период Хэйан). Токио, 2003, С. 94—166. О пирах в раннесредневековом Китае см.: Кравцова М.Е. *Поэзия вечного просветления*. СПб, 2001, С. 168—187.

¹⁰⁵⁶ Государь Сага (809—823). После отречения (ум. 842), зачастую, выступал в роли главного политического советника своего брата — государя Ниммё (833—850).

¹⁰⁵⁷ 813 г.

¹⁰⁵⁸ Оно-но Такамура (802—852) — известный придворный ученый. Автор многих произведений (поэзия и проза), как на китайском, так и на японском языке.

¹⁰⁵⁹ Миёси-но Киёюки (846—918) — государственный деятель и ученый. Автор различных произведений на камбуне. Профессор изящной словесности в столичной школе чиновников.

¹⁰⁶⁰ Яососима-но мацури — синтоистское празднество, проводимое на следующий год после завершения интронизации государя (церемония Дайдзёсай).

По одной из версий, было направлено на окончательное подтверждение легитимности нового правителя.

¹⁰⁶¹ 1069—1074 гг.

¹⁰⁶² Буддийский ритуал чтения сутр, проводившийся для защиты и умиротворения страны.

¹⁰⁶³ Ритуал чтения сутры «Конкомё сайсё окё», во время которого проводились моления о благополучии государства.

¹⁰⁶⁴ Во время чтения этой сутры молили о мире и спокойствии в государстве. В противоположность регулярным (сезонным) чтениям сутр «Нинтё» и «Сайсё», это был ритуал, осуществляемый по особым случаям.

¹⁰⁶⁵ Во время чтения этой сутры на протяжении трех ночей (начиная с 19-го дня 12-го лунного месяца) монахи усердно молились об отпещении «грехов», накопленных за год.

¹⁰⁶⁶ Один из окказиональных обрядов в период Хэйан. Иногда проводился в середине 8-го лунного месяца.

¹⁰⁶⁷ Годы Анва — 968—970 гг.

¹⁰⁶⁸ Кэбииситё — Управа по исправлению нравов, осуществляющая как полицейские, так, зачастую, и военные функции.

¹⁰⁶⁹ Фудзивара-но Такаиэ (979—1044) — придворный сановник. Тюнагон.

¹⁰⁷⁰ Фудзивара-но Таданобу (967—1035) — крупный царедворец. Дайнагон. Считался одним из непревзойденных мастеров стихосложения на китайском языке.

¹⁰⁷¹ Фудзивара-но Кинто (966—1041) — крупный государственный деятель. Занимал пост «исполняющего обязанности старшего придворного советника» (яп. гон-дайнагон). Фаворит государя Итидзё (986—1011) Составитель грандиозного обрядового свода «Бокудзансё» (Заметки с Северной горы) и поэтической антологии «Вака роэйсю». Автор нескольких трактатов по стихосложению на японском и китайском языках.

¹⁰⁷² Элемент хэйанского церемониального платья. Термин «хакама» может быть переведен как «штаны».

¹⁰⁷³ Государь Итидзё (986—1011). Во время его правления происходит небывалый расцвет изящной литературы и различных искусств при дворе. В японской исторической литературе существует особый термин — «культура двора государя Итидзё» (яп. Итидзётё-но бунка).

¹⁰⁷⁴ 1003 г.

¹⁰⁷⁵ История не сохранилась.

¹⁰⁷⁶ Фудзивара-но Митимунэ (?—1084) — представитель среднерангового чиновничества. Служил в нескольких провинциальных управах (Суо, Ното и Вакаса), а также в столичной гвардии.

¹⁰⁷⁷ Фудзивара-но Мититоси (1047—1099) — придворный сановник. Занимал должность «исполняющего обязанности придворного советника среднего ранга» (яп. гон-тюнагон). Входил в круг доверенных лиц государя Сиракава (1072—1086).

Непревзойденный мастер стихосложения на японском языке. Частый критик Оэ-но Масафуса в области поэзии.

¹⁰⁷⁸ Государь Уда (887—897).

¹⁰⁷⁹ Государь Мураками (946—967).

¹⁰⁸⁰ Государь Дайго (897—930).

¹⁰⁸¹ Фудзивара-но Суэнака (1046—1119) — государственный деятель, занимавший должности как в провинциальных (Суо и Дадзайфу), так и столичных ведомствах. В 1105 году был отправлен в ссылку в провинцию Хитати. Автор многочисленных стихотворений на китайском языке.

¹⁰⁸² Минамото-но Сукэцуна (1020—1082) — придворный сановник («тюнагон»).

¹⁰⁸³ Минамото-но Цунэнобу (1016—1097) — придворный сановник. Дайнагон. Автор различных произведений на китайском (проза и поэзия) и японском (поэзия) языках.

¹⁰⁸⁴ Минамото-но Такатоси (1025—1075) — придворный чиновник. Дослужился до поста «исполняющего обязанности придворного советника среднего ранга» (яп. гон-тюнагон).

¹⁰⁸⁵ Фудзивара-но Тадафуми (873—947) — государственный деятель. Возглавил подавление мятежа Тайра-но Масакадо (939—940). Дослужился до придворного советника (яп. санги).

¹⁰⁸⁶ Дайсодзу — высокая должность (старший помощник главы) в системе иерархии буддийской общины.

¹⁰⁸⁷ Кукай (774—835) — один из известнейших деятелей японского буддизма. Основатель школы «истинного слова» (яп. Сингон). Известен под посмертным именем Кобо-дайси — «Великий наставник, распространяющий дхарму».

¹⁰⁸⁸ Сигэока-но Кавахито (?—874) — глава Управления по делам Инь и Ян (Оммёрё). Автор первых японских комментариев к китайским сочинениям по гаданию и осуществлению «тайных» ритуалов.

¹⁰⁸⁹ Сёсодзу — второй помощник главы буддийской общины.

¹⁰⁹⁰ Адзари — святой, подвижник.

¹⁰⁹¹ 1018 г.

¹⁰⁹² Рисси — должность руководителя хозяйственного управления при отдельно взятом буддийском храме.

¹⁰⁹³ Гон-рисси — должность «исполняющего обязанности «рисси»».

¹⁰⁹⁴ Абэ-но Ёсихира (?) — сын знаменитого астролога Абэ-но Сэймэя (921—1005). Преподавал искусство взаимодействия Инь и Ян в столичной школе чиновников (Дайгаку).

¹⁰⁹⁵ История не сохранилась.

¹⁰⁹⁶ Фудзивара-но Ёримити (992—1074) — крупный государственный деятель. Сын Фудзивара-но Митинага (966—1027). Сделал блестящую придворную карьеру, дослужившись до постов Главного министра и Регента-«сэссё» при нескольких малолетних государях (Гоитидзё, Госудзакү и Горэйдзэй).

¹⁰⁹⁷ «Вэнь сюань» — китайская антология лучших образцов изящной словесности, составленная придворным учёным Сяо Туном (501—531). Известно, что в танский период (618—907) «Вэнь сюань» признавался одним из авторитетнейших сводов и входил в список книг, изучение которых было обязательно для претендентов на должность в государственном аппарате.

¹⁰⁹⁸ В древнем и средневековом Китае бытовало представление, что существовало три священных пика, где жили бессмертные — Фанчжан, Пэнлай и Инчжоу. По поверьям там произрастал священный «гриб бессмертия» (кит. линчжан), росла трава «саньцао», дающая бессмертие, и протекал чудесный источник с водой, приносящей долголетие и по вкусу напоминающей вино. По преданию, Пэнлай располагался в заливе Бохай. Инчжоу находилось в Восточном море на расстоянии семисот тысяч ли от западного берега местности Куйцзы в провинции Чжэцзян. Относительно нахождения Фанчжан не существует единой точки зрения даже в древних и средневековых китайских источниках. Кроме того, считалось, что все священные горы обладают удивительной способностью: при приближении нежелательных путников они могли скрываться в непроглядном тумане, тем самым, не допуская на территорию священных гор людей с нечистыми сердцами и дурными намерениями. Подр. см.: Огата Тору. Докё-ни окэру синсэн сисо-но ити цугэ (Положение концепции бессмертных в даосизме). // Докё то Хигаси Адзиа бунка (Даосизм и культура Восточной Азии). Под ред. Сэнда Минору. Киото, 1999, С. 65—79.

¹⁰⁹⁹ «Хань шу» — официальная история династии Хань.

¹¹⁰⁰ История не сохранилась.

¹¹⁰¹ История не сохранилась.

¹¹⁰² Имеется в виду Левый министр Татибана-но Мороз (?—757).

¹¹⁰³ 957—961 гг. Известно, что в конце 960 г. во дворце случился пожар.

¹¹⁰⁴ Фудзивара-но Санэнака (1040-?) — придворный чиновник. Автор нескольких стихотворений на китайском языке, вошедших в различные антологии «канси».

¹¹⁰⁵ Татибана-но Хаянари (?—842) — придворный чиновник. Участник нескольких посольств в танский Китай. После обвинения в придворном заговоре был отправлен в ссылку в провинцию Идзу. Автор нескольких трактатов по искусству. Известны его стихотворения на китайском и японском языках.

¹¹⁰⁶ Тюдзэ — военный чин среднего ранга в столичной гвардейской управе.

¹¹⁰⁷ Фудзивара-но Тосиюки (?—901?907) — представитель среднерангового чиновничества. Служил в нескольких гвардейских управах. Автор ряда трактатов по искусству. Один из «36 бессмертных поэтов». Частично сохранился авторский сборник его стихотворений — «Собрание Тосиюки» («Тосиюки сю»).

¹¹⁰⁸ Речь идет о пожаре 876 г., когда полностью сгорел не только Тронный зал, но и большая часть дворцового комплекса. Нихон сандай дзицуруку. Дзёган, 18—4—10, 876 г.

¹¹⁰⁹ Младшие распорядители Большого государственного совета.

¹¹¹⁰ Служащие военно-полицейской управы Кэбииситё.

¹¹¹¹ 938—947 гг.

¹¹¹² Речь идет о «найдайдине» (досл. Внутренний министр). Обычно этого поста удостаивались главы рода Фудзивара (удзи-но тэджя). При хэйанском дворе «найдайдин» пользовался большим влиянием и, зачастую, по праву главенства в родовой иерархии мог оказывать существенное влияние на регента и канцлера, также происходивших из дома Фудзивара.

¹¹¹³ Дневник Правого министра Фудзивара-но Моросукэ. Другое название «Кюрэки». Охватывает события придворной жизни с 947 по 960 гг.

¹¹¹⁴ Фудзивара-но Моросукэ (908—960) — крупный царедворец. Дослужился до поста Правого министра. Автор многочисленных произведений дидактической направленности.

¹¹¹⁵ Фудзивара-но Юкинари (972—1027) — крупный государственный деятель. Дайнагон. Фоворит государя Итидзэ. Участник многочисленных поэтических турниров. Современниками был признан первейшим из сановников, обладающих поэтическим даром и возвышенной утонченностью. Автор дневника «Гонки» (Записи сановника), в котором описываются события придворной жизни с 991 по 1011 гг.

¹¹¹⁶ Фудзивара-но Корэфуса (1030—1096) — придворный сановник. Дослужился до поста «исполняющего обязанности придворного советника среднего ранга» (яп. гон-тюнагон).

¹¹¹⁷ Фудзивара-но Акимицу (944—1021) — крупный государственный деятель. Левый министр. Был организатором нескольких поэтических турниров. Составил сборник собственных стихотворений на китайском языке под названием «Собрание министра Хорикава» («Хорикава дайдин сю»), который до нашего времени не сохранился.

¹¹¹⁸ Гисэйкан — Высшая политическая палата, где решались все важные дела государственного управления, и вырабатывалась стратегия в области политики, экономики и социальных отношений.

¹¹¹⁹ Первоначально «найран» — это процедура предпочтения предворительного просмотра важных государственных документов перед тем, как на них будут поставлены подписи высшими министрами (Главным, Левым и Правым). Обычно такая привилегия предоставлялась «министрам двора» (яп. найдайдин), что существенно увеличивало степень их политического влияния при дворе. Со временем термин «найран» стал ассоциироваться с должностью министра двора.

¹¹²⁰ Речь идет о «Кудзэ юйдоно». Перевод этого памятника смотри а настоящем издании.

¹¹²¹ Фудзивара-но Канэиэ (929—990) — крупный государственный деятель. Отец Канцлера Фудзивара-но Митинага. Сделал блестящую придворную карьеру, дослужившись до постов Регента, Канцлера и Главного министра. Инициатор смешения государя Кадзана в 986 году.

¹¹²² Младший военный чин в одной из гвардейских управ столичного града.

¹¹²³ Фудзивара-но Норимити (996—1075) — крупный царедворец. Главный министр. Сын Канцлера Фудзивара-но Митинага.

¹¹²⁴ Государь Госандзё (1068—1073). По мнению многих специалистов, именно Госандзё положил начало новой системе политического управления — «правлению отрехшихся государей» (яп. инсэй).

¹¹²⁵ 1070—1071 гг.

¹¹²⁶ Государь Горэйдзэй (1045—1068).

¹¹²⁷ Фудзивара-но Митинага (966—1027) — один из самых известных государственных деятелей периода Хэйан. Регент. Канцлер. Главный министр. Автор дневника «Мидо кампаку ки» (Записи Канцлера Мидо), где описаны события придворной жизни с 998 по 1021 гг.

¹¹²⁸ Фудзивара-но Токимицу (947—1015) — крупный сановник. Тюнагон.

¹¹²⁹ Не известно о ком идет речь.

¹¹³⁰ Фудзивара-но Мититака (953—995) — известный царедворец. Регент. Канцлер. В источниках эпохи Хэйан известен также под псевдонимом «Срединный канцлер» (яп. Тюкампаку).

¹¹³¹ 1061 г.

¹¹³² Фудзивара-но Мородзанэ (1042—1101) — крупный царедворец. Регент. Канцлер. Главный министр.

¹¹³³ Государь Гоитидзё (1016—1036).

¹¹³⁴ Наиболее древняя процедура интронизации государя в Японии называлась «Дайдзёсай» (Празднество Великого вкушения урожая) и была непосредственно связана с распространенным среди многих аграрных обществ ритуалом вкушения нового урожая. «Дайдзёсай» — один из важнейших общегосударственных ритуалов, который проводился обычно в 11-м лунном месяце. Ритуал Великого вкушения урожая имел огромный магико-ритуальный смысл, поскольку считалось, что от его успешности зависит благополучие страны на протяжении всего правления нового государя.

¹¹³⁵ Государь Госудзаку (1036—1045).

¹¹³⁶ Оэ-но Масахира (952—1012) — представитель среднерангового чиновничества. Служил как в провинциальных, так и столичных управах. Профессор изящной словесности.

¹¹³⁷ Фудзивара-но Арикуни (943—1011) — придворный сановник. Санги. Один из самых информированных придворных во время правления государя Итидзё. За свою осведомленность получил при дворе прозвище «господин инспектор» (яп. кагёу сёко). Знаток стихосложения на китайском языке.

¹¹³⁸ Фудзивара-но Митиканэ (960—995) — придворный сановник. Отличался особой болезненностью и повышенной восприимчивостью к политическим изменениям. Известно, что, после того как кандидатура Митиканэ на пост канцлера была отклонена, он тяжело заболел и скончался через семь дней. Хаттори Тосиро. Отё кидзоку-но бёдзё синдан (Диагнозы болезней придворных аристократов). Токио, 2006, С. 168.

¹¹³⁹ Фудзивара-но Сукэё (847—897) — ученый муж эпохи Хэйан. Составитель грандиозного «Каталога книг, встречающихся в японском государстве» («Нихон-коку гэндзай сё мокуроку», 90-е гг. IX в.), где содержались названия 1579 китайских сочинений известных в Японии.

¹¹⁴⁰ Сугавара-но Митидзанэ (845—903) — один из самых известных ученых мужей эпохи Хэйан. Автор многочисленных произведений на китайском и японском языках. Дослужился до поста Правого министра. В 901 году был обвинен в государственной измене и отправлен в почетную ссылку (с назначением на пост помощника наместника Дадзайфу), где и скончался через полтора года. После смерти стал почитаться как покровитель ученых и учености.

¹¹⁴¹ Ки-но Хасэо (845—912) — знаменитый ученый муж. Долгое время преподавал в столичной школе чиновников (Дайгаку). При дворе Ки-но Хасэо называли «Ки нагон» (досл. «придворный советник Ки»), поскольку он при жизни дослужился до должности придворного советника среднего ранга (яп. тюнагон). Начал составлять «Кикасю» — собрание изящной словесности представителей дома Ки (закончено его учениками в 919 г.) из 20 свитков (до нашего времени сохранилось 14).

¹¹⁴² Мияко-но Ёсика (834—879) — знаменитый ученый муж. Блестяще сдал экзамены на ученую степень и сразу же был назначен профессором изящной словесности. До наших дней частично сохранилось (3 свитка из 6) «Собрание сочинений рода Мияко» («Мияко-но удзи бунсю»), составленное Мияко-но Ёсика.

¹¹⁴³ Минамото-но Тосиаки (1044—1114) — известный царедворец. Дайнагон.

¹¹⁴⁴ Минамото-но Ёрикуни (?—1058) — представитель среднеранговой аристократии. Служил управителем нескольких провинций, а также главой внутридворцового управления.

¹¹⁴⁵ Известно, что в 8-м лунном месяце 4-го года Гангэн (880 г.) скончался отец Сугавара-но Митидзанэ — Корэёси.

¹¹⁴⁶ Фудзивара-но Каматару (614—669) — один из самых известных политических деятелей периода Асука. Известно, что родовое имя Фудзивара (Фудзивара — топоним и по преданию, в местечке с таким названием находился дворец супруги государя Ингё, где служил далекий предок Накатоми по имени Икацу) было пожаловано Накатоми-но Мурадзи (с 684 г. — «асоми») Каматару в 669 г. (непосредственно перед его кончиной) государем Тэнти, вместе с которым он в 645 осуществил устранение рода Сога из политической жизни.

¹¹⁴⁷ Фудзивара-но Фухито (659—720) — крупный государственный деятель. Правый министр при отсутствии Левого и Главного министров. Отец основателей четырех ветвей дома Фудзивара — «северной», «южной», «церемониальной» и «столичной».

¹¹⁴⁸ Фудзивара-но Фуцугу (775—826) — крупный государственный деятель. Левый министр. Долгое время возглавлял Государеву канцелярию и считался одним из наиболее информированных людей при дворе. Принимал участие в составлении церемониального свода «Дайрисики» (821 г.), генеалогического сво-

да «Синсэн сёдзироку» (815 г.) и отборе материалов для государственной хроники «Нихон коки» (840 г.).

¹¹⁴⁹ Фудзивара-но Ёсифуса (804—872) — крупный государственный деятель. Регент. Главный министр. Сын Фудзивара-но Фуюцугу. Во время политического кризиса 850 года сумел возвести на престол государя Монтоку (850—858).

¹¹⁵⁰ Фудзивара-но Фусасаки (681—737) — крупный государственный деятель. Придворный советник. За свои заслуги посмертно назначен на должность Главного министра. Сын Фудзивара-но Фухито. Основатель северной ветви дома Фудзивара. Умер во время эпидемии оспы.

¹¹⁵¹ Сётоку-тайси (574—622) — посмертное имя государственного деятеля принца Умаёдо. Во время правления государыни Суйко (592—628) обладал огромным политическим влиянием и, по сути, был одним из трех человек, которые управляли государством (Суйко, Сётоку-тайси и глава рода Сога — Сога-но Умако (?—626). Традиционно считается поборником китайской учености в Японии.

¹¹⁵² Мононобэ-но Мория (?—587) — глава рода Мононобэ и политический соперник Сётоку-тайси и Сога-но Умако. Погиб во время смуты, когда попытался возвести на престол своего ставленника.

¹¹⁵³ «Содзё» — глава буддийской общины, самая высокая должность в иерархии буддийской церкви в Японии.

¹¹⁵⁴ Помощник «содзё».

¹¹⁵⁵ История не сохранилась.

¹¹⁵⁶ «Вэй ши лунь» — одно из буддийских сочинений. Время составления точно неизвестно, однако первые комментарии «Вэй ши лунь» относятся к периоду Вэй (220—265 гг.).

¹¹⁵⁷ 814 г.

¹¹⁵⁸ Источники сообщают не очень много информации об Оэ-но Нарихира. Известно только, что он был профессором изящной словесности Дайгаку и среднеранговым придворным чиновником.

¹¹⁵⁹ Речь идет об Оэ-но Масафуса.

¹¹⁶⁰ Янь Юань (другое имя — Янь Хуэй) — любимый, но, к сожалению, рано скончавшийся ученик Конфуция.

¹¹⁶¹ Оэ-но Токимунэ (?) — известный ученый муж. Общеизвестный знаток в области стихосложения на китайском языке.

¹¹⁶² Государь Монтоку (850—858).

¹¹⁶³ Корэтака (844—897) — старший сын государя Монтоку. Сделал успешную придворную карьеру, дослужившись до постов наместника Дадзайфу и главы Палаты цензоров. Последние годы удалился от службы, стяжая идеал «государственного мужа на покое».

¹¹⁶⁴ Содзё — глава буддийской общины, патриарх.

¹¹⁶⁵ Содзу — вторая по значимости после «содзё» должность в иерархии буддийской общины.

¹¹⁶⁶ Принц крови Корэхито в 858 году вступил на престол. Известен под посмертным именем Сэйва (858—876).

¹¹⁶⁷ Государь Ёдзэй (876—884).

¹¹⁶⁸ Государь Рэйдзэй (976—969). Под давлением двора отказался от престола в пользу своего младшего брата — принца крови Морихира (будущий государь Энъю, 969—984).

¹¹⁶⁹ Фудзивара-но Санэсукэ (957—1046) — крупный государственный деятель. Правый министр. Автор дневника «Сёюки» (Записи Правого министра), где описывается жизнь двора с 982 по 1032 гг.

¹¹⁷⁰ «Небо» — придворная дама высокого ранга.

¹¹⁷¹ Известно, что «три священные регалии» (зеркало, меч и ожерелье из яшмы) были окружены атмосферой таинственности. Никому, включая даже государя, не позволялось их видеть. К примеру, в «Окагами» рассказывается, что однажды ночью государь Ёдзэй (876—884), пораженный безумием, попытался достать из ножен священный меч-«Кусанаги» и дворцовые покои озарились ярким светом, который привел правителя в полное оцепенение. Согласно легенде, государь Рэйдзэй (967—969) пытался как-то заглянуть в футляр, где хранилось ожерелье из яшмы, но оттуда поднялось удушливое белое облако, заставившее любопытного правителя отказаться от своего намерения. Другой государь Дзюнтoku (1210—1221) попытался встряхнуть футляр с яшмовым ожерельем, но оцепенел от чувства ужаса, которое он внезапно ощутил.

¹¹⁷² Государь Энъю (969—984).

¹¹⁷³ 986 г.

¹¹⁷⁴ Тайра-но Корэтоси (?) — управитель провинции Муцу.

¹¹⁷⁵ Фудзивара-но Сэйси — придворная дама высокого ранга.

¹¹⁷⁶ Государь Сандзё (1011—1016).

¹¹⁷⁷ Фудзивара-но Наритоки (941—995) — известный царедворец. Дайнагон. Глава одной из гвардейских управ.

¹¹⁷⁸ Государь Хорикава (1087—1107).

¹¹⁷⁹ Из предшественников государя Хорикава Сиракава правил 15 лет, Госандзё — 5 лет, Горэйдзэй — 24 года, Госудзаку — 10 лет.

¹¹⁸⁰ Дочь канцлера Фудзивара-но Митинага.

¹¹⁸¹ Нёго — придворная дама высшего ранга.

¹¹⁸² Государь Итидзё (986—1011).

¹¹⁸³ Годансё. Указ. соч., С. 37—38. Об этом также см.: Мидо кампаку ки. Канко, 6—12—7, 1009 г.

¹¹⁸⁴ История не сохранилась.

¹¹⁸⁵ История не сохранилась.

¹¹⁸⁶ Тайра-но Норикунэ (?) — представитель среднерангового чиновничества. Был управителем нескольких провинций (Кай, Мимасака и Иё). Служил в Куродо докоро и в гвардейских управах столицы.

¹¹⁸⁷ Минамото-но Цунэёри (986—1039) — придворный сановник. Автор дневника «Сакэйки» (Записи левого управляющего Цунэёри), где описывается придворная жизнь с 1016 по 1036 г.

¹¹⁸⁸ Фудзивара-но Цунэсукэ (1006—1081) — придворный сановник. Дослужился до поста «исполняющего обязанности старшего придворного советника» (яп. гон-дайнагон).

¹¹⁸⁹ Тайра-но Корэнака (944—1005) — придворный сановник. Тюнагон. Умер после ухода в отставку на о-ве Кюсю.

¹¹⁹⁰ Минамото-но Масанобу (920—993) — крупный государственный деятель. Левый министр. Автор ряда законопроектов о поощрении учености и недопущении роскоши при дворе.

¹¹⁹¹ Знание придворного протокола было необходимо для чиновников, а отсутствие таких знаний могло стать причиной понижения по службе и даже увольнения с должности. Более того, подобные ошибки могли вызывать насмешки со стороны других придворных, что, в свою очередь, могло иметь нежелательные последствия для нерадивого чиновника.

¹¹⁹² Корэмунэ-но Кинката (?) — один из известнейших знатоков законов. Долгое время был главным судьей и стал эталоном беспристрастности при определении судебных решений. Составитель обрядового свода «Хонтё гэцурэй» (Ежемесячные установления нашей династии).

¹¹⁹³ Фудзивара-но Фуминори (909—996) — придворный сановник. Тюнагон.

¹¹⁹⁴ Корэмунэ-но Масасукэ (?) — известный знаток законов. Составитель энциклопедии придворной жизни «Сэйдзи ёряку» (Кратко о важнейших делах политики).

¹¹⁹⁵ Накахара-но Морото (1070—1130) — знаменитый придворный ученый. Долгое время преподавал в Дайгаку. Кисти Накахара-но Морото принадлежит массивный свод ежегодных церемоний.

¹¹⁹⁶ Корэмунэ-но Такатоки (1012-?) — знаменитый учёный муж. Глава столичной школы Дайгаку. Знаток жанров изящной словесности. Участник многих скандальных историй.

¹¹⁹⁷ Накахара-но Морохира (1022—1091) — знаток китайской классической литературы. Профессор столичной школы Дайгаку.

¹¹⁹⁸ Оэ-но Отоondo (811—877) — придворный сановник. Автор различных историй о сверхъестественных силах.

¹¹⁹⁹ Камо-но Мунэнори (?) — известный специалист по гаданию. Участник различных придворных дискуссий о сущности сил Инь и Ян.

¹²⁰⁰ В потомственных семьях знатоков китайской книжности (Абэ, Ки, Миёси, Оэ, Накахара, Сугавара, Томо и др.) огромное значение уделялось доскональному изучению произведений классической литературы. По примеру китайских эрудитов считалось, что одним из важных показателей гениального человека является указание на его овладение чтением и письмом в самом раннем возрасте. Так, в посмертной биографии известного царедворца периода Нара Фудзивара-но Накамаро (—764) говорилось: «С самого рождения он отличался умом и был способен в письме. Математике он обучался у «дайнагона» Абэ-но Сукунамаро и весьма преуспел в этом искусстве» (Сёку Нихонги, Тэмпё ходзи, 8—9—15, 764 г.). В биографии еще одного придворного уже хэйанской поры Томо-но

Сукунэ Наримасу (ум. в 852 г.) сказано: «С юных лет он учился в Дайгаку и превзошел других в изучении изящной словесности. [А потому] во время экзаменов на ученую степень заслуженно получил звание «синси». Нихон Монтоку тэнно дзицуроку (Истинные записи о государе Японии Монтоку). Токио, 1977, Ниндзю, 2—2—10, 852 г.

¹²⁰¹ Родовое имя неизвестно. В тексте «Годансё» имя Хирохито связывается с несколькими шутивными историями.

¹²⁰² «Книга о сыновней почтительности» — один из важнейших китайских канонических текстов.

¹²⁰³ «Беседы и суждения» — ключевой текст конфуцианства, традиционно приписываемый кисти Конфуция.

¹²⁰⁴ Оно-но Митикадзэ (894—966) — прославленный поэт и знаток различных искусств. Современниками был назван одним из трех людей, обладавших «возвышенной утонченностью» во время обсуждения стихотворных шедевров при дворе.

¹²⁰⁵ Оэ-но Асацуна (886—957) — знаменитый ученый муж. Придворный советник и фаворит государя Мураками. Автор многочисленных сочинений на китайском языке, включенных в собрание «Хонтё мондзуй».

¹²⁰⁶ Принц крови Канэакира (914—987) — государственный деятель и знаменитый учёный муж. Участник многочисленных дискуссий о сущности изящной словесности.

¹²⁰⁷ Фудзивара-но Сукэмаса (944—998) — придворный сановник. Знаток изящной словесности.

¹²⁰⁸ Минамото-но Морофуса (1008—1077) — крупный государственный деятель. Правый министр. По мнению современников, непревзойденный мастер стихосложения на китайском языке.

¹²⁰⁹ Такано-но Мориёси (?—1014?) — ученый муж. Составитель поэтической антологии «Хонтё рэйсо» (Изящная поэзия нашей династии).

¹²¹⁰ Вэй Цзе (286—312) — знаменитый каллиграф и мастер жанровой живописи, писал преимущественно буддийские образы.

¹²¹¹ Тайра-но Токимоти (877—938) — придворный сановник. Тюнагон.

¹²¹² Принц крови Ацуми (893—967) — Глава Министерства церемоний.

¹²¹³ Тайра-но Ёсики (?) — управитель провинции Мимасака.

¹²¹⁴ Тайра-но Тиканобу (945—1017) — придворный сановник.

¹²¹⁵ Широко известно, что в любой традиционной культуре существуют представления не только о несчастьях, скверне и ритуальной нечистоте, но и детально разработаны способы, с помощью которых можно было всего этого избежать. В период Хэйан существовало пять основных методов предотвращения несчастий: 1) использование талисманов (яп. рэйфуку), представлявших собой графические изображения стилизованных иероглифов, контуры созвездий и узоров земли (такие талисманы наносились на тело, сжигались или погружались в воду для того, чтобы потом выпить эту воду вместе с растворившимися чернилами); 2) посещение буддийских храмов и синтоистских святилищ в наиболее опасные

годы жизни (для мужчин — 25, 42 и 61, а для женщин — 19, 33 и 37 лет) и осуществление там ритуального очищения (яп. якунэн кито); 3) очищение собственными силами, используя медицинские методы девяти разновидностей болезней (яп. рокусан ёкэ); 4) собственно, «моноими», изначально воспринимавшееся как «воздержание» с целью очищения перед религиозной церемонией, однако к XI столетию «моноими» стало восприниматься как целый комплекс действий, направленный на защиту от вредоносных сил; 5) «кататагаэ» — способ обойти запрет на движение (или действий) в каком-то определенном направлении (яп. катаими). Подр. см.: Куёги Сюкэй. Оммёдо кататагаэ якуёкэ дзюсэн (Ритуальные методы защиты «кататагаэ» и «якуёкэ»). Токио, 2003, С. 128—142. В X—XI вв. хэйанские аристократы, что, несомненно, говорит о большом значении запретов в жизни знати эпохи Хэйан, до 40 дней в году могли проводить в своей усадьбе, соблюдая «моноими». Более того, из источников XII—XIV столетий явствует, что некоторые представители столичной знати уделяли ритуалам «воздержания от скверны» до 80 дней в году. Ходзэ Рэйко. Моноими ко (Размышления о моноими). / Оммёдо сосё (Собрание материалов по оммёдо). Т. 1. Токио, 2000, С. 226—229.

¹²¹⁶ Фудзивара-но Асахира (917—970) — придворный советник и известный ученый.

¹²¹⁷ Фудзивара-но Корэмаса (924—972) — крупный государственный деятель, долгое время возглавлявший Большой государственный совет.

¹²¹⁸ Известно, что средний государственный советник Фудзивара-но Асахира и Главный министр Фудзивара-но Корэмаса при жизни испытывали личную неприязнь к Юкинари. Как явствует из некоторых письменных источников периода Хэйан, после смерти Асахира его дух поселился в резиденции Сандзэин, а дух Корэмаса — в резиденции Рокудзэин, доставляя немалое беспокойство Фудзивара-но Юкинари. Описание этой истории также см.: Окагами. Указ. соч., С. 102—103.

¹²¹⁹ 901—923 гг.

¹²²⁰ Минамото-но Фусаакира (?—939) — представитель среднерангового чиновничества. Знаток изящной словесности.

¹²²¹ Минамото-но Акисада (?—1023) — представитель среднерангового чиновничества. Долгое время служил в Палате цензоров. При дворе считался борником высокой нравственности.

¹²²² В период Хэйан бытовало представление о высоких моральных устоях среди служащих Государевой канцелярии.

¹²²³ Т. е. на заседание Гисэйкана.

¹²²⁴ Элемент хэйанского церемониального платья. Термин «хакама» может быть переведен как «штаны».

¹²²⁵ Как отмечают комментаторы «Годансё», эта история позднее была включена в состав грандиозного собрания прозы «Кондзюку моногатари» (свиток 28, № 25). Тем не менее, подтверждений данной истории в мужских дневниках

(особенно в «Сёюки» — дневнике Фудзивара-но Санэсукэ) на сегодняшний момент не найдено. Годансё. Указ. соч., С. 52.

¹²²⁶ Минамото-но Тосиката (960—1027) — придворный сановник. Сын опального Левого министра Минамото-но Такаакира.

¹²²⁷ Японские комментаторы текста «Годансё» отмечают, что единого источника, в котором были бы зафиксированы все вышеперечисленные разновидности расписных ширм, в период Хэйан не существовало. Однако сведения об отдельных видах расписных ширм содержатся во многих письменных памятниках эпохи Хэйан. Среди таковых мужские дневники: «Дэнрэки» (XII в.), «Мидо кампаку Ки» (XI в.) и «Сёюки» (XI в.); церемониальные своды «Бокудзан сё» (X в.), «Гокэ сидай» (XI в.) и «Сайгуки» (X в.); повествования «Макура-но соси» (XI в.) и «Эйга моногатари» (XI в.) и т. д. Подр. о расписных ширмах см.: Араки Такако. Тёдо (Предметы быта). / Хэйан дэидай-но синко то сэйкацу (Верования и быт в период Хэйан). Под ред. Яманака Ютака и Судзуки Кадзуо. Токио, 1994, С. 132—142.

¹²²⁸ Фудзивара-но Митифуса (1025—1044) — придворный сановник. Несмотря на свой молодой возраст, в восемнадцать лет был назначен на пост «исполняющего обязанности старшего придворного советника» (яп. гон-дайнагон).

¹²²⁹ Томо (Ототоми)-но Ёсио (811—868) — придворный сановник. Дайнагон.

¹²³⁰ В 866 году произошел поджог главных ворот внутридворцового комплекса Тёдоин (яп. Отэммон), в чем обвинили придворного советника старшего ранга Томо-но Ёсио. Несмотря на все его отрицания, это событие (после соответствующей консультации с Управлением по делам Инь и Ян) посчитали за «дурное предзнаменование», которое могло отрицательно сказаться на состоянии государя Сэйва, а, следовательно, и на процветании всего государства. В результате Томо-но Ёсио осудили и отправили в ссылку в провинцию Идзу, где он через два года скончался, а вместе с ним в опалу попадают еще несколько придворных чиновников. Считается, что данный инцидент был использован (либо был осуществлен по его непосредственному приказу) тогдашним Главным министром и регентом Фудзивара-но Ёсифуса (804—872) для устранения своих политических противников (в первую очередь Левого министра Минамото-но Мамото, который в 866—867 годах лишился почти всех сторонников при дворе, и вплоть до смерти в 868 году так и не сумел восстановить своего положения).

¹²³¹ Минафуги-но Тосина (807—877) — знаменитый ученый муж. Участвовал в составлении законодательного свода «Дзёган кякусики» (70-е гг. IX в.) и государственной хроники «Нихон Монтоку тэнно дзицуроку» (879 г).

¹²³² Сугавара-но Корёси (812—880) — знаменитый ученый муж. Отец Сугавара-но Митидзанэ.

¹²³³ Кагёюси — чиновники, отправляемые в провинцию для проверки состояния дел на местах.

¹²³⁴ Принц Масами (799—863) — представитель среднерангового чиновничества. Участвовал в обсуждении нескольких наиболее сложных судебных разби-

рательств (842, 846, 860 гг.). За непочтительность к государю в 862 году отправлен в ссылку.

¹²³⁵ Оэ-но Наримицу (934—987) — придворный сановник.

¹²³⁶ Дневник государя Дайго — «Дайго тэнно синки» (Личные записи государя Дайго) сохранился не полностью. К тому же ряд специалистов полагает, что этот дневник не аутентичен и составлялся в XIV—XV веках из различных, в том числе и более поздних источников, содержащих предания о правлении государя Дайго. Тем не менее, сведения приводимые в «Годансё» подтверждаются материалами дневника Правого министра Минамото-но Морофуса (1008—1077). Годансё. Указ. соч., С. 55, примеч. 27.

¹²³⁷ Фудзивара-но Садаката (873—932) — крупный государственный деятель. Правый министр.

¹²³⁸ Представленная здесь история красноречиво иллюстрирует довольно интересную особенность придворной жизни в период Хэйан. Как видно из исторических источников (в первую очередь, конечно, дневниковой литературы), между придворными, зачастую, возникала вражда. Например, известно, что отношения между знаменитыми учеными мужами Сугавара-но Митидзанэ, с одной стороны, и Миёси-но Киёюки, с другой, были весьма прохладными. В произведении Оэ-но Масафуса «Годансё» содержатся упоминания о многочисленных случаях вражды между высокопоставленными придворными. В данном случае речь идет о конфликтности внутри дома Фудзивара, к тому же, Фудзивара-но Тадахира и Фудзивара-но Митиакира принадлежали различным ветвям рода Фудзивара. Подр. см.: Нава Осаму. Госэkkэ бунрицу-ни цуйтэ (О независимости ветви регентов [внутри дома Фудзивара]. / Кугэ то буккэ (Высшая аристократия и военная знать). Под ред. Касая Кадзухико. Т. II. Токио, 1999, С. 225—252.

¹²³⁹ Досл. «живущий в уединении». По аналогии звучания представляло собой альтернативное произношение имени Киёюки.

¹²⁴⁰ Симада-но Тадаоми (828—892) — учёный муж. Участвовал в нескольких военных компаниях.

¹²⁴¹ Досл. «овладевший сутью изящного слога». Альтернативное произношение имени Тадаоми.

¹²⁴² Досл. «достигший превосходства». Альтернативное произношение имени Хасэо.

¹²⁴³ Минамото-но Ситаго (911—983) — знаменитый учёный муж. Составитель энциклопедии «Вамё руйдзю сё» (Классифицированные записи японских названий). Один из «36 бессмертных поэтов».

¹²⁴⁴ Досл. «оберегающий истину». Альтернативное произношение имени Ситаго.

¹²⁴⁵ Ёсисигэ-но Ясутанэ (934?—1002). Подробнее о нем смотри в комментариях к «Записям из беседки у пруда», перевод которых содержится в настоящем издании.

¹²⁴⁶ Досл. «установивший причины».

¹²⁴⁷ Досл. «познавший сердце».

¹²⁴⁸ Оэ-но Такатика (?—1046) — учёный муж. Воспитатель престолонаследника.

¹²⁴⁹ Досл. «вдоволь повывадавший». Альтернативное произношение имени Такатика.

¹²⁵⁰ Фудзивара-но Акихира (989?—1066) — прославленный учёный муж. Участвовал в составлении литературной энциклопедии «Хонтё мондзуй» и нескольких сборников буддийских коротких рассказов дидактической направленности.

¹²⁵¹ Досл. «спокойная орхидея». Альтернативное произношение имени Акихира.

¹²⁵² Досл. «всесторонне процветающий». Альтернативное произношение имени Масафуса.

¹²⁵³ «Бинро» — повозка, запряженная одним быком. Чаще всего применялась для прогулок за пределами усадьбы аристократа.

¹²⁵⁴ История не сохранилась.

¹²⁵⁵ Фудзивара-но Мотоката (888—953) — крупный государственный деятель. Дайнагон.

¹²⁵⁶ 939 г.

¹²⁵⁷ «Сюсо» и «саругаку» — театрально-песенные представления, которые давали бродячие труппы, начиная с VIII в. (включали в себя акробатические номера, фокусы, танцы и песни).

¹²⁵⁸ Фудзивара-но Тосицуна (1028—1094) — представитель среднерангового чиновничества. Непревзойденный знаток изысканного стиля в повседневной жизни.

¹²⁵⁹ Кйиби-но Макиби (695—775) — государственный деятель. Правый министр. Участник нескольких официальных японских посольств в танский Китай.

¹²⁶⁰ 764 г.

¹²⁶¹ 735 г.

¹²⁶² 736 г.

¹²⁶³ 737 г.

¹²⁶⁴ 739 г.

¹²⁶⁵ 750 г.

¹²⁶⁶ 752 г.

¹²⁶⁷ 754 г.

¹²⁶⁸ 766 г.

¹²⁶⁹ 769 г.

¹²⁷⁰ 770 г.

¹²⁷¹ 771 г.

¹²⁷² Абэ-но Накамаро (698—770) — государственный деятель. В 717 году был отправлен в составе посольства в Китай, где и остался жить вплоть до смерти. Согласно поверьям, Абэ-но Накамаро лично встречался с такими известными китайскими поэтами как Ван Вэй и Ли Бо и учился у них стихосложению.

¹²⁷³ 716 г.

¹²⁷⁴ 1116 г.

¹²⁷⁵ История не сохранилась.

1276 Государь Сэйва (858—876).

1277 Государь Ниммё (833—850).

1278 Речь идет о Сугавара-но Митидзанэ.

1279 Речь идёт о Томо-но Ёсио.

1280 Накахара-но Хиротоси (?) — знаменитый мастер стихосложения.

1281 Родовое имя неизвестно. Учёный муж.

1282 Досл. «досточтимый господин инспектор» — прозвище Фудзивара-но

Арикуни.

1283 История не сохранилась.

1284 Минамото-но Тоору (822—895) — крупный государственный деятель.

Левый министр. Сын государя Сага.

1285 История не сохранилась.

1286 Фудзивара-но Оцугу (774—843) — крупный государственный деятель.

Левый министр.

1287 Фудзивара-но Цунэто (1000—1066) — крупный государственный деятель.

Знарок изящной словесности.

1288 Дневник старшего государственного советника Фудзивара-но Юкинари (972—1028).

1289 Фудзивара-но Накахира (875—945) — крупный государственный деятель.

Левый министр.

1290 Фудзивара-но Такаката (1014—1078) — представитель среднерангового чиновничества.

1291 Минамото-но Акимото (1011—1047) — придворный сановник. Инициатор обращения к государю Гоитидзэ с просьбой о посмертной реабилитации Томо-но Ёсио.

1292 Фудзивара-но Тадасукэ (944—1013) — придворный сановник.

1293 Игра слов. Наритоки занимал должность военачальника (яп. дайсё), но «дайсё» — это еще название звезды Венеры.

1294 Эта история содержится также в собрании дидактических рассказов «Кондзэяку моногатари» (свиток 20, № 43; свиток 28, № 22).

1295 Минамото-но Митинари (?—1019) — известный учёный муж. Один из «36 бессмертных поэтов».

1296 Минамото-но Ёрисада (?) — управитель провинции Муцу.

1297 Историческими источниками данная история полностью не подтверждается. Годансё. Указ. соч., С. 78.

1298 Фудзивара-но Такамицу (940?—994?) — знаменитый учёный муж. Один из «36 бессмертных поэтов».

1299 Считается, что источникам данной истории стала хроника храма Хорюдзи, где под 1077 годом рассказывается о Фудзивара-но Такамицу. Годансё. Указ. соч., С. 78.

1300 Фудзивара-но Токихира (871—909) — крупный государственный деятель. Левый министр. Традиционно считается основным завистником Сугавара-но Митидзанэ и инициатором его отрешения от должности.

¹³⁰¹ Принц Сигэакира (906—954) — государственный деятель. Сын государя Дайго. Автор дневника «Рибу оки» (Записи принца из Министерства церемоний), где описывается придворная жизнь с 928 по 954 гг.

¹³⁰² Усадьба Канъин находилась на второй линии столицы Хэйан, и одним из первых ее обитателей был Левый министр Фудзивара-но Фуоцугу. Позднее в этой усадьбе проживали многие высокопоставленные царедворцы. Так, Великий министр Фудзивара-но Мотоцунэ в качестве резиденций использовал две усадьбы: Хорикаваин и Канъин. В «Окагами» сказано, что Хорикаваин использовалась «для торжественных приемов и важных событий», а Канъин — «для дней удаления от скверны *моноими*, люди посторонние туда не допускались, иногда господин отправлялся туда в сопровождении самых близких друзей». Окагами. Указ. соч., С. 58. В «Нихон киракю» сообщается, что Фудзивара-но Мунэтада переехал в усадьбу Канъин в 976 году. Нихон киракю (Краткие записи о Японии). Токио, 1936. Дзэган, 1—11—2, 976 г. Известно также, что в 1028 году усадьба Канъин полностью сгорела. Сакэйки, Тэгэн, 1—9—16, 1028 г.

¹³⁰³ Татибана-но Норимицу (965-?) — управитель нескольких провинций (Ното, Садо и Муцу). Служил в Куродо докоро.

¹³⁰⁴ Фудзивара-но Ясусукэ (?—988) — представитель среднерангового чиновничества. Служил в нескольких гвардейских управах. Возглавлял одну из банд. Скончался в тюрьме.

¹³⁰⁵ Поскольку Ясусукэ принадлежал к знатному роду, то ему, согласно существовавшей традиции, позволили совершить самоубийство. Нихон киракю, Эйэн, 2—6—13, 988 г.

¹³⁰⁶ Фудзивара-но Суганэ (855—908) — учёный муж. Придворный советник. Фаворит государя Дайго.

¹³⁰⁷ Из литературных источников XII—XIII веков также известно, что существовала, возможно, еще одна причина вражды между Сугавара-но Митидзанэ и Фудзивара-но Суганэ. Речь идет о том, что Фудзивара-но Суганэ, как-то раз, непочтительно отозвался об учителе Сугавара-но Митидзанэ, а в эпоху Хэйан ученики боготворили своих учителей, не забывая о них даже после смерти. Любое оскорбление, нанесенное учителю, тяжело воспринималось учеником и требовало активных действий, даже сатисфакции, если так можно сказать. Интересными в данном случае представляются материалы придворной дискуссии, состоявшейся в 909 году по инициативе Ки-но Хасэо. Определяя смысл такого важного понятия как «учитель» (яп. сэнсэй), участники дискуссии решили, что не следует ограничиваться только дословным его толкованием (букв. «преждерожденный»). Наибольшую полемику вызвал вопрос о выстраивании отношений между учеником и учителем в том случае, когда «сэнсэй» моложе своего ученика. Традиционные нормы отношений требовали особого почтения к старшим по возрасту, что, разумеется, существенно усложняло выработку принципа регулируемых импровизаций (т. е. совокупности схем восприятия, мышления и поведения, отвечающую сложившимся жизненным обстоятельствам) в данном случае. В результате было решено, что «сэнсэй» — это не только «преждерожденный», но и

«ранее овладевший знаниями», а потому даже если ученик старше своего учителя на многие десятилетия, то он обязан почитать «сэнсэя», относится к нему как к собственному отцу. Подробнее см.: Хисаки Юкио. Нихон кодай гакко-но кэн-кю (Изучение школ в древней Японии). Токио, 1990.

¹³⁰⁸ Фудзивара-но Сукэнака (1021—1087) — придворный сановник.

¹³⁰⁹ Минамото-но Кинтада (889—948) — учёный муж. Один из «36 бессмертных поэтов».

¹³¹⁰ Досл. «знарок небесных светил» — должность в штате Оммёрё (Управление по делам Инь и Ян). Был ответственен за состояние календарей и карт звездного неба, а также обучал этому ремеслу студентов. Зачастую, «тэммон хакасэ» ассоциировались с «оммёси», также входивших в штат Оммёрё и занимавшихся гаданием и геомантией.

¹³¹¹ Камо-но Ясунори (917—977) — знарок небесных светил. Автор трактата о календаре (до нашего времени не сохранился).

¹³¹² Югэ-но Корэо (?) — знарок Оммёдо.

¹³¹³ История не сохранилась.

¹³¹⁴ Фудзивара-но Такафудзи (838—900) — фаворит государя Дайго. Министр двора.

¹³¹⁵ Прозвище Оэ-но Масафуса.

¹³¹⁶ Кёдзо (1017—1107) — знаменитый монах храма Энрякудзи, познавший секреты Оммёдо. Происходил из дома Фудзивара.

¹³¹⁷ Тай-цзун (627—649) — второй император танской династии в Китае.

¹³¹⁸ Ли Чунь-фэн (602—670) — знаменитый ученый и знарок астрологии. Политический советник императора Гао-цзуна (650—683) и автор трактата о календаре.

¹³¹⁹ На самом деле в тексте антологии «Манъёсю» об этом не говорится. Возможно составитель «Годансё» перепутал «Манъёсю» с текстом энциклопедического свода «Вамё руйдзю сё» (кон. X в.), где действительно содержится такое утверждение. Годансё. Указ. соч. С. 89, примеч. 18.

¹³²⁰ Речь идет о Персии.

¹³²¹ Провинция Сануки на о-ве Сикоку. По месту, где рос бамбук, который было наиболее предпочтительно использовать для изготовления флейт.

¹³²² Государь Коитидзё (1016—1036).

¹³²³ Неизвестно о ком идет речь.

¹³²⁴ Игра слов. По-японски «лист» и «зуб» произносятся одинаково.

¹³²⁵ Принц крови Сикибукё или Садаясу (870—924) — учёный муж. Сын государя Сэйва.

¹³²⁶ Минамото-но Хиромаса (918—980) — придворный чиновник. Знарок музыкальных инструментов.

¹³²⁷ В китайском чтении «харуками» звучит как «гэндзё».

¹³²⁸ Государь Энью (969—984).

¹³²⁹ Отец будущего государя Горэйдзэя.

¹³³⁰ Фудзивара-но Ясунака (?) — придворный чиновник.

¹³³¹ Чжугэ Лян (181—234) — знаменитый полководец и государственный деятель. Долгое время жил в уединении, а потому получил прозвище «спящий дракон». Затем стал Первым министром в царству Шу и помогал Лю Бэю (правитель царства Шу, 161—223) укреплять государство и вести страну по пути объединения. Прославился военными познаниями, искусной разработкой планов походов и сражений, а также способностью привлекать на службу людей необыкновенной одаренности. Чжугэ Лян был автором многочисленных докладов государю, в которых предлагал различные методы достижения «благоденствия и спокойствия государства».

¹³³² Годы жизни всех упомянутых в этом сообщении придворных не известны.

¹³³³ Из свиты государя Мураками точные даты жизни (955—1015) известны только для Харима-но Ясунобу.

¹³³⁴ Годы жизни представителей свиты Итидзэ не известны.

¹³³⁵ Годы жизни представителей свиты Госудзакү не известны.

¹³³⁶ Годы жизни представителей свиты Горэйдзэя не известны.

¹³³⁷ Хата-но Масатика (?) — знаменитый наездник.

¹³³⁸ В тексте используется термин «югэн». «Югэн» — один из самых сложных для понимания терминов. Традиционно «югэн» понимается как «сокровенная (таинственная) красота, тем не менее, толкование этого термина остается весьма расплывчатым. Существует предположение, что «югэн» — это некая эстетическая незавершенность, предполагающая «домысливание» композиции зрителем. Горегляд В.Н. Японская литература... Указ. соч., С. 225. Не менее непостижимыми для понимания терминами, зачастую используемыми в японской классической литературе, являются «ваби» (унылость) и «саби» (одиночество), переводы которых условны.

¹³³⁹ Другое наименование «Нихон сёки» — «Анналов Японии».

¹³⁴⁰ Мифолого-исторический свод «Нихон сёки» был составлен в 720 г. группой придворных историографов под руководством принца крови Тонэри.

¹³⁴¹ Садайбэн — главалевой ревизионной канцелярии в составе Большого государственного совета.

¹³⁴² Государственная хроника «Сёкү нихонги» («Продолжение «Анналов Японии») была составлена группой придворных историографов под руководством Сугано-но Мамити. Первой представлением «Сёкү нихонги» ко двору состоялось в 794 г., а окончательно отредактированный текст был пожалован государю только в 797 г.

¹³⁴³ Кроме этого Сугано-но Мамити был повышен в ранге на две ступени (до четвертого старшего ранга верхней ступени) и в начале 794 г. получил участок земли размером в один «тё:» для постройки усадьбы в столичном граде Нагаока.

¹³⁴⁴ Сёсэнкó (кит. Чжао Сюань-гун) — посмертное имя канцлера и главного министра Фудзивара-но Мотоцунэ (836—891). Государственная хроника «Нихон сандай дзицүроку» (Правдивые записи о правлении трех государей Японии) была составлена в 887 г. группой придворных историографов под руководством

Фудзивара-но Токихира, но Фудзивара-но Мотоцунэ не принимал участия в ее составлении.

¹³⁴⁵ Государственная хроника «Нихон Монтоку тэнно дзицуроку» («Правдивые записи о правлении японского государя Монтоку») была составлена в 858 г. группой придворных историографов под руководством Фудзивара-но Мотоцунэ. Мияко-но Ёсика был одним из ее составителей.

¹³⁴⁶ Сугавара Митидзанэ. Он был одним из составителей «Нихон сандай дзицуроку» и в соответствии с волей государя Уда составил предисловие к основному тексту хроники.

¹³⁴⁷ Полный текст послания в других источниках не сохранился.

¹³⁴⁸ Не совсем точная цитата из послания Сугавар-но Митидзанэ к Татибана-но Хироми. Годансё. Указ. соч., С. 194, примеч. 5.

¹³⁴⁹ Император династии Южная Сун Вэнь-ди (424—453) здесь ошибочно назван именем Мин-ди.

¹³⁵⁰ Другое имя известного литератора Бао Чжао (414—466). Его произведения изобилуют едкими сарказмами, которые связаны с критическим отношением к современному Бао Чжао обществу. Произведения Бао Чжао несколько раз становились причиной недовольства при дворе. По мнению немецкого исследователя Х. Котценберга, взгляды Бао Чжао стали важнейшей причиной его медленного продвижения по служебной лестнице. Kotzenberg H. Der Dichter Bao Chao. Bonn, 1971.

¹³⁵¹ Подробное описание состязания Бао Мин-юаня с императором Вэнь-ди сохранилось в китайской исторической хронике «Наньши». Годансё. Указ. соч., С. 199, примеч. 14.

¹³⁵² Согласно сообщению хроники «Суйшу» Сюэ Дао-хэн был принужден совершить самоубийство. Годансё. Указ. соч., С. 199, примеч. 16.

¹³⁵³ В энциклопедическом своде «Тёя гунсай» сказано, что дискуссия между Бао Мин-юанем и императором Вэнь-ди, а также между Сюэ Дао-хэном и императором Ян-ди проводилась не только на литературные темы. Предметом обсуждения могли стать и вопросы политики, а именно целесообразность придворного церемониала. Тёя гунсай. Указ. соч., С. 64.

¹³⁵⁴ Сад Шан-линь был создан во время правления Цинь Ши-хуан-ди. Во времена ханьского У-ди стал излюбленным местом для проведения различных интеллектуальных мероприятий при дворе. В период Тан находился в западной части дворцового комплекса столицы Чанъань.

¹³⁵⁵ Другими историческими источниками эта история не подтверждается. Однако известно, что Сугавара-но Фумитоки был частым гостем во дворце государя Мураками, участвуя в многочисленных придворных мероприятиях различного свойства.

¹³⁵⁶ «Кэнсаку» — наименование экзамена, который проходил в Управлении Высшей школы (Дайгакурё). Успешная сдача такого экзамена позволяла претендовать на получение более высокого чиновничьего ранга.

¹³⁵⁷ «Тан нань хао цзы юнь» («Девизы правления династии Тан, объединенные по рифмам»). Наименование такого труда не упоминаются в китайских и других японских исторических источниках. Предположительно трактат «Тан нань хао цзы юнь» являлся частью какого-то не сохранившегося до нашего времени сочинения.

¹³⁵⁸ «Да-сян» (579—580) — один из девизов правления династии Поздняя (Северная) Чжоу (557—581).

¹³⁵⁹ «Лун-хуа» (576) — один из девизов правления династии Северная Ци (550—577).

¹³⁶⁰ «Чжэн-ши» (240—249) — один из девизов правления династии Вэй (220—265).

¹³⁶¹ Гао-цзун — третий император династии Тан. Годы правления: 650—683 гг.

¹³⁶² «Тун-цянь» (679) — один из девизов правления династии Тан (618—907).

¹³⁶³ Сочетание «Тун-цянь» при помощи транскрипции по способу стяжения звуков (кит. фань инь) может быть истолковано как «истощение силы небес» (кит. «тянь цюнь»). В 679 г. группа придворных астрологов подала на высочайшее имя коллективную докладную записку, где обосновывала опасность сохранения девиза правления «Тун-цянь». По их мнению, только смена наименования девиза правления на более благоприятный по значению могла стать залогом невозможности наступления смутных времен в государстве. Годансё. Указ. соч., С. 205, примеч. 32; Киба Акэси, Като: Дзё:дзи. Омме гоге (Пять первоэлементов и силы Инь и Ян). Киото, Танкося, 1997, С. 118, 126; Тодай-но нэнго то сакудзюн (Введение в изучение девизов правлений эпохи Тан). Киото, 1949, С. 34.

¹³⁶⁴ О:э-но Масафуса.

¹³⁶⁵ Это выражение может иметь несколько значений. 1. Согласно другим историческим источникам, описанная здесь история произошла в 979 г. Оэ-но Масахира в тот момент было 27 лет, брачный возраст в период Хэйан. Сугавара-но Фумитоки в 979 г. исполнилось 80 лет и он часто размышлял о долголетию. 2. В эпоху Хэйан брак воспринимался как один из способов, благодаря которому можно было упрочить свое положение в обществе, а с помощью долголетия достигалось не только душевное успокоение, но и предоставлялась возможность утвердить свою славу на долгие времена. Акияма Масаси. Отё дзёрю бунгаку-но сэкай (Мир женской придворной литературы). Токио, 1972, С. 86, 92, 119. 3. Сочетание «дзюко» (досл. «размышления о долголетию»), которое использовал Сугавара-но Фумитоки, может быть истолковано в качестве наименования темы экзаменационного сочинения. Текст экзаменационной работы Оэ-но Масахира на тему «размышления о долголетию» сохранился и был включен в состав антологии «Хонтё мондзуй». Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 168—169. Известно также, что Оэ-но Масахира не прислушался к совету Сугавара-но Фумитоки, хотя и успешно сдал экзамен. Гори хосю (Собрание творений представителей дома Оэ). / Гунсё руйдзю (Классифицированное собрание японских произведений). Сост. Ханава Хокиити. Т. 9. Токио, 1960, С. 233.

¹³⁶⁶ Оэ-но Масафуса. «Тотоку» (кит. «ду ду») — китайский аналог должности наместника Дадзайфу.

¹³⁶⁷ «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня.

¹³⁶⁸ Фудзивара-но Акихира (989?—1066) — известный придворный литератор. Слыл тонким ценителем изящной словесности. Автор многих критических размышлений о сути литературного творчества.

¹³⁶⁹ «Хай-нань» — одна из разновидностей «пилюлей бессмертия» цвета багряной листвы.

¹³⁷⁰ Корё (936—1392) — одно из корейских государств.

¹³⁷¹ Образное наименование письменного послания. Подобное сравнение встречается в тексте «Вэнь сюань». Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 1. С. 597.

¹³⁷² Полулегендарный китайский врач периода древности.

¹³⁷³ Местность в Корее, с которой связано много легенд о появлении небожителей.

¹³⁷⁴ 1080 г.

¹³⁷⁵ Похожие строки содержатся в одном из стихотворений прославленного китайского литератора Юань Чжэня. Годансё. Указ. соч., С. 213, примеч. 29.

¹³⁷⁶ «Чанцзюй» — семисложные стихи в древнем стиле, получившие наибольшее распространение в Китае при династии Тан. В Японии пользовались особой популярностью среди образованной элиты эпохи Хэйан. В исторических и литературных источниках периода Хэйан сохранилось более 150 упоминаний о проведении различных поэтических мероприятий во дворце и усадьбах аристократии, где фигурируют стихотворения «чанцзюй» (сочинение, сопоставление нескольких стихотворных творений, поэтические ребусы и т. д.).

¹³⁷⁷ Одно из известных китайских вин. В Японии считалось очень дорогим изыском.

¹³⁷⁸ Чан-юэ — дворец в северо-западной части столичного града Чанъань. Напевы из Чан-юэ воспеваются в стихотворной антологии «Вакан рэйсю».

¹³⁷⁹ Дай-лян — местность в Китае в провинции Хэнань.

¹³⁸⁰ Сад Высокого леса (кит. Шан Линь юань) был построен ещё при императоре Цинь Ши-хуане (221—209 гг. до н.э.) и располагался в западной части столичного града Китая. Любопытно, что придворные хэйанских государей зачастую именуют Сад Божественного источника, который находился во дворце и был любимым местом времяпрепровождения интеллектуальной элиты, Садам Высокого леса.

¹³⁸¹ Сяжо — местечко в провинции Цзяннань, которое славилось изготовлением вин.

¹³⁸² Вэнь сюань. Указ. соч., Т. 2, С. 853.

¹³⁸³ Часть текста не сохранилась.

¹³⁸⁴ «Подняться по яшмовым ступеням», т. е. сделать успешную придворную карьеру.

¹³⁸⁵ Татибана-но Наомото (X в.) — один из выдающихся учёных мужей при дворе государей Судзаку (930—946) и Мураками (946—967). Известно, что Тати-

бана-но Наомото сдал экзамен на ученую степень, будучи еще студентом Дайгаку. Произведения Наомото были включены в состав многих придворных антологий: «Вакан рэйсю», «Госэнсю», «Синсэн рэйсю», «Хонтё мондзуй» и т. д.

¹³⁸⁶ Яп. Мимбусё.

¹³⁸⁷ Расширенный вариант этой истории см.: Хонтё мондзуй. Указ. соч., С. 211—212.

¹³⁸⁸ Данная история не подтверждается историческими источниками, но зафиксирована в нескольких литературных памятниках XII—XIII веков. Годансё. Указ. соч., С. 220.

¹³⁸⁹ Эта история нашла отражение и в материалах дневника крупного государственного деятеля Фудзивара-но Юкинари (972—1028). Гонки. Тёхо, 5—7—7, 1003 г.

¹³⁹⁰ Император Гао-цзю — основатель китайской династии Ранняя Хань.

¹³⁹¹ Согласно «Нихон киракю», в 962 году Фудзивара-но Масаки блестяще сдал экзамен на ученую степень «сюсай». Нихон киракю, Ова, 2—9—26, 962 г.

¹³⁹² Речь идет о принце Томохира.

¹³⁹³ Жизнеописание принца Томохира вошло в состав «Хонтё синсэн дэн» («Жизнеописания святых и бессмертных нашей страны», конец XI — нач. XII вв.).

¹³⁹⁴ Бай Лян — имя человека, построившего в центре столицы Чанъань по приказу ханьского императора У-ди (140—87 гг. до н.э.) «Беседку орхидей». Позднее во времена династии Цзинь (265—420) рядом с «Беседкой орхидей» проводились пиры «искривленной воды» (кит. цюй шуй янь).

¹³⁹⁵ Сад Цветущего леса (кит. Хуа Линь юань) был построен в столице Лоян по приказу вэйского императора Вэнь-ди.

¹³⁹⁶ Вэй-вэнь — китайский первый император вэйской династии Вэнь-ди (220—226).

¹³⁹⁷ Речь идет об Оэ-но Масафуса.

¹³⁹⁸ В древней Японии бытовало представление, что сон человека непосредственно связан с активностью одной из его «душ», а именно «арамитама» (досл. «грубая душа»). Как явствует из текстов надгробных эпитафий, сны — это то, что «арамитама» видит, гуляя отдельно от тела человека, пока тот спит. С приходом буддизма комплекс верований в сновидения был существенно дополнен. В период Хэйан сны считались естественным продолжением действительности и воспринимались, зачастую, как доказательство кармической связи между людьми. По мнению Сайго Нобуцуна, в эпоху Хэйан существовало двойственное отношение к сновидениям. С одной стороны, сны несли в себе зашифрованные послания, объяснить смысл которых мог только посвященный в тайное искусство магии. При этом бытовало представление, что обращение за помощью в истолковании сновидения к невежественному человеку может кардинальным образом (и не в лучшую сторону) изменить судьбу человека. С другой стороны, во сне человек обретал способность общаться с другими людьми (как живыми, так и мертвыми), вследствие чего можно было узнать свою судьбу или получить ответ

на интересующий вопрос. Уже в период Нара, что подтверждается материалами «Кодзики» и «Нихон сёки», в Японии были известны места, где божества общались с человеком во время сна, указывая ему как поступить в той или иной ситуации. В эпоху Хэйан такие представления были дополнены верой в удивительную силу бодхисатвы Каннон, способной помочь любому страждущему обратившемуся к ней с просьбой. Самыми известными местами, где человек мог увидеть вещие сны, считались буддийские храмы Хасэдэра и Киёмидзудэра. В источниках даже сохранилась особая церемония «вхождения» в вещий сон: сначала необходимо было очиститься, затем длительное время молиться бодхисатве Каннон, пока сон не одолеет тебя. Именно тогда можно было увидеть вещий сон. Подр. см.: Кавагути Хисао. Хэйантё камбунгаку (Литература на камбуне в период Хэйан). Токио, 1996, С. 108; Сайго Нобуцуна. Кодайдзин то юмэ (Древние люди и сны). Токио, 1972, С. 50—61.

¹³⁹⁹ Саканоуэ-но Тамурамаро (758—811) — знаменитый японский военачальник и государственный деятель эпохи древности. Именно с его именем связывается серия успешных военных акций против варваров-«эмиси» в 794—804 гг. Согласно посмертным жизнеописаниям, Саканоуэ-но Тамурамаро обладал всеми качествами необходимыми полководцу: он был исполинского роста (5 сяку, 3 сун, т. е. ок. 186 см.); любил соколиную охоту и лошадей; солдаты, к которым он относился с великодушием, души не чаяли в своем командире; его свирепого взора страшились самые опасные враги; «лик [Тамурамаро] имело такое свойство: когда он смотрел, гневно нахмурившись, то в страхе убегали дикие звери, а если улыбался, к нему тянулись даже младенцы». Нихон коки, Конин, 2—5—23, 811 г.; Сёдэнки сю (Собрание различных жизнеописаний). Б.м., б.г. л. 46а. Позднее расширенный вариант жизнеописания Саканоуэ-но Тамурамаро был включен в состав «Гунсё руйдзю» — грандиозного свода японских литературных шедевров, куда вошло 1276 текстов исторического и литературного свойства. Тамурамаро дэнки (Жизнеописание Саканоуэ-но Тамурамаро). / Гунсё руйдзю. Указ. соч., Т. 5. Токио, 1960, С. 64.

¹⁴⁰⁰ Чжан Лян — знаменитый полководец, один из соратников основателя династии Ранняя Хань в Китае.

¹⁴⁰¹ Сяо Хэ — канцлер, один из соратников основателя династии Ранняя Хань в Китае.

¹⁴⁰² Сяку — мера длины = 30,3 см.

¹⁴⁰³ Дзё — мера длины = 3,03 м.

¹⁴⁰⁴ Не точная цитата из «внешнего» раздела «Баопу-цзы», где сказано: «Изящная словесность и безупречное поведение различаются как один «чжан» и десять «чи». Годансё. Указ. соч. С. 240, примеч. 8. На самом деле один «дзё» и равен десяти «сяку» (как, собственно, один «чжан» равен десяти «чи»). Составитель «Годансё» хотел подчеркнуть равновеликость таких понятий как «изящная словесность» и «утверждение славы и величия при помощи добродетели». Согласно представлениям образованной элиты в древнем и средневековом Китае существовала возможность почти равноценного претворения человеческих уст-

ремлений — через слова и деяния. Постигание смысла древних авторов и изучение изящной словесности — это один способ достижения бессмертия, а возвеличивание своего имени через утверждение добродетели — другой способ. «Баопу-цзы» (Мудрец, объемлющий Перводанную Простоту) — трактат выдающегося даосского философа, алхимика, медика и историка Гэ Хуна (283—363). Пер. «внутреннего раздела» трактата на рус. яз. см.: Гэ Хун. Баопу-цзы. Пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова. СПб., 1999.

¹⁴⁰⁵ Не совсем точная цитата из китайской литературной энциклопедии «Шо юань» (Сад речений).

¹⁴⁰⁶ История заимствована из текста китайской хроники «Хоу Хань шу» (История династии Поздняя Хань)

¹⁴⁰⁷ Источник цитирования не установлен.

¹⁴⁰⁸ Здесь высказывается мысль, что действительная проблема заключается вовсе не в том, сколько книг может прочитать человек, а в том, приобрел ли он в результате некое фундаментальное качество образованного человека — способность объективного и осмысленного усвоения знания. Иногда, в жизни хэйанской знати чтение могло ограничиваться сводными трудами энциклопедического характера, которые в изобилии существовали в тот период. Такое чтение сводилось лишь к отысканию цитат из более серьезных источников, которые можно было воспроизвести в нужный момент, создавая впечатление, что некому знатному лицу известны первоисточники.

¹⁴⁰⁹ Основатель династии Ранняя Хань в Китае.

¹⁴¹⁰ Чи — мера длины (современный чи = 0,32 м.).

¹⁴¹¹ «Вэнь» означает: «ласковая», «милостивая», «благожелательная», «сердечная».

¹⁴¹² Пафос состоит в том, что правая часть у иероглифов «ао» и «вэнь» одинакова, а вот ключевые знаки, расположенные в левой части, различны: в иероглифе «ао» — «женщина» (кит. ню), а в «вэнь» — вода (кит. шуй).

¹⁴¹³ По всей вероятности, это может быть связано с бытовавшими в то время запретами, например, на чтение так называемых «запретных иероглифов» в именах представителей царствующего дома.

¹⁴¹⁴ «Тай шан хуан хоу бэн». На самом деле в тексте «Ши цзи» (раздел «Записи об императоре Сяо Цзин-ди») сказано: «Скончалась вдовствующая императрица, мать императора Сяо-вэня» (пер. Вяткина Р.В.). Сыма Цянь. Указ. соч., Т. II., С. 247. По-китайски эта фраза записывается так: «сяо вэнь тай хоу бэн».

¹⁴¹⁵ В наиболее известных списках китайской хроники «Хоу Хань шу» для обозначения поколения используется иероглиф «ши», однако в период Тан это знак зачастую заменялся иероглифом «дай», который также имеет значение «поколение». Годансё. Указ. соч., С. 243, примеч. 33.

¹⁴¹⁶ Речь идет о древнем магико-ритуальном действии, основной смысл которого заключался в том, чтобы изгнать злых духов и принести счастье и здоровье. Для этого перед началом ритуального пира присутствующие, потрясая лезвием меча, произносили заклинания. Упоминания о таком обряде сохранились в

«Манъёсю». Манъёсю. Собрание мириад листьев. Т. 1—3. Пер. с япон., вступит. ст. и коммент. А.Е. Глускиной. М., 1971, Т. 1. С. 405.

¹⁴¹⁷ «Записки вернувшегося к полям» (кит. Гуй тянь лу) — авторский сборник коротких рассказов (кит. бицзи) дидактической направленности, принадлежавший кисти государственного деятеля и ученого мужа периода Сун Оуян Сю (1007—1072). Частичный перевод «Гуй тянь лу» на русский язык см.: Алимов И.А. Вслед за кистью. Ч.1. СПб., 1996, С. 100—112.

¹⁴¹⁸ Тема винопития в исторических и литературных источниках древней и средневековой Японии заслуживает особого внимания. Хэйанские источники сохранили множество упоминаний о необычном и даже забавном поведении аристократов во время пиров с обильным винопитием. Так известно, что один из выдающихся поэтов Японии Ки-но Цураюки (868?—945) в 912 году во время пира, осуществленного по случаю первого снега, продемонстрировал, мягко говоря, комичное поведение. Когда присутствующие решили почтить память Мияко-но Ёсика (одного из прославленных ученых мужей), Ки-но Цураюки вспомнив, что Мияко-но Ёсика очень любил охоту на кабанов, предложил устроить соревнование, подражая крикам кабана, преследуемого охотниками. В результате, всех «перехрюкав», Ки-но Цураюки под возгласы одобрения осушил чашу победителя. Другой не менее известный учёный муж Минамото-но Митинари (?—1019) во время веселой пирушки (отдавая дань уважения поэту Оэ-но Тисато) настолько увлекся подражанием крикам диких уток, что оставил всех своих соперников далеко позади, и, «перекрякав» окружающих, сочинил экспромтом стихотворение и выпил «крылатую чашу», до краев наполненную вином. Подр. см.: Курабаяси Масадзи. Кёэн-но кэнкю (Изучение пиров). Т. 1. Гирэйхэн (Ритуалы). Т. 2. Бунгакухэн (Литература). Токио, 1965, 1969.

Contents

M.V.Grachev

Nobility in the Heian Japan: norms and values	7
---	---

Translations

New Selection and Record of Hereditary Titles and Family Names	
("Shinsen shojiroku," 815)	31
Noblemen's opinions in six articles ("Kugyo iken rokukajo", 824)	43
<i>Yoshimine-no Yasuyo</i> (785–830)	
It is necessary to restore the previous procedure for selecting pupils and the most outstanding valedictorians of the literature department [Daigaku]	46
Law (Ryo) code with official explanations ("Ryo-no gige", 833)	49
<i>Miyako-no Yoshika</i> (834?–879)	
The debate about recognizing wit and stupidity. "Ban'yu-o wakimaeru ron"	53
Notes on Mount Fujiyama. "Fujiyama Ki"	55
An inscription on a little sake bottle	57
<i>Tachibana zonagon</i> (Tachibana-no Hiromi, 837–890)	
Fujiwara-no Asomi Tokihira, without a rank	58
<i>Sugawara-no Michizane</i> (845–903)	
Kanshi poems	
Sake	59
A Fan	59
A Brush	59
In the end of winter, walking in the manor of the Fumi [family], I delight in the first plum-tree flowers in the garden	61
Notes from a scholar's study ("Shosaiki," 893)	62
Grouped normative from three periods установления	
("Ruiju sandai kyaku", early 10 th century)	64
<i>Miyoshi-no Kiyoyuki</i> (847–918)	
Recommendations in twelve articles ("Iken juni kajo", 914)	68

<i>Minamoto-no Fusaakira</i> (?–940)	
On seeing two [gray] hairs (“Nimo-o miru”, early 10th century)	95
<i>The next scholar from [the Oje [family] (Oe-no Asatsuna, 886–957)</i>	
Lord Sadanobu’s first report with a petition for dismissal from the post of regent (<i>sessho</i>) (930 r.)	96
<i>Oe-no Asatsuna</i>	
The monarch’s decree in response to Lord Sadanobu’s petition for dismissal from the post of regent (<i>sessho</i>) (930 r.)	98
<i>Sugawara-no Fumitoki</i> (899–981)	
Recommendations in three articles (“Fuji mikajo”, 957)	99
<i>Fujiwara-no Morosuke</i> (908–960)	
Admonitions by Kujo, Minister of the Right (“Kujo dono yuikai”, mid-10 th century)	104
Notes on Masakado (“Shomonki”, mid-10 th century)	109
<i>Yoshishige-no Yasutane</i> (934?–1002)	
Notes from the pavilion by the pond (“Chiteiki”, 982)	141
<i>Fujiwara-no Akihira</i> (989?–1066)	
Memorial inscriptions. Favorite sayings	146
New notes on sarugaku (“Shinsarugakuki”, mid-11 th century)	147
<i>Oe-no Masafusa</i> (1041–1111)	
Notes on yujo. “Yujoki”	154
O[e-no Masafusa]. Notes and reflections (“Godnsho”, early 12 th century)	156
 Addendum 1	
Structure of the central government (according to the law codes’ data)	219
Four classes of offices	223
The rank-office correspondence in the local government (the Heian period)	225
Ministries and governing in the Nara and Heian Japan	227
Central government in the Nara period	228
Central government in the Heian period (<i>sekkan seiji</i> system)	229
Central government in the Heian period (<i>insei</i> system)	230
 Addendum 2	
System of weights and measures	233
 Addendum 3	
Map of Japan (Nara and Heian periods)	239
Notes	243

Heian Japan in the Historical Documents

Research into the Heian period (794–1185) compiled as a reader; Heian is justly thought to be the source period of original national culture. Includes translations of texts exemplifying both official documents and belles-lettres. An extensive reference guide is also included.

For specialists and for readers generally interested in the history and culture of Japan.

Я70

Япония в эпоху Хэйан (794–1185): Хрестоматия / Под ред. И.С. Смирнова; сост., введ., пер. с др.-япон. и коммент. М.В. Грачева. (*Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности*; вып. 24) М.: РГГУ, 2009. 423 с.

ISBN 978-5-7281-1085-9

Составленное в форме хрестоматии исследование периода Хэйан (794–1185), который по праву считается временем становления самобытной национальной культуры. Основано на переводах текстов, являющихся образцами как деловой документации, так и изящной словесности. Снабжено богатым справочным аппаратом.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Японии.

УДК 94(520)

Научное издание

ЯПОНИЯ В ЭПОХУ ХЭЙАН (794–1185)

Хрестоматия

Компьютерная верстка *А. Касьян*

*Оригинал-макет подготовлен
в Институте восточных культур и античности*

Подписано в печать 20.07.2009.

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 27,5. Усл. печ. л. 27,0.

Тираж 500 экз. Заказ № 229

Издательский центр РГГУ
125993 Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-00

